Ларри НИВЕН

Джерри ПУРНЕЛЛ

ЗОЛОТОЙ ФОНД ФАНТАСТИКИ

МОЛОТ ЛЮЦИФЕРА

Легендарный роман о конце света

Молот Люцифера

Джерри Пурнелл, Ларри Нивен

Аннотация
Ларри Нивен, Джерри Пурнелл. Молот Люцифера
Действующие лица
Пролог
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. НАКОВАЛЬНЯ
- Январь: Знамение
- Январь: Интерлюдия
- Февраль: 1
- Февраль: 2
- Март: 1
- Март: Интерлюдия
- Март: 2
- Апрель: 1
- Апрель: Интерлюдия
- Апрель: 2
- Май
- Июнь: 1
- Июнь: Интерлюдия
- Июнь: 2
- Июнь: 3
- Июнь: 4

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОЛОТ
Утро Падения Молота
Падение Молота: 1
Вторник – День Порции Мороженого: 1
Падение Молота: 2
Вторник – День Порции Мороженого: 2
Вторник – День Порции Мороженого: 3
Вечер Вторника
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. БЫСТРЫЙ И МЕРТВЫЙ
Богач, Бедняк
Землевладелец
Почтальон: 1
Почтальон: 2
Твердыня: 1
Убежище
Нищий
Твердыня: 2
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ
Неделя Первая: Принцесса
Неделя Вторая: В Горах
Неделя Четвертая: Странники
Неделя Четвертая: Пророк
Неделя Шестая: Высшая справедливость
Неделя Девятая: Организатор
Конец путешествия
Рассказ изгнанника

Волшебник
Экспедиция
Расходный материал
Долина смерти
ПоследствиЯ
Окончательное решение
Эпилог

Аннотация

Гигантская комета взрывается в атмосфере Земли. Бомбардировка планеты ее обломками вызывает катастрофу: землетрясения, извержения вулканов, цунами в тысячу футов и бесконечный дождь с черных от пепла небес. Города затоплены, а океаны обращаются в пар. Аварии на атомных электростанциях провоцируют панический запуск баллистических ракет. Начинается новый ледниковый период. Цивилизация в руинах, люди объединяются в группы с разной идеологией, чтобы выжить и победить. Людоеды-милитаристы, религиозные фанатики, выживальщики – кому будет принадлежать будущее?

Ларри Нивен, Джерри Пурнелл
Молот Люцифера

Larry Niven and Jerry Pournelle
LUCIFER'S HAMMER
Copyright © 1977 by Larry Niven and Jerry Pournelle
© О. Колесников, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Финалист премии Хьюго

«Мегатонна саспенса… держит читателя в напряжении – от корки до корки».

Library Journal

«Возьмите опустошительные землетрясения, затопленные цунами небоскребы, небесные кары, авиакатастрофы, заверните их вместе, и они все равно не сравнятся даже с одной-единственной страницей МОЛОТА ЛЮЦИФЕРА».

Daily News

«Одна из величайших книг о постапокалипсисе».

Amazon

* * *

Нилу Армстронгу и «Базу» Олдрину,
первым людям, прогулявшимся по иному миру;
Майклу Коллинзу, тому, кто ждал;
и тем, кто погиб, пытаясь совершить это:
«Гасу» Гриссому, Роджеру Чаффи, Эду Уайту,
Георгию Добровольскому, Виктору Пацаеву,
Владиславу Волкову и всем остальным.

Действующие лица

Тимоти Хамнер, астроном-любитель

Артур Клэй Джеллисон, сенатор США от штата Калифорния

Морин Джеллисон, его дочь

Харви Рэндолл, создатель телепередач для «Энби-си Телевижн»

Миссис Лоретта Стюарт Рэндолл

Барри Прайс, главный инженер ядерного центра «Сан-Хоакин»

Долорес Мэнсон, секретарша Барри Прайса

Эйлин Сьюзан Хэнкок, помощник управляющего — компания «Сантехническое оборудование Корригана»

Леонилла Александровна Малик, доктор медицины, врач и космонавт

Марк Ческу, мотоциклист

Гордон Вэнс, президент банка и сосед Харви Рэндолла

Энди Рэндолл, сын Харви Рэндолла

Чарли Баском, телеоператор

Мануэль Аргилес, звукотехник

Доктор Чарльз Шарпс, планетолог и руководи-

тель проекта в ЛРД — Лаборатории реактивного движения при Калифорнийском технологическом институте

Пенелопа Джойс Уилсон, модельер

Фред Лорен, преступник

Полковник Джонни Бейкер, астронавт, позже — генерал

Гарри Ньюкомб, служащий Почтовой службы США

Миссис Дора Кокс, домохозяйка и жена смотрителя ранчо сенатора Джеллисона

Элис Кокс, школьница и наездница

Джордж Кристофер, владелец ранчо, сосед сенатора Джеллисона

Джо Корриган, владелец компании «Сантехническое оборудование Корригана»

Алим Нассор, ранее — Джордж Вашингтон Карвер Дэвис, бывший политический лидер

Гарольд Дэвис, родной брат Алима Нассора

Преподобный Генри Армитедж, проповедник

Доктор Дэн Форрестер, ученый, специалист-техник ЛРД

Подполковник Рик Деланти, астронавт

Миссис Глория Деланти

Генерал Петр Яков, космонавт

Фрэнк Стоунер, мотоциклист

Джоанна Макферсон, подруга Марка Ческу

Колин Дарси, банковская служащая

Генерал Томас Бэмбридж, главнокомандующий стратегической авиацией

Джон Ким, пресс-секретарь мэра Лос-Анджелеса

Бентли Аллен, мэр Лос-Анджелеса

Эрик Ларсен, патрульный в Бербанке

Джо Гаррис, следователь в Бербанке

Майор Беннет Ростен, командир ракетного дивизиона «Минитмен»

Миссис Мари Вэнс, жена Гордона Вэнса

Гарри Стиммз, торговец автомобилями в Туджанге, штат Калифорния

Капрал Роджер Гиллингс, военнослужащий

Сержант Томас Хукер, военнослужащий

Марти Роббинс, помощник и управляющий Тима Хамнера

Джейсон Гиллкадди, писатель

Хьюго Бек, владелец фермы в предгорьях Высокой Сьерры

Пролог

Солнце еще не воспылало, планеты еще не образовались — был только Хаос. И кометы.

Кое-где хаос, заполнявший космическое пространство, начал сгущаться. Масса его оказалась достаточно велика, чтобы он не рассеялся в пространстве и сам процесс стал необратимым. Возник бурлящий вихрь. Частицы пыли и замерзшего газа сближались, касались друг друга и слипались, формируясь в хлопья, а затем и в крупные комья. Шли тысячелетия. Образовавшийся вихрь достиг в поперечнике пять световых лет. Центр его уплотнился. Отдельные локальные сгущения быстро вращались вокруг общей оси, аккумулируя близлежащую материю: формировались планеты.

Далеко от оси вихря образовалось *нечто*. Оно представляло собой снежное облако. Частицы льда и снега спаивались в рыхлые скопления и медленно присоединяли к себе по нескольку молекул. Метан, аммиак, двуокись углерода. Иногда в облако залетали более плотные образования, и оно поглощало их. Так в состав вошли железо и

камни. Теперь это было уже отдельное и вполне стабильное скопление. Формировались льдинки и химические соединения, устойчивые лишь в холоде межзвездного пространства.

Беда случилась, когда отдельные элементы скопления достигали четырех миль в поперечнике.

Катастрофа грянула внезапно и занимала не более пятидесяти лет — ничтожное мгновение по сравнению с самим сроком существования скопления. Центр вихря обрушился внутрь себя, и яростным пламенем заполыхало новое солнце.

Мириады комет испарились в адском огне. Планеты мгновенно лишились атмосферы. Мощный солнечный ветер вымел из центральной области свободные газы с пылью и унес их к звездам.

Но скопление, однако, эти трансформации почти не затронули. Оно находилось в двести раз дальше от солнца, чем недавно сформировавшаяся планета Нептун. И светило оказалось для него не более чем необычайно яркой, но постепенно тускнеющей звездой.

А во внутренних областях гигантского вихря продолжалась чудовищная активность. От жара из камней испарялись газы. В морях третьей планеты образовывались сложные химические

соединения. Газовые гиганты взбалтывались проносящимися вдоль и поперек нескончаемыми ураганами.

Спокойствие внутренним мирам неведомо.

Истинное спокойствие существует лишь там, где начинается межзвездное пространство, во внешней оболочке системы, где плавают миллиарды разделенных громадными расстояниями комет. Расстояние от каждой и до ближайшей ее сестры — как от Земли до Марса. Кометы движутся в холодном черном вакууме. Здесь, в оболочке, их ленивая дрема может длиться миллионы лет… Но не вечно.

Вечность этому миру неведома.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАКОВАЛЬНЯ

Против скуки сами боги бороться бессильны.

Фридрих Ницше

Январь: Знамение

Засохли все лавровые деревья.
Грозя созвездьям, блещут метеоры,
А бледный месяц стал багрян, как кровь;
Зловещие блуждают ясновидцы
И страшные пророчат перемены…
А знаменья такие предвещают
Паденье или гибель королей.

Уильям Шекспир. Ричард II

Голубой «мерседес» свернул с окружного шоссе Беверли-Хиллз и подъехал к особняку ровно в пять минут шестого. Джулия Саттер чрезвычайно удивилась:

— Господи, это ведь Тим! И точно к назначенному сроку!

Джордж Саттер подошел к супруге и выглянул в окно. Верно, машина Тима. Усмехнувшись, мужчина вернулся к барной стойке. Званые вечера,

которые устраивала жена, считались событиями значительными, а этому вдобавок предшествовали недели тщательной подготовки. И почему Джулия так боялась, что никто не явится? Психоз стал настолько часто повторяться, что пора бы подобрать ему название.

Вот приехал Тим Хамнер. Причем вовремя. Странно. Парень — из третьего поколения богатой семьи. По меркам Лос-Анджелеса — у него «старый капитал», а значит, денег у него много. Он посещает только те вечеринки, на которых сам хочет побывать.

Архитектор Саттеров, наверное, закрутил роман с бетоном. Квадратные поверхности, прямые углы и прихотливые садовые прудики. Справа особняк смотрелся как традиционная вилла стиля «монтерей» — белые оштукатуренные стены и красная черепичная крыша, а слева — как норманнский замок, магическим образом перенесенный в Калифорнию. Для Лос-Анджелеса — ничего необычного, но приезжие с востока дивились. Дом Саттеров находился вдали от улицы, как и предписывалось отцами города для этой части Беверли-Хиллз, причем на таком расстоянии, что высокие пальмы, казалось, не имели к зданию никакого отношения. К главному входу,

изгибаясь огромной петлей, вела заасфальтированная аллея. У крыльца выстроились восемь проворных слуг, в красных куртках, помогавших с парковкой.

Не заглушив мотора, Хамнер вылез из машины. Взвизгнул автоматический напоминатель. В другое время Тим не преминул бы огрызнуться, в весьма крепких выражениях пожелав своему механику заработать геморрой, но сейчас не обратил на визг внимания. Смотрел он мечтательно, рука похлопала по карману, затем прокралась внутрь. Слуга-парковщик помедлил в нерешительности — на чай обычно дают только перед отъездом. Но Тим, не спеша и с отсутствующим видом, прошествовал мимо него, и парень двинулся к «мерседесу» исполнять свои обязанности.

Хамнер посмотрел вслед юнцу в красном. Интересуется ли он — или какой-нибудь его ровесник — астрономией? Эти ребята здесь почти всегда либо из Лос-Анджелесского университета, либо из университета Лойолы. Может быть, хотя вряд ли… Его рука то и дело как бы случайно залезала в карман — ощутить, как шуршит под пальцами телеграмма.

Огромные двойные двери были распахнуты

настежь. Тим вошел в гигантский холл особняка. Вестибюль отделяли от остальных помещений высокие арки, выложенные по краю красным кирпичом, — намек на стены между комнатами. А пол во всем доме был одинаков: коричневая кафельная плитка с яркими мозаичными узорами. Из двух сотен ожидавшихся гостей прибыло не более дюжины. Они сгрудились у барной стойки и весело и оживленно беседовали — чуть громче, чем следовало бы. Люди казались затерянными в этом громадном пространстве, где были расставлены столы с вышитыми скатертями, на которых горели свечи. Слуг в униформе было почти столько же, сколько и приглашенных, но таких мелочей Хамнер не замечал — он вырос в подобной обстановке.

Джулия Саттер отделилась от группки гостей и бросилась Тиму навстречу. В уголках глаз прорезались морщинки (свидетельство нервной напряженности), зато подбородок был вскинут. Впрочем, женщина выглядела моложавой, следовало только не приглядываться к ее рукам.

Она чмокнула губами воздух около щеки Хамнера.

— О, Тимми, я так рада вас видеть!

Джулия заметила его сияющую улыбку и слегка

отшатнулась, сощурившись.

Поддразнивающая нотка в ее голосе маскировала подлинную тревогу.

— Боже мой, чего вы накурились?

Хамнер был высоким и костлявым, лишь маленький намек на брюшко нарушал ровный абрис фигуры. А вытянутое лицо словно создано для меланхолии — давало себя знать происхождение. Его семья владела кладбищем и моргом, которые, помимо прочих активов, приносили весьма высокий доход.

Тим ослепительно улыбался, а глаза сияли странным блеском.

— Комета Хамнера — Брауна, — произнес он.

— О! — Джулия уставилась на него. — Что?

Услышанное показалось ей бессмыслицей. Кометы не курят. Она попробовала разгадать загадку, пока ее взгляд метался то к мужу (успел ли тот выпить лишнего?), то к распахнутым дверям парадного входа (не появился ли еще кто-нибудь из гостей?). Приглашения были сформулированы четко: самые важные персоны должны прибыть вовремя. И они не могли опаздывать и…

Снаружи донеслось басистое урчание мощного мотора. Джулия посмотрела в узкое окно и увидела темный лимузин, из которого высыпало

полдюжины людей. Тиму придется позаботиться о себе самому. Она похлопала молодого мужчину по руке.

— Очень мило, Тимми. Извините меня, ладно? — поспешно проговорила она и бросилась встречать гостей.

Если что-то и смутило Хамнера, то он этого никак не выдал, а направился прямиком к барной стойке.

А миссис Саттер уже стояла рядом с сенатором Джеллисоном и его свитой. Политик всегда прихватывал с собой не только членов семьи, но и помощников.

Пока Тим добирался до бара, его улыбка стала еще более ослепительной.

— Добрый вечер, мистер Хамнер.

— Добрый! У меня сегодня замечательное настроение! Можете поздравить меня. Мое имя собираются присвоить комете!

Майкл Родригес, протиравший бокалы, даже смутился:

— Простите?

— Комета Хамнера — Брауна. И она приближается, Родриго. Примерно в… м-м-м… июне… плюс-минус пара недель… ее можно будет увидеть. — Тим достал телеграмму и с треском

развернул листок бумаги.

— Здесь, в Лос-Анджелесе, мы-то ее все равно не разглядим. — Бармен рассмеялся. — Что вам подать?

— Скотч со льдом. Вы *сможете* за ней наблюдать. Она, вероятно, будет величиной с комету Галлея, — объяснил Хамнер.

Вокруг Джорджа Саттера собралась целая толпа, а люди сейчас притягивали Тима, как магнит. Он сжал в одной руке телеграмму, в другой — бокал с алкоголем и решил, что Джулия очень уж суетится.

Надо сказать, что сенатор Артур Клэй Джеллисон сложением отчасти напоминал кирпич. Он был скорее мускулист, чем тучен. Грузный, общительный, с густой седой шевелюрой, сам — дьявольски фотогеничен: его узнавала в лицо добрая половина страны. А голос его звучал так же, как и во время телевизионных шоу: мягкий и звучный — в общем, такой, что любые слова политика обретали таинственную значимость.

У Морин, его дочери, были длинные темно-рыжие волосы и бледная чистая кожа. Та красота, от которой в любой другой вечер на Тима напала бы застенчивость.

Джулия Саттер обернулась и — наконец-то! —

окликнула Хамнера.

— Что вы хотели сказать, Тимми?

Его улыбка несколько угасла.

— Да! — Он взмахнул телеграммой. — Обсерватория Китт-Пик подтвердила мои наблюдения! Это действительно *моя* комета, и ей присваивают мое имя!

Морин выгнула брови. Джордж осушил свой бокал и задал очевидный вопрос:

— А кто такой Браун?

Тим пожал плечами. Виски, которое он не успел попробовать, выплеснулось на ковер. Джулия нахмурилась.

— Впервые о нем слышу, — заявил Тим. — Но Международный астрономический союз утверждает, что обнаружил комету одновременно со мной.

— Получается, что вы — владелец половины кометы, — заметил муж Джулии.

Тим искренне расхохотался:

— Джордж, когда вы станете владельцем половины кометы, я куплю у вас те акции, которые вы так упорно пытаетесь мне продать! И целую ночь буду угощать вас за свой счет. — И он залпом расправился с остатками своей выпивки.

Подняв глаза, он обнаружил, что слушате-

ли рассеялись, и направился к барной стойке. Джулия, завладев рукой Джеллисона, начала знакомить его с вновь прибывшими. По пятам за парой следовали помощники сенатора.

— Половина кометы — это очень много, — произнесла Морин. Тим обернулся и обнаружил, что она находится неподалеку. — Как вы вообще смогли разглядеть хоть что-то сквозь смог?

В голосе звучал интерес. И смотрела она с любопытством. Никто не мешал ей уйти вместе с отцом. От виски у Тима потеплело в горле и в желудке. Он принялся рассказывать о своей обсерватории. Ее отделяло от Маунт-Вилсона не так уж много миль, однако она располагалась достаточно глубоко в Лос-Анджелесских горах, чтобы свет Пасадины не мешал наблюдениям. Там Тим держал запасы провизии, а еще в обсерватории работал его ассистент, который месяцами наблюдал за ночным небом. Он следил за уже известными астероидами и за спутниками планет, приучал свои глаза и мозг запомнить назубок все координаты. Он надеялся отыскать световую точку на том участке, где ее быть не должно, обнаружить аномалию, которая…

Глаза Морин уже остекленели.

— Я вам надоел? — спросил Тим.

Она начала извиняться.

— Нет, нет, но просто… так, случайная мысль.

— Знаю. Меня иногда заносит.

Она улыбнулась, покачала головой. Роскошные темно-рыжие волосы всколыхнулись, пустились в пляс.

— Нет, вы меня действительно заинтриговали. Отец — член подкомиссии по финансированию науки и астронавтики. Он любит отвлеченные научные исследования, и это мне передалось от него. А вы — человек, который знает, чего хочет, и нашли то, что искали. Мало о ком можно сказать то же самое. — Девушка внезапно посерьезнела.

Тим смущенно ухмыльнулся:

— Исполнить на бис?

— А что вы будете делать, если высадитесь на Луне и вдруг выяснится, что на Земле закрыли программу космических исследований?

— Хмм… Я слышал, конечно, что у астронавтов бывают некоторые трудности…

— Пусть вас это не беспокоит, — сказала Морин. — Вы сегодня на Луне — наслаждайтесь.

Очищая город от смога, в холмах Лос-Анджелеса дул сухой и горячий ветер, который прозвали Санта-Ана. В рано наступивших сумерках танцевали огни уличных фонарей. Харви Рэндолл и его

жена Лоретта катили в зеленом «Торнадо» с открытыми окнами, наслаждаясь летней погодой в январе. Возле особняка Саттеров автомобиль остановился. Харви передал машину парковщику в красной куртке, подождал, пока Лоретта отрегулирует тщательно отработанную улыбку, после чего супруги вместе поднялись на крыльцо.

В холле они обнаружили целую толпу — обычное дело для вечеринок Беверли-Хиллз. Сотня гостей бродила между столиками, а еще сотня собралась группками. Музыканты в углу наигрывали что-то веселое. Прилипший к микрофону певец продолжал повествовать о состоянии своего corazon[1].

Поздоровавшись с хозяйкой, супруги разделились. Лоретта нашла себе собеседников, а Харви засек самое большое скопление гостей у бара, где и получил любимый двойной джин с тоником.

Вокруг мужчины летали обрывки разговоров.

— …понимаете, мы запрещаем ему ступать на белый ковер, а получилось так, что кот застыл в центре этого ковра, а пес, как часовой, бродил по периметру…

— …и вот в самолете, на сиденье прямо передо

---

[1] Примечания: 1

Сердце (*исп.*). *(Здесь и далее прим. пер.)*

мной — прекрасная юная цыпочка. Потрясающая девица, хотя я вижу только ее затылок и волосы. Я начал подумывать, как бы ее снять, а она вдруг оборачивается и говорит: «Дядя Пит! А вы что здесь делаете?

— …парень, это здорово помогает! Когда я звоню и говорю, что я — *член комиссии*, меня моментально соединяют! С тех пор как мэр меня назначил, ни один клиент не упустил удачный вариант…

Фразы застревали в памяти Харви. Он занимался телевизионной документалистикой и не слушать не мог. Хотя, по правде сказать, ему не хотелось слушать. Окружавшие его люди нравились ему. Иногда он даже не отказался бы проникнуть в мысли говорящих.

Он принялся озираться по сторонам, высматривая жену, но та была слишком мала ростом, чтобы выделяться в толпе. Зато его взгляд наткнулся на высоко взбитую неправдоподобно оранжево-рыжую прическу Бренды Тей, с которой Лоретта болтала как раз перед тем, как Харви направился к бару. Он двинулся к «маяку», лавируя среди косяков выставленных локтей и бокалов, принайтованных к пальцам.

— За двадцать миллиардов баксов мы полу-

чили только камни! Чертовы ракеты! Доллары — миллиардами! — утекают, как вода! И зачем мы на них столько тратим, ведь за такие деньжищи могли бы…

— Чушь, — вырвалось у Харви.

Джордж Саттер изумленно обернулся:

— О, Харви… Привет! Вот и с «Шаттлом» то же. Послушай. Баксы спускаются в унитаз…

— Отнюдь, — прервал разглагольствования Джорджа звонкий голос: игнорировать его оказалось невозможно.

Саттер сразу же примолк.

Харви отыскал ее в толпе — эффектную, рыжеволосую, в зеленом вечернем платье с обнаженными плечами. Их глаза встретились. Харви отвел взгляд первым.

— Ваша реплика означает то же, что и «чушь»? — непринужденно спросил он.

— Да, но я более тактична. — Она усмехнулась, и Харви улыбнулся в ответ.

А она тут же бросилась в атаку:

— Мистер Саттер, НАСА потратила деньги, отпущенные на «Аполлон», на оборудование. Мы оплатили исследования, связанные с его производством, но у нас еще кое-что осталось. Знания не спустишь в унитаз. А насчет «Шаттла»… это

плата за то, чтобы попасть туда, где мы сможем понять нечто действительно важное, да и плата не столь высока…

Руки Харви игриво коснулись женское плечо и грудь. Наверное, Лоретта. Да, она. Он протянул ей бокал. Свой он опустошил наполовину. Она начала что-то говорить, но он жестом призвал ее к молчанию, пожалуй, более грубо, чем обычно, и проигнорировал протестующий взгляд жены.

Рыжая знала свое дело хорошо. Если побеждали точно подобранные доводы и логика, то она выиграла. Но она привлекала не только умом: она притягивала мужские взгляды, говорила по-южному протяжно и певуче, что подчеркивало каждое слово, а ее голос был столь чистым и мелодичным, что всякий, кто ее перебьет, казалось, бормотал или заикался.

Неравная борьба закончилась: Джордж обнаружил, что его бокал пуст, и с видимым облегчением удрал в сторону бара. С торжествующей улыбкой девушка повернулась к Харви, и он кивнул ей: поздравляю.

— Меня зовут Харви Рэндолл. А это — моя жена Лоретта.

— Морин Джеллисон. Очень приятно. — Она на секунду нахмурилась. — А, вспомнила! Вы

были последним американским репортером в Камбодже, — произнесла она и обменялась церемониальными рукопожатиями с новыми знакомыми. — Кстати, это не ваш вертолет сбили во время охоты за новостями?

— Даже дважды, — гордо ответила Лоретта. — Харви вынес на себе пилота. Тащил его пятьдесят миль по вражеской территории.

Морин кивнула. Она была моложе Рэндоллов лет на пятнадцать, но, похоже, прекрасно умела владеть собой.

— И теперь вы здесь. Вы местные?

— Я — да, — сказал Харви. — А Лоретта из Детройта…

— Гросс Пуэнт, — машинально заметила его жена.

— Но я родился в Лос-Анджелесе. — Харви никогда не удавалось заставить себя сказать за Лоретту ее официальную полуправду. — Нас, местных уроженцев, мало.

— А чем вы теперь занимаетесь? — осведомилась Морин.

— Кинодокументалистикой. В основном кинохроникой.

— А вы — дочь сенатора Джеллисона, — с некоторым благоговением проговорила Лоретта. — Я

только что видела вашего отца.

— Верно. — Морин задумчиво посмотрела на Рэндоллов и тряхнула головой. — Ну а если вас интересуют последние новости, то среди гостей есть кое-кто, с кем вам не помешало бы встретиться. Тим Хамнер.

Харви нахмурился. Имя вроде было ему знакомо, но где он его слышал, не мог вспомнить.

— Зачем?..

— Хамнер? — воскликнула Лоретта. — Молодой человек с жутковатой усмешкой? — Она хихикнула. — А он сейчас подшофе. И всех перебивает на полуслове. Ведь он владеет половиной кометы.

— Он самый, — подтвердила Морин и заговорщицки улыбнулась Лоретте.

— А еще он владелец мыла, — добавил Харви.

Теперь Морин посмотрела на него с недоумением.

— Я вспомнил, — произнес Харви. — Он унаследовал компанию «Мыло Кальва».

— Вероятно, но кометой он гордится больше, — заявила девушка. — Я его не виню. Мой папулечка, возможно, и станет когда-нибудь президентом, но комету ему точно никогда не открыть. — Она начала оглядывать холл и наконец обнаружила искомое. — Вон он. Высокий мужчи-

на, костюм белый с темно-красным. И конечно, примечательная улыбка. Подойдите к нему, и он вам сразу все расскажет.

Харви почувствовал, что жена тянет его за рукав, и неохотно отвел взгляд от Морин. Когда он обернулся, дочь сенатора уже кто-то отловил. Значит, надо слетать за новой порцией спиртного.

Как всегда, Рэндолл пил слишком много и задавался вопросом: зачем вообще посещает подобные мероприятия? Но он знал: при помощи таких вечеринок Лоретта находила способ поучаствовать в жизни мужа. Единственная попытка взять ее вместе с сыном в поход закончилась полным провалом. Когда они дотащились до намеченной цели, ей хотелось только одного: поскорее добраться до любого фешенебельного отеля и отдохнуть. Лишь чувство долга заставляло ее присоединяться к Харви, который предпочитал кабачки и прочие «злачные» местечки, — было ясно, что Лоретте стоит большого труда скрывать, как все это ей не по душе.

Но во время приемов вроде этого она чувствовала себя как рыба в воде. Вот и сегодня она была в ударе. Ухитрилась даже завязать беседу тет-а-тет с самим Джеллисоном. Харви оставил ее с сенатором и отправился за выпивкой.

— Плесни-ка, Родригес, поменьше джина.

— Пожалуйста. — Бармен кивнул и без комментариев смешал коктейль.

Рэндолл взял напиток. Рядом, за круглым столиком, сидел Тим Хамнер. Он смотрел на Харви, но глаза молодого человека были затуманены. И улыбка…

Мужчина опустился на соседний стул.

— Мистер Хамнер? Я — Харви Рэндолл. Морин Джеллисон посоветовала мне произнести кодовое слово. Комета.

Тим просиял. Улыбка стала еще шире, хотя казалось, это невозможно. Он выудил из кармана телеграмму и взмахнул ею:

— Да! Сегодня как раз подтвердилось! Комета Хамнера — Брауна!

— Можно ли с самого начала?..

— Она вам *ничего* не сказала? Ладно. Я — Тим Хамнер. Астроном. Нет, не профессионал, зато оборудование у меня профессиональное. И я умею с ним обращаться. Я — любитель. Неделю назад я обнаружил световую точку недалеко от Нептуна. Раньше ее в этой области неба не было. Я продолжил наблюдения — она двигалась. Я достаточно долго изучал ее, чтобы убедиться наверняка, и затем сообщил о ней. Это новая

комета. Национальная обсерватория Китт-Пик подтвердила мои наблюдения. Международный астрономический союз решил присвоить комете мое имя… и имя Брауна.

Внезапно Рэндолла, как удар молнии, пронзила зависть. И столь же быстро улетучилась — он заставил ее убраться. Затолкал на задворки сознания, откуда позднее сумеет ее извлечь и рассмотреть повнимательнее. Харви почувствовал стыд. Но не будь этой вспышки, он задал бы более тактичный вопрос:

— Кто такой Браун?

Лицо Хамнера не изменилось:

— Гэвин Браун — мальчик из Сентервилля, штат Айова. Сам отшлифовал зеркало, чтобы сделать телескоп. Сообщил о комете тогда же, когда и я. По правилам Международного астрономического союза это считается одновременным наблюдением. Если бы я не выжидал, чтобы получить полную уверенность… — Тим пожал плечами и продолжил: — Сегодня я разговаривал с Брауном по телефону. Послал ему билет на самолет — хочу с ним встретиться. Он не соглашался, пока я не пообещал показать ему солнечную обсерваторию в Маунт-Вилсон. Вот что его по-настоящему интересует — солнечные телескопы. А

комету он открыл случайно!

— А когда мы это увидим? Комету то есть, — поправил себя Рэндолл. — И будет ли ее в принципе видно?

— Пока еще рано говорить. Подождите месяцок. Следите за новостями.

— Незачем, я должен сам сообщать новости, — парировал Харви. — А ваша комета — сенсация. Расскажите о ней еще что-нибудь.

Хамнер охотно пошел ему навстречу и затарахтел о своем открытии. Харви кивал, и его улыбка становилась все шире. Замечательно! Необязательно понимать каждый термин, чтобы сообразить: оборудование использовалось недешевое (и вдобавок, вероятно, фотогеничное). В общем, дорогое и сложное, хотя паренек с изогнутой иголкой вместо крючка на ивовой палке-удочке поймал ту же крупную рыбу, что и миллионер!

Забавно.

— Мистер Хамнер, а если комета представляет интерес для документального кино…

— Вполне возможно. Открытие — точно. Ведь астрономы-любители не менее важны, чем…

Зациклился, ей-богу!

— Я хотел спросить… если мы решим снять о

комете фильм, не захочет ли компания «Мыло Кальва» стать нашим спонсором?

Выражение лица Тима изменилось совсем незаметно — но Харви кое-что уловил. И молниеносно пересмотрел свое мнение об астрономе-любителе. У парня — богатый опыт общения с охотниками за его деньгами. Он энтузиаст, но вовсе не дурак.

— Мистер Рэндолл, не вы ли делали ту документалку про ледник на Аляске?

— Да, — ответил Харви.

— Дерьмо.

— Конечно, — согласился он. — Заказчик настоял на праве полного контроля. Получил его. И воспользовался им. Мне ведь не досталась в наследство процветающая компания.

«А ну вас к черту, мистер Комета».

— А мне досталась. И снять фильм не помешает. Кино о дамбе Хелл-Гейт — тоже ваша работа?

— Да.

— Мне понравилось.

— Мне тоже.

— Отлично. — Тим несколько раз кивнул. — Понимаете, это неплохое вложение. Даже если комета не будет видна — правда, я считаю, что будет. Часто деньги тратятся на всякую ерунду,

реклама обычно такая дрянная, что никто и смотреть ее не захочет. А рассказать о комете — дело, пожалуй, не менее важное… Харви, вам надо выпить.

Они вдвоем направились к бару. Вечеринка близилась к концу. Джеллисоны уже уходили, а Лоретта нашла себе другого собеседника — городского советника, который жаждал попасть на студию к Харви, чтобы сделать передачу о своей нынешней цели — лос-анджелесском парке. Он, вероятно, решил, что Лоретта сумеет повлиять на мужа (справедливо), а мистер Рэндолл, в свою очередь, успешно надавит на телекомпанию или ее местную студию (обхохочешься).

Родригес пока был занят, и они просто облокотились о стойку.

— Для изучения небесных тел существуют сотни великолепных приборов и превосходное новейшее оборудование, — вещал Тим. — Например, мощный орбитальный телескоп, который использовался лишь однажды — для изучения Когоутека. Во всем мире ученые захотят узнать, чем одна комета отличается от другой. В чем разница между кометами Когоутека и Хамнера — Брауна. В Калифорнийском технологическом. Или планетологи из ЛРД. Хамнер — Браун… Неп-

лохо звучит, да?..

Слово это он произносил так, что оно резонировало: Тим наслаждался произведенным им эффектом.

— Комет в небе не так уж много. Они — остатки гигантского газопылевого облака, из которого сформировалась Солнечная система. Если мы сможем получить точную информацию, отправляя к ним космические зонды, мы больше узнаем о том, каким было первоначальное облако до того, как оно коллапсировало, породив Солнце, планеты, их спутники и прочее.

— А вы трезвы, — удивленно заметил Харви.

И поразил Хамнера. Затем тот расхохотался:

— Я собирался надраться в честь знаменательного события, но, похоже, говорил, а не пил.

Родригес поставил перед ними виски со льдом. Тим торжественно поднял свой бокал.

— У вас блестят глаза, — произнес Рэндолл. — Поэтому сперва я и решил, что уже захмелели. Но в ваших словах есть здравый смысл, хотя я лично сомневаюсь, что будет запущен космический зонд. Однако попробовать можно. И вы говорите о чем-то большем, нежели съемка документального фильма. Послушайте-ка! А вдруг нам и впрямь подвернулся шанс? Я имею в виду,

нельзя ли отправить к комете зонд? Я знаком кое с кем в аэрокосмической промышленности и…

«Вот был бы сюжет», — подумал он.

Но где найти талантливого редактора? И еще нужен Чарли Баском со своей камерой…

— Не забывайте про Джеллисона, — сказал Хамнер. — Он согласится. Харви, я досконально изучил вопрос, но сейчас все — сплошные догадки. Перигелия комета достигнет только через несколько месяцев. — Он помолчал и добавил: — Это точка, ближайшая к Солнцу… кстати, вовсе не одно и то же, что ближайшая к Земле точка.

— А далеко она пройдет от нашей планеты? — спросил Харви.

Тим пожал плечами.

— Орбита не рассчитана. Вероятно, очень близко. Во всяком случае, сначала комета обогнет Солнце, и тогда она будет двигаться быстро. Ей предстоит долгий путь — через гало за орбитой Плутона. Понимаете, я не могу все сам рассчитать. Надо подключить профессионалов. И вам тоже придется ждать.

Харви кивнул, и они выпили.

— Но идея неплоха, — проговорил Тим. — *Научный* интерес будет огромным… но стоило бы протолкнуть его и широкой публике, не так ли?

— Конечно, — осторожно сказал Рэндолл. — Но для столь серьезного проекта нужно иметь твердые обязательства заказчика. Вы уверены, что «Мыло Кальва» проявит должный энтузиазм? Фильм может привлечь внимание публики, а может, все пойдет насмарку.

Тим задумался.

— Да. Когоутек, — произнес он. — На этом уже обожглись, и никому не хочется новых разочарований.

— Точно.

— Смело рассчитывайте на «Кальву». Доведем до общественного сознания мысль, что изучать кометы важно даже в том случае, если за ними нельзя наблюдать невооруженным глазом. Поскольку обещать вам спонсорство я могу, а прибытие кометы — нет. Возможно, она пронесется мимо и бесследно исчезнет. Ничего не сулите публике заранее.

— Я слыву человеком, владеющим фактами.

— Если не вмешивается спонсор, — усмехнулся Хамнер.

— Даже в таком случае факты я излагаю честно.

— Ясно. Но как раз сейчас никаких точных данных нет. Могу лишь утверждать, что это —

крупная комета, иначе я не смог бы увидеть ее с такого расстояния. И, похоже, она пройдет очень близко от Солнца. Да… зрелище будет недурное, но сказать что-то еще пока невозможно. Наверное, хвост ее расплывется по всему-у-у небу… или же солнечный ветер сдует его совсем. Зависит от кометы.

— А можете ли вы назвать хотя бы одного репортера, который потерял свое доброе имя из-за Когоутека? — спросил Рэндолл. Получив в ответ озадаченный взгляд, он кивнул. — Именно. Ни единого. Все ругали астрономов за наглое вранье, но журналистов не ругал никто.

— А зачем? Вы просто цитировали астрономов.

— Пожалуй, — согласился Харви. — Но цитировали тех, кто говорил то, что подстегивало воображение. Вот, допустим, два интервью. В первом говорится, что Когоутек станет Великой Рождественской Кометой, а во втором — что, да, комета будет, но разглядеть ее без полевого бинокля не получится. Как вы считаете, какое из них покажут в выпуске новостей?

Собеседник Харви засмеялся и осушил свой бокал. К ним подошла Джулия Саттер.

— Вы заняты, Тим? — осведомилась она. — Ваш кузен Барри еле стоит на ногах. Он на кухне. Не

могли бы вы проводить его до дома? — Она говорила тихо, но настойчиво.

Харви почувствовал к ней ненависть. А Хамнер трезвый? И вспомнит ли утром хоть что-то из их беседы? Проклятие.

— Разумеется, Джулия, — ответил Тим. — Извините, — обратился он к Рэндоллу. — Итак, наше кино должно быть честным. Даже если это обойдется дороже. «Мыло Кальва» может себе многое позволить. Когда вы собираетесь приступить к работе?

А ведь есть в мире хоть какая-то справедливость.

— Немедленно, Тим. Надо снять вас с Гэвином Брауном в Маунт-Вилсон. И обязательно добавить его комментарии во время осмотра вашей обсерватории.

Хамнер ухмыльнулся. Звучит вдохновляюще.

— Что ж, завтра созвонимся.

Лоретта мирно спала на соседней кровати. Харви долго таращился в потолок. Знакомое состояние. Придется встать.

Он так и поступил. Приготовил какао в большой кружке, отнес к себе в кабинет. Киплинг заколотил хвостом по полу, приветствуя хозяина. Харви рассеянно потрепал немецкую овчарку по

загривку. В полутьме раскинулся Лос-Анджелес. Санта-Ана полностью сдула смог. Сейчас, даже в столь поздний час, шоссе казались световыми реками. Сетки фонарей отмечали главные магистрали, и Рэндолл впервые заметил, что электрическое сияние имеет оранжево-желтый оттенок. Хамнер сказал, что эти огни сильно мешают наблюдениям в обсерватории Маунт-Вилсон.

Город простирался внизу, теряясь в бесконечности. Здания отбрасывали длинные тени, которые громоздились одна на другую. Светились голубые прямоугольники плавательных бассейнов. Автомобили. В воздухе мигал через определенные интервалы яркий огонек — полицейский вертолет патрулировал мегаполис.

Харви отошел от окна. Направился к письменному столу, взял книгу. Положил. Снова погладил собаку. И осторожно, не доверяя себе, стараясь не делать резких движений, поставил какао на стол.

Во время походов по горам, на привалах, он не знал таких мучений. В сумерках он просто залезал в спальный мешок и моментально отключался. Бессонница изводила его только в городе. Раньше, много лет назад, он пытался с

ней бороться, неподвижно лежа на спине. Теперь же он вставал и бодрствовал до тех пор, пока не начинал клевать носом. Только по средам он засыпал без проблем: тогда он занимался с Лоретой любовью.

Однажды, давным-давно, он пытался сломить эту привычку. Безрезультатно. А Лоретта… она залезала к нему в кровать и по понедельникам, но не всегда и ни разу — днем, когда светло. И никогда им не было так же хорошо — во вторник или в субботу: ведь именно в среду они знали, что им предстоит, и были полностью *готовы*.

А теперь этот обычай окончательно укоренился.

Харви прогнал прочь досужие мысли и сосредоточился на своей удаче. Хамнер не шутил. Документальной ленте быть. Рэндолл задумался над потенциальными проблемами. Понадобится специалист по съемке в условиях малой освещенности. Пожалуй, комету, придется снимать тайм-лапсом. Занятно. «Надо поблагодарить Морин Джеллисон, — сказал себе он, — милая девушка. Яркая. Гораздо более настоящая, чем большинство встречавшихся мне женщин. Плохо, что рядом крутилась Лоретта».

Новую мысль он придушил столь быстро, что

едва успел ее осознать. Многолетняя привычка. Он знал слишком многих мужчин, убедивших себя, что они ненавидят своих жен, но в действительности не питавших к ним никакой неприязни. Не всегда по ту сторону забора трава зеленее — так учил его отец. И уроки, полученные от него, Харви не забыл.

Отец был строителем и архитектором. Он вращался в Голливуде, но так и не заполучил крупного контракта, который бы помог ему разбогатеть. Зато часто бывал на голливудских вечеринках.

У него находилось время и на то, чтобы ходить с Харви в горы. На привалах он рассказывал сыну о продюсерах, кинозвездах и сценаристах — о тех, кто тратит больше, чем зарабатывает, и создает себе образ, которому вечно всего мало.

«Нет им счастья, — говаривал Берт Рэндолл, — только и размышляют о том, что чужая жена лучше в постели или что она лучше смотрится на приемах. Вот чем все кончается. Чертов городишко верит собственным пиарщикам, и никому не удается жить так, как мечтается».

Чистая правда. Грезы бывают опасны. Лучше сосредоточиться на том, что имеешь.

«А у меня есть немало, — подумал Рэндолл, —

хорошая работа, просторный дом, бассейн».

«Но это еще не оплачено, — пробубнил злобный голос в его голове, — поэтому на работе ты не можешь позволить себе делать то, что хочешь».

Харви этот голос проигнорировал.

В своем гало кометы не одни. Отдельные турбулентности близ центра гигантского вихря — вращающегося газового океана, чей коллапс породил Солнце, — сконденсировались в планеты. Яростный жар новорожденной звезды сорвал газовые оболочки с ближайших планет, превратив их в слитки расплавленного камня и металла. А те, что расположены дальше, остались гигантскими газовыми шарами — спустя миллиарды лет человечество назовет их именами своих богов. Но существовали и турбулентности, расположенные далеко от оси вихря.

Однажды такая турбулентность образовала планету величиной с Сатурн, и та продолжила набирать массу. Звездный свет озарял ее великолепные широкие кольца. На поверхности бушевали бури: ядро было добела раскалено энергией коллапса. Гигантская орбита располагалась почти перпендикулярно плоскости орбит внутренних планет системы, и ее величественное шествие через кометное гало занимало сотни тысяч лет.

Иногда вблизи черного гиганта оказывалась бродячая комета, тогда ее втягивало в кольцо или в тысячи миль атмосферы. Бывало, что чудовищная планета выдергивала комету с орбиты и вышвыривала ее в межзвездное пространство, где та пропадала навсегда. А временами — закидывала ее в гигантский вихрь, в адское пламя внутренней системы.

Они двигались медленно, по устойчивым орбитам — мириады комет, уцелевших при рождении Солнца. Но прохождение черного гиганта делало их орбиты хаотическими. Комета, попавшая внутрь системы, могла вернуться, частично испарившись, и вновь упасть обратно — и так много раз, пока от нее ничего не останется, кроме облака камней. Но многие вообще не возвращались.

Январь: Интерлюдия

Будьте в своем квартале в первых рядах тех, кто поможет вырубить электросеть северо-востока.

Иные Ист-Виллиджа с гордостью объявляют о первом ежегодном обесточивании волков-оборотней. Начало – в 3 часа дня в среду 19 августа 1970 г.

Давайте еще раз испытаем надежность системы. Включите все электрооборудование, какое только сможете достать. Помогите компаниям по производству и распределению электроэнергии улучшить их финансовые отчеты: потребляйте как можно больше энергии и изыщите возможность потребить еще хоть чуточку сверх того. Обязательно включите электронагреватели, тостеры, кондиционеры и любые другие приборы. Включив холодильник на максимум и оставив его дверцу открытой, вы сможете охладить большую квартиру, что весьма забавно.

После нескольких часов Безудержного Потребления встречаемся вечером в Цен-

тральном парке, чтобы повыть на Луну.
ВКЛЮЧАЙТЕ ВСЕ! ШТЕПСЕЛИ – В РОЗЕТКИ!
ВЫРУБАЙТЕ ЭЛЕКТРОСЕТЬ!
Больницы и подобные им учреждения настоящим предупреждаются, что им следует принять необходимые меры предосторожности.

«Иные Ист-Виллиджа», подпольная газета (июль 1970 г.)

В ясный день видимость была превосходной. Отсюда, с верхнего этажа административного здания ядерного комплекса «Сан-Хоакин», главному инженеру Барри Прайсу открывался отличный вид на гигантское ромбовидное блюдце — бывшее внутреннее море, а ныне — калифорнийский аграрный центр. Долина Сан-Хоакин тянулась на двести миль к северу от Барри и на пятьдесят — к югу. На пологом двадцатифутовом холме, который являлся самой высокой точкой на совершенно плоской равнине, возвышался незаконченный ядерный комплекс.

Даже в столь ранний час здесь кипела работа. Строительные бригады трудились в три смены, вкалывали по ночам, по субботам и воскресеньям и, будь на то воля Барри Прайса, выкладывались

бы и на Рождество, и на Новый год. Совсем недавно они закончили реактор номер один и создали неплохой задел для второго, другие начали рыть котлованы для третьего и четвертого… а толку никакого. Номер два закончен, но законники не разрешают запустить его.

Письменный стол был завален бумагами. Волосы Прайс стриг очень коротко, тонкие усики щеголевато топорщились. Одевался он в то, что его бывшая жена называла «инженерной униформой»: брюки «защитного» оттенка, рубаха с погончиками цвета хаки, ветровка, тоже с погончиками и опять же цвета хаки, на поясе болтается микрокалькулятор (когда шевелюра Барри была еще темной, данное правило выполнялось не всегда), в нагрудных кармашках — карандаши. А в специальном кармане куртки — неизменный блокнот. Когда приходилось (теперь уже чаще) присутствовать на судебных заседаниях или устраивать осмотр объектов для мэра Лос-Анджелеса и его советников по энергетике и охране окружающей среды, давать показания перед Конгрессом, Комиссией по ядерной регламентации или законодательным собранием штата, Прайс неохотно напяливал серый фланелевый костюм и повязывал галстук. Но, возвратившись

в родные пенаты, он с удовольствием облачался в полевое «обмундирование» — и будь он проклят, если станет переодеваться ради посетителей.

Кофейная чашка опустела: исчез последний предлог.

Барри включил интерком:

— Долорес, я готов принять пожарников.

— Их еще нет, — произнес женский голос.

Передышка. Краткая. Прайс с отвращением занялся бумагами.

«Я инженер, черт возьми. Если бы я хотел тратить свободное время на официальную волокиту или на суды, то стал бы юристом. Или маньяком-убийцей», — мрачно думал он.

Он уже жалел, что взялся за эту работу. Он отличный специалист по энергетике. Доказательством служило то, что он стал самым молодым главным инженером Пенсильванского завода Эдисона. И заставил Милфордовский ядерный комплекс функционировать с максимальной эффективностью и при рекордном для страны уровне безопасности. Правда, Барри стремился получить нынешнюю должность. Он хотел, чтобы ему поручили «Сан-Хоакин» и мечтал лично запустить его — четыре тысячи мегаватт чистой электроэнергии, когда проект будет завершен. Но

ему пришлось давать постоянные объяснения, а не строить и запускать. Он умел обращаться с техникой и знал, как держать себя со строителями, монтажниками силовых линий и электриками. Его энтузиазм относительно всего, связанного с ядерной энергетикой, передавался тем, с кем он общался.

«И что в итоге? Теперь я заделался бюрократом», — посетовал он.

Вошла Долорес с самыми важными и срочными документами, требовавшими ответа. Все они относились к пиару и исходили от достаточно высокопоставленных людей, чтобы отрывать от работы главного инженера.

Барри взглянул на кипу бумаг и памятных записок, положенных Долорес в ячейку для входящей документации.

— Смотри-ка, сколько дряни, — пробурчал он. — И ведь каждая бумажка здесь — от политиков.

Долорес подмигнула.

— Бастрадам нон уступатур.

Барри подмигнул в ответ.

— Это не так-то просто. Пообедаем?

— Конечно.

В ее быстрой улыбке промелькнуло недвусмыс-

ленное обещание. Барри охватило возбуждение. Надо же, а Прайс спит со своей секретаршей!

«Полагаю, — подумал он, — если бы об интрижке прознали в департаменте, они бы ее не одобрили. Ну и наплевать».

Внезапно он понял, что наступила тишина: здание должно было гудеть от слабой вибрации турбин — ощущение, порождаемое мегаваттами, вливающимися в сеть, питающими Лос-Анджелес и его промышленность — но ничего такого не было. Внизу прямоугольного здания размещались турбины: замечательные машины, венец человеческой изобретательности, чудо инженерии, весящее сотни тонн и сбалансированное до микрограммов, способное вращаться с фантастической скоростью без намека на вибрацию…

Почему люди никак не могут осознать этого? Почему не всем дано понять красоту машин? Их великолепие?

— Выше нас работают бригады, — сказала Долорес, читая его мысли. — Может, нам позволят закончить.

— Вот так новость! — воскликнул Барри. — Нет, пожалуй, не надо. Чем меньше о нас сообщают, тем лучше для нас. Сумасшествие какое-то.

Долорес кивнула и направилась к окну. Взгляд

ее перенесся через долину Сан-Хоакин к горной цепи Темблор Рейндж в тридцати милях отсюда.

— Дымка, — произнесла секретарша. — Когда-нибудь…

— Да, — обрадовался Прайс.

Южную Калифорнию *следовало* обеспечить электроэнергией, но при нехватке природного газа оставались лишь две возможности: уголь либо ядерная энергия. Но, сжигая уголь, непременно получаешь дым и смог.

«У нас лишь один выход, — говорил Барри. — И мы побеждаем всякий раз, когда проводят референдум. Казалось бы, даже юристы и политики должны понять».

Он знал, что проповедует обращенным, но поговорить с кем-то было бы полезно, с любым, кто посочувствовал бы. Кто разделял бы его точку зрения.

На письменном столе загорелась лампочка. Долорес, озарив Барри прощальной улыбкой, поспешила к двери — встречать очередную делегацию.

Прайс приготовился прожить еще один долгий день.

Лос-Анджелес, утренний час пик. Потоки машин, привычный смог и запах выхлопных газов,

несмотря на Санта-Ану, которая буйствовала целую ночь. Принесенные с побережья клочья тумана рассеиваются под порывами теплого ветерка, дующего с материка. В такие суматошные дни на дорогах обычно пробки — но необязательно из-за бестолковых водителей. Большинство по утрам ездят определенным маршрутом в одно и то же время. И секут, что к чему. Вот полюбуйтесь: автомобили подъезжают, строго соблюдая заведенный порядок, и отъезжают точно в соответствии с ним, никто не пересекает встречной полосы.

Эйлин не однажды это подмечала. Несмотря на комиков, благодаря которым над калифорнийскими водителями смеялся весь мир, правила они соблюдали гораздо лучше, чем водители где бы то ни было еще. А значит, для того чтобы вести машину, не требовалось быть семи пядей во лбу.

Эйлин тоже соображала, что к чему.

Сложившийся шаблон теперь менялся у нее лишь изредка. Пять минут на чашку кофе, последнюю перед выездом на шоссе. Чашку поставить на маленькую подставку, купленную в «Дж. С. Уитни». Еще пять минут, чтобы причесаться. Наконец-то она проснется настолько, чтобы поразмыслить о работе. Полчаса уйдет

на то, чтобы добраться до «Сантехнического оборудования Корригана» в Бербанке, а за это время можно успеть многое, если включить диктофон. Без диктофона Эйлин бы нервничала, при малейшем заторе от чувства собственной беспомощности стучала бы кулаком по приборному щитку.

«Вторник. Пристать к Корригану насчет водяных фильтров, — забубнил ее внутренний голос, — пара наших клиентов установила эти штуковины, не зная, что там не хватает деталей». Эйлин кивнула. Она уже обо всем позаботилась. Ей удалось утихомирить гнев здоровяка, который чем-то смахивал на баржу и, как выяснилось, состоял в родстве с одним из крупнейших застройщиков долины. Весьма показательно: можно лишиться крупной сделки из-за рядовой продажи.

Включив перемотку, она начала диктовать:

— Четверг. Работникам склада проверить фильтры. Обратить внимание на наличие всех необходимых частей. Послать письмо изготовителю.

Затем снова перемотала ленту.

Эйлин Сьюзан Хэнкок исполнилось тридцать четыре. Она считалась бы очень хорошенькой,

если бы не руки, постоянно находящиеся в движении, и не улыбка — славная, но вспыхивающая всегда слишком внезапно, как сигнальная лампочка…. и, конечно, если бы не походка: у нее была привычка всегда идти впереди.

Однажды ей сказали нечто символичное: дескать, она обгоняет других и физически и эмоционально. Собеседник не упомянул слово «интеллектуально», а если бы и произнес нечто такое, Эйлин бы ему не поверила. Зато утверждение в общем и целом оказалось верно. Она твердо решила стать чем-то большим, чем секретарша, причем задолго до того, как появилось движение за права женщин. Ей удалось добиться цели — несмотря на то что пришлось поднимать на ноги младшего брата.

Если она и заговаривала об этом, то только со смехом — слишком банальной выглядела ситуация. Братишка заканчивает колледж благодаря помощи старшей сестры, которая никуда так и не поступила. И парень женится благодаря ее содействию — а сама она замуж не выходит. Однако в действительности ни то ни другое правдой не являлось. Учеба была ей противна. Хотя иногда Эйлин втихаря думала, что ее устроил бы по-настоящему *хороший* колледж, где студента за-

ставляют думать. Но просиживать в аудиториях, где почасовики читают лекции по книгам, которые она уже проштудировала, и не могут научить ее ничему, чего бы она уже не знала, — нет, ей нет нужды тратить время на такое «обучение»! Поэтому образование она отвергла отнюдь не по финансовым соображениям.

Что до замужества, то просто не нашлось никого, с кем Эйлин могла бы ужиться. Конечно, она попробовала — с лейтенантом полиции (и наблюдала, как он нервничает оттого, что у них нет свидетельства о браке). Их отношения, такие добрые вначале, полностью разрушились, причем менее чем за месяц. Потом ей опять подвернулся бойфренд, но женатый, и уходить от своей благоверной он не собирался. Третий уехал на восток в командировку (вроде бы только на сезон) — и не вернулся даже по прошествии четырех лет. Следующий также куда-то пропал…

«Мне и так неплохо», — говорила себе Эйлин, когда в голову лезли всякие мысли. Мужчины говорили, мол, она «нервная», а может, у нее чрезмерно активна щитовидная железа — в зависимости от полученного образования и словарного запаса. И отношения с ней сохранять не пытались. Она обладала острым язвительным

умом и использовала его на полную мощность. И ненавидела нудную пустую болтовню. Разговаривала она не в меру быстро, хотя голос ее мог бы считаться приятным — чуть сиплый от чрезмерного курения.

Уже восемь лет она ездила этим маршрутом. Эйлин машинально перестроилась в четвертый ряд. Свернула. Много лет назад, она проехала здесь прямо, затормозила у ближайшего съезда и отправилась обратно пешком, поглазеть на лабиринт бетонных спагетти. Ей стало смешно — та еще туристка! Но все равно она смотрела.

— Среда, — прозвучало в диктофоне. — Робин собирается попробовать заключить ту сделку. В случае успеха буду помощником генерального директора. Если нет, шансов никаких. Вопрос в том…

Уши и шея Эйлин заранее зарделись, руки заелозили на руле, однако она дослушала до конца.

Ее собственный голос, предназначенный для среды, продолжал:

— …он хочет со мной переспать. Ясно, что он не просто острил и заигрывал. Если дать ему от ворот поворот, я угроблю продажу? Должна ли я ради контракта лечь с ним в койку? Или я

настолько завязла в делах, что не вижу ничего хорошего?

— Черт, — выругалась Эйлин, перемотала ленту и записала поверх фрагмента: — Я пока не решила, принять ли приглашение Робина Джестона на обед. Не забыть, что не все нужно писать на диктофон. Вдруг кто-нибудь его сопрет и сгорит со стыда? Кто-нибудь помнит Никсона?

И она, с силой ткнув кнопку, выключила диктофон. Но проблема осталась, и Эйлин по-прежнему терзала обида, что приходится жить в мире, где возникают такие сложности. Она начала сочинять текст письма мерзавцу-изготовителю, приславшему фильтры, не проверив наличие всех деталей, и ей чуть полегчало.

Сибирь. Поздний вечер. Рабочий день врача Леониллы Александровны Малик завершился. Последней пациенткой оказалась четырехлетняя дочь одного из инженеров Научно-исследовательского космического центра, расположенного здесь, в пустынных областях советского севера.

Зима перевалила за середину, снаружи завывал ветер. За стенами больницы громоздились сугробы, и даже здесь, в кабинете, Леонилла ежилась от холода. Она терпеть не могла морозы. Родилась она в Ленинграде и с зимами была знакома не

понаслышке, однако продолжала надеяться, что ее переведут на Байконур или даже в Капустин Яр, более-менее неподалеку от Черного моря. Ее угнетало, что приходится лечить иждивенцев, хотя, разумеется, она почти ничего не могла с этим поделать. Тут было мало педиатров. Но что за напрасная трата времени и сил! Ведь помимо врачебной практики она прошла подготовку как космонавт. И продолжала надеяться, что получит назначение — и ее отправят на корабль.

Возможно, скоро. Говорят, американцы готовят женщин-астронавтов. Если выяснится, что так оно и есть, то Союз быстро сделает то же самое. Но последний советский эксперимент с женщиной в космосе завершился катастрофой. Леонилле хотелось узнать, была ли виновата Валентина. Она знала и Валентину, и ее мужа-космонавта. Но супруги никогда не рассказывали, почему корабль, где находилась сама Валентина закувыркался, лишив страну возможности совершить первую в истории космическую стыковку.

«Конечно, Терешкова гораздо старше меня», — подумала Леонилла.

И времена были примитивные, а сейчас дела обстояли иначе. Но работы у космонавтов по-прежнему немного, а основные решения при-

нимает служба наземного контроля.

«Дурацкая система», — решила Леонилла.

Ее собратья-космонавты (разумеется, мужчины) разделяли мнение Малик, хотя не высказывали этого вслух.

Она вложила в автоклав последний из использованных сегодня инструментов. Собрала сумку. Космонавт или нет, она оставалась терапевтом, и куда бы ни шла, брала с собой профессиональный инструментарий на тот случай, если кому-нибудь понадобится медицинская помощь. Надела меховую шапку, тяжелое кожаное пальто и зябко повела плечами. На улице по-прежнему завывал ветер.

В соседнем помещении работало радио, передавали новости. Леонилла задержалась и услышала ключевое слово.

Новая комета.

Интересно бы узнать, есть ли планы насчет ее исследования. Женщина вздохнула. Если для изучения небесного тела и отправят экспедицию, Леониллу туда не включат. Пилот, врач, специалист по системам жизнеобеспечения — вот в чем она прекрасно разбирается. Однако она не училась на астронома. Это работа для Петра, Василия или Сергея.

Честное слово, жаль. Но все равно интересно — новая комета…

На Земле бушевала чума. Спустя три миллиона лет после рождения и формирования планеты на ее поверхности произошла вирулентная мутация — возникла форма жизни, напрямую использующая солнечный свет.

Эффективный источник энергии дал зеленому мутанту убийственную мощь и сверхактивность. Распространяясь везде, завоевывая мир, он изливал потоки кислорода, отравляющего воздух. Свободный кислород сжег господствующие здесь формы жизни — и они превратились в удобрения для мутанта.

Примерно в то же время беда постигла комету: на ее пути встал черный гигант.

В планете был заточен чудовищный жар, он изливался бы к звездам еще миллиард лет. Водород и гелий в «тканях» кометы вскипели в потоке инфракрасного света. Затем дороги небесного тела и гиганта разошлись. Вернулось спокойствие. Комета поплыла дальше в холодной немой тьме, но чуточку уменьшилась. И ее орбита тоже немного сместилась.

Февраль: 1

Иначе говоря, структуру мира рабочего надо формировать таким образом, чтобы избавить рабочего от страха оказаться лишь винтиком в безличной и бездушной машине. Истинное же решение проблемы – выработка концепции, что работа, какова бы она ни была, есть служение Богу и обществу, и потому она – проявление человеческого достоинства.

Эмиль Бруннер.
Гиффордовские лекции (194.)

От бульвара Вествуд до офисов Национального радио- и телевещания (Эн-би-си) и особняка Рэндолла на Беверли-Глен путь весьма неблизкий. Вот главная причина, почему Харви любил заглядывать в здешние бары. Тут было мало шансов наткнуться на кого-нибудь из чиновников-сослуживцев или на приятельниц Лоретты.

По широкому тротуару бродили разномастные студенты — бородатые в поношенных джинсах, гладко выбритые в дорогих, определенно странные типы и старомодно-консервативные

юнцы, а также всевозможные промежуточные разновидности. Харви шел в пестрой толпе мимо специализированных книжных магазинов. В одном продавались издания, посвященные свободе однополой любви. Другой с полным правом назывался «Магазин для взрослых мачо». Третий обслуживал любителей научной фантастики. Рэндолл мысленно сделал пометку: заглянуть сюда. Наверное, там достаточно научно-популярного астрономического чтива, посвященного кометам. Пролистав что-нибудь, он сможет отправиться в книжную лавку в кампусе Лос-Анджелесского университета и найти там настоящие научные труды.

За зданием женской религиозной общины находился дом с витринными окнами. Надпись, сделанная готическими буквами, гласила: «Первый федеральный фондовый бар». В помещении были высокие табуреты и три маленьких столика, а еще — четыре кабинки, игровые автоматы и музыкальный автомат. Стены (их время от времени белят) расписаны клиентами, на стойке — запасы маркеров. Местами краска содрана, чтобы открыть комментарии, сделанные давным-давно — археология в духе поп-культуры.

Харви тащился в полумраке. Прямо-таки уста-

лый старик. Когда глаза привыкли к сумраку, он заметил на табурете Марка Ческу. Рэндолл направился к нему и оперся локтями о стойку.

Ческу стукнуло тридцать с хвостиком, почти человек без возраста, вечный юноша в начале карьеры. Харви знал, что Марк прослужил четыре года на военно-морском флоте, поступал в несколько заведений, начал даже учиться в Лос-Анджелесском университете, но постепенно опустился до уровня муниципальных колледжей. Он до сих пор называл себя студентом, но никто не верил, что парню удастся когда-нибудь получить диплом. Ходил он в байкерских сапогах, потрепанных джинсах, футболке и мятой австралийской широкополой шляпе. У Ческу были длинные черные волосы и пышная борода. Под ногти въелась грязь, а на штанах частенько красовались подтеки: тогда сразу было видно, что он мыл руки и заодно стирал одежду. У него никогда не возникало патологического желания отскребать себя дочиста.

Когда Марк не улыбался, то выглядел угрожающе, несмотря на изрядный пивной живот. Улыбался он часто, но к некоторым вещам относился чересчур серьезно и порой примыкал к буянящей толпе. Это было частью его образа. А

еще он мог тусоваться с истинными байкерами, однако не хотел.

Марк обеспокоенно посмотрел на Харви.

— Вы неважно выглядите, — заявил он.

— Хочется кого-нибудь убить, — ответил Рэндолл.

— Что ж, могу, пожалуй, подыскать человечка, — сказал Ческу и замолчал.

— Нет. Я про свое начальство. Про моих боссов, будь прокляты их бесчисленные души.

Отказавшись таким образом от предложения Марка, Харви заказал кувшинчик пива и два стакана. Он понимал, что Ческу не сумеет организовать настоящее убийство. Просто выбранный им образ требовал соблюдения определенных правил. Это обычно забавляло Харви, но сейчас он не был настроен играть.

— Мне от них кое-что нужно, — произнес Рэндолл. — И они в курсе, что им придется принять мои условия. А как же иначе, а? Я ведь даже спонсора нашел! Но сукиным детям нравится пыжиться! А если один из них завтра грохнется с балкона, я буду вынужден потрать целый месяц, чтоб убедить нового, а я не могу позволить себе тратить время впустую.

А умаслить Ческу не мешало. Парень мог ока-

заться полезным. И он очень занятный — вдруг он действительно сможет организовать убийство. Никогда нельзя знать наверняка.

— А в чем дело-то?

— В комете. Я собираюсь снять серию документалок о новой комете. Открывший ее парень случайно владеет семьюдесятью процентами акций компании, спонсирующей съемки.

Ческу хихикнул. Харви кивнул:

— Неплохо, да? Я мечтал сделать нечто подобное. Да и сам проект познавательный. Не то что моя последняя лажа — интервью с предсказателями гибели Земли, причем у каждого имелась своя версия апокалипсиса. Первый из них тогда еще не закончил свой рассказ, а мне уже захотелось перерезать себе глотку и покончить со всем этим.

— А в чем проблема?

Рэндолл вздохнул, сделал глоток пива и пояснил:

— Понимаешь… Есть, к примеру, четыре персонажа, которые и впрямь могут дать мне от ворот поворот. Но это было бы ошибкой, верно? Ньюйоркцы не желают прошляпить заказной сериал. Они купят право показа. Но откуда кому-то знать, что они вправе сказать «нет», если они сразу

требуют, чтобы я написал заявку, сценарный план и представил им смету и прочее? Ничего из этого вообще не используется, а им уже нужны разумные основания для решения. Четверо проклятых воротил, держащих в лапах подлинную власть. Ну, ладно, с ними-то я способен поладить. Но остается еще пара дюжин дурней! Каждый из них не может помешать выходу в эфир даже самых идиотских программ, но хочет продемонстрировать, что и он тоже — важная птица. И чтобы доказать друг другу, что могут — если на то есть их воля — остановить съемки, они выдвигают столько возражений, сколько в силах придумать. Но превыше всего должны стоять интересы заказчика, верно? Нам невыгодно, чтобы «Кальва» взбеленилась. Ну и бредятина. А мне приходится с этим мириться. — Харви внезапно осознал, что не может остановиться. — Слушай, давай сменим тему.

— Ладно. Заметили, как место называется?

— Первый федеральный фондовый бар. Остроумно. Украдено у Джорджа Карлина. Вовремя, кстати.

— Точно. Люди часто пользуются чужими идеями. Знаете, что такое «страхование у Чокнутого Эдди»?

— Ага. Покупали же тачки у Безумного Мюнца. Как насчет «раковой клиники Жирного Джека»?

— «Раковая клиника и покойницкая Жирного Джека», — усмехнулся Ческу.

Петля, давившая на горло Харви, постепенно ослабевала. Он отхлебнул пива и ушел в кабинку: там можно опереться спиной на стену. Марк последовал за ним и сел напротив.

— Эй, когда мы снова двинем по трассе? Ваш мотоцикл еще на ходу?

— Да.

Год назад — хотя нет, уже два с половиной — он послал все к дьяволу и позволил Марку сманить его в поездку по побережью. Они останавливались в придорожных барах, беседовали с другими путешественниками и делали привалы там, где хотелось. Ческу занимался мотоциклами, а Харви оплачивал счета, впрочем, те были невелики. Совершенно безмятежные денечки.

— Мотоцикл на ходу, но шанса покататься нет. Когда сериал запустят в производство, у меня не будет ни минуты.

— Я могу помочь? — спросил Марк.

Рэндолл пожал плечами:

— Почему бы и нет? — Ческу иногда работал с Харви — таскал камеры и оборудование или про-

сто был в роли мальчика на побегушках. — Если тебе удастся держать язык за зубами.

— Я в курсе.

Помещение заполнялось. Музыкальный автомат перестал играть. Марк встал и поплелся к бару.

— У меня есть кое-что для вас, — произнес Ческу, извлекая из-под стойки двенадцатиструнную гитару.

Марк уселся на стул в глубине зала, что тоже входило в привычку — он пел в таких заведениях за еду и за выпивку. В дни той поездки по побережью в каждом втором баре между Лос-Анджелесом и Кармелем пение Марка приносило им по бесплатному бифштексу. Он мог бы стать и профессионалом, но ему не хватало выдержки и терпения. Ни на одном месте ему не удавалось продержаться дольше недели. Парню казалось, что люди, имеющие постоянный заработок, — чародеи, знающие некий непостижимый для него секрет.

Ческу взял пробный аккорд, сыграл вступление. Мелодия старой ковбойской песни «Чистая прохладная вода».

Целый день подряд — в телевизор взгляд.

Телевизор вместо культуры,

культуры…

Мыльных опер водоворот,

Фильмы целые дни напролет —

Чтобы забыл о культуре,

О… самом сладком – культуре.

Харви одобрительно хохотнул. Толстяк бармен поставил перед Марком стакан с пивом, и тот признательно мотнул головой.

Солнышко село, и города тело

Вопит – вопит о культуре,

культуре…

Судью и копа разбирает смех:

Они извели культуры грех.

Самой сладкой… культуры.

Марк перестал петь и молча перебирал струны. Звенели аккорды, фальшивые, но явно верные, будто Ческу искал что-то и никак не мог найти.

Телевизор включи. Смотри и молчи.

Твой разум уже не кричит.

В телевизор взгляд – и вот ты распят.

Распят рядом с культурой,

культурой…

Ты уже забыл, кем ты раньше был,
И твой разум давно уже остыл.
И тебя, и меня телевизор купил
И продал – вместе с культурой.
Вместе с самым сладким – культурой.

Гитара смолкла, и Марк квакающим голосом возвестил:

— Вот почти все, что можно узнать об этом из старой ленты с Богартом: САМОЕ СЛАДКОЕ — КУЛЬТУРА. Лондонский симфонический оркестр под управлением Леонарда Бернстайна и группа «Роллинг Стоунз». Поражающая воображение демонстрация того, что же такое *культура*. Самое сладкое — культура. Граждане, сегодня состоятся дебаты между президентом Союза сельскохозяйственных рабочих и двадцатью двумя обезумевшими от голода домохозяйками, вооруженными кухонными ножами. Это и есть *культура*.

«Господи, — подумал Харви, — записать бы его речь да проиграть у нас на производственном совещании!» Он привалился к стене, наслаждаясь моментом. Скоро он должен отправиться домой, поужинать — к Лоретте и Энди и Киплингу, в свой дом… он так его любит, но тот обходится

столь дьявольски дорого.

Горячий сухой ветер Санта-Ана по-прежнему дул вдоль бассейна реки Лос-Анджелес. Рэндолл ехал в автомобиле с открытыми окнами, сбросив пиджак на сиденье, сверху лежал скомканный галстук. Фары высвечивали зеленые холмы и деревья с облетевшей листвой. Время от времени попадались пальмы. Кругом царила непроглядная летняя тьма калифорнийского февраля. Для Харви в этом не было ничего необычного.

Он мурлыкал себе под нос песенку Марка. «Когда-нибудь я запущу по телесети ее запись, — думал он, — и ее услышат три четверти дельцов Лос-Анджелеса и Беверли-Хиллз». Наполовину расслабившись, он мечтал. Грезы рассеивались, лишь когда идущая впереди машина замедляла ход: тогда, как на волнах, покачивались вспышки тормозных огней.

На вершине холма он свернул направо, на Малхолланд, затем — снова направо, в Бенедикт-каньон. Немного съехал вниз по холму и опять свернул направо — на Фок.

Фок-лейн являлась одной из множества коротких кривых улочек с особняками, построенными лет пятнадцать назад. Один из них принадлежал Харви. Спасибо «Кредитно-сберегательной ком-

пании Пасадины». Дальше по Бенедикт-каньон был поворот на Сьело-драйв, где Чарли Мэнсон доказал всему миру, что цивилизация — вещь хрупкая и недолговечная. После страшного воскресного утра в шестьдесят девятом году на Беверли-Хиллз не осталось дома, где не держали бы ружье или сторожевого пса. Доставка отсутствующего товара — дробовиков — растягивалась на несколько недель. С тех пор, несмотря на пистолет Харви, ружье и собаку, Лоретта мечтала уехать отсюда. Она искала безопасности.

Родные стены. Большой белый особняк с зеленой крышей. Подстриженный газон, раскидистое дерево, маленькая веранда. Его можно хорошо продать — а ведь он наименее дорогой в квартале. Но Харви отлично понимал, что «наименее дорогой» — понятие относительное.

К дому вела обычная подъездная дорожка — не такая здоровенная и круговая, как у соседей напротив. Рэндолл лихо свернул к ней, резко сбавил ход и дистанционно открыл гараж. Дверь поднялась раньше, чем машина подъехала. Харви мысленно поздравил себя с точным расчетом. Когда дверь опустилась, он позволил себе мгновение посидеть в темноте. Он не любил час пик, однако всю жизнь чуть ли не каждый день ему по

два раза приходилось ездить именно в эти часы.

«Надо принять душ», — решил он. Вылез из машины, вышел во двор и направился к черному ходу.

— Вы, Харви? — зычно вопросил чей-то знакомый баритон.

— Я, — ответил Рэндолл.

Волоча за собой грабли, к нему по лужайке тащился Горди Вэнс, сосед Рэндоллов слева. Мужчина облокотился на забор, и Харви сделал то же самое. Ему подумалось, что это карикатурно напоминает болтовню кумушек-соседок. Вот только Лоретте не нравилась Мари Вэнс, к тому же трудно вообразить, что она примет такую позу!

— Ну, Горди, как идут дела в вашем банке?

Улыбка Горди приувяла.

— Держимся. Но вы едва ли готовы к лекции об инфляции. Послушайте, а вы не могли бы удрать на выходные? Сводили бы скаутов в поход. По снегу.

— Ух ты, звучит здорово!

Чистый снег. С трудом верилось, что от силы в часе пути от них в лесах Лос-Анджелесских гор навалило сугробы и среди сосен и елей свистит пронзительный холодный ветер, пока они сейчас стоят в темноте, в одних рубашках с короткими

рукавами.

— К сожалению, нет, Горди. Намечается работенка. — «Господи, надеюсь, что это действительно так!» — Лучше не рассчитывайте на меня.

— А как насчет Энди? Я бы назначил его начальником патруля.

— Рановато ему еще.

— Не совсем. Опыт у него есть. А я беру в первый поход новеньких. В общем Энди не помешал бы.

— Он наверняка по уши в учебе. А куда вы собираетесь?

— На Клаудбёрст-Саммит.

Харви рассмеялся. Неподалеку от этого места расположена лаборатория Хамнера, хотя сам Рэндолл ее и не видел. Он, пожалуй, проходил мимо сотню раз.

Последовало обсуждение деталей. Поскольку дует Санта-Ана, то снег растаял везде, кроме вершин. Но на северных склонах он, конечно, остался. Горди и дюжина скаутов. Звучало забавно. Да, затея неплохая…

— Знаете, Горди, — Харви уныло покачал головой, — в моем детстве пеший поход на Клаудбёрст занимал целую неделю. Дороги не было. А теперь туда можно доехать за час. Прогресс.

— Точно. Я хочу сказать, теперь можно сходить

туда и не потерять работу.

— Согласен. И мне бы очень хотелось присоединиться к вам.

А ведь к тому времени, когда туда доедешь — за час — да еще пройдешься пешком, достанешь из рюкзака снаряжение, разобьешь лагерь, заставишь гореть сырое дерево… короче говоря, к тому самому моменту, консервы и прочая незатейливая еда покажутся тебе настоящей амброзией. И полуночный кофе, и ветер, и ты в укрытии слушаешь, как он свистит в деревьях. Но поход бледнел рядом с кометой.

— Жаль, но я не смогу.

— Ладно. Я поговорю с Энди. Проверьте только его снаряжение.

— Конечно.

На самом деле Горди имел в виду вот что: «Не позволяйте Лоретте снаряжать сына. По горам на такой высоте тяжело ходить и без того барахла, которое она ему навяжет. Грелки. Запасное одеяло. И даже будильник».

Харви вернулся в гараж за галстуком и пиджаком. Выйдя на улицу, он пошел в другую сторону — на задний двор.

Подумал, не спросить ли у соседа: «Как вам нравится название «Банк и кофейня Горди»?» Но,

судя по его физиономии, Вэнсу было не до шуток. У него какие-то трудности. Возможно, личного характера.

На заднем дворе, за бассейном, Энди играл в баскетбол. Рэндолл молча наблюдал за ним. В мгновение ока — прошел, должно быть, год, а казалось, будто за неделю — сын превратился из мальчика в… скажем так, куклу из палочек. Парень теперь — сплошь руки и ноги, длинные кости.

Подросток с изящной расчетливостью бросил мяч. Пританцовывая, поймал его, прискакавшего назад, и переменил позицию. Постукивая мячом о землю, снова выполнил великолепный бросок. Но не улыбнулся, а лишь удовлетворенно кивнул.

«Мальчишка неплох», — подумал Харви.

Штаны на Энди были новые, но уже не прикрывали щиколотки. В будущем сентябре ему исполнится пятнадцать, он станет старшеклассником. Надо отправить его в Гарвардскую школу для мальчиков — лучшую в Лос-Анджелесе. Но на то, чтобы получить там место, уйдет целое состояние. А стоматолог и сейчас обходится в тысячи баксов, а ведь цены взлетят вверх. Да и насос в бассейне издает странные звуки. А клуб

электронной музыки, в который вступил Энди? Скоро парню захочется собственный компьютер, и как его упрекнуть в этом? А...

Рэндолл тихо вошел в дом, довольный, что сын не заметил его.

«Подросток прежде считался ценным активом. Он работал в поле — руководил бригадой, водил трактор. Груз забот можно было разделить, переложить часть на юные плечи. Мужчина мог передохнуть».

В мусорном ведре на кухне валялась оберточная бумага. Значит, Лоретта опять затоваривалась. К Рождеству она закупалась в кредит, и на письменный стол Харви ложились свежие счета. А по радио он слышал отчет фондовой биржи. Акции падали.

Лоретта куда-то запропастилась. В просторной гардеробной возле ванной Харви разделся и принял душ. Бившая сверху горячая вода смывала напряжение. Мозг отключился. Ему представлялось, что он — кусок мяса, омываемый струями воды. И только. «Эх, если бы мозг и *впрямь* мог отключиться».

Совесть у Энди есть.

«Бог свидетель, я никогда не заставлял его чувствовать себя виноватым. Ну, дисциплина

— само собой. Наказывал, ставил в угол, иногда шлепал… Но позже — все, забыли. Однако, что такое вина, он знает. Если бы Энди сообразил, во что он мне обходится — в долларах и центах… и годах моей жизни. Если бы он понял, что именно из-за него я живу так, как есть, — сижу в дерьме, чтобы удержаться на проклятой работе, и гоняюсь за премиями, которые позволяют нам держаться на плаву… Как поступил бы мой сын? Сбежал бы? Подметал бы улицы Сан-Франциско, пытаясь отдать мне долги? Нет уж, пусть остается в неведении».

Сквозь шум воды пробился женский голос. Рэндолл вынырнул из мира своих размышлений и за стеклянной дверцей душа увидел улыбающуюся жену.

— Эй, как дела? — спросила она.

Он помахал ей. Лоретта сочла его жест приглашением. Харви смотрел, как она медленно, сладострастно раздевается и быстро, чтобы вода не брызгала наружу, проскальзывает за дверь душа… Притом сегодня не среда. Он обнял ее. Они целовались под тугими струями.

И была не среда.

— Как дела? — повторила она.

Он прочел ее фразу по ее губам, но она не могла

догадаться об этом. Надо отвечать…

— Думаю, они согласятся, — произнес Рэндолл.

— Почему бы и нет? Отказ был бы неразумен. Если они будут медлить, тему перехватит Си-би-эс.

— Верно. — Магия душа и секса исчезла, улетучилась.

— Разве нельзя объяснить им, что они поступают глупо?

— Нет. — Харви повернул вентиль, и струи превратились в мелкие брызги.

— Почему нет?

— Они секут фишку. Но играют не в ту игру, что мы.

— Все зависит от тебя. Если бы ты хоть однажды настоял на своем…

Волосы Лоретты намокли и потемнели. Она обнимала Харви и снизу вверх смотрела ему в лицо: пыталась упрочить результат, то есть убедить мужа, что он должен отстоять свои принципы и заставить начальство осознать последствия допущенных ими, большими боссами, ошибок.

— Да. И потому, если что-то пойдет не так, именно на меня повалятся шишки. Повернись, потру тебе спину.

Она послушалась. Он потянулся за мылом. Лицевые мышцы расслабились — он перестал

следить за ними. Мыльные руки Харви ласково, медленно скользили по коже Лоретты…

«Разве ты знаешь, что со мной могут сделать? На улицу меня не выкинут, но в один прекрасный день меня переведут в другой кабинет, поменьше. Затем заберут ковер. Потом сломается телефон. А когда я отступлюсь, обо мне никто не будет помнить. Все забудут, что я существую. А ведь мы тратим каждый заработанный мною цент».

Ему всегда нравилась спина Лоретты. Харви переворошил свои ощущения — не появилось ли вожделение? — и ничего не обнаружил.

«Она в курсе с самого начала. Это и ее жизнь. Несправедливо оставить ее в стороне. Но она не поймет. Марка я могу переключить. Он будет пить мое пиво и болтать о чем-нибудь другом, если я четко дам ему понять, что на данную тему беседовать не желаю. Но с Лореттой я так говорить не могу… Мне срочно нужно выпить».

Жена помыла ему спину, и они вытерли друг друга банными полотенцами. Она еще пыталась объяснить ему, как справиться со сложившейся на студии ситуацией, понимая — что-то идет не так. И, как обычно, хотела разобраться в проблеме, стараясь хоть как-то помочь.

Спустя десятки тысяч оборотов, когда по

Земле, стиснутой мертвой хваткой ледникового периода, начали распространяться люди, черный гигант появился снова.

Комета увеличилась в размерах. Тысячу миллионов лет она росла, собирая снежинку за редкой снежинкой, пока не достигла четырех с половиной миль в поперечнике. Но теперь жар инфракрасного излучения планеты разогрел ее поверхность. В веществе кометы, в ее «карманах», вскипели водород и гелий и ринулись наружу. Окруженный кольцами черный диск затмил крошечное Солнце. Закрыл треть неба, источая родильный жар.

Планета проплыла мимо, и снова воцарилось спокойствие.

Раны, нанесенные этой встречей, комета залечила — столетия и тысячелетия ничего не значат в ее гало. Но час наконец-то пробил. Черный гигант остановил ее движение по орбите.

Медленно, влекомая слабым притяжением Солнца, комета начала падать в гигантский вихрь.

Февраль: 2

По-видимому, с момента своего образования внутренние планеты подвергаются непрекращающимся бомбардировкам. Марс, Меркурий, а также Луна испытывали многократные удары объектов, чьи размеры варьируются в диапазоне от микрометеоритов до довольно крупных метеоритов, один из которых и расколол наш спутник, что в итоге привело к образованию огромного лавового бассейна, получившего название Океан Бурь. Первоначально считалось, что Марс, находящийся у границы пояса астероидов, подвергается наиболее сильному воздействию. Но исследования Меркурия показали, что Марс – не исключение и вероятность подобной бомбардировки всех планет примерно одинакова…

Программа «Маринер», предварительный отчет

Внедорожник оказался битком набит оборудованием: камеры, магнитофоны, лампы, софиты,

аккумуляторы. Множество барахла, без которого при телеинтервью на выезде обойтись нельзя. На заднем сиденье — телеоператор Чарли Баском и звукотехник Мануэль Аргилес. Все нормально, правда, спереди устроился сам Ческу.

Из офисного здания Эн-би-си вышел Харви. Кивком подозвал Марка. Тот вылез из машины.

Они оба прошествовали к «Мерседес-Роу», который стоял на парковке Эн-би-си.

— В общем, твоя должность называется «ассистент постановщика», — объяснил Рэндолл. — Теоретически это означает, что ты должен руководить. Таковы правила профсоюза.

— Ага, — сказал Марк.

— Но руководить ты не будешь. Ты — мальчик на побегушках.

— Я — хиппи, — обиделся тот.

— Не унывать и не дуться! Просто пойми: моя команда давно работает со мной. Они знают, что кому делать. А ты — нет.

— Но я знаю!

— Замечательно. Ты можешь нам быть весьма полезен. Только помни: нам не нужно, чтобы…

— Я всех учил, как им следует выполнять свою работу. — Марк широко улыбнулся. — Мне нравится иметь с вами дело. Нарываться я не стану.

— Отлично. — Харви не уловил в его голосе ни тени иронии и почувствовал себя лучше.

Можно еще добавить, что предстоящее интервью беспокоит его, но легче от этого не стало бы. Один его знакомый как-то раз заметил, что Ческу подобен джунглям: все прекрасно, но нужно беспрерывно рубить мачете, иначе однажды просто не увидишь солнца.

Внедорожник резко рванул вперед: он и Рэндолл побывали во многих местах — от аляскинского трубопровода до низин Баи и даже Центральной Америки. Они были старыми друзьями, внедорожник и Харви. «Интернешнл Харвестер» не подводил — здоровенный, полный привод, три сиденья, мощный двигатель. Уродливый, как грех, но в высшей степени надежный.

Они доехали до шоссе Вентура и свернули к Пасадине. Все молчали. Машин на дороге было мало.

— Вот мы вечно сетуем, что никто у нас ничего не делает, — сказал Харви. — Но чтобы взять это интервью, мы проделываем путь в пятьдесят миль и рассчитываем прибыть на место примерно меньше чем за час. А когда я был маленьким, для такого путешествия готовили сэндвичи и надеялись, что успеют добраться до наступления

темноты.

— На чем же тогда ездили? На лошадях? — спросил Чарли.

— Нет. Просто в Лос-Анджелесе тогда не проложили шоссе.

— А-а-а.

Они проехали через Глендейл и на Линда-Виста свернули на север, к стадиону Роуз-Боул. Чарли с Мануэлем обсуждали проигрыш какой-то команды, случившийся пару недель тому назад.

— По-моему, ЛРД относится к Калифорнийскому технологическому, — заявил Рэндолл.

— Так и есть, — отозвался Ческу.

— Ее разместили слишком далеко от Пасадины.

— Там раньше испытывали реактивные двигатели, — произнес Марк. — ЛРД — Лаборатория реактивного движения, верно? Народ думал, что они там взорвутся, поэтому заставили Калифорнийский технологический перевести ее подальше, в Арройо. — Он махнул рукой, указывая на здания. — А потом на этом краешке Лос-Анджелеса вокруг ЛРД образовалось самое богатое предместье города.

Охранник был наготове. Он знаком велел машине проехать на стоянку возле одного из

зданий. Здесь, в *Арройо*, свила свое гнездо ЛРД и заполнила территорию корпусами. Центральная башня из стекла и стали выглядела странно чужеродной на фоне стандартных «временных» построек, возведенных ВВС лет двадцать назад.

Их уже дожидалась пиарщица. При входе в здание — стандартная процедура: распишитесь тут, приколите бейдж. Внутри здание смахивало на обычное учреждение, правда не совсем: в коридорах валялись перфокарты, а служащие прекрасно обходились без пиджаков и галстуков. В углу собирал пыль трехметровый цветной глобус Марса. Никто не глазел на Харви с его командой: здешние сотрудники привыкли к телевизионщикам. В ЛРД создали космические зонды «Маринер» и «Пионер», ЛРД запускала к Марсу «Викинги».

— Пришли, — вымолвила их провожатая.

Офис оказался хорош. Вдоль стен — стеллажи и доски, исчирканные непонятными уравнениями. И книги повсюду, а на дорогом тисовом письменном столе — перфокарты.

— Доктор Шарпс, Харви Рэндолл, — объявила пиарщица и застыла возле двери.

Чарльз Шарпс — при галстуке и в спортивной куртке — носил очки с большими линзами, охватывающими все поле зрения. Очень модерновые,

кстати. Вытянутое бледное лицо мужчины напоминало мордочку насекомого. Волосы черные, прямые, коротко подстриженные. Пальцы беспрерывно двигались — то играли с фломастером, то ныряли в карман. На вид ему было около тридцати, но, возможно, в действительности и побольше.

— Давайте говорить откровенно, — произнес Шарпс. — Вы хотите, чтобы я поговорил с вами о кометах. Это лично для вас или для публики?

— И то, и другое. Просто расскажите перед камерой так, чтобы понял даже я. Если вам не будет слишком трудно.

— Слишком трудно? — Шарпс рассмеялся. — Забавно! Ваша сеть сообщила НАСА, что жаждет снять документальный фильм о космосе, и НАСА устроила по данному поводу барабанный бой. Да, Шарлин?

— Они попросили нас сотрудничать с вами, — подтвердила девушка.

Чарльз расхохотался:

— Да провалиться мне на месте, если я подумал, будто таким образом мы сумеем выбить дополнительную монету! Когда начинаем?

— Пожалуй, сейчас, — откликнулся Харви. — Пока мы болтаем, мои ребята установят аппа-

ратуру. И не обращайте на них внимания. Как я полагаю, вы — местный специалист по кометам.

— Полагаю, что да, — согласился Шарпс. — Хотя я больше люблю астероиды, но должен кто-то заниматься и кометами. Я пришел к выводу, что интересует вас главным образом только что открытая.

— Угадали.

Чарли перехватил взгляд Рэндолла. Команда готова. Харви кивнул. Мануэль прислушался, глядя на индикатор.

— Начали.

Марк шагнул вперед и встал около камеры:

— Интервью с Шарпсом, дубль один.

Хлопушка громко щелкнула. Шарпс вздрогнул. Интервьюируемые всегда дергались, впервые слыша хлопок. Чарли возился с камерой, направленной на ученого. Задающего вопросы Харви он снимет потом, уже без «виновника торжества».

— Скажите, доктор Шарпс, будет ли комета Хамнера — Брауна видна невооруженным глазом?

— Не знаю, — ответил тот и, склонившись над перфокартой, принялся рисовать нечто непонятное — возможно, двух спаривающихся чудовищ озера Лох-Несс. — Через месяц у нас будет гораздо больше информации. Комета при-

близится к Солнцу на расстояние орбиты Венеры, но… — Он замолчал и уставился в объектив камеры. — Какого уровня объяснение вам хотелось бы услышать?

— Говорите как угодно, — махнул рукой Харви. — Главное — пусть будет понятно мне самому, тогда мы и решим, как преподнести все широкой публике.

Шарпс пожал плечами:

— Ясно. Итак, вот здесь — Солнечная система. — Он показал на стену: рядом с доской висел чертеж с изображением планетарных орбит. — Планеты и их спутники — там, где и положено. Они танцуют друг возле друга по сложным, гигантским замкнутым орбитам. Каждая планета, спутник и камушек пояса астероидов пляшет под дудку ньютоновской гравитации. Из общего ритма чуть выпадает Меркурий, поэтому мы были вынуждены пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной.

— Что-что? — спросил Харви. — Я, конечно, хотел разбираться во всем самостоятельно, но что там с Меркурием?

— Его орбита каждый год немного меняется. Незначительно, но сильнее, чем положено по Ньютону. Неплохое объяснение данному явле-

нию нашел человек по фамилии Эйнштейн — и случайно сделал Вселенную еще более странной, чем она была прежде.

— Ага! Надеюсь, чтобы разобраться в кометах, не нужна теория относительности?

— Нет. Однако на орбиту кометы воздействует не только гравитация. Удивительно, не правда ли?..

— Угу. Нам снова придется пересмотреть свои взгляды на устройство мироздания?

— Нет, все проще. Смотрите… — Шарпс в мгновение ока очутился у доски. Бормоча что-то себе под нос, он принялся искать мел.

— Пожалуйста. — Марк вытащил из кармана кусок мела и протянул ученому.

— Благодарю. — Шарпс быстро начертил белый круг и параболическую кривую. — Это комета. Давайте добавим планеты. — Он нарисовал еще два круга. — Земля и Венера.

— Мне казалось, планеты движутся по эллиптическим орбитам, — заметил Рэндолл.

— Так и есть, но в тех масштабах, в каких мы можем их изображать, разница невелика. Видите орбиту кометы? Обе ветви кривой выглядят одинаково — и ведущая в систему, и выводящая. Парабола из учебника, верно?

— Да.

— А как же выглядит комета, которая удаляется от Солнца? Плотное ядро, оболочка из мелких частиц и газа. — Чарльз снова застучал мелом по доске. — И хвост, состоящий из загрязненного пылью газа: он как раз направлен в противоположную сторону от светила. *Огромный* хвост, иногда достигающий в длину ста миллионов миль. Но при этом в нем почти идеальный вакуум. Так должно быть — будь он плотным, комете не хватило бы вещества на заполнение столь обширного пространства.

— Понятно.

— Замечательно! Опять как в учебнике. Вещество головы кометы вскипает и уходит в оболочку. Это — разреженный газ и крошечные частички, которые солнечный свет может толкать туда-сюда. Значит, световое давление гонит их прочь, и хвост, таким образом, направлен всегда от Солнца. Согласны? Он следует за кометой, входящей в систему, и опережает ее же, когда она покидает систему. Но… само вещество кометы вскипает неравномерно. Когда она входит в систему впервые, это твердая масса. По крайней мере, мы придерживаемся такого мнения. Как дело обстоит в действительности — нам неизвест-

но. Есть несколько гипотез, удовлетворяющих наблюдаемым фактам. Я склоняюсь к концепции «снежно-пылевой шар». Комета состоит из камней и пыли — грязи, облепленной и скрепленной льдами и замерзшими газами. Некоторое количество водяного льда. Метан. Двуокись углерода — «сухой лед». Циан и азот — в общем, все, что угодно. «Карманы» с данными газами тают, и те вырываются струями то с одной стороны кометы, то с другой. Получается нечто вроде реактивных двигателей, и потому сама орбита небесного тела меняется. — Шарпс вновь заскреб мелом по доске, держа его как-то странно — боком. Когда он закончил рисовать, входящая ветвь стала неровной и скачущей, а выходящая распылилась в широкое пятно, похожее на распушенный хвост. — Поэтому мы не можем предсказать, как близко от Земли она пройдет.

— И вам неизвестно, насколько велик будет хвост.

— Да! Но это — совершенно новый для нас объект. Вероятно, он до сих пор ни разу не приближался к Солнцу. Не так, как комета Галлея, которая возвращается каждые семьдесят шесть лет, становясь все меньше и меньше. Каждое прохождение вблизи нашего светила лишает комету

части ее вещества. А вещество, составляющее хвост, теряется навсегда. Иными словами, хвост с каждым прохождением уменьшается. В конце концов остается только ядро — груда камней. И метеоритные дожди. Многие падающие звезды — это осколки старых комет, летящие к Земле.

— Но эта — новая…

— Следовательно, у нее должен быть весьма живописный хвост.

— Помнится, то же самое говорили о комете Когоутека.

— Кстати, те, кто утверждал это, ошибались. Хотя и поступили в продажу значки, изображавшие комету Когоутека такой, какой она должна была выглядеть. Не существует способа узнать обо всем заранее. Но лично я считаю, что комета Хамнера — Брауна пройдет довольно близко к нашей планете и это будет незабываемое зрелище.

Внутри расплывшегося конуса выходящей из системы кометы ученый изобразил жирную точку:

— Вот здесь будем мы. Конечно, пока она не минует Землю, мы почти ничего не увидим, поскольку нам бы пришлось смотреть прямо на Солнце. Вести наблюдения в таких условиях очень трудно. Но, когда она пролетит мимо нас,

ситуация изменится. Бывали кометы с хвостом вполнеба. Их видели даже днем. В двадцатом столетии крупные небесные тела немного припозднились…

— Эй, док! — окликнул Марк. — Вы нарисовали Землю прямо у нее на дороге. Мы не столкнемся?

Харви бросил на приятеля убийственный взгляд.

Шарпс смеялся.

— Шансов — один на миллиард. Сейчас вы видите Землю как нарисованную на доске точку. Но, если бы я использовал нужный масштаб, вы вообще не смогли бы ее разглядеть. И не сумели бы различить само ядро кометы. Итак, какова же вероятность столкновения двух исчезающих малых точек? — Ученый нахмурился. — Разумеется, хвост пройдет там, где будет находиться Земля. Пожалуй, несколько недель мы проведем в хвостовом «оперении» Хамнера — Брауна…

— А каковы последствия? — осведомился Рэндолл.

— Мы проходили сквозь хвост кометы Галлея, — выпалил Ческу. — Никакого вреда. Только небо ярко светилось, и…

На сей раз мрачный взгляд Харви возымел действие.

— Ваш коллега прав, — заявил Шарпс.

«Сам знаю», вслух же Харви спросил:

— Но почему комета Хамнера — Брауна сразу заинтересовала астрономов?

— Дорогой мой, изучая эти объекты, можно многое узнать. К примеру, как возникла Солнечная система. Кометы старше Земли. Они состоят из первичной материи. Вероятно, это небесное тело находилось за орбитой Плутона миллиарды лет. Господствующая сейчас теория предполагает, что наша система сконденсировалась из клуба газопылевого облака, вращавшегося в межзвездном пространстве. Большая часть оставшегося вещества развеялась при взрыве, когда Солнце запылало, но некоторое его количество сохранилось в кометах. Мы способны проанализировать состав хвоста. Именно так изучалась комета Когоутека. И астрономы тогда не разочаровались. В ход пустили приборы, которых раньше у нас не было… «Скайлэб» и многое другое.

— Принесло это пользу? — подсказал Харви.

— Мы получили великолепные результаты! И теперь еще раз проведем такие же исследования! — Чарльз театрально взмахнул руками.

Рэндолл тотчас взглянул на свою команду. Камера работала, у Мануэля был тот самый удо-

влетворенный взгляд звукооператоров, когда с аппаратурой все в порядке.

— Со временем туда отправят что-нибудь вроде «Скайлэба»? — спросил Харви.

— Нет. Но осталась капсула «Аполлона», которую мы могли бы использовать. Оборудование у нас есть. И еще — военные ракетоносители, пентагоновские игрушки, которые не нужны военным, а нам бы они пригодились. Если бы нам дали их прямо сейчас, и мы бы не трусили. — Шарпс погрустнел. — Но не стоит на это рассчитывать. Да, не везет нам... А ведь с помощью ракет мы могли бы досконально исследовать комету Хамнера — Брауна!

Спустя пять минут камеру и звуковую аппаратуру снова упаковали. Телевизионная группа покинула кабинет в сопровождении той же самой пиарщицы.

Рэндолл задержался, прощаясь с Шарпсом.

— Хотите кофе? — предложил ученый. — Вы ведь не торопитесь?

— Не откажусь.

Чарльз нажал кнопку на консоли коммутатора:

— Ларри, принесите, пожалуйста, кофе.

И опять обернулся к Харви:

— Идиотская ситуация. Страна полностью зависит от технологий. Остановите колесики на пару дней — и начнутся беспорядки. Нет уголка, где не витал бы бунтарский дух. Представьте Лос-Анджелес или Нью-Йорк без электричества. Или вообразите, что застопорились заводы, производящие удобрения. Или вот — целое десятилетие никаких новых технологий. Что произойдет с нашим уровнем жизни?

— Конечно, мы — высокотехнологическая циви…

— Однако проклятые идиоты не желают уделять науке и технологиям ни малейшего внимания — даже десяти минут в день. — Голос ученого звучал твердо. Он намеревался закончить свою мысль. — Сколько народу вообще знает, чем занимается? Откуда берутся ковры? А одежда? Что такое карбюратор? А как насчет обычного кунжута? Что вы знаете про него? А из тех, кто имеет право голоса, хоть один из тридцати — знает? Они не желают и десяти минут в день думать о технологиях, на которых зиждется вся жизнь. Неудивительно, что ассигнования на фундаментальные исследования урезали до нуля. Вот за что мы и поплатимся. Однажды нам позарез понадобится то, что могло быть разра-

ботано на много лет раньше, но у нас ничего не будет… — Он осекся. — Харви, это будет большой телевизионный проект? Или опять дадут денег как на рядовую передачку о науке?

— Прайм-тайм, — ответил Рэндолл. — Сериал о том, как важно исследовать комету Хамнера — Брауна. И, между прочим, о роли науки в целом, естественно, не гарантирую, что зрители не выберут очередной показ «Я люблю Люси».

— Да… Благодарю вас, Ларри. Поставьте кофе вот сюда.

Харви ожидал, что принесут одноразовые стаканчики из автомата. Но помощник Шарпса внес на инкрустированном тиковом подносе поблескивающий термокувшин и фарфоровый сервиз с серебряными ложечками.

— Угощайтесь. Это «Мокка-Ява»? — спросил Шарпс.

— Точно, — ответил помощник.

— Хорошо. Вы свободны, Ларри. Итак, Харви, почему ваша телекомпания вдруг заинтересовалась кометой?

Рэндоллл на секунду задумался:

— Спонсор настаивает… и он случайно оказался владельцем «Мыло Кальва». Компания, контроль над которой случайно находится в

руках Тимоти Хамнера. Ну а он, в свою очередь, тоже случайно…

Речь Харви прервал взрыв хохота. Вокруг глаз Шарпса прорезались морщинки.

— Потрясающе! — Ученый внимательно посмотрел на своего собеседника. — Значит, сериал… А если бы вместе с руководством студии нам помог политик… причем *очень* помог… можно ли будет обыграть в фильме его участие? Разрекламировать с положительной стороны?

— Конечно. Хамнер настоял бы на этом. И у меня возражений вроде нет…

— Великолепно! — Шарпс поднял свою кофейную чашку. — Ваше здоровье. И — огромное вам спасибо. Полагаю, в дальнейшем нам придется видеться довольно часто.

Чарльз подождал, пока Харви покинет здание. Он сидел неподвижно — что было ему несвойственно. Где-то в области желудка разливалось тепло. Идея могла реализоваться. Она должна сработать. Наконец он ткнул в интерком.

— Ларри, соедините меня с Вашингтоном, с сенатором Артуром Джеллисоном. Пожалуйста.

Ученый сгорал от нетерпения.

— Соединяю, — ответил помощник.

Чарльз поднял трубку.

— Шарпс. — Снова томительное ожидание — пока секретарша соединит с сенатором.

— Чарли?

— Да, — ответил он. — Арт, у меня есть предложение. Слышали о комете?

— Что? А-а-а… слыхал. Странно, что вы о ней упомянули. Я познакомился с парнем, который ее открыл. Он щедро вносил деньги в мой фонд, но прежде я с ним никогда не встречался.

— Дело важное, — продолжал Шарпс. — Шанс, выпадающий раз в столетие!

— То же самое говорили о Когоутеке.

— Черт с ним, с Когоутеком! Арт, мы можем получить ассигнования на космический зонд?

— Сколько?

— Есть два варианта. Плохой — если вообще что-нибудь удастся… Лаборатория может запустить автоматический зонд с записывающей аппаратурой…. ну, как на «Тор-дельта»…

— Нет проблем. Такие деньги я найду, — сказал Джеллисон.

— Я говорил про худший вариант. Что нам действительно *нужно*, так это космический корабль с командой. Как вам «Аполлон» с двумя астронавтами на борту? Плюс оборудование вместо третьего члена экипажа. Арт, комета пройдет

очень близко. Можно сделать отличные фотографии. Не просто снимки хвоста или оболочки — есть вероятность сфотографировать голову! Вы понимаете меня?

— Не совсем, но я кое-что уловил. — Джеллисон ненадолго умолк. — Извините. Мне правда жаль, но второй вариант не рассматривается. Не выйдет. В любом случае невозможно запустить «Аполлон», коль скоро наш бюджет…

— Нет, можно. Я предварительно обсудил смету с Роквеллом. Риск выше, чем хотелось бы НАСА, но мы бы справились. Мы…

— Неважно. Я не смогу выбить вам бюджет.

Ученый насупился, уставившись на телефон. Тревога возросла. Артур Джеллисон — его старый друг. Шантаж Шарпсу всегда был не по душе. Но…

— Даже если русские запустят ради кометы «Союз»?

— Что?! Но они не успеют!

— Ошибаетесь, — заявил Чарльз.

«И это не вполне ложь, а обычное *предвидение*…»

— Вы можете доказать?

— Через несколько дней. Будьте уверены, они собираются посмотреть на комету вблизи.

— Я буду по уши в дерьме.

— Прошу прощения, сенатор?

— Я буду по уши в дерьме.

— Ах, вот как.

— Вы играете со мной в кошки-мышки, Чарли? — требовательно спросил Джеллисон.

— Не совсем. Поймите, Арт, такое случается крайне редко. И ведь нам все равно необходимо послать в космос корабль с экипажем, хотя бы для того, чтобы у людей не пропал интерес к подобным исследованиям. Вы сами добивались полета управляемого людьми корабля…

— Но у меня ничего не получилось. — Снова пауза. Затем сенатор пробормотал, не столько Шарпсу, сколько себе: — Значит, русские летят. И, несомненно, сделают из мухи слона.

— Убежден, так и будет.

Молчание. Чарли затаил дыхание.

— Ладно, — проворчал Джеллисон. — Я разнюхаю в верхах и посмотрю, какая будет реакция. Но лучше бы вы говорили со мной откровенней.

— Сенатор, через неделю вы получите неопровержимые доказательства.

— Ясно. Я попытаюсь. Что-нибудь еще?

— В данный момент — нет.

— Замечательно. Спасибо за подсказку, Чарли.

В трубке послышались гудки.

«Резкий он человек», — подумал ученый и невесело улыбнулся, после чего опять ткнул в интерком.

— Ларри, соедините меня с Москвой, я хочу побеседовать с доктором Сергеем Фадеевым. Да, я знаю, который там час. От вас требуется только соединить меня.

«Сказание о Гильгамеше» являлось горсткой не связанных друг с другом преданий, которые распространились из плодородных краев полумесяца. Это произошло на Земле, в Азии…

…а комета почти не изменилась. Она до сих пор находилась далеко от почти необъятного вихря. Орбита былого спутника, Плутона, показалась бы поставленным почти на ребро четвертаком, который держат в вытянутой руке. Солнце, раздражающе яркая точка, по-прежнему изливала на кору небесного тела меньше жара, чем черный гигант в момент максимального сближения с кометой. Сейчас кора ее состояла в основном из водяного льда: он отражал большую часть падавшего на комету тепла в межзвездное пространство.

Но время шло.

Марс с очередным изменением его долгого

вязкого погодного цикла поглотил свою воду. По Земле, царапаясь и хихикая, распространились люди.

А комета продолжала падение. Дыхание солнечного ветра, потоки протонов, разогнанных до колоссальных скоростей, обдирали ее поверхность. Улетучилась значительная часть ее водорода и гелия.

Вихрь приближался.

Март: 1

И Бог повесил радугу над нами
В знамение того, что ждет нас
Теперь уж не вода, а пламя.

Старинный спиричуэлс

Ческу посмотрел на дом и присвистнул. Стиль — калифорнийская позднеанглийская готика. Грязно-белые оштукатуренные стены, под разными углами встроены массивные деревянные брусья. Небось настоящая древесина. Кое-где, взять хотя бы Гленделл, дома строят в том же стиле, но вместо дерева там сплошная имитация, полоски фанеры.

Особняк возвышался посреди здоровенного участка. Марк подошел к парадной двери и позвонил. Дверь тотчас распахнулась. Открыл ее длинноволосый юнец с тоненькими, будто нарисованными карандашом усиками. Он взглянул на штаны («Рафрайдер») и ботинки, на вместительные коричневые чемоданы, уже поставленные на крыльцо.

— Нам ничего не надо, — заявил парень.

— А я ничего и не предлагаю. Я — Марк Ческу

из Эн-би-си.

— Ох, извините! Вы не представляете, как часто являются коммивояжеры. Входите, пожалуйста. Меня зовут Джордж. Я здешний слуга. — Он поднял один из чемоданов. — Тяжелый.

— Ага. — Марк принялся изучать обстановку.

Картины. Телескоп. Глобусы Земли, Марса и Луны. Стеклянные статуэтки. Стубеновский хрусталь. Сувенирные чайки. Помещение словно предназначено для развлекательных постановок, диванчики стоят так, чтобы был виден телевизор.

— Должно быть, охренеешь втаскивать сюда все это, — сказал Марк.

— Точно. Ставьте вот сюда. В чемоданах есть что-нибудь «хитрое»?

— Не сказал бы, если знать, что такое видеозаписывающая аппаратура.

— Вообще-то я должен это знать, — заметил Джордж. — Я — студент театрального факультета, Лос-Анджелесский университет. Но мы пока не дошли до всякой техники. Лучше покажите, как она работает.

— Что, вечером съемка?

— Не-а. У меня репетиция. «Дикая утка»[2]. Классная роль. Снимать будет мистер Хамнер.

— Я ему и объясню, что и как.

— Тогда вам придется подождать. Его еще нет дома. Пива хотите?

— Неплохо бы.

Марк проследовал за Джорджем на кухню, просторную, сверкающую хромом и огнеупорным пластиком. Две сдвоенные раковины, две газовые плиты с вытяжками. Длинная узкая столешница заставлена подносами с канапе, прикрытыми пищевой пленкой. Отдельный стол и полки с поваренными книгами, последними романами Макги и шедевром Станиславского «Работа актера над собой». Лишь на романах и учебнике русского мэтра присутствовали следы того, что книги читали.

— Разве Хамнер не должен бы подыскать себе студента-астронома?

— До меня и был астроном, — ответил Джордж, доставая пиво. — Но они без конца цапались.

— И хозяин его вышвырнул.

— Нет, отослал в свои горные владения. Хамнер любит пособачиться, но только не у себя дома. У

---

[2] Примечания: 2
«Дикая утка» — пьеса Г. Ибсена.

него легко работать. В моей комнате стоит цветной телевизор, и я могу пользоваться бассейном и сауной.

— Надо же! — Ческу сделал глоток пива. — А тут, похоже, клевые тусовки.

Джордж рассмеялся.

— Как же! Они бывают, когда я привожу актерскую братию. Или, как сегодня, родню.

Марк внимательно осмотрел Джорджа. Усики. Тонкие «актерские» черты лица.

«Зачем парня взяли сюда?» — удивился Ческу.

— Хамнер голубой, что ли?

— Господи, нет! — воскликнул юнец. — Нет, просто он… с особенностями. Я познакомил его с дублершей главной героини из нашего последнего спектакля. Милая девушка из Сиэтла. Хамнер сходил с ней пару раз куда-то — и все. Айрин сказала, что, пока они не остались наедине, он был вежлив и вел себя по-джентльменски… а потом вдруг накинулся на нее.

— Ей надо было сперва набраться… или накуриться.

— То же самое сказал и я. Но она не из таких. — Парень склонил голову набок. — А вот и мистер Хамнер. Слышу его машину.

Тим прошел через боковую дверь в короткую

анфиладу комнат. Вот его убежище, его настоящий дом. Именно здесь он чувствовал себя хорошо, хотя так или иначе использовал весь особняк. Сказать по правде, Хамнеру он не нравился. Он был куплен по ликвидационной цене — именно из-за нее, — и таким и оказался: полно места, чтобы владелец мог разместить свои коллекции, но ни следа домашнего уюта.

Хамнер налил себе скотча и опустился в кресло. Поставил ноги на маленькую скамеечку. Вот и отлично. Он выполнил свой долг. Побывал на совете директоров, выслушал отчеты и поздравил президента компании с получением квартальной прибыли. Тим в принципе предпочел бы предоставить все это тем, кому нравилось делать деньги, но его двоюродный брат уже разорился, действуя подобным образом.

Да и полезно иногда следить за теми, кто управляет твоими делами, и заглядывать им через плечо.

Думая о совещании, он вспомнил секретаршу. Она любезно щебетала с Тимом в офисе, но, когда он предложил ей завтра пообедать вместе, сослалась на занятость. Вероятно, она не врала. Держалась она довольно любезно. Но отвергла Хамнера. «Надо было пригласить ее пообедать в

будущую пятницу. Или на следующей неделе», — подумал он.

С другой стороны, если бы она отказала, не осталось бы никаких сомнений почему.

Он услышал, что Джордж с кем-то разговаривает в гостиной, и лениво удивился: кто бы это мог быть? Парень не побеспокоит его, пока хозяин лично не выйдет к ним: единственное, примиряющее Тима с пребыванием в особняке, то, что никто не лез в его комнаты. Затем он вспомнил. Человек из Эн-би-си! Принес отснятые материалы, которые понравились Хамнеру, но в фильм не вошли.

Воодушевленный Тим встал и начал переодеваться.

К шести часам явилась Пенелопа Уилсон. На имя «Пенни» она даже с детства не откликалась. Так утверждала ее мать. Глядя на молодую женщину в дверной глазок, Тим вдруг вспомнил, что и от имени «Пенелопа» она отказалась. Она предпочитала второе, но у Хамнера оно вылетело из головы.

«Наберись смелости». Он широко распахнул дверь и — не скрывая, как это для него мучительно, — вскричал:

— Быстрее, как твое второе имя?

— Джойс. Привет. Я не опоздала?

— Разумеется, нет. Ты очень элегантна.

Он помог ей снять пальто. Они были знакомы целую вечность, по крайней мере с первого класса. Пенелопа Джойс ходила в ту же подготовительную школу для девочек, что и сестра Тима, и с полдюжины его кузин. Внешностью она тогда не блистала: широкий рот и чересчур квадратная нижняя челюсть, фигура, к которой лучше всего подходило определение «крепкая». Расцветать она начала в колледже.

А сегодня она действительно потрясающе выглядела. Длинные вьющиеся волосы уложены в затейливую прическу. Неяркое платье простого покроя сшито из ласкающей глаз материи. Тиму захотелось потрогать ткань. Он достаточно долго жил бок о бок с сестрой, чтобы понять, какой труд стоит за эффектом «сногсшибательности», — хотя и не имел ни малейшего понятия, как это делается.

Ему, как обычно, захотелось, чтобы гостье здесь понравилось. Она оглядела гостиную. Он ждал, удивляясь про себя, почему никогда прежде ее сюда не приглашал. Наконец она посмотрела на Хамнера с выражением, которого он не видел со школьных времен, когда Пенелопа полагала себя

непогрешимым судьей в любых вопросах.

— Миленько, — одобрила она. И, разрушая впечатление, хихикнула.

— Чертовски рад, если честно.

— Правда? Мое мнение настолько важно? — Поддразнивая, она скорчила гримасу, памятную с детства.

— Да. Через пять минут в доме соберется вся семейка, и большинство родственничков тут не бывало. У тебя тот же склад ума, что и у них, значит, если понравилось тебе, они, конечно, будут в восторге.

— Гмм. Полагаю, так мне и надо.

— Эй! Я вовсе не хотел…

Она снова посмеивалась над ним. Тим протянул молодой женщине бокал со спиртным, и они сели.

— Странно, — промурлыкала Пенелопа. — Мы не виделись два года. Почему ты пригласил меня?

Хамнер был отчасти готов к подобному вопросу. Она всегда говорила прямо. Он решил сказать правду.

— Я тут решал, кого мне хотелось бы видеть вечером. Эгоистично, да? На вечеринке, посвященной моей комете… Я вспомнил о Гиле Уотерсе,

лучшем ученике в моем классе… о своих родных… и о тебе. А потом заподозрил, что думаю о тех, на кого мне хочется произвести наибольшее впечатление.

— На меня?

— Точно. Сколько же мы вместе болтали… но я так и не сумел толком тебе объяснить, чем бы мне хотелось заниматься в жизни. Мои родные и вообще все, с кем я рос, — они либо делали деньги, либо коллекционировали произведения искусства, либо увлекались гонками. Или чем-нибудь в том же роде. А я мечтал об одном — смотреть на звездное небо.

Она улыбнулась:

— Я польщена, Тим.

— Ты и вправду весьма элегантна..

— Да. Спасибо.

С ней оказалось легко говорить. Тим счел это приятным открытием, но внезапно зазвонил дверной звонок. Пожаловали остальные.

Прием получился замечательный. Фирма, обслуживающая званые вечера, делала свое дело добросовестно, и с угощением трудностей не было, даже несмотря на отсутствие помощи в лице Джорджа. Тим расслабился и обнаружил, что ему хорошо.

Гости внимательно его слушали, раньше такого за ними не замечалось, и Хамнер не упустил ни единой подробности. Холод, тьма в часы наблюдений, проверка координат, ведение рабочего журнала. Бесконечные часы сосредоточенного изучения фотографий. И все это — без результата, кроме радости познания Вселенной.

Присутствующие внимали Тиму. Даже Грег, обычно не скрывающий презрительного отношения к богачам и не уделяющий своим капиталам должного внимания.

Здесь, в гостиной, собралась только его семья, но он чувствовал одновременно возбуждение и настороженность. Он увидел, как Барри ухмыльнулся и покачал головой, и догадался, о чем тот подумал: «И на что люди тратят свои годы!»

«Он просто завидует мне», — решил Тим, и мысль эта восхитила его. Хамнер покосился на сестру — та смотрела на него с ироническим изумлением. Джилл всегда умела читать его мысли. И всегда была ему ближе, чем брат Пэт. Но именно Пэт отловил его возле барной стойки и захотел поговорить тет-а-тет.

— Ничего себе домишко, — произнес он. — Мама не знает, как к этому отнестись. — Пэт мотнул головой в ее сторону: женщина бродила по ком-

нате, рассматривая приборы. Как раз сейчас она зачарованно разглядывала таинственные узоры в каллироскопе. — Спорим, я знаю, о чем она думает. Правильно?

— Что правильно?

— Ты приводишь сюда девочек, да? Устраиваешь оргии.

— Заткнись.

Пэт пожал плечами:

— Жаль. Слушай, мне тоже иногда хочется… ладно, проехали. Но послушай, ты должен использовать свой шанс. Такое счастье не навсегда. Мама тебя приструнит.

— Конечно, — пробормотал Тим.

И почему брат затронул эту тему? Мать скоро заведет свою песню: «Тимми, ну почему ты до сих пор не женился?»

«Когда-нибудь я отвечу ей, — подумал Хамнер, — и я ей все выскажу. Потому что всякий раз, когда я встречаю девчонку, с которой, как мне кажется, мог бы жить, ты пугаешь ее до обморока, и она исчезает».

— Умираю от голода, — объявила Пенелопа Джойс.

— Боже мой! — Джилл похлопала ее по животу. — Куда все это у тебя девается? Поделись

секретом. Только не говори, что покрой одежды всегда спасает фигуру. Грег считает, что твои творения нам не по карману.

Пенелопа взяла Тима за руку:

— Пойдем, покажешь, где у тебя попкорн. Я поджарю, а ты достань миски.

— Но…

— Они сами нальют себе выпить. — Она увлекла его на кухню. — Пусть потреплются о виновнике торжества, пока тот будет отсутствовать. Их восхищение только усилится. Ведь ты у нас звезда.

— Неужели? — Он заглянул ей в глаза. — Никогда не знаю, подшучиваешь ты надо мной или нет.

— Вот и отлично. Где масло?

Фильм получился замечательный. Хамнер понял это, когда увидел реакцию родственников. Как же они уставились на экран, когда там появился Тим!

Рэндолл проехался по всему миру и снял наблюдающих за небом астрономов-любителей.

— Большая часть комет открыта именно непрофессионалами, — говорил голос Харви. — Широкой публике мало известно, сколь неоценимую помощь они приносят ученым. И некоторые дилетанты, в сущности, не являются дилетантами.

Кадр сменился. Теперь на экране мистер Хамнер демонстрировал свою горную обсерваторию, а его помощник Мартин рассказывал об оборудовании. Отрывок показался Тиму слишком коротким, но когда он начал наблюдать за своей родней, то приободрился и понял, что Рэндолл сделал все правильно. Всегда надо делать так, чтобы людям хотелось продолжение — хотя бы чуть-чуть…

— Однако некоторые любители, — вещал голос Рэндолла, — дилетанты — в большей степени, чем прочие.

Камера быстро переключилась на улыбающегося подростка у телескопа. Прибор был внушительный, но явно самодельный.

— Гэвин Браун из Сентервилля, штат Айова. Как получилось, что ты вел наблюдение в нужный момент и искал в нужном месте?

— Я не искал, — проскрипел Браун. От застенчивости юнец говорил слишком громко. — Я занимался настройкой телескопа… хотел посмотреть на Меркурий в дневное время. А если хочешь найти Меркурий, все надо настроить под него, ведь он находится близко к Солнцу и…

— Значит, ты обнаружил комету случайно, — перебил его Рэндолл.

Грег Маклив рассмеялся. Джилл бросила на мужа негодующий взгляд.

— Объясни, пожалуйста, Гэвин, — продолжал Харви. — Ты заметил комету намного позже мистера Хампера, но оба вы сообщили о ней одновременно… Каким образом ты сообразил, что перед тобой новый объект?

— Так его там раньше не было.

— То есть, иными словами, ты знаешь все небесные тела в данном квадрате? — спросил Рэндолл.

На экране появился снимок участка неба, где обнаружили комету. Он оказался сплошь усеян звездами.

— Конечно. А разве не всем это известно?

— Ха! — не выдержал Хамнер. — Парень пробыл здесь неделю и — клянусь! — мог бы по памяти рисовать звездные карты.

— Он жил здесь? — удивилась мать Тима.

— Да. В свободной комнате.

— Надо же, — неодобрительно заметила она и напряженно уставилась в телевизор.

— А где сегодня Джордж? — поинтересовалась Джилл. — Очередное свидание? Мама, ты в курсе, что слуга Тима встречался с Линдой Гиллрей?

— Передайте мне попкорн, — произнесла Пенелопа Джойс. — Кстати, где Браун?

— Вернулся в Айову.

— Рекламные ролики сильно поднимают продажи? — осведомился Грег.

— С «Кальвой» полный порядке, — ответил Тим. — Рост продаж по сравнению с прошлым годом — на двадцать шесть и четыре десятых процента…

— Господи, да они гораздо лучше, чем я думал! — воскликнул Грег. — Кто у вас занимается рекламой?

Фильм продолжился. Но о Хамнере теперь почти не упоминалось. Новоявленная комета стала достоянием планеты. Теперь на первом плане красовался Чарльз Шарпс. Он говорил о небесных телах и о том, как важно изучать Солнце, планеты и звезды. Тим не почувствовал разочарования, но решил, что остальные почувствовали. Кроме Пэта, который неотрывно глядел на Шарпса и кивал головой.

Пэт на миг отвел взгляд от экрана и сказал:

— Будь у меня на первом курсе такие преподаватели, я тоже, наверное, открыл бы что-нибудь. Ты с ним знаком?

— С Шарпсом? Никогда не встречался. Но у меня есть и другие записи с ним, — ответил Тим. — И со мной тоже.

Грег подчеркнуто поглядел на часы:

— Мне к пяти утра уже нужно быть на рабочем месте. Рынок сходит с ума. А после фильма свихнется окончательно.

— Почему? — Тим недоуменно нахмурился.

— Кометы, — сказал Грег. — Небесные знамения. Знаки беды. Столько вкладчиков верит в это, причем на полном серьезе! Не говоря о диаграмме, которую нарисовал профессор. Ту, на которой комета сталкивается с Землей.

— Не сталкивается! — запротестовал Пэт.

— Тим! Такое может случиться? — требовательно спросила мать.

— Разумеется, нет! — выпалил ее сын. — Ты что, не слушала? Шарпс заявил, что вероятность столкновения — один к миллиарду.

— А вот и нет, — вдруг заупрямился Грег. — Он говорил, что кометы иногда сталкиваются с Землей. А эта пройдет близко.

— Он имел в виду совсем другое, — возразил Хамнер.

Грег пожал плечами:

— Я знаю, что такое рынок. Поэтому утром, когда начнется заключение сделок, я должен быть в своем кабинете.

Зазвонил телефон. Тим озадаченно глянул на

аппарат. Прежде чем он успел подняться, трубку взяла Джилл. Она выслушала то, что ей сказали, и тоже озадачилась.

— Это из отдела информации твоей компании. Спрашивают, можно ли соединить тебя с абонентом из Нью-Йорка.

— Нью-Йорка? — переспросил Тим и встал.

Он взял трубку, а в кадре представитель НАСА объяснял, что в принципе — чисто теоретически — они могли бы отправить космический зонд для изучения кометы.

Хамнер повесил трубку.

— Ты какой-то огорошенный, — заметила Пенелопа Джойс.

— Угу. Звонил один из продюсеров. Меня приглашают в «Ежевечернее шоу». Вместе с доктором Шарпсом. В общем, Пэт, я с ним лично познакомлюсь.

— Программу Джонни я смотрю каждый вечер, — произнесла мать, и в ее голосе чувствовалось восхищение. На шоу приглашали важных птиц.

Фильм Рэндолла заканчивался в сиянии славы. Под конец продемонстрировали фотографии Солнца и звезд, сделанные со «Скайлэба», а заодно и слезно взмолились — отправьте для изучения

кометы Хамнера — Брауна управляемый корабль с экипажем. Затем прокрутили последний рекламный ролик, и гости начали расходиться. Тим опять с горечью осознал, насколько их развело время. Ему и впрямь не о чем говорить с главой маклерской фирмы или с человеком, застраивающим город домами… пусть даже его собеседниками являлись его зять и родной брат.

И вдруг оказалось, что он смешивает по коктейлю себе и Пенелопе (нет — Джойс), и они — одни.

— Ощущения, как после неудавшейся премьеры, — признался Хамнер.

— «В Бостоне неприятности, и весь город в крестах», — процитировала Джойс.

Он расхохотался:

— Не видел «Пылающее небо» с… ей-богу, с тех пор как ты играла в той летней пьесе. Ты права. Ощущения именно такие.

— Фу.

— Фу?

— Да. Ты всегда так думаешь без всяких на то оснований. И сейчас их тоже нет. Ты можешь гордиться, Тим. Что дальше? Откроешь очередную комету?

— Вряд ли. — Он выжал лайм в ее джин с тоником и протянул бокал Джойс. — Не знаю. Чтобы

делать то, чем мне действительно хотелось бы заниматься, я недостаточно силен. Я имею в виду теории.

— Тогда изучи ее.

— Может быть. — Хамнер походил кругами по комнате, присел рядом с гостьей. Во всяком случае, я попал в учебники. Твое здоровье!

Она подняла свой бокал, салютуя, но без издевки:

— Твое здоровье, Тим!

— Но чем бы я ни занялся, я буду и дальше наблюдать за кометой. — Он пригубил напиток. — Рэндолл думает о продолжении. Что ж… если рейтинги первого будут приличные, мы точно его снимем.

— Печешься о рейтингах?

— Опять дразнишься.

— На сей раз — нет.

— Ладно. Я оплачу еще один фильм. Потому что мне хочется. И мы начнем выбивать космический зонд. Если идею удастся разрекламировать как следует, то его запустят. И тогда кто-нибудь типа Шарпса разберется в кометах по-настоящему. Благодарю.

Молодая женщина положила ладонь на его руку.

— Не за что. Делай, что задумал, Тим. Из тех, кто приходил сегодня, никто не сделал и половины того, что когда-либо мечтал осуществить. А ты на три четверти выполнил намеченное и без задержек доделываешь остальное.

Хамнер взглянул на свою собеседницу.

«Если я на ней женюсь, мама с облегчением вздохнет». Таких, как она, мало.

Хотя его сестра Джилл всегда дружила именно с такими девчонками. Они обычно уезжают учиться в колледжи восточных штатов, каникулы проводят в Нью-Йорке, пренебрегают одними и теми же нормами и правилами. Своих матерей они не боятся. Словом, они прекрасны, и с ними страшно.

Но тягу к сексу, столь сильную у ребят-подростков, легко извратить и подавить. И потому красота этих девушек ослепляет, обжигает, а когда она вдобавок сочетается с безграничной самоуверенностью… Подруги Джилл наводили ужас. Они пугали парня, который никогда не верил в себя.

Но Джойс — другое дело. Для всего этого она была недостаточно красива.

Она насупилась:

— О чем ты сейчас думаешь?

Господи, нет! Он не может ответить на вопрос!

— Просто многое вспомнилось…

Вот он сидит рядом с Джойс. Больше никого нет. А не подстроено ли свидание? Она, конечно, нарочно осталась, когда все разошлись. Если он сейчас попробует…

Но ему не хватило смелости. «Точнее, доброты, — сказал он себе. Да, она элегантна, но в постель с хрустальной вазой не ложатся». Он встал и направился к видеомагнитофону.

— Посмотрим еще какой-нибудь фрагмент?

Некоторое время она пребывала в нерешительности. Внимательно посмотрела на Хамнера. Затем сосредоточенно допила коктейль и поставила бокал на кофейный столик.

— Спасибо, Тим, но пойду-ка я лучше спать. У меня завтра встреча с закупщиком.

Уходя, она улыбалась. Хамнеру улыбка ее показалась несколько искусственной. «А может, я льщу себе?» — предположил он.

В гигантском вихре стало невыносимо тесно. Космические тела всевозможных размеров вращались друг вокруг друга, искривляя пространство, усложняя его топологию, которая непрерывно менялась. Планеты и их спутники были сплошь покрыты шрамами. Планеты с

атмосферой, Землю и Венеру, усеивали кратеры, поверхности Марса, Луны и Меркурия покрывали кольцеобразные гряды гор и моря застывшей магмы.

Однако у кометы появился мизерный шанс спастись. Гравитационные поля Юпитера и Сатурна могли вышвырнуть ее обратно в холод и тьму. Но для этого Сатурн и Юпитер должны были занять иное положение, и потому она продолжила падение, ускоряясь, вскипая.

Вскипая! Летучие химические соединения струями били из тела кометы, выбрасывая клубы кристалликов льда и пыли. Теперь ее окружало облако блестящего тумана, которое могло бы, как щит, прикрыть ее от жара — но нет. Наоборот, мгла, распространившаяся на тысячи кубических миль, отражала солнечный свет на поверхность самой кометы со всех сторон.

С поверхности жар быстро просачивался в глубь ядра. Новые скопления газа вырывались наружу, действуя, подобно двигателям космического корабля. Голову кометы бросало из стороны в сторону. Планеты, их спутники и астероиды, когда она проходила мимо них, воздействовали на нее своим притяжением — тоже меняя ее курс. Заблудившаяся слепая… падающая коме-

та. Умирающая. Она миновала Марс. Теперь ее невозможно было разглядеть внутри облака пыли и кристалликов льда. А облако это стало величиной с Марс.

Телескоп с Земли нащупал ее. Она казалась мерцающей точкой близ того места, где находился Нептун.

Март: Интерлюдия

Ни одному космонавту не довелось прогуляться по твердой поверхности Луны, по ее камням, потому что, куда бы они ни пошли, под ногами у них оказывалась «почва». Этот пылеобразный слой образовался в результате непрерывной, на протяжении геологических эпох, бомбардировки лунной поверхности метеоритами. Непрерывная бомбардировка так искрошила поверхность, что возник остаточный слой обломков камня толщиной в несколько метров.

Доктор Джон А. Вуд,
Смитсоновский институт

Фред Лорен чуть-чуть перенастроил телескоп. Прибор был большой: четырехдюймовый рефрактор на массивной треноге. Квартира, в которой он стоял, обошлась самому хозяину слишком дорого, но она была ему необходима — для наблюдений. Обстановка включала в себя дешевую кушетку, несколько подушек, брошенных прямо на пол, и телескоп.

Фред наблюдал за темным окном в четверти мили отсюда. Скоро она вернется домой. Она всегда возвращается именно в это время. Кто она? Чем занимается? Ушла она одна. Внезапная мысль ужаснула Лорена, его даже замутило. А вдруг она познакомилась с мужчиной? И они вместе поужинали, а потом отправились к нему? Может, именно сейчас он лапает ее грудь. Руки у него, конечно же, волосатые, грубые, как у слесаря, и его пальцы скользят вниз, лаская изгиб ее гладкого живота…

Нет! Она не из таких. Она не позволит никому проделывать с собой нечто подобное. Ни за что на свете.

Но все женщины позволяли, причем всегда. Даже его мать. Лорен содрогнулся. Невольно всплыло давнее воспоминание: ему девять лет, он заходит к матери попросить ее о чем-то. Она лежит в кровати, а на ней — мужчина, которого Фред называет дядей Джеком. Мать стонет и извивается.

Дядя Джек мигом соскакивает с нее и орет:

— Ах ты, сучонок, я тебе, черт побери, яйца отрежу! Что, посмотреть захотелось? Думаешь, увидишь что-нибудь интересное? Стой и попробуй только пикнуть! Писюн оторву!

И Фред стал смотреть. А мать позволяла этому мужчине…

В окне зажегся свет. Пришла! Он затаил дыхание. Она одна? Да, так и есть.

Она принесла большую сумку с продуктами и сразу направилась на кухню.

«Вольет в себя свою обычную порцию, — подумал Лорен, — зря она пьет так много. У нее усталый вид». Он наблюдал, как девушка смешивает себе мартини. Она взяла стакан и подошла к буфету. Фред не стал смотреть, что она там делает, хотя и мог бы. Ожидание раздразнивало его.

У нее было личико сердечком с высокими скулами, маленький рот и большие темные глаза. Длинные вьющиеся волосы — светлые, крашеные. В паху они оказались почти черными. Лорен прощал ей этот обман, хотя сперва был шокирован.

В ее руке что-то блеснуло. Стеклянная ложечка. В магазине подарков на его улице продавалась посеребренная специальная ложечка для мартини, и Фред частенько глазел на безделушку, пытаясь собраться с духом и купить ей подарок. Может, тогда она пригласила бы его в гости. Ведь чтобы получить приглашение, надо завалить ее такими вещицами, но этого он сделать не может:

ведь он знает, что ей нравится, а ей обязательно захочется понять, откуда у него такая информация. Лорен подался вперед, чтобы «коснуться» ее с помощью волшебного зеркала телескопа… разумеется, лишь мысленно, в безнадежном томлении.

Да. Сейчас она сделает это. У нее мало платьев, которые можно надеть в офис. Она работает в банке, и хотя девушкам там разрешается носить брюки и прочее безобразие, вошедшее в моду в последнее время, она выбирала совершенно иные наряды. Колин — она другая. Ему известно ее имя. Он хотел положить свои деньги в ее банк, но не осмелился. Одевается она хорошо, так, чтобы заслужить продвижение по службе, и ее действительно повысили — перевели в отдел новых вкладов, где говорить с ней Фред уже не мог. Он гордился ее повышением, но ему хотелось, чтобы она оставалась на прежнем месте, в справочной. Ведь тогда он мог бы сразу направиться к ее окошку и…

Она стянула с себя голубое платье и бережно повесила его в шкаф. Квартирка у нее была небольшая: комната, ванная и крошечная кухня. Спала она на кушетке.

Подол ее комбинации обтрепался. А однажды

Фред видел, как она вечером подшивала бретельки. Обычно она надевала черные кружевные трусики. Сквозь комбинацию можно было разглядеть цвет нижнего белья. А иногда она была в розовых в черную полоску.

Скоро она будет принимать ванну. Колин моется подолгу. Он мог бы дойти до ее дома, подняться на ее этаж и постучать в дверь. Он бы увидел ее совсем близко. Она доверяет людям. Однажды она открыла дверь, не одевшись, в одном полотенце. Тогда на лестничной площадке стоял монтер из телефонной компании. В другой раз она, тоже в полотенце, поговорила о чем-то с управляющим. Фред сумел бы сымитировать его голос. Он часто следил за управляющим, сидел неподалеку от него в баре и прислушивался к его интонациям.

Она бы открыла дверь…

Но он так не сделает. Он прекрасно понимает, что произойдет потом. Все случится уже в третий раз. Третье изнасилование. Его опять запрут с этими мужиками, с *нелюдями*. Лорен вспомнил, как называли его в камере те типы, что они с ним вытворяли. И сдавленно заскулил — будто она могла услышать.

Она надела халат. Ужин разогревался на плите. Она села на кушетку, включила телевизор. Лорен

рысью пересек комнату, включил свой, нашел тот же канал. И опять приник к телескопу. Теперь он, глядя поверх ее плеча, мог даже слышать звук. Словно они смотрят телик вместе — она и Фред.

Была передача о комете.

Худощавые, безволосые мужские руки были сильнее, чем казалось на первый взгляд. Они скользили по телу Морин — искусные, опытные.

— Мур, — проговорила она и вдруг притянула мужчину к себе, изогнулась, лежа на боку, и обхватила его длинными ногами.

Он мягко отодвинул ее и продолжал гладить, играя с ней… как с реактивным двигателем при посадке на Луну. Мысль пронзила его мозг. Странная, какая-то неуместная. Губы его елозили по ее груди, язык так и мелькал. И добился своего: она растворилась в нем. Забыла о технике любви. Но он — не забыл, он никогда не терял контроля над собой. Он не кончит раньше ее, можно не сомневаться, но сейчас было не до раздумий, существовали только волны содроганий…

Она очнулась, вернулась из дальнего странствия.

Они лежали, обнявшись, дыша в едином ритме. Наконец он пошевелился. Она захватила в горсть его кудри и запрокинула его лицо. Стоя,

он был с ней одного роста — астронавты обычно невысоки, — а когда лежал на ней, его голова оказывалась вровень с ее горлом. Пригнувшись, она поцеловала его и удовлетворенно вздохнула.

Но ее мозг вновь включился. «Жаль, я его не люблю, — сказала она себе, — но почему? Слишком неуязвимый?»

— Джонни, ты хоть когда-нибудь расслабляешься?

Прежде чем ответить, он немного подумал.

— Знаешь, про Джона Гленна рассказывают одну историю… — Он повернулся и оперся на локоть. — Парни из отдела космической медицины решили проверить воздействие стресса на работоспособность астронавтов. Гленна опутали кучей проводов, идущих к различным приборам — фиксировали сердечный ритм, потоотделение и так далее, пока он прогоняет на симуляторе полет «Джемини». В середине процесса за его спиной сбросили железные чушки на наклонную плиту. От грохота зазвенела вся лаборатория, и звук никак не утихал… А сердце Гленна продолжало тикать! — Палец Джонни нарисовал в воздухе индейский вигвам. — Он и глазом не моргнул. Выполнил все, что от него требовалось, и только потом заявил: «Сучьи вы дети».

Он смотрел, как она смеется, а потом печально добавил:

— Мы не имеем права на слабости или ошибки. — Сел. — Если мы собираемся посмотреть твою программу, надо вставать.

— Да. Наверное. Ты первый.

— Хорошо. — Он, нагнувшись, опять поцеловал ее и спрыгнул с кровати.

Она услышала, как зашумел душ, и подумала, не присоединиться ли к нему. Нет, сейчас ему это не интересно. Она сболтнула лишнее, и его захлестнут воспоминания о погубленной карьере — не из-за допущенного им недочета, а потому что Америка ушла из космоса.

Халат она обнаружила там, где он его оставил. Заботливый. «Мы не имеем права на слабости или ошибки». Если что-то делаешь — делай постепенно и наилучшим образом, ползешь ли ты по потерпевшему катастрофу «Скайлэбу», восстанавливая его в условиях орбитального полета, или крутишь романы. Он делал все *как надо*. Четко и без суеты.

Они познакомились в Хьюстоне, где Джонни Бейкера из Комитета по астронавтике назначили сопровождать сенатора Джеллисона и его свиту. Бейкер, женатый, растивший двух детей, оказал-

ся джентльменом в полном смысле этого слова. Когда сенатору пришлось внезапно уехать, он пригласил Морин пообедать. И целую неделю, пока босс пребывал в Вашингтоне, составлял ей компанию. И взял ее на запуск ракеты во Флориду.

А джентльменом он оставался только до тех пор, пока они не вернулись в мотель за забытым кошельком… и ей до сих пор непонятно, кто же кого тогда соблазнил. Она не спала с женатыми. Если уж говорить начистоту, она никогда не занималась сексом с теми, в кого не была влюблена.

Да что любовь! В нем было нечто такое, перед чем Морин не смогла устоять. Единственная жизненная цель и способность добиваться ее любыми способами.

А она была молода, успела побывать замужем и не давала обета целомудрия… «Оставь, в конце концов дурацкие навязчивые мысли!» Морин живо скатилась с кровати и включила телевизор. Только для того, чтобы прервать цепь размышлений.

Но я ведь не гулящая девка.

«Вопрос о его разводе решится на следующей неделе, но я не имею к этому никакого отношения. Энн ничего не знала. И точка. А если он не

захочет разводиться? Если виновата я — ладно, но Энн вообще не в курсе. И мы с ней по-прежнему хорошие подруги».

«Джонни не всегда был таким, — рассказывала Энн, — но все переменилось после полета. Конечно, раньше он пропадал на тренировках, а я составляла маленькую толику его жизни… но была для него хоть чем-то. А потом он ухватился за свой шанс, все получилось, он стал героем, а я оказалась без мужа».

«Энн не понять, — подумала Морин, — зато я — другое дело. Суть не в полете, а в том, что он стал *последним*… Если ты — Джонни Бейкер, ты вкалываешь до седьмого пота, готовясь взять новый рекорд, а в результате это уже никому не нужно».

Да, некая одержимость. Кстати, и у Тима Хамнера есть нечто этакое. А Джонни может похвастаться невероятной целеустремленностью. Быть может, Морин тоже кое-что позаимствовала у него. А теперь, пожалуйста: у Джонни исчезла его единственная цель, а самым важным для Морин Джеллисон стала стычка с хозяйкой пафосного вашингтонского салона.

Вот что заводило ее всякий раз, как Морин вспоминала о ней.

Аннабелл Коул причисляла себя к феминисткам. Полгода назад ее встревожила угроза вымирания какого-то вида улиток. А спустя шесть месяцев она, вероятно, будет оплакивать угасание древних традиций среди австралийских аборигенов. Сейчас же ей оставалось только винить мужчин, сколько их есть на белом свете, во всем плохом, что когда-либо случалось. И никто ей по-настоящему не возражал. Не смел. На вечеринках у Аннабелл решалась значительная часть вопросов мирового бизнеса.

Недавно она связалась с Морин посреди ночи — понадобилась поддержка ее отца. Дочь сенатора разозлилась. Коул хотелось, чтобы Конгресс выделил средства на создание искусственной матки, необходимой для освобождения женщин от девяти месяцев рабства, на которое обрекает их внезапная перестройка организма.

«И я сказала ей, — подумала Морин, — что дети — составляющая секса, и, если она не хочет беременеть, ей придется перестать трахаться. Забавно, ведь у меня и детей-то нет!»

Конечно, папочка может потерять некоторые важные связи из-за упражнений его дочери в тактичности, но иных проблем на этом поприще не предвидится. Когда Аннабелл найдет очередной

повод, Морин закатит вечеринку и пригласит какую-нибудь шишку, с которой надо будет познакомить Аннабелл. Прекрасная идея. Но волнует ее другое: ощущение, что стычка с Коул — самое важное в ее жизни!

— Налью нам выпить! — крикнул Джонни. — А ты пока приняла бы душ — передача начнется буквально через минуту.

— Хорошо, — отозвалась она.

Выйти за него? Создать ему условия для новой карьеры. Заставить баллотироваться на государственную должность или писать мемуары. Ему все по плечу… И почему она не может найти своей цели?

Комната выглядела типично мужской. Книги, миниатюрные модели истребителей, на которых летал Джонни Бейкер, «Скайлэб» с поломанными крыльями. Большая картина в раме: человек в раздутом, неуклюжем скафандре пробирается в открытом космосе к разрушенной панели «Скайлэба» — безликая фигура непривычных очертаний, не связанная с посудиной тросом, рискующая погибнуть в полнейшем одиночестве, если хоть на мгновение потеряет контакт с кораблем. Внизу висела медаль НАСА.

Напоминания о прошлом. И только. Ни рисун-

ков, ни фотографий «Шаттла», запуск которого снова отложен. Никакого упоминания о Пентагоне, нынешнем месте службы Джонни. Две фотографии детей (на одной — на заднем плане — Энн, глядит с грустью и недоумением).

В руке Джонни держал стакан, но, похоже, давно забыл о выпивке. Морин наблюдала за его лицом, а он не сознавал, что на него смотрят. Он видел то, что показывали на экране телевизора.

Параболические орбиты, пересекающие концентрические круговые орбиты планет. Старые снимки комет Галлея, Брукса, Каннингема и других, наконец, фото расплывшейся точки. Комета Хамнера — Брауна. Молодой мужчина в круглых очках, делающих его глаза похожими на сферические глазища насекомых, яростно и напористо говорит.

— Да, столкновение неизбежно — когда-нибудь. Но не стоит рассчитывать на астероиды. Их орбиты слишком близки к стабильным. Наверняка существовали астероиды, чьи орбиты пересекались с орбитой Земли. У них было четыре миллиарда лет, и почти все они врезались в нас, — вещает он. — Так давно, что от кратеров даже и следа не осталось, они выветрились, хотя, конечно, есть кое-что — самые крупные и самые

свежие отпечатки. Но взгляните, какие отметины астероиды оставили на Луне! А кометы — это нечто совершенно иное.

Указательный палец лектора проехался по нарисованной мелом параболе.

— За орбитой Плутона находится скопление материи. Возможно, еще не обнаруженная нами планета… Мы уже придумали ей имя. Персефона. Некая масса возмущает орбиты вращающихся там громадных снежков — и они в шлейфе кипящих химических соединений валятся прямо на наши головы. Ни одно из данных скоплений никак не может столкнуться с Землей, пока его не зашвырнет во внутреннюю систему. Когда-нибудь катастрофы не избежать. Мы узнаем об этом заранее — примерно за год. Пожалуй, в нашем распоряжении будет побольше времени, если мы изучим комету Хамнера — Брауна.

Затем на экране появилась прилизанная девица и заявила, что не могла выйти замуж: женихи, стоило им посетить ее дом, тут же исчезали. Ей ответили, что «Мыло Кальва» изобрела новое дезинфицирующее средство для мойки унитазов. Джонни с улыбкой вернулся на грешную землю: дескать, четко гнет свою линию, да?

— Снято неплохо. Я говорила, что знакома с

человеком, с которого все началось? И с Тимом тоже. Познакомилась с ним на том же вечере, где был Харви Рэндолл. Хамнер — не просто тяжелый случай. Он маньяк. Он только что открыл комету и рвался поскорее поведать о ней всем и каждому.

Бейкер мелкими глотками пил из стакана. Затем, после долгой паузы, произнес:

— В Пентагоне ходят странные слухи.

— То есть?

— Звонил Гас. Из Дауни. Похоже, с «Аполлона» счищают ржавчину. И что-то проскользнуло… о том, что титановый стартовый двигатель «Большой птицы» переставят куда-то еще. Тебе что-нибудь известно?

Она отхлебнула из стакана, и ее захлестнула волна печали. Понятно, почему Джонни вчера позвонил. Провести шесть недель в Пентагоне, столько же — в Вашингтоне, не пытаясь повидаться с ней, а затем…

«А я-то собиралась удивить его. Хорош сюрприз».

— Папа пытается заставить Конгресс ассигновать средства на отправку экспедиции к комете, — сказала Морин.

— Правда? — спросил Джонни.

— Угу.

— Но… — Его внезапно стала бить жрожь. Ничего подобного Морин прежде с ним не замечала.

Бейкер летал на истребителях над Ханоем, и его маневры всегда были безупречны. Он не оставлял «МиГам» ни единого шанса. А однажды, когда не было времени вызвать врача, он собственноручно вытаскивал осколки из командира своего экипажа. Один крупный штырь застрял в груди, и Бейкер извлек его: ловко рассек ткани, обнажив артерию, и твердыми, как сталь, пальцами зажал сосуд, хотя раненый пронзительно кричал, а вьетконговцы вовсю лупили по противнику. Но Джонни не дрогнул.

А сейчас он места себе не находил.

— Конгресс не даст денег.

— А может, и раскошелится. Русские тоже планируют экспедицию. Нельзя позволить им опередить нас, — объяснила Морин. — Ради сохранения мира мы обязаны показать им, что готовы к соревнованию — в какой области им бы ни хотелось с нами посоперничать. Мы ведь все равно выигрываем.

— Наплевать, хоть бы это были марсиане! Мне пора. — Он вновь приложился к стакану.

Руки его вдруг снова перестали дрожать.

Морин зачарованно смотрела на Джонни. Похоже, у него появилась цель.

«И я знаю, что за цель: я. С моей помощью попасть на корабль. Минуту назад он, пожалуй, и впрямь меня любил. Сейчас — нет».

— Извини, — выпалил он. — Мы мало времени провели вместе, но… *сейчас* ты меня взяла за жабры. Моя голова сейчас занята только одним. — Он отпил глоток виски со льдом и уставился на экран телевизора.

Морин оставалось только гадать, не разыгралось ли ее воображение. И насколько умен Джонни Бейкер?

Рекламный ролик милосердно закончился. Камера дала крупный план Лаборатории реактивного движения.

Одной рукой ведя почтовый фургон, Гарри Ньюкомб торопливо дожевал остатки сэндвича. По контракту ему полагался обеденный перерыв, но он не тратил зря ни минуты. У него всегда находилось что-нибудь поинтереснее.

День уже клонился к вечеру, когда Гарри добрался до ранчо Силвер-Вэлли. Как обычно, остановился у ворот. Там было место, откуда в просвете между холмами открывалось все великолепие простирающейся к востоку Высокой

Сьерры и горные вершины, покрытые снегом. К западу расстилались предгорья, над ними висело солнце. Наконец Ньюкомб вылез из машины и открыл ворота. Снова забрался внутрь, проехал, куда положено, спрыгнул на землю и тщательно затворил створки за собой. На приколоченный к столбу за воротами почтовый ящик он не соизволил обратить внимания.

По дороге он притормозил и сорвал гранат с дерева. Роща началась с одного побега. И с тех пор сама безо всякого ухода разрасталась на склоне холма, неподалеку от ручья. Гарри наблюдал за этим уже в течение шести месяцев: благо маршрут его не менялся. Он предположил, что гранатовые деревья будут захватывать все новые участки территории и доберутся до самых зарослей бурьяна внизу. Кто в итоге победит? Ньюкомб понятия не имел. Он парень городской.

Нет. Бывший городской. Ха! Он будет счастлив, если никогда не увидит Лос-Анджелес!

Он ухмыльнулся, взвалил свой груз на плечо и, кренясь набок, поплелся к входной двери. Позвонил. Скинул сумку наземь.

Еле слышное завывание пылесоса стихло. Миссис Кокс распахнула дверь и улыбнулась, увидев раздувшуюся сумку почтальона.

— Добрый день, Гарри!

— Ага. С Днем хлама, миссис Кокс!

— И вас тоже. Кофе?

— Не-а, не задерживайте меня. Не положено.

— Свежесваренный. С только что испеченными булочками.

— Ладно… Этому я противиться не способен. — Ньюкомб полез в сумку, висевшую на боку. — Письмо от вашей сестры из Айдахо. И еще от сенатора. — Он передал женщине конверты, затем вновь взвалил груз на плечо и, пошатываясь, вошел в дом. — Куда?

— На обеденном столе поместится.

Гарри вывалил содержимое на полированную поверхность. Казалось, стол сделан из цельного куска дерева, и на вид ему примерно лет пятьдесят. Таких теперь уже не делают. Если это мебель в жилище экономки, что же находится в особняке на вершине холма?

Красивая текстура столешницы утонула в бумажном потоке: просьбы о пожертвованиях от благотворительных организаций, письма различных политических партий, послания из колледжей. Призывы участвовать во всяческих лотереях, покупая для этой цели граммофонные пластинки, одежду, книги, подписку на журналы.

«Возможно, вы только что выиграли дополнительные сто долларов в неделю!» Религиозные трактаты. Политические лекции. Брошюры по налоговой политике. Образчики мыла, зубной пасты, моющих средств, дезодорантов.

Элис Кокс принесла кофе. Одиннадцать, а уже красавица. Длинные светлые волосы. Голубые глаза. Доверчивая девочка, в чем Гарри убедился, наблюдая за ней в свободное время. Но она вправе быть такой: тут ее никто не обидит. В автомобилях большинства мужчин, проживающих в Силвер-Вэлли, покачиваются в ременных петлях винтовки. И ребята эти преотлично знают, как следует поступать со всяким, кто вздумает приставать к одиннадцатилетней девочке.

Вот что действительно нравилось Ньюкомбу (как и многое другое в Силвер-Вэлли). И, конечно же, не насилие, ибо Гарри ненавидел насилие. Нет, его привлекало ощущение *угрозы, словно бы витающей в воздухе.* Винтовки здесь брали в руки только для охоты на кабанов (необязательно в охотничий сезон, закон нарушался, если жителям ранчо хотелось свежатины или олени вытаптывали посевы).

Миссис Кокс подала булочки. Когда Ньюкомб вопреки правилам доставлял почту прямо на

дом, его частенько угощали чем-нибудь вкусным. Кофе экономка варила не самый лучший, но уж другой такой чашки, безусловно, в долине не сыскать: тонкий костяной фарфор был чересчур хорош для почтальона с замашками хиппи. Попав сюда в первый раз, Гарри выпил воды из оловянной кружки, стоя на пороге.

А теперь он сидел за превосходным столом и смаковал горячий напиток из хрупкой чашки. Дополнительная причина держаться подальше от городов.

Но все же он торопливо допил кофе. На свете существует еще одна девочка — блондинка, — и ей исполнилось восемнадцать, с ней все законно, и у нее тоже намечается День хлама. Она наверняка никуда не выходила. Для него Донна Адамс всегда дома.

— Здесь полно всего для сенатора, — заявил Ньюкомб.

— Да. Он сейчас в Вашингтоне, — ответила миссис Кокс.

— Но скоро вернется, — пискнула Элис.

— Лучше бы поскорее, — добавила ее мать. — Хорошо, когда он бывает на ранчо. У нас все время толкутся разные люди. Важные персоны. Однажды в особняке ночевал сам президент. В

тот раз была суматоха, ранчо кишело людьми из секретной службы. — Она засмеялась, и Элис захихикала.

Гарри непонимающе уставился на них.

— Как будто кто-нибудь в долине мог покуситься на президента Соединенных Штатов, — пояснила женщина.

— Все равно, по мне, ваш сенатор Джеллисон — выдумка, — произнес Ньюкомб. — Я развожу почту по этому маршруту целых восемь месяцев и пока не видел его.

Экономка смерила его взглядом. С виду славный паренек, хотя миссис Адамс утверждает, что ее дочь уделяет ему чересчур много внимания. Волосы у него длинные, вьющиеся, каштановые, такая шевелюра украсила бы любую девушку. И борода у него неплоха. А усы — настоящее произведение искусства. Наверное, Гарри их завивает и чем-то умащивает: на концах они закручивались маленькими колечками.

«Он может отращивать волосы сколько угодно, — подумала миссис Кокс, — но он все равно тощий хлюпик, даже меньше меня». И снова удивилась: что в нем нашла Донна Адамс? Вероятно, причина в машине? У Ньюкомба — спортивный автомобиль, а местные парни — как и их отцы

— водят пикапы.

— Возможно, вы скоро повстречаетесь с сенатором, — заметила она. Ее слова (хотя Гарри ничего не подозревал) означали высшее одобрение: миссис Кокс очень бдительно относилась к тому, кто именно допущен к ее боссу.

Элис начала рыться в возвышающейся на столе груде разноцветных конвертов.

— Как же их много! Сколько времени они копились?

— Две недели, — ответил почтальон.

— Ну, спасибо вам, Гарри, — вымолвила миссис Кокс.

— И от меня спасибо, — сказала девочка. — Если б вы их не доставили прямо на дом, тащить всю кипу пришлось бы мне.

Ньюкомб вернулся к автомобилю и спустя полминуты уже катил вниз по длинной улице. Притормозил, чтобы полюбоваться Высокой Сьеррой. И поехал к соседнему ранчо, за добрых полмили отсюда. Джеллисон владел обширным поместьем, хотя немалая часть его угодий представляла собой пустоши, усеянные норками сусликов. Хорошая почва, но воды для ирригации не хватало.

Возле следующих ворот Джордж Кристофер

делал что-то непонятное в апельсиновой роще. «Собирается окуривать деревья», — решил Гарри.

Ньюкомб открыл ворота, и хозяин тяжелой походкой направился ему навстречу. Мужчина оказался здоровенным — ростом с Гарри, зато раза в три объемнее, с бычьей шеей. И абсолютно лыс (череп загорел на солнце), хотя ему вряд ли было сильно за тридцать. На нем были клетчатая фланелевая рубаха, темные брюки и заляпанные грязью ботинки.

Гарри поставил сумку на землю. Кристофер насупился:

— Снова День хлама?

Он оглядел длинные волосы и экстравагантно подстриженную бородку почтальона и нахмурился еще пуще.

Гарри в ответ оскалился.

— Ага. Через каждые две недели, как часы. Я занесу это в дом.

— Вы не обязаны так поступать.

— Мне нравится.

Здесь не было миссис Кристофер, зато у Джорджа имелась сестренка, наверное, однолетка Элис Кокс, и она любила поболтать с Гарри. Очень умная девчушка, с которой приятно беседовать.

Всегда в курсе последних новостей долины.

— Отлично. Не забудьте о собаке.

— Не беспокойтесь. — Ньюкомб не боялся собак.

— Вы когда-нибудь думали, сколько дала бы за вашу голову рекламная индустрия? — спросил Кристофер.

— У меня к ним есть встречный вопрос, — парировал Гарри. — Почему правительство снижает рекламщикам налоги, и у них появляется все больше возможностей попусту тратить наше время? Что скажете? Ваши-то налоги растут?

Кристофер перестал морщить лоб. Он уже улыбался:

— Задайте им эти вопросы. Тут стоит сражаться только за безнадежные дела. А дело налогоплательщика, считай, теперь почти безнадежное. Я закрою за вами ворота.

Конец дня. Работа закончена. Ньюкомб зашел в сортировочную в глубине здания почты. К спинке стула оказалась приколота записка.

«Волчище желает тебя видеть. Джина!!!»

Сама Джина стояла у стола, где разбирали письма, — высокая, черноволосая, прямая, с широкой костью. Единственная брюнетка — насколько известно Гарри — на всю долину. Он подмигнул

ей и постучался к управляющему.

Когда он вошел, мистер Вулф холодно уставился на него.

— Поздравляю с Днем хлама, — наконец процедил мужчина.

Бемц! Но Ньюкомб ухмыльнулся:

— Спасибо. И вас с праздником, сэр.

— Не смешно. Зачем вы это делаете? Для чего вы отбираете коммерческие рассылки и храните, чтобы разом развезти их в один день… раз в две недели?

Гарри пожал плечами. Он мог бы объяснить: сортировка «почтового хлама» отнимала столько времени, что не оставалось никакой возможности поболтать с клиентами, поэтому он и начал сваливать бумаги в одну кучу. Все началось именно так, и адресаты не встретили идею Гарри в штыки.

— Людям это по душе, — обороняясь, сказал Ньюкомб. — Они могут прочесть сразу все. Или просто отправить в камин.

— Тем самым вы препятствуете работе государственной почты, — произнес Вулф.

— Если кто-либо возражает, я вычеркну его из списка празднующих День хлама, — ответил Гарри. — Не люблю огорчать клиентов.

— Миссис Адамс, — начал Вулф.

— А!..

Жаль. Не будет Дня хлама — и у Гарри не будет предлога навещать Адамсов и беседовать с Донной.

— Вам придется доставлять коммерческую почту так, как предписывают правила, — гнул свое начальник. — По мере ее поступления. Не надо накапливать ее. День хлама отменяется.

— Хорошо, сэр. Какие еще изволите дать указания?

— Сбрейте бороду. Постригитесь короче.

Ньюкомб замотал головой. Он знал эту часть правил.

Вулф вздохнул:

— Послушайте. Гарри, вы не понимаете, что значит быть почтальоном.

Кабинет у Эйлин Сьюзан Хэнкок был маленький и тесный, зато ее собственный. И она не один год работала, чтобы заполучить его. Раньше у нее был только стол. Кабинет доказывал, что она не просто секретарша.

Она нажимала кнопки калькулятора, хмурилась, потом от внезапно мелькнувшей мысли заливисто рассмеялась. А мгновением позже поняла, что в дверях маячит Джо Корриган.

Он шагнул в кабинет. Верхняя пуговица на брюках его опять не застегнута. Жена не разрешала ему покупать брюки другого размера, не теряя надежды, что супруг еще похудеет. Корриган сунул большие пальцы за пояс и насмешливо уставился на Эйлин.

Смех оборвался. Она снова принялась считать на калькуляторе и теперь даже не улыбалась.

— Ладно, — проворчал он. — В чем соль шутки?

Эйлин взглянула на него круглыми глазами:

— Что? Нет уж! Такое я вам не могу рассказать.

— Думаете, если свести меня с ума, власть над компанией перейдет к вам? Не выйдет. Я принял меры.

Джо нравилось, когда она такая. Эйлин относилась к породе людей «все или ничего». Либо она была серьезна и полностью погружена в работу, либо веселилась от души.

— Ладно, — заявил он. — Меняю секрет на секрет. Я нанял оформителей. Дело в том, что Робин Джестон подписал контракт.

— Вот и отлично.

— Ага. Значит, нам понадобится помощь. В общем, в качестве первого шага вы назначаетесь помощником генерального директора, если

хотите.

— Очень хочу. Спасибо. — Беглая улыбка осветила ее лицо (как фотовспышка: пых! — и нету, не успеешь заметить).

Она снова склонилась над калькулятором.

— Я знал, что вы согласитесь. Потому и пригласил оформителей. Оборудовать для вас новый кабинет по соседству с моим. Я им сказал, что, когда закончат подготовительные работы, пусть проконсультируются с вами. — Корриган грузно уселся на край стола. — Хотел сделать вам сюрприз. А у вас какой секрет?

— Я забыла, — произнесла Эйлин. — И мне действительно нужно закончить сметы, чтобы вы могли захватить их к Бейкерсфилду.

— Ясно, — кивнул он и, разбитый наголову, отправился к себе.

«Если б он знал», — подумала Хэнкок. Она едва не захихикала, но сдержалась. Она не пыталась дразнить Корригана.

«Что ж, я сделала это. А Робин милый. Не лучший в мире любовник, но ведь он на данное звание и не претендует».

А как он просил ее об очередном свидании! «Любовникам нужна практика, — говорил он. — Второй раз всегда лучше, чем в первый».

Вопрос остался открытым. Возможно, она переспит с ним еще разок, но скорее всего нет. Он без обиняков признался ей, что женат: до тех пор она это только подозревала.

Никогда не было и намека на то, что личная жизнь и деловые отношения связаны. Но он подписал крупный контракт с компанией «Сантехническое оборудование Корригана» — и теперь Эйлин чувствовала себя странно. Интересно, отнеслась бы она с таким безразличием к семейному положению Робина, если бы сделка не подвисла. И вот теперь он подписал.

А она сидела здесь, возилась с калькулятором и с бумагами… и внезапно спросила себя: какое отношение имеет ее работа к водоснабжению и канализации?

«Я не произвожу трубы. Я их не свариваю. Я не расширяю сеть и не указываю, где следует размещать люки. Я только перекладываю бумажки».

Правда, она выполняла важную задачу, если мерить ее занятость с хаосом, какой Эйлин могла породить, если бы хоть раз ошиблась, случайно или злонамеренно. Малейшая описка, и тысячи тонн материалов и оборудования отправятся на край света. Но к творчеству, к производству цивилизованных скреп ее деятельность имела не

больше отношения, чем взыскание налогов или труд кочегара на дизельном поезде.

Босс, похоже, целый день будет ломать голову, от чего она внезапно расхохоталась, но невозможно ведь объяснить ему подноготную. Просто смешинка в рот попала — неожиданно, непреодолимо: то, чем она занималась позапрошлой ночью с Робином Джестоном, было напрямую связано — непосредственно связано! — с трубами и затычками.

Об угоне автомобиля узнают не так скоро. Несколько часов точно есть — вот в чем Алим Нассор не сомневался. Он даже был готов просидеть в тачке еще десять минут.

Раньше Алим был великим человеком. Когда он снова взойдет на пьедестал, ему придется кое-что скрывать.

Итак, в самом начале его звали Джордж Вашингтон Карвер Дэвис. Мать очень гордилась этим именем. Она рассказывала, что семья получила свою фамилию в честь Джефферсона Дэвиса, президента Конфедерации. Он оказался крутым белым чуваком, хотя имечко у него было паршивое, но в нем чувствовалась сила.

С тех пор Алим сменил множество уличных кличек. Мать их не одобряла. Когда она наконец

вышвырнула сына из дома, он взял себе настоящее имя.

На арабском и суахили «Алим Нассор» означает «мудрый завоеватель». Немногие это знают — ну и что? Каждая буква пропитана силой. «Алим Нассор» звучит мощно, не то что Джордж Вашингтон Карвер!

И о нем писали в газетах. Он запросто заходил в городскую мэрию — посмотреть, что у них творится. То было его право — после того как он разогнал бунтующих, размахивая выкидухой. А еще у него были спрятаны бритвы в ботинках, а вокруг талии всегда обмотана цепь. Крутой чувак, деньжищи бы грести лопатой. Государственные бабки. Белые не скупились, лишь бы в черном гетто царила тишь да гладь. Это была хорошая игра, и очень жаль, что она закончилась.

Он тихо выругался. Мэр Бентли Аллен. Очередной чернокожий мэр Лос-Анджелеса, и этот чертов дядя Том разом перекрыл все каналы. Обновил состав городского совета. А глупый черный конгрессмен сукин сын — ему, значит, мало, решил впихнуть своих родственничков в платежную ведомость города. Вот о чем сразу пронюхали репортеры телевидения! В наши дни у черного, занявшегося политикой, должна быть

снежно-белая репутация.

Ладно, та игра закончилась, и Алим начал новую. Одиннадцать дел прошли гладко. И принесли… что? Добыча составила четверть миллиона долларов за четыре года. Меньше ста штук осталось после барыг. Значит, каждый из четырех заработал за четыре года двадцатку! Такую сумму даже нельзя назвать заработком! Конечно, часть денег ушла на юристов, но пять тысяч в год?

Это дело будет тринадцатым. Ждать недолго. В магазине успешно торгуют. Алим набрался терпения — он всегда точно чувствовал время. Двери распахнулись, и наружу вышли двое. Покупатели. А так улица пустовала.

Ему не нравилось то, чем он вынужден заниматься. Незачем проливать кровь. Он вбил это в головы своим сподвижникам. Белых мочить честно, но черных братьев не тронь. Что они о нем думают? Но он загнан в угол, и надо действовать быстро.

Местечко было неплохое, он приберег его на крайний случай, и вот припекло, чтоб его! А адвокат, надо думать, его вытащит, но и адвокаты и поручители хотят кушать, причем сейчас, а не когда-нибудь потом. Идиотизм: грабить магазин, чтобы иметь возможность заплатить адвокату

за то, чтоб он отмазал его от ограбления. Ничего, когда-нибудь положение изменится. Он, Алим Нассор, все исправит.

Пора. Почти. Пять минут назад один из его братьев нарочно отдался в лапы копов, нарушив правила уличного движения в четырнадцати кварталах отсюда: минус одна патрульная машина. Двадцать минут назад другой братишка устроил семейные разборки, и сестра позвонила в полицию. Туда отправили очередной патруль. Тачек у легавых осталось всего две. Районы, где живут черные, патрулируют не так, как улицы, где обитают белые воротилы. У бедолаг не те страховки. Или они просто не знают, как облизывать муниципалитет.

Иногда он использовал четыре отвлекающих маневра одновременно. Лучший вариант — устроить уличную пробку. Нужно дать ребятне мелочишку, и они затеют игры посреди улицы. Нассор оказался прирожденным лидером. И винтили его только в юности — если не считать того случая, когда из прачечной самообслуживания вдруг выперся коп… И ведь он был не на дежурстве! Кто бы мог подумать, что брат — легавый? По сей день непонятно, почему он, Алим, не выстрелил. Он заскочил в переулок и бросил

пистолет, маску и сумку: пусть похлопочут адвокаты. Кроме того, доказательством его вины могли стать лишь показания той белой ограбленной морды, но имелись способы отговорить его от дачи показаний.

Пора. Алим вылез из машины. Маска смахивала на лицо, с десяти футов никто бы вообще не понял ничего. Пушку он спрятал под ветровкой. А когда дело будет сделано, куртка и маска исчезнут. Мысли сосредоточились на одном, в данный момент для Нассора не существовало ни прошлого, ни будущего. Дорогу он перешел на перекрестке. Все по закону, ничего привлекающего внимание. Магазин — пуст.

Все было отлично, как по маслу. Он забрал баксы и направлялся к выходу, и вдруг в магазин вошел, это надо же… опять брат.

Его Алим, кстати, знал не один год. Но что ублюдку здесь, спрашивается, понадобилось? Тут за Уоттсом, не должно было быть никого из Бойл-Хайтс! А, черт… Брат тоже увидел его. Может, по походке или еще как-нибудь, но *засек*.

На то, чтобы взвесить все плюсы и минусы, ушла секунда. Алим развернулся, прицелился и выстрелил. Сделал контрольный. Парень упал. Глаза пожилого владельца магазина округли-

лись от ужаса, и Нассор выстрелил еще три раза. Ограбление никого бы не взволновало. Но убийство? Копы будут землю носом рыть. Лучше не оставлять свидетелей. Но жаль.

Он выскочил на улицу, но не побежал к угнанной машине, стоявшей на противоположной стороне.

Он торопливо оставил позади половину квартала, свернул в переулок и вскоре оказался на параллельной улочке. Руки тряслись — отзвук единственной в своем роде, сохранившейся с древнейших времен дрожи. Человек создан для того, чтоб использовать дубину, а ствол — всем дубинам дубина. Прицельсь, сожми кулак, и если враг достаточно близко, чтобы разглядеть его морду, — бей! Ударь или выстрели. Уложи с одного захода. Сила! Власть!

Он знал подсевших на это ощущение.

Его брат (сын его матери, не просто братишка по крови) ждал его в нормальной, не паленой тачке. Они тронулись с места на нужной скорости, но не резко, чтобы их не тормознули.

— Грохнул двоих, — сказал Алим.

Гарольд поморщился, но голос его звучал ровно:

— Плохо. Кто они?

— Никто. Так, мелочь.

Март: 2

Большинство астрономов полагает, что кометы в совокупности образуют громадное облако, окружающее Солнечную систему и, вероятно, простирающееся на половину расстояния до ближайшей звезды. По оценке голландского астронома Яна Хендрика Оорта, по имени которого обычно называют это облако, оно, вероятно, состоит из ста миллиардов комет.

Брайан Марсден,
Смитсоновский институт

Разместились, и неплохо, в Зеленом зале. Парочка служителей и на удивление смазливая распорядительница наполняли бокалы, едва те наполовину пустели, и Тим Хамнер выпил больше, чем хотел. «А ведь я богаче Арнольда», — подумал он.

Арнольд, автор бестселлеров, никогда не говорил ни о чем, кроме своих книг. Когда Тим сказал ему, что комету уже видно невооруженным глазом, тот и не понял, о чем идет речь. Когда Хамнер

объяснил ему, он выразил желание встретиться с Брауном.

Один из служителей подал знак, и Тим встал на нетвердых ногах. Похоже, недавно лестница была не столь крутая. Но он добрался как раз вовремя, чтобы услышать окончание профессионально гладкого монолога Джонни и аплодисменты аудитории.

Парень был в отличной форме и шутил с гостями. Тим вспомнил, что Шарпс из ЛРД выступал с лекцией, посвященной кометам (сам видел по телевизору), и что Джонни вроде бы оказался весьма сведущ в астрономии. Выделялась еще одна гостья: вдова с таким внушительным бюстом, что двадцать лет назад она обогатила английский язык новым выражением. Она то и дело перебивала, отпуская непристойные комментарии. Вдовушка изрядно набралась. Хамнер вспомнил, что зовут ее Мэри Джейн, и никто уже не упоминает ее сценический псевдоним: в ее возрасте и с такой репутацией он казался несуразным.

Тима пронизал мгновенный ужас сцены. А потом Джонни обернулся к нему.

— Как вы обнаружили комету? Увы, но это был не я, — серьезно произнес Джонни.

— Вам бы не хватило времени, — ответил

Хамнер. — На наблюдения уходят годы. Иногда десятилетия, и нет никаких гарантий. Выбираете телескоп и с его помощью начинаете смотреть на небо, запоминаете расположение звезд и всего прочего, после чего запираетесь в обсерватории, но ничего нового не видите, только место зря просиживаете. В горах по ночам холодно.

Мэри Джейн что-то сказала. Джонни встревожился, но виду не подал. Звукооператор в наушниках показал ему жестом, что все в порядке.

— Вам нравится быть владельцем кометы? — поинтересовался Джонни.

— Половины кометы, — машинально поправил Тим. — Да. Очень.

— Ему недолго оставаться ее хозяином, — встрял доктор Шарпс.

— Почему еще? — повысил Тим голос.

— Она достанется русским, — пояснил ученый. — Они отправляют «Союз» провести наблюдения с близкого расстояния. Вот тогда-то они и заполучат комету.

Отвратительно!

— Но разве ничего нельзя сделать? — осведомился Тим.

— Конечно, можно, запустить «Аполлон» или

какой-нибудь самый современный корабль, загрузив его оборудованием, которое пока ржавеет без пользы. Мы даже провели подготовительные работы. Но средства закончились.

— Но вы могли бы что-то предпринять, если б у вас были деньги? — оживился Джонни.

— Мы могли бы полететь туда и вблизи наблюдать прохождение Земли через хвост. Но американцы так мало интересуются новыми технологиями. Они никому не нужны, пока наши разделочные электроножи исправны. Вы когда-нибудь задумывались о том, насколько мы зависим от вещей, в которых никто из нас не разбирается? — Шарпс драматически обвел рукой телестудию.

Джонни начал что-то вещать о домохозяйке, для которой работа с персональным компьютером превратилась в хобби, но неожиданно замолчал. Зрители, приглашенные в студию, затаили дыхание. Воцарилась тишина, которую ведущий давно научился уважать. Люди хотели выслушать Шарпса. Пожалуй, именно сегодня их ждет удача, будет снят один из тех знаменательных выпусков, которые повторяют по воскресеньям и часто вставляют в сетку вещания.

— Я имею в виду не только телевидение, — продолжал Шарпс. — Вот стол. У него пластиковая поверхность. Что такое пластик? Кто-нибудь из вас знает, как его изготавливают? Или как делают карандаши? Еще меньше нам известно о производстве пенициллина. Мы зависим от множества вещей, но мы пребываем в неведении и не можем ничего сказать об их происхождении. Даже я.

— Никогда не понимала, почему защелкиваются застежки бюстгальтера, — брякнула Мэри Джейн.

Джонни немедленно вклинился, чтобы переключить аудиторию на ученого.

— Но, Чарли, что полезного в изучении кометы? Как изменится наша жизнь?

Шарпс пожал плечами:

— Может, и никак. Вы спрашиваете, что дают новые исследования. Ответить только, что они *всегда* оправдывают себя. Хотя, вероятно, и не так, как предполагалось заранее. Кто думал, что программа космических исследований приведет к созданию — ни много ни мало! — целой отрасли медицинской технологии? Но именно так и случилось. Спасена жизнь тысячам людей — поскольку была разработана специальная аппаратура для астронавтов. Джонни, вы слышали

о Римском клубе?

Ведущий кивнул, но остальным требовались напомнить:

— Его члены однажды решили выяснить с помощью компьютерной модели ситуацию, связанную с тем, как долго мы сможем протянуть на наших природных ресурсах… Если принять прирост населения равным нулю…

— Они говорят, нам конец, — перебил Шарпс. — *Глупости!* Нам конец потому, что нам не позволяют *по-настоящему использовать* технологии. Они утверждают, будто запасы металлов истощаются. Между тем в небольшом астероиде больше металла, чем добыто на Земле за последние пять лет! А астероидов насчитывают *сотни тысяч*! Нужно просто добраться до них.

— А у нас получится?

— Еще бы! Мы на такое способны с уже имеющимися технологиями. А о космосе можно сказать так: там рекой льется вкусный суп, а мы не знаем даже о тарелках.

Публика в студии зааплодировала. Захлопали без команды помощника режиссера. Джонни одобрительно улыбнулся Шарпсу и прикинул дальнейший сценарий программы. Но вдруг раздался громкий звуковой сигнал: пришло время

рекламы «Мыла Кальва».

После ролика запись продолжилась. Ученый завелся и стал очень бойким. Он размахивал длинными костлявыми руками, как мельница крыльями. О ветряных мельницах он тоже говорил и о том, какое громадное количество энергии изливает на нас Солнце каждый день. И о том, какими виделись протуберанцы команде «Скайлэба».

— Самой маленькой вспышке хватило бы энергии, чтобы уничтожить нашу цивилизацию! И человечество не сумело бы возродиться и за сотни лет! А какие-то идиоты толкуют насчет обреченности!

Тим оказался в стороне, и Джонни следовало вовлечь его в диалог. Хамнер сидел и кивал: очевидно, ему доставляла удовольствие речь планетолога. Ведущий осторожно навел ученого на разговор о комете и воспользовался случаем:

— Чарли, вы считаете, что русские намерены наблюдать за этим небесным телом с близкого расстояния. Пожалуйста, объясните поподробней.

— Хорошо. Земля определенно пройдет через хвост кометы. Я объяснял, почему сейчас невозможно сказать, как близко от нас окажется

голова… но она будет *очень близко*. Если повезет, вровень с Луной.

— Не стоит употреблять слово «повезет», — заявила Мэри Джейн.

— Тим, это ваша комета, — улыбнулся Джонни. — Предположим, что Хаммер[3] столкнется с нами…

— Она называется Хамнер — Браун, — поправил Тим.

— О! А что я сказал? Хаммер? Ну, если она врежется в нас, то и получится молот. Правда?

— Вам виднее, — пробурчал Шарпс.

— Но что тогда произойдет? — настаивал Джонни.

— Уже обнаружено много глубоких кратеров, образованных из-за падения метеоров, — произнес Тим. — В Аризоне отметина достигает почти мили в диаметре. Вредефорт в Южной Африке настолько велик, что увидеть его целиком можно только с высоты птичьего полета.

— Но ведь это еще *маленькие* кратеры! — добавил Шарпс. Взоры присутствующих обратились к нему, и ученый ухмыльнулся. — Вы никогда не обращали внимания на то, какой округлый

---

[3] Примечания: 3

Обыгрывается фамилия Тима и слово hummer — молот (*англ.*).

Гудзонов залив? И Японское море.

— Все дело в падении метеоритов? — догадался Джонни.

Сама мысль ужасала.

— Ученые полагают, что да. И еще: давным-давно поверхность Луны раскололась вследствие столкновения с неким огромным небесным телом… Четверть поверхности нашего спутника покрыта так называемым океаном, который представляет собой лавовое море. Вероятно, лава вылилась из разлома, возникшего при столкновении с громадным астероидом.

— Разумеется, мы не знаем, из чего состоит комета Хамнера — Брауна, — заметил Тим.

— Значит, пора все выяснить, — подала голос Мэри Джейн. — Пока в нас никто не врезался.

— Это вопрос времени, — ухмыльнулся Шарпс. — Дайте срок, и вероятность столкновения с той или иной кометой приблизится к ста процентам. Но вряд ли именно данное небесное тело должно вызвать у нас беспокойство.

Генри Армитедж был телевизионном проповедником. Прежде он выступал по радио, но потом какой-то слушатель, обращенный в истинную веру, завещал ему десять миллионов долларов. Теперь преподобный владел собственным

глянцевым журналом, пакетом телевизионных программ (причем вещание шло в доброй сотне городов) и редакцией, размещенной в одном из зданий делового комплекса Пасадины.

Армитедж успевал строчить статьи для своего издания, в том числе передовицы. Для Генри в сутках было слишком мало часов. Он упивался трудностями, переживаемыми миром. Он знал, что они означают. Они предвещали наступление развеселых времен.

«…приступили к Нему ученики наедине и спросили: «Скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века?»

Иисус сказал им в ответ: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас;

Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить «Я Христос» и многих прельстят».

Генри однажды видел запись в журнале дежурного в полицейском участке (округ Иньо, штат Калифорния): «Чарльз Мэнсон, также известный как Иисус Христос, Бог».

«Также услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец:

Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения

по местам».

Евангелие от Матфея было любимым Евангелием Генри, самое любимое место из Библии. Разве не наступили дни, предсказанные Христом? Знамения видны повсюду.

Армитедж сидел за дорогим столом. Телевизор скрывала выдвижная панель, открывающаяся нажатием кнопки. Долгий путь отделял Генри от скромной деревянной, беленой церкви в Айдахо, где он начинал в тридцатые. А теперь… Показной шик иногда вызывал у него беспокойство, но богатые жертвователи настаивали на роскоши. Их не интересовало, что проповедник и его жена предпочли бы более аскетичную обстановку.

Сейчас он писал передовицу, но вдохновения не чувствовал. Давая себе урок смирения, он включил телевизор. Показывали какое-то интервью. Урок заключался в том, чтобы при осознании пустоты и легкомыслия тех, кто кривлялся на экране, не испытывать к ним ненависти. А это было очень тяжело.

Что-то привлекло его внимание. Камера показывала высокого тощего мужчину в спортивной куртке в «елочку», который размахивал руками. Генри восхитила его техника: из него получился бы отличный проповедник.

Интервьюируемый сосредоточился на себе, и его слова омывали слушателей.

Он говорил о комете. Предвестие конца — уже в небе? Армитедж немного разбирался в астрономии, но появление новой кометы расценил как чудо. Ему приходилось видеть, как многих исцеляла молитва, а доктора потом «объясняли» чудо.

И она пройдет очень близко к Земле. Может, это и есть последний, окончательный знак? Генри пододвинул к себе желтый разлинованный блокнот и начал писать печатными буквами, крупно и неряшливо, хватая то один, то другой из дюжины карандашей. Он уже измарал три листа, когда понял, каким должен быть заголовок, и вернулся к первой странице.

Спустя две недели журнал будут читать в полумиллионе домов, а через всю обложку огненно-красными огромными буквами будет выведен заголовок статьи: «МОЛОТ БОЖИЙ».

Для телепрограмм это тоже будет хороший текст. Генри продолжал лихорадочно писать, чувствуя почти то же самое, что он ощущал сорок лет назад, когда впервые начал по-настоящему понимать Евангелие от Матфея.

Теперь он нес свое знание в мир, которому

было плевать.

Молот Божий летел к Земле, дабы поразить своенравное человечество, пребывающее в упадке.

Преподобный писал — безостановочно, пылко.

Апрель: 1

От ярости викингов
Сохрани нас, Господи.
От великой кометы
Охрани нас, Господи.

Средневековая молитва

Такси с Хамнером подъехало к ЛРД одновременно с вездеходом Харви. Рэндолл выругался, глядя, как Тим дает водителю двадцатку и взмахом руки отсылает его прочь. Но, увидев, что «владелец кометы» направляется к нему, приветливо заулыбался.

Вид у Хамнера был глуповато-покорный.

— Понимаете, я обещал не вмешиваться… Но на той телепрограмме я познакомился с Шарпсом.

— Да, — проговорил Харви. — Он великолепен.

— Верно, — подтвердил Тим. — И я решил снова встретиться с ним. Я позвонил в ЛРД, и мне сказали, что вы едете сюда… хотите взять интервью. Пойдемте вместе.

Рэндолл разъярился, но сдержался. Требования спонсора надо выполнять.

— Разумеется.

Шарлин, дама из пиар-отдела, ждала Харви и не засуетилась, обнаружив в составе съемочной бригады явившегося без приглашения Хамнера. Кабинет ученого почти не изменился. На столе громоздились книги. Вместо перфокарт была расстелена диаграмма.

«Состав исполнителей другой, а пьеса та же», — подумал Рэндолл.

— Опля! — Шарпс выгнул бровь, увидев Тима. — Чтобы все держать под контролем, хозяин положения нагрянул с инспекцией? Харви, надеюсь, вы не отнимете у меня много времени? Я скоро ухожу.

Рэндолл махнул группе. Чарли уже возился с аппаратурой. Марк сновал туда-сюда с экспонометром. Оказалось, что у него это здорово получается, и продержался он на своей работе дольше, чем ожидал Харви. Если бы он уволился, его бы точно не хватало.

— Нас интересует зонд, — произнес Рэндолл. — Его действительно запустят?

Ученый широко улыбнулся:

— Похоже, нам везет. Спасибо сенатору Артуру Джеллисону. Помните наш разговор?

— Не забыл.

— Так вот, он — молодец. Я был бы рад, если б

вы создали ему хорошую рекламу.

Рэндолл кивнул. Подал знак ребятам:

— Давайте начнем.

— Мотор! — произнес Мануэль.

Чарли встал за камеру.

Марк с хлопушкой в руках выступил вперед:

— Интервью с Шарпсом, дубль первый.

Щелк!

— Доктор Шарпс, — вымолвил Харви, — предложение послать «Аполлон» для изучения кометы столкнулось с определенной критикой. Утверждают, что мероприятие слишком опасно.

Чарльз отмахнулся:

— Смешно! То, что придется делать, уже делалось раньше. У нас есть проверенный стартовый двигатель и надежная капсула. У нас меньше месяцев на подготовку, чем хотелось бы НАСА, но спросите самих астронавтов, считают ли они полет рискованным?

— Надо ли понимать, что состав экипажа определен?

— Нет… Но у нас сорок добровольцев! — Ученый усмехнулся в объектив.

Харви продолжал задавать вопросы. Поговорили о приборах, которыми будет оснащен «Аполлон». Многие из них были собраны сотрудниками

ЛРД и Калифорнийского технологического института.

— Студенты и техники работали сверхурочно — бесплатно, — заявил Шарпс. — Просто чтобы помочь нам.

— Бесплатно? — переспросил Рэндолл.

— Именно. Они выполняли те задания, которые должны были делать для нас согласно контрактам, а потом оставались сверхурочно ради кометы.

«Вот что одобрит публика, — подумал Харви, — надо бы побеседовать с каким-нибудь инженером. Может, отыщется и уборщик, согласившийся повкалывать ради кометы по своей воле».

— Похоже, вам не удастся разместить на борту достаточно оборудования, — сказал он вслух.

— Вы правы, — согласился Шарпс. — Не получится впихнуть все, что хотелось бы. Но что значит «достаточно»? Мы возьмем в полет столько аппаратуры, чтобы узнать *много чего любопытного*.

— Док, насколько я понимаю, вы заново рассчитали орбиту, по которой движется комета Хамнера — Брауна. И получили свежие снимки.

— Фотографии уже сделаны. Мы получили

снимки из обсерватории и сразу рассчитали орбиту. Можно с уверенностью утверждать, что к нам приближается крупный объект. У этого небесного тела — самая большая голова из всех комет, когда-либо зарегистрированных на таком расстоянии от Солнца. Конечно, в снежном коме остались вкрапления льда. Итак, комета окажется очень близко от нас. Сперва она пройдет на средней дистанции, и мы полюбуемся на ее великолепный хвост. Затем она окажется внутри орбиты Венеры и начнет испаряться, хотя частично ее хвост еще будет виден некоторое время. Должен добавить, невооруженным глазом. А потом она поплывет к Солнцу, и с Земли ее уже не увидишь, но экипаж «Аполлона», естественно, проведет качественные наблюдения. Мы снова встретимся с ней, когда она на обратном пути пройдет совсем рядом с нашей планетой. И, уверяю вас, ее хвост раскинется на все небо. Готов биться об заклад, он будет виден даже днем.

Марк Ческу присвистнул. Мануэль не отреагировал, и Харви понял, что свист не попал в запись. Рэндолл и сам был ошарашен.

Дверь кабинета открылась. Вошел невысокий, полноватый человек незапоминающейся внешности, лет тридцати. Густая черная борода, очки

с толстыми стеклами. Незнакомец был в шерстяной рубахе, оба кармана которой щетинились ручками и карандашами всевозможных цветов. С пояса свисал зачехленный калькулятор.

— Ох… Извините, я думал, вы один, — виновато промямлил он и попятился.

— Останьтесь и послушайте, о чем идет речь! — воскликнул Шарпс. — Позвольте представить вам доктора Дэна Форрестера. Вообразите, он занимается еще и программированием! А в дипломе у него написано, что его специальность — астрономия. Но мы обычно именуем его нашим гением здравомыслия.

— Такой прикид, и, изволите ли видеть, гений… — пробормотал Марк за спиной у Харви.

У Рэндолла мелькнула та же самая мысль.

— Дэн в значительной степени способствовал уточнению орбиты кометы Хамнера — Брауна. Сейчас он рассчитывает оптимальную дату запуска «Аполлона» — с учетом максимального количества оборудования, какое можно взять с собой, и ограниченного количества потребляемых запасов…

— Потребляемых запасов? — переспросил Харви.

— Пища. Вода. Кислород. У всего есть вес.

Полезный груз корабля может иметь только определенную массу, поэтому нам приходится жертвовать запасами ради оборудования. Но от количества первых зависит время, проведенное на орбите. В общем, в данный момент Дэн работает над следующей проблемой: «Что лучше — стартовать раньше и взять с собой поменьше аппаратуры, то есть продлить срок пребывания в безвоздушном пространстве, но получить меньше информации, или…

— Простите, — извиняющимся тоном перебил Форрестер. — Я вмешиваюсь, но…

— Ничего-ничего! Поясните, что вы имеете в виду, — попросил Харви.

— Мы стараемся получить максимум *информации*, — заговорил Дэн. — Таким образом, проблема состоит вот в чем: как мы получим информацию — собрав больше данных за короткий срок или собрав меньше данных за долгий период?

— Ну… — промычал Рэндолл. — А как насчет кометы Хамнера — Брауна? Каково будет минимальное расстояние между ней и Землей?

— Ноль, — без тени улыбки ответил Форрестер.

— То есть что она свалится нам на голову?

— Сомневаюсь. — Теперь Дэн усмехнулся. — Ноль в границах прогноза. Что означает погреш-

ность измерения в добрых полмиллиона миль.

Харви почувствовал облегчение. Как и все, находящиеся в кабинете — включая Шарлин. К Форрестеру здесь относились серьезно.

Рэндолл повернулся к Шарпсу:

— А что случится, если комета… допустим, столкнется с нами? Предположим, что нам не повезет.

— Вы имеете в виду ее голову? Или ядро? Поскольку мы действительно можем пройти сквозь ее внешнюю оболочку, которая никак не плотнее обычного газа.

— Нет, я говорю как раз о голове. Что произойдет в таком случае? Конец света?

— Ничего подобного. Но, вероятно, придет конец нашей цивилизации.

На мгновение в кабинете воцарилась тишина. Пауза затянулась.

— Но, — озадаченно произнес Харви, — доктор Шарпс, по вашим словам, комета — и даже ее голова — представляет собой нечто вроде кома ледяной пены с вкраплениями камней. Да и лед этот — всего лишь замерзшие газы. Значит, объект не будет представлять для нас никакой угрозы.

«Я задал вопрос исключительно ради запи-

си», — подумал он.

— Несколько голов, — поправил его Дэн. — Похоже, что комета уже начала распадаться. И если процесс начался, он будет продолжаться. Возможно.

— И опасность уменьшается, — уточнил Харви.

Шарпс не слушал его. Он закатил глаза, мол: уже распадается?

Улыбка Форрестера стала шире: дескать, все так.

Затем он вспомнил про Рэндолла.

— Давайте посмотрим, — сказал Дэн. — У нас есть несколько тел, состоящих в основном из того же вещества, которое, вскипая, образуют внешнюю оболочку и хвост. То есть из мелкой пыли, вспененных замерзших газов с пустотами в тех местах, откуда давно исчезли по-настоящему летучие или нестойкие химические соединения, и, может быть, редких вкраплений камней. Ничего себе, да?

Рэндолл недоумевающе уставился на Форрестера.

Тот продолжал ангельски улыбаться:

— Вот почему комета ярко светится. Некоторые из составляющих ее газов вступили в химическое взаимодействие. Подумайте, что мы увидим, ко-

гда они *по-настоящему* вскипят вблизи Солнца! Здорово, да?

Взгляд Шарпса стал рассеянным.

— Док, — проговорил Харви.

— Ах да… Что произойдет в случае столкновения? Хотя… на самом деле, нет… — забормотал ученый. — Итак, если ядро большое и движется с высокой скоростью — это совсем не безобидно. В момент удара выделится громадное количество энергии.

— А каменные включения? — спросил Рэндолл. Камни были доступны его пониманию. — Они крупного размера?

— Не очень, — ответил Форрестер. — Но лишь теоретически…

— Именно. — Шарпс снова осознал, что на него «смотрит» объектив камеры. — Поэтому нам необходимо послать исследовательский зонд. Мы *не знаем*. Но, полагаю, каменные вкрапления невелики — размером от бейсбольного мяча до маленького холма.

Харви почувствовал облегчение, правда, смешанное с тревогой.

Значит, все-таки холм?..

— Но, разумеется, это не имеет значения, — заметил Чарльз. — Камни вкраплены в замерзшие

газы и водяной лед. И удар будет таким, как если бы с Землей столкнулось несколько твердых небесных тел, а не скопление небольших обломков.

Рэндолл помолчал, обдумывая услышанное. Фильм придется тщательно редактировать.

— Но я совершенно не беспокоюсь. Даже железно-никелевые метеориты обычно сгорают раньше, чем успевают достигнуть земной поверхности. Собственно, за всю историю человечества документально зафиксирован один-единственный случай, когда падение метеорита принесло кому-либо вред.

— Та женщина из Алабамы! — воскликнул Форрестер. — Ее фото тогда напечатали в «Лайфе». Ну и синяк у нее был! Я такого в жизни не видел. Вроде бы это вылилось в судебный процесс? Хозяйка квартиры, где жила потерпевшая, утверждала, что метеорит принадлежит ей — поскольку свой путь он завершил в подвале принадлежащего ей дома.

— Послушайте, — выпалил Харви. — Комета войдет в атмосферу с гораздо большей скоростью, чем обычный метеорит, и состоит в основном изо льда. Получается, что и сгореть она должна быстрее, верно?

Оба ученых затрясли головами: один с вытянутой физиономией, украшенной круглыми очками, которые сильно увеличивали его глаза, второй — с густой растрепанной бородой, над которой поблескивали стекла в массивной оправе. У противоположной стены точно так же мотал головой Марк.

— Метеориты сгорают быстрее, — объяснил Шарпс. — Если падающее тело превышает определенный размер, то не важно, есть у Земли атмосфера или нет.

— Это важно только для нас, — невозмутимо добавил Форрестер.

Чарльз осекся, потом рассмеялся. Очень вежливо. Харви решил, что смех его звучит искусственно. Шарпс старался не обидеть Форрестера.

— Нам нужна хорошая аналогия. — Планетолог наморщил лоб.

— Мороженое, политое горячим шоколадным соусом, — подсказал Дэн.

— А?..

— Кубическая миля мороженого с горячим шоколадом, — прогудел «гений здравомыслия», — обладающая космической скоростью.

Глаза Шарпса вспыхнули.

— Превосходно! Предположим, что Земля

столкнется с порцией мороженого, любопытно…

«Господи, да они свихнулись», — сказал себе Харви.

Оба ученых наперегонки кинулись к доске. Чарльз принялся что-то рисовать.

— Мороженое с горячим шоколадом. Давайте посмотрим: в середину кладем шарик ванильного, сверху льем шоколад…

Он не обращал внимания на странные сдавленные звуки у него за спиной. Во время записи Тим не вымолвил ни слова. Теперь он согнулся пополам, пытаясь сдержать смех. Он поднял взгляд, хрюкнул, справился с собой, придал лицу постное выражение, но его прорвало.

— Не могу!.. — выговорил он и загоготал. — Моя комета! Кубическая миля… ванильного… моро… женого!..

— Политого горячим шоколадом в качестве внешней оболочки, — подлил масла в огонь Форрестер. — Но шоколадный слой испарится, когда Молот обогнет Солнце.

— Она называется кометой Хамнера — Брауна, — заявил Тим, стараясь сдержаться. — Хамнера — Брауна, — повторил он.

— Нет, дорогой мой, это кубическая миля ванильного мороженого с шоколадом. И слой, нахо-

дящийся под внешней оболочкой, по-прежнему остается в замороженном состоянии, — произнес Шарпс.

— Но вы забыли… — начал Харви.

— На один полюс нашей порции мы кладем вишенку и допускаем, что в перигелии этот полюс находился в тени. — Чарльз нарисовал кругляш.

Схема демонстрировала, что, когда комета обогнет Солнце, «вишенка», расположенная на оси сплюснутого сфероида, окажется в противоположной от него стороне.

— Нам ни к чему, чтобы ягодку подпалило, — встрял Дэн. — Давайте насыплем сверху толченых орехов. Это будут каменные вкрапления… Диаметр вишни у нас, предположим, двести футов…

— И ее доставит самолет Канадских Королевских военно-воздушных сил, — сказал Шарпс.

— Стен Фриберг! Ух ты! — Форрестер расхохотался. — Ж-ж-ж… бух! Все прилипнут к экранам телевизоров!

— Комета огибает Солнце, таща за собой светящийся хвост из поддельных взбитых сливок, и летит к Земле, целясь проскочить нам в глотку… Дэн, какова плотность ванильного мороженого?

Тот пожал плечами:

— Бывает разной. Скажем, две трети.

— Ладно. Ноль шестьсот шестьдесят шесть, наверное. — Шарпс схватил со стола карманный калькулятор и принялся лихорадочно тыкать в кнопки. — Ох, как же мне нравятся современные штуковины! А раньше считали на логарифмичке. Никогда заранее не мог угадать, где окажется запятая. Пусть будет кубическая миля. Пять тысяч двести восемьдесят футов, умножим на двенадцать, чтобы перевести в дюймы, и еще на два, запятая, пятьдесят четыре, переводя в сантиметры… возводим в куб… Мы имеем два, запятая, семьсот семьдесят шесть, умноженные на десять в пятнадцатой степени, кубических сантиметров ванильного мороженого. Чтобы его съесть, понадобится немало времени. Умножаем на плотность… И извольте — получается примерно два на десять в пятнадцатой степени граммов. Два миллиарда тонн. Теперь насчет шоколадного соуса… — Он опять стал жать на кнопки.

«Человеку счастье привалило, — подумал Харви, — очень болтливому человеку, в распоряжении которого — последняя модель карманного чуда вычислительной техники».

— Как вы полагаете, чему равна плотность соуса? — осведомился Чарльз.

— Предположим, ноль девять, — откликнулся

Форрестер.

— Вам никогда не приходилось делать соус? — подала голос Шарлин. — В воде он тонет. Его проверяют, капая в чашку с холодной водой. По крайней мере, мама всегда так делала.

— Тогда пусть один и две, — произнес Дэн.

— Еще миллиард с половиной тонн горячего шоколадного соуса! — затараторил Шарпс.

Хамнер снова издал сдавленный звук.

— Каменные включения можно не принимать во внимание, — продолжал Шарпс. — Теперь понимаете почему?

— Боже мой, да! — закивал Харви, вздрогнул и покосился на работающую камеру. — Естественно, док, нет никакого смысла принимать в расчет всякие включения.

— Надеюсь, вы не собираетесь показывать это в эфире? — негодующе заорал Тим.

— Вы запрещаете? — удивился Рэндолл.

— Нет. — Хамнер скрючился, хихикая.

— Далее. Скорость у кометы, простите за тавтологию, кометная. И поистине огромная. Но какова же параболическая скорость на земной орбите. Дэн?

— Двадцать девять целых семь десятых километра в секунду. Умножить на корень квадрат-

ный из двух.

— Сорок два километра в секунду! — возвестил Шарпс. — Плюс орбитальная скорость нашей планеты. Все зависит от геометрии столкновения. Если, к примеру, взять скорость сближения пятьдесят километров в секунду, это будет достаточно разумно?

— Вполне, — отозвался Форрестер. — У метеоритов данная величина колеблется от двадцати до, пожалуй, семидесяти. Вполне.

— Пусть будет пятьдесят. Возводим в квадрат, делим пополам… Переводим массу в граммы… Получается где-то около двух на десять в двадцать восьмой степени эргов. Вот что такое наше ванильное мороженое. Далее: можно принять, что большая часть поверхностного слоя соуса вскипела и испарилась, но поймите, Харви, при этом комета пробудет в атмосфере не слишком долго. При лобовом столкновении — две секунды. И какая бы масса ни сгорала, выделится достаточно энергии, чтобы тепловой баланс Земли изменился. Взрыв будет внушительный. Предположим, нашей планете будет передано двадцать процентов энергии поверхностного слоя, тогда, — нажато еще несколько кнопок, и Шарпс драматически возвысил голос, — общий резуль-

тат будет таков: два и семь десятых, умноженные на десять в двадцать восьмой степени, эргов. Вот ваше столкновение.

— Ну… — развел руками Рэндолл. — Число солидное…

— Единица с двадцатью восемью нулями, — тихо проговорил Марк.

— Шестьсот сорок тысяч мегатонн, — мягко произнес Форрестер. — Не шутка…

— Господи, пастеризованная планета, — не унимался Марк.

— Не совсем. — Дэн расчехлил свой калькулятор. — Три тысячи Кракатау. Или если насчет Тиры говорят верно, — одновременному извержению трехсот Тир.

— Тира? — переспросил Харви.

— Вулкан в Средиземноморье, — пояснил Ческу. — Бронзовый век. Отсюда берет начало легенда об Атлантиде.

— Ваш приятель прав, — просиял Шарпс. — Хотя я не уверен насчет оценки количества выделившийся энергии. Рассмотрим проблему под другим углом. Человечество в течение года расходует около десяти в двадцать девятой степени эргов. Сюда входит электрическая энергия, уголь, ядерная энергия, кухонные плиты, авто-

мобили… дальше перечисляйте сами. Ну а наше мороженое несет в себе запас энергии, равный тридцати процентам ежегодного мирового энергетического бюджета.

— Не так уж и плохо, — произнес Рэндолл.

— Не так уж плохо по сравнению с чем? — спросил Шарпс. — Ведь мы говорим о запасе годовой энергии, выделившемся за минуту! Вероятно, комета влетит прямиком в воды Мирового океана. Если она ударится о сушу, в месте столкновения все будет уничтожено, но энергия, скажем так, быстро уйдет обратно в космос. С другой стороны, если комета ударится об океанское дно, то вода испарится. Погодите-ка, эрги перевести в калории… Черт возьми! Мой калькулятор для такой операции не приспособлен.

— Я помогу, — сказал Форрестер. — При столкновении испарится шестьдесят миллионов кубических километров воды. Или, если вам это по нраву, пятьдесят миллиардов акрофутов. Вполне достаточно, чтобы Штаты оказались на глубине в двести двенадцать футов.

— Чудесно! — подвел итог Шарпс. — Итак, в атмосферу уходит шестьдесят миллионов кубических километров воды. И они, Харви, возвращаются дождем. Значительная часть про-

льется над полярными областями. А поскольку вода замерзает, то в тех областях будет идти снег. Сформируются ледники… и они движутся к экваториальным областям… да. Между прочим, историки полагают, что вследствие извержения Тиры изменился климат нашей планеты. Мы *точно* знаем, что извержение Тамборы — примерно той же силы, каким было извержение Кракатау, — привело к тому, что ученые прошлого столетия назвали «годом без лета». Голод. Неурожаи. Наше мороженое с шоколадным соусом приведет, вероятно, к наступлению нового ледникового периода. Густая облачность. Тучи, отражающие тепло. Значит, и меньше солнечного света достигнет земной поверхности. А снег тоже отражает тепло. Температура понижается. Постоянно выпадают осадки. Ледники ползут к экватору, не успевая растаять. Положительная обратная связь.

Интервью приняло нешуточный оборот.

— Но ледниковые периоды заканчиваются. Почему это происходит? — спросил Рэндолл.

Ученые одновременно пожали плечами.

— А моя комета станет причиной очередного жуткого похолодания. Ледникового периода? — произнес Тим. Теперь он точь-в-точь походил на

своего деда — скорбное, унылое лицо человека, который узнал, что похоронил шестьдесят тысяч долларов.

— Нет, — усмехнулся Форрестер. — Мы говорили лишь о ванильном мороженом. А Молот покрупнее.

— Комета Хамнера — Брауна. Насколько покрупнее?

Дэн неопределенно взмахнул руками:

— Раз в десять.

— Впечатляет, — произнес Харви.

Перед его мысленным взором вставали мрачные картины: через поля и леса ползут к югу ледники. Растительность убита снежными завалами. Вниз, по Северной Америке — в Калифорнию, по Европе — к Альпам и Пиренеям. За календарной зимой снова следует зима, каждая холоднее предыдущей. Куда там до «великих морозов» семьдесят шестого — семьдесят седьмого годов! И никто даже не упомянул приливы и отливы. Но комета не может иметь такую же плотность, как кубическая миля…

Тут его и накрыло. Рэндолл плюхнулся и утробно захохотал, потому что просто не мог говорить.

Позднее Харви сделал лично для себя дополнительную копию — в том жалком подобии

кабинета, который предоставила ему студия: муляжи книг на полках, потертый ковер на полу. Здесь он мог говорить свободно.

«Прошу прощения у наших зрителей». (Вот что надо вставить сразу после очередного из его срывов. А во время интервью с Шарпсом их было несколько.) Кстати, что там говорил док?

— И нужно особо кое-что отметить. Первое: вероятность того, что твердая составляющая Хамнера — Брауна столкнется с Землей, в буквальном смысле ничтожна. На таком расстоянии сам дьявол не смог бы попасть в столь крошечную мишень, как наша планета. Второе: если «встреча» состоится, эффект, вероятно, будет как от воздействия нескольких массивных объектов. Некоторые из них упадут в океан, другие врежутся в сушу, где разрушения окажутся локальными. Итак, если комета влетит в наш общий дом, это будет похоже на то, как если дьявол пару раз грохнул по Земле чудовищным молотом.

Апрель: Интерлюдия

Пятьдесят тысяч лет назад в Аризоне: при трении о воздух и от соприкосновения с кислородом, содержащимся в атмосфере, железо вспыхнуло, и поверхность раскалилась. От огромной летящей массы отрываются обломки величиной с дом, а метеорит тем временем летит под острым углом над самой поверхностью. Он гонит перед собой гигантский цилиндр перегретого воздуха, ударяет в Землю и разгоняет воздух по окрестностям – огненный взрыв мгновенно выжигает все живое на сто миль вокруг.

Фрэнк В. Лэйн.
Ярость стихии (Чилтон, 1965 г.)

Леонилла Малик расписалась на рецепте и отдала его пациенту, последнему за сегодняшнее утро. Когда он покинул ее кабинет, женщина выдвинула нижний ящик стола и достала бутылку «Гранд Марнье». Наполнила изящный стаканчик. Дорогой ликер достался ей в подарок от одного из товарищей-космонавтов. Когда она смаковала

напиток, ею овладевало восхитительное упаднические настроение. Еще приятель подарил ей шелковые чулки и комбинацию — привез из Парижа.

«А я никогда не бывала за границей, — подумала она, наслаждаясь сладкой жидкостью, — какие бы усилия я ни прилагала, за рубеж меня не выпустят».

Хотелось бы ей понять свое нынешнее социальное положение. Ее отец был медиком, его ценила кремлевская элита. А затем раскрылся заговор врачей-вредителей, плод безумной убежденности сталинистов в том, что некие доктора пытались отравить главного революционера нашего времени, народного героя, учителя и вдохновителя, вождя мирового пролетариата товарища Иосифа Виссарионовича Сталина.

Отец Леониллы и еще сорок его коллег сгинули в подвалах Лубянки.

В наследство ей достался номер «Правды» за тысяча девятьсот пятидесятый год. В нем было старательно подчеркнуто каждое упоминание имени Сталина. Только на первой странице — девяносто один раз (причем десять раз его именовали Великим вождем и шесть — просто Великим Сталиным).

«Папе следовало бы отравить выродка», — подумала Леонилла. Мысль эта вызвала неприятное чувство: она противоречила давней традиции. В советских медицинских учебных заведениях клятву Гиппократа не изучали, но Малик мысленно прочла ее.

Будущее дочери врага народа казалось не особенно лучезарным. Но времена изменились, и отца посмертно реабилитировали. В числе прочего — во искупление содеянного — Леониллу избавили от должности секретарши в захолустном украинском городке и послали учиться в университет. Роман с полковником военно-воздушных сил привел к тому, что она научилась пилотировать самолеты. А затем, как ни странно, ее зачислили в отряд космонавтов, хотя ее положение там по сию пору оставалось неопределенным. Полковник стал генералом и, хотя уже давным-давно был женат, продолжал помогать ей.

Но молодому врачу так и не удалось побывать в космосе. Ее тренировали, но в полет до сих пор не назначили. Леонилла занималась лечением летчиков и их семей. И продолжала тренировки, надеясь на счастливый случай.

В дверь тихо постучали. Сержант Бреслов, паре-

нек не старше девятнадцати лет, очень гордился тем, что он сержант Красной армии. Только, разумеется, она теперь не называлась Красной. Она перестала ею быть с тех пор, как Сталину пришлось переименовать ее после войны, которую он нарек Великой Отечественной. Бреслову больше нравилось именно «Красная». Он часто говорил о том, что хотел бы всему миру принести свободу на острие своего штыка.

— Товарищ капитан, для вас получено сообщение. Длинное. Вас переводят в Байконур. — Он нахмурился, уставившись на бутылку, которую Малик забыла спрятать.

— Значит, снова на работу, — произнесла женщина. — Это надо отметить. Составите мне компанию? — и налила стакан для Бреслова.

Юноша выпил, вытянувшись по стойке смирно. Это была для него единственная возможность выказать неодобрение офицерам, которые прикладывались к бутылке еще до обеда. Разумеется, в такое время пили многие, что служило Бреслову добавочным доказательством, как все прогнило с тех пор, как Красная армия перестала быть той самой армией, о которой всегда хвастливо рассказывал отец.

Спустя три часа Леонилла летела в сторону кос-

модрома. Ей с трудом верилось в срочный приказ. Однако она находилась в кабине тренировочного реактивного самолета. Ее вещи будут высланы позднее. Что там случилось — нечто важное? Она выбросила вопрос из головы и отдалась радости полета. Одна, в чистом небе, никто не заглядывает через плечо, другой пилот не перехватывает управление — сплошной восторг. Лишь одно в целом мире могло быть лучше.

Вдруг ее вызывают неспроста? Она не слышала о готовящихся экспедициях. Но все может быть.

«Мне не раз везло. Что, если мне опять улыбнулась удача?» Она представила, что находится в настоящем «Союзе», ждет, когда взревут стартовые двигатели — они вынесут корабль в пустоту космического пространства.

И Леонилла выдала такую серию фигур высшего пилотажа, что если б кто из начальства увидел, то ее бы немедленно отстранили от полетов.

Внезапный порыв ветра, пронесшийся через долину Сан-Хоакин, качнул трейлер, и Барри Прайс тотчас проснулся… Мужчина лежал неподвижно, слушая успокаивающее урчание бульдозеров: бригады продолжали возводить ядерный комплекс. За окном вспыхнул свет.

Прайс осторожно привстал, стараясь не раз-

будить Долорес, но та заворочалась и открыла глаза.

— Который час? — сонно спросила она.

— Скоро шесть.

— Господи… Ложись спать. — Она потянулась к нему, простыня соскользнула, открыв ее загорелые груди.

Он уклонился, затем перехватил обе ее руки и нагнулся, чтобы поцеловать.

— Женщина, ты ненасытна.

— До сих пор никто не жаловался. Ты действительно встаешь?

— Да. Мне нужно поработать, а позже мы ожидаем гостей, и я *обязан* прочесть отчет Маклива, поданный еще позавчера. Это надо было сделать вчера вечером.

Долорес улыбнулась:

— Спорим, то, чем мы с тобой занимались, было веселее. Ты точно не хочешь вернуться в постель?

— Нет.

Он направился к раковине, открыл кран и подождал, пока не пойдет горячая вода.

— Ты просыпаешься быстрее всех, с кем мне доводилось иметь дело, — громко заметила Долорес. — А я ни свет ни заря вставать не буду. — Она

спрятала голову под подушку и потянулась.

«Конечно, — подумал Барри, — йо-хо! Но тогда зачем я надеваю штаны?»

Одевшись, он украдкой взглянул на подругу и быстренько выскочил из трейлера. Солнце светило вовсю. Он потянулся, глубоко дыша. Трейлер стоял на краю походного лагеря, где жили большинство тех, кто возводил Сан-Хоакинский ядерный комплекс. Именно Долорес нашла ночлег далеко отсюда, но в последние дни редко там ночевала.

Барри шел к стройке и улыбался, но потом вспомнил о Ди, и улыбка увяла.

Она была восхитительна. И то, чем они занимались в свободное время — а его хватало, — никак не отражалось на работе. Она оказалась, в сущности, не столько секретаршей, сколько помощником по административной части, и он прекрасно понимал, что без нее не справится. В конце концов она стала столь же необходима, сколь и технический руководитель проекта, что приводило Прайса в ужас. Его томило предчувствие, что на него предъявят права — и причем довольно обоснованно, — права на его время и внимание, то есть случится то, что сделало его жизнь с Грейс невыносимой. Он не верил, что

Долорес удовлетворится ролью его… кого? Он не мог найти ответа. Любовницы — нет, неправильно. Он не содержит ее. Сама мысль была смешна: она не из тех, кто позволяет мужчине получить контроль такого рода над ее жизнью.

«Пусть будет возлюбленная, — решил он, — а сейчас наслаждайся и радуйся».

Возле вагончика прораба он заметил кофейник. Барри налил себе чашку. Тут всегда был превосходный кофе. Чашку он отнес в свой кабинет и вытащил докладную Маклива.

Минутой позже он взвыл от ярости.

Когда около половины девятого явилась Долорес, он не успокоился. Она вошла — тоже с чашкой кофе — и обнаружила, что мужчина мечется по комнате.

— Что случилось? — спросила она.

«Вот что меня в ней привлекает, — подумал он, — на рабочем месте она отметает все личное».

Он потряс докладом:

— Ты знаешь, чего хотят эти идиоты?

— Конечно, нет.

— Им нужно, чтобы я упрятал комплекс под землю! И соорудил вокруг насыпь высотой пятьдесят футов!

— Это увеличит безопасность? — уточнила она.

— Нет! Косметика, и только. Даже… а, черт дери, Сан-Хоакин красив! И комплекс прекрасен. Им надо гордиться, а не упрятывать под тоннами грязи.

Она поставила чашку на стол и неуверенно улыбнулась:

— Тебе обязательно поступать таким образом?

— Надеюсь, что нет, но Маклив утверждает, что члены комиссии в восторге от подобной идеи! И мэр тоже. Вероятно, я буду вынужден пойти им навстречу, и — будь оно все проклято! — график полетит в тартарары! Придется отзывать людей, занятых рытьем котлована номер четыре и…

— Кстати, дамы из Ассоциации родителей и учителей будут здесь минут через пятнадцать.

— Хорошо, что напомнила, Ди. Я сейчас успокоюсь.

— Да, оно бы неплохо. Ты сейчас рычишь, как медведь. Постарайся быть милым, те дамы — за нас.

— И на том спасибо. — Барри вернулся к письменному столу и кофе, оглядел груды рабочих бумаг, которыми еще предстояло заняться, и вздохнул.

Пусть только посетительницы долго не задержатся. Может, он сумеет дозвониться до мэра, и тот услышит голос рассудка, и тогда Прайс снова займется неотложными делами…

Жизнь на строительной площадке кипела. На посторонний взгляд бульдозеры, подъемники, бетоновозы двигались беспорядочно, в разных направлениях. Рабочие перетаскивали материалы для формовки бетона. Прайс вел гостей сквозь «водоворот», почти не замечая его.

Гостьи видели рекламные ролики и потому благоразумно надели брюки и обувь на низком каблуке. Когда Долорес раздала им каски, они восприняли это с пониманием. И лишних вопросов пока не задавали.

Прайс подвел их к третьему реактору. Сейчас он представлял собой лабиринт стальных балок и фанерных листов, возведение защитного купола было еще далеко от завершения. Подходящее место, чтобы продемонстрировать гостям особенности системы безопасности. Прайс уповал на то, что его не будут перебивать. Ди говорила, что, общаясь с ней, дамы вели себя вполне благоразумно, и это вселяло надежду, но прошлый опыт заставлял Барри держаться настороженно.

Они выбрались к более тихому участку, где от-

сутствовали рабочие, но все равно было шумно: рядом рычали бульдозеры, неподалеку плотники возводили конструкции, вовсю шла сварка труб.

— Я знаю, что мы отнимаем у вас много времени, — произнесла миссис Гундерсон. — Но мы посчитали важным встретиться с вами. Многие родители задают вопросы. Школа находится в нескольких милях отсюда…

Прайс улыбнулся, соглашаясь, и с энтузиазмом кивнул: мол, он готов к сотрудничеству и диалогу. Но мысленно он уже перенесся далеко-далеко. Он продолжал обмозговывать докладную Маклива.

— А все эти люди действительно работают на вас? — спросила другая дама.

— Их наняла корпорация «Бечтел», — ответил он. — Строительство ведет «Бечтел Инжиниринг». Управление по водным ресурсам и энергетике не может содержать столько людей на постоянном жалованье.

Миссис Гундерсон не заинтересовали подробности администрирования. Она напомнила Барри его самого: ей хотелось моментально добраться до сути. Полная, дорого одетая женщина. Муж — владелец крупной фермы, расположенной по соседству.

— Вы собирались показать нам, как обеспечи-

вается безопасность, — заявила она.

— Разумеется. — Он махнул рукой в сторону возводящегося купола. — Во-первых, само сооружение. Несколько футов бетона. Если внутри что-нибудь случится, то *оно* внутри и останется. Но я хотел бы вам показать вот что. — Он показал на трубу, уходящую под недостроенный купол. — Наша главная линия охлаждения. Нержавеющая сталь. Два фута в диаметре. Толщина стенки — один дюйм. Там лежит отрезанный кусок трубы, и ручаюсь, вам его не поднять.

Миссис Гундерсон приняла вызов. Она ухватилась за край четырехфутового отрезка — на том все и закончилось.

— Чтобы случилась утечка хладагента, ее должно прорвать, — добавил Прайс. — Понятия не имею, как такое может произойти, но предположим, что утечка есть. В самом сооружения ребята сейчас устанавливают аварийные резервуары с охладителем — вон те громадные баки. Если давление воды в главной линии охлаждения упадет, жидкость из резервуаров под высоким давлением пойдет прямо в активную зону реактора.

Он завел их под купол, стараясь не упускать ни единой детали в своей экскурсии. Продемонстрировал насосы для заполнения оболочки реактора

водой и резервуар на тридцать тысяч галлонов, где будет храниться запас жидкости, необходимый для турбин.

— Они предназначены для аварийного обеспечения охлаждения, — пояснил Барри.

— Объем подачи? — осведомилась миссис Гундерсон.

— Сто галлонов в минуту. Примерно как у шести садовых шлангов.

— Мне не кажется, что это очень уж много. Неужели больше ничего не потребуется?

— Ничего. Поверьте мне, миссис Гундерсон, мы максимально печемся о безопасности ваших детей. Кстати, тех аварий, к которым мы готовимся, вообще никогда не происходило. У нас есть специалисты, работа которых заключается в выдумывании несчастных случаев. Они сочиняют всякие странные глупости, которые — мы уверены — попросту не могут случиться. Это делается, чтобы мы могли подготовиться к любому развитию событий, к любому невероятному сценарию.

Прайс показал посетительницам все корпуса, понимая, что масштаб сооружений произведет на них впечатление — как, впрочем, и на него самого. Он любил энергетический комплекс. Он стал смыслом его жизни.

Когда эксурсия завершилась, Барри повел их обратно. «В информационном центре ими займутся пиарщики. Хоть бы я не облажался, — подумал он, — они могут здорово помочь нам, если пожелают. Но могу и навредить».

— Меня кое-что беспокоит, — сказала миссис Гундерсон. — Диверсия. Да, вы сделали все возможное для предотвращения аварий, но предположим, что кто-то намеренно попытается… взорвать комплекс. Вы ведь не можете предсказать его действия, а сумасшедших в нашем мире хватает.

— А мы предусмотрели, каким образом могла бы быть устроена диверсия! — рассмеялся Прайс. — Извините, рассказывать не буду.

Женщины неуверенно заулыбались в ответ.

— Значит, вы гарантируете, что банда психопатов не сумеет нанести ущерба вашему комплексу? — спросила миссис Гундерсон.

Барри покачал головой:

— Не волнуйтесь. Полагаю, что никто и никогда не сможет повредить *вам* — что бы ни предпринималось. Но полностью обезопасить наш комплекс, конечно, нереально. Взгляните на турбины. Они делают три тысячи шестьсот оборотов в минуту. Лопасти вращаются настолько

стремительно, что, если в паропровод попадет несколько капель воды, турбину разорвет. Силовая подстанция уязвима для любого идиота с динамитом. Мы не сможем остановить тех, кто задумал уничтожить комплекс, но точно так же никто не будет способен предотвратить поджог резервуаров на электростанциях, работающих на нефти. Однако в наших силах проследить, чтобы никто из народонаселения не пострадал.

— А ваши сотрудники?

Он пожал плечами:

— В принципе никому не кажется странным, что полицейские и пожарные преданы своему делу. Но о тех, кто работает на силовых комплексах, известно гораздо меньше. Люди иначе расценивали бы их труд, если бы хоть раз увидели, как наши парни, стоя по пояс в нефтяной жиже, перекрывают клапан. Или если бы понаблюдали за монтером, вкалывающим на вершине вышки среди электрических разрядов… Мы должны делать свою работу, миссис Гундерсон. Вот так мы и живем — если нам не мешают.

В Хьюстоне, пригороде Эль-Лаго, дул теплый ветерок, и небо было ясное. Сезон дождей окончился, и сотни семейств загорали на задних дворах. В магазинчиках почти полностью рас-

продали запас пива.

Замотанный, голодный и счастливый (оттого что все выходные ему предстояло провести дома) Рик Деланти вытащил порцию готовых бургеров из гриля и рассовал их по булочкам. Его обнесенный проволочной сеткой сад наполняли тепло, дым и шум — там разместилась дюжина друзей Рика вместе со своими благоверными. Поодаль вопили дети, затевая новую игру.

«Ребятня быстро привыкает к радостям, — подумал Деланти, — даже если радости эти редки. Подумаешь, папа дома».

— …ничего нового тут нет, — послышался голос его супруги. — Научные фантасты писали о космических колониях еще десятки лет назад.

Жена его была высокой и черной. И заплетала волосы в тугие «африканские» косички. Рик еще помнил те времена, когда она распрямляла волосы.

— Вот о чем писал и сам Хайнлайн! — провозгласила Глория Деланти. И, ожидая подтверждения, взглянула на мужа. Но он был слишком занят — грилем и воспоминаниями о том, какой была жена в их студенческие годы в Чикаго.

— Нет, идея новая, — возразил парень из весьма узкой группы избранных. Эван едва не побывал

на Луне — именно ему выпало остаться в кабине «Аполлона». — О'Нейл разработал *экономический аспект* строительства гигантских космических колоний. Он доказал, что можно не только писать фантастические рассказы, но и строить — по-настоящему.

— Как здорово! — отозвалась Глория. — Семейный проект астронавтов. Как подписать контракт?

— Ты уже это сделала, — улыбнулась Джейн Ритчи. — Когда согласилась стать женой летчика-испытателя.

— А разве мы женаты? — удивилась Глория. — Хотела бы я знать, Эван, вы в тренировочном центре вообще способны не выбиваться из графика?

Во двор вошел Джонни Бейкер:

— Эй, Рики! Я думал, что заблудился! С улицы кажется, что здесь все вымерло.

Раздался хор приветствий. В голосах мужчин, не видевших полковника Бейкера с тех пор, как он перебрался в Вашингтон, звучала искренняя сердечность. Но среди женщин особой теплоты не чувствовалось. Ничего другого Джонни и не ждал: после полета он развелся. Такое часто случалось с астронавтами, и его возвращение в

Хьюстон многих озадачило.

Бейкер помахал им рукой и принюхался:

— Мне дадут перекусить?

— Ваш приказ будет исполнен, сэр, и, если только вы его не отмените…

— Почему у тебя никогда не бывает жареных цыплят?

— Боюсь стереотипов. Ведь я…

— Черный, — любезно подсказал Джонни.

— Правда? — Рик испуганно уставился на свои ладони. — Нет, это просто жир от бифштексов. Измазался.

— И кого выбрали для крутого полета к комете? — спросил Эван.

— Будь я проклят, если я в курсе, — ответил Бейкер. — В Вашингтоне молчат.

— Послать собираются меня, — произнес Деланти. — Сведения из надежного источника.

Бейкер замер: банка пива осталась полуоткрытой. Трое мужчин поблизости, оборвали разговор, их жены затаили дыхание.

— Я сходил к гадалке в Тексархане, и она…

— Живо давай мне ее имя и адрес! — воскликнул Джонни.

Остальные обиженно заулыбались и снова занялись разговорами.

— Как тебе не стыдно, — прошипел Бейкер и рассмеялся.

— А мне не стыдно, — нахально заявил Рик, переворачивая бифштексы лопаткой. — Почему нам нельзя сказать пораньше? Нас около дюжины, мы готовимся неделями, а нам ни слова. А ведь это будет последний полет — потом придется ждать, когда закончат «Шаттл». Я в списке уже шесть лет и еще не получал назначения в полет. Иногда я сомневаюсь, стоит ли игра свеч. — Он отложил лопатку в сторону. — И я вспоминаю Дика Слейтона.

Бейкер кивнул. Слейтон входил в первоначально отобранную семерку астронавтов и ждал целых тринадцать лет — вплоть до совместной экспедиции «Союз» — «Аполлон». Он был не хуже других, но лучшее применение ему находили на Земле. Бесконечные тренировки, после чего наверху решали: незаменим на нынешней работе.

— Диву даюсь, как он выдержал, — проговорил Джонни.

— Я тоже, — кивнул Деланти. — Но я — единственный в мире черный астронавт. Продолжаю надеяться, что это мой козырь.

К грилю подошла Глория:

— Эй, Джонни! О чем беседуете?

— А о чем всегда говорят астронавты, когда намечается новая экспедиция? — крикнула Джейн, стоявшая рядом с портативным холодильником для пива.

— Возможно, они тоже выжидают, — вымолвил Джонни. — Расовых беспорядков, например. Тогда в космос запустят чернокожего, чтобы доказать, что у нас все равны.

— Не смешно! — насупилась Глория.

— Почему? Неплохая теория, — возразил Деланти. — Если б я знал, как проходит отбор в НАСА, то получал бы назначения во все полеты. Почему ты вернулся к нам из пятиугольного дурдома?

— Приказ. Надо приступить к тренировкам. Я тоже кандидат в экспедицию к Молоту.

— Ну-ну. — Рик потыкал в один из бургеров: почти готов. — Вот что в корне меняет дело. Очередь из двоих. Ты должен оказаться первым.

Бейкер пожал плечами:

— Не представляю, как они выбирают. До сих пор не сумел понять, как меня вообще назначили на «Скайлэб».

— Ты еще пригодишься, — заметил Рик. — Опыт ремонтных работ в космосе. А корабль латают быстро, на скорую руку, на проверки времени нет. Все просто.

Глория кивнула, как и те, кто прислушивался к разговору. Затем окружающие вернулись к своей болтовне. Джонни пил пиво и вроде бы немного расслабился. Что ж… собравшиеся здесь всегда руководствовались логикой, как, естественно, и люди из космического центра НАСА в Хьюстоне.

— Кое-какие известия из Вашингтона я вам, однако, привез. Не официальные, но надежные. Русские посылают в космос женщину.

Странно, как распространилась тишина — точно круги по воде.

— Леониллу Малик. Доктора медицинских наук. Поэтому нам доктора в полет брать не понадобится. — Джонни повысил голос: — Короче говоря, русские посылают именно женщину, и вдобавок нам предстоит стыковка с их «Союзом». Источник конфиденциальный, ребята.

— Может, русские считают, что они должны что-то всем доказать, — пробормотал Дрю Веллен.

— Возможно, наши тоже, — отозвался кто-то.

У Рика екнуло сердце. Никто ничего ему не обещал, но он *знал*.

— Почему вы вдруг уставились на меня? — спросил он.

— Мясо горит, — выпалил Джонни.

Деланти опустил взгляд, посмотрел на дымящиеся бургеры.

— Горите, миленькие, горите, — сказал он.

В три часа ночи Лоретта Рэндолл услышала странный шум на кухне.

Посреди помещения прямо на полу была расстелена вчерашняя газета. На ней стояла самая большая прямоугольная форма для кексов, наполненная мукой. Но мука была повсюду — просыпанная.

Харви что-то бросал в форму. Лицо у него было усталое и опечаленное.

— Господи! Что ты делаешь?

— Привет. Домработница придет завтра, верно?

— Да, завтра пятница, но что она подумает?

— Доктор Шарпс сказал, что кратеры круглые. — Мужчина поднял руку над формой, в кулаке он что-то сжимал. Пальцы разжались, вниз упала гайка. Взметнулось белое облачко. — Каковы бы ни были скорость, масса, угол падения метеорита, кратер будет круглым. Думаю, он прав.

Пол оказался усеян горошинами и мелкими камушками. Пресс-папье оставило след размером с обеденную тарелку — сейчас, правда, размытый

другими — мелкими отметинами. Харви оглянулся и, пригнувшись, метнул под острым углом в муку пробку.

Теперь «кратер» получился круглым.

Лоретта вздохнула, осознавая, что муж сошел с ума.

— Но зачем тебе это? Ты понимаешь, который час?

— Ага… — Он посмотрел на глобус, принесенный с работы.

На шаре были жирно обведены кругами Японское море, Бенгальский залив, дугообразная цепочка островов, ограничивающих Индийский океан, дважды — точка внутри Мексиканского залива. Если предположить, что хотя бы одна из этих окружностей и есть след, оставленный после столкновения с астероидом, то значит, в тот момент океаны вскипели, а все живое было сожжено.

Сколько раз появлялась жизнь на Земле и была стерта с ее лица, чтобы зародиться снова?

Если вкратце объяснить суть проблемы Лоретте, она до самого утра будет трястись от ужаса.

— Не обращай внимания, — сказал он. — Эксперимент для фильма.

— Ложись спать. Перед приходом Марии мы

приберемся.

— Нет, ничего не трогай. И не позволяй Марии к чему-либо прикасаться! Я должен сделать несколько фотографий… с разных ракурсов…

И он, как в тумане, потянулся к жене.

Тесно прижавшись друг к другу, Харви и Лоретта вернулись в постель.

Апрель: 2

Никто не знает, сколько объектов различного размера – начиная от нескольких миль в диаметре – ежегодно незамеченными проходят неподалеку от Земли.

Доктор Роберт С. Ричардсон, Высокогорная обсерватория Маунт-Вилсон

Когда Харви покинул здание телекомпании, возле внедорожника уже околачивался Хамнер. Рэндолл нахмурился:

— Привет, Тим. Что вы здесь делаете?

— Если б я вошел в здание, это был бы визит спонсора… важное дело, не так ли? А мне сейчас нужно одолжение.

— Одолжение?

— Купите мне выпивку, и я объясню.

Харви скользнул взглядом по дорогому костюму и галстуку Хамнера. Не совсем подходящий прикид для бара «Безопасность прежде всего». Поэтому он решил поехать в «Ржавый котелок». Служитель автостоянки узнал Тима, как и хостес, которая незамедлительно повела их к свободной

кабинке.

— В чем дело? — спросил Рэндолл, когда они сели.

— Мы отлично съездили в ЛРД, — сказал Хамнер. — И, похоже, я перестаю быть владельцем своей кометы. Все, что я могу, специалисты умеют лучше, то же самое относится к телефильмам. И ваши фильмы. Но… — Он замолчал и отхлебнул из стакана. Он никогда ни о чем не просил — особенно у тех, кто на него работал. — Послушайте, Харви. Я хотел бы принять участие и в других интервью. Бесплатно, разумеется.

«А если сказать ему "это невозможно"? Он помчится к юристам? Только склоки мне сейчас и не хватало».

— Но вам вряд ли будет интересно. Сейчас мы ловим с «людей с улицы»…

— Они… тупицы?

— Некоторые — да. Но порой натыкаешься на настоящие бриллианты. И никогда не мешает выяснить мнение твоей аудитории.

«*И я сам знаю, что мне делать, черт побери!*»

— Для чего вам это? Хоть какая-нибудь польза есть?

Харви пожал плечами:

— Я не отказываюсь от хорошего материала…

Но главное — другое. Я собираюсь выяснить, как люди относятся к самой комете. Хочу неожиданностей. Если б я знал, что мне нужно, я поручил бы эту работу кому-нибудь другому. И…

— Продолжайте. — В кабинке царил полумрак.

Тим прищурился, заметив, какое подозрительное выражение появилось на лице Рэндолла.

— Кое-кто реагирует весьма… скажем так, непонятно. Все началось после того, как Джонни назвал комету Молотом…

— Проклятие!

— Вероятно, такое отношение укоренится, если из нашего же эфира выяснится, что Земле предстоит столкновение с Гигантской Порцией Мороженого. Они-то верят Джонни! Тим, это почти то же самое, как если бы человечество желало конца света…

— Смешно!

— Вероятно. Но что есть, то есть.

«Вот ты и смейся, — мысленно огрызнулся Харви, — но вовсе не до шуток тому, кто вынужден ходить на службу, которую он ненавидит… или какой-нибудь женщине, особенно если ей приходится спать с тупицей-боссом, чтобы ее не уволили».

— Вы спонсор, и я не могу помешать вам. Но я

настаиваю, чтобы соблюдались определенные правила. Кроме того, мы начинаем съемки рано утром.

— Ага. — Тим осушил свой стакан. — Ничего, привыкну. Говорят, можно приноровиться даже к петле, если провисеть на виселице достаточно долго.

Внедорожник был под завязку набит людьми и оборудованием. Камеры, магнитофоны, портативный письменный столик для бумажной волокиты. Ческу с трудом нашел, где сесть. Теперь на заднее сиденье втиснулись трое, Хамнер занял место впереди. Марку вспомнилось, как он ездил в пустыню с мотогонщиками: мотоциклы и всякую механическую дребедень размещали осторожно, гонщиков впихивали как попало — будто о них вспомнили в последнюю секунду.

Ожидая, когда подойдут остальные телевизионщики, Ческу включил радио.

Чей-то голос — властный, внушающий доверие, с убедительными интонациями профессионального оратора — говорил:

— «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец. Итак, когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка

Даниила, стоящую на святом месте, — читающий да разумеет, — тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы…»

Голос изменил тональность — теперь выступающий не цитировал, а проповедовал:

— Братья и сестры, разве вы не видите, что сейчас творится в церквах? Не мерзость ли это? «Читающий да разумеет». Молот приближается, дабы уничтожить нечестивцев.

«Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть».

— Звучит впечатляюще, — произнес кто-то.

Во внедорожник залез Чарли Баском.

— Вам проповедовал Евангелие преподобный Генри Армитедж, — произнес диктор. — Исполняя заповедь, радиостанция «Глас Господа» вещает на весь мир на всех языках. Ваши пожертвования способствуют нашей усердной работе.

— Как-то его очень много в эфире, — пробормотал Марк. — Похоже, деньги текут к нему рекой.

Машина выехала в Бербанк и затормозила возле студии «Уорнер Бразерс». Приятное и оживленное местечко: много мелких магазинчиков (в некоторых продавали фототовары) и пол-

ным-полно шикарных ресторанов. По широкой авеню текла людская река. Старлетки и киношники шли в толпе вместе с деловыми типами из страховых компаний. Домохозяйки — представительницы среднего класса — припарковывали свои легковушки-универсалы и разбредались по бутикам. Мимо продефилировала телезвезда, проживавшая неподалеку, в районе Толука-Лейк. Марк узнал ее по курносому носу.

Пока ребята устанавливали камеры и звукоаппаратуру, Харви повел Хамнера в кафе, выпить кофе. Когда все было готово, порог заведения переступил Ческу. Приблизившись к столику, где сидели Рэндолл и спонсор-астроном, он услышал обрывок беседы.

— …и задача состоит вот в чем…. Надо узнать, что думают люди, — говорил Харви со знакомой Марку поучительной интонацией. — Я постараюсь многое скрыть: вопросы будут задаваться нейтральные, спокойным тоном. — И почаще помалкивайте, не высказывайте свое мнение, ясно?

— Абсолютно, — медленно ответил Тим. Взгляд у него был острый, не такой, как в машине. — Что я должен делать?

— Можете притвориться полезным. Помочь

Марку в проведении опроса. А еще — не путайтесь под ногами.

— У меня есть отличный магнитофон, — заявил Хамнер. — Я бы…

— Мы не вправе использовать ничего из вашей техники, — отчеканил Рэндолл. — Вы не член профсоюза. — Подняв взгляд, он заметил Ческу.

Тот кивнул ему, и Харви встал из-за стола и направился к выходу.

— Мне он твердил то же самое, — обратился Марк к Хамнеру. — В общем-то, сделал выговор.

— Верю. Думаю, если б я запорол ему интервью, он бы здесь меня и бросил. Такси отсюда до дома дорого.

— А мне почему-то казалось, что вы спонсор, — хмыкнул Марк.

— Ага. А ваш Рэндолл — крепкий орешек. Давно вы трудитесь в данной сфере?

Ческу покачал головой:

— Просто временно работаю на Харви. Вероятно, когда-нибудь сделаю это своим постоянным занятием, но вы ведь сами знаете, что такое телевидение. Подрежет крылышки моей свободе.

И они вышли из кафе.

Над Бербанком висел смог.

— Герц забрал горы, — пробормотал Хамнер.

Марк удивленно уставился на него:

— Чего?

Тим указал на север, туда, где горизонт долины Сан-Фернандо тонул в коричневой дымке.

— Иногда мы устанавливаем на том участке искусственные мини-горы. У меня даже есть на одной из них обсерватория. Но, похоже, компания Герца «Горы напрокат» сегодня их забрала.

Они подошли к внедорожнику. Камеры уже были установлены, готовые снимать хоть крупный план, хоть панораму. Рэндолл остановил мускулистого мужчину в каске и рабочей одежде. Тот резко выделялся на фоне торговцев и бизнесменов.

— ...Рич Голланц. Мы возводим «Эвери Билдинг» — вон там.

Голос и манера Харви были самые дружелюбные.

Но Ческу знал, что, если понадобится, все будет отснято повторно.

— Вы слышали о комете Хамнера — Брауна?

Голланц рассмеялся:

— У меня мало свободного времени. Я не размышляю о всяких там кометах и звездах.

Харви обворожительно улыбнулся.

— Но я смотрел «Ежевечернее обозрение». Ве-

дущий сказал, что она может врезаться в Землю.

— И что вы думаете?

— Хре… чушь. — Мужчина перевел взгляд на камеру. — Старая история. Озоновый слой исчезнет, и мы погибнем. А вспомните шестьдесят восьмой, когда предсказатели и гадалки утверждали, что Калифорния соскользнет в океан, и психи бежали спасаться в горы?

— Да, но ученые полагают, что, если голова кометы столкнется с Землей, это послужит причиной наступления…

— …ледникового периода, — перебил Голланц. — Ага. Я читал в журнале «Астрономия». — Он усмехнулся, поправил желтую металлическую каску и поскреб затылок. — Круто. Подумайте сами, какое тогда разовьется строительство! А благотворительные организации перестанут выписывать чеки и начнут раздавать шкуры белых медведей. Вот только кому-то придется отстреливать крупную живность. Может, удастся устроиться на такую работу! — Он широко улыбнулся. — Да, занятно. Я бы с радостью попробовал стать великим охотником.

Рэндолл копнул чуть глубже. Интервью вряд ли годилось для фильма, но ведь Рэндолл преследовал иные цели. Он ловил рыбку на камеру

вместо мухи. Телекомпания не одобряла подобных методов изучения общественного мнения. Слишком затратно, ненадежно и опрометчиво, говорили продюсеры. Эту точку зрения им внушили социологические центры, которые хотели сотрудничать с Эн-би-си.

Еще пара вопросов, касающихся науки и техники. Голланц явно наслаждался съемкой. В курсе ли он, что планируется запуск «Аполлона» к комете? Каково его мнение на данный счет?

— Класс! Вот так зрелище! Покажут много интересного, а обойдется дешевле, чем билет на стадион Роуз-Боул, — ручаюсь. Кстати, надеюсь, что в полет назначат Джонни Бейкера.

— А вы знакомы с полковником?

— Нет. А жаль. Очень бы хотелось встретиться с ним. Я видел фотографии, где он ремонтировал «Скайлэб». Вот это были стройработы! А когда он вернулся на Землю, то наверняка задал жару ублюдкам из НАСА, верно? Эге, мне пора. Надо работать.

Голланц помахал рукой на прощанье и отбыл. Марк кинулся за ним в погоню с анкетой.

— Сэр, не уделите нам минуту?

Юноша брел, понурившись, погруженный в свои мысли. Внешность у него была подходя-

щая, но лицо странно одеревенелое. Он сердито уставился на Рэндолла, когда тот преградил ему путь.

— Да?

— Мы опрашиваем людей по поводу кометы Хамнера — Брауна. Простите, как вас зовут?

— Фред Лорен.

— Что вы думаете насчет кометы?

— Ничего. — И парень неохотно добавил: — Я смотрел вашу передачу. — На его скулах заиграли желваки.

Такая реакция была Харви знакома: некоторые люди постоянно злятся. И мышцы, благодаря которым сжимаются челюсти и скрежещут зубы, у них хорошо развиты.

Рэндолл помолчал. А не наткнулся ли он на душевнобольного? Однако…

— Вы слышали о том, что голова кометы может столкнуться с Землей?

— Столкнуться? — Фред ошеломленно посмотрел на Харви. Внезапно он развернулся и широким шагом зашагал прочь — гораздо быстрее, чем раньше.

— Что случилось? — спросил Тим.

— Понятия не имею, — развел руками Харви.

Лорен намеревался кого-то прикончить? В

общество часто выпускали буйных сумасшедших. Больницы были переполнены. Был ли Фред одним из них или просто поругался с начальством?

— Очередная тайна. Если вас разбирает любопытство, вам не сюда.

Лорен не смотрел предыдущую передачу Рэндолла. Он подсматривал за Колин, которая в тот момент прилипла к телевизору. Но кое-что из того, что он тогда услышал, начало всплывать в его памяти. «Пути нашей планеты и кометы могут пересечься. Если столкновение произойдет, то цивилизация погибнет в огне. Конец света. Я умру? Мы *все* умрем».

Он раздумал возвращаться на работу. Заметив газетный киоск, Фред торопливо кинулся к нему.

Были и другие интервью. Домохозяйки, ничего не слышавшие о комете. Старлетка, узнавшая Хамнера (видела его в «Ежевечернем обозрении») и пожелавшая, чтобы сняли, как она целует его. Женщины, весьма осведомленные об объекте (они могли дать фору Рэндоллу). Бойскаут со значком «За отличные познания в астрономии», приколотым к вороту куртки.

Харви приметил несколько тенденций. В одной

не оказалось ничего удивительного: жители Бербанка, города развитой космической индустрии, горячо одобряли запуск «Аполлона». Однако такое единодушие было все же необычным. Людям, подозревал Рэндолл, просто хотелось увидеть космический корабль с экипажем на борту и поаплодировать своим героям-астронавтам. И комета была хорошим предлогом. Поговаривали, правда, что это предприятие — дорогое удовольствие, но большинство, подобно Ричу Голланцу, считало, что каждый месяц платят больше за гораздо худшие развлечения.

Телевизионщики уже собирались закругляться, когда Харви, выловил в толпе сногсшибательную девушку.

«Несколько минут созерцания красоты еще никому не вредили», — подумал Рэндолл.

Она выглядела озабоченной и практически бежала по тротуару. Выражение ее лица было отсутствующим и одновременно деловитым. Чувствовалось, что она поглощена мыслями о каких-то важных делах.

Улыбалась она внезапно — и очень мило.

— Я редко смотрю телевизор, — призналась она. — И, боюсь, никогда не слышала о вашей комете. У меня на работе сейчас такое творится…

— Комета просто огромная, — улыбнулся Харви. — Летом вы сможете на нее полюбоваться. Кроме того, для ее изучения отправят в космос специальную экспедицию. Вы одобряете намеченный полет?

Девушка не торопилась с ответом.

— Мы узнаем много нового, исследовав ее? — наконец спросила она.

Рэндолл кивнул.

— В таком случае я — «за». Если на полет потратят не слишком много средств. И если правительство сможет оплатить его — что представляется сомнительным.

Харви сказал что-то насчет того, что билеты на футбольный матч стоят дороже.

— Разумеется. Но у правительства *нет* денег. И ни одну из своих программ оно отменить не может. Так что банкноты придется допечатывать. Дефицит возрастет. Инфляция усилится. Но она усилится в любом случае, поэтому за свои кровные мы можем позволить себе и исследование комет.

Рэндолл одобряюще хмыкнул. Девушка вдруг сделалась очень серьезной. Улыбка угасла, взгляд стал совсем задумчивым, а потом рассерженным:

— А вообще, какая разница, что именно я думаю? Никто в правительстве не станет меня слушать. Верхушке на меня плевать. Конечно, я надеюсь, что запуск «Аполлона» состоится. По крайней мере, хоть *что-то произойдет*. Это вам не бумажная волокита.

Она опять улыбнулась, и ее лицо словно озарило солнце.

— Зачем я вам рассказываю о трудностях мировой политики? Мне пора. — И она ушла своей торопливой походкой, прежде чем Харви успел узнать ее имя.

Строго одетый чернокожий терпеливо ждал своей очереди предстать перед камерой.

«Мусульманин?» — подумал Рэндолл. Именно так они одевались. Но мужчина оказался соратником мэра. Он хотел объявить всем и каждому, что его боссу *не все равно* и что если избиратели одобрят новую программу мэра «Борьба со смогом», то жители долины Сан-Фернандо увидят звезды.

— Вы будете в эфире целых пять секунд. У вас очень славная улыбка, — сказал Тим.

— Спасибо. Значит, мы говорим о комете Хамнера — Брауна?

— Да. Кстати, после того как покажут вас, под-

монтируют кого-нибудь еще, кто будет уверен, что комета вдребезги разнесет Калвер-Сити.

Девушка засмеялась:

— Ладно. Что за вопросы в вашей анкете?

— Ваше имя?

— Эйлин Сьюзан Хэнкок.

Хамнер тщательно записал.

— Адрес? Номер телефона?

Она нахмурилась. Покосилась на внедорожник и на съемочную аппаратуру. Перевела взгляд на щегольский спортивный костюм Тима и его изящные часы «Пульсар».

— Я не понимаю…

— Согласно договору, мы должны обязательно уточнить данные о тех, кого снимаем, — затараторил Тим. — Черт. Простите. Я не то имел в виду. И на самом деле я не телевизионщик. Решил поработать с ними, бесплатно. Но я спонсор. И тот, кто открыл комету.

Эйлин скорчила гримаску, якобы изумившись:

— Какое… какой инцест!

Они расхохотались.

— Как вам удалось достичь всего этого?

— Правильно выбрал деда. Унаследовал кучу денег и компанию «Мыло Кальва». Потратил часть средств на обсерваторию. Обнаружил ко-

мету. Заставил принадлежащую мне компанию взять на себя расходы на съемку документального фильма, чтобы можно было похвастаться открытием. Все логично.

— После ваших объяснений даже жизнь кажется простой!

— Послушайте, если вы не хотите назвать мне ваш адрес…

— Нет, отчего же.

Эйлин жила в многоэтажке в Западном Лос-Анджелесе. Она продиктовала номер своего телефона и на прощанье энергично пожала Тиму руку.

— Мне надо бежать, но я правда рада познакомиться с вами. День прошел не зря.

И она удалилась, оставив Хамнера одного, ошеломленного и обрадованного.

— Рагнарёк, — произнес мужчина. — Армагеддон. — Голос у него был звучный, убедительный, борода — пышная, с двумя белыми пучками у подбородка. И мягкие добрые глаза. — Пророки всех народов предсказывали, что этот день наступит. Конец света. Еще в древности предсказывали битву огня и льда. Молот есть лед, но принесет он пламя.

— Что вы еще нам посоветуете? — осведомился

Харви.

Здоровяк помедлил в нерешительности. Вероятно, опасался, что Рэндолл подшучивает над ним.

— Прийти в лоно церкви. Любой… и принять ту веру, какую можете. «В доме Отца Моего обителей много». Истинно верующие отвергнуты не будут.

— Что вы будете делать, если комета, скажем так… случайно промахнется?

— Ничего подобного не случится.

Рэндолл отправил его к Марку с его анкетами и дал Чарли знак собираться. Неплохой день.

Несколько минут записи можно использовать по назначению, кроме того, Харви изучил настрой аудитории.

Появился Ческу с ворохом бумаг.

— Вроде получилось, да? Надеюсь, вы заметили, что я держал рот на замке?

— Конечно.

Вернулся Хамнер, усмехаясь своим мыслям. Он погрузил записывающую аппаратуру во внедорожник, потом залез туда сам.

— Я ничего не пропустил?

— Рагнарёк близится. Земля погибнет в огне и льде. Такой шикарной бороды в жизни не видел. Где вас носило?

— Заполнял анкету, — ответил Тим.

И почти всю дорогу обратно он глупо улыбался.

От здания Эн-би-си Хамнер отправился в «Баллокс». Он знал зачем. Оттуда в цветочный магазин, после чего — в аптеку, где он купил снотворное. В ближайшие часы ему понадобятся таблетки.

Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать. И уже спал крепким сном, когда — около половины седьмого — зазвонил телефон. Тим вскочил и зашарил в поисках трубки.

— Алло.

— Я хотела бы поговорить с мистером Хамнером.

— Это я. Эйлин? Извините, уснул. Я собирался позвонить вам.

— Но я вас опередила. Тим, вы действительно знаете, как пробудить у женщины интерес. Цветы великолепные, но ваза… я хотела сказать, что мы ведь только что познакомились.

Он рассмеялся:

— Но вам, кажется, нравится стубеновский хрусталь. У меня, кстати, неплохая коллекция.

— Неужели?

— Я тащусь от их зверей. — Тим сел и спустил

ноги на пол. — У меня уже есть… погодите-ка, голубой кит, единорог и жираф мне достались в наследство от бабушки — вещицы выполнены в старом стиле. И принц-лягушонок — тоже. Вы его видели?

— Только фотографии его величества. Послушайте, Тим, разрешите пригласить вас на обед. Есть один необычный ресторанчик под названием «Дар-Магриб».

Мужчины обычно делали паузу, когда Эйлин приглашала их на совместную трапезу, но Тим не заставил себя долго ждать.

— Мистер Хамнер с благодарностью принимает ваше приглашение. Значит, «Дар-Магриб»? Превосходно. Вы там уже бывали?

— Да. Мне очень понравилось.

— И вы хотели заманить меня туда? Не сказав, что там едят руками?

Эйлин расхохоталась:

— Проверка на гибкость.

— Угу. Почему бы вам не прийти сперва ко мне на коктейль? Представлю вас его величеству и остальному хрустальному зверью тоже. — И Хамнер объяснил Эйлин, как добраться до его особняка.

Лорен вернулся домой с пачкой журналов.

Бросив их возле мягкого кресла, он опустился в него (пружины просели) и начал читать «Нэшнл эквайер».

Статья подтвердила его худшие опасения. Комета наверняка столкнется с Землей, и никто не знает, где именно. Но все произойдет летом, поэтому (рисунок показывал это совершенно ясно) удар придется по Северному полушарию. Никто не представлял, насколько массивной окажется голова объекта, но автор утверждал, что надо ожидать конца света.

А еще Фред послушал по радио выступление проповедника — того дурака, речи которого транслировали сейчас все станции. Приближался апокалипсис. Стиснув зубы, Лорен поднял с пола выпуск «Астрономии». Итак, вероятность того, что какая-либо часть головы кометы столкнется с Землей, равнялась одной стотысячной, но парень не обратил внимания на расчеты. Его отвлекли картинки — и весьма красочные. Удар астероида исторгает из планеты фонтаны расплавленной магмы. Метеорит «среднего» размера, помещенный для сравнения над Лос-Анджелесом, готовится упасть на мегаполис. Голова кометы врезается в волны океана, тем самым обнажает морское дно…

Смеркалось, но Лорен и не думал включить лампу. Многие отказывались верить, что их неизбежно ждет смерть, но он верил. Он сидел в темноте, и вдруг ему подумалось, что Колин, наверное, уже дома.

И он кинулся к телескопу.

Девушки он не увидел, но в ее квартире горел свет. Комната пустовала. Фред прищурился и приник к глазку телескопа. Оштукатуренная стена, посреди которой было окно, вдруг полыхнула. Постепенно ослепительная вспышка угасла, уступив место иному огню. Пылали отдернутые занавески, простыни, подушка, стол и скатерть на столе.

Пожар.

Спустя полминуты оконные стекла лопнули и разлетелись вдребезги. Распахнулась дверь ванной комнаты и оттуда выбежала обнаженная Колин, на ходу надевая халат.

Ему показалось, что она светится, точно святая. На нее было трудно смотреть. Прошла целая вечность, прежде чем она запахнула полы… И пока длилось это бесконечное мгновение, Фред узрел ее окутанной пламенем Молота.

И она горела, как звезда, веки крепко сомкнуты — тщетно! — лицо иссечено осколками, халат

обуглился, длинные светлые волосы трещат, дымятся, темнеют… горят… Она умерла, раньше, чем они встретились…

Он резко отстранился от телескопа.

«Но мы не можем встретиться, — сказал ему внутренний голос разума, — я знаю, что делать. Я не могу снова попасть в тюрьму».

Опять в клетку? Когда к ним летит комета, приближая Армагеддон? Суд — дело долгое.

Нет, Фред Лорен никогда не попадет в застенки. Он погибнет раньше.

Он растянул губы в странной улыбке. Мышцы в углах рта сводило.

Он погибнет раньше!

Май

К 1790 году философам и ученым были известны многочисленные свидетельства того, что с неба падали камни. Но самые выдающиеся ученые были настроены скептически. Первый заметный перелом наступил лишь в 1794 году, когда немецкий физик Э. Ф. Ф. Хладни опубликовал исследование о подтвержденных падениях метеоритов. Падение одного из метеоритов сопровождалось появлением шаровой молнии. Хладни считал, что свидетельства о падении небесных тел истинны, и сделал правильное заключение: метеориты – объекты внеземного происхождения, раскаляющиеся при прохождении через атмосферу Земли. Ученый даже постулировал, что они могут быть обломками распавшейся планеты, – мысль, легшая в основу некоторых выдвинутых позднее теорий происхождения астероидов, первый из которых был обнаружен через семь лет. Предположения Хладни встретили много возражений

– не потому, что они были плохо сформулированы – исследователю удалось собрать неопровержимые доказательства. Причина заключалась в другом. Мысль, что с неба могут падать камни внеземного происхождения, казалась его современникам просто неприемлемой.

Уильям К. Хартманн. Планеты и спутники: введение в планетологию

Заметно прихрамывающий молодой мужчина тащился по коридору. В кабинете он едва не споткнулся о толстый ковер, но Кэрри, секретарша в приемной Джеллисона, успела подхватить его под руку. Он сердито отстранился.

— Мистер Колин Сондерс, — объявила девушка.

— Чем могу быть полезен? — спросил сенатор.

— Мне нужна новая нога.

Джеллисон постарался не выказать удивления, но безуспешно. «А я-то полагал, что меня уже ничем не удивить», — подумал он.

— Садитесь, пожалуйста. — Он взглянул на часы. — Уже шесть…

— Я понимаю, что отнимаю у вас ваше бесценное время, — воинственно произнес Сондерс.

— Просто в данный момент мы имеем полное право выпить. Не откажетесь?

— Ну… спасибо, да, сэр.

— Прекрасно. — Джеллисон встал из-за резного деревянного стола и подошел к старинному шкафчику.

Само здание не было ветхим, но кабинеты производили такое впечатление, будто здесь работал еще Даниел Уэбстер, который, по слухам, не дожидался шести часов. Сенатор распахнул створки шкафчика. На полках обнаружился изрядный запас спиртного. Почти на всех бутылках была одна и та же этикетка.

— «Олд Федкал»? — спросил посетитель.

— Еще бы… Пусть этикетки вас не обманывают. Вон в той черной бутылке «Джек Дэниэлс». Ну а остальное — тоже лучшие сорта. Зачем платить за бренд, когда я могу получить то же самое и гораздо дешевле? Что предпочитаете?

— Шотландское.

— Пожалуйста. А я приверженец бурбона.

Джеллисон наполнил два стакана.

— Теперь я вас слушаю.

— Проблема в Комитете по делам ветеранов, — начал Сондерс и похлопал себя по колену.

Выяснилось, что это — его четвертая искус-

ственная нога. Первая, выданная Комитетом по делам ветеранов, отлично подошла, но ее украли. А три следующие никуда не годились, они причиняли боль, а Комитет вообще ничего не намерен предпринимать.

— Похоже, это задача для вашего представителя, — мягко вымолвил сенатор.

— Я пытался повидаться с достопочтенным Джимом Брейденом. — В голосе парня послышалась горечь. — Но не смог записаться на прием.

— М-да, — пробормотал Джеллисон. — Извините, одну секунду. — Он вынул из ящика стола записную книжку и блокнот.

«Пусть Эл задаст жару этому сукину сыну, — застрочил он. — Партии не нужны такие придурки. И ведь это не первый раз».

Он поднял глаза на визитера:

— Дайте-ка мне фамилии врачей, к которым вы обращались, — проговорил он.

— Вы действительно поможете, что ли?

— Я разберусь. — Джеллисон опять принялся писать. — Где вас ранило?

— Кхешань.

— Медали? Награды иногда помогают.

Посетитель пожал плечами.

— «Серебряная звезда».

— И «Пурпурное сердце», разумеется, — произнес сенатор. — Не хотите еще выпить?

Молодой человек улыбнулся и покачал головой. Он оглядел просторный кабинет. Стены украшали фотографии: Джеллисон в индейской резервации и за штурвалом бомбардировщика. Дети сенатора, его сотрудники и друзья.

— Не буду отнимать у вас время. Вам, должно быть, некогда. — Сондерс осторожно встал.

Хозяин кабинета проводил парня к двери. Кэрри пришлось отпереть ее.

— Это последний, — сказала она.

— Прекрасно. Я еще здесь побуду. Пришлите сюда Элвина, и вы свободны. Но сперва попытайтесь соединить меня с доктором Шарпсом в ЛРД, ладно? И позвоните Морин, передайте ей, что я сегодня немного задержусь.

— Хорошо. — Девушка улыбнулась, наблюдая за боссом.

До того как она успеет уйти, он ухитрится вспомнить еще дюжину неотложных дел. Она к этому привыкла. Секретарша заглянула в офисы, где работали подчиненные сенатора. Все, похоже, разъехались по домам, за исключением Элвина Харди. Он всегда засиживался допоздна, ждал — на всякий случай.

— Он хочет вас видеть, — произнесла Карви.

— Что новенького? — Харди переступил порог кабинета Джеллисона.

Сенатор сидел, развалившись, в роскошном кресле, пиджак и узкий галстук в полоску брошены поперек стола, рубашка наполовину расстегнута. Рядом с бутылкой стоял стакан бурбона.

— Да, сэр, — сказал Эл.

— У меня к вам пара вопросов. — Джеллисон передал Харди свои записи. — Разберитесь кое с чем… Если все это правда, мне бы хотелось, чтобы виновные оказались на костре… для средней прожарки. Пусть экономят на своем жалованье, идиоты, а не на ветеране, который получил «Серебряную звезду». Впарили ему негодные протезы.

— Хорошо, сэр.

— Далее. Загляните-ка в район Брейдена. Мне представляется, что для партии было бы лучше, если б там сидел умный парень. Например, тот из мэрии… как его…

— Бен Тайсон, — подсказал Эл.

— Да, точно. Как думаете, он может взять верх над Брейденом?

— С вашей помощью.

— Разберитесь. С меня хватит — мистер Брей-

ден так занят спасением мира, что у него нет ни минуты на общение с избирателями, — без тени улыбки сказал сенатор.

Харди кивнул.

«Брейден, — подумал он, — ты уже труп. Когда босс так настроен, тебе несдобровать».

Зажужжал интерком.

— Доктор Шарпс, — доложила секретарша.

— Ага. И еще, Эл. Я хочу, чтобы вы слышали наш разговор. Чарли?

— Да, сенатор? — произнес голос ученого.

— Как идет подготовка к запуску? — осведомился сенатор.

— Прекрасно. Но было бы гораздо лучше, если б каждая важная шишка из Вашингтона не отрывала меня от дела телефонными звонками, чтобы задать очередной глупый вопрос.

— Ну вы даете, док. Если кто-нибудь должен быть в курсе, так это я.

— Вы правы. Извините, — проговорил Шарпс. — Мне не стоило жаловаться. Очень помогают русские. Они поставили большой стартовый двигатель и берут много припасов, которыми поделятся с нами. Благодаря им мы сможем взять максимум научного оборудования. Таким образом — в виде исключения — наблюдается

разумное разделение труда.

— Превосходно. Вы даже не подозреваете, какие мне пришлось пустить в ход связи, чтобы вы могли осуществить проект. Но объясните мне еще разок, чем все это ценно.

— Сенатор, ценность исследований неизмерима. С их помощью мы не придумаем лекарства от рака, но наверняка узнаем нечто удивительное о планетах, астероидах и кометах. А тот парень, Харви Рэндолл, хочет снять документальный фильм с вашим участием. Похоже, ему кажется, что телекомпания должна отблагодарить вас за участие в подготовке запуска.

Сенатор покосился на Харди. Тот энергично закивал и улыбнулся:

— Наша популярность среди лос-анджелесцев растет.

— Передайте ему, что мне нравится такая идея, — произнес Джеллисон. — Я в его распоряжении, когда ему будет угодно. Пусть он свяжется с моим помощником — с Элом Харди.

— Конечно. У вас все, Арт? — спросил Шарпс.

— Нет. — Джеллисон допил виски. — Док, ко мне зачастили посетители, которые считают, что комета врежется в нас. Не психи. Вполне здравомыслящие люди. У некоторых из них ученых

степеней не меньше, чем у вас.

— Я знаком с большинством из них, — признался Чарльз.

— И?..

Шарпс мгновение молчал:

— Наиболее точно рассчитанная нами орбита показывает, что комета рухнет прямо на нас.

— Господи! — выдохнул сенатор.

— Но погрешность расчетов — в несколько тысяч миль, — добавил ученый. — Естественно, что и промах в тысячу миль сразу меняет дело. В общем, на таком расстоянии комета до нас не дотянется.

— Но она способна в нас врезаться?

— Ну… информация не для разглашения, Арт.

— Я спросил и не для того…

— Ладно. Да, столкновение возможно. Но маловероятно.

— Насколько?

— Один шанс из нескольких тысяч.

— А раньше вы вроде бы говорили о соотношении один шанс из нескольких миллиардов.

— Значит, вероятность возросла, — произнес Шарпс.

— Нам следует принять какие-то меры?

— Но какие, Арт? Я беседовал с президентом.

— Я тоже, док.

— Он не желает сеять панику. Я с ним согласен. Вероятность столкновения до сих пор составляет одну сколько-то тысячную, — настаивал Чарльз. — Зато существует полная уверенность в том, что, если начать какие-то приготовления, погибнет множество людей. Уже есть случаи безумия. Патологические насильники. Группы чокнутых. Люди, усматривающие в конце света прекрасный случай для того, чтобы…

— Вы это мне говорите? — сухо спросил Джеллисон. — Повторяю, я тоже общался с президентом. Он разделяет ваше мнение. Или вы разделяете его точку зрения, док. Но я не говорю о том, что нужно предупредить широкую общественность, я имею в виду себя. Куда, по-вашему, врежется комета?

Пауза.

— Вы ведь рассматриваете такую возможность, да? — продолжал сенатор. — А если не вы, то безумный гений, которого вы держите при себе… Как его… а, Форрестер. Я прав?

— Да, — неохотно сознался Шарпс. — Молот распадается. Если произойдет столкновение, то на нас обрушится целая серия ударов. Если только основная часть головы нас не прибьет.

Поэтому не беспокойтесь. Тогда нам уже ничто не поможет.

— Ого!

— Да, — вымолвил Чарльз. — Вот так все плохо.

— Но если по нам ударит лишь часть кометы…

— Наверняка она заденет Атлантический океан.

— А Вашингтон… — Джеллисон не справился с собой, его голос сорвался.

— Он окажется под водой. Как и Восточное побережье, причем до самых гор, — произнес ученый. — Цунами. Но вероятность столкновения мала, Арт. Пожалуй, все ограничится впечатляющим световым шоу, и только.

— Угу. Ладно, док. Не буду отрывать вас от работы. Кстати, где вы будете в Тот Самый День?

— В ЛРД.

— На какой высоте над уровнем моря?

— Около тысячи футов. Что ж… До свидания.

Связь оборвалась раньше, чем Джеллисон успел положить трубку. Мгновение они с Харди неотрывно смотрели на аппарат.

— Эл, по-моему, нам надо отправиться на ранчо, — наконец выдавил сенатор. — Отличное место для наблюдения за кометами.

— Да, сэр.

— Но мы должны быть аккуратными. Никакой паники. Если дело обернется серьезно, Штаты сгорят. Полагаю, на днях Конгресс под благовидным предлогом объявит парламентские каникулы. Мы не должны сражаться, но я хочу, чтобы моя семья тоже перебралась на ранчо. Я позабочусь о Морин. Вы проследите, чтобы в Силвер-Вэлли поехали Джек и Шарлотта.

Харди поморщился. Сенатора не волновала судьба его зятя… но тут уж ничего не поделаешь. А убеждать Джека Тернера отправиться вместе с женой и детьми на калифорнийское ранчо Джеллисона будет неприятно.

— Семь бед — один ответ, — усмехнулся босс. — Вы присоединитесь к нам. Но нам понадобится различное снаряжение…. На случай грядущего апокалипсиса. Пара полноприводных внедорожников…

— «Ленд Роверы», — предложил Эл.

— Нет, черт побери! — пробурчал Джеллисон и налил себе в стакан еще на два пальца виски. — Нужны американские тачки! Скорее всего столкновения с кометой не произойдет, но и тогда мы не должны оказаться владельцами иностранных автомобилей. Джипы или что-либо

производства «Дженерал Моторс»…

— Я займусь этим, — сказал Эл.

— И прочее. Палатки и то, что нужно для походной жизни. Батареи. Лезвия для бритья. Карманные фонарики. Винтовки. Спальные мешки. Купите все, что нужно, а если не…

— Экипировка обойдется в немалую сумму.

— Ну и что? Я пока не разорился. Закупайте оптом, но по-тихому. Если кто-то начнет задавать вопросы, отвечайте… что? Вы собираетесь в поездку… по Африке. Должен быть какой-нибудь проект Национального научного фонда…

— Да, сэр!

— Прекрасно. Вы меня поняли, да, Эл? В наши планы можете посвятить Расмуссена. И больше никого из моих сотрудников. У вас есть девушка, которую вы хотели бы взять с собой?

«Он и впрямь ничего не знает, — подумал Харди, — не догадывается, что я люблю Морин».

— Нет, сэр.

— Тогда действуйте. Ситуация крайне нелепая, и когда комета разминется с Землей, мы будем себя чувствовать идиотами.

— Да, сэр.

«Надеюсь, что так и будет. Шарпс-то назвал ее Молотом!»

— Это абсолютно безопасно. В тысяча девятьсот тридцать втором астероид Аполлон прошел в двух миллионах миль от Земли — очень близко по космическим масштабам. И не причинил никакого вреда. В тридцать шестом Адонис пролетел мимо нас на расстоянии в миллион миль. И что? А вы помните панику шестьдесят восьмого? Люди, особенно в Калифорнии, искали спасения в горах. А через день и думать об этом забыли — кроме тех, кто разорился, покупая спасательное снаряжение, которое даже не пригодилось.

— Комета Хамнера — Брауна — великолепная возможность узнать много нового об объекте внеземного происхождения, который пройдет сравнительно — я подчеркиваю, сравнительно — близко. Не стоит волноваться и переживать.

— Благодарю вас. Вы прослушали выступление доктора Генри Триса из Геолого-картографического управления Соединенных Штатов. А теперь продолжаем нашу обычную программу.

Дорога шла к северу сквозь апельсиновые и миндальные рощи, по восточному краю долины Сан-Хоакин. Иногда они «взбирались» на пологие холмы, иногда петляла меж ними. Слева виднелась бескрайняя равнина, кое-где усеянная фермерскими домиками, заплатами полей,

пересеченная каналами. И она простиралась до самого горизонта. Единственными высокими зданиями оказались корпуса недостроенного комплекса атомной станции «Сан-Хоакин».

От Портервилла Харви свернул направо и погнал к востоку — к холмам. Дорога круто вильнула, и на мгновение Рэндолл узрел все великолепие Высокой Сьерры и горные вершины, еще покрытые снегом. Наконец он нашел съезд на проселок и вырулил к воротам без надписи. Внутрь только что проехал почтовый фургон, и водитель вылез, чтобы захлопнуть створки.

У парня были длинные волосы и стильная бородка.

— Заблудились? — спросил почтальон.

— Вряд ли. Это ранчо сенатора Джеллисона? — спросил Харви.

Юноша пожал плечами:

— Говорят. Я никогда не видел его. Справитесь с воротами?

— Конечно.

— Ну, пока.

И почтальон направился к своей машине. Рэндолл вылез из автомобиля и закрыл ворота. Потом покатил вслед за фургоном, поднимающим облачка пыли.

Вскоре он увидел белостенный дом с верандой, стоящий на холме. Сама же дорога раздвоилась, причем правое ответвление вело вниз, к амбару и каскаду небольших озер, кое-где окаймленных гранитными утесами. Вдоль берегов росли апельсиновые деревья. Неподалеку были пустые пастбища, усеянные обломками утесов — выветрившимися глыбами, каждая больше, чем обычный для Калифорнии загородный коттедж.

На крыльцо дома вышла дородная женщина и помахала почтальону.

— Горячий кофе, Гарри!

— Спасибо. Поздравляю с Днем хлама!

— Как, опять? Ладно, вы знаете, куда все отнести.

Женщина направилась к внедорожнику.

— Чем могу помочь?

— Я ищу сенатора Джеллисона. Я — Харви Рэндолл из Эн-би-си.

Миссис Кокс кивнула.

— Вас ждут в особняке. — Она указала на левое ответвление подъездной дороги. — Паркуйтесь осторожно и не задавите котов.

— Что за День хлама? — поинтересовался Харви.

Лицо миссис Кокс, которое уже некоторое вре-

мя назад приняло недоверчивое выражение, стало каменным.

— Так, чепуха, — ответила она и пошла к дому, где уже скрылся почтальон.

Рэндолл пожал плечами и поехал дальше.

Теперь дорога петляла между изгородей из колючей проволочной сетки. Апельсиновые рощи — справа, пастбища — с другой стороны.

За поворотом был сенаторский особняк — с каменными стенами и шиферной крышей. Разросшееся за счет пристроек массивное здание выглядело не слишком уместным в сельской глуши. Дом обрамляли утесы, из каньона открывался вид на Высокую Сьерру за много миль отсюда.

Внедорожник Харви припарковал возле черного хода. Когда он обогнул особняк, направляясь к парадному крыльцу, дверь на кухню отворилась.

— Эй! — крикнула Морин. — Поберегите ноги, войдите здесь!

— Спасибо.

Девушка показалась ему прелестной, как и в прошлый раз. На ней были брюки песочного оттенка (пошив — так себе) и высокие ботинки — не из тех, что для настоящего похода, но для длительных прогулок годные. «Для турья», — сказал бы Марк Ческу.

Рыжие волосы Морин как будто только что расчесала. Они ниспадали ей на плечи волнами и на концах слегка завивались. В них играло солнце.

— Как доехали? — спросила она.

— Нормально…

— Мне нравится дорога, ведущая сюда из Лос-Анджелеса, — заметила дочь сенатора. — Полагаю, вы сейчас не откажетесь выпить. Что будете?

— Скотч. Благодарю.

— Не за что. — Она провела его через холл в очень современную кухню.

Один из шкафов ломился от спиртного. Морин достала бутылку «Олд Федкал» и принесла лед.

— Мы всегда приезжаем сюда, когда еще холодно, — сказала она. — Тут есть и ферма. Правда, у Коксов нет времени часто наводить в доме порядок… Пожалуй, в комнате нам будет поуютнее.

И она опять пошла вперед, показывая путь в гостиную, смежную с просторной верандой.

«Приятное местечко», — решил Харви.

Панели были из дерева светлых тонов, удобная мебель — в стиле «ранчо», хотя и не особенно подходящая для такого громадного особняка. Стены украшали множество фотографий собак и лошадей. Рэндолл посмотрел на шкафчик, в котором

хранились ленты и медали — в основном за скакунов, но имелись и за крупный рогатый скот.

— А где остальные? — спросил Харви.

— Сейчас я одна, — ответила девушка.

Рэндолл затолкал появившуюся мысль в подсознание и принудил себя рассмеяться.

— Отец занят голосованием, — продолжала она. — Вылетит из Вашингтона ночным рейсом. Папа велел все вам показать. Хотите еще выпить?

— Нет, спасибо. Мне хватит.

Он поставил стакан — и тотчас взял в руку, когда увидел, что низкий столик отполирован до блеска. Харви ладонью стер оставшийся на полировке влажный круг.

— Хорошо, что я приехал без своей группы. Ребятам нужно закончить кое-какую работу, и я надеялся завтра утром отснять сенатора Джеллисона, но если он не сможет, то и ничего страшного… У меня есть аппаратура в машине. Когда-то я был приличным оператором. Кстати, моя команда тоже приедет завтра, и я решил, что использую вечернее время, предварительно выясню, о чем бы ваш отец хотел поговорить…

«Что-то я разболтался, — подумал он, — глупо как-то».

— Хотите гранд-экскурсию? — осведомилась Морин, взглянув на рабочие брюки и туристские ботинки Харви. — Переодеваться не надо. Если вы готовы к нелегкому походу, я покажу вам лучший вид во всей долине.

— Договорились.

Они вышли через кухню и углубились в апельсиновую рощу. Слева журчала речка.

— В ней хорошо купаться, — произнесла девушка. — Если вернемся не поздно, можно будет окунуться.

Вскоре показалась изгородь. Морин раздвинула колючую проволоку, легко проскользнула на другую сторону и обернулась, наблюдая за Рэндоллом. Усмехнулась, увидев, что он пролез сразу за ней, явно довольная его ловкостью.

Почва на этом участке густо поросла кустарником и сорняками. Тут точно никогда не пахали и не пасли скот. Земля круто шла в горку. Повсюду виднелись узкие тропки, вероятно, кроличьи или козьи. Человеку там было не пройти. Морин и Харви поднялись на несколько сотен футов и очутились у подножия громадного гранитного утеса. Он отвесно поднимался примерно на двести футов.

— Нужно обогнуть его слева, — сказала девуш-

ка. — Но учтите: дальше дорога еще труднее.

«И мне ее не осилить, — мысленно посетовал Рэндолл. — Но будь я проклят, если буду слабее вашингтонской тусовщицы. Нельзя рушить свою репутацию».

Он уже давно не был в пеших походах с девушкой — с тех пор как Мэгги Томпкинс подорвалась на мине во Вьетнаме. Мэг, неутомимый репортер, вечно выискивала сюжет. Она скучала, часами просиживая в баре «Каравелла», получая материал из третьих или четвертых рук. Вместе с ней Харви побывал на фронте.

Однажды они выбирались из вьетконговского тыла. Да…

Вот если бы Мэгги не погибла… Харви отогнал привязчивую мысль. «Это уже в прошлом».

Они карабкались вверх по расщелине.

— Вы часто здесь бываете? — спросил Харви, стараясь скрыть напряжение.

— Всего один раз, — ответила Морин. — Папа запретил мне ходить сюда в одиночку.

Наконец они забрались на изрядную высоту, правда, до вершины было еще далеко. Они с Морин стояли у края кряжа, простиравшегося далее на юг и вдававшегося в Высокую Сьерру. На сам утес вела извилистая тропинка.

Они побрели по ней, пока не достигли вершины, откуда открывался захватывающий вид на ранчо.

— Вы правы, — выдохнул Харви. — Картина потрясающая.

Под ногами была глыба величиной с многоэтажку. Рэндолл чувствовал, как лицо овевает легкий ветерок из долины. Куда ни глянь — повсюду из земли торчали такие же гигантские белые утесы. Похоже, когда-то тут прошел ледник и усеял окрестности этими обломками.

Внизу раскинулись угодья сенатора.

Силвер-Вэлли тянулась на несколько миль к западу, параллельно речному руслу. Множество холмов за рекой тоже усеивали крупные белые валуны. Ну а за холмами (и гораздо ниже уровня, на котором располагалось ранчо) простиралась уже долина Сан-Хоакин. Над ней висела дымка, но Харви вроде бы различил смутные очертания Темблор Рейндж — как раз на самой западной ее оконечности.

— Серебряная долина, Силвер-Вэлли, — объявила Морин. — Там наш дом, а за ним ранчо Джорджа Кристофера. Когда-то я чуть не выскочила за него замуж… — Она оборвала фразу и расхохоталась.

«Откуда вдруг укол ревности?» — удивился Харви.

— Почему вы смеетесь?

— Когда он предложил мне руку и сердце, нам стукнуло четырнадцать, — объяснила девушка. — Почти шестнадцать лет назад. Папу избрали в сенат, семья собиралась переехать в Вашингтон, и мы с Джорджем изобретали различные варианты, как бы мне остаться в Силвер-Вэлли.

— Но вы не остались.

— Нет… о чем порой жалею. Особенно когда забираюсь вот сюда. — И она сделала выразительный жест.

Рэндолл обернулся. Холмы, вздымающиеся все выше и сливающиеся со Сьерра-Невадой. Горная гряда выглядела так, будто там никогда не ступала нога человека. Харви знал, что это иллюзия. Если на тропе Джона Мура ты нагнешься завязать шнурки, то тебя могут затоптать туристы.

Высокую скалу, где находились Морин и Харви, пересекал разлом — шириной не более ярда, но такой глубокий, что Харви не смог разглядеть дно. Вершина наискось спускалась к расщелине, так что у мужчины не возникло желания приблизиться к ней.

Морин небрежно подошла к расщелине и не

раздумывая перешагнула через нее. Теперь девушка оказалась на двухфутовой полоске камня: перед ней была трехсотфутовая пропасть, а за спиной — неведомая бездна. Улыбнувшись, она посмотрела на своего спутника.

Рэндолл угрюмо застыл на месте, пытаясь сделать шаг и не в силах двинуться на дюйм. Во взгляде Морин мелькнуло изумление, сменившееся озабоченностью. Она шагнула обратно через расщелину.

— Извините. Вы боитесь высоты?

— Немного, — признался он.

— Я бы никогда вас сюда не потащила, если б знала… А вы-то о чем думали?

— Как мне выбраться отсюда, если что-нибудь случится. Сумею ли я заставить себя переползти через расщелину…

— М-да, а я отличилась, — сказала она. — Ладно, давайте покажу вам ранчо. Отсюда можно увидеть его почти целиком.

Позднее Харви не мог вспомнить, о чем они беседовали. Так, пустячная болтовня, но это были, пожалуй, самые приятные часы за последние несколько месяцев.

— Пора домой, — произнесла Морин.

— Да. Здесь есть дорога легче, чем та, по кото-

рой мы взбирались сюда?

— Понятия не имею. Но можем поискать. — И она направилась влево, огибая утес с другой стороны.

Они продирались сквозь кустарник, шагали по горным тропам. Повсюду виднелись кучки козьего и овечьего помета. И оленьего, решил Рэндолл, хотя не поручился бы за это. Почва была чересчур твердой, и следов не оставалось.

— По-моему, мы тут первопроходцы, — тихо пробормотал он.

Морин ничего не расслышала. Они брели по дну узкого оврага, скорей даже расселины на склоне холма.

Ранчо скрылось из виду.

Позади раздалось цоканье. Харви испуганно обернулся. По склону спускалась лошадь, на которой сидела белокурая девочка не старше двенадцати лет. Она ехала без седла и казалась частью животного: они вдвоем сливались в этакого мифического кентавра.

— Привет! — крикнула наездница.

— И тебе привет! — отозвалась Морин. — Харви, познакомься с Элис Кокс. Семья Коксов управляет нашим ранчо. Элис, что ты здесь делаешь?

— Увидела, как вы лезли наверх. — Голосок у

девочки был высокий, тонкий, но богатый интонациями, не визгливый.

Морин догнала Рэндолла и подмигнула ему.

— А мы думали, мы бесстрашные первооткрыватели, — сказала она.

«Верно. Я сюда влез с трудом, без всякой здоровенной коняги», — подумал Харви.

Склон был очень крутой: даже конь, пожалуй, не смог спуститься тут по своей воле. Он обернулся, намереваясь высказать эту мысль.

Элис, однако, уже спешилась и преспокойно вела лошадь вниз. Копыта соскальзывали, царапая грунт, и девочка показывала животному, куда следует ступать. Похоже, между ними царило абсолютное взаимопонимание.

— Скоро приедет сенатор? — спросила Элис.

— Завтра утром, — ответила Морин.

— Мне бы очень хотелось поговорить с ним, — заявила дочка Коксов. — В школе ребята хотят повидаться с сенатором. Его часто показывают по телику.

— Харви… то есть мистер Рэндолл — снимает телепрограммы, — сказала Морин.

Элис с уважением уставилась на Харви. Помолчав немного, она спросила:

— Вам нравится «Звездный путь»?

— Да, но я делаю другие фильмы. — Он кое-как одолел очередной трудный участок. Но ведь лошадь, конечно, не прошла бы так, как он, правда?

— Обожаю «Звездный путь», — затараторила Элис. — Н-но, Томми! Не бойся, все хорошо… Я написала сценарий для телевидения. Про летающую тарелку, и как мы от нее спасаемся и прячемся в пещере. Получилось здорово.

— Не сомневаюсь, — улыбнулся он, покосившись на девушку. И увидел, что та добродушно усмехается. — Не сомневаюсь, нет ничего, что она не могла бы сделать, — добавил Харви.

Морин кивнула. Они вскарабкались на берег высохшего ручья, вдоль которого шли, а затем русло затерялось в чаще чапареля. Вновь показалось ранчо, но еще далеко, и склон был достаточно крутым, чтобы, если упадешь, сразу покатиться вниз, катиться долго и, возможно, что-нибудь сломать. Рэндолл оглянулся и мгновение наблюдал за Элис, затем перестал тревожиться за девочку и лошадь. И сосредоточился на предстоящем спуске.

— Ты часто катаешься одна? — спросила Морин.

— Ага, — ответила девочка.

— И никто за тебя не волнуется? — поинтересовался Харви.

— Я тут все знаю, — поведала Элис. — Пару раз я заблудилась, но Томми привел меня домой.

— Хорошая лошадка, — сказала Морин.

— Конечно. Он мой.

Харви взглянул и убедился. Жеребец, не мерин. Он подождал, пока Морин догонит его. Мужская гордость заставляла его идти впереди всех, хотя было ясно, что лучше было бы пропустить вперед Элис.

— А неплохо жить в таком месте, где единственная причина для беспокойства — возможность заплутать, верно, Морин? Хотя с проблемой сразу же разберется лошадь, — произнес Рэндолл. Она и не поняла, что я хотел сказать. — На прошлой неделе в районе Голливудских холмов в полумиле от моего дома изнасиловали девочку примерно ее лет. Одиннадцатилетнюю…

— В прошлом году изнасиловали одну из папиных секретарш. Прямо в Капитолии, — вымолвила Морин. — Цивилизация восхитительна!

— Хотелось бы мне, чтобы мой сын вырос за городом, — продолжал Харви. — Но чем бы тогда я стал заниматься? Сельским хозяйством? — Он рассмеялся.

Постепенно склон сделался очень крутым, и ему стало не до разговоров.

Внизу вилась проселочная дорога. Они осторожно спустились к ней. До ранчо было далеко, но теперь идти стало легче. Каким-то образом Элис снова оказалась на лошади. Харви не сводил с нее глаз, но не заметил, когда она ухитрилась сесть верхом. Только что девочка шагала рядом со своим другом, причем ее голова даже не доставала до его спины, а в следующий миг уже сидела на коне. Она щелкнула языком, и Томми умчался галопом.

Впечатление, что Элис и Томми составляют единое целое, возросло: движения девочки полностью совпадали с ритмом движения животного, длинные белокурые волосы стелились по ветру.

— Вырастет настоящей красавицей, — сказал Харви. — Может, в здешнем воздухе что-то есть? Долина пропитана каким-то волшебством.

— Иногда я чувствую то же самое, — согласилась Морин.

Солнце уже садилось, когда они добрались до ранчо. Вот и каменный особняк.

— Чуть поздновато, но не хотите ли искупаться? — предложила девушка.

— Почему бы и нет? Но мне не во что пере-

одеться.

— Что-нибудь найдется. — Морин скрылась в доме и вскоре вернулась с мужскими плавками.

— Переодеться можете в ванной.

Рэндолл так и поступил. Когда он вышел из дома, то обнаружил, что его спутница облачилась в цельный купальник ослепительно-белого цвета. Через ее руку был перекинут халат. Морин вновь подмигнула Харви и бросилась вперед, предоставив ему следовать за ней. Тропинка шла вдоль гранатовой рощи вниз, к песчаному пляжу на берегу тихо бормочущей речки.

Девушка улыбнулась и с разбегу влетела в речку, Рэндолл не отставал.

— Боже мой! — завопил он. — Она ж ледяная!

Морин плеснула водой ему на грудь и лицо:

— Это не страшно!

Он уныло поплелся дальше, где вода бежала быстрее, а дно было каменистым. Харви с трудом сохранял равновесие, но тащился за Морин вверх по течению к узкой расселине между двумя камнями. Вода (уже ему по грудь) бурно вырывалась наружу, угрожая сбить людей с ног.

— Тут быстро остынешь, — проворчал он.

Наконец они добрались до заводи и заметили мелкую форель, стрелой проносящуюся у

самой поверхности. Рэндолл надеялся увидеть и крупную рыбу, но та пряталась. Речка была словно специально создана именно для форели: глубокие заводи под маленькими бурными водопадами. Берега густо заросли деревьями, ветви нависали над водой. Лишь в двух местах они были вырублены; очевидно, это сделал кто-то, промышляющий нахлыстом — чтобы ничто не мешало забрасывать удилище.

— Я начинаю синеть! — крикнула Морин. — Накупались?

— Сказать по правде, уже минут десять назад.

Они взобрались на очередной громадный белый валун, обкатанный водой. Заходящее солнце согрело озябшее тело Харви. Вершина валуна еще хранила накопленный за день солнечный жар.

— Вот об этом я и мечтал, — заявил он.

Девушка перевернулась на живот и оперлась на локти:

— О чем именно? О ледяной воде, о высоте, которой боитесь, или о том, чтобы натрудить ноги?

— Обо всем сразу… И о том, чтобы сегодня ни у кого не брать интервью. Я рад, что не смог побеседовать с вашим отцом. Завтра… та-дам! Я снова буду мистером Рэндоллом.

Дома Морин переоделась в брюки песочного

оттенка. Когда Харви вошел, то увидел, что она опять достала бутылку.

— Останетесь поужинать? — спросила она.

— Да… Конечно. Но мог бы вас пригласить куда-нибудь.

Она рассмеялась:

— Вы не искушены в бурной ночной жизни Спрингфилда и Портервилла. Давайте никуда не поедем. Я люблю готовить. Если хотите, можете помочь мне прибраться.

— По рукам.

— Не то чтобы с готовкой много возни, — проговорила Морин, доставая стейки из холодильника. — Быстрозамороженная еда и микроволновка. Цивилизованный, вполне сносный способ, который удовлетворит гурмана.

— У штуковины больше всяких рычажков управления, чем в «Аполлоне».

— Неправда. Я побывала в «Аполлоне». Эге, вы тоже, верно?

— Это была модель, а не настоящий корабль, — сказал Рэндолл. — Господи, как бы мне хотелось оказаться на их месте! Наблюдать за кометой с орбиты. Никакой атмосферы, мешающей ее видеть.

Она промолчала. Харви пригубил виски. Есть

хотелось страшно. Обследовав морозильник, он обнаружил упаковку китайских овощей — неплохой гарнир к мясу.

После ужина они пили кофе на террасе, сидя в креслах с широкими плоскими подлокотниками, на которых было удобно ставить кружки. Стало прохладно, Морин и Харви надели куртки.

Они беседовали — тихо, неторопливо. Об астронавтах, с которыми лично общалась дочь сенатора. О математике у Льюиса Кэрролла, о вашингтонских политиках. Вскоре девушка встала, ушла в дом, погасила свет и вернулась, находя дорогу ощупью.

Царила непроглядная тьма.

— Зачем вы выключили свет? — осведомился он.

— Поймете через пару минут, — ответил бесплотный голос.

Он услышал, как Морин села в кресло.

Ночь была безлунная, светили только звезды. Но постепенно Рэндолл понял, что девушка имела в виду. Когда над горами взошли Плеяды, он не узнал их: созвездие сияло ослепительно-ярко. Пылал Млечный Путь, и в то же время Харви не мог разглядеть чашку в собственной руке!

— Некоторые горожане никогда такого не ви-

дели, — произнесла Морин.

— Вы правы. Спасибо.

— Могло быть облачно. Мое могущество не безгранично.

— Если б нам удалось… — проговорил Харви и оборвал себя на полуслове.

— Нет, не так, — продолжал он. — Если б мы могли показать это всем, кто голосует… Не карту звездного неба, ее-то можно увидеть когда угодно — остановись у любого газетного киоска. Ну, поглазеешь на снимки созвездий, на рисунки черных дыр и всякие системы — и что? Нужно возить избирателей сюда по дюжине и устраивать им экскурсии. Тогда они поймут. Вот оно все… Настоящее. Только протяни руку.

А руку протянула Морин. Ее пальцы легли на его ладонь. (Она видела в темноте гораздо лучше, чем он.)

Он даже слегка испугался.

— Не получится, — произнесла она. — Иначе окажется, что главной поддержкой НАСА станут фермеры.

— Но если человек никогда не видел ничего подобного… понимаете… Нет, вы, вероятно, правы. — Он остро сознавал, что они по-прежнему держатся за руки.

Здесь надо остановиться, дальше нельзя.

— А как вы относитесь к межгалактическим империям?

Вот и безвредная тема.

— Не знаю. Расскажите мне о них.

Харви наклонился ближе, чтобы она могла проследить, куда указывает его рука. Там, где сгущался и ярко сиял Млечный Путь, в созвездии Стрельца, пролегала ось Галактики.

— Вот где происходит главное, почти во всех древних империях. Звезды на том участке гораздо ближе одна к другой. Трантор и миры Хаба… Хотя жить там — рискованное дело. Некоторые солнечные ядра уже взорвались. Просто волна радиации еще не докатилась до нас.

— Но разве мы не держим руку на пульсе?

— Конечно. Но потом выяснится, что на Земле вспыхнула ядерная война.

— Может, мне не следует спрашивать, но откуда вам все это известно?

— Читал научно-фантастические журналы. Лет до двадцати, когда стало не хватать времени. Понимаете, империи с главной столицей на какой-нибудь планете обязательно обычно невелики… но даже маленький осколок такой империи состоит из ста миллиардов солнц. А

владения громадных размеров — меньше одного рукава Галактики. — Он запнулся.

Небо просто сияло! Харви чуть ли не наяву видел боевые корабли Мула, выплывающие из созвездия Стрельца.

— Мне кажется, что это правда!

Она засмеялась. Теперь он видел ее лицо — бледное, смутно различимое.

Он пересел на широкий подлокотник ее кресла и поцеловал Морин. Она подвинулась, и он примостился рядом с ней. Кресло — хотя и впритирку — вместило их обоих.

Безопасной темы для разговоров нет.

Был миг, когда он мог отстраниться. Мысль, остановившая его, мешающая: завтра… та-дам! Я снова буду мистером Рэндоллом.

В доме тоже царили кромешная тьма. Держа Харви за руку, Морин отвела его в спальню, на ощупь и по памяти. Они раздели друг друга. Их одежда, упавшая на пол, могла бы выпасть и за границы Вселенной.

Кожа ее была теплой, почти горячей. На мгновение ему захотелось увидеть ее лицо, но лишь на мгновение.

Когда он проснулся, в спальне властвовал серый рассвет. Спина замерзла. Они лежали, тесно

обнявшись, на застеленной постели. Она спала спокойно, слабо улыбаясь.

Он продрог. Морин, наверное, тоже. Нужно ли будить ее? Голова плохо соображала, но Харви нашел лучший выход. Он осторожно разжал объятия. Ее дыхание оставалось ровным. Он подошел ко второй кровати, содрал покрывало и, вернувшись обратно, укрыл Морин. Затем — отчетливо понимая, что сейчас опять заберется к ней, — неподвижно застыл и простоял так почти минуту.

Она — не его жена.

— Та-дам! — тихо произнес Рэндолл.

Стараясь ничего не упустить, он сгреб в охапку свою одежду. Прошлепал в гостиную. Он начинал дрожать. Первая дверь, которую он открыл, вела еще в одну спальню. Он кинул одежду на кресло и поплелся к кровати…

Она не погибла, но стала другой. Агония кометы великолепна. Ее изодранное тело рассеивалось в пространстве на миллионы миль, шлейф странных химикалий летел назад, к кометному гало, несомый ветром отраженного света. Возможно, немногие молекулы осядут на ледяной поверхности других комет.

Ослепительный свет Солнца укрывал ее от

телескопов Земли. И ее точную орбиту пока не удалось рассчитать.

Сверкал, отражая солнечный свет, ее хвост, но еще ярче пылала голова. Некоторые химические соединения, даже хорошо перемешанные, при температурах, близких к абсолютному нулю, не вступают в реакцию. Но стоит их подогреть, и они возгораются.

Ее ядро бурлит и трансформируется.

С каждый днем ее голова уменьшается. Здесь из покрывающей поверхность смеси льда и пыли выделяется, вскипая, аммиак. Водород давным-давно улетучился. Масса кометы уменьшается, а плотность растет. Скоро от нее ничего не останется, кроме каменной пыли, сцементированной водяным льдом. Там каменная глыба величиной с холм перекрывает газовую раковину, с каждым часом разогревающуюся все сильнее, пока что-то не уступает.

Газ вырывается наружу. Гигантская глыбина, кувыркаясь, медленно отделяется и отплывает. Орбита кометы Хамнера — Брауна едва заметно изменилась.

Июнь: 1

...Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Первое послание к Фессалоникийцам святого апостола Павла (4: 16–17)

Здесь, на верхушке гигантского распадающегося тотемного столба, на его крохотной вершине лежал на спине Деланти. На его лице то вспыхивала, то гасла улыбка. Но голос Рика, тщательно и четко выговаривающий слова, ничем этого не выдавал. Он звучал точь-в-точь, как и голос Джонни. А сам Бейкер слегка хмурился с видом человека, занятого скрупулезной работой.

— Включить бортовые источники питания.

— Проверка бортовых источников питания. Все штатно.

— Осталось пятнадцать минут до отсчета.

Когда бы Джонни ни взглянул на Рика, его угол-

ки губ тоже трогала улыбка. Но Бейкер уже летал в космос. Он мог позволить себе некоторое высокомерие. Осталось пятнадцать минут, и никаких глюков. Между прочим, одно перечисление неисправностей, которые могли бы стопорнуть запуск «Аполлона», заняло бы у человека целую жизнь… причем без остатка!

Деланти ликовал. Его выбрали! Позади тренировки, симуляторы и отлет во Флориду. Совсем недавно он делал бочки, петли и иммельманы над Флоридой и входил в пике над Багамами. Последняя разминка за два дня перед запуском — укоренившаяся традиция, которой нельзя было пренебречь. Полет снимал напряжение с астронавтов и перекладывал стресс на плечи команды наземного техобслуживания, которая сходила с ума, гадая, не разобьется ли экипаж в лепешку на тренировочном самолете — и это после того, как все так долго и тщательно планировали…

— Минута до отсчета.

Последние суматошные, хлопотные часы — и наконец Уолли Хоскинс подводит Рика, облаченного в неуклюжий, раздутый скафандр к подъемнику и провожает к капсуле «Аполлона». Деланти ложится на спину (колени оказываются выше головы) и ждет, что какой-то механизм

сейчас откажет. Но сигнал о неисправности не поступает, похоже, запуск состоится, они на самом деле…

— Пять. Четыре. Три. Два. Один. Ключ на старт. Поехали!

— Старт осуществлен…

«Сатурн» поднимался, объятый громом и пламенем. Сто тысяч, а то и больше официально приглашенных гостей, репортеры, писатели-фантасты, у кого-то выклянчившие пропуск представителей прессы, родственники астронавтов, Очень Важные Персоны, друзья…

— Взлетел, — сказала Морин.

Отец глянул на нее с изумлением:

— О ракетах обычно говорят «она».

— Да, наверное, — согласилась дочь.

«Почему мне кажется, что я никогда его не увижу?»

У нее за спиной что-то тихо пробормотал вице-президент.

— Лети, лети, птица, — вроде бы шептал он. Вдруг поднял взгляд, понял, что его слушают, и пожал плечами. — Лети, детка! — заорал он.

Его крик словно пробудил зрителей. Все будто осознали мощь ревущего «Сатурна» и поняли, сколько труда и знаний вложено в ракету-носи-

тель. Для старшего поколения это было что-то невозможное, нечто из комиксов их детства. Молодым происходящее казалось неизбежным и закономерным, и они не могли понять, почему старики разволновались. Космические корабли — реальность и, естественно, летают.

В кабине «Аполлона» астронавты улыбались — застывшими, жутковатыми гримасами трупов: возросшая в несколько раз сила тяжести оттянула лицевые мышцы к ушам. Отделилась и пошла вниз первая ступень, затем вторая, третья дала последнее ускорение… и Рик умчался в небо.

— «Аполлон», говорит Хьюстон. Выглядите неплохо, — произнес чей-то голос.

— Вас понял, Хьюстон. — Деланти обернулся к Бейкеру: — Приказывайте, генерал.

Тот застенчиво ухмыльнулся. Его повысили в звании буквально перед самым запуском — чтобы он был в одном чине с советским космонавтом.

— Есть кое-какое условие, — проговорил президент, вручая Джонни его новые регалии.

— Да, сэр? — отчеканил он.

— Не дразните своего русского напарника из-за его имени. Не поддавайтесь искушению.

— Хорошо, господин президент.

Но легко сказать… «Петр Яков» на русском не

имело второго смысла. Однако товарищ генерал Яков прекрасно владел английским, в чем Бейкер убедился во время их встречи в Хьюстоне. Он и второго космонавта видел, симпампушечку… правда, в России. Как было официально объявлено, женщина не смогла приехать в Соединенные Штаты из-за серьезной занятости.

— А теперь найдем чертов мусорный бак, подполковник Деланти, — вымолвил Бейкер. — Классно тут, да?

— Угу. — Рик глянул в иллюминатор — и его глаза удивленно округлились.

Такую картину он уже неоднократно видел — в симуляторах им показывали фильмы, да и астронавты непрерывно рассказывали о космосе. Чтобы создать видимость невесомости, людей, облаченных в скафандры, погружали в воду. Но тогда все это не считалось. Зато сейчас — еще как считалось.

Космос оказался абсолютно черным, лишь ярко сияли звезды, а Землю, лежащую внизу, освещало Солнце. Виднелся Атлантический океан, острова и приближающееся побережье Африки — точь-в-точь школьная карта с разбросанными по ней комочками ваты — облаками. Чуть позже — севернее — показались Испания и Средизем-

ное море, а немного погодя изумрудный разрез в пустынях Египта — Нил и его излучины.

«Аполлон» вошел в тень, и под ним засветились огни сказочных городов Индии.

Они уже были над окутанной ночью Суматрой, когда на экране радара Деланти появился сигнал.

— Вот и «Молотлэб», — встрепенулся Рик.

— Верно, — согласился Бейкер и взглянул на допплеровский измеритель: корабль медленно плыл по направлению к капсуле. Он должен был догнать ее над Тихим океаном, как и предсказал компьютер Хьюстона. Они ждали.

— Отцепляй «клетку». Начнем отлавливать наш дом, — произнес Джонни и включил коммутатор борт — Земля: — «Самородок», говорит «Аполлон». «Молотлэб» в пределах видимости, начинаем финальный маневр сближения.

— «Аполлон», говорит Хьюстон. Вопрос: что у вас в пределах видимости?

— «Молотлэб», — ответил Бейкер. Он оглянулся на Деланти и ухмыльнулся. Официально космическая лаборатория называлась «Спейслэб-2». Но кто и когда ее так величал, а?

Корабль и капсула быстро сближались. Впрочем, по меркам астронавтов медленно: собствен-

ная скорость «Аполлона» составляла двадцать пять тысяч футов в секунду. Им управлял Деланти. Реактивные двигатели осторожно подвели космическое судно к цели — стальному цилиндру, похожему на гигантский мусорный бак, сорок футов длиной и десять в диаметре. По бокам — иллюминаторы, конечно же, — воздушный шлюз и на каждом конце по стыковочному люку.

— Космическая лаборатория эконом-класса, — проворчал Бейкер. — Крутится… Думаю, один оборот в четыре минуты восемь секунд.

Первое, что нужно для полной стыковки — умело управлять позиционными двигателями, чтобы корабль кувыркался в едином ритме с объектом стыковки. Потом приблизиться к нему, улучить момент так, чтобы стыковочный штырь «Аполлона» вошел в соответствующее отверстие в торце «Молотлэба» — и дело сделано.

Внезапно они снова очутились в темноте. Рик недоумевал. Сколько же времени занял полет к цели, до которой было гораздо меньше мили? Разумеется, за те же пятьдесят минут корабль пролетел четырнадцать тысяч миль…

Когда опять стало светло, Деланти был в полной готовности. Несколько маневров… он выругался,

подал корабль вперед и почувствовал, что «Аполлон» и «Молотлэб» легонько соприкоснулись. Приборы показали: контакт по центру, и он еще подал корабль вперед, жестче…

— Порвал!.. В яблочко! — закричал он и от души выругался.

— Хьюстон, говорит «Аполлон». Мы состыковались. Повторяю, мы состыковались, — сказал Бейкер.

— Уже знаем, — последовал скупой ответ. — Деланти забыл отключить связь.

— Гм, — промычал Рик.

— «Аполлон», говорит Хьюстон. Ваши напарники приближаются к вам. «Союз» вас видит. Повторяю, «Союз» вступил с вами в визуальный контакт.

— Хьюстон, вас понял. — Джонни повернулся к напарнику. — Теперь стабилизируй аппарат, а я побеседую с нашими друзьями-азиатами, братцем… и сестрицей. «Союз», «Союз», вызывает «Аполлон». На связи.

— «Аполлон», говорит «Союз», — отозвался мужской голос. С грамматической точки зрения английский Якова был безупречен, и акцент почти не чувствовался. Космонавта учили не британцы, а американцы. — Слышимость отличная.

Вопрос: стыковочный маневр окончен? Прием.

— Мы состыковались с «Молотлэбом». Можете смело приближаться. Прием.

— «Аполлон», говорит «Союз». Вопрос: под «Молотлэбом» вы имеете в виду «Спейслэб-2»? Прием.

— Подтверждаю, — сказал Бейкер.

Деланти понимал, что тратит слишком много топлива. Никто, кроме перфекциониста, этого бы не заметил: маневр отлично укладывался в допуски программы, составленной Хьюстоном. Но Рику было не все равно.

И вот стабилизация достигнута. Нос космического судна надежно вошел в стыковочный люк помойного бака — «Молотлэба». Связка корабль-лаборатория заняла, не качаясь и не кувыркаясь, устойчивое положение в пространстве. Итак, за секунду «Аполлон» пролетал двадцать пять тысяч футов: Бейкер и Деланти каждые девяносто минут должны были задом наперед совершать один оборот вокруг Земли.

— Готово, — произнес Рик. — Теперь полюбуемся на них.

— Принято, — ответил Джонни и включил систему.

В стыковочный механизм оказался вмонти-

рован кабельный разъем видеонаблюдения. Видимость была отличной: к «Молотлэбу» плыл массивный «Союз». Он был ближе, чем ожидали астронавты, и увеличивался в размерах, разворачиваясь носом по центру. Корабль слегка покачивался, как будто специально демонстрировал свой весьма впечатляющий корпус. Да, он значительно больше «Аполлона». Составляя свои космические программы, Советы всегда учитывали, что у них есть мощные военные стартовые ускорители, а ребята из НАСА предпочитали самостоятельно проектировать и строить оборудование.

— Надеюсь, громадина не забыла прихватить обед, — усмехнулся Деланти. — В противном случае здесь будет голодно.

— Ага. — Бейкер продолжал наблюдать.

Они не могли выполнить свою задачу без «Союза». Он доставил на орбиту основную часть припасов. «Молотлэб» забит инструментами, пленкой и съемочным оборудованием, но воды и пищи в нем хватило бы на несколько суток. Для того чтобы ждать приближения Хамнера — Брауна, им требовалась помощь «Союза».

— Возможно, голодно будет в любом случае, — произнес Джонни.

Он мрачно следил, как на экране маневрирует советское судно, и испытывал душевную боль.

Корабль колыхался, точно дохлый кит в проливе. Он резко развернулся носом к камере и тут же отпрянул. Осторожно сдал в сторону, остановился… почти. Попробовал снова — и отошел назад.

— И это их лучший пилот, — пробурчал Джонни.

— Я тоже выглядел не слишком хорошо…

— Чушь. Твоя цель кувыркалась. А мы устойчивы, как трамвай. — Бейкер покачал головой и добавил: — Естественно, они не виноваты. Проблема в системах управления. У нас есть бортовые компьютеры. У них — нет. И очень жаль, черт побери.

Будто вырезанное из красного дерева лицо Деланти сморщилось:

— Джонни, я не уверен, что смогу и дальше смотреть на «Союз».

То, что они видели, оказалось мучительно для обоих. У них руки чесались вмешаться. Такое напряжение и рождает непрошеных советчиков.

— А ведь у него еда, — продолжал Бейкер. — Когда он сдастся?

Они опять погрузились во тьму. Связь ограничивалась официальными переговорами. Когда

корабли снова вышли на свет, «Союз» попробовал подлететь поближе.

— Значит, нас все-таки ждет голодная смерть, — вздохнул Рик.

— Заткнись.

— Слушаюсь, сэр.

— Пошел ты!..

— Пока что не получится.

Они продолжали наблюдать. Спустя некоторое время Яков вышел на связь:

— Мы расходуем необходимое горючее. Запрашиваю план Б.

— «Союз», вас понял, приготовьтесь к выполнению плана Б, — с нескрываемым облегчением произнес Бейкер и подмигнул другу: — А сейчас покажи красным, на что способен настоящий американец.

Официально данный план считался крайней мерой, но все в НАСА, планировавшие запуск «Аполлона», втихомолку утверждали, что без него не обойтись. И они готовились к его выполнению так, словно он являлся неотъемлемой частью предстоящего совместного полета.

По ту сторону Атлантики надеялись его избежать, но и там о нем ни в коем случае не забывали. Идея плана Б была проста: «Союз» оста-

навливался, а монстр «Аполлон-Молотлэб» шел на сближение.

Деланти пилотировал судно, и одновременно сдвинулся с места огромный, неуклюжий «бак». (Вообразите, как авианосец пытается поднырнуть под снижающийся самолет.) Но в распоряжении Рика была сложнейшая система управления ориентацией, тщательно и кропотливо созданная мастерами высшего класса с тысячами часов опыта за плечами. Кроме того, у него имелись приборы, разработанные в десятке лабораторий, специализирующихся на точнейшей технике.

— Хьюстон, приступаем к плану Б, — доложил Бейкер.

«Теперь весь мир, чтоб его, не сводит с меня глаз, — подумал Деланти, — смотрит и слушает. И если я промахнусь…»

Нет о таком даже и думать не стоило.

— Расслабься, — произнес Джонни.

«Он не предложил заменить меня, — пронеслось у Рика в голове. — Ладно. Начали. Будем считать, что тренируюсь на симуляторе».

Поехали. Прямо вперед — раз. Все проверить — два. Легкий толчок позиционными, чтобы оба корабля вошли в соприкосновение.

Он всем телом почувствовал контакт, и в ту же

секунду на приборной доске вспыхнула зеленая лампочка.

— Есть, — сказал Рик.

— «Союз», мы пристыковались, закрепите стыковочный штырь, — сообщил Бейкер.

— «Аполлон», принято. Мы герметизировались.

— Пискнул невылупившийся цыпленок. А яйцо-то тухлое, — прокомментировал Джонни.

Плавая внутри «мусорного бака», они церемонно обменялись рукопожатиями — по кругу. Историческое событие, как утверждали комментаторы Земли. Но Бейкер не смог придумать никакой исторической фразы.

Предстояла трудная работа. Экспедиция не была рассчитана на внешний эффект рукопожатием в космосе, как в предыдущем полете «Союз» — «Аполлон». Сейчас им предстояло вкалывать по жесткому графику, и выполнить задачу, хотя сделать все — даже если повезет — они, пожалуй, не смогут.

Вдруг Бейкеру стало смешно. Он бы засмеялся, если бы это не потребовало долгих объяснений. Дело в том, что очень уж хорошо они все вместе смотрелись.

Других таких, как мы, нет, благослови нас

Господь. Леонилла Александровна Малик — мрачная красавица, по-имперски высокомерна, самоуверенна — она могла бы играть царицу! Но гладкие, крепкие мышцы скорее подошли бы приме-балерине. Восхитительная и хладнокровная женщина.

«Любое сердце вдребезги разобьет, — решил Джонни, — но втайне она глубоко ранимая. Как Мойра Ширер в «Красных башмачках». Хотел бы я знать, со всеми ли она держится так холодно вежливо, как со своим коллегой».

Генерал Петр Иванович Яков, народный герой. («Какого именно класса?» — подумал Бейкер.) Идеальная кандидатура для рекламного плаката «Записывайтесь добровольцами». Красивый, с развитой мускулатурой и ледяными глазами, он немного напоминал самого Джонни, но в этом не было ничего особенного — ведь и Рик смахивал на Мухаммеда Али.

«Да… наша четверка — в полном расцвете сил и здоровья… и чертовски фотогенична. К сожалению, с нами нет того парня из Эн-би-си… как его там, а, Рэндолл, он бы сделал групповой снимок. Ничего, он еще нас сфотографирует».

Они плавали под странными углами, постоянно перемещались в пространстве, будто все

время попадали под воздействие случайных воздушных потоков и беспричинно улыбались. Даже бывалых Джонни и Якова охватило радостное возбуждение. А Рик и Леонилла вообще оказались на седьмом небе. Они норовили подплыть к иллюминаторам, чтобы полюбоваться Землей и звездами.

— Обед привезли? — наконец спросил Деланти.

Леонилла ответила ему ледяным тоном:

— Разумеется. Думаю, он вам понравится. Но мне не хотелось бы испортить сюрприз, подготовленный товарищем Яковым.

— Сперва нужно подыскать место, где мы сможем его съесть, — оглядывая загроможденную капсулу, заявил Бейкер.

Она была забита приборами. Электронное оборудование, конечно, привернуто к переборкам. Бесформенные свертки, обложенные пенопластом, висели на желтых нейлоновых шнурах. Пластиковые коробки, штативы, кассеты с пленкой, микроскопы, разобранный на части телескоп, наборы инструментов, паяльники… А еще многочисленные чертежи с указаниями, где что размещено. Астронавтов муштровали до тех пор, пока они не научились находить любой

предмет в темноте.

В общем, здесь было тесно, и ощущение порядка не возникало.

— Мы можем поесть в «Союзе», — предложила Леонилла. — У вас тесновато. — И она умолкла, беспомощно махнув рукой.

— Такого мы не ожидали, — произнес Яков. — Я переговорил с Байконуром, и мы на несколько часов предоставлены самим себе, пока не сможем развернуть солнечные крылья. Поэтому давайте сделаем перерыв и перекусим.

— Чего именно вы не ожидали? — осведомился Деланти.

— Такого. — Яков тоже выразительно повел рукой.

Джон расхохотался:

— У нас не оставалось ни минуты на то, чтобы навести тут порядок! Навалили оборудование на борт как придется… Будь у нас время, все, что вы здесь видите, было бы специально спроектировано для изучения кометы и весило бы вдвое меньше.

— Но стоило бы в десять раз дороже, — добавил Деланти.

— И тогда мы оказались бы вам не нужны, — резюмировала Малик.

Яков сурово посмотрел на женщину. Хотел что-то сказать, но передумал. Леонилла была права.

— Господи, уж загрузили так загрузили, — проговорил Рик. — Ладно, может, заморим червячка?

— А вы ничего не чувствуете? — спросила Леонилла. — На вас не сказывается невесомость?

— На него? На старину Луженые Кишки? — Джон помотал головой. — Да он запросто обедает на русских горках. А вот я — да, на меня невесомость чуть-чуть влияет, хотя и я раньше летал. Ерунда, как-нибудь переживу.

— Лучше поесть сейчас. Мы входим в полосу тьмы, а на свету понадобится развернуть солнечные «крылья», — проговорил Яков. — Но я также предлагаю перебраться в «Союз». У нас просторнее. У нас есть для вас подарок. Икра. В принципе ее полагается есть из тарелки, но, несомненно, мы без труда выдавим ее из тюбиков.

— Икра? — переспросил Бейкер.

— Лучшая в мире еда, — заверила его Малик. — Скоро будет прорыт новый канал, и уровень воды в Каспийском море и Волге повысится, условия жизни осетров улучшатся. Надеюсь, вы любите черную икру?

— Еще бы, — подтвердил Джонни.

— Вот и приступим. — Генерал первым направился к «Союзу».

Никто не заметил, что Деланти отстал — словно по какой-то причине потерял аппетит.

Рик и Джонни были снаружи. Тонкие тросы соединяли их с «Молотлэбом». Вокруг — вакуум, пустота космического пространства, с одной стороны — ослепительно освещенного солнцем, а с другой — черного, как тьма в глубочайшей из пещер.

Крылья «Скайлэба» покрывала чешуя из солнечных элементов. Предполагалось, что они развернутся автоматически, но этого не произошло.

Потому конструкция «Молотлэба» оказалась иной. Сложенные вдоль корпуса крылья были рассчитаны на развертывание силами астронавтов. Вот чем и занимались в данный момент Бейкер и Деланти.

Без энергии, вырабатываемой солнечными батареями, не обойтись. Да и лаборатория тоже не является «вечным двигателем». Не удастся даже охладить капсулу настолько, чтобы в ней можно было жить.

Космического холода не существует. В вакууме вообще нет температуры: где нет воздуха — нет и

привычных параметров. А объекты, попавшие в поле солнечного света, поглощают жар, который необходимо каким-то образом выводить наружу. Изрядное количество тепла производит и человеческое тело (даже солнечное излучение с этим не сравнится), кроме того, никто не может долго прожить в заизолированной среде, будь то скафандр или космический корабль. Итак, каждый кубический дюйм нашего тела генерирует больше тепла, чем кубический дюйм на поверхности звезды, вокруг которой вращается наша планета. Разумеется, этих дюймов у светила — бесчисленное множество…

Короче говоря, следовало поработать.

Бейкер и Деланти перемещали массивные предметы: в космосе они не имеют веса, но масса остается прежней, и сила трения — тоже. Скафандры мешали, сопротивляясь каждому движению, но постепенно дело продвигалось вперед. Ничего не сломали и не помяли. Система была спроектирована как можно проще — чтобы разумный человек, очутившись в открытом в космосе, решил задачу.

— Готово, — произнес Бейкер. — Кислорода у нас еще на несколько минут. Рик, давай немного полюбуемся…

— Хорошо, — выдохнул тот.

Джонни не понравился голос напарника. Вдобавок Рик дышал слишком тяжело и прерывисто.

— Я думал, что последний сектор не удастся развернуть, — добавил Деланти.

— Но мы справились. Если бы он застопорился, пришлось бы его чинить, — ответил Бейкер. — Проклятые выродки с их безупречными черными ящиками! Ладно, меня же снабдили инструментами! Нет ничего, что нельзя было бы сделать, если есть крутой инструментарий.

— Конечно, плевое было бы дело. Сейчас-то…

— Верно. Причин для беспокойства нет. Если не считать международной напряженности, возможного нападения кубинских угонщиков самолетов и того, что к нам со скоростью пятьдесят миль в секунду несется огромное скопление грязного льда…

— Спасибо, утешили! Уф-ф!.. Эй, Джонни, гляди — Южная Африка! Только отсюда не видны границы. Никаких границ между странами. Ого! Я вот-вот сделаю крупное философское открытие.

— Меридианы и параллели тоже не видны, что не отменяет их значения.

— Угу.

— Знаешь, по данному поводу можно поднять

шумиху. Если мы будем настаивать на том, что из космоса международные границы не видны, соображаешь, что в итоге произойдет?

Рик рассмеялся:

— Да. Военные начнут рисовать их светящейся оранжевой краской. Линиями в милю шириной. А потом умники с высшим образованием поднимут визг, что они представляют опасность для окружающей среды.

— И обвинят тебя в том, что с тебя-то все и началось. Идем-ка на корабль.

Июнь: Интерлюдия

Но что же означает столкновение с кометой? Насколько велика и массивна голова данного объекта? Итак, голова у нее состоит из двух частей – твердого ядра и светящейся оболочки. Главную опасность представляет, конечно, само ядро. Но, естественно, эти небесные тела весьма различны по своим размерам. Считается, что диаметр ядра у средней кометы – 1,2 мили, однако у по-настоящему огромной он может достигать тысяч миль. Прямое столкновение Земли с любой кометой вызовет чудовищные разрушения.

Даниэль Коэн.
Каким окажется конец света

— Горе тебе, народ мой! Ибо разве не видишь ты, как по всей земле распространилась мерзость запустения? Разве не видишь ты, как погрязли в грехе города твои, разве не чувствуешь, как смраден воздух? Разве не измарал ты землю, которая есть храм Господень?

Услышьте же слова пророка Малахии: «Ибо вот, придет день, пылающий, как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф…», и в день кометы в пламени погибнут они, и не останется у них «…ни корня, ни ветвей. А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его».

Народ мой, скоро Молот Божий сокрушит гордых и греховных, но смиренные возвысятся. Покайтесь, пока еще есть время, ибо никто не спасется от всемогущего молота, в сиянии которого уже сейчас меркнут звезды. Покайтесь, пока не поздно.

— Благодарю вас. Вы прослушали проповедь преподобного Генри Армитеджа «Близится час».

Ческу подогрел саке в химической колбе с притертой стеклянной пробкой. Разлил напиток по крошечным чашечкам, долил еще саке в колбу и опустил ее в кастрюльку с водой, кипящую на плите.

— У меня на письменном столе стояли два цветочных горшка, — произнес Марк. — Один с резиновой коноплей, у нее снизу на листьях было выдавлено «Каннабис сатива». В другом

— Аралия элегантиссима. К вашему сведению, она похожа на коноплю. — Он передал чашечки Джоанне Макферсон и Лилит Хэтэуэй. — Однажды ко мне заглянул босс с какой-то шишкой из главного офиса. Они тогда ничего не сказали, но на следующий день босс начал ворчать. «Уберите это», — твердил он. — Ческу вручил саке Фрэнку Стоунеру, а свою емкость поставил на подлокотник кресла. — «Что убрать?» — спрашиваю. А он: «А я вовсе не такой невежественный. Мне тоже кое-что известно». С Кэрол Миллер случилась истерика. Она позвала ребят, и мы заставили его все повторить. Представляете?

Стоунер с удобством развалился на кушетке. Левой рукой он обнимал за талию Джоанну, а правая покоилась на пояснице Лилит. Хэтэуэй была ростом с него, пять футов девять дюймов, а вот узкие плечи Макферсон доставали только до толстой подмышки Фрэнка.

— Когда ж это с тобой приключилось?

— Пару лет назад. А двумя месяцами позже меня выперли.

Стоунер оскалил в ухмылке зубы:

— Из-за такой мелочи?

— А?.. Нет, к резиновому растеньицу это не имело никакого отношения. Просто им пришлось

уволить некоторое количество народа. Ну а дольше всего я проработал с Харви Рэндоллом. — Марк подался вперед, глаза его сверкнули. — Отлавливать людей на улице — класс! Нам попался полковник, который боялся открыть рот — вдруг что-нибудь не то ляпнет! Был еще парень, борец-профессионал, ну он прямо горел… мол, когда Молот врежется в Землю, миром будут править настоящие мужики!

Он улыбнулся Лилит, платиновой блондинке с лицом сердечком и большой грудью. Марк познакомился с ней в баре, где она танцевала. Бар назывался «Обмен», и девицы там выступали с обнаженной грудью.

Фрэнк выпил как раз столько, чтобы казаться вежливым. Но Марк ничего не замечал. Он одним глотком выпил саке (его нужно пить быстро, в противном случае оно остынет) и заявил:

— Мы даже взяли интервью у байкеров. Они называли себя «Безбожные гонщики». Впрочем, не думаю, чтобы они всерьез.

Джоанна рассмеялась:

— Конец света. Никаких машин, дороги пустые. Никакой суеты. Твоим приятелям на «харлеях» наверняка бы понравилась такая малина.

— Но этого они сказать не могли.

— Верная мысль, — ввернул Стоунер. Он познакомился с Марком во время гонок по грунтовым дорогам через всю страну (победителю — денежный приз). — На байке проедешь туда, где другая тачка застрянет. И ему нужно меньше бензина. И еще: мы держимся друг за друга и не боимся подраться. А ежели, скажем, где-нибудь припрятать некоторое количество газолина… Ага! А каковы шансы?

Марк махнул рукой, едва не разбив чашку.

— Практически нулевые, если не верить астрологам. Хотя Шарпс утверждает, что мы пройдем через хвост. Чувак, будет прикольно!

— Это астроном, которого они интервьюировали, — объяснила Джоанна и встала, чтобы снова наполнить чашечки.

— Да, и он был самым странным типом! Увидите по телику. Эй, вы разве не в курсе, что совсем скоро на нас плюхнется мороженое с шоколадным соусом? Уже во вторник? — Ческу сделал театральную паузу (во время которой Макферсон начала хихикать) и только потом продолжил свою речь.

Через час Лилит засобиралась на работу. Саке убывало. Марку стало хорошо. Он беседовал с Фрэнком, а легкая, как перышко, Джоанна сидела

у него на коленях.

Он жил с ней почти два года. Иногда ему приходило в голову, что все как-то странно — почему он, Ческу, связался с убежденной сторонницей моногамии? Конечно, сперва подобный образ жизни был ему в диковинку, но он привык. А теперь он и думать не смел переспать еще с кем-нибудь — зато и кулаками махать приходилось реже. Он по-прежнему встречался с интересными людьми. И боялся, что все это закончится.

— Тебе понадобится куча времени, чтобы опять войти в форму, — пробормотал Фрэнк.

— А?.. — Марк попытался вспомнить, о чем они беседовали.

Ах да, о давних дуэлях — гонках на кольцевом треке. Теперь он может лишь наблюдать за тем, как мотоциклы мчатся по трекам с гаревым покрытием. Он заделался зрителем. Он еще может похвастаться мускулатурой, однако успел отрастить пивной животик, смахивающий на мягкую подушку.

Ческу поглядел на свою «подушку».

— Да… Джоанна уламывает меня стать отцом.

— Все по-честному, — отметила его подружка. — Мы бросили монету, и ты проиграл.

— Я становлюсь слишком старым, чтобы валять

дурака. Надо бы подписать постоянный контракт с Рэндоллом. — Он приподнял Джоанну, поставил на ноги (а мышцы никуда не делись) и поплелся на кухню за остатками саке. И оттуда крикнул:

— Что будем делать, если Молот долбанет?

— Главное не оставаться здесь, — ответил Стоунер и добавил: — Вообще нужно держаться подальше от побережья… от любого побережья. Думаю, комета влетит прямо в океан. Принеси-ка мне пивка.

— Ага.

— У тебя вроде завалялась карта тектонических разломов Калифорнии?

Ческу был уверен, что она находится где-то поблизости, и тотчас принялся шарить на буфетных полках.

— Хорошо бы иметь байк типа того, на котором я гонял в Мексику, — заявил Фрэнк. — Четырехтактную «хонду». Достать запасные части к ней — не проблема. — Он замолчал, мысленно исследуя открывающиеся возможности.

Стоунер, Джоанна и Ческу знали друг друга уже довольно давно. Им не требовалось говорить, только чтобы заполнить паузу. Хотя Марк часто молол языком.

— А сейчас подумайте: наступит время беспо-

рядков и грабежей. Ливни, цунами, землетрясения… общественные службы будут уничтожены, полиция тоже. Пожалуй, где-нибудь за городом я припрячу некоторое количество бензина и запасные части к байку, — там, где никто не сможет их обнаружить и украсть.

— Оружие?

— Я привез из Вьетнама сувенир. Незарегистрированный.

— Я — тоже. — Марк бросил поиски карты. — Понадобится сифон для перекачки топлива. Скоро на улицах можно будет без труда найти брошенные тачки…

— У меня он всегда с собой.

— Почему бы нам не собраться вместе, когда мимо Земли будет проходить голова кометы?

Фрэнк помедлил с ответом.

— Даже если ничего не случится, — вмешалась Джоанна, — комета нам гарантирует великолепное зрелище. Закатим вечеринку. Может, и Лилит придет.

Стоунер погрузился в размышления. Он не бросался обещаниями, но комета из области фантастики переходила в сферу реальности. А Марк был хорош в драке, но на парня нельзя было целиком положиться, да еще это его новое при-

обретение — пивной живот… По мнению Фрэнка, он служил показателем расхлябанности. Но…

— Ладно. Давайте сделаем так: возьмем спальники и в ночь перед встречей Земли с Молотом отправимся на Малхолланд.

Марк торжественно приподнял чашку с саке.

— Отлично. Только зверское цунами сможет достать дотуда. Хотя, ежели понадобится, мы легко сойдем с дороги. — Ему было бы неуютно, если б он, не приводя собственных доводов, покорно соглашался с предложениями приятеля.

Мысли Фрэнка были заняты Джоанной. Вряд ли Ческу сумеет защитить ее. А она сама — с ее самоуверенностью и знанием кунг-фу, вероятно, решила, что сможет постоять за себя.

Эйлин понадобилось почти полминуты, дабы осознать, что на краю ее письменного стола, сидит мистер Корриган и пытливо смотрит на нее. Она выпрямилась, и ее пальцы замерли на клавиатуре. Казалось, она внимательно изучала голую стену перед собой… и вдруг обнаружила на переднем плане своего начальника.

— Слушаю, — произнесла она.

— Привет, — отозвался он. — Что скажете?

— Не знаю, босс.

— Примерно месяц назад я готов был поклясть-

ся, что вы влюблены. Приходили на работу невероятно бодрая, а иногда выглядели смертельно усталой, но просто сияли. Я считал, что ваше увлечение снизит вашу работоспособность — но ошибся.

— Да, это любовь, — призналась Эйлин и улыбнулась. — Его зовут Тим Хамнер. Он богат до неприличия. Хочет, чтобы я вышла за него замуж, он мне вчера вечером сделал предложение.

— Гм, — неодобрительно хмыкнул Корриган. — Главный вопрос, естественно, в следующем: не схлопнется ли сделка в случае вашего увольнения?

— Это было первое, о чем я подумала, — ответила она, задумчиво посмотрев на босса, — и он так и не смог понять, что означает ее взгляд.

— Профессиональный риск, — живо отметил он. — Вы любите мистера Хамнера?

— О… да… Но… ерунда! Я уже приняла решение и вовсе не обязана прыгать от счастья.

И Эйлин свирепо набросилась на пишущую машинку, а Корриган почел за благо вернуться в свой кабинет.

Она звонила ему трижды, прежде чем застала его дома.

— Тим? Извини, но ответ отрицательный, —

выпалила она.

Долгая пауза, а потом:

— Ясно. Можешь объяснить почему?

— Попытаюсь. В общем… тогда то, чем я занимаюсь, будет выглядеть глупо.

— Не понимаю.

— Как раз перед тем, как мы познакомились, я стала помощником генерального директора.

— Я в курсе. Послушай, если ты боишься потерять независимость, я высыплю тебе в карман… допустим, сто тысяч долларов, и твоя независимость не пострадает.

— Я так и думала. Прости…. Но дело как раз во мне. Мне придется менять слишком многое. Я сама добилась всего и горжусь этим. И не хочу отказываться от достигнутого.

— Ты собираешься и дальше работать? — выдавил Хамнер с трудом (и почему он не сразу сообразил, что мгновение назад ляпнул бестактность). — Ладно.

Эйлин представила себе картинку: каждое утро ее на фирму к Корригану доставляет лимузин. С шофером. И рассмеялась.

А затем все пошло кувырком.

Колин читала книгу в мягкой обложке. В волосах — бигуди. Она включила стереосистему, и

временами в такт музыке ее пальцы барабанили по столику возле кресла.

Фред тоскливо пытался догадаться, что она слушает. А что читает, он знал. Название он не различил, но на обложке была изображена женщина в длинном развевающемся одеянии, а за ее спиной — замок с единственным светящимся оконцем. Готические романы одинаковы — что внутри, то и снаружи.

Бигуди не вызывали у Фреда возражений: девушка и в них выглядела хорошенькой.

Половина его радости заключалась в предвкушении: скоро они встретятся, обязательно.

Иногда чувство вины делалось невыносимым. И тогда Лорена охватывало безумное желание уничтожить телескоп и покончить с собой прежде, чем он успеет причинить ей вред. Но это действительно безумие. Так или иначе, через пять недель он, Фред, будет мертв, и Колин тоже. Как бы худо он с ней ни поступил, все будет преходяще и сделано во имя любви.

Да. Он страстно тосковал по девушке, за которой наблюдал с помощью телескопа. Он подкручивал маленькие колесики, делая изображение более четким, резким, и его пальцы дрожали. Но сейчас еще слишком рано.

Июнь: 2

Генерал, у вас нет плана ведения военных действий! То, что вы предлагаете, – не план, а какие-то страшные судороги!

Министр обороны Роберт С. Макнамара (1961)

Политика Соединенных Штатов остается неизменной. Если подтвердится, что враг начал ядерную атаку на нашу страну, наши стратегические силы нанесут ему непоправимый ущерб.

Представитель Пентагона (1975)

Сержант Мейсон Джеферсон Лотон служил в стратегическом авиационном командовании и гордился данным фактом. У него была безупречно выутюженная форма, голубой галстук и белоснежные перчатки. А у бедра в кобуре висел пистолет тридцать восьмого калибра.

Омаха. Жаркий день клонился к вечеру. Он снова взглянул на наручные часы, и точно в этот миг на взлетно-посадочную полосу приземлился «КС-135». Самолет вырулил к разгрузочной площадке, где его ждал Мейсон. Первым показался

полковник, постоянно дежуривший по авиабазе: Лотон узнал и его. Внешность следующего полностью соответствовала фотографии, заранее переданной сержанту службой безопасности.

Прибывшие направились к джипу.

— Ваши удостоверения, пожалуйста, — попросил Мейсон.

Полковник молча показал пропуск. Джеллисон нахмурился.

— Я прилетел на самолете генерала, и меня сопровождает человек с вашей базы…

— Да, сэр, — отчеканил Лотон. — Но вы обязаны предъявить документы.

Сенатора это позабавило, и он кивнул. Вытащил из внутреннего кармана кожаную книжечку и ухмыльнулся, увидев, что сержант еще старательнее вытянулся по стойке смирно. Лотон скользнул глазами по тексту. Понятно, Джеллисон — офицер военно-воздушных сил запаса, и не просто офицер, а генерал-полковник.

«Мое звание, должно удивить сосунка», — подумал сенатор.

Никаких признаков удивления Мейсон между тем не выказал. Он дождался военного, который принес чемодан Джеллисона, и погрузил его в джип. Машина покатила по взлетно-посадочной

полосе, обогнув специально оборудованный самолет системы «Зеркало». На базе имелось три таких борта, и один из них всегда находился в воздухе.

Дежурный старший офицер стратегического авиационного командования и его люди обычно размещались именно там.

В конце Второй мировой штаб-квартира стратегической авиации была передислоцирована в сердце Соединенных Штатов — в Омаху. Сам штаб командования находился под землей, в четырехэтажном бункере, армированном бетоном и сталью. Предположительно «Нора» могла выдержать что угодно, но укрытие построили еще до эпохи межконтинентальных баллистических ракет и водородных бомб. Теперь подобные заблуждения исчезли. Если разразится серьезная война, от «Норы» ничего не останется. Но и тогда командование стратегической авиации не утратит контроль над подчиненными ему силами: «Зеркало» сбить невозможно. Никто, кроме управляющих им пилотов, не знал, где находится борт.

Мейсон проводил сенатора к кирпичному зданию и поднялся вместе с ним по лестнице — до самого кабинета генерала Бэмбриджа. Каби-

нет выглядел старомодно. Антикварная мягкая мебель из дерева и кожи. Огромный старинный письменный стол. Вдоль стен — полки с разнообразными моделями самолетов Военно-воздушных сил США: истребители времен Второй мировой, «Б-36» с его неправдоподобными пропеллерами и гондолами реактивных двигателей, знаменитый «Б-52», всевозможные ракеты… Модели оказались единственными современными вещицами в кабинете, не считая, конечно, телефонов.

А их здесь было целых три: черный, красный и золотистый. На журнальном столике красовался переносной ящик для двух последних: именно эти средства связи сопровождали генерала повсюду, куда бы он ни направился, где бы ни находился — в машине, дома, в спальне, в уборной. Надо сказать, что с момента назначения Бэмбриджа главнокомандующим стратегической авиацией он никогда не расставался с золотистым: тот обеспечивал прямую связь с президентом.

А провод красного телефона соединял генерала с бункером авиационного командования. С помощью этого аппарата можно было привести в действие огневую мощь, равной которой не знала ни одна армия в истории человечества.

Томас Бэмбридж жестом пригласил Джеллисона присесть либо присоединиться к беседе офицеров, сгрудившихся возле большого окна с видом на взлетно-посадочную полосу.

Сам генерал никогда не садился за стол, чтобы поговорить с кем-либо, если все было в порядке. Рассказывали, что однажды какой-то майор, простояв пять минут перед Бэмбриджем, упал в обморок.

— Какого черта вас принесло сюда? — осведомился Томас. — Чего мы не могли решить по телефону?

— Насколько защищены ваши аппараты от прослушки? — в свою очередь, спросил сенатор.

Генерал пожал плечами:

— Настолько, насколько это в наших силах.

— Ладно, — произнес Артур Джеллисон. — У вас есть свои люди, которые могут их проверить. Но я уверен, что мои телефоны напичканы жучками. Должен вам сказать, что официально я прилетел сюда обсудить с вами некоторые статьи военного бюджета: мол, кое-чего я не понимаю, и мне нужны разъяснения.

— Ясно. Пить будете?

— Виски, если у вас есть.

— А как же иначе? — Из шкафчика, стоящего за

письменным столом, Бэмбридж достал бутылку и стаканы. — Сигару? Прошу, наверняка вам понравится.

— Гавана? — уточнил сенатор.

Генерал усмехнулся:

— Ребята покупают их в Канаде. К американским я так и не привык. Может, кубинцы — те еще пройдохи, но скручивать сигары они умеют. — Он поставил бутылку на журнальный столик, разлил виски по стаканам. — Ну, выкладывайте, о чем вы хотели поговорить?

— О Молоте, — сказал Артур.

Лицо Бэмбриджа окаменело:

— А именно?

— Он пройдет очень близко от Земли.

Военный кивнул:

— У нас тоже работают неплохие математики и даже имеются компьютеры.

— И что вы намерены предпринять?

— Ничего. Согласно приказу президента. — Генерал указал на золотистый телефон. — Ничего не случится, и незачем предупреждать русских об опасности. — Он поморщился. — Нельзя. Они убивают наших друзей в Африке, но мы не имеем права выводить их из душевного равновесия, поскольку это может повредить равновесию на

нашей планете.

— Да… в нынешнем мире жить нелегко, — проговорил сенатор.

— Верно. И чего вы хотите?

— Том, комета пройдет по-настоящему близко. Мне кажется, президент многого не понимает.

Бэмбридж вынул сигару изо рта и исследовал ее изжеванный кончик.

— Он не слишком нами интересуется, что, однако, предоставляет стратегическому авиационному командованию значительную свободу действий, — вымолвил генерал. — Но хорошо это или плохо, а он — президент и потому мой Верховный главнокомандующий. Ну а я — его подчиненный. Забавно… Я должен повиноваться приказам…

— А ваша клятва Конституции? — спросил Джеллисон. — Разве вы не выпускник Вест-Пойнта? Долг. Честь. Страна. В таком вот порядке.

— И?..

— Повторяю, комета пройдет близко. Я не шучу. Мне сказали, что против нее будут бессильны все ваши радары дальнего обнаружения.

— Знаю, — произнес Бэмбридж. — Арт, мне не хочется быть заносчивым, но зачем вы берете на себя роль яйца, поучающего курицу? — Он

взял с письменного стола рапорт в переплете из красной кожи. — Мы усмотрим атаку там, где ее на самом деле не будет, и провороним настоящую угрозу… если таковая произойдет. Естественно, в тот день, когда русские решат, что смогут выиграть у нас вчистую, они нанесут удар. Но разведка ВВС заверяет, что сейчас там тихо. — Он полистал страницы доклада и понизил голос: — Разумеется, если мы не сможем засечь их нападение, они не сумеют засечь и нас…

— Неужели?

— Ну, меня нельзя отдать под трибунал только за мои крамольные мысли.

— Том, я серьезно. Вряд ли русские на что-нибудь решатся, хотя вдруг Молот будет полыхать в небе днем и ночью. Тогда они…

Генерал склонил голову набок:

— Иисусе! Мои люди не предупредили меня, что комета врежется прямо в нас!

— Мои тоже, — невесело улыбнулся сенатор. — Но вероятность столкновения сейчас — несколько сотых. А было — несколько миллиардных. Потом тысячных. Вот так-то. Меня это уже пугает.

— А что вы предлагаете делать? Президент запретил мне заступать на боевое дежурство.

— Он не мог отдать вам подобный приказ. По уставу вы имеете право принимать любые меры, необходимые для защиты вверенных вам сил. Вплоть до открытия огня.

— Эх. — Бэмбридж выглянул в окно.

Очередной «КС-135» системы «Зеркало» готовился к взлету. Значит, самолет, сейчас находящийся в воздухе, сдав дежурство, скоро пойдет на посадку. Ситуация стабильна.

— Вы требуете, чтобы я нарушил прямой приказ Верховного главнокомандующего.

— Говорю вам: если вы согласитесь, у вас появятся друзья в Конгрессе. Худшее, что с вами может случиться, — вас выгонят со службы. — Джеллисон говорил очень тихо и настойчиво. — Том, вы думаете, что мне нравится такой расклад? Сомнительно, что проклятая комета столкнется с Землей, но если катастрофа произойдет, а мы окажемся не готовы… Бог знает, какими будут последствия…

— Да, конечно. — Генерал постарался представить себе потенциальное развитие событий. Допустим, Молот обрушится на самый отдаленный район Советского Союза — разве русские не примут это за подлое нападение со стороны Штатов? Но почему на глухомань? Москва! —

Предположим, что мы объявим боевую тревогу — тогда русские встрепенутся и решат, что удар — наша работа.

— Точно. Ну а если мы будет сидеть сложа руки, то они сразу поймут, что им представился редкий шанс, и используют его на полную катушку. Том, если Молот ударит, возможно, Вашингтон исчезнет. И Нью-Йорк… и почти все Восточное побережье.

— Паршиво. Только войны нам и не хватало, — посетовал Бэмбридж. — Но ведь в таком случае мир все равно перевернется вверх тормашками. Но если удар, минуя их, придется только по нам, им захочется довершить начатое. Я бы на их месте не медлил. — Но вы не…

— Не из этого кабинета, — пояснил генерал. — Не отсюда, даже получив приказ, который, слава богу, я никогда не получу. — Он уставился на модели ракет у дальней стены. — Послушайте, все, что я могу, — просто убедиться, что мои лучшие ребята на посту. Я имею право отправить командный состав в убежище и самому вылететь на «Зеркале». Но как мне отличить удар кометы от ракетной атаки?

— Думаю, вы разберетесь, — произнес сенатор.

Снаружи тьму сменяло сияние. А в капсуле

«Аполлона» Рик валялся на койке. Он зажмурился, стиснул кулаки, лежал, не шевелясь. «Прекрасно. Я подхватил заразу, как только мы вышли в открытый космос. Хьюстону не докладывайте. Тут они бессильны».

— Ты ж, дурачина, умрешь с голоду, — проворчал Бейкер. — И нечего стыдиться. Любого здесь с легкостью накроет.

— Но не на целую неделю.

— Тебе, конечно, лучше знать! Макальярд пронедужил весь полет. Не в такой тяжелой форме, как ты, но его лечили. Я приведу доктора Малик.

— Нет!

— Да. У нас нет времени на штучки из серии «я — мачо!».

— Дело не в том, — проговорил Деланти сдавленным голосом. — Она доложит обо мне, и тогда…

— Ничего не будет, — возразил Джонни. — Никто не станет отменять экспедицию лишь потому, что ты каждый час блюешь.

— Уверен?

— Угу. Они не могут запретить полет, пока я того не потребую. А я и не потребую. Но…

— Никаких «но», — простонал Рик. — Джонни, если все из-за меня пойдет насмарку… Им стоило

выбрать кого-нибудь другого, понимаешь? Но я *обязан* держаться…

— Почему? — спросил Бейкер.

— Да ведь я…

— Цветной?

— Черный. Постарайтесь запомнить это слово, сэр. — Рик попытался улыбнуться. — Согласен, зовите докторшу. Пусть как-нибудь лечит. Даст таблетки от укачивания, что ли.

— Вот и лежи с закрытыми глазами.

— Что я и делаю, и толку от меня — целый воз. — В голосе Деланти звучала горечь. — Я, старина Железное Ухо, подхватил заразу! Бред какой-то. — Он понял, что Джонни рядом уже нет, и лихорадочно стал застегивать ширинку.

Официально одеяние называлось «полетным костюмом повторного пользования», хотя несведущие люди сказали бы «кальсоны». Или «нательный комбинезон». То, что носят хорошо одетые астронавты. Очень практичная одежда — но Рику не удавалось полностью скрыть, как он нервничает: он не привык, чтобы женщины видели его в нижнем белье. Тем более белые.

— Парень, друзья-приятели, проживающие в глубинке Техаса, засмеют тебя, когда узнают, — пробормотал он.

— Почему вы не сообщили раньше? — резко, с профессиональной интонацией произнес женский голос, и из головы Деланти выдуло остатки мыслей.

Очутившись в кабине, Малик отсоединила от комбинезона Рика выводящую трубочку и воткнула освободившийся конец в термодатчик. Второй наконечник трубки скрывался в штанине Деланти и уходил далее — в глубь его тела. Астронавты очень нервно относятся к своему анусу… хотя толку от этого никакого.

— Вы что-нибудь ели? — спросила Леонилла.

Посмотрела показания термометра, записала.

— Во мне ничего не задерживается.

— Следовательно, вы обезвожены. Значит, сперва попробуем вот это. Разжуйте капсулу… Нет, не глотайте ее целиком.

Рик подчинился.

— Господи, что вы мне дали? Ничего более гнусного я…

— Глотайте, пожалуйста. Через две минуты попытаемся принять питательный раствор. Вам нужны жидкость и, конечно же, питание. Вы часто умалчиваете о том, что больны?

— Нет. Я думал, что справлюсь.

— В каждом космическом полете космической

хворью в мягкой или тяжелой форме заболевает приблизительно треть экипажа. Никто из участников нашей экспедиции тоже не является исключением. Теперь пейте. Только медленно.

Деланти послушался. Напиток оказался густым, с апельсиновым привкусом.

— Неплохо.

— Основные компоненты — американского производства, — объяснила Леонилла. — Я добавила фруктовый сахар и витамины. Как вы себя чувствуете? Нет, на меня смотреть не надо. Пусть выпитое усвоится вашим организмом. Закройте глаза.

— Теперь мне чуть лучше.

— Хорошо.

— Но почему я должен валяться с закрытыми глазами?! Я должен…

— Вам необходимо восполнить нехватку воды в организме и жить, чтобы не сорвать полет, — заметила Малик.

Рик ощутил, как что-то холодное коснулось его предплечья и вздрогнул.

— Ой!

— Это инъекция снотворного. Расслабьтесь. Вы проспите несколько часов. Пока вы отдыхаете, я сделаю вам внутривенное. Когда вы проснетесь,

попробуем использовать еще кое-какие лекарства. Спокойной ночи.

Леонилла вернулась в главный отсек «Молотлэба». Лишь в его середине было свободно: оборудование переместили туда, где ему и следовало находиться, а большую часть пенопласта выкинули наружу.

— Итак? — осведомился Джонни.

Петр Яков — по-русски — повторил тот же самый вопрос.

— Плохо, — призналась женщина. — Полагаю, что в течение последних двадцати четырех часов его организм был неспособен усваивать жидкость. По меньшей мере. Возможно, дольше. Температура — тридцать восемь и восемь. Высокая степень обезвоживания.

— Что делать? — спросил Бейкер.

— Надеюсь, лекарство, которое я дала, поможет удерживать влагу в организме. Он у меня выпил почти литр — и без всяких затруднений. Почему он не сказал о своем состоянии раньше?

— Парень — первый чернокожий в космосе. И не хочет оказаться последним, — произнес Бейкер.

— Он считает, что только для него путь не усыпан розами? — удивилась Малик. — Да, он

— первый негр, совершающий полет, но физиологические различия, обусловленные принадлежностью к разным расам, невелики по сравнению с гендерными. Я — вторая женщина в космосе, а у первой ничего не вы…

— Пора вести наблюдения, — перебил ее Петр. — Леонилла, вы мне не поможете? Или вам нужно заняться больным?

Итак, оборудование разместили там, где ему и положено, хотя в главном отсеке все еще было тесновато. Однако члены экспедиции нашли способы уединяться: Деланти оставался в «Аполлоне», Леонилла уходила в «Союз». Бейкер и Яков посменно дежурили на борту и спали в «Молотлэбе» — когда им вообще удавалось подремать.

Три человека работали за четверых, и на сон времени не хватало.

А комета Хамнера — Брауна приближалась. Летела хвостом вперед, мчалась прямо на них, и разреженный газ, извергаемый ею, уже окутал и Землю, и Луну, и космическую лабораторию. Участники полета ежечасно вели визуальные наблюдения и ежедневно выходили в космос, чтобы взять пробы: в сосуды они запечатывали вакуум. Потом емкости отправят на Землю, где чувствительные приборы смогут обнаружить

молекулы вещества, составляющего гигантский хвост, — пусть даже этих частиц окажется очень немного.

В первую неделю не происходило ничего интересного. Хвост просто покрывал пространство в сотни миллионов миль — и только. Позже комета подплыла ближе, так что и теперь, куда бы они ни посмотрели, всюду был виден только ее хвост.

Когда экипаж не следил за объектом, он переключался на Солнце. Требовалось провести сотню других экспериментов — в области кристаллографии, исследования тонких пленок… Свободного времени не оставалось.

Сутки пролетали молниеносно.

Люди как-то приноровились к спартанским условиям. Туалетный отсек находился на корабле, а не в лабораторной части, что всех устраивало. Для Бейкера и Деланти дело обстояло достаточно просто: на половой член надевалась идущая к специальному резервуару трубка, после чего содержимое резервуара выливалось.

Джонни как раз облегчался по указанной схеме, когда почувствовал на себе взгляд Рика.

— Предполагалось, что ты спишь. А не подсматриваешь за тем, как я отливаю.

— Отстань… Джонни, как это ухитряется делать

Леонилла? Ну то есть в условиях невесомости?

— М-да. Я как-то не успел выяснить. Спрошу у нее, а?

— Конечно. Я не рискну.

— Если честно, я тоже.

Бейкер открыл клапан. Моча вылетела из «Аполлона» в космическое пространство. Мгновенно замерзшие капли образовали окутавшее корабль облако, смахивающее на новое созвездие. Оно медленно рассеивалось.

— Почему ты снова пристаешь ко мне с этой ерундой?

— Хочу понять, только ли у меня трудности.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо.

Спустя двое суток Деланти почти выздоровел, но Бейкер все еще не получил ответа на животрепещущий вопрос.

Он вернулся на корабль, взяв очередную пробу вакуума. На борту был только Яков.

— Невыносимо, — пробормотал Джонни.

— Прошу прощения?

— Мне кое-что не дает покоя. Как Леонилла справляет нужду на корабле?

— Это вас волнует?

— Еще бы. И праздное любопытство тут ни при

чем. Одна из причин, почему мы никогда не посылали женщин в космос, заключается в том, что проектировщики не могут разрешить данную проблему с учетом требований гигиены. Кто-то предлагал использовать катетер, но ведь он может причинить боль. — Яков промолчал. — Вы меня не просветите? — произнес астронавт.

— Прошу извинить, но это государственная тайна, — ответил русский.

Он шутил? Вряд ли.

— Пора проводить очередную серию наблюдений Солнца. Если вас не затруднит, ассистируйте мне в работе с телескопом.

— Разумеется.

«Спрошу у Леониллы, — подумал Джонни, — до того момента, как мы пойдем на посадку». Он искоса взглянул на космонавта. Пожалуй, тот тоже терялся в догадках.

— Как дела? — спросил Джонни.

— Прекрасно, — сказал Деланти. — Хьюстон знает?

— Не от меня, — развел руками Бейкер. — Может, им сообщили из Байконура. Вряд ли у Якова много секретов от своих. Но вот с какой стати те проболтались НАСА?

— Мерзко, — скривился Рик.

— Да… Ну и что? Ты доказал, на что способен. Ты — с нами, и мы сумели развернуть крылья. Дружище, если ты смог больной справиться с такой задачей, ты и впрямь железный. Завтра будешь дежурить.

— Хорошо. А как насчет Леониллы?

Бейкер пожал плечами:

— Никак. Я спросил Петра, а он заявил: «государственная тайна». Значит, тайна, мать его!

— Может, нам удастся выяснить. У нас вполне достаточно кинокамер, чтобы…

— Ага. И в докладе будет вишенка на торте. Два парня Военно-воздушных сил США тайно проникают с камерой в женскую уборную. Ладно, мне пора на вахту. Пойду разбужу товарища генерала. Пока!

Бейкер выплыл из кабины «Аполлона» и развернулся в сторону «Молотлэба». В лаборатории царила тишина. Леонилла спала в «Союзе». Деланти, пристегнутый ремнем к койке, отдыхал на американском корабле. Яков, вероятно, дремал перед вахтой.

Джонни подлетел к койке русского. В паутине нейлоновых тросов, посреди лабиринта телескопов, кинокамер, растущих кристаллов, детекторов рентгеновских лучей и прочего пла-

вал Петр. И улыбался переборке. Бейкер подплыл ближе — и улыбка погасла.

«Будто он только что с кем-то «крутил педали велосипеда», — подумал Джонни Бейкер, — и попался на этом».

Государственная тайна…

Июнь: 3

Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы.

Евангелие от Матфея (24: 16)

Девушка за стойкой администратора была новенькой, и она не пустила Харви на третий этаж здания мэрии Лос-Анджелеса, где находились кабинеты начальства. Но Рэндолл не возражал. Другие тоже ждали, а его команда в ближайшие несколько минут никак не могла появиться. Он пришел слишком рано.

Поэтому он сел и занялся любимой игрой: наблюдением за окружающими. С большинством все было ясно. Торговцы, политиканы — они собрались здесь, чтобы повидаться с заместителем мэра или с кем-либо из его помощников. Зато одна девушка отличалась от прочих. Харви задумался: он не мог сказать, сколько ей лет: чуть за двадцать или под тридцать. На ней были джинсы и цветастая блузка, но из дорогого магазина, не из сетевого супермаркета. Она уставилась на Рэндолла и не смутилась, не потупила глаз, когда он посмотрел не нее.

Харви пожал плечами, пересек помещение и сел с ней рядом.

— Что интересного вы во мне нашли? — спросил он.

— А ведь вы снимаете теледокументалки, да? Сейчас я припомню, как вас зовут…

— Вот и отлично.

Его слова заставили ее отвести взгляд, но спустя секунду незнакомка снова посмотрела на него, улыбнувшись:

— А как ваше имя?

— Сперва назовите свое.

— Мэйб Бишоп. — Выговор у нее был такой же, как у местных.

Он порылся в памяти:

— Ага. Народное лобби.

— Верно. — Выражение ее лица не изменилось.

Странно. Обычный обыватель из толпы был бы польщен, если бы оказалось, что прославленный документалист вспомнил его имя. Журналист еще продолжал удивляться, когда она произнесла:

— А вы не представились.

— Харви Рэндолл.

— Теперь моя очередь сказать «ага». Вы делаете

фильмы про комету.

— Правильно. Они вам нравятся?

— Они ужасны. Опасны. Глупы.

— Вы говорите без обиняков. Разрешите полюбопытствовать, почему у вас сложилось такое мнение?

— Пожалуйста. Во-первых, вы перепугали пятьдесят миллионов придурков…

— Я не…

— И им следует бояться, но не вашей проклятой кометы! Знамение небес! Предвестники бедствий! Средневековая чушь — и это в то время, когда на Земле и так куча причин для тревоги, — громко проговорила Мэйб.

В ее голосе прозвучали нотки горечи.

— Чего же надо бояться? — осведомился Харви.

Вообще-то ему вовсе не хотелось услышать ответ, и, задавая вопрос, он мысленно уже обругал себя. Спросил он машинально, по репортерской привычке, но беда была в том, что она наверняка проглотит наживку.

Он не ошибся.

— Пугает следующее: аэрозольные баллончики губительно влияют на атмосферу, уничтожают озон, вызывая всплеск онкологических заболеваний. Только что построенная атомная

электростанция в долине Сан-Хоакин производит радиоактивные отходы, которые никуда не денутся в ближайшие полмиллиона лет! Огромные «кадиллаки» и «линкольны» сжигают миллионы тонн бензина. Вот что требует внимания, вот с чем необходимо что-то делать, вот чего нужно бояться. Но люди в истерике бегут прятаться в погреб… из-за какой-то кометы!

— Вы правы, — согласился Рэндолл. — Даже если я не думаю, что это веские причины…

— Неужели? И что же вам кажется неважным? — резко бросила Мэйб с ненавистью.

Она явно намеревалась продолжать атаку.

«Я влип», — решил Харви. Иногда ему хотелось взять свою репортерскую объективность и, скатав поплотнее, засунуть напыщенному корифею журналистики в анатомически неудобное место.

— Послушайте, — произнес он. — Мы до сих пор сжигаем топливо в своих больших и комфортабельных машинах, потому что электромобилям пока не хватает энергии. А получить ее в достаточном количестве нельзя, поскольку воздух уже пропитан дрянью, которую изрыгают нефтеперерабатывающие заводы, а запасы ресурсов на исходе! И проклятые дураки медлят и откладывают пуск атомных электростанций, которые могли

бы вывести нас из тупика. — Рэндолл поднялся. — И если я еще хоть раз услышу «аэрозольные баллончики» или «озон», я разыщу вас, где бы вы ни спрятались, и наблюю вам на колени.

— Чего?!

Он, не отвечая, вернулся к администратору.

— Пожалуйста, сообщите Джонни Киму, что Харви Рэндолл уже здесь, — повелительно произнес он.

Девушка с тревогой глянула на него и потянулась к коммуникатору.

За спиной что-то несвязно шипела Мэйб Бишоп — и это доставило журналисту огромное удовольствие.

Спустя минуту он уже поднялся на третий этаж и подошел к двери с интеркомом. Через мгновение раздался гудок.

— Войдите, мистер Рэндолл, — сказал женский голос по интеркому. — Извините за ожидание…

— Все нормально, — ответил он.

За дверью скрывался вытянутый в длину прямоугольный зал: по обеим его сторонам расположились кабинеты чиновников. Из одного вышел мужчина восточного типа, неопределенных лет, что-нибудь между тридцатью и сорока.

— Привет, Харви. Долго девица вас марино-

вала?

— Недолго. Как поживаете, Джонни?

— Прекрасно. Мэр на совещании, и оно затянулось. Обсуждают проблемы развития города. Может, посидите в кабинете?

— Нет, скоро явится моя команда. Мне надо пообщаться с ребятами.

— Они уже едут, — заявил Джон Ким, пресс-секретарь Бентли Аллена, его спичрайтер, а временами и консультант по разным политическим вопросам. Харви знал, что при желании он мог бы перебраться в Сакраменто или Вашингтон. Вероятно, если он останется с Бентли Алленом, то все равно окажется там.

— Я распорядился, чтобы, когда они появятся, их проводили к служебному лифту.

— Спасибо, — поблагодарил Рэндолл. — Они точно оценят такое внимание.

— Ха! Ладно, пока ваши люди не прибыли, пойдемте, переговорите с самим, совещание-то заканчивается. — И Ким повел визитера в глубь зала.

Кабинетов оказалось два. Первый — просторный, уставленный дорогой мебелью и с толстыми коврами на полу. На стенах висели грамоты в рамках, в углу стояли знамена, на полках разме-

стились памятные подарки и почетные значки на подушечках. За этим богато убранным официальным кабинетом располагался смежный, гораздо меньшего размера. Правда, письменный стол там был просто огромным — на нем высокими стопками громоздились бумаги, доклады, книги, распечатки и меморандумы. На некоторых переплетах красовались красные звезды в количестве двух штук, а на одной их было целых три.

Когда вошли Ким и Рэндолл, мэр как раз потянулся к самой «звездной» папке.

Они поздоровались, и Аллен принялся читать какую-то докладную. «А он неплохо смотрится», — подумал Харви.

Второй чернокожий мэр Лос-Анджелеса. Он всегда выбирал беспроигрышный вариант: высокий, сильный и одет, как одеваются успешные юристы, ведь прежде он и работал по юридической части — до того, как занялся политикой. Было заметно, что он смешанной крови, а еще он не скрывал своей образованности. Но Бентли не собирался показывать свое превосходство. Он вполне мог довольствоваться тем, что имел: фактически сейчас он находился в отпуске, а в одном престижном частном университете за ним была закреплена постоянная должность.

— Документальный фильм, мистер Рэндолл? — спросил мэр, поставив свои инициалы на докладной записке и положив ее в ящик для исходящих сообщений.

— Нет, сэр, — ответил Ким. — Вечерние новости.

— Чем могу быть полезен? — произнес Бентли.

— Сейчас мы отвлечемся от документалистики, — сказал Харви. — Новостное вещание, причем по всем каналам. О том, как руководство нашего города готовится к «часу икс», когда комета Хамнера — Брауна *не* столкнется с Землей.

— Все каналы? — уточнил Джонни.

— Да.

— Не было ли здесь оказано небольшое давление? — продолжал Ким. — Скажем, из некоего дома на Пенсильвания-авеню?

— Возможно, — сознался Харви.

— Главный хочет позитива, — вымолвил мэр. — В общем, когда произойдет встреча с Порцией Мороженого, будьте спокойны и сохраняйте хладнокровие.

— Полакомимся уже во вторник на следующей неделе, — отозвался Рэндолл. — Да, сэр…

— А если я заору «Караул!»? — проговорил Аллен. Глаза его блестели: он развлекался. — Или

заявлю: «Братья, вот ваш шанс! Мочите белых! Хватайте свое, потом уж так не повезет!» А?

— Фигня! — усмехнулся Харви. — Кроме того, все просто хотят засветиться в выпуске вечерних новостей.

— А у вас самого никогда не бывало подобных побуждений? — спросил Бентли. — Вы ведь понимаете, иногда возникают непреодолимые… позывы, которые, если поддаться им, могут в корне изменить вашу жизнь. Например, желание облить жену декана мартини. Что, могу добавить, я однажды и сделал. Уверяю вас, нечаянно, по чистой случайности, но сами видите, куда это меня привело.

Теперь Харви по-настоящему встревожился, а мэр широко ухмыльнулся:

— Не беспокойтесь, мистер Рэндолл. Моя теперешняя работа мне по душе. Как и любая занятость в каком-нибудь более солидном учреждении где-нибудь восточнее… — Его голос затих.

Ни для кого не являлось тайной, что мэр не прочь стать первым чернокожим президентом США. Некоторые серьезные политики считали, что лет через десять с небольшим он своего добьется.

— Я буду паинькой, — продолжал Аллен. — И в тот день каждый из моих сотрудников должен присутствовать на своем рабочем месте, впрочем, как и я сам. Вообще-то я отсижусь здесь, но им скажу, что буду вон там, — ткнув пальцем в сторону парадного кабинета, добавил он. — Полагаю, мои топ-менеджеры подадут такой же пример своим подчиненным. И, вероятно, я умолчу о том, что не оторвусь от цветного телевизора… будь я проклят, если пропущу такое зрелище!

— Программа не изменится, хотя запланированы перерывы на световое шоу, — сказал Харви.

Мэр кивнул:

— Разумеется. — Лицо его сделалось серьезным. — Между нами говоря, я слегка встревожен. Слишком много людей уезжает. Вам известно, что почти все трейлеры — из тех, что сдаются напрокат, — уже разобраны? За неделю. И мы получили массу заявлений об отпуске от полицейских и пожарной охраны. Отдыхать их никто не отправил. В день появления Порции Мороженого даже отгулы отменяются.

— Боитесь, что начнутся грабежи? — спросил Рэндолл.

— Не настолько, чтобы объявить об этом во всеуслышание. Но, признаюсь, что — да, — за-

явил Бентли. — Дома, оставленные хозяевами без присмотра, сами понимаете… Но мы справимся. Если ваши люди уже пришли, давайте начнем. Через полчаса у меня совещание с начальником штаба гражданской обороны.

И они перешли в официальный кабинет.

Машин на Беверли-Глен было немного. Даже мало, если учесть, что уже наступил вечер четверга. Харви ехал по трассе и широко улыбался.

«Ох и сюжет у меня, — думал он. — Допустим, я больше ничего не сниму, но и в таком случае мой фильм будет сенсацией. Оказывается, многие миллионы людей не просто считают, что мир идет к гибели, нет, они *надеются* на это. Вот что очевидно. Им ненавистно то, чем они вынуждены заниматься, они тоскуют по «простому» незамысловатому существованию. Конечно, они бы не очень хотели стать фермерами или переселиться в коммуны, но если так придется жить *всем…*»

Абсурд, но людские желания часто бессмысленны, и данный факт ничуть не беспокоил журналиста.

А сверх того — очередной великолепный сюжет для дня, следующего за тем, когда мир не погибнет. И какое хорошее название для бестселлера. Естественно, тотчас объявится с тысячу

писателей, которые устроят кучу-малу, стараясь пробить свои произведения в печать. Хлынут книги с названиями вроде «Страх», «День, когда мир не погиб» (Харви ухмыльнулся), «Гора, ты не раздавишь меня?» и так далее.

Кое-какие радиостанции уже круглосуточно транслируют религиозные песнопения, пророчащие бедствия, а проповедники, предвещающие конец света, устроили чес по стране.

А еще существуют «Блюстители кометы» — секта, возникшая в Южной Калифорнии. Ее члены, облачившись в белые рясы, молитвой заставляют небесное тело убраться восвояси. Несколько эффектных шоу принесли ребятам известность: в одном случае они застопорили уличное движение, в другом — выбежали на поле во время телетрансляции бейсбольного матча (игру пришлось прервать). Добрую половину лидеров секты арестовали, а потом выпустили под залог. Но судья распорядился, чтобы до следующей среды, если подобные фокусы повторятся, под залог никого не освобождали…

«Я тоже не обделен талантом, — размышлял Рэндолл, — мне бы следовало сочинить книжку. Я никогда прежде к этому не стремился, но я грамотный и взял быка за рога. «На следующий

день после того, как мир не погиб». Нет. Плохо. Чересчур длинный заголовок. А как насчет этого? «Страх Молота». Писанину разрекламируют, а когда комета разминется с Землей, мы пустим в эфир новую передачу… Я мог бы сорвать большой куш. Получил бы приличный гонорар. И сразу же расплатился по закладным и отдал деньги за обучение в Гарвардской школе для мальчиков, и еще… Кстати, «Ужас Молота», звучит неплохо. Но остается одна проблема. Все происходит на самом деле. Очень похоже на страх перед войной».

Подтверждения этому он находил повсюду. Кофе, чай, мука, сахар и другие «долгоиграющие» продукты, оказались почти полностью сметены с полок супермаркетов. Консервы исчезли. Магазины сообщали о «набегах» покупателей за плащами, дождевиками (а в Южной Калифорнии сезон дождей начинается только в ноябре!). Нигде нельзя было найти одежду или обувь для пеших походов, а спрос на обычные костюмы, белые рубашки и галстуки катастрофически упал.

Еще люди раскупали стволы. Ни в Беверли-Хиллз, ни в долине Сан-Фернандо уже нельзя было достать огнестрельного оружия. И боеприпасов.

В магазинчиках туристического снаряжения раскупили все — от ботинок до съестных припа-

сов и рыболовных принадлежностей. (Крючки — подчистую, мормышки еще оставались, но дорогие, американские, а о дешевых, индийского производства, можно было только мечтать.) Закончились палатки и спальные мешки. Даже спасательные жилеты расхватали! Харви усмехнулся. Ему никогда не приходилось видеть цунами, зато случалось читать о них. После извержения Кракатау гигантская волна забросила голландскую канонерскую лодку далеко в глубь материка, и корабль очутился на суше, на высоте двухсот футов.

В последние несколько недель получила распространение доставка почтой «наборов для выживания». Но когда до удара Молота осталось совсем немного времени, заказы резко перестали принимать. Может, их уже никто не собирался доставлять клиентам? Странно. Надо разобраться. Этим занимались четыре компании. Заплатив от пятидесяти до шестнадцати тысяч долларов, заказчик мог получить различные наборы, от обычного запаса провизии до целого чемодана спасательного оборудования. Продукты длительного хранения обеспечивали сбалансированный рацион. (Кстати, какая-то секта требовала, чтобы у каждого ее последователя имелся годовой запас

продовольствия… Она возникла еще в шестидесятые. Рэндолл сделал в памяти зарубку: взять интервью у ребят — после того как нашу планету минует Молот.)

В дешевые наборчики входили только съестные припасы. Дальше по нарастающей, вплоть до самых дорогущих. Последние включали в себя внедорожник, несколько комплектов одежды (термобелье — обязательно), мачете, спальники, газовую плитку с баллонами, надувной плот и почти все, что еще могло прийти в голову. Какая-то компания предоставляла даже членство в «Клубе выживания»: клиенту, если он сможет туда добраться, гарантировали место где-то в Скалистых горах.

Зато огнестрельного оружия не было ни в одном наборе (спасибо Ли Харви Освальду. Почтовые заказы на пушки запрещены — и скольких данный запрет спасет или погубит, зависело лишь от того, столкнется ли Молот с Землей… или нет).

Итак, четыре компании вовремя подсуетились. Они заломили цену (втридорога), ну а покупатели тотчас нашлись, — и жили они в горах, на побережье и на равнине. Харви покачал головой.

Caveat emptor[4]. Господи, какие же дураки эти смертные…

Машин действительно оказалось совсем мало, и Рэндолл добрался до Малхолланд-драйв. Дул сильный ветер, и смога не было.

Долина простиралась на многие мили. Ряды пригородных особняков с бассейнами, богатые районы и бедные улочки, оштукатуренные дома и старые деревянные здания, а кое-где величественные «монтереи» — последняя память о том времени, когда повсюду раскинулись апельсиновые рощи. Четко очерченные кварталы, разделяющие автострады. И минимум автомобилей.

Уже четвертый день подряд отсюда уезжало больше машин, чем приезжало. Легковушки, грузовики, взятые напрокат трейлеры, нагруженные так, чтобы хватило до конца жизни, — все двигались в одном направлении: от океана к высящимся вдали холмам или через перевалы к Сан-Хоакину. В Лос-Анджелесе закрывались магазины — может, на неделю, на месяц или навсегда. А в тех, что продолжали торговать, дела шли очень неважно: служащие без объяснения

---

[4] Примечания: 4
Остерегайся, покупатель (*лат.*).

причин отсутствовали.

Ужас Молота.

В Бенедикт-каньоне уличное движение почти замерло. Харви хихикнул. Вот люди возвращаются с работы домой… но те, в чьих сердцах поселился страх, — они везде.

Все это необычайно подстегнуло работу горных курортов. Министерство финансов забило тревогу: уровень потребительских кредитов взлетел до небес, народ без устали скупал спасательное снаряжение. Занятость росла, экономика была на подъеме, уровень инфляции повышался — и все из-за кометы.

Похоже, сюжет получался ударный.

Если только она действительно не столкнется с планетой. Иначе… До Рэндолла наконец дошло: если Молот врежется в Землю, его фильм вообще никому не понадобится. Не будет телепрограмм. И телевидения. Ничего не будет.

Журналист пожал плечами. Глянул на сверток, лежащий рядом, на пассажирском сиденье, и улыбка увяла. Вот он — компромисс и наглядное свидетельство того, что он тоже поддался панике: в свертке был спрятан пистолет двадцать второго калибра. С резной деревянной рукояткой, удобно лежащей в ладони, с захватом для запястья,

чтобы при стрельбе он всегда был устойчивым. А палили такие пушки с исключительной меткостью. Но никто не мог, увидев эту штуку, заорать, тыча пальцем: «Эй, старина Харви тоже подцепил ужас Молота!»

«Возможно, я не слишком умно все обстряпал, — подумал Рэндолл, — надо бы провести инвентаризацию».

У него есть дробовик. И туристское снаряжение, правда на одного человека. Лоретта не способна нести рюкзак. Однажды он взял ее в пеший поход — в первый и последний раз. Сохранились ли ботинки, которые она тогда надевала? Вероятно, нет. Жена не мыслит своего существования дальше пяти миль от салона красоты.

«А ведь я люблю ее», — твердо сказал он себе. Я могу сколько угодно прикидываться суровым бродягой — и возвращаться к домашнему комфорту. И тут же непроизвольно вспомнил о Морин Джеллисон, как она стояла там, наверху скалы, у расщелины, и ее длинные рыжие волосы развевались по ветру. Харви безжалостно задвинул картину в глубины памяти, да там и оставил.

«Что я могу сделать? Времени в обрез. Запасы продовольствия?.. Ладно, пусть будут консервы. В любом случае пища нормальная и срок хране-

ния у нее приличный. А когда треклятая комета пройдет мимо, мы их помаленьку съедим. Вода в бутылках… Нет. Ни то, ни другое: все давно расхватали. Мне повезет, если я что-нибудь найду… да и переплачивать придется».

Он свернул на дорогу к его дому и резко затормозил. Во дворе стоял «универсал», а Лоретта заносила в дом пакеты. Рэндолл вылез из автомобиля и машинально принялся помогать жене. Он не сразу сообразил, что в руках у него — упаковки замороженных продуктов.

— Это почему? — спросил он.

Слегка запыхавшаяся женщина положила пакет на кухонный стол.

— Не сердись, Харв. Я ничего не смогла поделать. Люди говорят… ну… что комета столкнется с Землей. Вот я и купила кое-чего — просто на всякий случай.

— Замороженные, значит?

— Да. Консервов уже, считай, не было. Надеюсь, мы сумеем запихнуть все в холодильник. — Она с сомнением оглядела горку. — Не знаю. Может, придется пару дней подъедать прежние запасы.

— Угу.

Господи. Она полагает, что в случае столкновения с Молотом с электричеством ничего не

случится? Ну, разумеется. Харви промолчал. Она хотела как лучше… и, пока жена ездила за бесполезными припасами, он суетился и ничего не делал. В принципе теперь все сводилось к одному и тому же, если оставить в стороне баксы. А если Молот не ударит, значит, Лоретта сэкономила. Но если комета врежется… ладно, тогда деньги потеряют цену.

— Ты правильно поступила, — произнес он и поцеловал жену, а затем поплелся наружу.

— Эй, Харви!

— Привет, Горди, — отозвался Рэндолл и направился к ограде.

Сосед протянул ему бутылку пива.

— Угощайтесь, — сказал он. — Я видел, как вы подъехали.

— Спасибо. Хотите поговорить? — беззаботным тоном осведомился Харви.

В глубине души Рэндолл надеялся, что именно этого Вэнсу и хочется.

В течение последних недель он был сам на себя не похож. Что-то его сильно угнетало. И хотя журналист не знал, что именно тревожит Горди, он подозревал, что дело серьезное.

— Где вы собираетесь провести следующий вторник? — спросил Вэнс.

Харви пожал плечами:

— Наверное, в Лос-Анджелесе. Мы готовим передачу, которая будет транслироваться на всю страну.

— Понятно, — задумчиво сказал Гордон. — А не хотите ли отправиться в поход? В горах хорошо. Я-то на следующей неделе работать не собираюсь.

— Но я не могу…

— А почему? Вы собираетесь торчать здесь, когда наступит светопреставление?

— Глупости, — выпалил Рэндолл и заметил, как блеснули глаза соседа. — А вот если Молот не ударит, и я не засниму этого, тогда точно придет конец. Мне. Нет, нельзя, Горди. Я бы сбежал отсюда… но, увы, нет!

— Ясно, — пробормотал Вэнс. — Одолжите мне вашего сына.

— Что?

— Не лишено смысла, верно? Предположим, комета нас все-таки стукнет, а Энди будет со мной в горах. Тогда и шансов спастись у него появится гораздо больше. Ну а если пронесет, что ж, зачем ему сидеть дома или без дела болтаться по Лос-Анджелесу?

— Ваше предложение не лишено смысла, — согласился Харви. — Но каков будет ваш маршрут?

Я имею в виду, вдруг что-нибудь случится? Где мне искать вас и Энди?

Гордон посерьезнел:

— Вам прекрасно известно, чему равны ваши шансы спастись, если комета ударит, а вы будете в городе.

— Да. Они нулевые, — признался Рэндолл.

— Кроме того, вы бы тоже с удовольствием ко мне присоединились. Мы выйдем из Осин и отправимся к Силвер-Вэлли. Горы там достаточно низкие, чтобы в ненастье можно было спуститься и укрыться где-нибудь в долине, а с другой стороны — довольно высокие, чтобы чувствовать себя в безопасности… Если только нас не завалит, что маловероятно, а?

— Конечно. Вы говорили с моим сыном?

— Да. Он сказал, что необходимо ваше согласие.

— Кто еще идет с вами?

— Только я и семь мальчишек, — ответил Вэнс. — Мари не сможет: должна заниматься благотворительностью…

Харви завидовал соседу лишь в одном: жена Гордона обожала походы. Хотя в городе, а не на природе жить с ней было не столь уж легко.

— Следовательно, по скаутским правилам де-

вочек мы взять не сможем, — добавил Вэнс. — А другие, кто теоретически хотел бы составить нам компанию… они несколько дней назад разъехались. И вы ведь знаете те места. Все будет отлично.

Журналист кивнул. Маршрут не представлял опасности. Территория проверенная.

— Вы правы, — проговорил он и сделал глоток пива. — А вы в порядке, Горди?

Выражение лица Вэнса, хоть он пытался это скрыть, чуть изменилось.

— В полном. А что не так?

— Да вы… вроде бы выглядите обеспокоенным.

— Устал на работе, — объяснил тот. — Ничего, в походе приду в норму.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Харви.

Душ — это здорово. Горячая вода стекала по шее, а он продолжал размышлять.

«Поздно», — думал он.

Благоразумный, спокойный человек будет держаться до конца, зная, что вероятность выжить составляет несколько сотен, а то и тысяч к одному. Паникеры закупили припасы и снаряжение и удрали в горы. А есть благоразумные и предусмотрительные вроде Гордона — люди, которые заранее спланировали пути отступления. И они

теперь имеют право сказать, что не позволят комете испортить им отпуск — однако ко Дню Порции Мороженого тоже окажутся в горах.

Но имелись и промежуточные варианты. Должно быть, десятки миллионов. Рэндолл хмыкнул. Взгляните-ка на него: наконец-то он осознал, что ему страшно, и ничего не остается, только ждать. Через пять дней ядро Хамнера — Брауна минует Землю и полетит дальше в ледяном вакууме — оно покинет пределы Солнечной системы и помчится туда, где нет планет.

Или — не минует.

— Но я еще могу что-то сделать, — проговорил Харви вслух. — Но чего я жду от кометы? Если проклятый ком грязного снега положит конец нашей благословенной цивилизации и хваленой промышленности… ладно, мы вернемся к базовым ценностям. Ешь, спи, сражайся, пей, беги. Необязательно именно в перечисленном порядке. Правильно?

Конечно.

В пятницу Рэндолл взял выходной. Решил сказать, что приболел. К его величайшей радости, трубку снял Марк Ческу.

Парень с явным удовольствием спросил:

— Ужас Молота накрыл, да?

— Заткнись.

— Ладно. Я и сам строю планы. Встречусь с парой друзей и отправлюсь вместе с ними в прекрасное безопасное местечко. Забыл вам сказать. Когда настанет День Порции Мороженого, то есть во вторник на следующей неделе, меня тут не будет. Хотите, мы потом завалимся к вам… смотря, как сложатся дела?

Ответа он не дождался: Рэндолл повесил трубку.

Потом Харви отправился в торговый центр. Придирчиво отобрал нужное — и оплатил кредитками и чеками.

В супермаркете он кинул в тележку шесть огромных стейков общим весом двадцать восемь фунтов, взял кучу витаминов и пряностей, а еще соду — для выпечки хлеба.

В продовольственном магазинчике, расположенном неподалеку от дома, он затарился витаминами и склянками с приправами. Не забыл про изрядное количество перца и соли. И взял три перцемолки.

Вдобавок (уже в другом магазине) Рэндолл купил неплохой набор ножей для разделки мяса. Дома как раз не хватало новых кухонных ножей. Еще он приобрел точильный камень и ручную

ножеточку.

Тут продавался и набор инструментов, который Харви давно присмотрел. Он решил, что сейчас самое время. Заодно, поскольку его сюда занесло, Рэндолл набрал всякой полезной мелочи. В том числе недорогие пластмассовые детали для водопровода и простенькое приспособление для нарезки резьбы на железных трубах. Они не пригодятся, если произойдет самое… скажем так, страшное, но в случае благополучного исхода хорошо будет иметь их дома под рукой.

В наличии не было портативных плиток, но продавец знал Рэндолла и оказал ему любезность: лично принес покупателю четыре электрических фонаря с ручной динамкой и две керосиновые лампы, только что поступившие в продажу, а к ним четыре галлона горючего. Под конец он понимающе взглянул на Харви — и тот понял, что означает этот взгляд.

В винной лавке журналист потратил сто девяносто три доллара. Список был внушительный: галлоны водки, бурбон, шотландский виски, «Гранд Марнье», «Драмбуи» и прочие дорогие напитки. Загрузив все в багажник, он снова вернулся обратно — за водой «Перье». Расплатился он кредиткой — и опять поймал на себе понима-

ющий взгляд продавца.

— Готовлюсь к самой крутой вечеринке, — сказал Харви, обратившись к своему псу.

Киплинг замолотил хвостом по сиденью. Ему нравилось сопровождать хозяина, хотя происходило это не столь часто, как ему бы хотелось. Собака смотрела, как Рэндолл ходит по магазинам. В аптеку — за снотворным и таблетками, йодом, мазью от ожогов и за последней оставшейся в продаже коробкой с бинтами. И снова — в продуктовый — купить запас собачьей еды. И еще раз — в аптеку — за мылом, шампунем, зубной пастой и щетками, кремом для кожи, примочками, лосьоном для загара…

— Когда нам остановиться? — спросил Харви. Пес лизнул его в лицо. — Нужно знать меру. Господи, прежде я никогда не задумывался о благах цивилизации, но, оказывается, существует множество вещей, без которых я просто не мыслю своего существования.

Он отвез покупки домой и спустился с холма, чтобы забрать внедорожник у механика, обычно обслуживавшего машину. Не будь Рэндолл ценным клиентом, он никогда бы не добился того, чтобы его автомобиль привели в порядок, сменили масло и полностью подготовили ее к

рейсу: гараж уже неделю не принимал заказы. Дюжины тачек стояли в гараже и ждали, когда за них наконец примутся, — все они были сданы в срочный ремонт.

Но Харви получил свой внедорожник и заполнил оба бака горючим. Кроме того, он на всякий случай заполнил и запасные канистры — но для этого ему пришлось объехать три бензоколонки. В Лос-Анджелесе, пусть и неофициально, ввели ограниченный отпуск бензина.

После ланча настала пора адовой работы. Двадцать восемь фунтов мяса требовалось нарезать на тонкие ломтики. Боже мой! Новенькие ножи весьма пригодились, но когда настало время ужина, Харви трудился в поте лица, а руки сводила судорога.

— На следующие три дня — духовка моя, — объявил он Лоретте.

— Комета столкнется с нами, — твердо ответила жена. — Я уверена.

— Нет. Шансы — один из сотен или тысяч.

— Тогда зачем это? — спросила Лоретта. Отличный вопрос. — Моя кухня просто завалена ломтями сырого мяса, сам видишь.

— Оно нам не помешает, — заметил Рэндолл. — Надо делать запасы… время от времени. А если

оно не понадобится нам, его будет брать в походы Энди. — И он вернулся к работе.

Индейский способ вялить говядину — не самый легкий. Индейцы делали это на слабом огне, либо — летом — на солнце, и не особо заботились о качестве продукта. Гораздо проще разогреть современную духовку до ста — ста двадцати градусов и оставить там заранее порезанные тонкие полоски на двадцать четыре часа. Мясо вовсе не нужно запекать — оно должно просушиться. Стать твердым, как кость. Если заострить такой ломтик, им можно убить человека. А хранить такой деликатес можно практически вечно.

Но долго питаться им нельзя. Хотя, сдобрив свой рацион витаминами, на нем можно продержаться некоторое время. Но ведь будет скучно. Ну и?.. Если Молот ударит, скука окажется среди причин смерти вовсе не главной.

Что касается углеводов, то у Харви был овес. Похоже, больше никто в Беверли-Хиллз об этом не вспомнил, и крупа оставалась еще в нескольких магазинах. Еще Рэндолл отыскал мешок кукурузной муки. Жаль, пшеничная и ржаная закончились.

Жир, срезанный с мяса, Харви вбил в пеммикан. Сыпанул щедрую порцию сахара (его в доме было

много), посолил, поперчил. Для вкуса подмешал вустерский соус. Довел смесь до полуготовности, сохранив жир, вытопившийся из помещенного в духовку пеммикана (им он собирался обмазать копченую грудинку). Такое мясо, если защитить его от контакта с воздухом, может долго храниться, не протухая.

«С едой все, — решил он, — теперь вода».

Он вышел к бассейну. Вчера вечером Рэндолл спустил воду, а теперь принялся снова заполнять емкость. Хлор на сей раз добавлять не стал.

Закончив работу, Харви накрыл бассейн пленкой, чтобы предохранить его от листьев и грязи.

«От жажды не умрем», — подумал он.

Кроме того, есть и бак водонагревателя.

Порывшись в гараже, он обнаружил старые пластиковые бутылки. В нескольких раньше хранилась хлорная известь, и они даже сохранили ее запах. Отлично. Харви сразу заполнил их водой, а остальные емкости тщательно вымыл.

Дело сделано.

Ешь, пей. Что дальше? Спи. Ну, с этим затруднений не будет. Рэндолл никогда ничего не выбрасывал, и помимо обычного туристического спальника у него были и другие: один армейский — для полярных условий, второй специальный

— облегченного типа, старый спальник Энди и даже мешок, купленный ради того единственного случая, когда Лоретта попробовала принять участие в походе. И утепленные вкладыши.

Харви собрал их, выволок наружу и развесил за домом на бельевой веревке.

Солнечное тепло. Простейший и наиболее эффективный из известных человеку способов использования естественной энергии: одежда на открытом воздухе сохнет лучше, чем в электрических или газовых сушилках. Разумеется, немногие из «защитников окружающей среды» сушат свои тряпки именно таким образом: они слишком заняты своими проповедями.

«А ведь я пристрастен. Почему? Потому что подхватил ужас Молота, и моя жена в курсе. Лоретта считает, что я спятил. Я пугаю ее. Она решила, что я твердо уверовал в неизбежность столкновения».

И чем дальше продвигалась подготовка Харви к Удару, тем реальнее становилась возможность столкновения.

«Я довел себя до безумия, — сказал себе Рэндолл, — надо не забыть об этом, когда буду писать книгу».

— Эй, лапочка…

— Что, милый?

— Не гляди на меня так встревоженно. Я провожу исследование.

— Какое? — Лоретта принесла ему пива.

— Проблемы «ужаса Молота». Собираюсь создать бестселлер, после того как комета пройдет мимо. Я уже провел ознакомительную работу, представляешь?

— Вот и замечательно. Люди относятся к авторам с большим уважением.

«Верно, — мысленно согласился он, — так и есть. Иногда. Ладно. И мы можем «есть», «спать» и «пить» вдоволь. На очереди «сражаться» и «убегать»».

А с последними понятиями все обстоит гораздо хуже. В глубине души Харви не доверял своей меткости, из чего бы ни стрелял — из дробовика или спортивного пистолета. Никакое огнестрельное оружие не внушало Рэндоллу подлинного доверия. Чужое мастерство могло не знать границ, а он во время войны был не солдатом, а военным корреспондентом.

«Но имеется и другое оружие: подкуп. Я, пожалуй, смогу откупиться спиртным и пряностями. А если мне удастся кое-что сохранить, то через несколько лет мои запасы станут бесценными

— при условии, конечно, что останутся излишки пищи для пирушек (а такая вероятность весьма высока). В Европе цена черного перца веками держалась на одном уровне: его продавали за золото, унция за унцию. И едва ли все додумаются обеспечить себя мешками специй заранее».

Харви возгордился тем, какой он умный.

Итак. Остается «убегать». Внедорожник в оптимальном состоянии, а на крышу поместятся велосипеды. «Впереди — воскресенье, чтобы сделать то, о чем я еще не подумал».

Он вернулся в дом. Рэндолл вымотался, но был доволен. Он подготовился не полностью, но работа продвигалась. И намного лучше, чем у остальных. Лоретта не ложилась — ждала его, приготовив крем «Бен-Гей». Жена не стала приставать к нему с расспросами, а просто растерла как следует, понимая, что близость сейчас явно будет излишней.

Харви уснул.

Погружаясь в сон, он думал о том, как сильно любит ее.

Июнь: 4

Земля – слишком маленькая и хрупкая корзина, чтобы человечество складывало в нее все яйца.

Роберт Э. Хайнлайн

Внизу на Земле царила ночь. Но на борту время измерялось по часам, а не по смене света и тьмы. Каждые девяносто минут «Молотлэб» выходил из светлой полосы дня в темную — и наоборот.

У самого края виднелась Европа, испещренная огнями городов. Поверхность Атлантического океана занимала огромное пространство. Сейчас планета загораживала ядро и оболочку кометы Хамнера — Брауна. В противоположной стороне сквозь тонкую дымку сверкали звезды. И там, куда ни глянь, виднелся хвост. Он обтекал Землю — светящиеся голубые, оранжевые и зеленые струи поднимались вверх, стремясь к некоей высшей точке, скрытой где-то в космосе. Вдали и сбоку плыл полумесяц в переплетении волн возмущений — похожих на алмазные узоры на снимке снопов ракетного пламени. Любоваться этим можно бесконечно.

Работу пришлось прервать: пора было пообедать. Рик, целиком поглощенный ослепительным зрелищем в иллюминаторах, все же не забывал поесть. Остальные участники экспедиции (как и полагается) похудели, но Деланти сбросил уже девять фунтов и старался наверстать упущенное. (Потребовалась большая изобретательность, чтобы разработать прибор для измерения веса человека в невесомости.)

— Хорошо быть здоровым, — пробормотал астронавт. — Ох и круто, когда не тошнит.

Он заметил озадаченные взгляды советских космонавтов: им никогда не приходилось видеть американские рекламные ролики. А Бейкер и вовсе его проигнорировал.

Внезапно часть Земли озарилась, как после огненного взрыва: наступил рассвет. Рик зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что к кораблю катится голубовато-белая дуга. Вчерашний ураган еще бушевал над Индийским океаном — распялился, как морское чудовище, какими их обычно изображали на старинных картах. Тайфун «Хильда». Вдали слева виднелись Эверест и горный массив Гималаев.

— Потрясающее зрелище.

— Да. — Леонилла подплыла к иллюминатору,

замерла возле Деланти. — Но отсюда планета кажется такой маленькой и хрупкой. Будто я могу высунуть руку и… провести пальцем по Земле и там останется полоса разрушений шириной в сотни километров. Там все будет уничтожено. Неприятное ощущение.

— Запомните его. Наша планета — действительно хрупкая, — произнес Джонни.

— Вас тревожит комета? — понять что-либо по лицу Малик было трудно.

Да и вообще русские часто ставили американцев в тупик.

— Да забудьте вы о ней! Зачем нам осознавать собственную уязвимость, — заметил Бейкер. — Вспыхнувшая поблизости новая комета может полностью стерилизовать Землю, уцелеют только бактерии. Или, скажем, взорвется Солнце. Или вдруг остынет. Или наша галактика превратится в сейфертовскую… которая уничтожит все живое.

Леонилла рассмеялась:

— Ну, об этом можно не беспокоиться еще тридцать три тысячи лет. Скорость света…

Джонни пожал плечами:

— Хорошо, взрыв произошел тридцать две тысячи девятьсот лет назад. Или мы и сами спо-

собны уничтожить нашу планету. Химическое загрязнение убивает океан, а тепловое…

— Погоди-ка, — перебил его Рик. — Тепловое загрязнение, пожалуй, — единственное, что может спасти нас от оледенения. Есть мнение, что очередной ледниковый период начался несколько столетий назад. Но имеющиеся запасы угля и нефти истощаются.

— Черта с два! Ты меня не переспоришь.

— Ядерная война. Столкновение с гигантским метеоритом. Сверхзвуковые самолеты, уничтожающие защитный слой озона, — вымолвил Петр Яков. — Зачем мы так поступаем?

— Потому что там, внизу, мы не чувствуем себя в безопасности, — ответил Бейкер.

— Земля большая и, наверное, не столь уязвима, как мы предполагаем, — сказала Малик. — Но человеческая изобретательность… вот что меня иногда пугает.

— Но у нас намечается план спасения, — проговорил Бейкер серьезным тоном. — Нужно выйти в космос. Колонизовать планеты. Не только ближайшие, но и в соседних звездных системах. Надо построить гигантские корабли. Разложить яйца в сотни корзин. Но это менее вероятно, чем то, что проклятая идиотская случайность — или

некий фанатик — уничтожит нас. Человеческую расу, я имею в виду. Именно в тот момент, когда наша цивилизация начинает вызывать у меня восхищение!..

— Чем тут восхищаться? — возразил Яков. — Вот в этом мы с вами не договоримся. Но если вы выдвинете свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов, моя поддержка вам обеспечена. Я буду писать вам речи… правда, голосовать мне не позволят.

— А жаль, — улыбнулся Джонни и на мгновение вспомнил Джона Гленна, который баллотировался в сенат — успешно. — Кто сегодня выходит брать пробы?

До встречи с ядром Хамнера — Брауна оставалось тридцать часов. В телескоп оно казалось роем частиц, разделенных промежутками. Восторгам ученых из ЛРД не было предела, но Бейкера и остальных членов экспедиции такая реация попросту взбесила. И поскольку все вокруг обволок хвост, провести допплерографию твердых тел оказалось трудно: подгоняемые давлением солнечного света, газ и пылевые частички с чудовищными скоростями мчались прочь от ядра. Комета приближалась к Земле со скоростью около пятидесяти миль в секунду. Обнаружить ее

боковое смещение было еще сложнее.

— Прет прямо на нас, — сообщил Бейкер.

— Наверняка есть смещение в сторону, — произнес голос Дэна Форрестера в наушниках.

— Конечно, но замерить его мы не в состоянии, — отозвался Деланти. — Послушайте, док, мы делаем все, что в наших силах. Придется обойтись этим.

Форрестер принялся извиняться:

— Извините, ребята. Я все понимаю. Но без достаточно точных данных очень трудно определить проекционную кривую.

И тогда пришлось добрых пять минут гладить ученого по шерстке и заверять, что никто на него не сердится.

— Бывают минуты, когда эти гении сводят меня с ума, — проворчал Джонни.

— Это легко исправить. Надо только дать высоколобым то, что им нужно, — сказал Рик. — Никто не слышал, чтобы док выражал недовольство результатами *моих* наблюдений.

— Знаешь, куда их запихни? — буркнул Бейкер.

Деланти повел глазами.

— Куда? — Он поплыл к другу. — Вот что, я введу цифры, а ты займешься расчетами.

Когда утренние наблюдения завершились и появилась возможность недолго отдохнуть, Петр Яков сконфуженно кашлянул.

— Есть вопрос, — начал он. — Давно уж хотел его задать. Пожалуйста, не поймите меня неправильно.

Джонни сообразил, что космонавт ждал, пока Леонилла уйдет на «Союз», плотно прикрыв за собой люк.

— Конечно. Валяйте.

Русский переводил взгляд с одного американца на другого:

— В наших газетах утверждают, что в Америке черные служат белым, а те, в свою очередь, командуют чернокожими. Но, по-моему, вы отлично сработались. В общем, скажу начистоту: вы считаете себя равными?

Рик фыркнул:

— Нет! Он — старший по званию.

— Но в остальных отношениях? — настаивал Петр.

Физиономия Деланти могла показаться серьезной кому угодно, но только не его ближайшему напарнику.

— Бейкер, вы теперь генерал. Разве я теперь могу быть вам ровней?

— А?.. Да, Рик, разумеется. Кстати, ведь ты не задал свой вопрос, а бросил меня на амбразуру, помнишь?

— Понимаете, тема деликатная…

В выражении лица Петра Якова теперь не было ничего загадочного. Но прежде чем он успел вспылить, Джонни произнес:

— Вы действительно хотите, чтобы я прочел вам серьезную лекцию о межрасовых взаимоотношениях?

— Будьте любезны.

— Сперва скажите, как Леонилла ухитряется мочиться в невесомости?

— Понятно.

— Что понятно? — Малик протиснулась через люк обратно.

— У нас тут маленькая дискуссия, — проговорил Бейкер. — Никаких государственных секретов.

Женщина ухватилась за скобу и испытующе посмотрела на троих мужчин. Джонни стучал по кнопкам карманного компьютера. Петр широко улыбался, наблюдая за ним с нескрываемым восхищением… но все трое обидно ухмылялись — мол, «знаю, да не скажу».

— Вас снабдили превосходной техникой, — вымолвил русский космонавт. — И здесь, в космосе,

мы с вами почти на равных.

Деланти прочистил горло.

— Нет, карманный компьютер не принадлежит НАСА, — выпалил Бейкер. — Он мой.

— И дорогой он?

— Пара сотен долларов, — ответил астронавт. — Думаю, в рублях получается много, но если подсчитать, сколько люди зарабатывают, выходит не так страшно. Пожалуй, средний недельный заработок. В общем, цена сносная.

— Если б у меня были деньги, сколько бы мне пришлось ждать, чтобы купить его? — поинтересовалась Леонилла.

— Примерно пять минут, — заявил Бейкер. — Там, внизу, на Земле, на континенте. Если вы пожелаете приобрести его на борту, то вам придется набраться терпения.

Малик захихикала:

— Смешно… И такие вещи можно запросто купить в магазине?

— Если есть баксы. Или надежный кредит. Впрочем, он может быть и не совсем надежным, — объяснил Джонни. — А что? Вам нужен карманный компьютер? Мы изыщем возможность добыть его вам. Вам тоже, Петр?

— Это правда возможно?

— Легко, — ухмыльнулся Бейкер. — Я свяжусь с парнем из отдела по связям с общественностью из «Тексас Инструмент». Вам вручат пару таких штуковин — в рекламных целях. И торговля у них пойдет еще лучше. Но, может, вам бы хотелось «Хьюлет-Паккард»? У них несколько иная система условных обозначений, но зато они быстрее работают…

— Вот что меня смущает, — произнес Петр, — две компании, конкуренты, производящие одинаково великолепную технику. Расточительство.

— Верно, — сказал Деланти. — Но зато я могу привести вас в любой магазин электронного оборудования и выбрать то, что мне надо.

— Никакой политики, — предупредил его Бейкер.

— Это не политика.

Воцарилась неловкая пауза. Яков подплыл к УФ-камере. Ласково погладил ее:

— Какая точность. Такая сложная начинка. С вашей техникой приятно работать. — Он обвел рукой «Молотлэб», заполненный контейнерами с растущими кристаллами, видеокамерами, радарами и записывающими приборами. — За время нашей короткой экспедиции мы узнали удивительно много нового — благодаря вашему

великолепному оборудованию. Столько же, думаю, сколько за все полеты наших предыдущих «Союзов».

— Нет! — Леонилла не скрывала сарказма. — Гораздо больше! — В ее голосе прозвучала горечь, и трое мужчин застыли в изумлении. — Наши космонавты летят исключительно ради полета. В качестве пассажиров, просто чтобы доказать, что мы способны посылать людей в космос и возвращать их на Землю живыми. Мы дали вам лишь пищу, воду и кислород для экипажа… и добавили один корабль к вашим двум.

— Кто-то должен был привезти обед, — сказал Рик. — И очень вкусный, между прочим.

— Да, но продовольствием и ограничивается наш вклад в экспедицию. Когда-то у нас была своя программа космических исследований…

Яков перебил ее, протараторив что-то по-русски. Он говорил слишком быстро, чтобы Рик и Джонни могли его понять, но общий смысл был очевиден.

Малик ответила коротко ему — резко, односложно и продолжила:

— Марксизм берет за основу объективную реальность… значит, пора говорить начистоту. У нас была программа космических исследований.

Сергей Королев, величайший гений в истории человечества, мог превратить наши достижения в могущественные средства познания Вселенной, но безумцам из Кремля хотелось чего-то эффектного! Хрущев приказал сыграть спектакль, чтобы посрамить американцев. И вместо того чтобы продвигаться вперед, развивать свои возможности, мы начали демонстрировать миру цирковые трюки! Первыми вывели на орбиту сразу трех человек… ради этой цели из корабля пришлось выкинуть все научно-исследовательское оборудование и только потом запихнуть в кабину третьего члена команды — маленького, щуплого… В отсек, рассчитанный на двоих… А зачем — ради одного полета по орбите! Мы могли бы первыми высадиться на Луне, но до сих пор готовимся к экспедиции!

— Товарищ Малик!

Женщина пожала плечами:

— Вы услышали что-нибудь новое? Думаю, нет. И мы продолжали показуху, пользуясь каждым удобным случаем, лишь бы о нас кричали газеты — и вот сегодня лучший пилот Советского Союза не может состыковать свой корабль с другим — размером с шикарную дачу! А вы… вы предлагаете нам поощрение, хотите подарить то, чего не

могут ни создать, ни купить себе наши лучшие инженеры…

— Эй, мы не хотели вас обидеть, — вмешался Бейкер.

Яков что-то сказал по-русски, замолчал и отвернулся, выказывая крайнее неудовольствие. Рик сочувственно покачал головой. Что это вдруг на Леониллу нашло?

Теперь они вели себя тихо и были друг с другом подчеркнуто вежливы, пока Малик не вернулась на «Союз».

Бейкер и Деланти переглянулись. Слова им не требовались. Джонни отплыл в угол, где Яков занялся какой-то работой.

— Нужно кое-что прояснить, — сказал Джонни.

— Слушаю?

— Ей ведь за это ничего не будет, да? Ну, то есть вряд ли нужно докладывать обо всем, что у нас творится.

— Конечно, не нужно, — согласился Яков и пожал плечами. — Мы все здесь не инкубаторские. Каждые двадцать восемь дней женщины начинают вести себя весьма нелогично. Любой женатый мужчина в курсе.

— Да, похоже, дело обстоит именно так, — пробормотал Джонни и кинул взгляд на Рика.

— Кроме того, Леониллу воспитало государство, — добавил космонавт. — Ее отец и мать умерли, когда она была еще маленькая. Ничего удивительного, что ей бы хотелось видеть нашу страну более передовой, чем сейчас.

— Разумеется.

«Чушь собачья, — подумал Деланти, — если она тяжело переносит свое женское недомогание, ей следовало сообщить о проблеме руководителям полета, чтобы русские послали в космос кого-нибудь еще. А она наверняка промолчала. Я бы доложил своему руководству о том, что подвержен космической болезни, если бы знал заранее… В чем бы ни состояли затруднения Леониллы, будет разумно в следующие несколько дней относиться к ней особенно бережно. Дьявольщина, а комета Хамнера — Брауна уже очень близко!»

Барри положил телефонную трубку. Взгляд у него был восторженный. Вошла Долорес с кофе.

— Угадай, что произойдет во вторник! — ликующе воскликнул Прайс.

— Комета столкнется с Землей.

— Что? Нет! Нет, я серьезно. Мы введем в действие следующую очередь. Решение последнего судебного заседания признано необоснованным. Атомная станция «Сан-Хоакин» выходит на пол-

ную мощность.

Долорес почему-то вовсе не обрадовалась.

— А торжественная церемония намечается? — спросила она.

— Нет, мы не хотим шума… А что?

— Во вторник меня не будет. Если только не возникнет крайняя необходимость в моем присутствии.

Он нахмурился:

— Ты всегда мне необходима…

— Пора бы давно привыкнуть. — Она похлопала себя по животу. Тот еще не выпирал, но Барри уже просветили на данный счет. — Во всяком случае, мне надо в Лос-Анджелес, показаться доктору Стоуну. Я хотела задержаться там, повидаться с матерью, и вернуться сюда во вторник вечером.

— Конечно, Ди…

— Да?

— Ты ведь сохранишь малыша, правда?

— Да, Барри.

— Выходи за меня замуж.

— Нет, спасибо. Мы оба сыты по горло семейной жизнью.

— А друг с другом мы еще не пробовали, — возразил он. Ему хотелось, чтобы его голос звучал убедительно, но втайне почувствовал облегче-

ние. Но…

— А каково будет ребенку без отца?

Долорес рассмеялась:

— Поскольку он появился не благодаря почкованию, почти уверена, что папа у него есть. Я даже догадываюсь, кто он.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я!

— Естественно. — Она поставила кофе на письменный стол и перелистнула перекидной календарь Барри. — Ты обедаешь с заместителем губернатора. Не забудь.

— С тем безмозглым болваном? Если что-нибудь и могло вывести меня из эйфории, это то, о чем ты напомнила. Ты не поверишь, Ди, но я буду паинькой!

— Хорошо. — Она повернулась, чтобы уйти.

— Эй, — позвал он, и девушка остановилась. — Послушай, давай все обсудим. Когда ты вернешься из Лос-Анджелеса. Ведь ребенок и мой тоже…

— Верно. — И она покинула кабинет Прайса.

— Эй, малый, Молот уничтожит город. Превратит в пустыню.

— Чушь, мать ее так, собачья, — произнес Нассор и улыбнулся. — Мы им устроим пустыню.

Он наслушался разговоров о том, что способна натворить комета. Проповедники, вещающие со

своих кафедр, собирали огромные толпы, обеспечивая себе кусок хлеба. Наступает апокалипсис, примиритесь со сладчайшим Иисусом и гоните монету…

Появились новые возможности. К примеру, белые удирали отсюда. С ума сойти. Алим объехал Брентвуд и Бел-Эйр и везде видел одно и то же: множество домов с упаковками молока у дверей и старыми газетами на крыльце. Нассор тогда ехал на стареньком пикапе, на заднем сиденье и в багажном отделении которого были навалены газонокосилки и разные садовые инструменты. Кто обратит внимание на простого чернокожего? В общем, когда он останавливался, чтобы забрать брошенную прессу или картонки с молоком, никто его и не замечал. Зато он собирал информацию и уже составил план действий. Теперь-то он будет на коне.

Они пройдутся по Бел-Эйру и Брентвуду, как уборочный комбайн. Нассор запасся набором отмычек для взлома. С ним — его люди, которые неохотно повиновались приказам, но свое дело знали хорошо. Молот Божий на протяжении человеческой жизни дважды не появляется.

В некоторые особняки, правда, лучше не лезть. Легавые бдят. Но был способ справиться и с этой

маленькой загвоздкой. Нужно только все предусмотреть. Они успели скосить траву в нескольких дворах. Здорово потрудились — и смогли без помех провести наблюдение за целым кварталом, увидеть, как местные загружают трейлеры барахлом и уезжают. Бел-Эйр наполовину опустел. Ну а оставшееся можно слямзить сегодня ночью. А потом, наверное, удастся возобновить политическую деятельность. И многие братья будут на время обеспечены хлебом.

А белые паниковали. Богатые белые, люди много чего знающие. А в мэрии нервничали. Вдруг столкновение и впрямь произойдет?

Алим быстро просмотрел стопку газет и журналов. Пусть не сразу, но понял, что им грозит, а рисунки прояснили ситуацию окончательно. На низменностях не спрячешься. Будут волны высотой в тысячу футов! Автор картинок обладал немалым воображением. Он нарисовал здание мэрии Лос-Анджелеса: над поверхностью воды поднималась только башня. Виднелись крыши административного корпуса и здания городского суда. Все копы, которые там находились, сдохли — вот это было да! Но Алиму точно не хотелось быть в городе, когда жахнет.

А если пронесет? Тогда народ быстренько вер-

нется обратно.

— То-то они удивятся, — пробормотал Нассор.

— А?

— Белые. Спорим, они рты пораззявят, когда приедут в город?

— Ага. Почему ты выбрал именно эти дома? Если б мы облазили самые богатые особняки повсюду, мы…

— Заткнись.

— Ладно.

— Я не хочу, чтобы мы удалялись друг от друга. Если окажется, что какой-то из домов битком набит легавыми, мы сможем по рации позвать на помощь.

— Ясно.

Молот Божий. Что, если он ударит? Куда тогда удирать? Не на юг, конечно. Политиканы могли кричать о всеобщем братстве, но все это лажа. Латиносы не любят черных, а те тоже не отстают.

«В иных местах, чтобы вступить в банду, латиносу нужно грохнуть нашего брата. У них нет к нам жалости, и чем дальше на юг, тем хуже и хуже».

— Сегодня ночью берем стволы, — сказал Алим.

Гарольд вздрогнул, и автомобиль чуть виль-

нул.

— Думаешь, будет гимор?

— Просто хочу быть готовым ко всему, — ответил Нассор. — А если гребаная комета… Короче сегодня и завтра лучше иметь под рукой пушки и боеприпасы. И жратву.

Нельзя огорчать братьев, поэтому он возьмет ответственность на себя.

И в случае столкновения, они будут во всеоружии.

Патрульный Эрик Ларсен приехал в Лос-Анджелес из Топики. Он был лингвистом (английский язык) и мечтал писать сценарии для кино и телевидения. Но необходимость зарабатывать на жизнь вкупе с волею судьбы привели его на службу в полицию Бербанка. Он сказал себе, что накопит ценный опыт. Вспомните, чего добился Джозеф Уэмбо, а ведь, как известно, начинал он в качестве полицейского! А сам Эрик умел писать — по крайней мере о данном навыке свидетельствовал его диплом.

Три года спустя он так и не продал никому ни одного сценария, зато теперь обрел уверенность, мог поведать множество необычных историй и гораздо лучше разбирался в человеческой психологии и в индустрии развлечений. А еще здорово

повзрослел. Он жил с женщиной, дважды был помолвлен и преодолел свое неумение завязывать случайные знакомства с девушками, хотя по-прежнему не утратил склонности идеализировать «слабый пол». Ему было неприятно видеть на панели юных беглянок, давших деру из дома. Он знал, жизнь у них могла бы сложиться иначе.

Вдобавок Эрик научился видеть мир глазами копа. Человечество делилось на три группы — полиция, подонки и обычные граждане. Однако презирать последних он не научился: обывателей он обязан был защищать и, поскольку не заделался карьеристом (хотя жители Бербанка об этом и не подозревали), относился к выполняемой работе серьезно.

Он получал жалованье благодаря гражданам своей страны. Когда-нибудь он выйдет в отставку и станет одним из них.

Он научился клясть судебную систему, но, сохраняя присущую литераторам объективность, признавал, что не знает, чем ее вообще заменить. Некоторые типы, конечно, поддаются коррекции, но таких насчитывалось немного. А в основном преступники оставались именно преступниками, и лучшее, что можно с ними сделать, отвезти на остров Сан-Николас и высадить на берег.

Пусть истязают друг дружку в свое удовольствие. Но трудность заключалась в том, что не всегда удавалось определить заранее, кто из правонарушителей окончательно потерян для общества, а кто способен вернуться к нормальной жизни.

Эрик часто спорил с коллегами. Товарищи прозвали его «Профессором» и посмеивались над его литературными амбициями и над тем, что он ведет дневник. Однако он был в хороших отношениях почти со всеми, и его сержант рекомендовал назначить Ларсена дознавателем.

Комета зачаровала его, и Эрик прочел о ней все, что только мог достать. Сейчас она царила в небе, а завтра начнет удаляться от Земли. Вместе со своим напарником он ехал по необычно оживленным улицам Бербанка. Всюду кишели люди, что-то делали в домах, грузили в трейлеры пакеты и рюкзаки. Улицы запрудили автомобили.

— Скорей бы она наконец убралась куда подальше, — пробурчал коллега.

Дознаватель Гаррис оказался копом до мозга костей. Сияние в небе стало для него лишь очередной проблемой. Если это действительно красиво, то он позже посмотрит фильмы про комету — после того как она улетит. А в данный момент она сидела у него в печенках.

— Сорок шестой! Координаты: Аламонт восемь — девять — семь — шесть. Женщина. Соседка сообщила, что слышала крики в квартире этажом выше. Код три[5].

— Принято, — ответил Эрик в микрофон.

Гаррис круто развернул машину.

— И это не семейная ссора, — сказал он. — Там живут одиночки. Вероятно, какой-нибудь парень не может добиться взаимности.

Патрульный автомобиль затормозил перед кондоминиумом. Дом был роскошный, с бассейном и сауной. По обеим сторонам от входа росли гевеи. За стеклянной дверью в холл стояла испуганная девушка в тонком халатике поверх ночной рубашки из голубого шелка.

— Это в триста четырнадцатой, — пролепетала она. — Она так кричала, звала на помощь… Господи!

Дознаватель Гаррис остановился ровно настолько, чтобы взглянуть на почтовый ящик с цифрами «314» и именем владельца — «Колин Дарси».

Вытащив фонарь, он кинулся вверх по лестнице.

---

[5] Примечания: 5

Код три — срочный вызов; движение с включенной сиреной и мигалкой.

Квартиры третьего этажа, имеющие четные номера, выходили во внутренний коридор. Эрик припомнил, как выглядит здание с другой стороны: у каждого объекта недвижимости — маленький балкончик, отгороженный от улицы. Вероятно, там хорошо принимать солнечные ванны. Холл недавно красили, и общее впечатление было приятное, кондоминиум отлично подходил для юных барышень, не имеющих семьи.

Разумеется, лучшие квартиры — с видом на бассейн, были расположены на противоположной стороне.

Воцарилась тишина. Из-за двери с табличкой «314» не доносилось ни звука.

— Что теперь? — спросил Ларсен.

Гаррис пожал плечами и громко постучал в дверь. Ответа не последовало. Он постучал снова.

— Полиция, — произнес он. — Мисс Дарси?

Опять — ничего. Девушка, позвонившая в полицию, поднялась по лестнице.

— Вы уверены, что она там? — осведомился Эрик.

— Да! Она кричала!

— Где управляющий?

— Его нет. Я звонила ему, но никто не брал

трубку.

Напарники переглянулись.

— Она звала на помощь! — негодующе воскликнула девица.

— Наверное, нам зададут перцу, — пробормотал Гаррис.

Он встал сбоку от двери и молча дал знак Ларсену, после чего вытащил револьвер.

Отступив назад, Эрик ударил ногой по створке. Раз, другой. Она распахнулась, полицейский ворвался вовнутрь и тотчас отпрянул в сторону, как учили.

Квартира была однокомнатная. На кровати что-то лежало. Позднее Ларсен вспоминал, что в то мгновение он так и подумал — «что-то». Оно так мало походило на девчонку двадцати лет…

Постель и пол оказались залиты кровью. В комнате пахло дорогими духами и чем-то сладковато-кислым.

Девушка была голая. Эрик увидел тщательно разложенные по подушке длинные волосы (некоторые пряди, правда, слиплись). Одну грудь жертвы отрезали, из колотых ран еще сочилась кровь. Кто-то кровью же нарисовал стрелку, тянущуюся к темным завиткам на лобке. Ноги покрывала запекшаяся красная корка.

Ларсен согнулся пополам, задыхаясь. Он попытался справиться с собой. Гаррис шагнул вперед, посмотрел на кровать и быстро отвел взгляд. Изучил комнату и, никого не обнаружив, двинулся к двери, идущей в ванную. За его спиной заскрипела и распахнулась настежь створка шкафа: оттуда выскочил мужчина. Он ринулся к выходу. Проскочив мимо Джо Гарриса, он бросился прямо к визжащей девушке, которая вызывала полицию.

Эрик сделал глубокий вдох, совладал с собой и побежал ему наперерез. В руке мужчины блеснуло окровавленное лезвие. Нож. Противник замахнулся на полицейского. Ларсен прицелился мужчине в грудь. Палец на спусковом крючке напрягся.

Преступник поднял руки вверх. Нож упал на пол. Мужчина рухнул на колени. Он по-прежнему молчал.

Эрик продолжал держать его на мушке. Палец на спусковом крючке одеревенел. «Еще чуть-чуть и… Нет! Я коп, а не судья и не присяжный».

Молодой мужчина умоляюще тянул руки вверх, будто молился. Ларсен подвинулся ближе и увидел его глаза — в них не было ни ужаса, ни даже ненависти. На лице убийцы застыло странное

выражение: смесь покорности и удовлетворения. И оно не изменилось, когда он посмотрел за спину Ларсена — на мертвую Колин.

В конце концов прибыли сыщики и коронер.

— Доставьте его в тюрьму живым! — Голос звучал почти истерически: он принадлежал адвокату, живущему в кондоминиуме.

Эрик и Ларсен опять переглянулись.

Адвокат явился, когда копы еще допрашивали задержанного, и сразу же заявил, что полиция не имеет права арестовывать мужчину. Потом посоветовал парню не отвечать на вопросы. Тот рассмеялся.

Ларсен и Гаррис отвели молодого мужчину к патрульному автомобилю и втолкнули внутрь. Завтра его переправят в Лос-Анджелес, в окружную тюрьму.

Он упорно молчал. Но в его бумажнике обнаружилось удостоверение на имя Фреда Лорена. По рации подтвердили: некто Лорен есть в картотеке. За ним числилось три преступления на сексуальной почве, два — с применением насилия. Освобожден под надзор, потом — снова, в третий раз отпущен на поруки после лечения в психиатрической клинике.

Когда они приехали в участок, Эрик грубо вы-

волок парня наружу.

— Больно, — сказал тот.

— Да, сукин ты сын. — Гаррис пододвинулся к Фреду.

Рука копа внезапно дернулась, локоть вонзился в солнечное сплетение арестованного. Джо нанес еще один удар.

— Что бы с тобой ни случилось, тебе не будет так больно, как было… — проговорил Гаррис и резко умолк.

— Эй. — Ларсен втиснулся между напарником и задержанным. — Не марайся.

— Я подам на вас жалобу! — завизжал Лорен. И захихикал. — Нет. Что толку? Нет.

— Сейчас он испуган, — произнес Эрик. — Когда мы его арестовывали, он не боялся.

Но он понимал, что и сейчас Лорену все равно: стоило Гаррису отойти на шаг, и страх исчез, снова уступив место смирению. Они повели убийцу в здание участка.

— Объясни мне кое-что, — сказал Ларсен. — Думаешь, судья снова выпустит тебя под надзор? И ты через неделю очутишься на улице?

Фред заулыбался:

— Через неделю тут вообще ничего не останется!

— Ужас Молота, — пробормотал Эрик.

Ему были знакомы подобные случаи. Почему бы не совершить напоследок преступление? Ведь близится апокалипсис! Газеты пестрели жуткими заголовками, но у них до сегодняшнего момента ничего не случалось.

— Жду не дождусь, когда проклятая комета уберется куда подальше, — произнес Гаррис.

Но ни словом не обмолвился о трупе на кровати. Нужно либо принимать подобные вещи спокойно, либо уходить из полиции — выбирайте.

— Похоже, нам предстоит нелегкая ночка, — заметил Ларсен.

— Ага, и еще утреннее дежурство завтра. — Джон взглянул на зарево, сияющее на небе. — Пусть валит отсюда к чертям.

Лагерь разбили возле источников Сода-Спрингс. Отличное местечко для привала, сейчас — странно малолюдное. Вэнс ожидал, что встретит не меньше дюжины других скаутских групп. Но нет, здесь были только сам Гордон и шесть пришедших с ним мальчишек.

«Ужас Молота, — подумал он, — никто не хочет оказаться вдали от дорог, от цивилизации».

Подростки с облегчением сбросили наземь рюкзаки и помчались к родникам. Источников

оказалось два — один с горной водой, холодной и чистой, в другом журчало нечто ржавого цвета и с отвратительным привкусом (хотя мальчишки утверждали, что «такой напиток» как раз по душе). Природа газировала эту воду, и парни сделали из нее «лимонад», наполнив свои фляжки.

Гордон не потрудился напомнить им, что чересчур увлекаться такими экспериментами не стоит. Никто в здешних краях этой водой не злоупотреблял.

Ужин приготовили на походных примусах. Меню (с разрешения Вэнса) составил Энди Рэндолл. Ему следовало привыкать к руководству группой. Очень скоро…

— Но мой учитель сказал, что это — не исключено, — заявил один из мальчиков помладше.

— Чудак! — не соглашался Энди. — Мой папа тысячу раз бывал в ЛРД, и там компьютер высчитал, что ничего не будет. Кроме того, мистер Хамнер сказал мне…

— Ты с ним знаком? — спросил юный скаут.

— Конечно.

— Именно он и открыл Молот! — воскликнул он, и все непроизвольно взглянули туда, где в вечернем небе расплывалось громадное светящееся пятно. — Уже совсем близко, — добавил

мальчик.

Наконец ночь сменила долгие горные сумерки. Затеплились звезды. Наверху яростно пылал Молот — пока не ушел за Сьерру.

Гордон загнал ребят в спальники. А им хотелось смотреть вверх — там ярко полыхали зарницы, сквозь зеленые и красные неровные полосы просвечивали созвездия.

Вэнс залез в свой мешок. Как обычно, он моментально отключился, заранее приказав себе через пару часов проснуться, чтобы проверить лагерь и убедиться, что с мальчиками все в порядке.

«Я — совестливый ублюдок», — подумал он. Смешная мысль, но ему было не до шуток.

В полночь он очнулся — и уснуть в ту ночь ему уже не довелось.

Небо неистовствовало. Над головой, словно черную воду, пронизывали стремительные струи светящегося молока. Звезды мигали, глядя на Землю сквозь хвост кометы Хамнера — Брауна, от горизонта до горизонта полыхали цветные зарницы. Где-то вдалеке мелькали ослепительные вспышки, слышались раскаты грома. Горди сделал обход словно бы в трансе.

Энди бодрствовал. Он решил не ставить палатку, хотя в июне в Сьерре часто идут дожди.

Подсунув под голову рюкзак и подложив длинные руки под шею, парень лежал под открытым небом.

— Красотища, — прошептал он.

— Да, — согласился Гордон, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и бодро. Когда Энди позже будут расспрашивать, он ответит, что не заметил у Вэнса никаких признаков подавленности. — Надо поспать, — добавил он. — Переход нам завтра предстоит небольшой, но дорога местами будет нелегкой.

— Знаю.

— Ладно, — произнес Горди.

Он поднялся вверх по склону, чтобы оказаться в одиночестве, и повалился в высокую траву.

«Завтра все это перестанет иметь значение, — подумал он, — зачем мне спать?»

Он тщательно выбрал утес. Роковое падение… оно должно стать таковым, непременно. Если он правильно рассчитал, то покалечится, но останется жить, а мальчики будут в истерике — и спасательная команда увезет его в стационар. Когда банковские аудиторы обнаружат недостачу, он будет валяться на больничной койке. Вероятно, покалеченный навсегда. Не в состоянии даже сбежать.

Не то чтобы он собирался удрать. У него была такая возможность, да что толку? Никакого. Куда бы он подался? Деньги исчезли, а изгнанному из Штатов человеку без них — кранты. Кроме того, дети должны расти на родине. Горди взглянул туда, где свернулся в спальнике его двенадцатилетний сын. Берту придется нелегко, но ничего не поделаешь.

Странное дело с этим утесом. Вэнс прекрасно его помнил. Тропа там не столь узкая, но край осыпался, и если оказаться слишком близко от него… Он заметил это пару лет назад, когда шел по тропе. Но тогда он размышлял совсем о другом.

«Не хочу, чтобы Берт видел».

В небе колыхалась алая бархатная завеса.

«Великолепное шоу в мою последнюю ночь», — пронеслось у Гордона в голове. Он старался глядеть на небо, но видел только утес.

Одно мгновение. Точное — и вроде бы неосторожное движение, и он окажется на дне пропасти со сломанной шеей — в лучшем случае. Неподалеку есть тропинка вниз, по ней идти легко даже детям. Энди присмотрит за тем, чтобы они благополучно спустились. Потом парень возьмет руководство на себя. Он справится. Вэнс брал с собой сына Харви на протяжении двух лет. «Не

для этого, конечно… ладно, на тот случай, если и впрямь что-то случится. Странно, как все обернулось».

Над утесами взошел месяц. В его свете померкла часть звезд, примешав свой свет к жутковатому разноцветному сиянию. Гордону почудилось, что он видит, как хвост кометы сотрясают ударные волны… хотя, пожалуй, то было просто игрой воображения. Зато астронавты, наверное, видят всякие волны. Интересно, каково это — находиться в космосе? Когда-то Вэнс был пилотом — недолгое время, пока за неуспеваемость его не выгнали из летной школы, где готовили штурманов для военно-воздушных сил.

«Лучше бы я там удержался. Но пришлось стать банкиром. Как жаль, что я испорчу мальчикам поход. Но выбора нет. Никакого, а несчастный случай сразу решит проблемы. Страховка — полмиллиона, ее хватит, чтобы покрыть банковские недостачи, да и Мари с Бертом останется немало. Предположим, триста тысяч под семь процентов годовых. Не баснословные богатства, но, безусловно, лучше, чем если бы кормилец семьи сидел за решеткой, а они бы жили впроголодь».

К рассвету неистово сверкающее небо засветилось еще яростнее. В нем появилось яркое пятно.

Может, появилась и голова кометы, хотя определить это было трудно, глядя через тоннель света — хвост. Холодный свет и зыбкие тени, цветные зарницы, видные даже днем. Затем землю залил огонь зари, но ее свет оказался необычным. Колдовским.

Гордон поежился.

Он вернулся обратно и залез в спальник. Дремать нельзя. Осталось — всего ничего. Рядом стоял маленький примус, канистра с горючим и кастрюля с водой. Высунув руку, Вэнс накачал примус, не вылезая из своего «убежища». Его страсть завтракать в мешке служила предметом шуток для всех, кому приходилось бывать с ним в походах. В действительности есть ему не хотелось, но было бы опасно менять сложившийся порядок. Он взял кастрюльку с водой, поставил кипятить. Приготовил горячий шоколад. Напиток оказался неожиданно вкусным, и тогда настала очередь овсянки, а затем и кружки чая по-шерпски — крепкого, с тростниковым сахаром и изрядным комком масла…

Один за другим мальчишки просыпались. Гордон фыркнул, услышав, как Энди говорил Берту:

— Ты проспал все это?!

Надо обойтись без лагерного костра. Нет дров.

С каждым годом все меньше мест, где его можно разжечь по-настоящему. Мало кто из ребят теперь знает, как приготовить пищу на открытом огне. Худо, если они окажутся здесь одни… но в наши дни такого не бывает. Сейчас, если человек потерялся, нужно расчистить площадку пятьдесят футов в диаметре и в ее центре зажечь спичку. Потом обязательно появится потревоженный ее светом патруль пожарной охраны, чтобы вручить злоумышленнику повестку в суд. Больше нигде не найдешь чащу, как во времена моего детства.

«Надо бы отдохнуть, — решил Гордон, — мысли путаются. Впрочем, неважно. Уже скоро. Пожалуй, выпью еще чашку шоколада».

Он поставил кипятиться воду.

— Вставайте, парни! — крикнул он. — Пора собираться. Складывайте мешки и зашнуруйте ботинки. Через пять минут выходим.

Ядро омывает сияющий кокон. Оболочка и хвост, растянувшиеся на громадном пространстве, ловят свет Солнца и отражают его — частично на Землю, отчасти в космос и на само ядро.

Комета таяла. Взрывы, извержения разрывали ее голову на гигантские глыбы, каждая — раз-

мером с гору. Летучие химические соединения, вскипая, тысячами тонн уносились в безвоздушное пространство. Постепенно осколки покрылись коркой грязного льда, из которой почти полностью испарился водяной лед. Но затем испарение последнего замедлилось. Иным кометам удавалось выжить, пролетев громадный водоворот. Они потеряли значительную часть своей массы — она перешла в хвост. Но большая часть оболочки могла смерзнуться заново, каменные глыбины — снова накрепко соединиться. Кристаллы странных, неизвестных на Земле льдов могли наслоиться на растущее тело кометы во тьме и холоде за многие миллионы лет... Если бы она вернулась в гало.

Но нечто преградило ей путь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
МОЛОТ

И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь; И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

Откровение святого Иоанна Богослова (6: 12–13)

Утро Падения Молота

Существует такое место, где в небе светят четыре солнца – красное, белое, голубое и желтое. Два из них расположены в таком близком соседстве, что соприкасаются, и звездное вещество перетекает от одного к другому.
Я знаю мир миллиона лун.
Я знаю солнце размером с Землю – алмазное.

Карл Саган. Космическая связь

Рик проснулся. Рассвет был прекрасен. По руке полз прямоугольник жаркого солнечного света. На борту «Молотлэба» каждые полтора часа наступало замечательное утро, чему Деланти не уставал радоваться.

Через переходной шлюз астронавт вылез из «Аполлона».

У тех иллюминаторов, что побольше, тесно выстроились — не протиснешься — телескопы, съемочные камеры и прочее оборудование. Чтобы хоть что-то увидеть, приходилось тянуть шею, придерживаясь за скобы, укрепленные на высту-

пах, или выплывать на свободное пространство.

Бейкер и Малик вводили данные в бортовой компьютер. Леонилла подняла взгляд.

— Привет, Рик, — произнесла она и отвернулась слишком быстро, чтобы заметить его мимолетную ухмылку.

Пора было браться за работу, но Деланти пока еще отчасти оставался «туристом», и его рвение сосредоточивалось в желании увидеть комету. Он подыскал свободный телескоп. Оптика оказалась снабжена противосолнечной защитой, поэтому Рик мог наблюдать комету, не рискуя ослепнуть.

Зрелище смахивало на солнечную вспышку, условно нарисованную акрилом, и немного напоминало психоделические ощущения — будто проваливаешься в пропасть. Ярко окрашенные струи хвоста плавно колыхались, плыли в пространстве — что-то похожее иногда видишь во время лунного затмения. А в середине этого чудаюда угадывался намек на зернистость.

— Принято, Хьюстон. Мы регистрируем боковое смещение относительно «Молотлэба». Данные будут переданы вам, — забубнил Джонни. — До сих пор есть некоторая активность, но она затухает с тех самых пор, как Молот обогнул Солнце. Во время прошлой вахты мы зафиксировали только

один выброс. Не такой чудовищный, как вчера.

— «Молотлэб», похоже, что в данных, характеризующих допплерово смещение, какая-то путаница. ЛРД просит, чтобы вы провели визуальное наблюдение за самым крупным обломком, какой сумеете обнаружить. Сможете?

— Попытаемся, Хьюстон.

— Это сделаю я, Джонни, — заявил Рик. Он увеличил разрешение телескопа и начал всматриваться во тьму. — Леонилла, вы мне не поможете? Синхронизируйте выход с телеметрией…

— Хорошо, — откликнулась Малик.

— Замер. Двигаюсь дальше. Замер. Еще раз…

Бейкер продолжал докладывать:

— Хьюстон! Ядро большущее, оболочка громадная. Я рассчитал угловой диаметр, получилось сто сорок тысяч километров. Величиной с Юпитер. Она проглотит Землю и не заметит!

— Не говорите глупости! — каркнул знакомый голос. — Сила тяжести… разорвет ее на куски… — И связь оборвалась.

— Хьюстон, мы не слышим вас, — произнес Джонни.

— Это не Хьюстон, а док из ЛРД, — не отрываясь от телескопа, подсказал Рик. — Замер…

— Он общается с нами через Хьюстон. Прокля-

тие. Вещество кометы творит черт знает что с ионосферой. Пока Молот не проплывет мимо нас, у нас будут проблемы со связью. Лучше все записывать — на случай непрохождения радиоволн.

— Ладно, — согласился Деланти.

Сейчас перед ним простиралось ядро Хамнера — Брауна. Было непросто удержать «крест наводки» точно по центру выбранного им обломка. Изображение оказалось недостаточно контрастным, чтобы задействовать систему автоматического слежения, и теперь астронавт полагался только на собственный глазомер. Деланти ухмыльнулся. Очередной сюрприз!

— Замер…

Лениво перемещающиеся россыпи густой светящейся пыли, горсть обломков — прямо летящие горы! И множество осколков поменьше. Все это беспорядочно движется по случайным траекториям, отзываясь на световое давление и непрерывную химическую активность. Вот он, первичный хаос! У Рика аж слюнки потекли, так ему захотелось повести туда корабль, приземлиться где-нибудь и выйти прогуляться. С трудом верилось, что массив кометы мчится со скоростью пятьдесят миль в секунду. Лишь спустя десятилетия НАСА научится проектировать

пилотируемые ракеты, пригодные для такого маневра. Если вообще научатся их строить. А Деланти будет уже старым и дряхлым…

«Но и нынешний полет для меня наверняка не последний. Скоро будет готов к взлету «Шаттл», если только твари из Конгресса не пустят деньги на привилегии для своих избирательных округов».

Петр Яков работал со спектроскопом.

— Кстати, нам прислали безумно плотное расписание, — произнес космонавт. — Насколько я понимаю, окончательная проверка приборов внешнего наблюдения опциональна. Итак, осталось два часа.

— Сумасшедший русский. Нет, обойдемся без выхода в космос. На такой скорости снежок не пробьет борт «Молотлэба», но проделает в вашем скафандре дыру размером с кулак. — Бейкер нахмурился, разглядывая распечатки. — Рик, здесь у меня самые свежие результаты. Какой объект ты выбрал?

— Большущую гору, — ответил Деланти. — Около центра ядра — как нас просили. А что?

— Ничего. — Напарник включил микрофон. — Хьюстон! Вы получили данные оптического наблюдения?

— ...виу-у... нет, «Молотлэб», передавайте снова...

— Что случилось, Джонни? — спросил Рик.

— У Хьюстона и ЛРД расстояние расхождения составляет девять тысяч километров, — задумчиво пробормотал Джонни. — У меня — нет. Я ввел твои данные в бортовой компьютер, и у меня получилась лишь четверть их расстояния. У них там более мощные вычислительные системы, но у нас сведения точнее.

— Слушай, две тысячи километров — это две тысячи километров, — неуверенно возразил Деланти.

— Жаль, отказала главная допплеровская антенна, — посетовал Бейкер.

— Я выйду и налажу ее, — предложил Яков.

— Нет. — Голос Джонни прозвучал резко, по-командирски. — У нас еще нет потерь, зачем начинать этот отсчет?

— А разве мы не должны запросить наземный контроль? — осведомилась Леонилла.

— Право решать предоставлено мне, — отрезал Бейкер.

Петр промолчал. Рик вспомнил, что у русских уже были потери в космосе. Три космонавта погибли при возвращении на Землю, о чем сразу

же раструбили в прессе. А сколько жертв было на самом деле, знали только по слухам и из рассказов, какие ведутся ночью под водку. Деланти подумалось (и не в первый раз), не слишком ли осторожничает НАСА.

«Чуть меньше заботы о безопасности астронавтов, и Соединенные Штаты чуть раньше добрались бы до Луны. Мы бы гораздо больше исследовали и, да, гордились бы своими мучениками.

Спутник Земли слишком дорого обошелся нам, если, конечно, мерить деньгами, а если жизнями, — чересчур дешево, чтобы набрать необходимую популярность. Когда «Аполлон-11» долетел до Луны, люди даже не проявили к событию особого интереса. Рутина!

Возможно, мы должны сделать фото Джонни Бейкера, выползающего на сломанное крыло «Скайлэба». Снимок Человека (с большой буквы), который оказался в чужой, враждебной среде, рискуя принять там одинокую смерть (а иной в космосе и быть не может). Вот что дало бы программе космических исследований почти столь же сильный толчок, что и гигантский прыжок Нила Армстронга».

Послышался звуковой сигнал. Он повторился.

На панели управления предостерегающе вспыхнули яркие тревожные огни.

Деланти быстро подплыл к ближайшему ящику, окрашенному в красный цвет. Двойники этого квадратного ящика были размещены на «Молотлэбе» везде. Открыв его, Рик вытащил несколько плоских металлических пластин с замазкой на одной стороне, а потом и крупные пластины похожего на резину пластыря. И взглянул на Бейкера, ожидая указаний.

— Борт не пробило, — проговорил Джонни. — Нас продраило песком. — Он наморщил лоб, уставившись на приборную панель. — Значительная часть солнечных батарей уничтожена. Петр, закройте объективы всех приборов оптического наблюдения. Побережем их для близкой дистанции.

— Есть, — последовал ответ.

Деланти стоял наготове с «противометеоритным пластырем» — на всякий случай.

— Все зависит от того, насколько велико ядро, — крикнул с дальнего конца кабины Петр Яков. — И нам еще нужно точно оценить, какую площадь занимает твердое вещество. Думаю, существует высокая вероятность того, что на Землю — и на нас самих — обрушится дождь из

гравия, а то и чего-нибудь похуже.

— Так я и думал, — сказал Бейкер. — Мы искали боковое смещение. И мы его обнаружили — не достаточно ли этого? Не стоит ли прервать полет?

На мгновение воцарилась тишина.

— Не надо, — произнесла Леонилла.

— Полностью поддерживаю, — добавил Рик. — Разве кто-то из присутствующих этого хочет.

— Только не я, — откликнулся Яков.

— Единогласно. Но вряд ли такое голосование можно назвать свободным выбором, — проворчал Бейкер. — Мы потратим много энергии. Скоро здесь будет жарко.

— Мы оставались на «Скайлэбе», пока не отремонтировали крыло, — заметил Деланти. — Если мы смогли решиться на такое тогда, то сможем и сейчас. Мы справимся.

— Верно, — кивнул астронавт. — «Пластырь» никуда не прячь.

— Есть, сэр.

Через несколько минут ядро кометы Хамнера — Брауна закрыло Землю. Показалась Луна, опутанная призрачной сетью ударных волн. Леонилла приступила к раздаче завтрака.

Утро Рэндолл встретил в шезлонге на лужайке. Перед ним стоял столик для сигарет и кофе, а

рядом второй — для переносного телевизора. Рассвет смыл с неба «зрелище-какое-можно-увидеть-лишь-раз-в-жизни». Харви был слегка подавлен, чуточку пьян и не готов начать трудовой день. В таком состоянии и обнаружила его Лоретта двумя часами позднее.

— Я ходил на работу и в худшем виде, — промямлил Рэндолл. — Оно того стоило.

— Я рада. Ты уверен, что сможешь вести машину?

— А как же иначе?

То был их давний спор.

— Где ты собираешься быть сегодня?

Он не заметил беспокойства в голосе жены.

— Я потратил кучу времени, пытаясь ответить на данный вопрос. Если честно, мне хочется быть во многих местах одновременно. Но в ЛРД засела дежурная бригада из научной редакции, и в Хьюстоне тоже трудятся ребята что надо. Наверное, я начну с мэрии. «Бентли Аллен и его команда, сохраняя спокойствие, заняты делами городского благоустройства, а половина населения Лос-Анджелеса бежит в горы».

— Но это же в самом центре.

Только теперь Харви расслышал тревожные нотки в ее голосе.

— Ну и что?

— А если произойдет столкновение? Ты будешь за много миль от дома. Как ты вернешься?

— Милая, ничего вообще не случится.

— Ты заполнил бассейн водой, накрыл его пленкой и не разрешил мне вчера купаться! — воскликнула она. — Ты насушил мяса на две сотни долларов, услал нашего мальчика в горы, ты забил гараж бутылками с дорогим спиртным, ты…

— Лоретта…

— …а мы ничего такого не пьем, и никто не станет есть такое мясо, если не будем умирать с голоду! Значит, ты считаешь, что она в нас врежется! Да?!

— Нет. Дорогая, крошечный шанс на тысячу, что…

— Харви, пожалуйста. Останься сегодня дома. Умоляю тебя. Я никогда не устраивала сцен из-за того, что ты вечно где-то пропадаешь. Я не жаловалась, когда ты добровольно отправился во Вьетнам повторно. Я не ныла, когда ты уехал в Перу. Я не рыдала, когда ты на три лишние недели остался на Аляске. Я никогда не заводила разговоров о том, что практически одна воспитываю нашего сына, который умнее меня и видит

своего отца реже, чем Ральф Гаррис — своего. Я знаю, что твоя работа значит для тебя больше, чем я, но, неужели я для тебя — пустое место?

— Что ты говоришь? — Рэндолл притянул жену к себе и обнял ее. — Господи, что ты насочиняла? Работа значит для меня никак не больше, чем ты, Лоретта.

«Просто это лишние баксы, — мысленно добавил он. — А они как раз нужны тебе».

— И ты останешься?

— Прости, не могу, Лоретта. Документалки получились отличные. Потрясающие. Вероятно, я даже получу предложение от Эй-би-си. Им очень скоро понадобится новый редактор научно-популярных фильмов, и у нас будут реальные деньги. И у меня появляется настоящий шанс написать книгу…

— Ты не спал целую ночь! Ты сейчас — не в том состоянии, чтобы куда-то ехать. Я боюсь!

— О-хо-хо! — Он прижал ее к себе и крепко поцеловал.

«Сам виноват, — сказал он себе, — разве она могла не испугаться, когда я накупил такого? Но нельзя же мне пропустить День Молота».

— Послушай. В мэрию я пошлю кого-нибудь другого.

— Вот и хорошо!

— И встречусь с Чарли и Мануэлем в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса.

— Но почему ты не можешь побыть со мной?

— Я должен хоть что-то делать. Есть мужская гордость, в конце концов. Как я скажу людям, что отсиживался дома в подвале, если внушал всем и каждому, что опасности в принципе нет? Я возьму пару-тройку интервью, пообщаюсь с губернатором — он сейчас в городе, в «Кантри-клубе», изучает вопросы благотворительности. Я заскочу туда сразу после того, как комета начнет удаляться. И буду крутиться в каких-нибудь десяти-пятнадцати минутах езды до нашего дома. Если что-то и произойдет, я мигом окажусь здесь.

— Ладно. Но ты еще не завтракал. День будет холодный. Я приготовила твой термос и отнесла пива во внедорожник.

Он наспех перекусил. Лоретта сидела и неотрывно смотрела на Харви. Она не съела ни кусочка. Когда он шутил, она с натяжкой смеялась, а напоследок велела мужу быть осторожным: съезжать-то ведь машина будет с холма.

Связь не улучшалась. В основном сообщения приходилось записывать. Их непосредственные

наблюдения приобрели огромную важность, поскольку приборы оказались практически бесполезными: слишком часто их «драило» пылью. Главный телескоп, который можно было подключать к цветному телевизору, они всячески берегли — они писали не только аудио, но и видео — и упорно пытались передать данные на Землю.

— Мощность солнечного излучения упала приблизительно на двадцать пять процентов, — доложил Деланти.

— Береги батареи, — приказал Бейкер.

— Есть.

В корабле становилось жарко, однако они экономили и не тратили энергию, которая еще могла пригодиться для аппаратуры.

Малик что-то затараторила по-русски в микрофон. Яков возился с приемником, пытаясь получить ответ с Байконура. Ничего не выходило. Леонилла продолжала вести запись. Она приняла неудобную позу и то и дело поворачивалась, чтобы следить за иллюминатором, не теряя из вида панели управления. Рик попытался понять, что она надиктовывает, но в ее речи звучало слишком много незнакомых слов. «Романтика одолевает, — решил Деланти, — и она изливает

свое настроение в стихах. А почему нет? Как еще способен описать свои чувства человек, оказавшийся внутри кометы?»

Сейчас о траектории полета Молота они знали еще меньше, чем Хьюстон. Согласно последнему принятому сообщению, Земля и небесное тело должны были разойтись на расстоянии в тысячу километров. Рик, правда, сомневался в правильности данной оценки. Что, если расчет основывался исключительно на его визуальных наблюдениях… Если так, это означает, что на таком расстоянии пройдет только «гора», которую он видел, а ведь облако твердых обломков огромно… Хотя — *не настолько*. Наверняка.

— Похоже, мы сейчас засели в ее оболочку, — заговорила Леонилла гораздо медленнее. — Химическая активность давно прекратилась. Но мы видим тень Земли, она похожа на туннель, проходящий сквозь хвост кометы.

Рик разобрал последнюю фразу Малик. «Славно, — подумал он, — если появится хоть малейшая возможность прямой связи с Землей, я тоже ее использую».

И они продолжали работу. Деланти бешено снимал ручной кинокамерой, с молниеносной быстротой меняя объективы и пленку. Он наде-

ялся, что автоматический режим не подведет, и заставлял себя делать разные планы со всевозможными диафрагмами и выдержками — просто на всякий случай.

Корабельные часы неумолимо отсчитывали секунды.

Через длиннофокусный объектив, приставленный к иллюминатору, открывался фантастический вид. Рик невольно залюбовался глыбинами-горами, обломками меньшего размера и мириадами крошечных блестящих точек, окруженных жемчужной дымкой. За спиной астронавта прозвучал голос Бейкера:

— Как выстрел дробью по утке.

— Здорово сказано, — ответил Рик.

— М-да. Надеюсь, что не слишком точно.

— Сигналы с радара не поступают, — сказал Петр Яков.

— Ясно. Оставьте его и ведите визуальное наблюдение, — произнес Джонни. — Хьюстон, вы получаете что-нибудь от нас по телеканалу?

— …да, «Молотлэб»… ЛРД… Шарпс в восторге… повысьте мощность передачи…

— Так и сделаю, только попозже, — проговорил Бейкер. Он не представлял, слышат ли его на Земле. — Мы вынуждены беречь батареи. —

Астронавт взглянул на часы. Через десять минут твердые составляющие ядра кометы максимально приблизятся к лаборатории. А через двадцать уже начнут удаляться. Ну, через полчаса. — Я увеличу мощность передатчика через пять минут. Повторяю: увеличу мощность до полной — через пять минут.

ЛЯЗГ!

— Что там, мать его? — крикнул Бейкер.

— Давление не изменилось, — отозвался Яков. — Во всех трех кабинах давление прежнее.

— Хорошо, — пробормотал Рик себе под нос.

Они перекрыли воздушный шлюз между «Аполлоном» и «Союзом» — оправданная мера предосторожности. Деланти еще держал наготове «противометеоритное средство». «Молотлэб» был далеко не самой маленькой мишенью.

«А как инженеры определяют размер «пластыря»? — удивлялся Рик. — Они рассчитывают максимальный размер дыры, которую еще имеет смысл заделывать? Ведь здоровенная пробоина прикончит экипаж корабля… Да пошло оно все!»

И он опять занялся фотографированием. Теперь Деланти глазел сквозь кэноновские объективы на галактику, состоящую из пенящегося льда, — и на чудовищный, расползающийся как при замед-

ленной съемке, заряд «дроби». Он летел прямо на них, рассеивался, *обволакивая* лабораторию. Никакого бокового смещения.

— Господи, Джонни, она приближается!

— Яков, расчехляй главный телескоп. Приготовиться. Начнем передачу… Хьюстон, визуальные наблюдения показывают, что внешний край ядра заденет Землю. Повторяю, Землю заденет внешний край ядра. Определить размер обломков, которые могут столкнуться с Землей, не можем.

— Убедитесь, что Земля точно получит сообщение, — встрепенулась Леонилла. — Петр, Москва тоже должна получить сведения. — Она говорила настойчиво, в ее голосе звучал страх.

— Что там? — спросил Деланти.

— Комета движется восточнее Земли, — объяснила Малик. — Наибольшая опасность угрожает Штатам, но часть обломков пролетит около Советского Союза. Весьма велика вероятность намеренно неверного истолкования этого факта. Какой-нибудь фанатик…

— Зачем вы так говорите? — резко бросил Петр.

— Вы сами знаете, что это правда! — крикнула женщина. — Я имею в виду психов, убивших моего отца за то, что великий Сталин оказался

вовсе не бессмертным! Не притворяйтесь, будто верите, что их не существует!

— Чепуха! — фыркнул космонавт, однако подплыл к передатчику.

Рику показалось, что голос Якова звучит весьма напористо.

Падение Молота: 1

В 1968 году, когда астероид Икар близко подошел к Земле, в обществе возник пусть и небольшой, но несомненный страх светопреставления. Еще раньше получили распространение слухи, что начиная с 1968 года мир начнут сотрясать многочисленные катаклизмы. Когда новость о том, что Икар приближается к Земле и что момент наибольшего сближения придется на 15 июня 1968 года, получила огласку, она каким-то образом переплелась с другими слухами о конце света. В Калифорнии группы хиппи бежали в горы Колорадо, утверждая, что там у них остается шанс выжить, ибо астероид столкнется с Землей и Западное побережье уйдет под воду.

Даниэль Коэн.
Каким окажется конец света

— О, народ мой! Услышь слова Матфея! Разве не предвещал он, что Солнце померкнет, и Луна не даст света своего, и звезды спадут с неба? Так

разве не настал час сей?!

Покайся, народ мой! Покайся и бди, ибо комета Божья, Молот, опустится на нашу грешную Землю. Услышь слова пророка Михея: «Ибо вот, Господь исходит от места Своего, низойдет и наступит на высоты земли, — и горы растают под Ним, долины распадутся, как воск от огня, как воды, льющиеся с крутизны».

Ибо он грядет! Грядет, чтобы судить Землю, творить справедливый суд над миром и над народами по правде своей!

— Вы прослушали проповедь преподобного Генри Армитеджа в передаче «Близится час». Эта и другие выпуски повторно транслируются на нашей радиостанции и выходят в эфир благодаря вашим пожертвованиям. Мы молим Господа благословить всех людей, проявивших щедрость и великодушие.

Более никаких взносов делать не нужно. Час близится. Он почти настал.

День выдался ясный и безоблачный. Дул свежий океанский бриз. Лос-Анджелес очистился от смога и был прекрасен.

«Проклятие», — подумал Хамнер.

Он столкнулся с серьезной проблемой. Наблюдать ночное небо надо в горах, и потому Тим

практически переехал в свою обсерваторию, но наилучший вид на комету Хамнера — Брауна, максимально близкий, открывался как раз из космоса. А поскольку заделаться астронавтом Тим не мог, он остановился на наиболее приемлемом варианте, а именно, на экране цветного телевизора. Убедить Чарли Шарпса пригласить его в ЛРД оказалось совсем не сложно.

Он должен явиться в лабораторию к половине десятого, но до самого рассвета любовался безоблачным небом, пересеченным яркими бархатными полосами. Потом он растянулся на кушетке — нарочно не на кровати, — но ведь десять минут отдыха не повредят…

Разумеется, он проспал. В голове гудело, глаза слипались, а Тим отчаянно гнал свой автомобиль по шоссе Вентура к Пасадине. Несмотря на то что выехал он поздно, Хамнер надеялся успеть вовремя. Шоссе почти пустовало.

— Дурачье, — пробормотал он.

Ужас Молота. Тысячи горожан удрали в горы. Харви сказал ему, что несколько дней назад трафик был точно таким же — и был прав. Автомобилей очень мало — ибо, по блестящему выражению Марка Ческу, настал День Порции Мороженого (которое врежется в Землю в бли-

жайший вторник).

Впереди вспыхнул красный, а затем — уже целая цепочка красных огней. Движение замедлилось. Хамнер выругался. Поле зрения заслонял едущий грузовик, и Тим не мог разглядеть, что стряслось. Он свернул на крайнюю правую полосу, обойдя симпатичную старушку в зеленом «форде». Та яростно обложила Тима, когда он ее подрезал.

— Дура, — пробормотал он. Но что случилось впереди? Все, похоже, полностью застопорилось. Он увидел пробку. Огромную. Где она кончалась, не видать.

«Может, она до развязки Голден-Стейт», — подумал он.

Ну уж нет. Тим оглянулся через плечо. Патрульных не было. Плюнув на условности, он вильнул в сторону и покатил по обочине мимо сигналящих автомобилей.

Наконец он выехал к съезду.

Справа оказалось знаменитое кладбище Форест-Лон. Не первоначальное, воспетое в песнях, но та его часть, которая расположилась на Голливудских холмах. Машин здесь скопилось великое множество. Тим повернул налево и покатил по шоссе. На его лице застыла мрачная маска

беспокойства и злобы. Плохо, что День Порции Мороженого он проводит не в своей обсерватории, но такое! Он едет по прекрасному центру Бербанка, а его комета приближается к перигею.

— Так нечестно! — взвыл Хамнер в полный голос.

Пешеходы оглянулись на него, отвели глаза, но Тима это не волновало.

— Нечестно!

Воздух был наэлектризован предчувствием бури, опасности. Эйлин Хэнкок почудилось, как чьи-то призрачные пальцы ерошат ей волосы на затылке. Пока она ехала на работу, заметила: признаки всеобщего ожидания беды видны отчетливее, чем раньше. Машин на улицах мало, да и водители словно забыли правила. Они неправильно обгоняли, подрезали, реагировали на изменение обстановки слишком медленно или, наоборот, поспешно. Было много прицепов, доверху забитых домашними вещами. Эйлин это напомнило о войне: хотя, к примеру, беженцы из стран Азии или Африки никогда не тащили с собой птичьи клетки, матрасы и стереоаппаратуру.

На восточной Вентуре один из прицепов опрокинулся, заблокировав три полосы движения.

Несколько автомобилей ползли мимо по обочине, но остальных обездвижила высыпавшаяся из трейлера на дорогу мебель. Пикап, тянувший прицеп, наискось перегородил скоростную полосу, а в бок ему впечатался «фольксваген».

«Слава богу, что я поехала по Голден-Стейт», — подумала Хэнкок. Ей на миг стало жаль тех, кто сегодня утром пытался попасть в Пасадину, и она прокляла прицеп и его хозяина. Машины часто притормаживали, чтобы поглазеть на очередное зрелище — в итоге, чтобы проехать сто ярдов до ответвления на Бербанк, у нее ушло добрых пять минут. Бешено промчавшись по улицам, Эйлин въехала на автостоянку, на свой участок, где на табличке была обозначена ее фамилия. (Босс, обещавший ей парковочное место, сдержал слово.) Ее охватило облегчение: патрульные куда-то запропастились.

Контора Корригана располагалась возле супермаркета и казалась обманчиво маленькой, поскольку склады размещались в переулке за зданием. Приемная была декорирована голубым нейлоном, коричневой искусственной кожей и хромом, который требовалось полировать. Эйлин верила, что у оптовых покупателей следует создавать впечатление, что они имеют дело с

надежным партнером, способным выполнять взятые обязательства и одновременно обходиться без излишних роскошеств. Нельзя допускать, чтобы у клиента возникло искушение потребовать чрезмерного снижения цен.

Входная дверь была отперта.

— Привет! — воскликнула она. — Кто здесь?

— Я, — из своего кабинета вперевалку вышел Корриган.

Эйлин вдохнула запах кофе. Она давным-давно установила в офисе автоматическую систему «Сайлекс» с таймером, и последнее, что делала по вечерам перед уходом с работы — включала ее. Поэтому утреннее настроение начальника волшебным образом улучшалось; но только не сегодня.

— Почему опоздали? — грозно спросил он.

— Пробка. На восточной Вентуре авария.

— Гм.

— Тоже чувствуете, да? — произнесла она.

Корриган нахмурился, после чего глуповато улыбнулся:

— Да. Наверное. Я боялся, что вы не явитесь. У нас — никого, а на складах — три человека. По радио говорят, что большая часть служащих предпочитают прогуливать работу.

— Но и мы тоже боимся. — Эйлин прошла в свой кабинет.

Стеклянная поверхность письменного стола сияла, как зеркало. Хэнкок положила на стол диктофон, вытащила ключи… но раздумала открывать ящики и вернулась в приемную.

— Сейчас мое рабочее место здесь.

Мужчина пожал плечами и уставился в витринное окно:

— Сегодня все равно никто не придет.

— К десяти должен явиться Сабрини, — возразила Эйлин. — Сорок ванных комнат и кухонь, если мы сможем оформить их так, как он хочет, и за правильные деньги.

Корриган кивнул. Казалось, он не слушает молодую женщину.

— Что это, черт побери? — Он ткнул пальцем в окно.

По улице плелись люди, одетые в белые балахоны. Они распевали что-то религиозное и шли гуськом. Эйлин пригляделась и поняла почему: некоторые из них были скованы общей цепью. Она пожала плечами. В нескольких кварталах от них размещалась студия Диснея, а еще чуть дальше — Эн-би-си. Кинокомпании часто использовали Бербанк как съемочную площадку.

— Вероятно, пробы для «Договоримся». Репетируют. Только и всего.

— Рановато, — пробурчал Корриган.

— Тогда Дисней. Дурацкий способ зарабатывать на жизнь.

— Не вижу парней с кинокамерами, — довольно равнодушно сказал босс. Он понаблюдал еще несколько секунд. — А что говорит ваш богатый приятель? Сегодня, можно сказать, его день.

На мгновение Эйлин почувствовала себя безумно одинокой.

— Давно с ним не виделась.

Она принялась доставать папки с цветными фотографиями и раскладывать так, чтобы каждому стала ясна привлекательность дополнительно устанавливаемого оборудования: именно о такой ванной мечтают наши клиенты.

Трафик на Аламеде был очень оживленным. Тим пытался припомнить, как проехать к руслу высохшей реки к северу от Пасадины. Впереди показались крутые холмы Вердаго, которые перерезали долину Сан-Фернандо и отделяли города в предгорьях от Бербанка. Хамнер знал, что где-то там есть новое шоссе, но не представлял, как его отыскать.

— Проклятие! — заорал он.

Месяцы подготовки и ожидания своей — именно своей! — кометы… она приближалась со скоростью пятьдесят миль в секунду, а он тащится мимо студии Уолта Диснея. Какой-то частью рассудка Тим понимал, что это смешно, но сейчас ему было не до шуток.

«Может, проскочу по Аламеде и Голден-Стейт, — подумал он, — если там нет заторов, я проеду и вернусь на Вентуру. А если пробка…. буду вилять там, где можно, и плевать на штрафы… эй, что там еще?»

Это был не обычный затор на перекрестке, где машины застывают перед зелеными огнями светофоров. Нет, здесь было нечто большее.

Водители старались перехитрить друг друга, чтобы занять свободное место. Автомобили выезжали на тротуары и по ним обгоняли остальных. Но множество машин оказались брошенными: их владельцы вылезали из салонов и шли пешком. Тесная сутолока, суматоха! Следовало вырулить вправо, пока не поздно. Хамнер резко свернул на автостоянку, надеясь, проскользнуть в переулок.

Тупик! Очутившись на обширной стоянке, он обнаружил, что выезд перекрыт громадным грузовиком. Тим злобно дал по тормозам и переключил передачу в режим «паркинг». Медленно

повернул ключ зажигания. А затем треснул кулаком по приборной доске и остервенело выругался, используя выражения, которые не употреблял долгие годы. Выехать обратно было невозможно: дорогу преградило множество машин.

«Плохо», — подумал Хамнер. Он распахнул дверцу и решил идти к Аламеде пешком.

«Магазины, где продают телевизоры, — мелькнула мысль, — если там не смотрят на комету, я просто куплю себе телик».

Аламеда оказалась забита автомобилями. Они стояли бампер к бамперу. Где-то совсем рядом истошно орали: похоже, источник криков был как раз на перекрестке. Ограбление? Убийство? Тим пожал плечами и направился в ту сторону.

Выяснилось, что кричали не от страха, а от ярости. И повсюду кишели полицейские. Там происходило что-то иное. Белые балахоны?

Он протиснулся вперед.

Один из людей в белом направился прямо к нему. Хамнер попытался отойти, но человек сразу же метнулся к нему и преградил Тиму путь.

Назвать его балахон одеждой было трудно. Вероятно, незнакомец завернулся в простыню — под ней виднелась обыкновенная одежда.

Перед Тимом стоял юнец с пушистой бородой.

Он улыбался, но был настойчив.

— Сэр! Молитесь, чтобы спастись от Молота Люцифера! Времени почти нет!

— Сам знаю, — буркнул Хамнер и попытался улизнуть, но парень пошел рядом.

— Молитесь! На нас обрушился гнев Божий. Час близок, да, он настал, но Господь пощадит наш город, если в нем сыщется хотя бы десять праведников. Покайтесь, и тогда вы спасетесь сами и поможете Лос-Анджелесу!

— Сколько вас здесь? — спросил Тим.

— Сто Стражей, — ответил юнец.

— Это больше чем десять. А теперь дайте мне пройти.

— Но вы не понимаете. Мы спасем город, мы, Стражи. Мы молились месяцами. Мы обещали Господу, что раскаются тысячи. — Карие глаза буравили лицо Тима. — Вот вы кто! Вы — Хамнер! Я видел вас по телевизору. Молитесь, брат. Присоединяйтесь к нам, и о вас узнает весь мир!

— Точно-точно. Дальше по дороге — Эн-би-си. — Он умолк.

За спиной Стража Кометы выросли фигуры двух полицейских. Они выглядели очень сурово.

— Он пристает к вам, сэр? — осведомился коп — ростом повыше своего напарника.

— Да, — сказал Тим.

Служитель порядка ухмыльнулся:

— Попался! — Он схватил юнца за руку. — У вас есть право хранить молчание. Если вы сдаетесь без сопротивления…

— Отстаньте! — заорал парень. — И посмотрите на него! Ведь он — тот человек, который изобрел комету!

— Никто не может изобрести комету, идиот, — веско возразил Тим. — Офицер, вы случайно не в курсе, где поблизости продаются телевизоры? Хочу понаблюдать за небесным телом.

— Вон там, сэр. Можете сообщить нам свою фамилию и адрес?

Хамнер вытащил из кармана визитную карточку и сунул ее полицейскому. И поспешил в указанном направлении — к следующему перекрестку.

Зрелище было захватывающим. Эйлин сидела рядом с боссом и потихоньку пила кофе. Не вызывало сомнений, что их архитектор не доедет к ним из-за пробок. В результате она и Корриган подтащили к окну большие отделанные хромом кресла и низкий стеклянный столик. И развлекались, наблюдая за разозленными обывателями.

Устроители безобразия были прекрасно видны

— они находились как раз наискосок от офиса. Двадцать или тридцать мужчин и женщин в белых одеяниях (и далеко не у всех это были обычные простыни) перегородили Аламеду, приковавшись цепью к фонарю и к столбу телефонной связи. Остальные одиночки кидались к горожанам.

«Балахоны» пели гимны. Поначалу — довольно сносно, но вскоре копы увели их седобородого предводителя, и хор сразу же сбился с тактов.

А по обе стороны теснились, как сардины в банке, автомобили. Старые фургоны, «мерседесы» с шоферами, везущими кинозвезд или директоров студий, внедорожники, грузовики, новехонькие японские машинки и «Плимут Дастеры» — все замерли в общей пробке. Некоторые водители пытались выбраться из затора, но большинство уже сдалось. Проповедники, свободные от цепи, усердно работали локтями. Они останавливались, чтобы поговорить с водителями, они молились. Большинство горожан яростно орали на них. Лишь некоторые слушали. А один или двое вылезли наружу и опустились на колени.

— Ну и шоу! — восклицал Джо Корриган. — Почему они не нашли другого места?

— Но ведь Эн-би-си рядом. Если комета пройдет мимо, никого не размазав по стенам, они припишут себе заслугу спасения мира. Разве нам из года в год не показывают по телику кого-нибудь из этих психов?

Мужчина кивнул:

— Похоже, сегодня им крупно повезло. Вон телекамеры появились.

При виде телевизионщиков «балахоны» удвоили свои старания. На мгновение прекратили пение и тотчас затянули снова: «Иду к Господу моему». Выговаривать слова им приходилось быстрее, чем положено, но иногда они были вынуждены резко останавливаться, чтобы уклониться от полиции. Копы в синей форме протискивались между сигналящими автомобилями и вопящими водителями: они устроили настоящую охоту на тех, кто не был прикован к столбам.

— День, который не забудешь, — пробормотал начальник Эйлин.

— Они полностью перекрыли движение.

— Ага.

Несомненно, затор образовался надолго: слишком много машин уже были пустыми. Корриган наблюдал за оголтелой толпой. Люди метались

среди автомобилей, натыкаясь на копов и проповедников: тут и там замелькали цветастые рубахи и серые фланелевые костюмы. И дальнобойщики в комбинезонах. Кое-кто уже готов был убить. А кто-то просто отправился на поиски кофейни. Супермаркет поблизости неплохо заработал на продаже пива.

«Балахоны» продолжали голосить.

В офис заглянули двое полицейских. Эйлин и Корриган поздоровались. Они регулярно дежурили по соседству, и тот, что помоложе, Эрик Ларсен, часто сопровождал Хэнкок, когда она ходила пить кофе в местную забегаловку.

Он напоминал Эйлин ее младшего брата.

— У вас есть болторезы? — У дознавателя Джо Гарриса был чрезвычайно деловой тон. — Много тяжелой работы.

— Наверное, есть, — сказал Корриган, снял телефонную трубку и нажал кнопку. Подождал. Ответа не было. — Складские на улице, любуются происходящим. Я им покажу. — И он направился к выходу.

— А ключей нет? — спросила Эйлин.

— Нет. — Ларсен улыбнулся. — Прежде чем явиться сюда, они их выкинули. — Он печально покачал головой. — Если мы не уберем отсюда

«балахоны», начнутся волнения. Мы не сможем защитить этих чокнутых.

Его напарник фыркнул:

— Можете извиниться перед Джо за то, что я отнимаю у него время. Они — *глупцы*. Иногда мне кажется, что Земля передается им по наследству.

— Запросто. — Эрик стоял у окна, посматривая на Стражей, и лениво насвистывал сквозь зубы: «Вперед, Христово воинство».

Эйлин хихикнула:

— О чем задумались?

— А?.. — рассеянно отозвался Ларсен.

— Профессор сочиняет киносценарий, — усмехнулся Гаррис.

Эрик пожал плечами:

— Телесценарий. Представьте: там объявляется Джеймс Гарнер. Он разыскивает преступника. Один из водителей, выведенный из себя, совершает убийство, срывает с молящегося простыню и цепь, надевает на себя… и мы уводим его раньше, чем Гарнер успевает обнаружить его.

— Ну и ну, — произнес Гаррис.

— По-моему, отличный сюжет, — заметила Эйлин. — А кого он убивает?

— Собственно говоря, вас.

— Ого!

— Прошлой ночью я видел столько убитых красивых девушек, что на двадцать лет хватит, — пробормотал Джо.

На миг вид у Ларсена сделался такой, словно его стукнули по затылку.

Вернулся Корриган: он нес четыре болтореза с длинными ручками. Полицейские поблагодарили его. Гаррис торопливо нацарапал на квитанции свое имя и номер удостоверения и отдал два болтореза напарнику. Оба поспешили к выходу, чтобы раздать инструменты коллегам. Мужчины в синей форме двинулись вдоль шеренги молящихся, перекусывая цепи и тут же заковывая Стражей снова — в наручники, отталкивая их к обочине. Некоторые сопротивлялись, но большинство безвольно подчинялись.

Корриган в недоумении поднял взгляд:

— Что это?..

— А? — Эйлин рассеянно оглядела офис.

— Не знаю. — Босс насупился, пытаясь припомнить, но то, что он ощутил мгновением раньше, было очень уж смутным.

Как будто тучи на секунду разошлись, открыв солнце, и тотчас сомкнулись вновь. Но в небе не было ни облачка. Выдался ясный летний денек.

Особняк оказался шикарным и хорошо спро-

ектированным: спальни — прямо как руки — тянулись от туловища гостиной, расположенной в самом центре.

Алиму всегда хотелось иметь камин, и он тут, кстати, был. Нассор представил, как устраивает здесь вечеринки: братья и сестры плещутся в бассейне, гул голосов, дым стоит столбом… и фургон доставки с гигантской пиццей размером с колесо внедорожника… Когда-нибудь у него будет такой дом. А сейчас он такой вот грабит.

Гарольд и Ганнибал сваливали в простыню столовое серебро. Джей своим странным способом пытался обнаружить тайник: встав посреди комнаты, он медленно озирался по сторонам. Затем заглядывал за картины, поднимал ковры. Переходил в другую комнату, и все снова повторялось… и так до тех пор, пока он не находил то, что нужно.

В этот раз он обнаружил сейф, вмонтированный в бетон: под ковриком в стенном шкафу прихожей. Брат вытащил из чемоданчика дрель.

— Подключай.

Алим воткнул вилку в розетку. Даже он — он! — повиновался приказам, когда было необходимо. И распорядился:

— Если опять ничего не найдем, больше ника-

ких ящиков.

Джей кивнул. Они уже вскрыли четыре сейфа в четырех особняках. Добычи не было. Похоже, все в Бел-Эйре хранили свои драгоценности в банках или прихватили золотишко и баксы с собой.

Нассор вернулся в гостиную, чуть-чуть раздвинул тюлевые занавески и посмотрел в окно. Солнце светит, очень тихо, белых не видать. Половина местных сбежала в горы, а те, что остались, заняты своими делами (если они у этих богатеев вообще есть). Наверняка они сейчас пялятся в телик, чтобы понять, не совершили ли ошибку. Они испугались кометы. Зато такие люди, как Алим или его мать (она всю жизнь работала, отскребая чужие полы и потому изуродовала колени)… или даже те типы вроде хозяина лавчонки, которого он застрелил… так вот, они-то боялись реальных вещей. Их не волновали всякие чертовы огни в небе.

Что ж, улица пуста. Плевая работенка, зато улов неплохой. Драгоценности — да ну их! Они взяли серебро, картины, телевизоры — от крошечных до громадных, по два, по три, по четыре в каждом доме. За сиденьями автомобиля лежат: домашний компьютер, телескоп (ну и штуковина, нелегко ее будет сбыть) и десяток пишущих

машинок. Обычно при ограблениях удавалось добыть и оружие, но теперь — нет. Пушки прихватили с собой удравшие белые.

— Ничего себе! Эй, братаны…

Алим кинулся на голос. Столкнулся в дверях с Ганнибалом, и они чуть не застряли.

Джей вскрыл сейф и уже вытаскивал оттуда пластиковые пакеты для сэндвичей. В них было то, что не сдашь в банковское хранилище. Три пакета славной «золотой» травы. Ах, мистер Белый, а ваши соседи знают про ваши тайнички? Немного тяжелой дури: кокаин, черный гашиш и бутылочка с чем-то, что может оказаться гашишным маслом, но лишь псих, не взглянув на этикетку, станет это пробовать.

Парни загикали, завопили. Джей кинулся искать бумагу, нашел. Начал сворачивать косяк.

— Стой! — Нассор ударил его по рукам. Тот выронил все на пол. — Рехнулся? Ты что? Впереди еще четыре дома! Дай сюда! Живо! Вам хочется поразвлечься? Ладно, мы прекрасно повеселимся, когда закончим и вернемся домой!

Им это не понравилось, но они подчинились — отдали пакеты Алиму, и он рассовал их по карманам своей мешковатой военной куртки. Потом хлопнул парней пониже спины, и они

направились к выходу, причем каждый тащил за спиной тяжелый груз, завернутый в простыни.

Они отдали не все. Ну, неважно. По крайней мере, они сохранят относительно ясные головы до тех пор, пока работа не будет закончена.

Нассор забрал еще радиоприемник и тостер и направился вслед за братьями. Оказавшись во дворе, он заморгал. Солнце светило вовсю. Джей на заднем сиденье поправлял брезент. Гарольд завел двигатель. Хорошо. Стоя у открытой дверцы машины, Алим оглядел улицу.

И заметил, что высокое дерево посреди лужайки отбрасывает две четко очерченные тени.

И вон у того дерева, поменьше, тоже две тени. Он посмотрел себе под ноги. Ага, то же самое. Алим поднял голову и остолбенел. Там сияло второе солнце. И оно падало с небосвода — прямо куда-то за горы. Нассор зажмурился — крепко, изо всех сил. Все застлала ярко-фиолетовая пелена.

Он открыл глаза и влез в грузовичок.

— Поехали. — Машина покатила к воротам, а он включил рацию. — Прием, Джаки. Прием. Твою мать, отвечай!

— Кто это? Алим?

— Да. Ты видел?

— Что?

— Комету! Божий Молот! Она падает! Она горела, падая с неба, горела, пока не рухнула вниз! Джаки, слушай внимательно… потому что через минуту связь вырубится. Она врезалась, все это, выходит, правда! Надо встретиться по-быстрому.

— Алим, вы, похоже, нашли что-то стоящее. Порошок, да?

— Заткнись! Комета ударила, брат! Теперь жди землетрясений! И цунами. Вызови всех, кого только можешь, и передай, что мы встречаемся… в хибаре около Грейпвайна. Усек? Утонуть мы не утонем, слишком мы высоко, но надо держаться вместе.

— Чувак, ты свихнулся. У меня еще два дома, мы загрузились под завязку, а ты ведешь себя так, будто наступает конец света…

— Вызови кого-нибудь, Джаки! Шевелись! Рация пока еще не заглохла, и я попробую связаться с братьями. — И Алим отключился.

Грузовичок все еще ехал по подъездной аллее. Лицо Гарольда было цвета мокрого пепла.

— Я тоже видел ее, — выдавил он. — Джордж… Алим, думаешь, нас не затопит? Не хочу утонуть.

— Мы сейчас в самом высоком месте. Только чтобы добраться до Грейпвайна, нам придется погнать вниз. Жми, парень! Нужно проехать

через равнину до того, как нас зальет по уши!

Гарольд резко рванул вдоль улицы. Нассор опять потянулся к рации. А действительно ли здесь достаточно высоко? Хоть кому-нибудь где-нибудь не грозил потоп?

Вторник – День Порции Мороженого: 1

Пытаясь спастись, я бежал к скале.
Но скала отказала в приюте мне.
Она крикнула: «Здесь не спрячешься ты!
Нет, нигде не спрячешься ты…»

Вершины горной цепи Санта-Моника в целом не подходят для жизни. Торговые центры далеко. Дороги опасные, кое-где идут чуть ли не вертикально. Однако здесь, наверху, много домов. И перенаселенность была тому лишь косвенной причиной.

Перенаселенность создала города.

Вид, открывавшийся с вершины в ночь с понедельника на вторник, оказался совершенно невероятным. На одном склоне — и ниже — раскинулся Лос-Анджелес, с другой стороны лежала долина Сан-Фернандо. Ночью города напоминали ковры, сотканные из многоцветных огней: они тянулись до самого горизонта. Шоссе превращались в бурлящие реки тьмы. Казалось, что весь

мир стал единым мегаполисом, и как же это было здорово!

А на гребне оставались незанятые места. На закате Марк, Фрэнк и Джоанна свернули с Малхолланд-драйв и покатили на мотоциклах вверх по склону. Лагерь разбили среди скал, чтобы их не заметили случайные патрули — в паре кварталов отсюда.

Стоунер обошел вершину горы, внимательно оглядел склоны и глубокомысленно кивнул. Не добраться. Слишком велика опасность грязевых оползней. Не то чтоб их хоть сколько-то волновало, почему никто не построил себе коттедж, но Фрэнку не нравилось, когда на возникший у него вопрос не находилось ответа. Он вернулся туда, где Марк и Джоанна устанавливали походную плитку.

— Возможно, у нас нервные соседи, — заявил он. — Давайте поедим засветло. Как стемнеет — никаких фонарей или огней.

— Не понимаю… — начал Марк.

Но девушка нетерпеливо перебила:

— Пойми, ближайшие дома находятся далеко от полицейского участка. Те, кто сюда забредает, должны пугать жителей. Нам вовсе незачем коротать время у шерифа Малибу, тем более — сейчас,

накануне Дня Порции Мороженого.

И она отошла, чтобы прочесть инструкцию к замороженным продуктам, которыми они запаслись. Джоанна готовила паршиво, но, если бы предоставила это своему бойфренду, он бы сварганил обед по своему усмотрению — может, очень вкусный, а может, и наоборот. Если следовать инструкции, наверняка получится что-нибудь съедобное, а она жутко проголодалась.

Она посмотрела на парней. Фрэнк возвышался над Марком. Высокий, сильный, физически привлекательный. Джоанна чувствовала это и прежде. Должно быть, он чертовски хорош в постели.

Но Джоанне никогда не приходило в голову, что она живет не с тем мужчиной. Сейчас эта мысль ее озадачила. Марк… он оказался очень забавным. Она не могла ответить на вопрос, любит ли она его, поскольку не знала, что такое любовь, зато в постели им было хорошо, и они редко трепали друг другу нервы. И откуда взялась внезапная тяга к Фрэнку?

Она вывалила бефстроганов в кастрюлю и, наклонив голову, украдкой улыбнулась. Парни тут же пристанут к ней, а ей совершенно не хотелось объяснять причину своей радости. Но почему же

все-таки Стоунер?..

Внезапно она забеспокоилась. Родители Джоанны принадлежали к верхней прослойке среднего класса и дали дочери прекрасное образование. Пользы оно приносило ей немного, но в ней развилась любознательность. Особенно ее интересовали люди, в том числе и собственная персона.

— Местечко идеальное, — сказал Марк.

Фрэнк неодобрительно хмыкнул.

— Нет? А почему? Где, по-твоему, лучше? — спросил Ческу.

Он сам нашел этот участок и очень собой гордился.

— В Мохаве, — рассеянно ответил приятель. Он расстелил спальный мешок и плюхнулся на него. — Но туда путь неблизкий. Кстати, плита под нами плохая.

— Плита? — повторила Джоанна.

— Тектоническая, — объяснил Марк. — Континенты плавают на поверхности расплавленного камня в недрах Земли, и все такое…

Стоунер вполуха слушал Ческу. Не было смысла поправлять парня. Но в Мохаве точно понадежнее. Пустыня расположена на североамериканской плите. Лос-Анджелес и Баха-Калифорния

— на другой. Они соединяются близ Сан-Андреаса. Если Молот ударит, последний сразу же придет в движение. Тряхнет и окрестности, но остальную территорию Северной Америки — в меньшей степени.

Пустые умствования! Фрэнк связался с ЛРД: вероятность столкновения Молота с Землей — чрезвычайно мала. Ехать по шоссе и то опаснее. Затея с вылазкой в горы — просто тренировочный поход, но Стоунер привык делать все правильно. Он настоял, чтобы Джоанна поехала на собственном байке, хотя она предпочла бы прижаться к Марку, оседлавшему своего «железного коня».

В общем, она взяли три мотоцикла, поскольку одного могли лишиться.

— Пожалуй, наша тренировка себя оправдает.

— А? — Девушка возилась с плиткой.

Та загудела. День клонился к вечеру.

— Подготовиться к падению цивилизации — вовсе не глупость, — продолжал он. — В следующий раз к Земле полетит не Молот, а еще что-нибудь похлеще. Иначе и быть не может. Короче, читайте газеты.

«Ясно, — сказала себе Джоанна, — он заставляет меня думать в этом направлении. А если все вокруг и впрямь рухнет, есть смысл оказаться

рядом с Фрэнком, а не с Марком».

А ведь именно Стоунер убеждал их отправиться в Мохаве. Но Ческу отговорил его. Марк не полностью проникся страхом Молота — не хотел выглядеть глупым паникером.

Они пообедали раньше, чем обычно. Когда покончили с едой, света оставалось достаточно для того, чтобы вымыть посуду. Почти стемнело, и они улеглись в спальники. Теперь они смотрели на закат над Тихим океаном — глядели на небо до тех пор, пока не стало прохладно и им не пришлось спрятаться в мешки с головой. Джоанна взяла свой личный спальник и не стала пристегивать его к мешку Марка, хотя на привалах они спали вместе.

На западе совсем стемнело. Одна за другой загорелись звезды. А затем — на востоке — что-то засверкало. Зарево смешалось с ярким сиянием Лос-Анджелеса и постепенно к полуночи затмило огни города, в небе словно бушевало ослепительное северное сияние. Оно разгоралось все сильнее, и лишь немногие звезды проглядывали сквозь окутавший Землю хвост кометы.

Марк, Джоанна и Фрэнк тихо болтали. Вокруг стрекотали сверчки. Днем — хотя Ческу и Стоунер об этом не сговаривались — они хорошо отдох-

нули. Дневной сон был признанием того, что им уже перевалило за тридцать, и они ощущают свой возраст.

Фрэнк травил байки о том, каким образом может настать конец света. Марк перебивал его: высказывал собственную точку зрения, что-то добавлял или пытался угадать, что намеревался сказать его друг.

Джоанна слушала их с нарастающим нетерпением. Она замолчала, размышляя. Ее бойфренд всегда вел себя так. Но никогда прежде ее это не раздражало. Почему же сейчас он ее злит? Значит, ничего не меняется.

«О-хо-хо, — подумала она, — женский инстинкт? Стремление иметь возле себя самого сильного самца? Ерунда. И это не стыкуется с ее философией. Она — полностью раскрепощенная, свободная и самостоятельная, сама определяющая, как сложится ее жизнь».

Но противоречие уже натолкнуло ее на другие мысли. Ей еще нет тридцати, но скоро будет, а чего она достигла? Что она делает? Так дальше продолжаться не может. Зашибать где-нибудь несколько долларов, когда Марк торчит дома без работы или с ревом носится по Штатам на мотоцикле… Мило, конечно, но пора бы заняться

чем-то серьезным, найти себе постоянный заработок…

— Спорим, я сложу рюкзаки за две минуты, — сказал Марк. — Джо, хочешь кофе? Джо?

Совсем рассвело. Фрэнк и Джоанна еще спали. Ческу улыбался, как будто выиграл соревнования. Он с наслаждением наблюдал, как разгорается рассвет. Такое нечасто случалось в последнее время. И сегодняшний сиял колдовским сиянием. Лучи солнца чуть меркли, приобретали несколько иной оттенок, пройдя сквозь пыль и газы, принесенные к Земле из космических далей.

Марку пришло в голову, что если он позавтракает прямо сейчас, то успеет добраться до ближайшей телефонной будки и застать Харви дома. Рэндолл приглашал его присоединиться к команде новостников, фиксирующих светопреставление, но Ческу мялся. Он и сейчас еще не решил.

Он разжег плитку, поставил на нее кастрюли, подумал, не разбудить ли остальных, и залез обратно в спальник.

Его разбудил запах жарящегося бекона.

— Не стал звонить Харви, а? — спросила Джоанна.

Он старательно потянулся.

— Я решил, что лучше смотреть новости, чем снимать их. Знаешь, где сейчас лучший в мире вид? На экране телевизора.

Фрэнк с любопытством наблюдал за ним. Потом мотнул головой, показывая, на какую высоту поднялось солнце. А когда Ческу зевнул, произнес:

— Посмотри на часы.

Почти десять! У Марка так вытянулось лицо, что Джоанна расхохоталась.

— Мы все пропустим! — пожаловался ее бойфренд.

— Теперь нет никакого смысла мчаться куда-то, — заявил Стоунер. — Не переживай, передачу будут повторять месяц напролет.

— Можно постучаться в какой-нибудь из вон тех домов, — предложил Ческу.

Но Джоанна и Фрэнк высмеяли его, и он был вынужден признать, что на такую выходку у него не хватит смелости. Они быстро поели, а затем Марк откупорил бутылку «Строберри-Хилл» и пустил ее по кругу. На вкус вино оказалось превосходным — оно было с фруктовым послевкусием: прямо сок, какой пьешь по утрам, но только покрепче.

— Нам лучше собраться и… — Стоунер запнулся на полуслове.

Над океаном полыхнула вспышка. Пока еще очень высоко, однако световое пятно стремительно летело вниз.

Мужчины резко замолчали. Разговор оборвался. Джоанна в тревоге подняла взгляд и перевела его на Стоунера. Фрэнк никогда ничего не боялся. Что-то случилось?

Она быстро обернулась, ожидая узреть Чарльза Мэнсона, несущегося к ним с циркулярной пилой в руках. И наконец посмотрела туда, куда глазели Стоунер и Ческу.

На юге стремительно катилось вниз голубовато-белое карликовое солнце, далеко за плоским тихоокеанским горизонтом. Оно оставляло за собой горящий след. Спустя секунду после его исчезновения нечто вроде луча прожектора ударило туда, откуда оно скатилось. Он поднимался все выше и выше и вскоре совсем исчез из вида.

Потом одно, два, три мгновения ничего не происходило.

— День Пор… — начал Марк.

Где-то за пределами мира вспыхнула белая шаровая молния.

— …Мороженого. Это на самом деле! — засмеялся Ческу. — Надо двигать…

— Чушь! — рявкнул Фрэнк достаточно громко,

чтобы привлечь внимание Джоанны и Марка. — Начнется землетрясение. Ложитесь. Подстелите спальники… нет, залезьте в них. Оставайтесь на открытом пространстве. Джоанна, иди сюда, я застегну твой мешок. Приятель, ты там, подальше.

И Стоунер кинулся к мотоциклам. Первый он осторожно положил на бок, то же самое проделал и с другим. Действовал он быстро и решительно. Вернулся к байку Джоанны и откатил его подальше.

В небе вспыхнули три белые точки. Две погасли…

Третья, самая яркая, вероятно, коснулась земли на юго-востоке. Фрэнк глядел на часы, отсчитывая секунды. Джоанна и Марк в безопасности. Стойнер притащил свой спальник, забрался в него и лег. Вытащил темные очки. Надел. То же сделали и остальные. В объемистом мешке Стоунер казался очень толстым. Из-за очков его лицо сделалось непроницаемым. Он вытянулся на спине, подложив под голову мощные руки.

— Классное зрелище.

— Ага. Стражам Кометы наверняка бы понравилось, — отозвался Ческу. — Интересно, где сейчас Харви? Хорошо, что я не согласился присоединиться к его группе. Нам тут, наверное, ничего не

угрожает. Если горы не обрушатся.

— Заткнись, — сказала Джоанна. — Заткнись. Заткнись, — еле слышно повторила она. Она шептала, и ее шепот утонул в надвигающемся грохоте.

И горы действительно пустились в пляс.

В центре связи ЛРД яблоку негде было упасть: репортеры со спецпропусками, приятели директора, даже сотрудники Лаборатории — Чарльз Шарпс, Дэн Форрестер.

Экраны ярко светились. Изображение было не того качества, как хотелось бы. Ионизированный хвост взбудоражил верхние слои атмосферы, и картинка размывалась и рябила.

«Не имеет значения», — подумал Шарпс, — на борту «Аполлона» делаются записи, и позднее, получив их, мы все восстановим. Кроме того, идет съемка с помощью телескопа. Через час мы будем знать о кометах больше, чем узнали за предыдущие сто тысяч лет».

Эта мысль отрезвляла, но Чарльз к ней привык. То же самое относилось и к планетам, и к Солнечной системе в целом. Прежде чем люди начали выходить в космос (или посылать туда автоматические зонды), им приходилось догадываться, как устроена Вселенная. Теперь догадки

сменило знание.

Последующим поколениям уже не сделать столько открытий, потому что они будут постигать космос, не изучая его, а читая учебники и даже детские книжки.

«Не то что я — я рос, когда мы блуждали в потемках. Господи, в какое великолепное время я живу! Какое счастье!»

Электронные часы отсчитывали секунды. Стеклянный экран с нанесенной на него картой мира показывал местонахождение «Аполлона» в данный момент.

«Аполлона — Союза», — напомнил себе Шарпс и ухмыльнулся: друг без друга те были беспомощны. Соперничество между США и Советами по-прежнему иногда приносило пользу. Изредка. Хотя бы ту, что принуждало обе стороны к сотрудничеству.

«Жаль, что у нас проблемы со связью. Запасы энергии на борту «Молотлэба» истощаются. Этого мы не предусмотрели — а должны были. Но когда мы планировали работу, мы не предполагали, что комета пройдет так близко».

— Где она находится сейчас? — спросил он вслух.

Форрестер оторвался от компьютерной кон-

соли.

— Трудно сказать. — Пальцы ученого забегали по клавишам: так Пауэр Биггс играл на органе в Миланском соборе. — Если бы самые свежие данные были верны, я бы ответил. Самая точная оценка составляет примерно тысячу километров… К сожалению, я не могу оперировать этими цифрами. А еще есть те данные, которые я отбросил раньше, поскольку они тоже не могли быть правильными… Имеется еще множество «если».

— М-да.

— Фотографирование… фильтр номер тридцать один… вручную…

Шарпс и Форрестер с трудом узнали голос Деланти.

— Ваше достижение, — сказал Дэн.

— Мое? Что именно?

— Чтобы в полет впервые был направлен чернокожий астронавт, — объяснил ученый, внимательно изучая кривые на экране осциллоскопа.

Затем он что-то подкрутил, и качество одной из картинок значительно улучшилось.

Чарльз уставился на летящее к ним облако. Оно смахивало на скопление размытых серых пятен, но планетолог понимал: боковой скос у объекта

отсутствовал.

Часы неумолимо отсчитывали секунды.

— Где же Молот? — встрепенулся Шарпс.

Форрестер ничего не ответил.

— …прохождение внешнего края ядра. Земля, я повторяю… внешний… невозможно… вероятно столкновение… — голос пропал.

— «Молотлэб», говорит Хьюстон, вас неслышно, врубите на передатчик полную мощность и повторите сообщение…

Секунды убегали в прошлое. Внезапно изображения на экранах дрогнули, расплылись и сделались ярче, отчетливее — на борту «Аполлона» задействовали главный телескоп и включили передатчик на максимум.

— Ядро приближается! — прокричал Джонни Бейкер. — Похоже, оно столкнется с Землей…

Рик держал в поле обзора главного телескопа голову кометы. И она увеличивалась в размерах: в водовороте тумана появились какие-то очертания — крупных и мелких обломков, каменных глыб, реактивных газовых потоков… Все менялось на глазах. Вдруг картинка качнулась вниз, и на экранах появилась Земля.

В разных точках на ее поверхности вспыхнуло пламя. Долгое мгновение, которое показалось

вечностью, все экраны транслировали одно и то же: планету, усеянную ослепительными вспышками.

Вот что навсегда впечаталось в память Чарльза. Всполохи на поверхности Атлантического океана. Европа, усеянная огненными пятнами, самое большое — в Средиземном море. Пламя вспыхнуло и посреди Мексиканского залива. Все, что находилось дальше к западу, оставалось вне «Аполлона», но пальцы Дэна продолжали порхать по клавишам. Все сведения из любого источника тотчас вводились в компьютер.

Из динамика неслись крики. На нескольких каналах трансляция прервалась: стрекотала статика.

— Над нами шаровая молния! — раздалось сквозь треск.

— Где? — спросил Форрестер рассеянно, но достаточно громко, чтобы перекрыть гул, царивший в помещении.

— Мы потеряли связь с «Аполлоном». Последнее сообщение от них было: «Шаровая молния на юго-востоке». И потом: «Над нами шаровая молния». И больше ничего, — ответил кто-то.

— Благодарю, — произнес ученый.

— Хьюстон, на Мексиканский залив пришелся

сильный удар! Повторяю, крупное столкновение в трехстах милях к юго-востоку от вас. Просим выслать вертолет за нашими семьями.

— Господи, как может Бейкер говорить сейчас так хладнокровно? — запричитал тот же голос.

«Что там за остолоп вякает? — подумал Шарпс. — Наверное, новичок, никогда не слышавший, как общаются астронавты в критической ситуации». — Он взглянул на Форрестера.

Дэн кивнул:

— Молот ударил.

Но картинка на телеэкранах уже пропала, а треск разрядов полностью заглушил все вокруг.

В двух тысячах миль к северо-востоку от Пасадины в бетонной норе, в пятидесяти футах под землей майор Беннет Ростен лениво поглаживал висящий на бедре пистолет. Затем он сосредоточился, напрягся, его руки легли на консоль запуска ракеты «Минитмен». Они безостановочно блуждали по клавишам, после чего одна рука коснулась ключа, висевшего на цепочке на шее.

«Ну и ну, — сказал себе Ростен, — под влиянием Старика я сделался нервным».

Да, он был на взводе, но у него имелось оправдание. Прошлой ночью ему позвонил генерал Томас Бэмбридж. Нечасто главнокомандующий

стратегической авиацией беседует с командиром ракетной эскадрильи.

Приказ Бэмбриджа был краток:

— Завтра в пусковой шахте дежурить будете вы. И к сведению: на «Зеркале» буду я.

— Черт возьми, — выругался подчиненный. — Сэр… это Оно?

— Вероятно, нет, — ответил тот и объяснил ситуацию.

Что не внушило оптимизма. Если русские действительно считали, что Штаты слепы и беспомощны…

Он посмотрел налево. Его напарник, капитан Гарольд Люс, сидел у соседней консоли. Пункт управления находился глубоко под землей. Защищенный бетоном и сталью, бункер мог запросто выдержать близкий взрыв ядерной бомбы. Чтобы запустить своих «птичек», дежурные должны были одновременно повернуть ключи и нажать кнопки. Автоматика не позволяла в одиночку осуществить запуск ракеты.

Капитан Люс развалился в кресле. Перед ним лежали книги: сейчас он вроде бы изучал искусство Востока. Коллекционирование ученых степеней было обычным развлечением тех, кому приходилось дежурить в пусковых шахтах, но

как мог Гарольд заниматься этим сегодня, когда неофициально объявлена боевая тревога?

— Эй, Гар… — позвал Ростен.

— Да, капитан.

— Предполагалось, что приказ касается и тебя тоже.

— Я начеку. Ничего не случится. Вот увидишь.

— Господи, надеюсь, что нет.

Беннет подумал об оставшихся в Мизуле жене и четверых детях. Раньше они отвергали предложение переехать в Монтану, но теперь им там очень нравилось. Громадные просторы, чистое небо, никаких проблем мегаполисов.

— Хотел бы я, чтобы…

Ростену помешал договорить безликий голос из закрытого проволочной решеткой динамика под потолком:

— Внимание, объявляется боевая тревога! Это — не учебная тревога. Код: 78-43-76854-87902-1735 Зулус. Боевая тревога. Полная готовность к залпу.

Бетонную шахту заполнил вой сирен. Майор услышал стук: по стальной лестнице сбежал сержант и захлопнул дверь — огромную, как в банковских хранилищах, производства «Мослер сейф Компани». Парень отрезал бункер от внеш-

него мира, быстро набрав нужную комбинацию на цифровом диске входа.

Теперь никто не сможет войти сюда, не взорвав дверь.

Потом, согласно уставу, сержант поставил автомат на боевой взвод и встал спиной к стальной створке. Лицо у него было суровое. Он замер в напряженной позе, стараясь проглотить ком в горле и пытаясь не выказать страха, который буквально разъедал внутренности.

Ростен набрал, нажимая кнопки на консоли, код подтверждения и вскрыл опечатанный конверт из журнала приказов. Люс в своем отсеке последовал его примеру.

— Подтверждаю, что полученный код — подлинный, — сказал Гарольд.

— Подлинный, — отчеканил Беннет и приказал: — Вставить ключ!

Они синхронно сняли ключи с шеи и вставили их в обрамленные красной рамкой пазы на консолях. (Если ключ вставляешь и поворачиваешь до первого щелчка, его уже не вытащить. Для этого понадобились бы другие образцы, которых ни у Люса, ни у Ростена не было. Таковы порядки в стратегической авиации.)

— По моему отсчету, — произнес майор. —

Один, два.

Они повернули ключи: два щелчка — и принялись ждать, — не поворачивая их. Пока.

В Калифорнии наступил полдень, а на островах Греции — вечер. Двое мужчин долезли до вершины гранитной скалы, и в тот же миг солнце скрылось за горизонтом. На востоке зажглась первая звезда. Далеко внизу крестьяне ехали на перегруженных сверх всякой меры осликах, которые плелись по лабиринту низких каменных стен, обрамленных виноградником.

Сумерки окутали раскопки Акротири. Дикая мешанина: домишки с белеными глинобитными стенами, построенные, возможно, десять тысяч лет назад… на холме — венецианская крепость, рядом с древней византийской церковью — современная школа, а в низине лагерь археологов. На этом острове Виллис и Макдональд и открыли свою Атлантиду.

С вершины скалы их палатка почти не видна. На западе внезапно замигала звезда, за ней — другая.

— Началось, — констатировал Макдональд.

Засопев, Александр Виллис опустился на валун. Он был слегка раздражен. Хотя ему исполнилось двадцать четыре года и он считал, что находится

в хорошей форме, часовой подъем изрядно его вымотал. Зато напарник тащил его вперед и даже помог забраться на вершину. Кстати, он, Макдональд, чьи темно-рыжие волосы давно поредели, открыв огромную, дочерна загорелую лысину, вообще не запыхался. Он сам наработал свою силу: труд археолога тяжелее работы землекопа.

Теперь они оба сидели по-турецки и глядели на запад, наблюдая за светопреставлением.

Две тысячи восемьсот футов над уровнем моря, в самой высокой точке странного острова, имя которому Тира. Гранитная глыба носила различные названия при сменявших одна другую цивилизациях и многое претерпела. Теперь ее окрестили Горой пророка Илии.

А над водой тоже сгущались сумерки. Залив был круглый, окруженный тысячефутовыми утесами — кальдера, след вулканического извержения, некогда погубившего две трети острова, уничтожившего минойскую империю и породившего легенду об Атлантиде. Теперь там высился «новый» участок суши, безобразный и голый. Греки называли его Выжженным и знали, что когда-нибудь он тоже станет эпицентром очередного извержения, как много раз бывало с Тирой.

На водах мерцали огненные блики: небо пыла-

ло бело-голубыми всполохами. На западе угасало золотое сияние, но его сменила не чернота, а диковинное зелено-оранжевое зарево: фон для падения космических тел. Фаэтон снова мчался на колеснице Солнца…

И метеоры летели вниз каждые несколько секунд! Ледяные осколки врезались в атмосферу и сгорали, окутавшись пламенем. Мчались и снеговые комья, окутанные зеленоватым маревом. Земля глубоко погрузилась в оболочку кометы Хамнера — Брауна.

— Странное у нас увлечение, — произнес Виллис.

— Наблюдение за небом? Мне всегда это нравилось, — ответил Макдональд. — Вы ведь никогда не видели, чтобы я сидел сиднем в Нью-Йорке, да? Пустыни, места, где воздух ясен и чист, где человек на протяжении десяти тысяч лет любовался звездами — вот где можно обнаружить следы древних культур. Но я еще ни разу не видел такого зрелища.

— Хотел бы я знать, не так ли оно выглядело, когда… Вы же понимаете меня, верно?

Макдональд пожал плечами. Почти стемнело.

— Платон ни о чем подобном не упоминал. Но в мифах хеттов говорится о каменном боге, рожден-

ным морем и бросившем вызов высшим силам… Вероятно, таким образом древним увиделось облако. Или взять некоторые отрывки из Библии — кое-что можно расценивать как свидетельства очевидцев, только находились они вдали от «ока бури». Кому охота оказаться поблизости во время извержения Тиры!

Виллис промолчал: он не мог оторвать взгляда от гигантской изумрудной полосы, рассекающей небосвод. Она поднималась, росла, а спустя мгновение ярко вспыхнула и погасла. Парень внезапно понял, что смотрит на восток. Его губы беззвучно зашевелились.

— Мак! Обернитесь!

Напарник так и поступил.

Теперь запекшееся небо поднималось, будто занавес, и можно было заглянуть под его нижний «край». Безупречно ровный и прямой он раскинулся в нескольких градусах над горизонтом. Вверху зеленым и оранжевым сияла оболочка кометы. Внизу во тьме горели звезды.

— Тень Земли, — вымолвил Макдональд. — Жаль, жена не дожила. Еще бы год…

Позади что-то вроде бы ослепительно полыхнуло. Виллис оглянулся. Вспышка медленно угасала, на она была еще настолько яркой, что на

нее невозможно было смотреть. Она затмевала собой все прочее. Александр уставился на нее.

«Господи, что это такое? Она опускается… а сейчас потухла».

— Надеюсь, вы зажмурились, — сказал Макдональд.

Виллис ничего не видел — лишь ощущал сильнейшую боль. Он заморгал, но ничего не помогало.

— По-моему, я ослеп, — сказал он.

Затем протянул руку и похлопал по валуну в надежде, что ему станет легче, когда он почувствует руку другого человека.

— Не думаю, сейчас уже ничего не имеет значения, — негромко проговорил Макдональд.

Быстро вспыхнула ярость — и тотчас исчезла. Виллис быстро понял, что тот имел в виду. Пальцы Мака обхватили его запястье… и Александр покорно пошел за товарищем.

— Держите меня покрепче. Я вам все расскажу.

— Ладно.

Макдональд торопливо заговорил:

— Когда свет погас, я открыл глаза. На секунду мне показалось, что я вижу нечто вроде фиолетового прожектора, шарящего лучом по небу. Затем луч растаял в воздухе. Но шел он из-за горизонта.

У нас еще есть время.

— Не везет острову, — пробормотал Виллис.

Сейчас он ничего не видел, даже тьмы.

— Вас никогда не удивляло, почему люди по сей день строят здесь жилище? Некоторым домам не одна сотня лет. Через каждые несколько столетий — извержение. Но народ постоянно сюда возвращается. А насчет того, что нам следует делать… что ж, Алекс, вот и цунами. Волна становится выше. Не знаю, поднимется она на ту высоту, где мы сейчас находимся, или нет. Хотя… приготовьтесь к первому удару. Соберитесь с силами.

— А ведь будет и землетрясение. Наверное, наступает конец греческой цивилизации.

— И не только. И появится свежая легенда об Атлантиде… Если кто-нибудь выживет, чтобы поведать о катастрофе. Занавес по-прежнему поднимается. На западе — потоки света, исходящие от ядра. На востоке — черная тень Земли. Повсюду метеоры… — Голос Макдональда оборвался.

— Что там?

— Я закрыл глаза. Но успел увидеть в северо-восточной части неба… Ядро… Огромное!

— Грег, кто придумал это название «Гора пророка Илии»? Он попал в самую точку.

В недрах Тиры и по самой всей поверхности

острова прокатились подземные толчки: вскрылся похороненный под морским дном три тысячи пятьсот лет назад канал, по которому вырывалась на поверхность магма.

Виллис почувствовал жар, и Тира взорвалась. Чудовищная волна раскаленного пара в кружевах лавы, отшвырнула людей в сторону и мгновенно прикончила. Несколькими мгновениями позже на пылающую оранжевым сиянием рану в теле гранита обрушилось цунами.

В живых не осталось никого, кто смог бы рассказать о новом извержении вулкана.

Мейбл Хокер развернула свои карты и исподтишка улыбнулась. Двадцать очков, ей сегодня везет. А ее партнеру, увы, — нет. Би Андерсон то и дело блефовала: когда самолет приземлится в аэропорту имени Кеннеди, кое-кто наверняка проиграет сотню долларов.

Готовясь к посадке в Нью-Йорке, «Семьсот сорок седьмой» плыл высоко над Нью-Джерси. Мейбл, Чет и Андерсоны сидели вокруг столика в первом классе, чересчур далеко от иллюминаторов, чтобы хоть что-то увидеть. Женщина пожалела, что согласились на бридж. Она бы могла впервые полюбоваться городом с высоты птичьего полета. С другой стороны, не хотелось, чтобы Андерсоны

подтрунивали над ее неопытностью.

За иллюминаторами опять полыхнуло.

— Твоя заявка, Мей, — напомнил Чет.

Люди буквально прилипли к иллюминаторам. Салон загудел как пчелиный улей. Мейбл почуяла страх, живший глубоко в сознании каждого авиапассажира.

— Извините, — произнесла она. — Двойка бубен.

— Четыре черви, — заявила Би Андерсон, и Мейбл поежилась.

Раздался мелодичный сигнал. Зажглась надпись «Пристегните ремни».

— Говорит командир экипажа Феррар, — вымолвил спокойный дружелюбный голос пилота, так и вселяющий уверенность. — Мы не знаем, что это была за вспышка, но на всякий случай просим вас пристегнуться. Не волнуйтесь, нам ничего не угрожает.

«А не заторговалась ли Би? Господи, да понимает ли она, что означает «двойка бубен»? Надо бы ей намекнуть».

Раздался странный звук, будто медленно разорвали пополам огромную простыню. «Семьсот сорок седьмой» внезапно взревел и рванул вперед.

Мейбл читала, что опытные путешественники застегивают ремни, не затягивая их. Что она и сделала.

Однако спустя секунду намеренно расстегнула ремень, положила карты рубашкой вверх и, нетвердо ступая, направилась к двум свободным креслам возле иллюминатора.

— Мать, ты куда собралась? — спросил Чет.

Она содрогнулась — она терпеть не могла, когда к ней так обращались. Прямо как в захолустье. Опершись рукой на подлокотник, она прильнула к иллюминатору.

Массивный нос воздушного судна смотрел вниз, «Боинг» шел к земле, а пилоты старались справиться с внезапным попутным ветром, скорость которого практически сравнялась со скоростью самолета. Крылья потеряли подъемную силу. «Семьсот сорок седьмой» падал, как опавший лист, дергался, кренился из стороны в сторону — экипаж тщетно старался удержать его на «плаву».

А Мейбл увидела раскинувшийся впереди Нью-Йорк. Вон Эмпайр-стейт-билдинг, статуя Свободы и Всемирный торговый центр. Все выглядело именно так, как она себе представляла, но почему-то было наклонено под углом в сорок

пять градусов.

Где-то там, внизу, ее дочь, должно быть, едет в аэропорт имени Кеннеди, чтобы встретить родителей и познакомить их с парнем, за которого она собралась выйти замуж.

Внезапно сорвало закрылки. «Семьсот сорок седьмой» задрожал, завибрировал. Как испуганные бабочки, слетели со стола карты Мейбл. Она ощутила, как самолет рванул вперед, выходя из пике.

В небе мчались черные тучи, похожие на громадную завесу: они неслись быстрее самолета, в них сверкали молнии. Внезапно гигантская огненная стрела ударила в статую Свободы и заплясала по ее воздетому факелу. А потом — поразила и самолет.

За Оушен-бульваром оказался обрыв. Под ним вдоль берега петляло шоссе Пасифик-Коуст. А далее был океан.

На краю обрыва рассматривал горизонт бородатый человек. Глаза его искрились искренней радостью.

Вспышка длилась лишь миг, но была ослепительной. Когда она угасла, на сетчатке глаз мужчины запечатлелся голубой шар.

Красное свечение… Необычные световые эф-

фекты очертили в небе вертикальный столб… Бородач обернулся со счастливой улыбкой.

— Молитесь! — крикнул он. — Судный день настал!

С десяток прохожих воззрились на него. Но большая их часть не обращали на мужчину внимания, хотя он и производил в высшей степени незабываемое впечатление: глаза восторженно сияют, густая черная борода с двумя снежно-белыми прядями у подбородка развевается по ветру.

Кто-то обернулся и заявил:

— Если вы не отойдете от края, для вас действительно настанет Судный день. Будет землетрясение.

Мужчина отмахнулся.

Другой — чернокожий в дорогом деловом костюме — более настойчиво воззвал к его благоразумию:

— Если во время падения кометы вы останетесь здесь, то пропустите почти весь Судный день. Не упрямьтесь!

Бородатый задумчиво кивнул и неторопливо направился к тротуару, где столпились люди.

— Спасибо, брат.

Земля содрогнулась и застонала.

Ему удалось удержаться на ногах. Он увидел,

что какой-то бизнесмен в темно-коричневом костюме падает на колени, и последовал его примеру. Все вокруг сотрясалось, и часть круто обрывающегося берега отвалилась. Если бы бородач не убрался оттуда, оползень унес бы его с собой.

— Ибо Он грядет, — закричал мужчина. — Ибо Он грядет судить Землю…

Бизнесмен подхватил псалом:

— И будет судить справедливо мир и людей по правде Своей…

Окружающие присоединились к пению. Почва под ногами дыбилась и ходила ходуном.

— Слава Отцу и…

Резкий сильный толчок расшвырял людей в стороны. Упавшие кое-как поднялись.

Тряска прекратилась, и многие заспешили прочь: найти машину, убраться подальше отсюда, уехать в глубь страны…

— Благословен Ты, Господи Боже отцов наших… — выкрикивал бородатый.

Оставшиеся подхватили. Мужчина знал псалом наизусть, а подпевать было нетрудно.

На поверхности воды были серферы. Она взлетали на гребне мощной зыби. Теперь их скрыла слепящая завеса соленого дождя. Многие из тех,

кто окружил бородатого, помчались прочь в сырую тьму. Но бородач продолжал молиться, и люди из дома на противоположной стороне улицы тоже присоединились к нему.

— Благословите, моря и реки, Господа, пойте и превозносите Его вовеки!

Дождь превратился в ливень, но благодаря причудливой игре порывов ветра на том участке, где находился проповедник и его паства, образовался просвет. Бородатый увидел весь берег — вплоть до пустынного пляжа. Уровень воды заметно понизился, вода отхлынула, оставив на песке бьющихся рыб.

— Благословите Господа, киты и все, движущиеся в водах, пойте и превозносите Его вовеки…

Песнопение завершилось. Люди молчали, стоя на коленях под хлещущим дождем и вспышками молний. Мужчине показалось, что он различает, как вдалеке — за самим горизонтом, океан вздыбливается чудовищным горбом, отвесной стеной, перегородившей весь мир.

— Господи, спаси нас, ибо объяли меня воды до души моей! — закричал проповедник.

Прочие не знали Книгу пророка Ионы, но слушали, затаив дыхание. Со стороны океана донесся зловещий гул.

— Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною.

«Нет, — подумал бородатый, — оставшаяся часть не подходит». И он снова начал петь псалом:

— Господь Пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться.

Стремительно надвигался водяной вал. Они допели до конца.

Какая-то женщина встала.

— Молитесь, — произнес проповедник.

Грохот океана заглушил его слова, завеса дождя налетела на людей, и скрыла от их глаз огромную волну. Та мчалась к берегу — вздымающаяся водяная стена — выше любого небоскреба, всесокрушающая колесница Джаггернаута, вскипающая у основания грязно-белой пеной с зелеными прожилками. Но бородач успел заметить нечто крошечное, двигающееся поперек ее склона. А потом стена обрушилась на него и его паству.

Гил отдыхал, лежа ничком на доске. В голове медленно кружили мысли. Он ждал большую волну, как и все остальные. Под животом плескалась вода. Горячее солнце пекло спину. С обеих сторон от него подпрыгивали, выстроившись

цепочкой, доски для серфинга.

Джанин поймала взгляд любовника, и уголки ее губ лениво поползли вверх. В ее улыбке были обещания и воспоминания. Ее мужа не будет в городе еще три дня. Ответная ухмылка Гила не выражала ничего. Он зевнул. Здесь, на пляже в Масл-Бич в Санта-Монике, хороших волн не бывало, но Джанин жила неподалеку, так что, может, он и передумает… Ничего, океан никуда не денется: будут и другие дни.

По обрывистому берегу вразброс стояли особняки, нарядные и новенькие. Дома на пляже Малибу выглядели совсем иначе: они всегда казались более обветшавшими, чем на самом деле. Но и тут имелись признаки старения, причем самые что ни на есть реальные. Там, где земля граничит с морем, все разрушается быстро. Гил, как и его приятели, покачивающиеся на волнах в это прекрасное утро, был совсем юным. Семнадцать лет, дочерна загорелый, длинные волосы выгорели почти добела, мышцы на животе, как пластины, покрывающие шкуру броненосца. Ему нравилось, что он выглядит старше своих лет. Отец выкинул сына из дома, но юноше не приходилось платить ни за жилье, ни за еду.

Всегда находились женщины в возрасте.

Если он и вспоминал о муже Джанин, то с дружелюбным весельем. Гил не был для него опасен. Он не искал ничего постоянного. А ведь ею мог завладеть любой парень, которому захотелось бы вечно тянуть из нее деньги…

Он сощурился от ослепительного солнца. Оно вспыхнуло еще ярче, и Гил зажмурился. Это был рефлекс — здесь достаточно часто колол глаза отраженный волнами свет. Сквозь сомкнутые веки юноша увидел, как вспышка угасла, и широко распахнул глаза. Оглядел море. Идет волна?

Из-за горизонта поднялась огненная туча. Юноша разглядывал ее, стараясь поверить, что все это происходит на самом деле…

— Волна! — встав на колени, воскликнул он.

— Где? — спросил Кори.

— Увидишь, — отозвался Гил.

Он развернул доску и погнал ее в океан, согнувшись так, что щека почти касалась гладкой поверхности, делая глубокие мощные гребки длинными руками. Он боялся до чертиков, но никому не было суждено узнать об этом.

— Подожди меня! — позвала его Джанин.

Парень продолжал грести. Остальные поплыли следом, но выдержать такой темп мог лишь сильный. Рядом держался только Кори.

— Там огненный шар! — крикнул он, задыхаясь. — Молот Люцифера!.. Цунами!..

Гил промолчал. Разговоры в воде не поощрялись, зато его приятели загомонили. Он увеличил скорость, оставив их позади. Во время таких событий мужчина должен оставаться один. Он начал понимать, что смерть рядом.

Начался дождь, однако он продолжал грести. Оглянувшись, увидел, как оседает берег вместе домами, и на их месте возникает бескрайняя, влажно блестящая полоса нового взморья. В холмах над Малибу сверкали молнии.

Очертания холмов изменились. Аккуратные коттеджи Санта-Моники обрушились, превратившись в груды щебня.

Горизонт вздыбился.

Смерть. Неотвратимая. И что делать в таком случае? Держать форс — и больше ничего. Гил греб, оседлав уходящую из-под доски волну. Но волна укатилась. Он заплыл слишком далеко. Развернув доску, он стал ждать.

Серфингисты догнали его и растянулись в цепочку в несколько сотен ярдов. По их спинам барабанил дождь. Если они что-то говорили, Гил их не слышал. Сзади накатывал ужасающий грохот. Он выждал еще пару секунд — и опять

принялся за дело, делая глубокие, уверенные гребки. Хорошие, какие надо.

Он скользил вниз по склону громадной зеленой водяной стены, и та неуступчиво вздымалась под ним, настолько мощно, что юноша теперь стоял на четвереньках. Кровь прилила к лицу, глаза вылезли из орбит, из носа потекла кровь. Напряжение было непереносимым. Затем стало легче. Не снижая скорости, Гил вновь развернул доску и, балансируя на коленях, наискось заскользил по склону почти вертикальной волны…

Он выпрямился. Ему нужно увеличить угол. Если он действительно сумеет взлететь на гребень и съехать вниз, то, значит, будет жить! Давай — через гребень, ну, не напортачь…

Прочие тоже повернули доски. Гил видел их впереди и позади, беспорядочно разбросанных по бутылочно-зеленому склону. Кори свернул не туда. Он пронесся рядом с дикой скоростью, дико перепуганный.

Их несло к суше, подняв гораздо выше берега. Санаторий, пирс Санта-Моники с каруселью, яхты, пришвартованные на якоре, — все мгновенно ушло под воду.

Серфингисты смотрели с высоты на улицы и машины. Гил мельком увидел внизу бородатого

мужчину, стоящего на коленях и еще каких-то людей рядом с ним. Потом вода скрыла их. Подножие волны превратилось в бурлящий хаос: белая пена, стремительные водовороты обломков, изуродованные трупы, кувыркающиеся автомобили.

Под Гилом был бульвар Санта-Моники. Волна перекатилась через торговый центр, загрохотала и смела со своего пути прилавки, куски стен, тела продавцов и покупателей, сломанные деревья и мотоциклы. Она захлестнула дома, и парень приготовился к столкновению, пригнулся пониже. Доска ударила его в ступни и едва не выскользнула из-под ног. Он увидел, как вода захлестнула Томми Шумахера: тот исчез, а его доска подпрыгнула и бешено закрутилась.

Теперь остались всего две доски.

Пенящийся гребень был высоко над ним, хаос у ее основания — гораздо ближе. Ноги страшно затекли, мышцы ныли, силы были на исходе. На поверхности виднелась уже одна доска — впереди и ниже, чем Гил. Чья? Не имело значения: она нырнула в пену и сгинула.

Он рискнул и быстро оглянулся. Никого. Он выжил — на громадной волне.

Господи, если он выкарабкается и расскажет

эту историю, какой можно будет сделать фильм! Круче «Бесконечного лета» и «Ада в поднебесье». Чумовое кино со спецэффектами на десять миллионов! Если только ноги не подведут! Он и так побил все рекорды, его наверняка занесло не меньше, чем на милю в глубь материка, никто никогда не держался на волне целую милю! Но пенный загнутый гребень замаячил над головой, а на Гила стремительно мчался тридцатиэтажный «Дом Баррингтона»…

От кометы остались лишь жалкие крохи. Пара горстей летящих глыб заледенелой грязи. Гравитационное поле Земли разбросало их по небу. Возможно, обломки и вернутся когда-нибудь в гало, но им никогда не воссоединиться вновь.

На поверхности планеты зажглись кратеры. Когда какой-нибудь обломок попадал в воду, вспышка была столь же яркой, как и при соударении с сушей. Но раны, нанесенные океану, становились все менее значительными. Вокруг кольцом вырастала водяная стена.

Один удар пришелся в Тихий океан. Волна вокруг гигантской вмятины взметнулась вверх на две мили. Она бурлила по краям. Давление расширяющегося перегретого пара отталкивало ее назад.

Колонной матового стекла поднялся раска-

ленный пар. Он нес с собой соль из выпаренной морской воды, донный осадок и частицы врезавшегося в океан обломка. Достигнув границ земной атмосферы, колонна начала расплываться, превращаясь в расширяющийся водоворот.

Мегатонны пара медленно остывали. Вокруг пылинок и крупных частиц начала конденсироваться влага. Из этих образований выпадали более тяжелые шарики все еще горячей жидкой грязи. Падая, некоторые из них сливались.

Оказавшись в нижних слоях атмосферы, где царил сухой воздух, часть воды испарялась.

Падение Молота: 2

О, грешник, куда ты собрался бежать?
О, грешник, куда ты собрался бежать?
О, грешник, куда ты собрался бежать?
Настал день.

Магазин, где продавались телевизоры, оказался закрыт. И не откроется еще в течение часа. Хамнер кинулся на поиски — бар, парикмахерская, что угодно, лишь там был телик, — но ничего не нашел.

Мелькнула глупая мысль о такси. Они в Лос-Анджелесе не раскатывают по улицам в поисках клиентов. Они приезжают по вызову, но ждать, возможно, придется целую вечность. Нет. Ему не добраться до ЛРД, а ядро кометы Хамнера — Брауна наверняка достигло Земли и вот-вот начнет удаляться! Астронавты ведут наблюдения и посылают записи сюда, а Тим ничего не увидит!

Полиция в основном арестовала Стражей, но на затор это не повлияло. Слишком много брошенных автомобилей.

«И что теперь? — подумал он. — Может, удастся…»

Где-то сбоку вроде бы моргнула яркая лампа: раз — и погасла. Тим замигал. Что еще такое ему померещилось? Но в южной стороне, ничего нет, только зеленые холмы Гриффит-парка: там какая-то парочка едет верхом по тропинке.

Хамнер нахмурился и с задумчивым видом вернулся к своей машине. В салоне установлен радиотелефон, и он попробует вызвать такси.

Вдруг двое Стражей в белых балахонах (одно из одеяний было с красной отделкой) шагнули ему навстречу. Откуда они-то взялись?

Тим увернулся, а проповедники пристали к другому пешеходу:

— Молитесь, люди! Час настал, но еще не поздно…

Когда Хамнер добрался до автомобиля, гудки и гневные вопли слились в яростное крещендо…

Земля вздрогнула. Внезапный резкий толчок и второй, помягче. Здания закачались. Стекла в витринах треснули и со звоном посыпались. Тим услышал это, потому что клаксоны резко смолкли. Словно все окаменели. Из супермаркета выскочили несколько человек, да так и замерли на месте. Остальные маячили в дверях, готовые выбежать после нового толчка.

Но ничего не произошло. Водители принялись

сигналить, заорали, завизжали люди. Тим открыл дверцу машины и потянулся за трубкой радиотелефона…

Но земля вздрогнула, и опять зазвенело осыпающееся стекло. Кто-то истошно завопил. А потом воцарилась тишина. Из рощицы возле парковки студии Диснея вылетела стая ворон. Птицы каркали на стоявших внизу людей, но никто не обращал на них внимания. Медленно тянулись секунды, автомобильные гудки послышались снова — и Хамнера с размаху швырнуло на асфальт.

На сей раз толчки не прекратились. Почва вздрогнула, заходила ходуном, содрогнулась, и всякий раз, как Тим пытался встать, его сбивало с ног. Казалось, это никогда не прекратится.

Кресло — вместе с Эйлин — лежало, опрокинувшись, погребенное под грудой каталогов.

Голова страшно болела. Юбка задралась до бедер.

Девушка вылезла из кресла очень медленно и осторожно, поскольку все вокруг было усеяно осколками стекла, и одернула юбку. Чулки — сплошь в дырах. На левой лодыжке — длинный узкий мазок крови. Она смотрела на него, боясь дотронуться, и только удостоверившись, что

кровь остановилась, коснулась раны.

В приемной царил хаос. Рассыпанные каталоги, разбитый вдребезги кофейный столик, опрокинутые полки, стеклянное крошево… Эйлин одурело потрясла головой. В ней роились идиотские мысли. Почему от одного оконного стекла столько осколков?

В конце концов она осознала, что тяжеленные полки и стоявшие на них книги каким-то чудом не рухнули на нее. Эйлин — ей стало нехорошо — оперлась на секретарский стол.

И увидела Джо Корригана.

Громадное витринное стекло вылетело внутрь. А босс, не шевелясь, сидел как раз возле окна. Пошатываясь, Эйлин подошла к нему и опустилась на колени, порезав ногу. Кусок стекла размером с добрый кинжал пропорол Корригану щеку и глубоко вонзился в горло. Из раны вытекло много крови, но кровотечение уже прекратилось. Глаза и рот мужчины были широко открыты.

Эйлин вытащила осколок-кинжал из горла Джо. Приложила ладонь к ране и невольно удивилась — что надо делать в таких случаях? Снаружи полиция: офицеры наверняка знают, как поступить. Она вдохнула побольше воздуха, готовясь испустить пронзительный крик. Но

вдруг затаила дыхание…

На улице вопило множество людей. Кто-то просто истошно орал. До Эйлин донесся нестройный шум. К возгласам примешивался грохот, будто рушились дома. Гудели автомобили (два, не меньше), то тише, то громче, дрожа в механической агонии. Никто бы не услышал, как она зовет на помощь.

Она посмотрела на Корригана, взяла за руку. Пульса не было. Пощупала на шее с другой стороны. Нет. Эйлин выдрала из ковра пучок ворсинок и поднесла к ноздрям Джо. Ни одна пушинка не шелохнулась. «Что за чушь, — подумала она, — человек не может умереть от раны на шее! Но он мертв. Сердечный приступ?»

Она медленно поднялась. По ее щекам катились соленые слезы с привкусом пыли. Прежде чем выйти наружу, она машинально причесалась и огладила юбку. Ей захотелось расхохотаться. Она подавила это желание. Если она засмеется, то уже не остановится.

Крики усиливались. Ей стало страшно, но она поняла, что должна покинуть контору поскорее. Там полиция и Эрик Ларсен. Вот и он! Она едва не окликнула его по имени, но увидела, что происходит, и застыла в разбитом дверном проеме.

Патрульный Ларсен родился в Канзасе. Землетрясения оказались для него чем-то совершенно незнакомым и жутким. Сейчас ему хотелось бегать кругами, всплескивая руками и скуля. Но он не мог даже подняться на ноги. Он пробовал — и каждый раз его бросало обратно на землю, поэтому в итоге решил оставить все как есть. Он уткнул лицо в сгиб руки и зажмурился. Эрик пытался думать о сценарии для телевидения, который напишет, когда этот кошмар закончится, но не мог сосредоточиться.

Дикие вопли не стихали.

«Земля ревет, как разъяренный бык. Поэтический образ, где я мог его услышать?» Но к реву примешивались иные звуки — грохот сталкивающихся автомобилей и скрежет рушащихся зданий, шум падения бетонных плит, и всюду — людской пронзительный визг: одни голосили в страхе, другие — в ярости, третьи кричали просто потому, что не могли остановиться.

Но вот толчки прекратились. Ларсен открыл глаза.

Привычный ему мир исчез. Кое-какие здания рухнули, кое-какие покосились, автомобили разбились вдребезги. Мостовая перекручена, смята. Парковка превратилась в головоломку из кусков

асфальта, торчащих под самыми невероятными углами. Супермаркет на противоположной стороне улицы обвалился внутрь, стены осыпались, крыша слетела. Из развалин выползали люди. Эрик выжидал: пусть поведение местных жителей подскажет ему, как действовать дальше. В Канзасе — торнадо, в Калифорнии — землетрясения. Горожане должны знать, что делать.

Но нет. Те немногие, кто уцелел, стояли и моргали, глядя в ясное безоблачное летнее небо. Или лежали в лужах крови. Или кричали и носились вокруг как безумные.

Ларсен поискал глазами напарника. Форменные синие брюки и черные ботинки торчали из-под груды чугунных труб и прочего водопроводного оборудования, высыпавшегося из грузовика. Там, где полагалось быть голове Гарриса, громоздился ящик с этикеткой «Бесшумный слив». Картонка оказалась весьма плотно прижата к земле. Эрик содрогнулся и вскочил на ноги. Он не мог подойти ближе. Пока. И потому он поплелся к супермаркету, гадая, когда примчатся кареты «Скорой помощи», высматривая, где же старший по чину коп, который скажет ему, что делать.

Рядом с «универсалом» стояли трое здоровяков

во фланелевых рубашках. Один обошел вокруг автомобиля, осматривая, нет ли повреждений. Машина была тяжело нагружена. Багажник раздавило крыльцо с перилами, украшенными чугунными финтифлюшками.

Мужчины громко ругались. Кто-то из них наконец распахнул заднюю дверцу, нырнул в салон и вылез оттуда с ружьями. Он раздал их товарищам.

— Мы не уедем отсюда из-за этих ублюдков. — Он говорил очень тихо и со странным спокойствием.

Эрик едва его слышал.

Двое других кивнули и начали заряжать оружие. Они не обращали внимания на Ларсена. Затем все трое уперли приклады в плечи и прицелились в Стражей Кометы (некоторые из них были в наручниках, а некоторые скованы общей цепью). «Балахоны» завизжали, задергались. Прогремел выстрел.

Ларсен сунул руку к кобуре и выхватил пистолет. Черт возьми! На трясущихся ногах он шагнул к стрелкам. Те уже перезаряжали пушки.

— Не надо, — сказал Эрик.

Мужчины вздрогнули, услышав его голос. Обернулись и увидели синюю полицейскую форму.

Здоровяки нахмурились, глаза их округлились, на лицах проступила неуверенность. Патрульный тоже оглянулся. Он уже раньше заметил на бампере их автомобиля надпись: «Помогайте местной полиции».

Старший из троицы злобно фыркнул:

— Все кончено. Неужто непонятно, что вы сейчас видите гибель цивилизации?

Внезапно Ларсена осенило. Никакие машины «Скорой помощи» не появятся, не повезут пострадавших в больницы. Он в ужасе посмотрел вдоль Аламеды — туда, где возвышался собор Святого Иосифа. И растерянно уставился на искореженную мостовую и разрушенные дома.

А был ли вообще отсюда виден собор? Эрик никак не мог вспомнить.

— Ублюдки не дали нам уехать в горы! — заорал главный. — Кому они нужны? — Он покосился на свой разряженный дробовик с открытыми патронниками. В левой руке он сжимал два патрона, и, похоже, уже собирался вложить их в каморы.

— Я не знаю, — ответил Ларсен. — Намереваетесь стать тем, кто первый откроет стрельбу по полицейским? — Он демонстративно уперся взглядом в наклейку на бампере.

Мужчина последовал его примеру, но тотчас отвел глаза.

— Ну что? — повторил Эрик.

— Нет.

— Хорошо. Отдайте мне дробовик.

— Он мне понадобится, чтобы…

— Мне он тоже понадобится, — прервал его Ларсен. — У ваших друзей есть оружие.

— Я арестован?

— Куда бы я вас отвел? Просто отдайте мне дробовик.

Здоровяк кивнул.

— Ладно.

— И патроны, — с настойчивостью добавил Эрик.

— Вот.

— А теперь уходите отсюда, — произнес патрульный.

Он держал дробовик, не заряжая его. Стражи — двое или трое уцелевших — глазели на Эрика и мужчин в немом ужасе.

— Спасибо, — вымолвил Ларсен и сам потащился прочь, нимало не заботясь о том, куда направятся громилы.

«На моих глазах произошло умышленное убийство, а я ничего не предпринял», — подумал он

и резко ускорил шаг. Как будто его разум утратил связь с телом, а организм сам знал, куда ему следует идти.

Небо на юго-западе выглядело причудливо. Тучи куда-то плыли, клубились и внезапно исчезали, будто снятые в технике «таймлапс». Впрочем, это была знакомая ему картинка. И не только Ларсену — любому, кто родом из Топики. Грядет торнадо. Когда небосвод выглядит именно так, надо побыстрее спрятаться в ближайший подвал, прихватив с собой радиоприемник и флягу с водой.

«До городской тюрьмы отсюда добрая миля», — сказал себе Эрик и придирчиво осмотрел небо.

«Успею».

И он продолжил свой путь. Ларсен еще оставался цивилизованным человеком.

Эйлин молча наблюдала за происходящим. О чем говорили, она не слышала, но кое-что ей стало ясно. Полиция… нет больше никаких копов.

Двое Стражей уже стали трупами. Еще пятеро корчились в агонии, получив смертельные раны. Остальные старались освободиться от наручников или от общей цепи.

Кто-то из «балахонов» использовал болторез. Эйлин узнала инструмент. Несколько минут

назад — или бесконечно давно — Джо Корриган вручил ножовку полицейским. То, что видела Эйлин, было непостижимо. Люди лежали мешками или выползали из развалин. Какой-то мужчина взобрался на разбитый грузовик. Он сидел на кабине, свесив ноги на ветровое стекло, и большими глотками пил виски прямо из бутылки. А потом поднимал голову, пялился на небо и смеялся.

А уцелевшим «балахонам» грозила опасность. Для Стражей начался настоящий кошмар. Сотни доведенных до белого каления водителей и пассажиров, пешеходы, спасавшиеся бегством из города (не то чтобы они ожидали падения Молота, но удирали — просто на всякий случай)… и всем им преградили дорогу Стражи Кометы. Многие еще не пришли в себя: они лежали навзничь или бесцельно куда-то брели, но хватало и других. А вот эти мужчины и женщины смыкали кольцо вокруг проповедников. И у каждого было в руках что-либо тяжелое — монтировки, цепи, рукоятки домкратов, бейсбольные биты.

Хэнкок застыла в дверях. Она оглянулась на тело Корригана. Две глубокие морщинки прорезали ее лоб, когда она увидела уходящего прочь патрульного Ларсена. На улицах вспыхнули

беспорядки, а единственный оказавшийся тут служитель закона сбегал с места преступления. А ведь он преспокойно взирал на убийство… Мир, понятный Эйлин, перестал существовать.

Но что же вообще случилось? Осторожно ступая по осколкам стекла, она вернулась в офис.

«Слава богу, что люди придумали обувь на низком каблуке», — подумала она. Под ногами все время хрустело. Теперь она шла быстро, не глядя на разломанные вещи, обрушившиеся полки и просевшие стены.

Отрезок трубы, пробившей потолок, наполовину разломал ее письменный стол, разбив вдребезги столешницу. Труба оказалась невероятно тяжелой. Эйлин закряхтела от усилий — и сдвинула ее. Она вынула из-под нее сумочку и разыскала переносной радиоприемник. Тот выглядел неповрежденным.

Из него донесся треск разрядов. Эйлин показалось, что сквозь статику можно расслышать какие-то слова. Кто-то кричал: «Падение Молота!» — повторяя это снова и снова. Или ей только почудился возглас? Неважно. Во фразе не было никакой полезной информации.

Впрочем, определенная информация имелась — сам факт того, что комета задела Землю. Значит,

то, что творилось здесь, не являлось локальным бедствием. Сан-Андреас накрылся. Ладно. Но в Южной Калифорнии — сотни радиостанций, и далеко не все они расположены рядом с зоной бедствия. Хоть одна, а то и полдюжины должны продолжать вещание… кроме того, Эйлин знала, что никакое землетрясение не может создать столько «белого шума» в эфире.

Статика. Атмосферные помехи. Хэнкок прошла в глубину склада и обнаружила тело какого-то работника. Она поняла это по комбинезону. Незачем было смотреть в лицо погибшему. Или на его грудь, превратившуюся в месиво. Дверь в переулок заклинило. Эйлин потянула, створка скрипнула, и женщина предприняла вторую попытку. Упираясь порезанным коленом в стену, она тянула изо всех сил. И дверь открылась — ровно настолько, чтобы протиснуться.

Она протиснулась наружу и посмотрела на небо.

В небе клубились черные тучи. Пошел дождь. Соленый. Сверкали молнии.

Переулок перекрыли завалы. Ее автомобиль здесь не проехал бы. Эйлин остановилась, достала из сумочки зеркальце, салфетку и стерла с лица кровь и грязные потеки от слез. Не имело

никакого значения, как она выглядит, но она почувствовала себя лучше.

Дождь усилился. Тьма, молнии в небе… Почему? В океан угодил крупный обломок кометы? Тим пытался рассказать ей, что может произойти в таком случае, но она не слушала: все было столь далеко от реальной жизни. Думая о Хамнере, Эйлин спешила в сторону Аламеды: больше идти было некуда.

Когда она добралась до более широкой улицы, то не поверила своим глазам.

Посреди мятежной толпы она заметила Тима.

Землетрясение буквально «затолкало» Хамнера под его автомобиль. Там он и оставался, ожидая нового толчка, пока не почувствовал запах бензина. Тогда он быстро вылез из-под машины и, не вставая с четверенек, пополз по искореженной мостовой к тротуару.

Он слышал истерические вопли и предсмертные стоны, а еще треск бетона, ломающегося о мостовые, скрежет металлических кузовов протыкаемых бетонными обломками, бесконечный звон бьющегося стекла. И он до сих пор не мог поверить, что все это происходит на самом деле. Он поднялся. Его трясло.

Повсюду валялись, раскинув руки, люди в бе-

лых балахонах, в синей форме, в обычной одежде. Одни — неподвижно, другие еще шевелились. Некоторые, несомненно, погибли — их тела оказались неестественно перекрученны или раздавлены. Автомобили перевернуло, или разбило один о другой, или раздавило обрушившимися стенами. Не осталось ни одного неповрежденного здания. В ноздри ударил сильный запах бензина. Тим полез было за сигаретами, но резко отдернул руку, а затем переложил зажигалку в задний карман. Если она потом понадобится, ему придется вспомнить, где она находится. И подумать.

Восточной стены массивного трехэтажного здания уже не существовало. Битый кирпич и осколки стекла усыпали парковку и переулок, докатившись почти до места, где только что лежал Хамнер. Громадный обломок с куском витрины пробил крышу машины Тима прямо над пассажирскими сиденьями. Из бака вытекал бензин: и лужа увеличивались в размерах.

Откуда-то донеслись крики. Он постарался не слышать их. Он не мог сообразить, что делать. Из-за угла улицы выплеснулась бунтующая толпа.

Впереди бежали трое в белых балахонах. Они молчали: берегли силы, чтобы дышать. Орали преследователи.

Наконец один из проповедников подал голос.

— Спасите! Ради бога! — завопил он и кинулся к Хамнеру.

Толпа ринулась следом. Взгляды обратились на Тима — все разом, одновременно, и он подумал: «Они решат, что я заодно с этими».

Потом пришла еще более пугающая мысль.

«Меня могут узнать. Я тот, кто открыл или, как сказал «балахон», придумал Молот…»

Времени оставалось слишком мало, чтобы придумать что-то путное. Тим вытащил из багажника портативный магнитофон. Стражник мчался прямо на него. У юнца была жиденькая светлая бородка, вытянутое лицо исказилось от ужаса.

Хамнер ткнул навстречу ему микрофон.

— Минуту, сэр. Как вы… — громко проговорил он.

Парень, оскорбленный и обманутый в своих ожиданиях, на бегу стукнул кулаком по микрофону и понесся прочь. Два других беглеца и многие из толпы тоже пробежали дальше по улице, к тупику. Жаль, конечно. Какие-то дюжие типы пролетели рядом с Тимом, загоняя «балахон» в разрушенный дом.

Кто-то, однако, задержался возле Хамнера.

Он опять поднял микрофон.

— Сэр! Как по-вашему, почему это произошло?

— Черт побери, все ж ясно… Дружище, те сукины сыны… Проклятые Стражи преградили нам дорогу… когда мы… ехали к Большому Медведю, — задыхаясь, проговорил мужчина. — Они… собирались остановить комету молитвой. Только… не получилось… а мы оказались как в ловушке… И мы уже перебили… половину ублюдков…

Сработало! Почему-то никому не приходит в голову убивать репортеров. Вероятно, из-за немедленной огласки: ведь мир увидит, как ты совершаешь убийство.

Другие громилы тоже остановились и сгрудились вокруг Хамнера. Вряд ли они выстроились в очередь, чтобы расправиться с Тимом.

Нет. Они ждали своего шанса высказаться.

— Откуда вы? — спросил кто-то.

— Из Кей-эн-би-си, — выпалил Тим.

Он порылся в карманах, нащупывая визитку, которую ему дал Харви Рэндолл. На карточке значилось «репортер». Вот она. Хамнер вытащил ее, не забыв большим пальцем прикрыть имя и фамилию.

— Есть у вас связь с ними? — спросил тот же человек. — Пусть пришлют сюда…

Тим покачал головой:

— Это записывающее устройство, а не рация. Скоро прибудет моя группа. Надеюсь. — Он повернулся к первому громиле: — Как вы теперь намереваетесь выбраться отсюда?

— Пешком, наверное, — мужчина вроде бы утратил всякий интерес к Стражам.

— Благодарю вас, сэр. Если не возражаете, подпишите, пожалуйста… — Тим выудил из багажника пачку анкет Эн-би-си. Здоровяк попятился, словно это был не ворох бумаг, а скорпионы, и на секунду будто бы задумался.

— Не надо, дружище. — Он повернулся и пошел прочь.

Другие последовали его примеру. Толпа растаяла, оставив Хамнера в одиночестве возле обломков его автомобиля.

Тим спрятал визитку в нагрудный карман — так, чтобы она высовывалась и читалось напечатанное крупными буквами слово «Пресса» (но имя не было видно). Перекинул ремень магнитофона через плечо. Взял микрофон и пачку анкет. Получилось тяжело и громоздко, но дело того стоило. Правда, смеяться ему не хотелось.

Аламеда представляла собой царство ужаса. Женщина в дорогом брючном костюме прыгала

на неподвижно распростертом теле проповедника. Хамнер отвел взгляд. Когда он снова огляделся, вокруг кишели люди с окровавленными монтировками в руках. Один из них резко повернулся к новоприбывшему, нацелил ему в живот громадный пистолет.

Тим сразу же сунул ему под нос микрофон:

— Извините, сэр. Каким образом вы угодили в столь неприятную ситуацию?

Мужчина начал рассказывать и расплакался.

Кто-то тронул Хамнера за локоть. Он помедлил в нерешительности, ему не хотелось выпускать человека с пистолетом из поля зрения: тот продолжал что-то лепетать, слезы ярости катились по его щекам, а дуло по-прежнему было нацелено прямо Тиму в живот. Внезапно мужчина серьезно взглянул Тиму в глаза. Неизвестно, что он в них увидел, но стрелять пока не стал…

«Кто там, черт бы его побрал?»

Этот «кто-то» потянул из руки Хамнера анкеты.

Что?! Эйлин Хэнкок?! Он еще крепче вцепился в микрофон.

Молодая женщина протиснулась поближе, и тогда он отдал ей анкеты.

— Привет, шеф, — произнесла Эйлин. — Труд-

новато к вам пробраться…

Он едва не упал в обморок. Она не собиралась раскрывать его инкогнито! Благодарение Господу, ей хватило ума не делать этого. Тим кивнул, не отводя взгляда от «интервьюируемого».

— Рад вас видеть, — сказал он без улыбки и, едва шевеля губами, тихо, как будто не хотел мешать мужчине.

— …а если я увижу еще кого-либо из этих сукиных детей, то убью…

— Спасибо, сэр, — мрачно сказал Хамнер. — Вряд ли вы согласитесь подписать?..

— Что? Где?

— Анкету.

Пистолет качнулся. Теперь дуло смотрело Тиму в лицо.

— Ах ты, сволочь!.. — рявкнул мужчина.

— Мы проводим анонимный опрос, — заговорила Эйлин. — Сэр, вам ведь известно, что законы, принятые в штате Калифорния, защищают журналистов, не так ли?

— Что за…

— Нас нельзя заставить раскрыть наши источники, — объяснила она. — Вам не о чем беспокоиться. Таков закон.

— Ах так… — Мужчина огляделся.

Остальные смутьяны куда-то пропали. Дождь усилился. Громила глянул на Тима, на Эйлин, на свой пистолет и разрыдался. Затем развернулся и побрел прочь. Сделал несколько шагов и побежал…

Где-то взвизгнула женщина — коротко и пронзительно. Непрерывно звучали крики, стоны и гром. Неутихающий, где-то очень близко. Дул пронизывающий ветер. На неповрежденном автомобиле, на крыше, примостились двое парней с телекамерами. Невозможно было сказать, давно ли они здесь, но они словно находились на своем личном островке. Отдельно от всех. Как Тим и Эйлин.

— Такие ребята не любят гласности, — заметил Хамнер. — Рад тебя видеть. Я и забыл, что ты работаешь поблизости.

— Работала, — поправила его Эйлин и показала на развалины. — Не думаю, что кто-то теперь станет покупать сантехническое оборудование…

— В Бербанке — никто, — невесело усмехнулся Хамнер. — Рад тебя видеть, — повторил он. — Ты ведь знаешь, да? Что будем делать?

— Тебе решать.

Над ними сверкнула молния. Загремел гром. Холмы Гриффит-парка были сплошь залиты

вспышками голубого пламени.

— Надо спрятаться в горах, — произнес Тим. — И быстро.

Во взгляде Эйлин отразилось сомнение. Она показала на молнии.

— Да, одна из них может ударить в нас, — согласился он. — Но у нас будет больше шансов спастись, если мы уйдем из долины. Смотри, какой ливень. Может быть, и…

— Что?

— Цунами.

— Господи. Тогда нам надо в горы Вердаго. Мы доберемся до них пешком. Сколько у нас времени?

— Понятия не имею. Смотря где произошло столкновение. Вернее, столкновения. — Он сам удивился, до чего хладнокровно звучит его голос.

Эйлин зашагала по Аламеде на восток. Дорога вела их туда, где началась уличная пробка и грудой лежали тела Стражей Кометы. Когда они подошли ближе, через перекресток с ревом пронесся автомобиль. Он мчался на заправочную колонку, после чего резко свернул на тротуар. Ободрав краску с правого бока, проскочил между стеной дома и столбом телефонной связи.

Они увидели еще одну машину — без людей и с

распахнутой дверцей. В зажигании торчал ключ.

— Ты хорошо водишь? — спросила Эйлин.

— Нормально.

— Поведу я, — заявила она. — Я чертовски хорошо вожу.

Эйлин заняла место водителя и повернула ключ зажигания. Их средством спасения оказался старенький «крайслер», когда-то роскошный. Теперь коврики были вытерты, рваные чехлы — в безобразных пятнах. Мотор ровно заурчал, и Тим подумал, что никогда в жизни не видел более прекрасного автомобиля.

Они рванули вслед за предыдущей машиной. Колеса наехали на тело в белом балахоне — хоп! — но «крайслер» не сбавил скорости. Пространство между стеной и столбом телефонной связи было невелико, и Эйлин проскочила его, не останавливаясь, на двадцати милях в час, совершенно спокойно. Когда машина буквально втиснулась в узкий лаз, Хамнер затаил дыхание.

Улица плавно поворачивала. Обе полосы движения запрудили автомобили — опять пробка, — и они покатили по тротуару, заезжая во дворы, чтобы избежать столкновения со столбами.

Сейчас «крайслер» приминал цветочные клумбы и заботливо подстриженные лужайки.

Наконец пробка осталась позади.

— Господи, да ты прекрасный водитель, — сказал Тим.

Эйлин не отвела взгляда от дороги. Она была слишком занята: приходилось объезжать всевозможные препятствия. Некоторыми являлись люди.

— Надо их предупреждать? — спросила Хэнкок.

— А что толку? Но… да, — ответил он и опустил боковое стекло. Дождь так и хлестал, соль разъедала глаза. — Уходите в горы! — закричал он. — Будет цунами! Наводнение! — перекрикивал Хамнер пронизывающий ветер.

«Крайслер» проносился мимо горожан, которые остолбенело смотрели ему вслед. Некоторые начинали пугливо озираться, и один раз Тим увидел, как какой-то мужчина, внезапно приняв решение, схватил за руку стоявшую рядом женщину и кинулся к автомобилю.

Машина завернула за угол, и навстречу ей полыхнуло алое пламя. Пожар охватил целый квартал, но здания никто не тушил. Дома пылали, несмотря на ливень. В воздухе плясали горящие частицы.

Потом Эйлин пришлось снизить скорость:

улицу засыпало битым камнем. Навстречу «крайслеру» кинулась женщина, в руках она сжимала сверток в шерстяном одеяле. Хэнкок не успела увеличить скорость: незнакомка добежала до машины и сунула одеяло в окно.

— Его зовут Джон! — выдохнула она. — Позаботьтесь о нем!

— Но… ведь вы не хотите…

Хамнер не успел закончить. Женщина повернула прочь.

— Там еще двое! — воскликнула она. — Джон Мейсон. Запомните имя!

Эйлин снова увеличила скорость. Тим развернул одеяло. Там лежал ребенок. Он не шевелился. Мужчина потрогал его — бьется ли сердце, а когда отнял руку, увидел, что она измазана ярко-красной кровью. Соленый запах дождя не смог перебить ее запах.

— Мертвый, — произнес Хамнер.

— Выброси его, — откликнулась Эйлин.

— Но…

— Мы же не будем есть его. Людоедство нам не грозит.

Ее слова потрясли Тима: он высунул ребенка в окно и разжал пальцы.

— Я… ощущение такое, будто я выкинул на

мостовую часть своей жизни, — признался он.

— Думаешь, мне это нравится? — рявкнула Хэнкок.

Он испуганно посмотрел на нее: по щекам Эйлин текли слезы.

— Мать думала, что спасла свое дитя. По крайней мере, она так считает. Но ничего больше мы для нее сделать не могли.

— Да, — еле слышно подтвердил Хамнер.

— Если… когда… когда доберемся до гор, когда узнаем, что происходит, тогда мы сможем рассуждать, как подобает цивилизованным людям. А пока мы просто выживаем.

— Если удастся.

— Мы выкрутимся. — Мрачная, сосредоточенная Эйлин вела «крайслер» вперед.

Ливень не стихал, и она не видела дорогу. «Дворники», размазывавшие по ветровому стеклу грязь и воду, не помогали.

Шоссе Голден-Стейт треснуло. Туннель перегородили столкнувшиеся автомобили. Посреди расползающегося во все стороны озера огня валялись, опрокинувшись, несколько легковушек и здоровенная бензоцистерна.

— А разве нам не надо остановиться? — спросил Тим.

— Чего ради? — Эйлин свернула влево, и они помчались параллельно шоссе. — Тот, кто собирается выжить, давно убрался отсюда.

«Крайслер» въехал в жилую зону. Дома здесь в основном оказались неповрежденными. Хэнкок и Хамнер почувствовали облегчение: хотя бы недолго не видеть разрушений, раненых, умирающих. Эйлин разыскала другой туннель и поехала к нему.

Дорогу преграждал шлагбаум, но кто-то его сломал. «Крайслер» даже не затормозил.

Когда они выехали из тоннеля, из-за завесы дождя навстречу им вылетел автомобиль и промчался мимо, отчаянно сигналя.

— Кому понадобилось ехать в долину? — Тим был изумлен. — Зачем?

— Жены. Возлюбленные. Дети, — ответила его спутница.

Дорога теперь шла вверх. Когда на пути попадались перекореженные, попавшие в аварию автомобили или рухнувшие здания, Эйлин сворачивала влево, неизменно выдерживая курс на северо-восток. Проехали мимо руин больницы. В развалинах ковырялись полицейские в синей форме и медсестры в промокших до нитки белых халатах. Один из офицеров прекратил работу

и уставился на «крайслер». Хамнер высунулся из окна.

— Бегите в горы! Наводнение! — проорал он. — Цунами!

Коп махнул рукой и опять принялся за работу.

Тим угрюмо смотрел на потеки, покрывающие ветровое стекло. Он чувствовал себя скверно и поморгал, чтобы не расплакаться.

Эйлин покосилась на него. На мгновение выпустив руль, дотронулась до его руки.

— Мы ничем не могли помочь. У них есть тачки, и народу там полно…

— Наверное. — Он и сам не знал, верит ли этому.

Кошмарная поездка продолжалась. Дорога взбиралась к горам Вердаго — мимо оштукатуренных коттеджей и схлопнувшейся школы, мимо горящего и нетронутого жилья. Если кто-нибудь попадался навстречу, Хамнер выкрикивал свое предупреждение. И ему делалось чуть легче, ведь «крайслер» по-прежнему мчался без остановки.

Тим взглянул на часы. Невероятно, но, с тех пор как он увидел яркую вспышку, не прошло и сорока минут.

— До начала действий — сорок минут. Отсчет, — пробормотал он.

Из центра Мексиканского залива со скоростью семьсот шестьдесят миль в час несется волна. Она достигает мелководья у побережья Техаса и Луизианы, и ее основание словно спотыкается. Громадные водные массы напирают сзади, волна растет — и, наконец, чудовищная стена высотой с небоскреб обрушивается на побережье и захлестывает его.

Под сокрушительным напором цунами исчезают Галвестон и Техас-Сити. Вода несется на запад через болота — в Эль-Лаго и дальше, к Хьюстону. Она тащит с собой обломки зданий и сметает все на дуге от Браунсвилла (штат Техас) до Пасадины во Флориде, выискивая на равнинах или в руслах рек любую дорогу в глубь страны — подальше от огненного ада на дне Мексиканского залива.

И вот она вздыбливается у западного побережья Флориды, а затем обрушивается на сушу и мчится в самое сердце материка. Там, где прошла волна, остаются глубокие каналы — великое множество рукавов, соединивших залив с Атлантическим океаном. В грядущих веках Гольфстрим будет гораздо холоднее, чем сейчас.

Воды, затопившие теплый штат, капризны. Здесь отраженная волна вновь сливается с буйны-

ми стремительными потоками, делающимися еще выше, и ненадолго замирает, оставляя часть болот Окефеноки незатронутой. Зато Гавана и рифы Флорид-Кис утопают, причем в мгновение ока.

Майами наслаждается часовой передышкой, но потом океанические массы обрушиваются на берег, сталкиваются с теряющей разбег волной из залива, одолевают ее и врезаются в города на побережье.

Воды Атлантики переполняют Мексиканский залив через только что образованные каналы, пересекающие Флориду. Мелкая чаша не может вместить такой объем, и волны вновь устремляются на север и запад через уже затопленные земли. Одна из них катит вспять по Миссисипи. Когда она минует Мемфис (штат Теннесси) ее высота составляет сорок футов над уровнем моря.

Целую ночь Фред провел у окна. Решетка нисколько не мешала видеть небо. Лорена сфотографировали, сняли отпечатки пальцев и сунули в одиночную камеру, где и оставили до поры до времени. В полдень его переведут в лос-анджелесскую тюрьму.

Он рассмеялся. Никакой тюрьмы уже не будет! И города — тоже. Никогда его, Фреда, не посадят

к тем мужчинам. Нахлынули воспоминания о других застенках, но он выбросил их из головы, вытеснил более приятными мыслями.

Он вспомнил Колин. Он пришел к ней с подарками. Он хотел только поговорить. Она испугалась, но он оказался в ее квартире раньше, чем она успела захлопнуть дверь. Фред принес ей очень славные вещички, и потому она разрешила ему постоять на пороге — пока она на противоположном конце комнаты рассматривала украшения, перчатки и красные туфельки и удивлялась, откуда он знает ее размеры. Он ей рассказал.

Фред все говорил и говорил: спустя некоторое время Колин сменила гнев на милость и позволила ему присесть. Она предложила ему спиртное, и они еще побеседовали, и она сама выпила два бокала, а потом еще один. Ей было приятно, что он так о ней осведомлен. Разумеется, он умолчал о телескопе, но рассказал, что в курсе, где она работает, и где делает покупки, и какая она красавица…

Об остальном и вспоминать не хотелось. Как только Колин хватила лишнего, то она заявила, что, хотя они только что познакомились, ей кажется, будто она знает его давным-давно. Конечно

же, так и есть, хоть она об этом не подозревала. А потом она спросила, не хочет ли он остаться.

Шлюха. Как и все остальные. Нет, она в действительности не была такой, она полюбила его по-настоящему, несомненно, полюбила, но зачем она расхохоталась и закричала, чтоб он убирался?..

Нет!

Лорен всякий раз запрещал себе возвращаться в прошлое. Он поглядел в окно. Наверху висела комета. Сверкающий хвост раскинулся по небосводу, точь-в-точь как на картинках в астрономических журналах, а когда забрезжил рассвет, подсветивший и крошечный клочок на западе, на который глазел Фред, — комета все равно сияла сквозь облака.

А по улицам шли люди — ну разве не дураки?

В камеру принесли завтрак. Тюремщики не пожелали с ним разговаривать. Даже надзиратели и те относились к нему так…

Они знали. Полицейские врачи осмотрели ее и поняли, что она не… что он не смог. Он старался, но он не сумел, а она смеялась, а он-то понимал, что нужно сделать, чтобы смочь. Но ведь он не хотел этого, а она все хохотала. И тогда он укусил ее, и кусал — пока она не закричала, и он смог

— но только пока она орала!

Хватит, а то он вспомнит лежащее на кровати тело. Легавые заставили Фреда посмотреть на труп. Один коп выкрутил ему руку и ломал пальцы, пока Лорен не открыл глаза, но ведь он не желал глядеть… Почему они не понимали, что он любил ее и не хотел ничего такого…

За домами на противоположной стороне улицы странно засияло небо. Где-то слева, на юго-востоке, далеко. Оно угасло, прежде чем Фред успел хоть что-то различить. Однако он улыбнулся. Итак, свершилось. Теперь ждать уже недолго.

— Эй, Чарли! — воззвал вдалеке пропитой голос.

— Чего? — отозвался надзиратель.

— Что там творится? Кино снимают, что ли?

— В толк не возьму. Спроси у того маньяка, у него окно на западную сторону.

— Эй, секс-маньяк…

Внезапно пол резко накренился. Фред оказался в воздухе, он летел… Он выставил руки вперед, защищая голову от мчащейся навстречу стены. Она с размаху ударила по рукам, Лорен взвыл. Левый локоть пронзила чудовищная боль.

Пол, похоже, вновь обрел устойчивость. Тюрьму построили на совесть, от толчка ничего не

разрушилось. Фред пошевелил левой рукой и застонал. Другие заключенные кричали. Один истошно вопил: должно быть, его сбросило с верхней койки. Не обращая внимания на возгласы, Лорен потащился к окну. Ему было очень страшно. Неужели все кончено?

Обычный день, но… тучи. Господи, как быстро они мчатся! Они летели на северо-запад, они клубились, возникали и исчезали. Более спокойный и стабильный нижний слой облаков начал перемещаться к юго-западу. Не того ожидал Фред! Он-то готовился к тому, что мир мгновенно поглотит стена огня. А светопреставление развлекалось!

Небо потемнело. Теперь его сплошь затянули черные тучи. Они бешено вихрились, перемещались, их озаряли беспрерывные вспышки молний. Вой ветра и раскаты грома заглушали людские вопли.

Апокалипсис явился в обличье слепящих вспышек и беспрерывного порохового грохота.

Фред пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу. Локоть продолжал болеть. Наверное, в тюрьму ударила молния. Лампы в коридоре не горели, снаружи было темно, и разглядеть что-то можно было только при сюрреалистических

вспышках молний, следующих одна за другой, словно в стриптиз-баре включили стробоскоп.

Вдоль камер двигался Чарли. Он выпускал заключенных, они выходили и плелись по коридору на волю.

Но мимо клетки Лорена надзиратель прошел, не сбавив шага. Вскоре в скважине соседней камеры заскрипел ключ.

Фред завизжал. Чарли не оглянулся. Он добрался до конца тюремного блока и принялся спускаться вниз по лестнице.

Лорен остался в полном одиночестве.

Ларсен не смотрел ни вправо, ни влево. Он шел большими шагами, огибая мертвые тела, игнорируя любые призывы о помощи. Он мог бы помочь, но даже не сумел бы себя заставить это сделать.

Холодный блеск глаз Эрика и небрежно выставленный вперед ствол дробовика отбивали всякую охоту заступать ему дорогу.

Он не заметил других полицейских. Он вообще обращал мало внимания на людей. Одни помогали раненым, другие безутешно рассматривали руины своих домов, мастерских, магазинов, третьи бежали куда-то, сами не зная куда.

И это нисколько не интересовало Ларсена. Все здесь были обречены. Как и он сам.

Он мог бы раздобыть тачку и уехать в горы. Эрик видел, как мимо него проносятся автомобили. Он увидел Эйлин в старом «крайслере». Если бы она притормозила, то Ларсен, наверное, уехал бы с ней. Но она не остановилась, и он даже порадовался — значит, он выполнит то, что задумал.

Но предположим, в нем никто не нуждался, и он замыслил нечто бессмысленное? Ответов на вопросы не было.

«Следовало взять машину, — подумал он, — я мог покончить бы с этим раньше. Ведь у меня был шанс. А теперь поздно. Вот полицейский участок и мэрия, тюрьма. Похоже, там никого нет».

Он вошел в тюремное здание. Под обломками массивного шкафа, стоявшего раньше у стены, лежала женщина в форме. Мертвая. И больше никого. Ларсен миновал регистрационный отдел и поднялся вверх по лестнице.

Камеры. Тишина.

Значит, затея бессмысленная. Эрик здесь не нужен. Он хотел было спуститься вниз, но вдруг замер. Если он зашел так далеко, глупо будет не проверить.

Говорили, что вслед за падением Молота нужно ждать цунами. В тюрьме Бербанка сидели те, кто угодил сюда по милости Ларсена. Пьянчуги, мел-

кие воришки, юные бродяги, утверждающие, что им исполнилось восемнадцать, но выглядевшие гораздо моложе. Их нельзя оставить запертых в клетках, чтобы, забытые, они захлебнулись, утонули как крысы. Они не заслужили такой участи.

Он обязан выпустить их, ведь именно он их сюда упрятал.

Решетчатая дверь, перегораживающая выход с лестницы, оказалась распахнута настежь. Ларсен вошел в блок и включил фонарь, чтобы разогнать тьму. Двери камер открыты — все, кроме одной.

Он подошел к этой камере. В ней — спиной к коридору — стоял Фред Лорен. Правой рукой он баюкал левую и неотрывно смотрел в окно. Он не обернулся, когда его высветил луч фонаря.

Эрик мгновение стоял, разглядывая преступника.

Ни один человек не заслуживает, чтобы его утопили, как крысу в клетке. Никто. Ни воры, ни пьяницы, ни бродяги…

— Повернись, — приказал Лорен. Фред даже не пошевелился. — Давай… или я прострелю тебе колени. Будет очень больно.

Лорен заскулил и повернулся. Он увидел нацеленное дуло дробовика. Полицейский отвел луч

фонаря в сторону, направил на себя, чтобы Фред мог его рассмотреть.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Ларсен.

— Да. Вы не дали тому другому копу избить меня вчера вечером. — Лорен подвинулся ближе и уставился на ружье. — Это… для меня?

— Я принес его сюда из-за тебя, — ответил Эрик. — Я пришел освободить арестованных. Но тебя отпустить на волю я не могу. Поэтому для тебя я принес дробовик.

— Ничего не останется, — сказал Фред. — Ничего. Но… — он всхлипнул, рыдания клокотали у него в горле. — Но когда наступит конец света? Если бы… Пожалуйста, вы должны сказать мне. Она ведь мертва, да? Она бы не пережила… такое. Она должна была умереть… а я с ней так и не поговорил…

— Поговорил! — Эрик в ярости прицелился.

Перед его внутренним взором возникло воспоминание. Кровать, на которой лежало тело девушки, ее квартирка, ее трогательно маленький гардероб. А Лорен затаился в шкафу. Он выжидал…

В голове Эрика помутилось. Палец напрягся на спусковом крючке — и тотчас расслабился. Он опустил ружье.

— Пожалуйста, — взмолился Фред. — Я вас прошу…

Ларсен быстро вскинул пушку. Он и не подозревал, что у дробовика такая сильная отдача.

Вторник – День Порции Мороженого: 2

О, я бежал в горы —
Но рухнули горы.
Я бежал к морю —
Но море кипело.
Я бежал в небо —
Но небо горело!
Настал день.

В помещении, забитом народом, ревели атмосферные помехи. Огромный экран заполняли бесформенные цветные кляксы, но двадцать мужчин и женщин не отрывались от него, глядя, как вспыхивают и гаснут огни над Атлантическим океаном, Европой, Северо-Западной Африкой и Мексиканским заливом. Лишь Дэн Форрестер продолжал работать. На мониторе над его консолью светилась вычерченная компьютером карта мира. Ученый старательно анализировал все сведения, полученные ЛРД, отмечая места столкновений и используя данные о них в качестве вводных — для новых вычислений.

Чарльз Шарпс думал, что его должны были

бы заинтересовать вычисления коллеги, однако никакого интереса он не чувствовал. Он просто наблюдал за окружающими. Приоткрытые рты, выпученные глаза. Все, упираясь ногами, вдавили себя как можно глубже в кресла. При этом люди непроизвольно старались отодвинуться подальше от своих «ослепших» экранов, будто те представляли опасность. Но Дэн работал — движения его были скупы, точны, он печатал, считывал результаты и печатал снова…

— Падение Молота, — пробормотал Шарпс.

«И что теперь мы можем сделать?» — Ему в голову ничего не приходило, обстановка в комнате действовала на него угнетающе. Он встал, подошел к столу у стены. Здесь был кофе и печенье в жестяных банках, и Чарльз налил себе чашку. Задумчиво посмотрел на нее и поднял в шутливом приветствии.

— За судьбу, — вполголоса произнес он.

Остальные тоже начали подниматься со своих кресел.

— За судьбу, — вновь сказал он.

Судьба. Рагнарёк. Человек гордился созданной им цивилизацией, — и какой в ней сейчас прок. Ледниковый период. Век Огня. Топора. А то и Волка…

Шарпс обернулся и обнаружил, что Форрестер направляется к двери.

— Как там дела? — спросил Чарльз.

— Землетрясение, — буркнул Дэн, не оборачиваясь. — Землетрясение, — громко повторил он.

Присутствующие кинулись к выходу.

Шарпс добавил в чашку холодной воды. «Мокка-Ява», сваренный меньше часа назад и доставленный сюда в термосе. Жаль, что его надо разбавлять, зато теперь его можно пить и не обжечься. Когда корабли снова начнут пересекать океаны? Через годы? Десятилетия? Никогда? Возможно, он никогда уже не попробует кофе.

Ученый в четыре глотка осушил чашку и швырнул ее на пол. Она упала, подпрыгнула и откатилась к консоли. Не разбилась — толстый фарфор.

И Шарпс побежал.

Коллеги обогнали Форрестера в холле. Как раз в тот миг, когда Чарльз выскочил из комнаты, за спиной Дэна захлопнулись стеклянные входные двери. Ох уж эта его переваливающаяся походка: парень никогда не был спортивным, но наверняка мог бы двигаться быстрее. Значит, еще есть время?

Чарльз потрусил за ним вдогонку.

— Автостоянка, — пропыхтел Дэн. — Осторожнее…

Планетолог споткнулся и опять потрусил за другом. Тот балансировал на одной ноге. Земля ощутимо содрогнулась.

«Пока все не так плохо, — подумал он. — Здания не пострадали…»

— Ну!.. — крикнул Форрестер и ринулся к парковке.

Туда вела длинная бетонная лестница. Не добежав до ее верха, астрофизик остановился, тяжело дыша. Чарльз подставил ему плечо и помог пройти остаток пути. Когда они очутились на площадке, Дэн как подкошенный рухнул прямо на асфальт. Он повернулся навзничь, и Шарпс с жалостью посмотрел на него.

Форрестер пыхтел, пытаясь что-то сказать, но не мог. Он слишком запыхался. В конце концов он поднял руку и сделал пригласительный жест: мол, присаживайся.

Поздно! Земля уже заплясала. Шарпс тяжело плюхнулся на асфальт и понял, что катится к лестнице. Раздался звон бьющегося стекла, но когда ученый изловчился и оглянулся на ЛРД, то не увидел никаких явных повреждений. Внизу — из отделения Центра фон Кармана начали вы-

бегать репортеры, но после первого более-менее слабого толчка многие остановились, а кое-кто вернулся в здание.

— Скажите им… уф… пусть выходят наружу, — выдохнул Форрестер. — Худшее впереди…

— Будет сильный толчок! — крикнул Чарльз. — Все быстро — наружу! — Он узнал сотрудника «Нью-Йорк таймса». — Выведите людей наружу! — добавил он.

Обернувшись, он увидел, что Форрестер уже поднялся и торопливо уходит в глубину стоянки, подальше от автомобилей. Никогда еще Шарпс не видел, чтобы он шел так быстро.

— Скорее! — крикнул планетолог остальным.

Из ЛРД хлынул поток — мужчины, женщины. Одни бежали к ученому и парковке. Другие бестолково закружились между зданиями, не зная, куда двигаться дальше. Чарльз яростно жестикулировал. Потом кинул взгляд на Форрестера. Тот выбрался на открытое пространство и опять плюхнулся на асфальт…

Шарпс ринулся к другу. Добежал и улегся рядом. Мгновение ничего не происходило.

— Первый толчок… до нас добралась волна… от столкновения в Долине Смерти, — пропыхтел Форрестер. — И… волна от удара в Тихий океан.

Не знаю, сколько еще ждать…

Земля застонала. Птицы поднялись в воздух. Повеяло неминуемой гибелью. На краю парковки показалась группа людей, они только что поднялись по лестнице и направлялись к ученым.

Твердь снова застонала. И зарычала.

— Сан-Андреас, — выдохнул Форрестер. — Там сейчас начнется такое… Но с большим опозданием. Мощность — сто мегатонн. Или больше.

По лестнице поднялись с полдюжины человек. Двое направились к Дэну и Чарльзу. Другие разыскивали свои машины.

— Пусть уходят оттуда, — проговорил Форрестер.

— Эй вы, все… живо — на открытый участок! — закричал Шарпс. — И подальше от лестницы!

На верхней ступеньке появился парень с телекамерой. За ним — какая-то женщина. Сзади напирала толпа. Телевизионщики двинулись через автостоянку…

Здания закачались. За те две или три секунды, в которые толчки набирали силу, люди успели свернуться калачиком на земле, обхватив колени руками. Но земля взревела, и послышались новые звуки: крики, звон бьющегося стекла, треск разламывающегося бетона, после чего они потеряли

всякую определенность и слились в какофонию кошмара. Шарпс попробовал сесть и оглянуться на здание ЛРД, но в этом мире уже не осталось ничего прочного. Асфальт зыбился и рвался. Горячая мостовая со скрежетом сползала куда-то в сторону, отправив Чарльза крутить двойное сальто, затем — опять вспучилась и вздыбилась. Теперь все вокруг трещало по швам.

Неожиданно наступило затишье. Шарпс попытался сфокусировать зрение. Ландшафт стал другим. Чарльз посмотрел на высокие горы и обнаружил, что их очертания неуловимо изменились. Рассмотреть подробности он не успел. У него за спиной раздался скрежет: ученый оглянулся и понял, что парковка исчезла, а небольшой ее участок накренился под странным углом. Многие машины поглотила пропасть, разверзшаяся как раз между планетологом и лестницей… хотя никакой лестницы уже не было и в помине. Она обрушилась. Несколько автомобилей наезжали друг на друга, как дерущиеся жуки. Воздух оглашал механический лязг, который смешивался с грохотом падающих перекрытий.

На Шарпса, точно стальное перекати-поле, тяжело катился «фольксваген»: он приближался и становился все больше и больше… Ученый

издал вопль и хотел было бежать, но ноги Чарльза подкосились. Он упал, пополз и увидел, как машина, кувыркаясь, пролетела на волосок от него — гора выкрашенного металла. Автомобиль наехал на «линкольн», расплющился и встал как вкопанный.

Другая маленькая машинка опрокинулась: под ней лежал кто-то, сбитый ею же. «Господи, да ведь это Шарлин, и нет никакой возможности добраться до нее!»

Внезапно женщина перестала шевелиться. Земля снова застонала: по ней как будто прошла судорога. Остаток парковки медленно обрушился, унося с собой Шарлин и убивший ее автомобиль. Шарпс не слышал рева. Он оглох. Он плашмя лежал на асфальте и ждал конца.

Башня, центральный корпус ЛРД, сгинула. На ее месте поблескивала лишь гора стекла, бетона, кусков перекрученного металла и обломков лабораторной техники. Отделение Центра фон Кармана превратилось в руины. Несущая стена рухнула, и Чарльз увидел беспилотный луноход: металлического паука, который когда-то исследовал поверхность спутника. Он казался совершенно беспомощным, а над ним угрожающе нависла кровля. Она накренилась и рухнула на

него, а потом схлопнулись и остальные стены, похоронив под собой и космический аппарат, и научный пресс-центр.

— Когда же это кончится?! Когда?! — донеслось до Чарльза.

Постепенно толчки начали стихать. Планетолог не поднимался, не желая искушать судьбу. То, что совсем недавно было парковкой, теперь смахивало на крутой откос с горбом посередине. Сейчас Шарпс мог подумать о том, кто стоял на лестнице за спинами телевизионщиков. Впрочем, разве это имело какое-то значение? Эти люди наверняка погибли. Всех, кто находился в радиусе пятидесяти футов, накрыло оползнем и обломками автомобилей.

Свет начал резко меркнуть.

Чарльз посмотрел на небо.

Черная завеса, крутясь, затягивала горизонт. В клубящихся тучах полыхали молнии — десятки, сотни.

Вспыхнувшая молния расколола дерево справа от них. Немедленно загремел оглушительный гром, запахло озоном. Холмы впереди тоже озарились зигзагообразными всполохами.

— Ты хоть знаешь маршрут? — спросил Тим.

— Толком нет. — Эйлин гнала машину по пу-

стым, залитым дождем улицам. — Где-то там должна быть дорога, ведущая в горы. Я ездила по ней пару раз.

Слева и позади были коттеджи: причем некоторые даже устояли и не обрушились. Справа уже нависали горы Вердаго. Узкие улочки, ведущие к предгорьям, заканчивались тупиками. Если бы не стихия, окрестности бы выглядели совершенно обыденно. Ливень скрывал общую картину, и на домах, в основном старых, оштукатуренных, построенных в испанском стиле, повреждения оказались незаметны.

— Ага! — воскликнула Эйлин и вырулила направо.

Извилистая асфальтовая дорога вилась у подножия утеса и вершин Вердаго, озаренных светом молний. Они продолжали ехать вперед, и вскоре уже ничего нельзя было разглядеть, кроме холмов, смутных очертаний гор и поля для игры в гольф.

Не было ни людей ни машин.

Поворот, еще поворот, и Эйлин ударила по тормозам. «Крайслер» занесло, и он остановился. Путь преградил оползень, десять с лишним футов стены из камней и грязи.

— Дальше пешком, — пробормотал Хамнер.

Раздался раскат грома, и Тим поежился.

— Дорога отсюда уходит далеко, — произнесла Эйлин. — Тянется до самых гор. — Она показала влево, на проволочную ограду вокруг поля для гольфа. — Проделай там дыру.

— Чем? — спросил он, однако вылез наружу.

Он мгновенно вымок до нитки. Тим беспомощно застыл. Эйлин подошла к нему, в ее руке позвякивали ключи от багажника.

Они нашли в отделении несколько сигнальных факелов, домкрат и помятый дождевик, весь в масле, будто им вытирали двигатель. Эйлин отсоединила рукоятку домкрата.

— Попробуй. Тим, у нас мало времени…

— Знаю.

Хамнер взял тонкий металлический стержень, направился к ограде и застыл, постукивая рукояткой по ладони. Задача казалась невыполнимой. Он услышал, как захлопнулся багажник, затем дверца. Заурчал мотор.

Тим испуганно обернулся, но «крайслер» не двигался. Он не мог разглядеть лица Эйлин: мешали дождь и залитое водой ветровое стекло. Неужели она решила бросить его?

Он на пробу просунул рукоятку домкрата между проволокой и столбом сетчатого забора.

Нажал, качнул. Ничего. Тим напрягся, навалился на рычаг всем своим весом — и что-то подалось. Он поскользнулся, упал прямо на ограду и почувствовал, как отогнувшаяся острая проволока рвет мокрые пиджак и рубашку. Она оцарапала и кожу: соль с одежды попала в ранку. Хамнер сгорбился от боли и безнадежности. Он опять чувствовал себя беспомощным.

— Как дела?

Он хотел обернуться и крикнуть в ответ, что все бесполезно, а он — ничтожество, он порвал костюм и…

Но вместо этого он, нагнувшись, снова сунул рукоятку домкрата между оградой и столбом. Он раскачивал ее из стороны в сторону, орудуя ею как рычагом — и в конце концов оторвал сетку от столба. Еще несколько попыток — и вдруг Тим обнаружил, что сетка здесь уже полностью оторвана.

Он перешел к следующему столбу и возобновил работу.

Эйлин тронула машину с места. Посигналила и крикнула:

— В сторону!

Съехав с дороги, «крайслер» подкатил к отверстию и протаранил ограду. Проволочная сетка

оторвалась от столба, шмякнулась на траву, и машина проехала прямо по ней. Мотор работал на больших оборотах.

— Залезай! — крикнула Хэнкок.

Тим понесся к автомобилю. Эйлин ехала очень медленно, но похоже, что она не собиралась тормозить.

Хамнер добежал, распахнул дверцу и забрался в салон. Эйлин помчалась по открывшемуся проезду. Колеса оставляли глубокие борозды в земле.

«Крайслер» выехал на лужайку — комья земли полетели во все стороны.

Тим истерически расхохотался.

— Что? — спросила Эйлин, не поворачивая голову.

— Вспомнилось, как одна дама прошлась по лужайке лос-анджелесского «Кантри-клуба» на шпильках, — сказал Тим. — Распорядитель чуть не умер! Я думал, что понимаю, что такое «Падение Молота»… и что это означает. Но, выходит, не понимал. Пока ты не покатила прямо по траве.

Она ничего не ответила, и Хамнер угрюмо уставился в ветровое стекло. Сколько человеко-часов ушло на то, чтобы создать идеальный газон? Станет ли когда-нибудь кто-нибудь опять его создавать? Тиму снова ужасно захотелось рассме-

яться. Будь здесь снаряжение для гольфа, он бы вышел и ударил клюшкой по мячу…

«Крайслер» пересек поле и поехал по асфальтированной дороге, ведущей в горы. Слева и справа появились холмы, поросшие лесами. Машина миновала площадку для пикников, там вроде бы расположились бойскауты. Они поставили палатку и, кажется, спорили со своим взрослым руководителем. Тим опустил стекло.

— Вниз не ходите! — крикнул он.

— А что там? — спросил наставник скаутов.

Эйлин замедлила ход и затормозила.

— Пожары. Наводнения. Уличные пробки, — объяснил Тим. — Ничего такого, из-за чего вам захотелось бы спуститься. И это надолго. — Он высунул голову. — Побудьте здесь. Хотя на сегодняшнюю ночь.

— Наши семьи… — возразил мужчина.

— Откуда вы?

— Из Студио-Сити.

— Сейчас туда не добраться, — заявил Хамнер. — Через долину не проехать, заторы. Дороги закрыты, шоссе разрушены, повсюду пожары. Лучшее, что вы можете сделать для своих семей, — оставаться здесь, в безопасности.

Мужчина кивнул. У него были темные глаза,

искренние и выразительные. Квадратный подбородок зарос рыжей щетиной.

— Я твердил ребятам то же самое. Джули-Энн, слышишь? Твоя мать знает, где мы. Если внизу действительно настолько плохо, за нами пошлют полицейских. Нам надо переждать тут. — Он понизил голос. — После землетрясения придется много восстанавливать. Разрушения большие?

— Ага, — ответил Тим и отвернулся.

Он не мог смотреть в глаза наставнику скаутов.

— Тогда останемся еще на сутки, — произнес мужчина. — А завтра все наладится. Хотя дети совершенно не готовы к непогоде. Никто не ожидал дождей в июне. Вероятно, нам все-таки следует спуститься в Бербанк и остановиться в чьем-нибудь доме. Или в церкви. Мы бы нашли приют…

— Не надо, — с нажимом произнес Хамнер. — А это дорога к вершине?

— Да. — Его собеседник наклонился и тихо спросил: — Зачем вам туда? — Он махнул рукой в сторону молний, сверкающих над горными пиками.

— Надо, — сказал Хамнер. — А вы оставайтесь здесь. Хотя бы сегодняшнюю ночь. Нам пора, Эйлин.

Она молча надавила на педаль газа. Они поехали к повороту. Мужчина так и стоял на дороге.

— Я не могла сказать ему, — пробормотала Эйлин. — Они в безопасности?

— Наверное. Участок достаточно высокий.

— Вершина расположена на высоте примерно трех тысяч футов, — добавила Хэнкок.

— А мы — ниже на тысячу футов, — заметил Тим. — Может, лучше бы подождать, пока не перестанут бить молнии. Если они когда-нибудь перестанут. Потом двинемся дальше или вернемся обратно. Куда мы попадем, если поедем вперед?

— В Туджангу, — ответила она. — Это добрых тысяча восемьсот или две тысячи футов над уровнем моря. Если мы живы сейчас, то там точно не пропадем.

И она продолжила гнать «крайслер» вперед.

Он нахмурился. Тим никогда не мог похвастать чутьем в области топографии, а в машине не было карты.

— Моя обсерватория — в каньоне Большая Туджанга… По крайней мере, туда мы сможем добраться. Я, кажется, именно так и ездил. А в обсерватории есть запасы пищи и всякое снаряжение, в том числе спасательное.

— Ужас Молота? — поддразнила Эйлин. — У тебя?

— Нет. Просто на всякий случай. Место глухое. Меня не раз отрезало от мира снежными обвалами — на неделю или две. Поэтому я стараюсь все предусмотреть. Ну, куда мы едем? И почему ты не тормозишь?

— Я… не знаю. — Она снизила скорость.

Теперь «крайслер» почти полз. Дождь стихал. Он еще лил, сильный для Лос-Анджелеса — неслыханный для здешнего лета, однако сейчас превратился в обычный дождик, а не поток, извергающийся с небес. Но на смену ему пришел ветер: он выл, проносясь по ущелью, визжал так, что Эйлин и Тиму приходилось не говорить, а кричать. Но поскольку дул он беспрерывно, они скоро перестали его замечать.

Новый поворот, и машина оказалась на высоком уступе, выходящем на юго-запад. Несмотря на опасность схода оползней, Хэнкок остановилась и заглушила мотор. В небе сверкали молнии. Долина Сан-Фернандо раскинулась далеко внизу, но иногда ветер проделывал в тучах прорехи, и тогда становились видны расплывчатые очертания.

Всю долину усеивали яркие точки.

— Что это? — воскликнула Эйлин.

— Дома. Заправки. Склады нефтепродуктов. Тачки, здания, перевернувшиеся цистерны — все, что может гореть.

— Дождь и огонь. — В салоне было тепло, но Эйлин зябко повела плечами.

Ветер взвыл снова.

Тим потянулся к ней. Секунду она не двигалась, затем прильнула к нему, уронив голову ему на грудь. Так они и сидели, слушая ветер, глядя на оранжевое пламя.

— Мы доберемся до обсерватории, — произнес Хамнер. — Может быть, даже пешком. Она находится не слишком далеко… Двадцать-тридцать миль — и мы на месте. Пара дней в пути. И мы будем в безопасности.

— Нет, — сказала Эйлин. — Никто никогда не будет в безопасности.

— А мы обязательно будем. — Он вздохнул. — Я… действительно рад, что ты разыскала меня. Я вовсе не герой, но…

— Ты отлично справляешься.

Они снова помолчали. Ветер продолжал гудеть, но постепенно они начали различать ровное низкое гудение. Оно напоминал гул реактивного самолета — нет, сотен самолетов, — которые

синхронно ревели на взлетной полосе.

Звук шел с юга, и, посмотрев в ту сторону, Эйлин и Тим обнаружили, что часть оранжевых точек исчезла. Эти огни не мерцали, чтобы медленно угаснуть, — они пропадали внезапно, в мгновение ока.

Гул усиливался, стремительно приближался.

— Цунами, — неуверенно произнес Хамнер. — Гигантская волна в несколько тысяч футов высотой.

— Тысячи? — испуганно переспросила Эйлин.

— Нам ничего не грозит. Она не продвинется чересчур далеко в глубь суши. Нужна большая мощность. Сейчас волна катится по старому руслу реки Лос-Анджелес. Она не перехлестнет через Голливудские холмы. Все, кто здесь наверху, вероятно, уцелеют. Но боже, помоги тем, кто остался в долине…

Они сидели, прижавшись друг к другу, а вокруг и в небе плясали молнии, гремел гром и, перекрывая его раскаты, ревело цунами.

Огни в долине Сан-Фернандо продолжали гаснуть.

Между полуостровом Баха-Калифорния и западным побережьем Мексики есть узкая полоса воды. Ее береговые линии напоминают вилку

камертона.

Вода в море Кортеса теплая, как в ванне, и спокойная, словно в озере. Море будто нарочно создано, чтобы плавать или ходить под парусом.

Но сейчас обломки ядра кометы Хамнера — Брауна пронзают атмосферу Земли, точно крошечные голубовато-белые звезды. Какой-то пикирует прямо в устье моря Кортеса — и падает как раз между зубцами «камертона». Вода бешено вздыбливается, а на дне появляется оранжево-белый кратер. По расширяющейся дуге цунами движется к югу, но стиснутая берегами вторая волна, подобно пуле, несется к северу. Одни водные массы устремляются к востоку — на Мексику, другие — на запад, через Баху к Тихому океану, но большая их часть покидает северную оконечность моря.

Они напоминают увенчанную белой пеной горную гряду.

С тем же успехом Империал-Вэлли, второй по величине агропромышленный регион Калифорнии, мог бы располагаться на выходе из ружейного дула.

По разрушенной автостоянке ЛРД друг к дружке сползались выжившие. Двенадцать мужчин, пять женщин, ошеломленных до глубины души.

Большая часть людей осталась в развалинах зданий. Они кричали. К ним поплелись остальные. Шарпс застыл, ошеломленный. Он тоже хотел помочь, но ноги не повиновались ему.

В небе клубились тучи. Они мчались, образуя мгновенно меняющиеся причудливые узоры, и походили на стремительные потеки чернил. Свет солнца еще пробивался сквозь них, но был гораздо тусклее сверкания беспрестанно вспыхивающих молний.

Не веря своим ушам, Чарльз услышал детский плач. Затем кто-то позвал его.

— Док! Шарпс! Помогите!

Это был Эл Мастерсон, уборщик из корпуса, где работал планетолог. Вместе с ним оказались еще двое спасшихся. Они сгрудились возле многоместного пикапа, который уткнулся в бок зеленому «линкольну». Машина кренилась под углом сорок пять градусов: два колеса стояли на мостовой, другие два повисли в воздухе. В салоне плакали дети.

— Сэр, пожалуйста, скорей! — заорал Мастерсон.

Его крик помог преодолеть оцепенение. Чарли бегом бросился на помощь. Он и Эл вместе с остальными мужчинами навалились на авто-

мобиль. Они старались изо всех сил, и наконец легковушка приняла нормальное положение. Мастерсон распахнул дверцу. Оттуда выглянули двое рыдающих, совсем маленьких детей. Их щеки вымокли от слез. Рядом с ними сидела Джун — жена Эла. Она не плакала.

— Они в порядке, — сказала она. — Я ведь говорила тебе…

Автомобиль оказался загружен под завязку. Еда, вода, канистры с горючим — до самого багажника. Одежда, оружие, боеприпасы, спасательное снаряжение и чудом втиснутые в машину дети, закутанные в шерстяные пледы.

Мастерсон объяснял каждому, кто соглашался слушать:

— Я ведь слышал, как вы говорили, что Молот может ударить…

В уголке сознания Шарпса что-то хихикнуло. Эл — уборщик. Он был в курсе событий, и, разумеется, не верил, что вероятность столкновения очень мала. Поэтому подготовился. Он хотел выжить, и родные ждали его на парковке — так, на всякий случай.

А ведь мы действительно знали слишком много, но не тревожились.

Да… семья.

— Что делать, док? — спросил Мастерсон.

— Не знаю. — И Чарльз обернулся к Форрестеру.

Приземистый и толстый астрофизик не смог помочь им выровнять машину, а сейчас полностью погрузился в свои размышления, и ни на что не реагировал.

— Наверное, нужно помочь тем, кто выжил… но потом я хочу попасть домой! — произнес Шарпс.

— Я тоже! — раздался хор голосов.

— И мы должны держаться вместе, — добавил ученый. — Не так-то и много людей, на которых можно положиться.

— Караван, — заявил Мастерсон. — Мы возьмем тачки и отправимся за нашими близкими. Идет?..

Выяснилось, что они живут далеко друг от друга: кроме Шарпса и еще двоих уцелевших после землетрясения, чьи дома находились в Ла-Канаде. Другие адреса были разбросаны на изрядном расстоянии — от Бербанка до Канога-Парка в долине Сан-Фернандо.

Некоторые люди затравленно переглядывались.

— Никуда я не поеду, — вдруг выпалил Дэн. — Надо обязательно выждать.

Остальные кивнули. Все всё понимали.

— Четыреста миль в час, — сказал Хэл Крейн: еще совсем недавно он был геологом.

— Больше, — возразил Форрестер. — Цунами появится примерно через пятьдесят минут после падения Молота. Ага… значит, срок таков… меньше получаса.

— Нельзя просто стоять здесь! — надсадно закричал Крейн.

Ему вторили остальные. Они уже не слышали собственных голосов.

Начался дождь. Хотя нет… Шарпсу сделалось страшно, когда он увидел запрыгавшие по асфальту шарики — твердые и сухие снаружи, с размягченной сердцевиной! Они громко барабанили по искореженным крышам автомобилей. Грязевой град. Люди кинулись искать себе убежище — в неповрежденных машинах, под капотами, в развалинах…

— Тина? — воскликнул Чарльз.

— Да. Мне следовало догадаться, — буркнул Форрестер. — И соленая грязь. С морского дна. Ее выбросило в атмосферу и…

Необычный град утих, и все стали покидать убежища. Шарпс почувствовал себя лучше.

— Те, кто живет слишком далеко, пусть спустят-

ся вниз и помогут раненым. Остальные поедут за своими семьями. Караваном. Мы вернемся сюда, если у нас получится. Дэн, куда нам следует отправиться?

Астрофизик с несчастным видом пожал плечами.

— На север. Где нет низменностей. А такой вот дождь… он может лить месяцами. Речные долины, наверное, заполнятся водой. В бассейне реки Лос-Анджелес будет небезопасно. Будут и другие толчки… после первого землетрясения…

— А сейчас куда? — настаивал планетолог.

— Конечный пункт — Мохаве. — Форрестер не позволял себя торопить. — Но не надо ехать туда сразу. Сейчас в пустыне ничего не растет. Со временем…

— Ясно, а сейчас куда? — повторил Шарпс.

— В предгорья Сьерры, — ответил друг. — Поднимемся над долиной Сан-Хоакин.

— К Портервиллу? — уточнил Чарльз.

— Не представляю, где это…

Мастерсон нырнул в пикап и порылся в бардачке автомобиля. Дождь усилился, поэтому он не вылезал из салона.

Люди столпились снаружи, глядя на Джун и притихших, испуганных детей.

— Вот, — наконец произнес Эл, ткнув куда-то пальцем.

Форрестер изучил карту. Он никогда не бывал в тех местах прежде, но без труда запомнил, куда ехать.

— Подходящее место.

— Это же ранчо Джеллисона! — вырвалось у Чарльза. — Он знаком со мной и примет нас. Отлично. Если потеряем друг друга, встречаемся там! В общем, по пути спрашивайте, где живет сенатор! Те, кто не отправляется с нами сию минуту, спускайтесь вниз и помогите остальным. Эл, вы можете привести машины в рабочее состояние?

— Да, сэр. — И Мастерсон с облегчением вздохнул.

Многие приободрились. На протяжении долгих лет они привыкли получать приказы от Шарпса, и им казалось правильным, что он опять начал распоряжаться. Конечно, они не собирались повиноваться его приказам, как солдаты, но им требовалось, чтобы кто-нибудь велел им делать то, что они уже намеревались предпринять.

— Дэн, вы поедете с нами в караване, — сказал планетолог. — Внизу от вас пока будет немного пользы.

— Нет, — отрезал астрофизик.

— Что? — переспросил Шарпс в полной уверенности, что не расслышал.

Непрерывно гремел гром, а теперь еще выл усиливающийся ветер.

— Не могу, — сказал Форрестер. — Мне необходим инсулин.

Лишь тогда Шарпс вспомнил, что Дэн — диабетик.

— Мы заедем к вам домой и…

— Нет! — крикнул тот. — У меня много дел. Я буду обузой!

— Но…

— Я буду в полном порядке, — проворчал Форрестер и направился прочь.

— Ну и черт с тобой! — взвизгнул Шарпс, глядя ему вслед. — Ты даже не сможешь завести тачку, когда сядут аккумуляторы!

Дэн не обернулся. Чарльз понял, что никогда больше не увидит его. На него наседали люди. Им хотелось получить совет, обрести чувство твердой почвы под ногами, и они ожидали, что бремя ответственности взвалит на свои плечи Шарпс.

— Увидимся на ранчо! — крикнул он.

Форрестер чуть обернулся и помахал.

— Пора, — произнес Чарльз. — Эл, вы будете в середине. — Он оглядел свою крошечную коман-

ду. — Престон, вы — со мной, в головной машине. Прихватите ружье и проверьте его. Пусть будет заряжено.

Спустя пару минут они тронулись, осторожно огибая самые крупные разломы и трещины.

Кстати, машина астрофизика не пострадала. Хозяин припарковал ее на самой верхней точке — на приличном расстоянии от других автомобилей, от деревьев и от обрыва. Она стояла возле склона холма, а в салоне уже сидел Дэн.

Караван покатил по улице, Шарпс уставился в зеркало заднего обзора и ахнул от изумления. Форрестер ехал позади! У планетолога мелькнула надежда, что друг передумал и решил присоединиться к ним, но, когда они вырулили на шоссе, он увидел, что Дэн свернул на Туджангу.

Грунтовка, специально созданная для пожарных и полицейских машин, сузилась и превратилась в две колеи, задранные под диким углом. Справа был крутой обрыв футов в пятьдесят, а то и больше. Эйлин пыталась справиться с управлением, потом затормозила.

— Отсюда придется идти пешком.

Но она не спешила покинуть салон. Дождь стих, сильно похолодало, а в небе по-прежнему беспрерывно вспыхивали молнии. Пахло озоном.

— Вылезаем, — сказал Тим.

— Зачем торопиться?

— Не знаю, но давай все-таки прогуляемся. — Он не мог объяснить, почему чувствует, что нельзя медлить.

Он не был уверен, что и сам это понимает. Для Хамнера жизнь была пронизана логикой. Следовало держаться подальше от тех районов города, где деньги или социальное положение не имели значения, а в других — безопасных — местах, ты просто нанимал людей, чтобы они делали то, что тебе нужно. Или приобретал оборудование и технику, чтобы с их помощью сделать необходимое.

Умом Тим понимал, что с прошлым покончено раз и навсегда. Но сердцем… Не может быть такого апокалипсиса! Когда он наступит, люди погибнут! Но мир никуда не делся, и Хамнер жаждал помощи. Ему хотелось, чтобы вокруг оказались вежливые полицейские, предупредительные немногословные продавцы, учтивые чиновники. Короче говоря, он тосковал по цивилизации.

Гигантская стена воды мчится на восток по южной части Атлантического океана. Левый край захлестывает мыс Доброй Надежды, опустошая земли, которыми поочередно владели готтентоты, голландцы, англичане и африка-

неры, она бурлит у подножия Столовой горы, вскипая пеной, заливая широкую долину до Паарля и Стелленбоша.

Своим правым краем волна ударяет в Антарктиду, откалывая от ледников куски длиной десять и шириной пять миль. Она проносится между Африкой и Антарктидой. Вырвавшись на просторы Индийского океана, она уже потеряла половину своей мощи: теперь ее высота составляет четыреста футов. И со скоростью четыреста пятьдесят миль в час она мчится к островам Индонезии и к Австралии.

Она прокатывается по низменностям Южной Индии, а затем, стиснутая берегами сужающегося Бенгальского залива, вновь обретает почти всю свою прежнюю мощь и высоту — и обрушивается на болота Бангладеш. Сметая все, мчится на север через Калькутту и Дакку. Наконец задерживает свой бег у подножия Гималаев, где встречается с потоком, схлынувшим из долины Ганга.

Все русло священного Ганга забито трупами.

Они тащились по грязи, упорно взбираясь выше и выше. Грунтовка вела к вершине. Перевал лежал ниже верхней точки горы, но достаточно далеко. В небе вспыхивали молнии.

На обувь налипли комья грязи, и вскоре она стала весить в три-четыре раза больше, чем положено. Они падали и вновь вставали, помогали друг другу, как могли, шатаясь, взбирались наверх и спускались по противоположным склонам. Мир сузился, превратился в последовательность шагов: один, второй, третий — и нет места, чтобы остановиться и передохнуть. Тим представлял себе лежащий впереди город: никаких руин, мотели, и горячая вода, электрическое освещение, бар, где продают «Чивас» и «Микелоб»…

Они вышли к асфальтированной дороге. Стало немного легче.

— Который час? — спросила Эйлин.

Он нажал кнопку на электронных часах.

— Около полудня.

— Как темно! — Девушка поскользнулась на мокрых листьях и шлепнулась на мостовую.

— Эйлин! — Хамнер подошел к ней.

Она села, как будто невредимая, но не пыталась подняться. Внезапно она еле слышно заплакала.

— Ты должна встать.

— Зачем?

— Потому что на руках я не унесу тебя далеко.

Она чуть не рассмеялась. Но тотчас спрятала лицо в ладонях. Скорчилась под дождем.

— Пойдем, — произнес Тим. — Все не слишком плохо. Может, все в порядке. Там Национальная гвардия, Красный Крест. Палатки спасателей. — И он сразу же ощутил, как тают последние надежды: все перечисленное было из области грез. Но он в отчаянии продолжал: — Мы купим машину. Там наверняка продают автомобили. Мы поедем в мою обсерваторию. И между нами будет стоять громадное ведро с жареными куриными крылышками. Веришь?

Замотав головой, она расхохоталась каким-то странным смехом и не встала. Он нагнулся и взял ее за плечи. Она не сопротивлялась, но и не помогала. Подхватив Эйлин одной рукой под колени, Тим поднял ее. И, пошатываясь, поплелся по дороге.

— Это глупо, — сказала Эйлин.

— Чертовски глупо.

— Я могу идти сама.

— Хорошо. — Он отпустил ее.

Она встала. Прильнула к Тиму, положив голову ему на плечо. И отстранилась.

— Я рада, что разыскала тебя.

— По порядку номеров — рассчитайсь, — приказал Горди.

— Первый, — произнес Энди Рэндолл.

Остальные подхватили по очереди: «Второй, третий, четвертый».

— Пятый, — сказал Берт Вэнс. Он запоздал с выкриком, и вид у него был испуганный, но его отец, казалось, ничего не заметил.

— Плюс я, — отчеканил Гордон. — Энди, ты в голове группы. Я буду замыкающим.

Они потащились по тропе. До утеса отсюда было меньше мили, минут двадцать пешком.

За поворотом открывался великолепный вид: за верхушками сосен тянулась к востоку прекрасная страна. Утренний воздух кристально чист. А свет… он был какой-то диковинный.

Гордон взглянул на часы. Они находилась в пути уже десять минут. Искушение пропустить привал было велико. Какая разница? Незачем проверять ботинки. Никто не натрет волдырей за оставшиеся полмили, хотя идти, стараясь вести себя естественно, оказалось гораздо тяжелее, чем накануне. Но, может, лучше отдохнуть?..

На востоке мелькнула яркая вспышка. Ослепительная, но не огромная. Слишком яркая для молнии, да и какая может быть молния, если нет туч? Сетчатка глаз сохранила остаточное изображение, которое никак не исчезало, сколько ни моргай.

— Что там, папа? — спросил Берт.

— Не знаю. Метеор? Передние, остановитесь. Привести обувь в порядок.

Ребята сбросили рюкзаки на землю, каждый нашел себе валун, чтобы присесть. Изображение не исчезало, хотя постепенно начало меркнуть. Гордон не понимал, что творится со шнурками его ботинок. Потом он заметил, что ветер стих. В лесу воцарилась мертвая тишина.

Вспышка. Затишье. Словно…

Загудела земля — по ней прокатилась ударная волна. Где-то над ними затрещало сухое дерево, в последней попытке удержаться, цепляясь ветвями за собратьев. Раскаты грома продолжались один за другим. Поднялся ветер.

«Ядерный взрыв на полигоне в Неваде? — подумал он. — Нет. Они никогда не проводят крупных испытаний».

Мальчишки возбужденно заговорили. Внезапно почва завибрировала и вздыбилась. На землю попадали деревья.

Горди рухнул на свой рюкзак. Парней стряхнуло с валунов. Похоже, Герби Робинетт, пострадал. Мужчина подполз к нему. Крови нет, переломов — тоже. Он просто испугался.

— Не вставать! — крикнул Вэнс. — И берегитесь

веток и стволов!

Ветер усиливался, меняя направление, смещаясь в южную сторону. Он теперь дул не оттуда, где они видели яркую вспышку. Земля опять застонала.

Вдали из-за горизонта взметнулась в стратосферу безобразная туча, смахивающая на гриб. Она вздымалась вверх, бешено клубясь. На том самом месте, где сверкнула вспышка.

У одного из ребят был радиоприемник. Он поднес его к уху.

— Только атмосферные помехи, сэр. Но по-моему, я слышу еще что-то, но не могу разобрать, что именно.

— Неудивительно. В дневное время в горах почти никогда нельзя поймать радиопередачу, — сказал Гордон.

«Не нравится мне этот ветер. И что за вспышка? Обломок кометы? Вероятно».

Он невесело усмехнулся. Столько суеты, а все кончилось пшиком. То есть ничем. Сияние в Долине Смерти… а может, это вообще не комета. Там ведь ядерный полигон. До него примерно сто пятьдесят миль…

Земля перестала трястись.

— Пошли, — заявил он. — Вставайте.

Он надел рюкзак. «Что теперь? — спросил он себя. — Могу ли я?.. Но кто поручится, что без меня с ребятами ничего не случится? Что произошло? Ничего, просто упал чертов метеорит. Возможно, крупный. Такой же большой, как тот, что шмякнулся в Аризоне и оставил кратер в полмили в поперечнике. Впечатляющая штуковина, и ребята видели его полет. Разговоров им теперь хватит на годы. Но мою проблему это не решает. В следующую пятницу явятся аудиторы и…»

— Занятные облака, — проговорил Энди Рэндолл.

В голосе мальчика звучало беспокойство.

— Да, конечно, — рассеянно согласился Горди.

И увидел.

На юго-западе. Почти на юге. Словно в небо выплеснули море черных чернил. Высоченные черные тучи сгущались и клубились.

А здесь выл ветер. Возникая, казалось, из ничего, все больше облаков со страшной скоростью неслось прямо сюда — быстрее, чем реактивный самолет.

Горди лихорадочно оглядел тропу. Спрятаться негде.

— Пончо! — рявкнул он.

Ребята торопливо вытаскивали из рюкзаков

все, что могло защитить от непогоды. Едва Вэнс успел развернуть свое пончо, хлынул дождь — лавина теплой, будто нагретой для ванны, воды.

Он почувствовал во рту привкус соли.

— Падение Молота, — прошептал он.

И конец цивилизации. Недостача в банке — но ее уже нет, сгинула. Деньги теперь не имеют никакого значения.

Мари? Над Лос-Анджелесом громоздились тучи, а до ближайшего автомобиля добираться, пожалуй, очень долго. Он бессилен.

Значит, Мари помочь невозможно. А если о ней позаботится Харви?

А теперь он, Горди, должен спасти ребят.

— Возвращаемся к Сода-Спрингс! — закричал он.

Лучше места, где можно переждать, пока не выяснится, что будет дальше, не сыщешь. Там есть и убежища: ведь место открытое и ровное.

— Хочу домой, — захныкал Герби Робинетт.

— Веди группу, Энди, — приказал Вэнс и взмахом руки указал направление.

Если надо, он погонит парней пинками. К счастью, это не понадобилось. Мальчики двинулись за Энди. Мимо поковылял Берт. Горди показалось, что он видит слезы в глазах сына. Грязные струи

дождя лупили по головам и спинам мальчишек.

«Но тропы мгновенно размоет», — подумал Вэнс.

Кроме того, теплая дрянь растопит снега. Керн выйдет из берегов, и прощай дороги!

Горди внезапно запрокинул голову и торжествующе завопил. Он будет жить!

Вторник – День Порции Мороженого: 3

Адам пахал, а Ева сучила нить
В те года.
Господь, помилуй,
Кто ж
Был господин тогда?
Господь, помилуй.

Походная песня «Черного отряда» во времена Крестьянской революции (Германия, 1525 г.)

Харви отделяло от дома пятнадцать минут — и ровно столько же времени — до падения Молота. День превратился в ночь, и темноту озаряли бесконечные вспышки. Свет солнца еще просачивался сквозь черный покров туч, но молнии сверкали куда ярче. Очертания холмов возникали в голубовато-белых вспышках и тотчас исчезали. Он видел то белое небо над черной зубчатой линией горизонта, то каньон слева, то тьму, рассеиваемую фарами машин, то сполохи… последние заставляли Рэндолла зажмуриваться от боли. «Дворники» бешено работали, но дождь

постоянно заливал ветровое стекло, и все расплывалось.

Он опустил боковые стекла. Лучше промокнуть, но хоть что-то видеть.

Вести машину в таких условиях казалось безумием, но трафик был чудовищным. Вероятно, люди свихнулись. Сквозь гром и дробный стук капель по металлу пробивалось блеяние множества клаксонов.

Водители без предупреждения перестраивались в другие ряды, выскакивали на встречную полосу и вклинивались обратно, расталкивая соседей. Фары то тут то там высвечивали корпуса автомобилей.

Внедорожник Рэндолла был слишком велик, чтобы принимать участие в подобных играх.

Шоссе практически полностью перегородил оползень, и какой-то дурень затормозил, пропуская остальных. Харви помчался вперед. Внедорожник сильно кренился, но удержался, проехал перед носом у дурня-шофера и вновь втиснулся в поток автомобилей, отжав место у головной машины.

Харви не замечал людей за рулем, мешавших ему. Он видел только препятствия: грязевые оползни, трещины в дорожном покрытии, четы-

рехколесные средства передвижения… А вдруг дом обрушился на Лоретту? Или жена, охваченная слепой паникой, отправилась искать его, Харви? В одиночку ей не выжить, а если она уехала, им не встретиться. А ведь с момента падения Молота прошел почти час!

Рано или поздно явятся мародеры. Лоретта знает, где хранится ружье, но станет ли она стрелять?

Он свернул на Фокс-лейн, которую заливало водой. Вырулил к своему особняку и нажал на кнопку пульта гаражной двери.

Окна во всем доме были темными.

Дверь гаража заклинило, зато входная оказалась широко распахнута настежь.

«Мародерство не может начаться так рано», — подумал Рэндолл и заставил себя поверить в это. Однако на всякий случай прихватил фонарик и пистолет. Заглушать мотор он не стал. Вывалившись наружу, сразу залег под капотом и оттуда изучил обстановку.

Его жилище выглядело мертвым. Ветер швырял в холл мокрые листья.

Харви выкатился из-под машины, метнулся к крыльцу, поднялся на него и затаил дыхание. Он по-прежнему не включал фонарик. Как только

кто-нибудь выйдет на порог, он направит луч ему в лицо. Наверняка этим «кем-нибудь» окажется Лоретта, а если у нее будет ружье, придется ласточкой прыгать вниз. Если он напугает жену, то она может выстрелить.

Он осторожно высунул голову и руку с фонариком из-за косяка. Молнии не освещали холл, там лишь метались неясные тени. Гром заглушал прочие звуки.

Он включил фонарик.

И увидел. Словно получил безжалостный удар прямо в лицо. На полу навзничь лежала Лоретта. Ее лицо и грудь превратились в мокрое месиво. Такие следы оставляет выстрел из дробовика в упор. Рядом валялся обезглавленный Киплинг — ком измазанной кровью шерсти.

Не чувствуя под собой ног, Харви вошел в дом. Рэндоллу показалось, что он вот-вот потеряет сознание. Он опустился на колени, выронив пистолет — ему и в голову не приходило, что в доме кто-нибудь может быть, — и потянулся к шее Лоретты, но, содрогнувшись, отдернул пальцы и нащупал запястье. Пульса не было. Благодарение Богу. Что бы он стал делать?

Ее не изнасиловали. Как будто теперь это имело значение. Но и драгоценности не сорвали. И хотя

ящики буфета были выдернуты, а их содержимое вывалено на пол, грабители не польстились на столовое серебро.

Почему? Что им было нужно?

Мысли в голове ворочались медленно, путались. Какая дикость… Часть его сознания отказывалась верить в увиденное. Не может быть, чтобы на полу лежало тело его жены, то появляясь, то исчезая в свете молний. А за стенами дома не может бушевать неслыханное ненастье, и землетрясение тоже — неправда. И это светопреставление вообще нереально.

Потом Харви встал и потащился в спальню, чтобы чем-нибудь накрыть тело жены. Он все смотрел на нее — и уже не мог этого вынести.

Ящики комода были выдвинуты. Рэндолл заметил свои запонки, а еще — золотое кольцо, аметистовую брошь Лоретты и серьги, которые он преподнес ей в день свадьбы. Грабители тщательно все обыскали. И забрали оба плаща Харви. Он побрел по комнате, перешагивая через разбросанные вещи.

Кровать оказалась завалена: колготки, баночки с какой-то косметикой, тюбики губной помады… Рэндолл смахнул все на пол, содрал покрывала и поплелся обратно, волоча их за собой. В памяти

что-то зашевелилось… но он испугался и прогнал воспоминание. Накрыл Лоретту покрывалом и сел рядом.

Ему даже не пришло в голову, что они могут быть в доме. Но он пытался представить себе, что за люди сделали такое. Он? Она? Группа мужчин? Или женщин? Банда и тех и других? Что им было надо? Они не взяли ни серебра, ни драгоценностей, но прихватили плащи.

Рэндолл побрел на кухню.

Грабители разыскали и забрали вяленое мясо, запас витаминов и жестянки консервированного супа. Он сразу увидел это — и продолжил поиски. И они взяли из гаража все канистры с бензином. И ружья. Значит, это не случайное ограбление, они готовились! К моменту падения Молота они уже знали, что им делать. Случайно ли они выбрали именно его жилище? Его улицу? Вероятно, они совершили налет на все дома квартала.

Он вернулся в холл, к Лоретте.

— Ты просила меня остаться, — сказал он.

Слова застряли в горле. Он покачал головой и потащился в спальню.

Он до смерти устал. Он стоял у кровати, глядя на то, что чуть раньше лежало на ней. Вот что не имело смысла. Колготки — в упаковках.

Шампунь, кондиционер для волос, молочко для тела, лак для ногтей — пара дюжин больших пузырьков. Помада, карандаши для бровей, бальзамы для губ, маникюрный набор, коробочки с бигуди — новые и старые… Множество всяческой дребедени. Если Харви хорошенько подумает, возможно, он, догадается, кто виновник. И тогда он начнет преследование. У него есть пистолет…

Но даже сейчас он не мог поверить. Грабителей и след простыл, а он здесь, с Лореттой. Он плюхнулся на кровать и уставился на ее щетку для волос и ее солнцезащитные очки.

О!..

Разумеется. Молот ударил, и жена принялась лихорадочно собирать вещи. То, что должно было помочь ей выжить. Без чего она не могла обойтись. А затем сюда вломились грабители. Убили ее. И оставили ненужный им хлам — косметику, карандаши для бровей и колготки. То, без чего Лоретта не представляла свою жизнь. Но забрали чемодан.

Харви повалился ничком и спрятал лицо в ладонях. Гром и шум дождя ревел в его ушах, прогоняя мысли, от которых он жаждал избавиться.

Он осознал, что на него кто-то смотрит. Громовые раскаты не стихали и практически заглуша-

ли все остальные звуки. Неожиданно Рэндолл вспомнил, что ему не надо шевелиться, а потом понял почему. Его движение должно быть внезапным и… да, ведь он оставил пистолет возле Лоретты. Ну и ладно.

Он перекатился на спину.

— Харви? — крикнул кто-то.

Он не ответил.

— Это Марк! Господи, дружище, что случилось?

— Не знаю. Налетчики.

Он едва не отключился снова, но Ческу продолжал приставать:

— Вы в порядке?

— Меня здесь не было. Я брал интервью у треклятого профессора из Лос-Анджелесского университета, после чего попал в пробку и… Меня тут не было, оставьте меня в покое.

Марк переступил с ноги на ногу, затем обошел спальню, заглядывая в шкафы.

— Надо уходить отсюда! Вы и ваша порция мороженого… Бассейн реки Лос-Анджелес ушел под воду, вы в курсе?

— Она просила меня остаться. Она боялась, — выдавил Харви. Он попытался придумать что-нибудь, чтобы Марк убрался. — Оставьте

меня, — повторил он.

— Не могу. Нужно похоронить вашу жену. Есть лопата?

— Да, — Рэндолл открыл глаза.

Комнату озаряли неправдоподобно яркие вспышки молний. Странно, что он перестал замечать гром. Он встал.

— Она должна быть в гараже. Наверное. Спасибо.

Они вырыли могилу на заднем дворе. Харви хотел все сделать сам, но быстро выдохся, и Ческу заступил на его место. Лопата с чавканьем врезалась в землю. Твердая почва промокала быстрее, чем успевал копать Марк. Чавк. Хлюп. Чавк. Хлюп. Грохотал гром.

— Время? — выкрикнул мотоциклист.

Он стоял по пояс в вырытой ими яме и смотрел на Рэндолла.

— Полдень.

Испуганный раздавшимся за его спиной голосом, Харви дернулся и обернулся. На откосе находилась Джоанна, капли дождя струились по ее лицу. В руках она держала ружье, и вид у нее был очень настороженный.

— Глубина подходящая, — произнес Марк. — Никуда не уходите, Харви. Джо, двигай в дом. А

ствол отдай мистеру Рэндоллу.

— Ладно. — Девушка спустилась с откоса — крохотная фигурка с большим ружьем.

Джоанна молча отдала ружье Харви.

Теперь он нес караул, глядя в пока еще пустую могилу. Если бы кто-нибудь вновь появился за его спиной, он бы не заметил. Или проигнорировал бы. Однако Ческу и его подружку он заметил.

Здоровый Марк и миниатюрная Джоанна вынесли тело, завернутое в одеяло. Рэндолл хотел помочь им, но опоздал: они уже опускали Лоретту в яму. Вода сразу пропитала ткань насквозь.

«А ведь это электроодеяло Лоретты. Она всегда мерзла по ночам, а оно ее согревало».

Марк взялся за лопату. Девушка забрала у Рэндолла ружье. Размеренными движениями Ческу забрасывал могилу землей. Шлеп. Шлеп. Харви попытался что-то сказать, но у него никак не получалось.

— Спасибо, — наконец произнес он.

— Ладно. Прочтете молитву?

— Надо бы. — Он направился к дому, но понял, что у него нет сил войти внутрь.

— Вот. Я обнаружила его в спальне, — произнесла Джоанна и вытащила из кармана маленькую книгу.

Харви узнал молитвенник Энди, подаренный ему к конфирмации. Возможно, жена присоединила его к набору тех вещей, без которых не мыслила своего существования. Наверняка. Он открыл книгу. Вот и заупокойная молитва. Дождь промочил страницу раньше, чем Рэндолл успел открыть рот, однако он быстро нашел нужную строку и начал говорить, — наполовину читая, наполовину по памяти.

— Вечный покой даруй ей, Господи, и вечный свет пусть светит ей.

Больше он ничего не смог разглядеть.

Потом Ческу и Джоанна отвели его в дом.

Они сели возле кухонного стола.

— Времени в обрез, — заявил Ческу. — Думаю, мы видели тех, кто совершил налет.

— Они убили Фрэнка Стоунера, — добавила девушка.

— Кто? — спросил Рэндолл. — Как они выглядели? Мы сможем выследить ублюдков?

— Потом расскажу, — произнес Марк. — Сперва надо собрать вещи и двинуться в путь.

— Сначала вы мне все скажете.

— Нет.

Ружье Джоанна прислонила к столу. Харви хладнокровно взял его и проверил, заряжено

ли. Оттянул назад курок. Когда-то его неплохо обучили — стрелял он метко. Пока он ни в кого не целился.

— Я хочу знать, — проговорил он.

— Байкеры, — выпалила Джоанна. — Полдюжины. Сопровождали голубой фургон. Мы видели, как они выехали с Фокс-лейн.

— Ах, сволочи! — выругался Рэндолл. — А я знаю, где они живут. В переулке, в полумиле отсюда. Он небольшой, длиной в полквартала. Табличку они переписали, теперь это «Снежная гора».

Он встал.

— Их там уже нет, — заметил Ческу. — Они гнали на север, к Малхолланд-драйв.

— Мы были на мотоциклах, — перебила его Джоанна, — Фрэнк, Марк и я.

— Они вылетели с вашей улицы, — сказал Ческу. — Я захотел спросить у них, что стряслось. Затормозил и поднял руку — Наши так останавливают друг друга, если хотят потрепаться. И один из этих сукиных детей выстрелил в меня!

— Только попал в Фрэнка, — вымолвила девушка. — Он свалился прямо в обрыв. Если выстрел не убил его, так убило падение. Байкеры погнали дальше. Мы не понимали, что делать, и поэтому

сразу поехали сюда.

— Господи! — вырвалось у Харви. — Я примчался за полчаса до вас. Значит, они еще были неподалеку. А может, тут, пока я… пока…

— Да, — кивнула Джоанна. — Мы узнаем их, если опять встретим. Мотоциклы у них большие. Навороченные, но не очень. А фургон разрисован.

— Никогда не встречал эту банду прежде, — прибавил Ческу. — Сейчас нам их никак не догнать. Но нам нельзя оставаться здесь. Бассейн Лос-Анджелеса затоплен, всех там прикончило цунами. А в окрестных горах сейчас скопилась куча народа… наверняка миллион человек, и еды точно на них не хватит. Есть и другие места, получше…

— Фрэнк собирался в Мохаве, — произнесла Джоанна. — Но Марк решил, что мы должны заглянуть к вам…

Рэндолл ничего не ответил. Он положил ружье на стол и уставился в стену. Ребята правы. Он не сумеет догнать байкеров. Кроме того, он слишком устал.

— Хоть что-нибудь они оставили? — осведомился Ческу.

Журналист промолчал.

— Мы на всякий случай все проверим, — сказал Марк. — Джо, на тебе — дом. Я обшарю участок и гараж. Но нельзя оставлять внедорожник. Пойдемте, Харви.

И Ческу, взяв его за локоть — молодой мужчина оказался неожиданно сильным, — заставил его подняться. Рэндолл не сопротивлялся. Мотоциклист отвел его к машине и усадил на пассажирское сиденье. Положил на колени Харви спортивный пистолет и запер все дверцы.

Харви неотрывно смотрел на завесу дождя.

— Он очухается? — спросила Джоанна.

— Не знаю. Но он с нами, — ответил ее друг. — Давай поглядим, вдруг что-нибудь найдем.

В гараже Ческу заметил бутыли из-под «Хлорокса». Были и другие вещи, в том числе и спальники: мокрые, но вполне пригодные для использования. Очевидно, у байкеров имелись свои мешки, и чужие их не заинтересовали.

«Ну и глупо, — подумал он, — армейская полярная вещица Харви покруче, чем их барахло».

Он отнес свою добычу к внедорожнику и открыл заднюю дверцу. Пригнал кроссовые мотоциклы, на которых приехали они с Джоанной. Он хотел попросить Рэндолла помочь, но потом просто разыскал тяжелую доску и сделал из нее

пандус. С помощью Джоанны он кое-как закатил один мотоцикл в фургон, а сверху навалил свои трофеи.

— Харви, где Энди? — наконец спросил он.

— В безопасности. В горах. С Горди Вэнсом… Мари! — внезапно закричал журналист.

Он выскочил из машины, кинулся к особняку соседа — и застыл. Парадная дверь была открыта, но Рэндолл побоялся зайти внутрь. А если грабители вломились туда, пока он, Харви, выл над телом Лоретты?

«Господи, какой же я никчемный выродок».

Порог дома Горди переступил Ческу. Через несколько минут он показался на крыльце.

— Они тоже тут побывали. Крови я не увидел. Да и вообще нет никаких следов.

Он направился к гаражу и попытался открыть дверь. Та легко поддалась: замок был сломан.

А сам гараж пустовал.

— Харви, какая машина у вашего приятеля?

— «Кадиллак».

— Значит, жена вашего соседа уехала. Здесь тачки нет, а у байкеров мы не видели «кадиллака». Возвращайтесь и приглядите за внедорожником. Или помогайте носить вещи… у вас в доме еще есть кое-что нужное.

— Одну минуту. — И Рэндолл задумался.

Куда могла отправиться Мари Вэнс?

За нее отвечал он, Харви. Горди взял на себя заботу о его сыне, а Рэндоллу следовало позаботиться о Мари.

Но куда же она поехала? Он не знает…

Хотя нет! В лос-анджелесский «Кантри-клуб». Затея губернатора — благотворительный фонд. Дети-инвалиды. Она — член правления. К моменту падения Молота она могла находиться там.

Но если она до сих пор не вернулась домой, то все уже кончено. Больше ответственности Харви за нее не несет.

Марк вышел из дома, и Харви вздрогнул. Он нес… Господи! Хрустального кита стоимостью пять тысяч долларов — того самого, которого подарили родственники жены ей на свадьбу. Пару лет назад она жутко разозлилась на Ческу за то, что он дотронулся до кита, и заявила, что не пустит его дальше порога…

Мужчина успешно донес свой груз до машины, завернул кита в простыни, наволочки и запасные одеяла и спрятал в багажник.

— Зачем он вам? — удивился Харви.

Ческу вытащил из кармана косметический крем и бумажные носовые платки — «набор

для выживания» Лоретты — и тоже положил в багажник.

— Для обмена, — объяснил он. — И ваши картины пригодятся. И прочие предметы роскоши. Если мы наткнемся на что-нибудь получше, это мы выбросим. Но пусть будет хоть что-то. И я очень рад, что вы снова начали шевелить мозгами. Ладно, мы почти загрузились. Залезайте в машину… или хотите еще раз осмотреть дом?

— Я не могу туда войти…

— Понимаю. — Марк повысил голос: — Джо, живей!

— Хорошо. — Она выглянула из-за живой изгороди — насквозь мокрая и с ружьем в руках.

— Сможете вести машину, Харви? — спросил Марк. — Тачка слишком большая, Джоанне будет трудно.

— Смогу.

— Прекрасно. Я поеду рядом на байке. Передайте мне пистолет, а ствол пусть остается у Джо. И самое главное. Куда двинем?

— Не знаю, — ответил Рэндолл. — На север. По дороге подумаю, куда ехать.

— Ясно.

Рокот мотоцикла был едва слышен сквозь гром. Они отправились к Малхолланд-драйв, той же

дорогой, что и байкеры.

Харви продолжал надеяться.

Это был настоящий ливень, и Дэн Форрестер мог разглядеть шоссе лишь в мгновенных вспышках молний. «Дворники» лихорадочно гнали капли по ветровому стеклу. Свет фар угасал в струях дождя, не успевая упасть на дорогу. Беспрерывные всполохи давали побольше света, но потоки воды превращали все в мерцающую белесую тьму.

Извилистый горный серпантин залило дождем. Машина с трудом продвигалась вперед.

А в долине, наверное… ладно, скоро он узнает. Но сперва нужно кое-что сделать.

А еще раньше о том, что творится внизу, будет известно и Шарпсу.

Дэн тревожился за него. Шансов у планетолога было не так уж мало, но Чарли не следовало включать в караван тот пикап, забитый вещами. Он буквально напрашивался на грабеж. Надо надеяться на то, что Мастерсон прихватил с собой оружие.

А если они доберутся до ранчо, что скажет сенатор? Силвер-Вэлли находится высоко над разливами. Если местные начнут привечать всех, кто объявится, запасов пищи им хватит ровно на сутки, а домашнего скота — максимум на пару

дней. Может, Чарли и впустят — правда, только его и никого более. Но вероятно, никому не потребуются услуги ученого Дэна Форрестера. Бывшего астрофизика. Кому он нужен?

Он с удивлением обнаружил, что доехал до дома. Ткнул в кнопку пульта, и гараж открылся. Ха! Электричество не отключили — ну, это ненадолго. Дверь он оставил открытой. Включил свет в гараже, затем повсюду расставил свечи, и две зажег.

Домик был маленький — всего-то одна комната. Вдоль стен выстроились книжные стеллажи. Обеденный стол был завален: Дэн затарился упаковками замороженных продуктов (пока они поступали в продажу). Он был предусмотрителен и притащил к себе и кое-что еще: несколько дюжин пакетиков с нафталином и флаконы спрея от насекомых. В общем, пришлось передислоцироваться на пол.

За работой он насвистывал. Обрызгать книгу инсектицидом, вложить ее в пакет, добавить нафталина и аккуратно запечатать. Вложить в другой пакет — и заклеить. И все далее.

Книжки — каждая в четырех запечатанных пакетах — стопками громоздились рядом с ученым. Дэн поднялся: надо надеть перчатки, чтобы

предохранить кожу на руках от химических ожогов. Заодно он принес вентилятор и установил его таким образом, чтобы поток воздуха дул в спину. Следовало поберечь легкие.

Когда куча на полу выросла, он отодвинулся. Спустя некоторое время осторожно встал. Суставы ныли. Ноги затекли. Он размялся, чтобы восстановить кровообращение. Вышел на кухню, решил сварить себе кофе. В радиоэфире слышались только помехи, поэтому он включил проигрыватель. На кухонном столе теперь появилось свободное место, и ученый возобновил работу здесь.

Пока дело продвигалось гладко.

Свет погас, голоса «Битлз» сделались на мгновение низкими, протяжными — и умолкли. Форрестер внезапно оказался в темноте. Его окружили звуки, на которые он раньше не обращал внимания: раскаты грома, вой ветра и шум дождя, с силой обрушивающегося на дом. С потолка в углу закапала вода.

Выпив кофе на кухне, он направился в комнату, зажигая дополнительные свечи. Проходили часы. Оставшийся кофе давно остыл.

Полки еще были забиты книгами, но большая часть нужных экземпляров уже перекочевала

в пакеты.

Дэн изучал стеллажи. Усталость усугубила его глубокое уныние. Он прожил здесь двенадцать лет, но вдвое дольше времени не перечитывал «Алису в Стране чудес», «Детей воды» и «Приключения Гулливера». А вот кому предстоит гнить в покинутом доме: «Дюна», «Нова», «Двойная звезда», «Коридоры времени», «Колыбель для кошки», «Сверхчеловек наполовину», «Пять поросят», «День Гидеона», «Красная десница», «Троянский катафалк», «Смертельный блеск золота», «Ведьма», «Ребенок Розмари», «Серебряный вихор», «Король Конан».

Ученый укладывал книги в пакеты не развлечения ради и даже не для того, чтобы проиллюстрировать философский подход к жизни, но ради воскрешения цивилизации. Даже Доула и его «Планеты для людей»…

Нет, черт побери! Он кинул чтиво на стол. Есть, конечно, слабый шанс, что для следующей реинкарнации НАСА это произведение понадобится раньше, чем рассыплется в прах, и что? Он взял еще несколько книг: «Потрясение будущего», «Культы безумия», дантовский «Ад», «Тау Ноль». Хватит. Через пятнадцать минут он завершил работу. Пакетов не осталось.

Он подогрел кофе и заставил себя отдохнуть: предстояла трудная задача. На часах было десять вечера. Так ли это в действительности, он не знал.

Форрестер выкатил из гаража тачку огородника. Новехонькую, ярлык еще сохранился. Преодолел искушение нагрузить ее под завязку. Надел плащ, шляпу, натянул сапоги. Вывез книги, прокатив тачку через гараж.

Канализацию в Туджанге меняли относительно недавно. Участок был заставлен брошенными очистными баками, и один из них стоял как раз за домом Дэна. На пригорке. Но не может везти сразу во всем.

Ветер крепчал. Дождь был насыщен песком и солью. Молнии освещали дорогу, но плохо. Высматривая бак, напрягая силы, он вкатил тачку на пригорок. Наконец он обнаружил бак, полный воды, потому что вчера вечером Дэн сдвинул крышку.

Захватывая по нескольку книг сразу, он вантузом осторожно проталкивал их в дряхлые трубы. Прежде чем уйти, установил фонарь на перевернутой крышке бака.

Вторую поездку он сделал, переодевшись в плавки. Теплый ливень оказался менее неприят-

ным, чем намокшая и липнущая к телу одежда. Третью — надев шляпу. На обратном пути он чуть не сомлел. Это никуда не годилось. Надо передохнуть. Дэн стащил мокрые плавки и улегся на кушетке. Натянул одеяло… и провалился в глубокий сон.

Когда он очнулся, за стенами творился ад кромешный: ливень, ветер, гроза… Тело страшно одеревенело. Он еле встал и кое-как доплелся до кухни, бормоча себе под нос что-то подбадривающее. Сперва позавтракать, потом снова за работу. Часы стояли. Он не знал, день на дворе или ночь.

Загрузить тачку наполовину, не больше. Провезти ее по скользкой грязи на пригорок. Запомнить, что в следующий заход нужно прихватить фонарь. Охапками перекидать книги в старую канализацию. Вряд ли кто-нибудь, будь он идиот или гений, полезет сюда за подобными сокровищами, даже если бы знал, что они именно здесь. Запах не слишком беспокоил ученого, да и ураган не будет длиться вечно. Клад будет в полной безопасности. Теперь вернуться за следующей партией…

Один раз он поскользнулся и проехался по грязному склону, увлекаемый пустой тачкой. В падении пересчитал боками столько острых

камней, что повтора никак не хотелось.

Итак, последний заход. Все. Дэн попытался поставить на место крышку. Отдышался, повторил попытку. Он слишком долго сдвигал ее и чертовски долго ставил на место. А сейчас — с пустой тачкой вниз по склону. Спустя сутки следы колес исчезнут с лица земли. Мелькнула мысль, что хорошо бы спрятать последнее свидетельство его затеи — тачку, но от мысли, что необходимо опять браться за работу, у него заныло тело.

В ванной комнате он обтерся полотенцами. Почему бы и нет? Теми же самыми — вытер шляпу, сапоги и прочее. Из бельевого шкафчика достал еще стопку — уже чистых. Прежде чем отнести сапоги в машину, он набил их — сколько поместилось — бумажными полотенцами для рук. Взял еще рулон и положил в салон автомобиля, вместе с плащом и шляпой.

Старый дом протекал. Машине тоже много лет. Может, и с ней не все в порядке.

Но в принципе это не имело значения. В конце концов ему придется вылезти наружу шагать под проливным дождем, с рюкзаком на плечах — впервые в жизни. Задолго до того, как непогода стихнет, Дэн будет либо в безопасности, либо мертв…

Он бросил на заднее сиденье новый рюкзак, который собрал позавчера. Там лежал инсулиновый шприц и запас инсулина. В салоне было еще два таких свертка: кто-нибудь мог украсть рюкзак… Но уж хотя бы одна медукладка наверняка сохранится.

Машина представляла собой дряхлую развалину, которая ничем не могла привлечь грабителей. Дэн погрузил в нее кое-что, способное спасти ему жизнь, если — и когда — сложится соответствующая ситуация. Среди вещей имелась и одна по-настоящему ценная. Обычному среднему грабителю она показалось бы хламом, но могла обеспечить ученому спасение.

Дэниел Форрестер, астрофизик, мужчина средних лет, был человеком никому не нужной профессии. Его докторская степень стала чем-то гораздо менее ценным, чем чашка кофе. Руки у него были мягкие, он весил слишком много и болел диабетом. Но друзья говорили ему, что зачастую он недооценивает себя. Тоже качество не из лучших: это ограничивало его способность заключать выгодные сделки.

Однако он знал, как получать инсулин. Правда, для этого ему необходима лаборатория. И овцы — надо убивать одну раз в месяц.

Еще вчера Дэн Форрестер стал разорительной роскошью для своей собственной персоны.

Зато вещь, спрятанная в его рюкзаке, была действительно стоящей. Это была книга — в пакете, как и другие. «Как все устроено сегодня. Иллюстрированная энциклопедия», том второй. Первый лежал в баке.

Харви увидел белый «кадиллак», который ехал навстречу. Мгновение он ничего не осознавал. А затем нажал на тормоза: Джоанну швырнуло вперед, и только ремни безопасности удержали ее.

— Спятили? — выкрикнула она, но Рэндолл уже открыл дверцу и выскочил на мостовую.

Он яростно замахал руками. Господи! Она должна увидеть его!

— Мари! — громко позвал он.

«Кадиллак» замедлил ход. Харви подбежал к нему.

Невероятно, но Вэнс казалась абсолютно безмятежной. На ней было простое льняное платье от Гернрайха — белое, с золотистой нитью и глубоким декольте. Золотые серьги и маленький бриллиантовый кулон идеально подходили к наряду. Темные волосы Мари от сырости слегка растрепались, но у нее была не слишком длинная стрижка, и прическа не пострадала. Женщи-

на выглядела так, будто целый день провела в «Кантри-клубе» и сейчас ехала домой, чтобы переодеться в вечернее платье и оправиться в ресторан.

Харви в изумлении уставился на нее. Она ответила умиротворенным взором. Он почувствовал, как в его душе вскипело раздражение. Ему захотелось заорать, вывезти ее из равновесия. Разве она не понимает?..

— Как доехали? — спросил он.

Она начала отвечать, и ему стало стыдно. Мари говорила слишком спокойным тоном, но потом в ее голосе зазвучала нотка неестественного напряжения:

— Я двинулась к перевалу. Там была пробка, но какие-то мужчины просто передвинули автомобили… и пропустили меня и остальных. Зачем вам знать, как я сюда добралась, Харви?

Он расхохотался — как смешон он сам, как смешон этот мир!

И тут она наконец испугалась. По-настоящему.

Подъехал Марк на мотоцикле. Поглядел на «кадиллак», потом на его хозяйку. Но не присвистнул.

— Ваша соседка? — осведомился он.

— Да. Мари, вы должны поехать с нами. Дома

оставаться нельзя…

— Я и не собираюсь, — возразила она. — Я хочу найти сына. И Горди, — добавила она после паузы и опустила взгляд на свои золотистые сандалии. — Мне нужно взять кое-что из одежды и еще… Харви, а где?.. — не успев закончить, она заметила в его глазах боль, сменившуюся оцепенением. — Лоретта? — не веря, спросила она.

Он ничего не ответил. Ческу у него за спиной медленно покачал головой. Мари понимающе кивнула.

Рэндолл отвернулся. Он стоял под дождем — молча, и глядел в никуда.

— Бросьте «кадиллак» и пересаживайтесь к нам, — предложил Марк.

— Нет. — Женщина попыталась улыбнуться. — Подождете, пока я переоденусь? Пожалуйста. Харви…

— Ему сейчас трудно решать, — проговорил Ческу. — Посмотрите, там должны быть вещи. Еды немного, но одежды — полно.

— У меня тоже есть отличный походный костюм, — твердо произнесла Мари. Она знала, как разговаривать с теми, кто работает на других — неважно, на Горди или на Рэндолла. — И ботинки. На мою ногу трудно подобрать обувь. Согласи-

тесь, десять минут особой разницы не сделают.

— Это займет вовсе не десять минут, и у нас вообще нет времени, — заявил Марк.

— Вы правы, если мы и дальше будем болтать. — Мари положила руки на руль. — И все-таки подождите меня.

И она уехала в южном направлении.

— Господи! — выдохнул Ческу. — Харви? Что?.. — Он не договорил. Журналист был не в силах принимать решения. — Садитесь в чертову машину! — приказал молодой мужчина.

Окрик Марка заставил Рэндолла сделать шаг к внедорожнику. Он хотел сесть за руль.

— Джоанна! — рыкнул Ческу. — Пересаживайся на байк! Тачку поведу я.

— Куда?..

— Обратно. К Харви. Наверное. Не представляю, как нам быть. Возможно, попросту ехать дальше.

— Нам нельзя ее бросать, — твердо сказала девушка.

Она вылезла наружу и села на мотоцикл. Марк пожал плечами и забрался в салон. Он ухитрился развернуться и помчался обратно, беспрерывно ругаясь.

Когда они вырулили на подъездную дорожку, жена Гордона сидела в кресле на своей веранде,

одетая в брюки из дорогой искусственной замши. Сшитые из четырехугольников они казались весьма прочными. Еще на Мари была блуза из хлопка, поверх которой женщина натянула плотную рубашку и ветровку. На ногах — высокие ботинки на шнуровке на шерстяные носки. На полу лежал узел, сделанный из одеяла.

Заехав на газон, Джоанна затормозила. Марк выскочил из машины и встал рядом с ней. Посмотрел на Вэнс, потом на свою подругу.

— Никогда не видел, чтобы так быстро переодевались. Может, от нее будет польза, — пробурчал он.

— Смотря в чем, — ровным тоном произнесла Мари. — Кто вы оба и что стряслось с Харви? — спрашивая, она нагнулась и стала перешнуровывать ботинки.

— Лоретту убила та же банда, что вломилась в ваш дом, — ответил Ческу. — Послушайте, куда вы собрались на «кадиллаке»? Энди Рэндолл — он с вашим мужем?

— Да, разумеется, — ответила она. — Сын Харви и Берт в горах, с Горди. — Она завязали шнурки и встала. — Бедная Лоретта. Она… да будь оно все проклято. Вы наконец скажете мне, как вас зовут?

— Марк. Это Джоанна. Я работал у мистера Рэндолла…

— Я знаю, — кивнула Мари. — Рада. Значит, вы вместе с Харви, да?

— Конечно.

— Ясно. Пожалуйста, отнесите узел в машину. Я сейчас.

«Крепкая, мать ее, как железный гвоздь, — подумал Ческу, — более хладнокровной бабы я еще не встречал».

Он взял сверток: в одеяло были завернуты одежда и кое-что еще. Мари вышла с пластиковым дорожным чехлом — в таких вешают одежду во время авиарейсов. Места в багажнике оставалось мало, но Вэнс заботливо спрятала туда чехол, не забыв разгладить складки.

— Что там? — поинтересовался Марк.

— Нужные мне вещи. Я готова.

— Сможете вести тачку Харви?

— По трассам, — ответила она. — Никогда не пробовала ехать по бездорожью. Но переключать передачу умею.

— Ладно. Тогда за руль. Машина слишком велика для Джоанны.

— Я смогу! — перебила его девушка.

— Верю, Джо, но лучше не надо. Пусть миссис…

— Мари.

— Пусть миссис Мари…

Женщина расхохоталась:

— Просто Мари. И поведу я. Есть карты? У меня хорошей нет. Я знаю, что ребята и Горди находятся где-то у южного края Национального парка «Секвойя», но не очень ориентируюсь, как туда добраться.

В брюках, шерстяной рубашке, тонкой нейлоновой курточке и ботинках она казалась гораздо меньше ростом, чем помнилась Марку, и почему-то не столь уверенной, как еще минуту назад. Но у него не было времени раздумывать о причинах подобных перемен.

«Справится», — решил он.

— Я поеду впереди на байке. Джоанна с ружьем — в машине. Харви посадим на заднее сиденье. Может, если он поспит, его мозги снова включатся. Господи, никогда мне прежде не доводилось видеть, чтобы человек так расклеился. Словно он сам убил ее.

Мари вдруг прищурилась. «С чего бы это? Ну и наплевать», — подумал он. И, отойдя к мотоциклу, пнул стартер.

Они выехали на улицу и опять свернули на север. Шоссе пустовало.

«Куда же теперь?» — спросил себя Марк.

Можно спросить Рэндолла, но правильным ли будет ответ? И как с ним теперь общаться? Почему его так прибил этот случай, Марк не мог взять в толк.

Лоретта… Женой она была так себе. Никогда нигде не появлялась вместе с мужем. Смазливенькая, но не товарищ. Почему Харви в таком раздрае? Если б Марку пришлось хоронить Джоанну, ему бы это чрезвычайно не понравилось, но он бы так не убивался. Он бы не потерял способности действовать и помянул бы Джо в следующий раз, когда довелось бы выпить… а ведь Рэндолл всегда был крутым парнем.

Ческу взглянул на часы. Поздновато. Ехать надо быстро — через то, что осталось от Бербанка и долины Сан-Фернандо. Как? Если шоссе не разрушены, они забиты под завязку машинами. Плохо. Куда же двинуть?

Жаль, у Харви не работает голова. Он в отключке, а значит, что выбирать маршрут должен он, Марк. Доехав до Малхолланд-драйв, он повернул налево.

Сзади раздался автомобильный гудок. Мари остановилась на перекрестке.

— Не туда! — крикнула она.

— Точно туда.

— Нет.

Марк вернулся к внедорожнику. Впереди, выпрямившись, сидели Мари и Джоанна. Девушка держала наготове ружье, дуло смотрело вверх. Руки миссис Вэнс покоились на руле.

«А она будет покрупнее Джо», — подумал Ческу.

— Что там еще? — спросил он.

— Мы едем разыскивать наших мальчиков, — ответила женщина. — А они к востоку отсюда, а не к западу.

— Да знаю я! — в сердцах выкрикнул он. — Но лучше ехать тут! Дорога идет по возвышенностям. Мы пересечем долину у Топанги, холмы Санта-Сюзанна… и по каньонам поднимемся в горы. Мы сможем держаться вдали от шоссе и тех трасс, где будут остальные.

Мари нахмурилась, пытаясь представить карту окрестностей реки Лос-Анджелес. Но кивнула. Предложенный Марком маршрут приведет их к парку «Секвойя».

Она надавила на педаль газа, и внедорожник тронулся с места.

Марк с ревом перегнал его, что-то бормоча себе под нос. Фрэнк сказал, что надо отправиться в

Мохаве. Стоунер знал все. Его слов Ческу было достаточно.

Позже они подумают, что делать дальше. Но хорошо бы все же добраться до Мохаве…

«Харви захочет разыскать сына. А эта Вэнс — найти своего парнишку. Странно, что она едва упомянула о муже. Похоже, они не ладят». Он вспомнил, какой перед ним предстала Мари, когда он впервые увидел ее. Да… Высокий класс. Пожалуй, дело принимает интересный оборот.

Они мчались под дождем по главной трассе Лос-Анджелеса. Ливень не давал им разглядеть, насколько велики разрушения в долине по сторонам дороги. Машин нигде не было. Там, где шоссе спускалось с гребня, внедорожник несся прямо через быстро растущие кучи грязи.

Марк был доволен.

Рэндолл проваливался в дрему. Он просыпался, снова засыпал и снова просыпался. Сиденье тряслось, дергалось, кренилось. Он слышал раскаты грома. В памяти постоянно всплывала страшная картина, и он вздрагивал. При вспышках молний Харви опять видел все как наяву: озаренная мелькающим светом гостиная, не тронутые грабителями серебро и хрусталь, на ковре — мертвые жена и собака… Иногда рядом раздавались чьи-

то голоса, но ему казалось, что это отзвуки его собственных мыслей.

— Да, они очень любили друг друга… Она полностью от него зависела…

Голоса притихали, пропадали и возникали вновь. Один раз Рэндолл понял, что внедорожник затормозил. И тотчас зазвучали, перебивая друг друга, три голоса, но, возможно, они тоже были лишь порождением его мозга.

— Жена мертва… не было… да, она сказала, что хочет попросить его остаться дома… потерял работу и вообще все, что имел… да… теперь он человек без профессии. В ближайшую тысячу лет документальные телефильмы сниматься не будут. Господи, Марк, и вы тоже за бортом.

— Ага, но как-то… неожиданно… только съежиться и умереть…

«Верно», — подумал Рэндолл и еще больше съежился на сиденье.

Машина снова поехала. Трясло.

Харви всхлипывал.

Вечер Вторника

К сожалению, там, где дело касается таких важнейших вещей, как оборона своих границ, наши высшие мозговые центры подпадают под сильное влияние низших мозговых образований. Интеллектуальный контроль может помочь во многом, но далеко не во всем. В крайних случаях он ненадежен, и один-единственный беспричинно неразумный эмоциональный акт способен разрушить все хорошее, чего удалось достигнуть человеку.

Десмонд Моррис.
Голая обезьяна

Земля вращалась. Прошло два часа. За это время «Молотлэб» совершил чуть больше одного витка. Европа и Западная Африка уплыли из полосы заката в ночь.

Похоже, люди боялись заговорить. Деланти знал, что он — точно. Если он откроет рот, то, что скажет? Бывшая жена Джонни и его дети — не в Техасе. В душе Рика вспыхнула ненависть к напарнику. Позорный секрет!

Он молча смотрел в иллюминатор.

В «Молотлэбе» царила жара. В невесомости пот не стекает вниз. Капли остаются там, где выступили. Рик вспомнил об этом и вытер лоб мокрой тряпкой, которую сжимал в левой ладони. Выступающие слезы застилали глаза, как беспрерывно утолщающиеся линзы. Если моргать, становилось даже хуже. Их надо тоже вытереть. Он так и поступил. И тогда увидел.

На поверхности Земли пылали ярко-оранжевые пятна-дыры. Словно географическую карту проткнули с изнанки горящими сигаретами. И было непонятно, где конкретно образовалась та или иная сверкающая прореха. Огни европейских столиц исчезли, то ли скрытые облаками, то ли просто куда-то сгинули. Моря стали неотличимы от суши. Рик уже видел громадные участки тверди, превратившиеся в океаны: территории, тянущиеся вдоль Восточного побережья Штатов, вся Флорида, Техас…

Что? Способен ли армейский вертолет обогнать цунами? А как быть с ураганным ветром?

Нет, она мертва…

Но несколько часов назад он кое-что видел…

И астронавт начал вспоминать.

…огонь, вспыхнувший посреди Средиземного

моря, угас. Удар меньшей силы пришелся на Балтийское: пламя потухло почти мгновенно. Гораздо более страшные столкновения пришлись на центральную область Атлантики — там зияли оранжевые кратеры, окутанные жемчужным заревом. Рик смотрел на них совсем недавно, а «Молотлэб» продолжал перемещаться по орбите. Затем перед экипажем открылся эпицентр чудовищного урагана: огромный столб перегретого пара, а внизу — ослепительное беловато-оранжевое сияние. Корабль прошел над тремя участками таких соударений, но сейчас их следы были куда менее заметны.

Океан возвращался обратно.

Судан — четыре маленьких ярких кратера. Европа — три и одна громадная вспышка близ Москвы. Сияние буквально выплескивалось в космическое пространство.

Бейкер вздохнул и, оттолкнувшись, поплыл прочь от иллюминатора.

— Ладно. Нам есть что обсудить, — произнес он, откашлявшись.

Остальные посмотрели на него так, будто он прервал хвалебную речь.

— «Аполлоном» мы воспользоваться не можем, — упрямо продолжал он. — То сильное

соударение в Тихом океане фактически пришлось на наш флот сопровождения. «Аполлон» спроектирован так, что посадка возможна только на воду, а моря… океаны… черт…

— Попросите, чтобы вас доставили домой, — кивнул Петр Яков. — Да. У нас просторно. Воспользуйтесь нашим гостеприимством.

— У нас нет дома, — вымолвила Леонилла Малик. — Куда нам теперь?

— Москва — еще не весь Советский Союз, — с мягкой укоризной возразил Яков.

— Разве?

Рик ни на что не реагировал. Он приник к иллюминатору, и Джонни видел лишь его спину.

— Ледники, — сказал Бейкер, и космонавты оживились. — Те обломки, которые врезались в Россию…

— Что-то упало в Карское море. Слишком далеко к северу. Мы лишь вычислили вероятность, наблюдая за движением облаков к югу.

— Ясно. Значит, удар наверняка пришелся в океан. Облачный покров над всем Союзом будет перемещаться к югу до тех пор, пока жар в образовавшемся кратере не остынет. И тогда вашу страну завалит десятками миллионов тонн снега. Тучи и снегопады. В течение ближайшей

пары столетий весь солнечный свет, падающий на Россию, будет отражаться обратно в космос. Я… — У Бейкера дернулась лицевая мышца. — Бог свидетель, мне бы не хотелось портить вам день, но ледники поползут прямо к Китаю. Я серьезно полагаю, что для посадки нам следует подыскать место с климатом потеплее.

Петр холодно посмотрел на него.

— Уж не Техас ли? — буркнул он.

Деланти вздрогнул, не отрываясь от иллюминатора.

— Весьма благодарен, — произнес Джонни.

— Моя семья находилась в Москве. Их убили взрыв и пламя. Ваших близких погубило наводнение. Я знаю, что вы сейчас чувствуете. Но Советскому Союзу уже случалось переживать различные бедствия, и наш народ всегда преодолевал их, а ледники движутся медленно.

— Но революция распространяется быстро, — парировала Леонилла.

— Что?

Женщина перешла на русский. Петр быстро ответил ей.

— Пусть обсудят, — понизив голос, проговорил Джонни, глядя в спину Рику. — Это ведь их корабль. Послушай, а ведь вертолет мог успеть! Как

ты считаешь? Ведь могли же послать вертолет?

Но напарник не слушал, и Бейкер подлетел к соседнему иллюминатору.

Внизу проплывал темный массив Азии…

Леонилла заговорила по-английски. В ее голосе звучала горечь…

— Итак, ледники ползут медленно, но революции распространяются быстро. Большинство членов партии, члены правительства — все они были великими представителями русского народа, как Петр. А сейчас наша великая страна попала под удар. Что будет теперь, когда украинцы, грузины и остальные поймут, что Москва им больше не хозяйка? Я пыталась убедить товарища генерала Якова… Почему вы так на меня смотрите?

Деланти обернулся к ней, и Малик отшатнулась. В разных культурах переживания отражаются на лице по-разному, но Леонилла умела распознать убийственную ненависть. Мгновением позже Рик пошевелился. Но только чтобы уступить ей место у иллюминатора.

Над черным пологом туч, порожденным падением Молота, плясали десятки крошечных искр. Из облачного слоя появлялись новые всполохи.

Целое поле светлячков, летящих в боевом по-

рядке.

Леонилла невольно выпустила поручень и поплыла через «Молотлэб», парализованная злостью в глазах Рика и не имея сил отвести взгляд.

Петр напрягся — одна рука крепко взялась за скобу, вторая сжалась в кулак. Он приготовился защитить женщину от непонятной опасности.

Бейкер описал дугу и очутился у консоли связи. Торопливыми, но четко контролируемыми движениями он установил частоту, нажал кнопки и заговорил:

— «Зеркало», вызывает «Белая птица». Советский Союз дал залп межконтинентальными баллистическими ракетами. Повторяю: советские ракеты в воздухе. Ошибка исключена. Они запускают все, что у них есть! Пятьсот «птичек»... как минимум!

К панели метнулся Яков. Резким ударом он отключил питание передатчика. Индикаторные огни на панели погасли.

Бейкер и Петр уставились друг на друга.

— Деланти!

— Сэр. — Рик, оттолкнувшись, кинулся на космонавта.

Деланти действовал стремительно. Леонилла что-то пронзительно закричала по-русски. Рик

вцепился в Якова, но русский не сопротивлялся. На его лице застыла маска ненависти — точь-в-точь как у самого Деланти.

— Передавайте свое предупреждение, — процедил он. — Вы не сообщите им ничего нового.

— И как это вообще понимать? — заорал Деланти.

— Сами увидите, — произнес Яков.

Голос Леониллы стал странно безжизненным.

— Очередная вспышка над Москвой.

— Что? — Бейкер переводил взгляд с генерала на женщину и наконец приник к иллюминатору. У него сдавило грудь. Один раз он уже видел такое. Сбоку от оранжево-красного огненного пятна, пылающего на месте Москвы, вырос крошечный гриб, переливающийся красным и фиолетово-белым.

— Запоздалый удар, — сипло выговорил Джонни.

Два часа назад комета Хамнера — Брауна миновала Землю, а глаза астронавта выискивали свежие грибовидные образования. Он обнаружил пару облачков специфической формы и вспыхнувшее — как раз, когда он смотрел, — миниатюрное солнце.

— Господи, — выдохнул он. — Мир сошел с

ума.

— Это для полноты картины, — заявил Деланти. — Им мало столкновения с кометой. Сукины дети нажали на кнопку.

Члены экспедиции беспомощно наблюдали за тем, что разворачивалось внизу: на поднимающиеся ввысь светлячки советских ракет и на внезапные голубовато-белые вспышки на всем пространстве европейской части России. Значит, промышленность, которая могла уцелеть при столкновении с кометой…

«Безумие, — сказал себе Бейкер, — зачем, зачем, *зачем?*»

— Вряд ли нас радостно встретят внизу, — проговорил Рик равнодушно, и Джонни подумал, а не свихнулся ли и он тоже?

Посмотреть на Леониллу он не мог.

У Деланти заклокотало в горле. Просто звук, ничего не означающий и ни к кому не обращенный. Потом он повернулся и ударом ноги отправил себя на другой конец «Молотлэба» — подальше от остальных. Яков находился у противоположной стены, у воздушного шлюза, ведущего в «Союз», и у Джонни мелькнула безумная мысль: уж не собирается ли русский отправиться за припрятанным оружием?

«Перестрелки нам только не хватало. Пальба на орбите. А почему бы и нет? Там, откуда родом Яков, безумие и месть — старая добрая традиция».

— Такие дела, — спокойно вымолвил Бейкер. — Нам лучше бы держаться друг друга. Нам — последним астронавтам. Но мне что-то не верится. Рик?

Тот уже был в воздушном шлюзе «Аполлона». Он чертыхался — тихо, но в то же время достаточно громко, чтобы они слышали.

Джонни уставился на Якова. Космонавт не делал попыток открыть шлюз, ведущий на «Союз». Он висел в воздухе, в такой позе, будто собирался что-то сделать, но не шевелился. Он неотрывно смотрел вниз — на пылающую Землю.

Капсулу заполнил громовой вопль Рика:

— Черт! — и после паузы: — Сэр! В «Аполлоне» — вакуум. Давайте я надену шлем и проверю, не повреждена ли тепловая защита?

— Не надо.

Дыра в оболочке корабля! Значит, при возвращении Бейкера и Деланти ждет смерть. Экипаж лаборатории снова располагал одним-единственным кораблем. Джонни покосился на Петра: теперь космонавт всматривался в иллюминатор.

Воспользоваться эффектом неожиданности и рубануть Якова по шее сейчас?.. Или посадить капсулу в Союзе. И стать военнопленными? Ну уж нет. Джонни вспомнились отрывки из книги «Архипелаг ГУЛАГ». Его рука поднялась для удара. Рик справится с Леониллой, и тогда они…

Однако он ничего не стал предпринимать. Петр обернулся и медленно, обращаясь сразу ко всем, произнес:

— Они движутся к востоку.

Мгновение, которое тянулось бесконечно, Бейкер и Яков смотрели друг на друга, а потом кинулись к радиопередатчику.

— Понял, «Зеркало». «Белая птица» прекращает связь, — выпалил Джонни.

— Удалось передать сообщение? — спросил Рик.

— Да. По крайней мере, получение передачи кто-то подтвердил. — Бейкер взглянул на бурлящий внизу хаос. — Наверное, отсюда Господь нас неплохо слышит. Иначе, как бы нам удалось наладить связь?

— Зоны молчания. Произвольное распределение ионизации, — пояснил Яков.

Астронавт пожал плечами. Ему не хотелось вести богословские споры. В капсуле воцарилась

тишина — люди наблюдали за полетом ракет. Те вышли на расчетные траектории, и искры погасли. Позже они вспыхнут снова — но гораздо ярче…

Однако пока пламя двигателей не потухло, легко было заметить, что кривая полета не огибает Северный полюс. На фоне узкого полумесяца Земли направление движения искр оказалось вполне отчетливым.

Ракеты явно летели на восток, к Китаю.

Над Союзом вспухали грибы ядерных взрывов. Китайцы напали первыми, и области, которые пощадил Молот, превратились в радиоактивный ад.

«Семья Петра была там, — подумал Бейкер, — и родные Леониллы, если они у нее были. Но, по-моему, он не замужем. А я ведь счастливец. Энн уехала из Хьюстона несколько недель назад».

Ему захотелось рассмеяться. У Энн Бейкер не нашлось веских причин, чтобы оставаться в Техасе. Она забрала детей с собой, когда поехала в Лас-Вегас, чтобы развестись… вот что, вероятно, спасло ей жизнь. А вот Морин… Да… если и существует женщина, которой хватит мозгов и решительности спастись при падении Молота, то это именно Морин. Она говорила, что собирается

в Калифорнию вместе с отцом.

— Нам многое предстоит сделать, — тихо сказал Петр Яков. В данный момент он стал олицетворением профессиональной бесстрастности. — Мы можем пробыть здесь самое большее — несколько недель. Дольше нам не продержаться. У нас нет бортового компьютера. Вам придется рассчитывать траекторию возвращения при помощи вашей техники.

— Конечно, — согласился Джонни.

— Понадобитесь вы оба. — Яков мотнул головой в сторону Деланти, съежившегося в углу капсулы.

— Я не сомневаюсь, что он нам поможет, — ответил Бейкер. — Он очень тяжело переживает происшедшее, а как иначе? Даже если его жена и дети еще живы и им удалось выбраться, он об этом никогда не узнает.

— Не знать — гораздо лучше, — проговорил космонавт.

Джонни вспомнил о дважды уничтоженной Москве и кивнул.

— Доктор Малик может дать ему успокоительное, — добавил Яков.

— Послушайте, Деланти будет в порядке, — произнес Бейкер. — Рик, нам нужно посовещаться.

— Ладно.

— Зачем? — спросил Петр. — Зачем они это сделали?

Вопрос не удивил Джонни. Он ждал, когда Петр скажет нечто подобное.

— Вы же понимаете, — произнесла Леонилла и отплыла от иллюминатора. — Наше правительство давно зарилось на китайские территории. Ввиду угрозы наступления ледников, русские могут уйти только туда. Европа лежит в развалинах, а на юге почти ничего не осталось. Если мы пришли к такому заключению, то и китайцы тоже могут.

— И они напали, — подхватил Яков. — Но запоздали. Мы сумели нанести ответный удар.

— И где нам совершить посадку? — поинтересовалась женщина.

— Вы очень рассудительны, — сказал Яков. — Неужели вас не волнует, что наша страна лежит в руинах?

— Волнует, но позвольте мне кое-что объяснить, — возразила Леонилла. — Россия — моя родина, но она не была моей страной. Ее убил Сталин. В любом случае приземлиться в Союзе нам не удастся. Даже если бы мы отыскали место для посадки, мы оказались бы в гуще военных

действий.

— Мы — офицеры Советской армии, а война еще не закончена, — заявил Яков.

— Черта с два!

Все обернулись к Деланти.

— Вам прекрасно известно, что там вам делать нечего, — произнес Рик. — Куда вы денетесь? Будете дожидаться в Китае, когда туда вторгнутся ваши войска? Или спрячетесь там, где все заражено радиацией, чтобы ждать прихода ледников? Ради бога, Петр, эта война — не ваша, даже если вы спятили и верите, что она еще не закончена. Поверьте мне.

— Но где же нам совершить посадку? — спросил Яков.

— В Южном полушарии, — ответила Леонилла. — Погодные условия обычно не пересекают экватор, да и Северное полушарие пострадало сильнее. Уверена, в Австралии и Южной Африке сохранилось индустриальное общество. Но с нашей орбиты совершить посадку в Австралии было бы сложно. При приземлении мы практически не будем контролировать процесс, а если окажемся в малонаселенном районе, то просто умрем с голоду. Но ЮАР…

Джонни невесело усмехнулся.

— Если вам все равно, я бы предпочел остаться в космосе, — проворчал Рик.

Участники экспедиции рассмеялись. Бейкер почувствовал, что напряжение спало.

— Мы, вероятно, исхитрились бы сесть в Южной Америке, — заметил он. — Думаю, что разрушения на континенте невелики. Но нужно ли нам это? Мы — все четверо — чужие для них. Никто из нас не владеет языками, на которых там говорят. В общем, я предлагаю вернуться домой. В Штаты. Мы можем приземлиться очень близко от расчетной точки. У вас, двух иностранцев, будут помощники из местных, то есть — мы. Кроме того, вы владеете английским.

— Дела у нас обстоят неважно, — сказал Деланти.

— Верно.

— Так куда?

— В Калифорнию. В сельскую местность на плоскогорье. Ледники появятся там еще очень не скоро.

Леонилла посмотрела на астронавтов. Петр сказал:

— Землетрясения.

— Вы правы, но они закончатся до того, как мы совершим посадку. Ударные волны наверняка

запустили все, что только можно. В ближайшие сто лет в Калифорнии тряски не предвидится.

— На что бы мы ни решились, медлить нельзя, — добавил космонавт и указал на приборную панель. — Запасы кислорода и энергии истощаются. Если мы не поторопимся, то погибнем уже здесь. Значит, Калифорния. А как у вас примут двух коммунистов?

Женщина бросила на него странный взгляд, словно собираясь что-то сказать. Но промолчала.

— Лучше, чем где бы то ни было, — настаивал Бейкер. — Мы ведь не станем садиться на Юге или Среднем Западе…

— Джонни, там хватает людей, считающих, что все происходящее — результат заговора русских, — произнес Рик.

— Да. Но, повторяю, таких ребят больше на Юге или Среднем Западе, чем в Калифорнии. Кроме того, Восточное побережье затопило. Что же остается? И еще — вдумайтесь: мы герои. Мы все. Последние люди, побывавшие в космосе. — Он пытался убедить себя в своей правоте. Получалось плохо.

Леонилла и Петр переглянулись и начали переговариваться по-русски.

— Представляете, что бы предпринял КГБ, ес-

ли бы мы прилетели домой на американском корабле? — осведомилась Малик по-английски. — Американцы, они будут действовать жестко?

Деланти скривил губы в подобии улыбки.

— У нас дела обстоят несколько иначе. Я бы не стал беспокоиться насчет ФБР. Проблема в обычных, законопослушных гражданах-патриотах…

Женщина нахмурилась.

— А что вас беспокоит? — продолжал Рик. — Мы совершаем посадку в советском космическом корабле, на борту которого явственно изображены серп и молот, есть и надпись крупными буквами «СССР»…

— Лучше, чем символ Марса, — вставил Бейкер.

Никто не засмеялся.

— Ладно, — произнес Деланти. — Если бы у нас был выбор, мы бы не сели на такую планету. Вроде бы после такой катастрофы человечество должно перестать враждовать. Но я лично в этом сомневаюсь.

— Некоторые перестанут, — вырвалось у Бейкера.

— Еще бы. Послушай, Джонни, куча народа погибла, и выжившие сразу же начнут драться

за остатки пищи. Ураганы и снег погубят урожай. Многие из уцелевших умрут в зимние месяцы.

Леонилла зябко повела плечами. Она знала людей, переживших — едва-едва — голод на Украине, последовавший за восшествием Сталина на «советский престол».

— Но если на Земле сохранилась какая-то цивилизация, то только в Калифорнии, — подытожил Деланти. — У нас есть записи наблюдений за кометой Хамнера — Брауна. Последняя космическая экспедиция…

— Следующая будет не скоро, — согласился Петр.

— Именно. Мы обязаны сохранить данные. Потому что они кое-что значат.

По лицу Якова было видно, что ему полегчало: мучительный выбор сделан.

— Хорошо. А там есть атомные электростанции? Конечно есть. Надеюсь, они уцелели после ударов. Цивилизация начнет возрождаться как раз вокруг них. Вот туда мы и будем держать курс.

Устройство линий связи стратегического авиационного командования таково, чтобы уцелеть при любых обстоятельствах. Они обязаны работать и в случае ядерного взрыва.

Никто не предвидел планетарную катастрофу, но у линий связи такой запас прочности, столько параллельных систем, что даже после столкновения с Молотом связь не оборвалась.

Беннет Ростен смотрел на бормочущий динамик. В основном сообщения предназначалось не майору, однако он прослушивал каждое из них. Если связь прервется, он получит право распоряжаться ракетами по своему усмотрению и, когда все сроки истекут, сможет запустить их. Лучше знать чуть больше, чем чуть меньше.

— Боевая готовность номер один! Внимание старшим офицерам стратегической авиации! Говорит главнокомандующий.

Голос генерала Бэмбриджа едва пробивался сквозь сильные атмосферные помехи.

Ростен с трудом понимал, что тот говорит.

— Президент мертв: крушение вертолета. Повторяю, президент погиб при крушении вертолета. Доказательств вражеского нападения на Соединенные Штаты нет. Связь с высшим руководством страны утеряна.

— Что же теперь делать? — воскликнул капитан Гарольд Люс.

— То, за что получаем жалованье, — ответил майор.

Новая порция помех заглушила очередное сообщение.

— «Чайка-два» молчит… Ураганы над… Торнадо…

— Господи, — пробормотал Люс.

Что сейчас происходит с его семьей, оставшейся на поверхности? База оборудована бомбоубежищами. Милли хватит благоразумия укрыться в одном из них, правда? Она — жена офицера военно-воздушных сил, но она слишком молода…

— Сохраняется красный уровень угрозы. Стратегическое авиационное командование сообщение закончило.

— Придется разблокировать наведение на цель, — произнес Ростен.

Гарольд кивнул.

— Наверное, так будет лучше, сэр.

Затем, как и полагалось, Люс отметил время в журнале дежурства: «По приказу командира согласно коду «1841-Зулус» произведено разблокирование наведения на цель».

Он повернул ключи и набрал на панели нужный шифр. Вытащил пачку перфокарт «Ай-би-эм» и разложил их на консоли. На них не имелось никаких обозначений, но существовал справочник, с помощью которого производилась расшифров-

ка. В нормальных обстоятельствах ни Люс, ни Ростен не знали, куда нацелены их ракеты. Но сейчас, когда право решения, похоже, перейдет к ним, они должны были быть в курсе.

Часы тикали.

Динамик заговорил снова:

— «Аполлон» сообщает о запуске советских ракет… массированный залп… пятьсот…

— Нет! — закричал Ростен. — Нет! Проклятые красные! Сучьи дети!

— Спокойней, сэр. — Капитан перелистал перфокарты и кодовую книгу.

Взглянул на консоль управления. Ракеты еще не поступили в их распоряжение. Даже при всем желании без приказа «Зеркала» их запускать нельзя.

— «Зеркало», говорит «Удар с полулета…». Мы получили послание от советского премьер-министра. Русские утверждают, что Союз ответил залпом своих ракет на нападение китайцев. Они просят Штаты помочь им в отражении ничем не спровоцированной атаки…

— Всем воинским частям и подразделениям. Говорит стратегическое авиационное командование. «Аполлон» сообщает: запуск советских ракет произведен в восточном направлении…

Насколько нам известно…

— Командиры эскадрилий, говорит «Зеркало». Советский Союз не нападал на Соединенные Штаты. Повторяю: Советский Союз атаковал Китай, не Соединенные Штаты.

Динамик умолк. Люс и Ростен переглянулись и одновременно перевели взгляд на карты целей.

На консоли зажглись красные огоньки. Цифровой таймер начал отсчет секунд.

Через четыре часа право запустить ракеты получат Беннет и Гарольд.

Словно пригоршня горящих угольков рассыпана по территории Мексики и Северной Америки: Молот нанес удар по суше. Столбы перегретого пара метнулись в стратосферу, унося с собой миллионы тонн пыли и испаренной почвы. Возникают торнадо: воздух заполняет образовавшуюся пустоту. Планета вращается, и направление потоков ветра начинает искривляться против часовой стрелки. Завихрения превращаются в спирали — возникают смерчи чудовищной силы.

Сформировавшийся над Мексикой главный ураган устремляется на восток, вбирая энергию, выделяющуюся при кипении морской воды.

Огромные волны мчатся к месту соударения обломка кометы с водами залива, и тепла выде-

лялось все больше. Ураган перемещается к северу, к суше, и по мере своего продвижения рождает многочисленные меньшие торнадо.

Они гонят воду вверх по долине Миссисипи.

Влажный перегретый воздух над океанами уходит вверх, и, как следствие, жуткие холодные ветры, дующие из Арктики, вторгаются на территорию Америки. В долине Огайо формируется погодный фронт: отпочковываются, отрываются и уносятся вдаль смерчи. Затем появляется второй, а после него — и третий; они изрыгают сотни, тысячи торнадо — и те отплясывают неистовый танец на могилах разрушенных городов.

Атмосферные фронты движутся на восток. А другие образуются в Атлантике, в Европе и по всей Африке. Грозовые тучи окутывают Землю.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
БЫСТРЫЙ И МЕРТВЫЙ

День Господней гневной силы
Выжжет все, что есть, что было,
Рекл Давид, рекла Сивилла.
...Что я молвлю, грешник вящий,
Без защиты предстоящей
В час, и праведным грозящий?

«День гнева»
(григорианский распев)[6]

---

[6] Примечания: 6
Перевод М. Гаспарова.

Богач, Бедняк

Ценность вещи определяется ее полезностью.

Правовой принцип

Тим перевел девушку через скользкий гребень горы. Они остановились и с изумлением уставились вниз, на Туджангу.

Она еще жила! Там было электричество. Окна невредимых домов сияли желтыми огнями, от неразбитых витрин магазинов лился яркий флуоресцентный голубовато-белый свет.

По Футхилл-бульвару ехали машины с зажженными фарами, рассеивавшими полуденную мглу, по продуваемым ветром, залитым дождем улицам, по нанесенной потоками грязи в фут глубиной. Их было немного, но они двигались. А на парковке у супермаркета, как раз напротив того места, где стояли Эйлин и Тим, виднелись полицейские автомобили.

А еще там сновали вооруженные люди. Когда Хамнер и его спутница спустились вниз, они увидели, что местные облачены в самую разномастную военную форму, какую только можно

было вообразить, и многим она оказалась даже не по размеру. Будто все, у кого дома сохранилось хоть что-то, оставшееся с «жарких времен», разом принарядились, и в таком виде вышли на улицу. И оружие тоже было разнокалиберное: пистолеты, дробовики, стволы двадцать второго калибра, охотничьи ружья Маузера, у нескольких мужчин — современные винтовки армейского образца: их обладатели щеголяли в мундирах Национальной гвардии.

— Еда! — завопил Тим.

Он схватил Эйлин за руку, и они, ощутив прилив новых сил, помчались к супермаркету.

— Я говорил! — кричал Хамнер. — Цивилизация!

Дверь в магазин преграждали два человека в потрепанной армейской форме. Они не посторонились, когда Тим и Хэнкон попытались войти.

— Ну? — спросил мужчина со знаками различия сержанта.

— Нам нужно купить себе что-нибудь поесть, — выпалил Тим.

— Извините, — произнес местный. — Все запасы уже конфискованы.

— Но мы голодны. — Голос Эйлин звучал так жалобно, что она сама даже немного удиви-

лась. — У нас с утра не было ни крошки во рту.

Ей ответил напарник «сержанта». Говорил парень не как военный, а как страховой агент:

— В здании мэрии должны выдавать продовольственные карточки. Вам нужно пойти туда и зарегистрироваться. Как я понимаю, там вдобавок организуют раздачу бесплатного супа.

— А кто же в супермаркете? — Девушка обвиняюще ткнула пальцем вперед — в помещении, залитом электрическим светом какие-то люди укладывали товары в тележки и корзины.

Некоторые из них были в форме, другие — нет.

— Наши служащие. Команда обеспечения продовольствием, — заявил «сержант» (до сегодняшнего утра он работал в хозяйственном магазине).

Он взглянул на измазанную грязью одежду Эйлин и Тима, и его лицо прояснилось:

— Вы добрались сюда через горы?

— Да, — ответил Хамнер.

— Ну и ну! — воскликнул мужчина.

— Многим удалось выбраться? — поинтересовался второй дежурный.

— Не знаю. — Тим снова схватил Хэнкок за руку — будто она могла истаять в воздухе — так же, как исчезла его греза о привычном цивилизо-

ванном мире.

— Мы валимся с ног, — сказал он. — Где можно… что нам делать?

— Чтоб я знал, — произнес «сержант». — Хотите совет? Лучше уходите отсюда. Мы не выгоняем пришельцев. Но, если по уму, нам самим тут еды в обрез. По крайней мере, пока мы не перейдем горы и не выясним, что творится в долине. Некоторые болтают, что… — Он осекся.

— А вы… вы это видели? — спросил его напарник.

— Нет. Думаю, вода поднялась очень высоко, — промолвил Тим. — Но мы… только слышали.

— Я не забуду тот рев до конца жизни, — призналась Эйлин. — Хотя наверняка выжили. В Бербанке, например. И на Голливудских холмах.

— М-да, — проворчал парень.

— У нас и так забот по горло. — «Сержант» прищурился, будто пытался рассмотреть Вердаго-Хиллс сквозь пелену дождя. — Зарегистрируйтесь в мэрии: там принимают чужих. А если народ еще сюда набежит, прием прекратят. Вам туда. — Он показал.

— Спасибо. — Тим повернулся и вместе с Эйлин пересек автостоянку.

— Эй! — их догнал «сержант».

В руке у него небрежно болталась винтовка. Хамнер уставился на нее. Мужчина полез в карман.

— Пожалуй, могу поделиться. Похоже, вам это понадобится. — Он вручил Хамнеру маленький целлофановый пакетик и побежал обратно.

Тим не успел поблагодарить его. Похоже, «сержант» не хотел ничего слышать.

— Что там? — спросила девушка.

— Сыр и крекеры. Примерно на один укус и того и другого. — Хамнер извлек из пакетика пластиковую палочку и вытащил из пластмассовой коробочки сыр.

Намазал половину на сухое печенье.

— Вот твоя доля.

Они сжевали их по дороге.

— Как же вкусно! — проговорила Эйлин. — А ведь раньше я бы так не подумала. Кстати, не думаю, что нам следует остаться здесь. Нам надо добраться до твоей обсерватории, если получится.

Она не забыла, как вел себя патрульный Эрик Ларсен. А ведь они были в хороших отношениях… А мужчин в чересчур тесной для них форме она вообще не знала.

— Но, по-моему, так далеко я пешком не дойду.

— Почему пешком? — Он махнул рукой в сторону освещенного здания. — Мы купим машину.

На площадке стояли подержанные грузовички-пикапы. В самом автомобильном салоне — три «Шевроле Блейзера» и многоместные полноприводные легковые автомобили.

Хэнкок и Хамнер вошли внутрь и никого не увидели. Тим приблизился к одной из машин.

— Прекрасно. Как раз то, что нам необходимо.

— Эй…

Почуяв тревогу в ее голосе, он обернулся. В дверях, ведущих в подсобку, застыл какой-то мужчина. С огромным дробовиком. Сперва Хамнер видел только ружье, оба ствола были нацелены прямо ему в голову. Потом он заметил за пушкой жирного дядьку. Может, и не особенно жирного… хотя нет, с весом у него явно намечались проблемы. Однако он был мускулист. Лицо красное. Одет дорого. Ковбойский галстук тесемкой, с серебряным зажимом.

— Понадобилась машина, ребята? — спросил он.

— Я хочу купить ее, — ответил Тим. — Мы не воры. Я могу заплатить. — Его голос завибрировал от негодования.

Мгновение толстяк разглядывал его. Затем

опустил дробовик, запрокинул голову и расхохотался.

— Заплатить чем? — спросил он наконец. Он едва мог говорить от смеха. — Чем?!

Хамнер проглотил просившийся на язык ответ. Он поглядел на Эйлин, и ему стало страшно. Деньги сейчас ничего не значили — а главное, у него не имелось наличности. Только чековая книжка и кредитки — но на что они теперь годны?

— Не знаю, — произнес он. — Но, послушайте… У меня есть дом в горах. Там полно еды и прочих припасов. Он может вместить много народу. Я возьму вас с собой, и вашу семью тоже, и вы поселитесь там…

Здоровяк прекратил смеяться:

— Звучит неплохо. Правда, я не нуждаюсь в вашем… гостеприимстве. Я — Гарри Стиммз. Хозяин автосалона.

— Меня зовут…

— Тимоти Хамнер, — подсказал мужчина. — Я смотрю телевизор.

— И вас не заинтересовало мое предложение?

— Нет, — отрезал Стиммз. — Если честно, я даже не представляю, принадлежат мне еще эти машины или нет. Полагаю, что парни из Национальной гвардии конфискуют их. И дом у меня

есть. — Он задумчиво поглядел на своего собеседника. — Пожалуй, мистер Хамнер, дела обстоят не столь плохо, как говорят. Вам нужна тачка?

— Да.

— Прекрасно. Я продам ее вам. За двести пятьдесят тысяч долларов.

Эйлин разинула рот. Тим задумался. Вон как повернулся разговор…

— Договорились. Как мне заплатить?

— Напишете расписку, — усмехнулся Гарри. — Сомневаюсь, что она чего-то стоит. Но вдруг… — Ружье покачивалось в его руках. — Ладно, идемте. У меня где-то завалялись бланки. Никогда прежде не видел, чтобы в одной расписке сразу указывали такую крупную сумму…

— Я умею писать мелким почерком, все поместится.

Они ехали по переулкам, где не было тротуаров. Машина тряслась на асфальтовой мостовой, колеса разбрызгивали воду: комья грязи так и разлетались в разные стороны. Выл ветер. Слева и справа возвышались старые крепкие дома, построенные задолго до землетрясения на Лонг-Бич. Они выстояли и теперь напоминали островки света в океане моросящего дождя.

Часы Тима показывали четыре пополудни, но

снаружи сгустились сумерки: если бы не тусклый серый свет фар, они бы вообще ничего не видели. Девушка вела автомобиль, не отрывая глаз от дороги. Радио передавало только треск помех.

— Славная машинка, — сказала Эйлин. — И гидроусилитель есть.

— Еще бы не было — за четверть миллиона долларов, — произнес Хамнер. — Дьявольщина, просто мороз по коже…

Она хихикнула.

— Это лучшая сделка в твоей жизни.

«И, наверное, последняя», — мысленно добавила она.

— Не в тачке дело. — Голос Тима дрогнул от негодования. — За горючее, масло и домкрат он содрал пятьдесят штук! — Он не выдержал и рассмеялся. — И за трос. Хорошо, что у него нашелся запасной. Интересно, сам он куда собрался?

Хэнкок промолчала. Автомобиль перевалил через вершину холма и, вписываясь в поворот, покатил вниз. Домов здесь не было. Дорога утопала в грязи, Эйлин включила полный привод.

— Никогда не водила такую тачку.

— Я тоже. Хочешь, сменю тебя?

— Нет.

Подножие холма превратилось в болото. Сна-

чала вода доходила до осей, потом поднялась до дверей, и девушка дала задний ход. Она аккуратно съехала с дороги на идущую вдоль нее насыпь. Автомобиль накренился влево, к бурлящей черной жиже, однако продолжал ехать — медленно, осторожно. Свет фары-прожектора, намертво прикрепленной к крыше, выхватывал из темноты развалины новеньких частных домиков и кондоминиумов, но Эйлин особо к ним не приглядывалась.

То тут, то там мелькали редкие огни фонарей, и Тим пожалел, что не купил у Гарри заодно и фонарик.

Они двигались в объезд долины, часто оставаясь чуть выше воды, и, наконец, снова отыскали более-менее «цивилизованный» проезд. Эйлин переключила передачу.

Дорога, петляя, уходила в горы. «Блейзер» промчался мимо брошенных в спешке автомобилей.

Какой-то мужчина голый по пояс выскочил на трассу и замахал одной рукой, требуя остановиться, — в другой он сжимал пистолет. Эйлин ринулась прямо на него, заставив в испуге отскочить, и прибавила скорость.

Грянули выстрелы, что-то зазвенело. Тим обернулся и недоуменно уставился на звездообразную

дыру, пробившую стекло. Затем посмотрел на выходное отверстие, под углом прошившее крышу. Дождь тут же промочил сиденье.

Эйлин отчаянно гнала: не тормозя, она с ревом проехала поворот, и у Хамнера возникло ощущение полета: «Блейзер» опасно занесло. Девушка ухитрилась удержать автомобиль, на следующем повороте притормозила, и опять прибавила скорость.

Тим попытался рассмеяться:

— Моя новая тачка!

— Заткнись. — Она пригнулась к рулю.

— Ты в порядке?

— Нет.

— Эйлин!

— Я не ранена. Мне страшно. И меня трясет.

— Меня тоже, — сказал он, хотя в действительности его захлестнула волна облегчения.

На один крошечный миг ему показалось, что ее ранили. (Ничего ужаснее он до сих пор не испытывал.) Внезапно ему пришло в голову, что это очень странно, ведь он не виделся с Эйлин с тех пор, как она ему отказала. Да… Не тряпка же он…

— Впереди мосты, а мы все ближе к Разлому! — крикнула девушка. — А вдруг дорога завалена или разрушена?

— Тут мы бессильны.

— А вернуться обратно мы не можем.

Хэнкок сбавила ход на очередном повороте и вновь наддала. Она вцепилась в руль мертвой хваткой. Если она не успокоится, аварии не миновать. А что тогда делать, Тим не представлял.

Трассу перегораживали оползни, и Эйлин замедлила ход. «Блейзер» еле полз. Пятьдесят футов они ехали полчаса.

Когда она добралась до относительно свободного участка, Тиму хотелось, чтобы Эйлин прибавила скорость. Но машина продолжала тащиться по-черепашьи. Автомобиль делал максимум двадцать миль в час — даже если фары высвечивали ярды и ярды приличной дороги.

Они ехали — и конца их путешествию не предвиделось. Поразмыслив, Хамнер заткнул брешь в крыше своим носовым платком.

Если верить часам Тима, было восемь вечера. В Лос-Анджелесе в июне только смеркается, но снаружи царила кромешная тьма. Дождь лил и лишь иногда ненадолго стихал. Стеклоочистители работали прекрасно, Стиммз показал Хамнеру и Эйлин, как регулировать их работу, и девушка отлично с этим справлялась.

Крутой поворот, и в свете фар стало видно, что

впереди пустота. Хэнкок резко затормозила. Тим прищурил глаза и различил, что трасса заканчивается неровным обрывом.

Он вылез наружу, сделал несколько шагов, и у него перехватило дыхание. Тим вернулся обратно и подошел к машине со стороны водителя.

— Медленно сдавай назад, — приказал он.

Эйлин начала было что-то спрашивать, но неподдельный страх в голосе спутника заставил ее замолчать. Она подчинилась. «Блейзер» пополз назад.

— Иди перед машиной и руководи, будь ты проклят! — крикнула девушка.

— Извини.

Теперь Тим знаками показывал, куда надо ехать. Спустя некоторое время он махнул рукой сверху вниз. Эйлин выключила зажигание и вылезла из автомобиля, чтобы осмотреться. Мост оказался тонкой бетонной аркой, перекинутой через глубокое узкое ущелье. В середине он обрушился, а они успели заехать по нему довольно далеко, прежде чем остановиться.

К счастью, они выкрутились.

Разглядеть что-либо еще оказалось невозможно. Правда, слева угадывались неясные очертания высокого утеса — гранит и кремень. Справа, за

широким пригорком, земля круто обрывалась в пустоту. Впереди был разрушенный мост.

Нигде не горели огни. Не слышно никаких звуков, кроме воя швыряющегося дождем ветра и — далеко внизу — шума бегущей воды.

— Приехали? — сказала Эйлин.

— Не знаю. Сегодня мы определенно ничего сделать не сможем. Наверное, придется ждать рассвета.

— Если только когда-нибудь снова рассветет, — пробормотала Хэнкок.

Она нахмурилась и побрела по дороге. Тим не шевелился. Он стоял, выжатый как лимон, и хотел одного: залезть в машину. Ну уж нет, он не будет так поступать: пусть сперва Эйлин вернется обратно. Почему-то казалось трусостью сидеть в салоне, пока она топает по грязи в поисках… чего? — удивился Тим.

Наконец он увидел ее. Дождь усилился, и она молча села в машину. Мужчина обошел автомобиль и присоединился к ней.

Она повела задним ходом. Осторожно и на сей раз без помощи Тима. «Блейзер» отдалялся от моста, и Хамнеру захотелось спросить, что она задумала, но он слишком устал. Эйлин приняла какое-то решение. Вот и хорошо: значит, ему не

надо ни о чем беспокоиться.

Она добралась до широкой гравиевой площадки слева от трассы и аккуратно, пятясь, въехала туда: чтобы ни одно колесо не пропускало дорожного покрытия.

— Не нравится мне все это, — произнесла Эйлин. — Могут быть грязевые оползни. Но лучше переждать здесь, чем на дороге. Вдруг появится еще кто-нибудь.

— Никто не появится.

— Наверное. Ну и ладно.

— Пива? — спросил Хамнер.

— Да-да-да.

Из упаковки, которую Гарри на прощанье сунул в машину, Тим вытащил две банки. Всего их оказалось шесть. Открыв одну, он хотел выбросить жестянку в окно.

— Не стоит.

— А? Почему?

— Не выкидывай ничего, — сказала Эйлин. — Имей в виду, что сейчас у нас почти ничего нет. Не знаю, для чего нам могут понадобиться язычки, но потом их негде будет взять. Сохрани их. И банки тоже. Не дави их.

— Понял. Держи.

Пиво было тепловатым, как и ливень, хлещу-

щий в окна. Больше у Тима и Эйлин ничего не было. И еды — тоже. А дождевая вода отдавала солью. Хамнер не знал, не опасно ли ее пить. Но очень скоро придется попробовать.

— По крайней мере, тут не холодно, — заметил он. — Мы не замерзнем, даже на такой высоте.

Честно говоря, его одежда отсырела, и на самом деле он продрог. Тим пожалел, что не забрал старый плащ из их первой машины. Мгновение он размышлял о владельце «крайслера». Убили они его, забрав тачку… или нет? Впрочем, размышлять об этом не стоило. А о чем тогда думать?

— Побережем пиво или выпьем сразу? — спросил он.

— Оставим хотя бы две, — откликнулась девушка безжизненным голосом.

А каким ей кажется его голос? Не говоря ни слова, он открыл еще пару банок и передал одну Эйлин.

Алкоголь на пустой желудок да после изматывающего дня… Он обнаружил, что эффект оказался сильнее, чем следовало ожидать. Он почти почувствовал себя человеком — опять. Он понимал, что это ненадолго, но сейчас ощущал тепло в желудке и просветление в голове. Хамнер покосился на свою спутницу. И не смог разглядеть

ее в темноте. Эйлин была лишь смутной фигурой на сиденье рядом с ним. Несколько секунд он слушал шум дождя, после чего потянулся к девушке.

Она сидела неподвижно, одеревенело, не отталкивая его, но и не откликаясь. Он подвинулся еще ближе к ней. Его рука коснулась ее плеча, скользнула вниз… Ее блузка тоже отсырела насквозь, но когда он засунул руку под ткань, плоть оказалась теплой. Эйлин по-прежнему не шелохнулась. Тим повернулся, наклонил голову к ее груди.

— Сейчас подходящий момент, — вяло произнесла она.

Она оставалась Эйлин — но очень далекой.

— Что? — переспросил он и почувствовал стыд. — Извини.

Жар, порожденный пивом, угас.

— Не извиняйся. Я пересплю с тобой, если ты хочешь… Но предпочла бы воздержаться. В данный момент мне совсем не до этого.

— Да… а когда наверняка настанут лучшие времена…

— Нет — если тебе по-настоящему захочется, — продолжала она. — А, кстати, мы когда-нибудь по-настоящему любили друг друга?

— Я просил тебя выйти за меня замуж.

— И я почти согласилась. Но я-то решила ни за

кого никогда не выходить замуж. Ладно, теперь мы супруги.

Он молча сидел в машине, чувствуя безумное желание хихикнуть. «Мать будет довольна, — решил он. — Малыш Тимми наконец-то остепенился. А где теперь она и остальные члены семьи? Мог я для них что-то сделать? Должен ли был попытаться? А я просто удрал».

— Ты не передумала? — спросил он.

— Тим, когда я вышла из конторы Корригана и увидела тебя, я безумно обрадовалась… В общем, считай, что я твоя жена.

Она смеется над ним? Какая разница?

— Мы научимся любить друг друга, — добавила она. — Мы учились этому целый день. И… — Она погладила его по руке, до сих пор лежащей на ее груди, — если тебе хочется, то и мне — тоже.

Он сел прямо и отстранился.

— Пожалуйста, не сердись.

— Все нормально. Ты права, надо подождать. Нас едва не застрелили, одежда прилипает к телу, и если ты не устала до полусмерти, то я жутко вымотался. Господи, мы же чуть не свалились с моста!

Она подвинулась к нему, сжала его ладонь.

— Сейчас не время и не место. Эй, а как насчет

«Савойя»?

— Что?

— Отель. В Лондоне. Элегантно, изящно. Неслыханный сервис. Шикарные ванные комнаты. Если здесь неподходящее место для любви, то «Савой» — это идеально. Только он, наверное, под водой, — бормотал Хамнер. — Конечно, где-нибудь есть что-то приличное, но если мы никогда туда не попадем?.. Я ведь еле-еле справился с той сетчатой оградой, помнишь? Ты не нуждаешься во мне, тебе нужен Конан-варвар! У него мускулы, у тебя мозги…

— Ты прекратишь?

— Не могу. Только из-за тебя мы не сдались. Тебе будет хорошо с сильным мужчиной, а я…. я точно не из таких. И ничего не умею. Меня научили только нанимать специалистов.

— С холма вниз ты нес меня на руках, — для пущей убедительности преувеличивая, возразила она. — Ты знаешь, куда нам ехать. И отлично справляешься.

Он не мог разглядеть ее лица. Но чувствовал — она не насмехается, потому что она крепко сжимала его руку. Он вновь подвинулся к ней, и она отчаянно прильнула к нему, обняла. Тим уже не чувствовал сексуального возбуждения,

лишь врожденную потребность защищать. Некая его часть твердила, что это глупо и, как бы ни взыграли в нем древние инстинкты самца *гомо сапиенс*, ему не хватит ни опыта, ни навыков, чтобы выпустить пар сию минуту.

Но ему было приятно держать Эйлин в объятиях, пока она, положив голову ему на колени, не погрузилась в сон.

Задремал и Тим.

Море отхлынуло от Англии. Водные массы, напоминающие по консистенции кашу (виной тому стало огромное количество обломков, останков людей и животных), вновь возвращались к Ла-Маншу. Но три чудовищных цунами уже сделали свое дело. Воде, перенасыщенной трупами, сгоревшими автомобилями, деревянными стропилами и замшелыми камнями, приходилось протискиваться сквозь бреши среди развалин, еще вчера бывших зданиями, обтекать их, сносить на своем пути. Оконные рамы, уцелевшие под ударом волны, с треском вылетали и разламывались в щепки. Мебель, постельные принадлежности, одежда (ее бы точно хватило, чтобы забить полки нескольких дюжин супермаркетов) — все это вперемешку неслось в Мировой океан.

Здания вдоль Темзы уничтожило до основа-

ния. Фундаменты домов тоже не выдержали натиска.

Удары неимоверной силы дробят бетон на куски и — вместе с миллионами тонн ила, принесенными с отмелей, — вышвыривают ненужный балласт в разные стороны.

Ни сегодня, ни завтра — да, впрочем уже никогда — никто не сможет сказать, где прежде стоял отель «Савой».

Они проснулись. Тела затекли, по рукам и ногам бежали мурашки. И Эйлин и Тима бил озноб.

— Сколько времени? — спросила девушка.

Он нажал кнопку на часах.

— Час пятьдесят, — он неловко заерзал. — Книги, которые мы читали в школе, убеждали, что весьма романтично спать обнявшись. Но на самом деле это чертовски неудобно.

Она рассмеялась в темноте. «Прелестно», — подумал Хамнер.

Это снова была Эйлин, ее смех, и хотя он не мог разглядеть ее ослепительной улыбки, он эту улыбку почувствовал.

— Можно что-нибудь сделать с сиденьями? — осведомилась она.

— Не знаю.

Кресла оказались раздельными. Хамнер на-

гнулся, нащупывая рычаги. Нашел, потянул. Спинка упала — вплотную к заднему сиденью — правда, не совсем горизонтально. Тем не менее Тиму стало гораздо удобнее, чем несколько минут назад. Он объяснил Эйлин, что он сделал, и она тоже последовала его примеру.

Теперь они почти лежали бок о бок. Она пошевелилась.

— Я замерзла.

— И я.

Они опять крепко обнялись, пытаясь согреться. Только вот руки немного мешали. Девушка закинула свою поверх плеча Тима, и несколько секунд они лежали неподвижно. Потом она привлекла его к себе, прижала бедра к его ногам.

Она была теплая. Внезапно ее губы коснулись его губ. Эйлин поцеловала его. Спустя мгновение она отодвинулась.

— Как настроение? — спросила она.

— Выправилось, — ответил он и больше ничего не сказал.

Они оба одновременно принялась расстегивать пуговицы на своей верхней одежде. Блузка, рубашка, потом пришел черед юбке и брюкам… Они смеялись, пытаясь справиться с застежками и молниями и неожиданно для себя совершили

акт — со страстью, не оставляющей места для смеха. Теперь все было правильно. Даже привкус безумия соответствовал тому, что переживал окружающий мир.

Затем они отдыхали, обнявшись.

— Обувь, — прошептала она.

Не прерывая контакта, они перегнулись друг через друга, чтобы разуться, и с трудом сумели это сделать. Они ласкали друг друга большими пальцами ног. Они занимались любовью. Тим чувствовал упругую силу обхвативших его рук и ног.

Через некоторое время Эйлин потихоньку расслабилась, вздохнула и мгновенно уснула — словно свет выключили. Он одернул ее даже не снятую юбку. Она чуть пошевелилась: спала она крепко.

Он лежал в темноте, мечтая, чтобы скорее рассвело, мечтая отключиться.

«Зачем мы так поступили? Ночь после апокалипсиса, а мы спариваемся, как обезумевшие грызуны, в глуши, на дороге в каньоне у Туджанги, у разрушенного моста, с десятью миллионами мертвых за спиной, — думал Тим — Мы… на сиденье машины, прямо как подростки».

Эйлин повернулась, и он, непроизвольно при-

обнял девушку. И вдруг осознал, что сделал. Рефлекс. Врожденная потребность защищать.

Внезапно Тим Хамнер, глядя во тьму, усмехнулся.

— А почему бы и нет? — громко произнес он.

И провалился в сон.

Когда они проснулись, небо посерело. Они синхронно сели, поглощенные воспоминаниями и мыслями, удивляясь, что их разбудило. Сквозь шум дождя, барабанящего по металлу, услышали: по шоссе быстро ехала, приближаясь, машина. Легковой автомобиль или грузовик. Вскоре они различили свет фар.

Тим ощутил страшную, неодолимую потребность что-то предпринять. Да, конечно. Нужно предупредить тех, кто сидит машине. Он яростно затряс головой, пытаясь окончательно проснуться. Должно быть, подействовало. Перегнувшись через Эйлин, он дотянулся до руля. «Блейзер» взвыл в механическом ужасе.

Но чужая машина промчалась мимо. Хамнер перестал жать на клаксон и услышал действительно тот самый звук: протяжный визг покрышек пытающегося затормозить автомобиля, а затем тишину — мертвую, длившуюся целую вечность. Потом раздался грохот удара металла о

камень, и впереди что-то ярко полыхнуло.

Тим и Эйлин выскочили из «Блейзера» и бросились к искореженному мосту. Внизу все горело. От пламени ползла струя огня: она замерла, дрогнула.

Свет погребального костра освещал стены каньона и поток на самом дне.

Хамнер почувствовал, как напряглась Эйлин. Он взял ее за руку, крепко сжал пальцы.

— Бедняги, — пробормотала она.

Она дрожала на утреннем холоде. Дождь превратился в морось, но дул пронизывающий ветер. И сквозь студеные порывы пробивалось тепло от пылающего автомобиля.

Девушка выпустила руку Хамнера, и осторожно зашла на полуразрушенный мост. Оглянулась на стены ущелья.

— По-моему, можно перебраться на ту сторону. Посмотри-ка.

Голос ее звучал холодно и бесстрастно.

Он подошел к ней, робко ступая по мосту из-за боязни, что тот обрушится. И поглядел туда, куда показывала Эйлин. Там виднелась засыпанная щебнем дорога, узкая — едва ли можно будет проехать машине. Она тянулась по краю ущелья и — вверх-вниз, как на американских горках,

уходила в глубь каньона.

— Похоже, она очень старая, — сказала Хэнкок. — Но я не сомневалась, что здесь наверняка есть нечто подобное.

Но как по ней проехать или просто пройти пешком?

Эйлин вернулась к «Блейзеру» и включила двигатель.

— Давай подождем. Пусть станет светлее, — предложил Хамнер.

— Не надо, — ответила она.

— Хорошо. Только пусти меня за руль. А ты вылезай, пойдешь пешком.

Теперь он смог разглядеть ее лицо. Прижавшись к нему на мгновение, она легонько чмокнула Тима в щеку.

— Ты милый. Но я вожу лучше. А первопроходцем будешь ты. Ведь нужно же, чтобы кто-нибудь проверял, смогу ли я проехать.

— Нет. Поедем вместе. — Он с удивлением понял, что говорит ерунду.

Хамнер задумался. Он знал, что она в любом случае настоит на своем.

— Для нас обоих лучше, если ты будешь разведывать дорогу, — добавила она. — Ну, ступай.

Старая дорога оказалась кошмаром наяву. Вре-

мя от времени она опасно кренилась к самому краю пропасти. «По крайней мере, отсюда не виден горящий автомобиль», — подумал Тим.

Но отсветы гаснущего пламени еще плясали на стенах.

То были настоящие аттракционы: Эйлин постоянно поворачивала, давала задний ход и опять разворачивалась — и все это буквально на пятачке, а колеса отделяли от края пропасти считаные дюймы. На каждом повороте Тима охватывал ужас. Стоило чуть посильнее нажать на акселератор или выбрать не ту передачу, и «Блейзер» полетит вниз.

Она сгорит заживо, а он, Тим, останется один. Когда они наконец добрались до дна ущелья, Хамнер едва передвигал ноги.

— Речка глубокая? — спросила девушка.

— Я… — Он подошел к «Блейзеру» и залез внутрь. — Выясню через минуту.

Тим в отчаянии потянулся к Эйлин.

Она оттолкнула его.

— Смотри, милый, — и махнула рукой куда-то влево.

Уже почти рассвело, и Хамнер увидел. За остовом сгоревшей машины вставала высокая массивная бетонная стена. Дамба.

Его передернуло, однако он покинул машину и зашел в поток, борясь с течением. Вода доходила только до колен, и он, шатаясь, перешел на другую сторону, затем знаками показал Эйлин, что проехать можно.

Землевладелец

Право собственности есть не только право, но и обязанность. Собственность обязывает.
Ее надлежит использовать так, будто владение ею вам доверено народом.

Освальд Шпенглер

К полудню они выбрались из ущелья. Когда они проделали треть пути наверх, к противоположному склону подъехала другая машина и тоже начала спускаться. Автомобиль оказался обычный, без полного привода, и Тим не мог понять, как ему удалось проехать настолько далеко по каньону.

В салоне сидели двое мужчин, женщина и целая куча детей. Машина еще ползла по склону, когда «Блейзер» очутился на относительно ровной земле на противоположной стороне.

Они помчались прочь, оставив незнакомцев опасно ползти по краю, гадая, не следовало ли переговорить с ними и, не зная, чем бы они могли помочь.

Тим чувствовал себя абсолютно беспомощным.

Он был готов к гибели цивилизации: остаться почти в полном одиночестве, обнаружить, что уцелевших мало и они далеко друг от друга. Но он не мог наблюдать за медленным умиранием привычного ему мира. Он не понимал, что с этим делать, но ни о чем другом думать не мог.

Второй мост был, благодарение Богу, цел. Как и третий.

До обсерватории оставалось лишь несколько миль.

Они повернули — и обнаружили на дороге четыре машины. Рядом сгрудились какие-то люди. Впервые Тиму и Эйлин довелось увидеть кого-то с тех пор, как они выбрались из ущелья.

Дорога здесь ныряла через туннель, который совсем недавно обрушился. Машины стояли, а мужчины лопатами копали землю. Они рыли другой проход — поверх скального отрога, служившего крышей туннелю.

Мужчины изрядно продвинулись в работе, хотя и рыли по очереди, поскольку их оказалось больше, чем лопат.

Возле автомобилей стояли шесть женщин. К ним жались испуганные дети. Эйлин нерешительно оглядела уцелевших и подъехала к ним.

Дети круглыми глазами уставились на но-

воприбывших. Одна из женщин подошла к «Блейзеру». Она выглядела преждевременно постаревшей хотя, наверное, была не старше сорока. Она посмотрела на машину, заметила в заднем стекле звездообразное отверстие от пули и не произнесла ни слова.

— Здравствуйте, — сказал Тим.

— Привет.

— Вы давно тут?

— Приехали сразу, как рассвело.

— Из города? — спросила Эйлин.

— Нет. У нас неподалеку был лагерь. Пытались вернуться назад в Глендейл, но дорога перекрыта. Как вы сюда попали? Мы можем вернуться по той трассе, по которой вы ехали? — оживившись, затараторила женщина.

— Мы проехали по Большой Туджанге, — произнес Хамнер.

Она удивленно посмотрела на него и обернулась к отрогу.

— Эй, Фредди! Фред! Они гнали по Большой Туджанге!

— Она ведь разрушена, — крикнул в ответ мужчина.

Он передал лопату соседу и начал спускаться по склону.

Тим заметил, что он вооружен.

Машины у этих людей были не слишком новые. Грузовичок-пикап во вмятинах, нагруженный походным снаряжением. Многоместная легковушка с просевшими рессорами. Древний «Додж Дарт».

— Мы хотели выбраться через Туджангу, — сказал Фред, подойдя ближе.

Он был одет по-походному: шерстяная рубашка и брюки из саржи. Сбоку, прицепленная к поясу, висела кружка, на другом боку — пистолет в кобуре. Но, похоже, он начисто забыл о своем оружии.

— Я — Фред Хаскинс. Так вы пересекли ущелье по старому серпантину?

— Да, — подтвердила Эйлин.

— Как в Лос-Анджелесе? — спросил Хаскинс.

— Скверно, — произнес Тим.

— Да-а. Землетрясение его неплохо встряхнуло, а? — Мужчина пристально посмотрел на Хамнера и взглянул на оставленное пулей отверстие. — Откуда у вас это?

— Кто-то решил остановить нас и подстрелил.

— Где?

— Там, где дорога уходит в горы, — ответил Тим.

— Шерифов клоповник, — пробормотал Фред. — Значит, заключенные разбежались?

— Что значит «скверно»? — встрепенулась женщина. — Что вы имели в виду?

Внезапно Тим понял — с него хватит.

— Все уничтожено. Долина Сан-Фернандо и территория к югу от Голливудских холмов затоплена цунами. То, что не ушло под воду, сгорело. Туджанга, кажется, не пострадала, но окрестности Лос-Анджелеса уничтожены.

Хаскинс недоуменно заморгал.

— Как так? Те, кто там жил, — мертвы? Все до единого?

— Почти, — заявил Хамнер.

— Думаю, многие спаслись, укрывшись где-нибудь в холмах, — проговорила Эйлин. — Но… раз дорога разрушена, они не могут добраться сюда.

— Господи! — воскликнул Фред. — Выходит, комета наскочила на нас, да? Я так и знал. Марта, я ведь говорил, что нам лучше будет здесь! А сколько… Видимо, нам на выручку пошлют армию, но мы и сами способны прорыть себе путь, — пробормотал он. — А дорога на той стороне вроде бы неплохая. По крайней мере, насколько мы можем разглядеть. Марта, ты что-нибудь поймала по радио?

— Ничего. Помехи. Иногда мне кажется, что я слышу отдельные слова, но понять смысл невозможно.

— Да-а.

— У вас есть какая-нибудь еда? — неожиданно спросила жена Хаскинса.

— Нет.

— Вы же умираете с голоду. Сейчас я вам дам что-нибудь. Мистер…

— Тим.

— Тим. А вы…

— Эйлин. Спасибо.

— Ничего. Тим, ступайте с Фредом и помогите копать, пока я приготовлю обед.

Взбираясь по крутому склону, мужчина продолжал говорить.

— Хорошо, что вы проехали. Не представляю, сумели бы мы перетащить поверху наши тачки или нет. Но с помощью вашего «Блейзера» наверняка справимся. А потом начнем искать этих самых вояк.

Словно убегая из-под колес идущего впереди колонны грузовика, дорога шла то вверх, то вниз, то виляла.

Капрала Гиллингса, дремавшего на сиденье, разбудила мерзкая тряска. Выругавшись, он

выглянул сквозь прорезь в брезенте. Колонна очутилась в ловушке. Земля зыбилась, будто море.

— Падение Молота, — вымолвил он.

Солдаты загомонили.

— Чего-чего? — спросил Джонсон.

— Всему капец, тупой ублюдок! Ты что, вообще неграмотный?

Сам Гиллингс прочел и «Нэшнл эквайер», и статьи в «Таймс», и интервью с Шарпсом, и прочее. И, грезя наяву на койке в казарме, тысячу раз продумал, что и как будет делать, всякий раз любовно добавляя детали к выработанному сценарию.

Он знал, что произойдет, если Молот Люцифера ударит. Капец цивилизации. А заодно — и чертовой армии. Каждый будет сам за себя, и правильный человек сможет стать королем, мать его так. Если хорошо разыграет сданные ему судьбой карты.

Сбитый с толку, растерявшийся Джонсон уставился на него — ждал, что еще услышит. Голова у Гиллингса стала пустой и легкой. Он не был готов к тому, что мечты могут воплотиться в жизнь.

— Вылазь! — крикнул капитан Ора. — Вон из грузовиков!

Сознание капрала прояснилось. Все встало на свои места, и, да, возникла первая проблема: офицеры, мать их за ноги! Ора лучше остальных офицеров, и парни любят его. С этим что-то нужно делать, причем быстро. Иначе офицерье заставят ребят вкалывать как рабов, чтобы попытаться спасти безмозглых гражданских, пока огонь и цунами не покончат со всеми разом.

— Мы крепко застряли, капитан! — крикнул сержант Хукер. — Тут оползни повсюду! Не похоже, что нам удастся вытащить грузовики!

— Раздайте снаряжение, сержант, — приказал Ора. — Дальше двигаемся пешим ходом. В окрестных горах наверняка полно народу. Посмотрим, что можно предпринять.

— Есть, — ответствовал Хукер, впрочем, без особого энтузиазма. — А что мы будем есть, капитан?

— Успеем подумать об этом, когда проголодаемся, — заявил Ора. — Пойдете вперед, выясните, как там дела. Может, нам удастся перебраться через оползень.

— Слушаюсь.

— Остальным вылезти из грузовиков! — рявкнул капитан.

Гиллингс усмехнулся. «Нам крупно повезло,

раз мы не успели вернуться в лагерь до Падения Молота». Он снова улыбнулся и нащупал в кармане что-то твердое. Боеприпасов солдатам не раздали, но достать их при желании не так уж трудно. Он обзавелся дюжиной патронов. А в грузовиках навалом взрывчатки.

Пойдут ли за ним солдаты? Может, и нет. Не сразу. Вероятно, надо даровать Хукеру жизнь. За ним-то парни точно побегут, а он — к счастью — не великого ума. Но не настолько тупой, чтобы не понять: нет смысла арестовывать Гиллингса после того, как с капитаном будет покончено. Военно-полевых судов, конечно, теперь нет и в помине. И вообще никаких судилищ.

Пожалуй, на такое рассуждение Хукеру хватит ума.

И капрал вогнал три патрона в свою винтовку.

Работа заняла большую часть дня. Никогда раньше Тиму не приходилось так пахать. Он расплатился за свой обед. Они срыли самые крутые участки. Затем с помощью «Блейзера» пробили колею, и опять же с помощью машины Хамнера и Эйлин, протащили по ней остальные автомобили.

Дождь не прекращался, превратившись в холодную морось.

Когда они наконец-то перебрались на другую сторону, каждый мускул в теле Тима ныл и болел. Временную дорогу не требовалось поднимать более чем на сто футов, но на всем своем протяжении она постоянно спускалась и снова шла вверх, увеличив объем работ впятеро.

Преодолев опасный участок, машины выстроились колонной. Через четыре мили они подъехали к казарме рейнджеров, где скопилось не одна сотня народу. Религиозная община, в том числе — девяносто детей и несколько студентов-волонтеров в делах мирского характера. Плюс пожилой проповедник. Компании туристов и рыболовов, которым удалось спастись из охваченных пожарами лесов. Стайка студенток-француженок на велосипедах — лишь одна из них немного владела английским (никто из собравшихся не знал французского). Здоровенный внедорожник, а в нем — писатель, его жена и неправдоподобное количество отпрысков.

Рейнджеры разбили лагерь на скорую руку. Завидев колонну Тима, они приказали «кортежу» свернуть к обочине. Хамнер хотел ехать дальше, но дорогу перекрыл зеленый грузовик.

Молодой парень в форме о чем-то переговорил с Фредом Хаскинсом и подошел к Тиму и Эйлин.

Рейнджеру — долговязому, с отлично развитой мускулатурой — было лет двадцать пять. Форма облекла его властью, однако он выглядел не слишком уверенно.

— Мне сказали, что вы проехали по дороге через Большую Туджангу, — произнес он, уставившись на Тима. — Вы — Хамнер.

— Я об этом не кричу, — ответил тот.

— Понятно. Полагаю, нет, — кивнул он. — Мы можем погнать через Туджангу?

— А разве вы не знаете? — удивился Тим.

— Нас, рейнджеров, здесь всего четверо, мистер. Мы хотим позаботиться о детях. Мы разослали поисковые группы, чтобы доставить сюда уцелевших туристов. Повсюду обвалы и оползни, мосты разрушены. Мы не пытались пройти дальше туннеля, когда увидели, что он рухнул.

— А по радио ничего не слышно? — спросила Эйлин.

— Радиостанция Туджанги молчит, — признался парень. — Я и не пойму почему. Кое-что мы получили в любительском диапазоне от ребят из Трейл-кэньон. Они говорят, что там мост тоже разрушен, а в каньоне остались местные.

— Да, — подтвердила Эйлин. — Мы выехали сюда по старой дороге. За нами ехали еще ка-

кие-то люди, они решили последовать нашему примеру.

— Вы не подождали их, чтобы помочь? — осведомился рейнджер.

— Их было больше, чем нас, — ответил Хамнер. — И какая бы от нас помощь? Там нельзя даже протащить машину на буксире. Очень много поворотов. В сущности, это вообще не трасса.

— Я в курсе. Мы используем ее как пешеходную тропу, — рассеянно произнес парень. — А ведь вы специалист по кометам. Что случилось? И что нам делать с людьми?

Тим едва не расхохотался, но выражение лица молодого человека остановило его. Рейнджер был чересчур взвинчен и мог запаниковать в любую минуту. Вдобавок его обрадовала встреча с Хамнером. Он нуждался в профессионале, который мог объяснить, как надо действовать дальше.

Ага, нашел он его, как же.

— Вернуться в Лос-Анджелес нельзя, — сказал Тим. — В городе ничего не осталось. Он практически уничтожен цунами…

— Господи, нам передали что-то в этом роде из Маунт-Вилсона, но я не поверил!

— А большая часть того, что пощадило цунами, сгорела. В Туджанге образовалась некая группа…

что-то вроде комитета самообороны. Не уверен, будут ли там счастливы увидеть вас. Может, и нет. Дорога, ведущая туда неплохая, но вряд ли по ней можно проехать на обычном автомобиле, даже если удастся пересечь ущелье.

— Пусть так, но где армия?! — воскликнул парень. — Где Национальная гвардия? Хоть кто-нибудь?! Вы говорите, нам не надо в Туджангу, но что нам делать? Завтра у нас закончатся запасы пищи, а у нас — две сотни детей, о которых необходимо позаботиться!

«А я и вправду специалист, — подумал Тим.

Осознание данного факта вызывало странную подавленность и одновременно приподнятость.

— Мне не удалось добраться в ЛРД, но… Полагаю, комета разделилась, причем не один раз. Значит…

— Разделилась?

— Да. Подлетела к Земле как рой летящих гор, понимаете? И, должно быть, с нами столкнулись ее отдельные куски. Не представляю, сколько их… Тем не менее, когда произошло Падение Молота, в Калифорнии было утро, а комета приближалась со стороны солнца, поэтому главной мишенью стал Атлантический океан. Вероятно. Если на Восточное побережье тоже обрушились гигант-

ские волны, то все к востоку от Катскилльских гор уничтожено. И долина Миссисипи наверняка сильно пострадала. Общенационального правительства уже нет. Как и самой армии.

— Тот есть наша страна погибла?!

— Возможно, и весь мир, — проговорил Тим.

Ошарашенный рейнджер сел на землю возле автомобиля и уставился в пространство.

— Моя девушка живет в Лонг-Бич…

Хамнер промолчал.

— И моя мать. Она поехала в Бруклин. В гости к моей сестре. А вы говорите, что мир уничтожен…

— Скорее всего, — сказал Тим. — Жаль, что у меня мало информации. Но прогноз неутешительный.

— И что мне делать с детьми? И с туристами? С остальными выжившими?! Как мне прокормить их?

«Ты их не прокормишь», — мысленно ответил Тим, а вслух произнес:

— Продовольственные склады. Фермы, где разводили крупный рогатый скот. Ищите любые источники пищи, до тех пор пока не сможете провести посевную. Сейчас июнь. Какая-то часть урожая должна сохраниться.

— Север, — пробормотал парень. — На холмах вокруг Грейпвайна — фермы. Север. — Он взглянул на Хамнера. — Куда вы направляетесь?

— Вероятно, на север.

— Можете взять с собой кого-нибудь из детей?

— Можем… но у нас нет продуктов.

— А у кого они есть? — воскликнул рейнджер. — Ладно. Оставайтесь с нами. Мы могли бы отправиться в путь вместе.

— У маленьких групп шансов больше. Мы лучше отправимся в путь, — заявил Тим.

Ему не хотелось брать с собой детей, но отказаться он, конечно, не мог.

Хамнер задумался. Когда-то где-то он прочитал: во всякой морально сложной ситуации то, что вам менее всего хочется делать, и является как раз самым правильным решением. А значит…

Рейнджер отошел и через несколько минут вернулся с четырьмя ребятишками шести лет и младше. Они были хорошо одеты, чистенькие и перепуганные. Эйлин разместила их на заднем сиденье «Блейзера» и, чтобы быть поближе к ним, сама пересела туда.

Парень вручил Тиму листок с именами и адресами, вырванный из блокнота.

— Тут написано, кто они такие. — Его голос

дрогнул. — Если бы вам удалось разыскать их родителей…

— Угу, — промычал Хамнер и завел «Блейзер».

Неужели он за рулем? Педаль сцепления что-то ходит туго.

— Меня зовут Эйлин, — донеслось с заднего сиденья. — А он — Тим.

— Куда мы едем? — беспомощно пискнула совсем маленькая девочка. Но она не плакала, в отличие от мальчиков. — Вы отвезете нас к моей мамочке?

Хамнер глянул в листок. Лори Малкольм, в церковный лагерь ее отправила мать. Об отце упоминаний не было. Адрес: Лонг-Бич. Господи, что ей ответить?

— А когда мы будем дома? — выкрикнул какой-то мальчик.

Хэнкок ничего не сказала.

Как объяснить шестилетнему ребенку, что его дом смыло наводнением? Как сказать Лори, что, наверное, ее мамочка…

— Мы доберемся до вон того холма, — произнесла она наконец и показала на соседнюю возвышенность. — И будем ждать твою мамочку…

— А что случилось? — спросил мальчик. — Нам

было ужасно страшно. Преподобный Тилли не хотел, чтобы мы это знали, но и он боялся.

— В Землю врезалась комета, — серьезно пояснила Лори. — Эйлин, она упала на Лонг-Бич? Можно я буду называть вас Эйлин? Преподобный Тилли говорит, что нельзя звать взрослых по именам. Никогда.

Тим свернул на дорогу к обсерватории. Давным-давно — там, где старый проселок пришел в негодность, он ее отремонтировал — настелил бревна, засыпал гравием и залил бетоном. Сейчас ее покрывал толстый слой грязи, но «Блейзер» шел без труда. Они почти у цели.

Там есть провизия, и они смогут отдохнуть. Во всяком случае, некоторое время. Запасы пищи не бесконечны, но на месте они подумают и об этом. Сейчас обсерватория — это дом родной, тихая гавань. Убежище, где хорошо, тепло, есть душ и сухая одежда. Безопасное надежное укрытие, где можно спрятаться, когда мир летит в тартарары.

«Блейзер» уже не выглядел ни новым, ни сияющим. Бока исцарапаны и испачканы. Ну и что?

Машина ехала по размытым дорогам как по шоссе, перебираясь через россыпи скатившихся по склонам камней и глубокие лужи. У Тима еще никогда не было такого автомобиля. Он чув-

ствовал, что на «Блейзере» может доехать куда угодно.

«Блейзер» привез их домой. Еще один поворот. Еще один поворот, и они окажутся в безопасности.

Бетонное здание не пострадало. Деревянный гараж тоже: крыша, правда, просела, накренилась, но не настолько, чтобы кто-то, кроме Хамнера, это заметил. Створки купола телескопа были закрыты. Ставни на окнах дома уцелели.

— Мы дома! — истошно заорал Тим.

На заднем сиденье Эйлин с детьми пела песню:

— А из этой бородавки вырос волосок…

— Вот он! Мы спасены! Хоть на какое-то время.

Песня оборвалась на полуслове.

— Похоже, все в порядке, — изумленно пробормотала девушка.

Она такого явно не ожидала. После Туджанги она почти потеряла надежду.

— Конечно, Марти знает, что делать, — начал Тим. — Он закрыл ставни и… — он резко умолк.

Эйлин посмотрела туда, куда смотрел Хамнер. Из обсерватории вышли двое мужчин с винтовками. Старшему было около пятидесяти. Они следили, как «Блейзер» тормозит у массивного

бетонного крыльца. Ружья они держали небрежно, не то чтобы целясь прямо в машину, но Тиму сразу стало не по себе.

— Извини, приятель, места нет! — крикнул один из незнакомцев. — Лучше двигай дальше. Извини.

Он уставился на чужаков, медленно зверея. Ну, погодите!

— Я — Тим Хамнер. Владелец обсерватории. А вы кто?

На мужчин это не произвели никакого впечатления.

На крыльцо вышел молодой парень.

— Марти! — закричал Тим. — Скажи им, кто я!

«А когда я узнаю, что они здесь делают, я поговорю с тобой», — мысленно добавил он.

Марти Роббинс широко улыбнулся:

— Ларри, Фриц… это мистер Тимоти Гарднер Аллигтон Хамнер, плейбой и миллионер… ах да, и астроном-любитель.

— Подумать только, — фыркнул Фриц, не убирая винтовки.

Один из мальчиков разревелся. Эйлин притянула его к себе, обняла. Остальные дети наблюдали за происходящим, вытаращив глаза.

Хамнер распахнул дверцу «Блейзера». Стволы

едва заметно переместились. Не обращая на это внимания, Тим вылез из машины. Постоял. Вокруг было тускло, сумрачно. Одежда моментально промокла, по спине потекли холодные струйки.

Он зашагал к крыльцу.

— Лучше не надо, — предупредил тот, кого звали Ларри.

— Пошел к черту, — поднимаясь по ступеням, произнес Тим. — Я не собираюсь ругаться с тобой и пугать детей.

Мужчины ничего не предпринимали, и на мгновение он ощутил отвагу. Может быть, это шутка? Он посмотрел на Марти:

— Что здесь происходит?

— Не здесь, — ответил тот. — Везде.

— Я знаю о падении Молота. Что эти люди делают в моем доме?

Ошибка, тотчас понял Тим. Но было поздно.

— Это не ваш дом, — выпалил Роббинс.

— Между прочим, там внизу — рейнджеры. Когда они сюда приедут…

— Никто уже сюда не доберется, — возразил парень. — Ни рейнджеры, ни армия, ни Национальная гвардия, ни полиция. У вас отличная радиоаппаратура, мистер Хамнер, — слово «ми-

стер» он произнес с презрением. — Я слышал последние сообщения «Аполлона» и все остальное тоже. И переговоры рейнджеров. Вы уже не владелец обсерватории. И нам вы не нужны.

— Но… — Он посмотрел на Ларри и Фрица.

Они совсем не походили на преступников.

«Откуда тебе знать, как выглядят преступники? Да и разве теперь разберешь?» — подумал он. Взять хотя бы их руки: загрубелые, чисто вымытые. Не то что у Марти. Или у самого Тима. У одного из мужчин сломан ноготь на руке, но он уже отрастает.

Одеты они были в серые брюки и рабочие рубашки. На штанах Фрица — ярлык «Биг Смит».

— Почему вы так с нами? — вырвалось у Хамнера.

Бывшего управляющего он теперь игнорировал.

— А что еще мы можем? — сказал Ларри. В его голосе звучала виноватая нотка, но ружье он держал крепко: дуло смотрело куда-то между Тимом и «Блейзером». — Теперь у нас есть пища… ее не слишком много. На какое-то время хватит. И с нами — наши семьи, мистер Хамнер. Как нам быть, по-вашему?

— Оставайтесь. Только позвольте нам…

— Неужто вы не понимаете, что мы не можем позволить остаться *вам,* — перебил его Ларри. — Ну… мистер Хамнер, какая от вас была бы польза?

— Откуда, черт возьми, вы знаете, что я могу…

— Мы уже все обсудили, — проворчал Фриц. — Кто ж думал, что вы объявитесь. Но мы пораскинули мозгами и придумали, что делать, если вас принесет. И вот… короче, уезжайте. Вы тут совсем не нужны.

Марти отвел глаза. Тим уныло кивнул. Ясно. Говорить уже не о чем. В аппаратуре — не только радио, но и в астрономических и метеорологических приборах — Роббинс разбирался не хуже Хамнера. Даже лучше. Кроме того, парень прожил в обсерватории больше года и прекрасно знал все окрестности.

— Что за цыпочка? — вдруг спросил Роббинс.

Он вытащил из кармана фонарь и направил луч на «Блейзер». Это не улучшило видимость. Луч высветил капли дождя и заляпанную грязью машину. И отливающие блеском волосы Эйлин.

— Какая-нибудь ваша родственница? Богатая сучка?

«Ах ты, урод». Хамнер попытался припомнить, что мог, о своем помощнике. Когда Марти жил

вместе с Тимом в Бел-Эйр, они, бывало, ссорились, но не всерьез, а здесь парню просто цены не было. Меньше месяца назад, всего три недели, он написал Роббинсу рекомендательное письмо для Лоуэлловской обсерватории в Флагстаффе.

«Похоже, я, в сущности, его совсем не знал».

— У нас мало женщин, — произнес Марти. — Она может остаться. Вы — нет. Пойду скажу ей…

– *Спроси* ее, — проговорил Ларри. — Пусть остается, если сама захочет.

— А я?

— Мы проследим, чтобы вы уехали отсюда, — ответил Ларри. — И не вздумайте возвращаться.

— Где-то там есть рейнджеры, — пробормотал Роббинс. — Пожалуй, мы не вполне правы. Не следует оставлять ему тачку. Машина хорошая. Лучше, чем те, какие у нас есть…

— Заткнись, — понизив голос, буркнул Ларри и оглянулся на ведущую в обсерваторию стеклянную дверь.

Хамнер нахмурился. Пока что он не понимал расстановку сил…

Эйлин вылезла из «Блейзера» и подошла к крыльцу. Заговорила — безжизненно и устало:

— Что случилось, Тим?

— Они говорят, что дом уже не принадлежит

мне. Прогоняют нас.

— Вы можете остаться, — вставил Марти.

— Вы не смеете так поступать! — закричала девушка.

— Умолкни! — рявкнул Ларри.

Из обсерватории вышла дородная женщина. Хмурясь, посмотрела на Ларри:

— Что у вас еще?

— Не лезь, — ответил тот.

— Ларри Келли, чем ты занимаешься? — не унималась она. — И кто вообще сюда приехал? Да я его знаю! Он — Тимоти Хамнер. Его показывали в «Ежевечернем обозрении». Это был ваш дом, да?

— Это и сейчас мой дом.

— Нет, — произнес Фриц. — Мы договорились. Нет.

— Воры. Воры и убийцы, — заметила Эйлин. — Почему вы просто не пристрелите нас, и дело с концом?

Тиму захотелось заорать на нее. Вдруг они и впрямь последуют ее совету? Роббинс — он может.

— Незачем попусту болтать, — вымолвила женщина. — Послушайте, на всех здесь места не хватит. По крайней мере, надолго. Человеком больше, человеком меньше… мне плевать, но

чтоб мистер Хамнер тут командовал, нам ни к чему. А я не думаю, что он годится на что-либо еще. Поэтому поищите себе другое жилище. На этом свет клином не сошелся. — Она перевела взгляд на Ларри, чтобы тот подтвердил сказанное. — Очень скоро нам тоже придется съехать отсюда. Зато у вас будет фора.

Она говорила весьма трезво и рассудительно. И ее спокойствие оказалось настоящим кошмаром для Тима. По ее тону он понял: она уверена, что «астроном-любитель» не будет спорить.

— Но девушка может остаться, — заканючил Роббинс.

— Ты этого хочешь? — спросил Тим у Эйлин.

Она рассмеялась — горько, презрительно. Посмотрела на Марти Роббинса, и ее смех стал громче.

— А в машине дети, — добавила женщина.

— Мэри Сью, это не наше дело, — пробурчал Фриц.

Она словно не услышала. Покосилась на Ларри:

— Откуда они?

— Из лагеря, — ответила Эйлин. — Они жили в Лос-Анджелесе. Рейнджерам нечем их кормить. Мы взяли их с собой. Мы думали…

Женщина спустилась с крыльца и направилась к «Блейзеру».

— Вели ей остановиться, — прошипел Фриц.

— За пятнадцать лет мне еще ни разу не удалось заставить ее что-нибудь сделать, — произнес Ларри. — Сам знаешь.

— Да.

— Нам дети не нужны! — выкрикнул Марти.

— Они съедят не больше, чем эта леди, — сказал Ларри. Он обернулся к Тиму и Эйлин. — Мистер Хамнер… видите, какие дела? Мы ничего не имеем против вас, но…

— Но вы отсюда уберетесь, — тихо проговорил Роббинс и злорадно усмехнулся.

Между тем женщина уже залезла в машину и разговаривала с детьми.

— Значит, где-то там рейнджеры. Хамнер может разыскать кого-нибудь из них. Ладно… до того, как он уберется отсюда, я пойду с ним и…

— Нет, — с явным отвращением отрубил Ларри.

— Да, пожалуйста, — согласился Фриц. — Раз у него такое на уме, пусть тоже проваливает. Он нам ни к чему. А, ты, парень, тогда обратно уже не возвращайся. Мы и сами как-нибудь сдюжим.

— Мы ведь договорились! — воскликнул Мар-

ти. — Когда вы явились сюда! Я вас впустил! А вы… сейчас…

— Да, — кивнул Фриц. — Но лучше заткнись насчет убийства, а то мы можем забыть об уговоре. А Мэри Сью уже ведет детей. Мистер Хамнер, вы не против, если они останутся с нами?

«Как хладнокровно он рассуждает», — подумал Тим.

Фриц и Ларри… Кто они такие? Плотники? Садовники? Они уцелели и убедили себя, что они — по-прежнему цивилизованные люди.

— Поскольку в баке почти нет бензина, вряд ли нам удастся выбраться отсюда живыми… В общем, это хорошая мысль. Эйлин, оставшись здесь, ты спасешь свою…

Девушка посмотрела на Роббинса.

— Только не с этим.

Фриц уставился на Ларри. Мгновение они буравили друг друга взглядами.

— По-моему, у нас есть бензин, — проговорил Фриц. — Во всяком случае, канистра имеется. Мы можем отдать ее вам. Десять галлонов горючего и пару банок супа. Возвращайтесь в тачку и ждите, пока мы не передумали.

Хамнер ринулся к «Блейзеру», таща за собой Эйлин, пока она ничего не успела сказать. Дети

сгрудились вокруг Мэри Сью. Они не сводили испуганных глаз с автомобиля. Тим знал, что страх надолго поселился в их душах.

Он кое-как изобразил ободряющую улыбку и помахал им рукой. Его пальцы подергивались: нужно уезжать и быстрее, подальше от мужчин с ружьями.

Но он ждал.

Ларри заполнил бак бензином.

Тим задом вырулил из подъездной аллеи, и «Блейзер» умчался в дождь.

Почтальон: 1

Все, что может быть охарактеризовано как долг, есть предпосылка любого подлинного закона и сущность всякого благородного обычая, кренится в понятии «честь». Если кому-то приходится размышлять об этом, он уже бесчестен.

Освальд Шпенглер

Гарри Ньюкомб не видел Падения Молота, и виноват в этом стал Джейсон Гиллкадди. По его же словам, он заточил себя в глуши ради диеты и написания романа. За шесть месяцев он потерял двенадцать фунтов, но мог бы и больше. Что касается уединения, он определенно охотнее болтал с проезжавшим мимо почтальоном, чем занимался творчеством.

Лучшую кофейную чашку можно было обнаружить именно на ранчо Силвер-Вэлли. Зато Джейсон, обосновавшийся на противоположном конце долины, умел варить лучший кофе в окрестностях.

— Но, я обопьюсь, если позволю всем желающим наливать мне по две чашки, — улыбаясь,

проговорил Гарри. — Я ведь парень популярный.

— Приятель, не отказывайся. Срок моей аренды истекает в четверг, и «Баллада» закончена. К следующему Дню Хлама меня здесь не будет.

— Закончена! Ура, прекрасно! А я есть в вашей книге?

— Нет, извини, но проклятая писанина слишком разрослась. Знаешь, как бывает, то, что тебе самому нравится, почему-то приходится выбрасывать. Зато кофе у меня — «Джамайка Блю Маунтин». Когда я праздную…

— Ладно, налейте.

— А коньяку?

— Имейте хоть какое-то уважение к моей форме, если вы… Ладно, не могу же я теперь его вылить, правда?

— За моего издателя. — Гиллкадди бережно приподнял чашку. — Он заявил, что, если я не выполню условия нашего договора, он меня закажет.

— Круто.

— Да, но деньги платят хорошие.

Краем сознания Гарри отметил далекий раскат грома. Надвигается летняя гроза? Он сделал глоток кофе. «Джамайка Блю Маунтин» действительно обалденный.

Но, выйдя из дома, почтальон не заметил в небе грозовых туч. Встал он еще затемно, и до полудня было далеко. Фермеры в долине придерживались странного распорядка дня, и Ньюкомб подлаживался под их расписание. Он видел жемчужное сияние хвоста кометы, окутавшего Землю. Странное мерцание смягчало прямые лучи солнца и выбеливало голубизну небосвода. Как смог, только чистый.

В природе воцарилась тишина, будто все вокруг чего-то ожидало.

Итак, Джейсон возвращался в Чикаго. Возможно, в будущем он снова приговорит себя к одиночному заключению, посадит на диету и начнет писать какой-нибудь роман. Гарри будет не хватать его. Гиллкадди — самый образованный человек в долине, за исключением, наверное, сенатора… А Джеллисон-то, оказывается, существует на самом деле. Он видел его вчера, издали. Тот прибыл на автомобиле величиной с автобус. Может, сегодня они познакомятся.

Гарри помчался к усадьбе Адамсов. Грузовичок затрясло, и он сбавил скорость. Выбоина? Спустило колесо? Дорога вибрировала и словно изгибалась, как змея. А машина, в свою очередь, пыталась вытряхнуть мозги из головы почта-

льона.

Он затормозил. По-прежнему трясло! Он выключил зажигание.

Что еще такое?

— Надо было получше приглядеться к коньяку. Ха! Землетрясение? Здесь нет никаких разломов. Мне кажется.

Он поехал дальше и, конечно, не столь быстро. Такими темпами он будет добираться до фермы Адамсов долго, а он рассчитывал приехать туда пораньше. Кроме того, прежде он ездил туда другим маршрутом. Он не осмелится зайти в дом… зато это сэкономит ему пару минут. Новых жалоб от миссис Адамс не будет. Однако Гарри не видел Донну уже несколько недель.

Он снял солнцезащитные очки. Интересно, почему вокруг потемнело? Прямо сумерки наступили! Будто снятые рапидом, по небу стремительно неслись облака, и в брюхе каждого полыхали молнии. Никогда прежде Гарри не приходилось видеть ничего подобного. Да, гроза, вот-вот хлынет дождь.

Ветер голосил, как свора демонов, вырвавшихся из ада. Небо сделалось из зловещего страшным. Облака уступили место черным клубящимся тучам, пронизанным молниями. Гарри покачал

головой.

«Подходящая погодка, чтобы оставить письма для миссис Адамс в почтовом ящике, — подумал он мстительно, — пусть прогуляется за ворота».

Но, возможно, как раз Донне придется мокнуть под дождем. Ньюкомб подъехал к особняку и остановился под навесом у веранды. Он вылез из машины, и тотчас полило.

Навес почти не защищал: ветер разносил холодные струи во все стороны.

Открыть ему дверь могла Донна, но, увы! Миссис Адамс не выказала никакой радости при виде Гарри. Он повысил голос, чтобы перекричать вой ветра.

— Ваша почта прибыла!

— Спасибо, — отчеканила женщина ледяным тоном и захлопнула дверь перед его носом.

Дождь лил как из тысячи ведер: стекая с фургона отвратительными бурыми потоками. Ньюкомбу стало стыдно. Он не думал, что его грузовичок настолько грязный. Уже наполовину вымокший, он влез в кабину и поехал прочь.

Неужели в долине такая погода? Гарри прожил здесь чуть больше года, но не мог припомнить даже ничего отдаленно похожего на то, что творилось сейчас. Всемирный потоп! Ему очень

хотелось расспросить кого-нибудь, что это означает.

Хоть кого-нибудь, но не миссис Адамс.

А ведь в долине полагалось быть сухому сезону. Ручей Карпер в это время года сильно мелел и едва смачивал подножия гладких белых валунов, образующих его русло.

Когда Ньюкомб ехал по деревянному мосту, он увидел, что ручей, переполненный водой, бурлит.

Дождь лил по-прежнему яростно, не утихая.

Гарри притормозил, чтобы опустить два письма в почтовый ящик Джентри.

В тот единственный раз, когда почтальону удалось увидеть хозяина фермы, тот целился в него из дробовика. Джентри жил отшельником, ему не требовалась немедленная доставка корреспонденции, а Ньюкомбу он не нравился.

Колеса вращались вхолостую, потом нашли сцепление с землей, и автомобиль выехал обратно на дорогу. Рано или поздно Гарри следовало где-то передохнуть. Он и не надеялся сегодня проехать по всему маршруту. Может, Миллеры предложат ему кров и еду, если он попросит.

Дорога взбиралась по крутому склону. Он ехал медленно, мало что различая в сумраке: вспышки

молний слепили глаза. Слева был обрыв, справа — склон холма. И то и другое густо поросло деревьями. Грузовичок жался к склону. Кабина отсырела, воздух был теплым, влажность, пожалуй, сто десять процентов.

Он опять затормозил.

Впереди склон обрушился. Оползень перегородил дорогу и частично — обрыв. Из земли торчали деревья — одни сломанные, другие — нет.

Ньюкомб быстро прикинул, что делать. Может, повернуть назад? Нет, опять будут Джентри и миссис Адамс. Нет, черт с ним. Дождь ведь смыл часть оползня. А кучка раскисшей земли показалась Гарри не слишком высокой. Решившись, он повел машину прямо на нее. Первая передача и не останавливаться. Если он увязнет, домой придется тащиться пешком под ливнем.

Грузовичок накренился. Закусив губу, почтальон крутил руль и давил на акселератор. Бесполезно: раскисшая почва съезжала к обрыву, нужно было как-то вырываться! Он вдавил педаль акселератора до отказа. Колеса пробуксовывали, грузовичок накренился еще сильнее. Ньюкомб вырубил зажигание, нырнул вниз и спрятал лицо в сгибе локтя. Автомобиль плавно раскачивался, валился из стороны на сторону, как

лодчонка на якоре. А затем он накренился — уже чересчур сильно — и опрокинулся на бок. Потом врезался во что-то большое, его закрутило, ударился обо что-то еще и, наконец, остановился.

Гарри приподнял голову.

На капот рухнул ствол. Армированное стекло пошло трещинами и прогнулось внутрь. Машину заклинило между свалившимся деревом и соседним. Для того чтобы вытащить грузовичок потребуется посторонняя помощь. Нужна мощная тачка с буксировочным тросом. И люди с бензопилами.

Ньюкомб висел на ремне безопасности. Он робко расстегнул его и решил, что не пострадал.

А дальше как быть? Разумеется, нельзя оставлять почту без присмотра, но ведь не может он, Гарри, просидеть в кабине целый день!

«Ну и как мне теперь развозить письма и газеты?» — спросил он себя и хихикнул, поскольку понимал, что сегодня это не получится. Придется оставить весь бумажный ворох до завтра. Вулф рассвирепеет, но тут уж ничего не поделаешь.

Он взял послание — заказное! — адресованное сенатору Джеллисону, и сунул его в карман. В другой он запихнул маленькие посылки, которые посчитал ценными. А прочая корреспонденция,

крупные свертки и бандероли с книгами — пусть пока полежат в машине.

И Ньюкомб вылез из грузовичка. Дождь хлестал его по щекам, мгновенно вымочив до нитки. Скользкая грязь буквально уезжала из-под ног, и через несколько секунд он отчаянно вцепился в подвернувшееся деревце, чтобы не сорваться и не упасть в быстро взбухающий ручей.

Почтальон долго стоял, обхватив ствол и не шевелясь.

Нет. До телефона не добраться. В такое ненастье… Лучше переждать. К счастью, сегодня он выбрал свой привычный маршрут. Вулф поймет, где его искать… Только он, Гарри, не понимал, какая машина могла бы приехать за ним сейчас.

В небе полыхнула молния, двойная — пых-пых. Немедля грянул гром.

Он ощутил покалывание в мокрых ногах. Совсем рядом!

Парень кое-как вернулся к грузовичку и залез внутрь. Конечно, автомобиль не был заизолирован, но казался самым безопасным местом, чтобы переждать светопреставление… да и почта не оставалась без присмотра. Это его заботило. Лучше доставить ее попозже, чем позволить украсть.

«Вот именно», — довольно решил Гарри и попытался устроиться поудобнее.

Проходили часы, но буря и не думала стихать.

Спал Ньюкомб плохо. В багажном отделении он устроил себе нечто вроде гнезда, использовав для этой цели рекламные листовки различных магазинов и свою утреннюю газету. Гарри часто просыпался и всякий раз слышал непрерывный стук капель по металлу. Когда небо и земля перестали казаться сплошной тьмой, пронизанной вспышками молний, и мир окрасился в тускло-серый цвет, а молнии вспыхивали реже, почтальон извернулся и дотянулся до вчерашнего пакета молока. Он как чувствовал — не выпил его, оставил на потом.

Утолив жажду, он понял, что умирает с голоду.

А еще он мечтал о кофе.

— В следующем доме его получу, — пообещал себе Ньюкомб и представил себе здоровенную кружку с дымящимся кофе и, вероятно, с коньяком (хотя никто, кроме Гиллкадди никогда не предлагал ему ничего такого).

Дождь немного приутих. Как и ураган.

— Наверное, я просто начал глохнуть, — произнес Гарри вслух и повторил: — НАЧАЛ ГЛОХНУТЬ! А может, и нет. — Беспечный от природы, он

сразу находил светлую сторону в самых мрачных обстоятельствах. — Хорошо, что сегодня не День Хлама, — пробормотал он.

Он выпростал ноги из кожаной прямоугольной сумки — всю долгую ночь благодаря маленькой хитрости они оставались почти сухими, — и надел ботинки. Покосился на груду конвертов и прессы. Жаль, света маловато…

— Только самое важное, — проворчал Ньюкомб. — Книги не в счет.

А как же «Известия Конгресса», которые выписывал сенатор Джеллисон? А ведь еще есть журналы…

Почтальон задумался. И решил прихватить их с собой. В конце концов он впихнул в сумку все, кроме самых объемных пакетов. Встав, с трудом приоткрыл дверцу машины, словно потолочный люк, и протолкнул в нее сумку — не вбок, а вверх. Затем вылез сам. Дождь еще лил, и Гарри прикрыл сумку куском пленки.

Грузовичок качнулся и заскрипел.

Возле обращенного вверх борта грузовичка уже поднялась грязь вровень с колесами.

Парень надел сумку через плечо и поплелся вверх по склону. Земля дрогнула под ногами, и он побежал трусцой.

Деревья за его спиной согнулись под тяжестью грузовичка и сползающей раскисшей земли. Корни вывернулись из земли, и автомобиль покатился, набирая скорость.

Ньюкомб присвистнул. Похоже, почту ему уже не развозить. Вулфу потеря машины придется не по душе. Он начал взбираться по склону. Теперь даже каждый шаг давался с трудом. Гарри то и дело оглядывался. Сейчас ему бы пригодился посох. Он заметил молодое деревце — гибкий ствол длиной футов пять с корнями вырвал оползень.

Когда Ньюкомб выбрался на дорогу, идти стало легче. Он спускался по склону. Конечно, он дал изрядного крюка к Адамсам, и путь предстоял неблизкий. Зато грязь смыло с ботинок, ногам полегчало. Дождь не переставал.

Гарри уставился на вершину холма: он боялся новых оползней.

— У меня только в волосах фунтов пять воды, — буркнул он. — Но все-таки шее не холодно.

А сумка оказалась жутко тяжелой. Будь у нее добавочный ремень, тот, что крепится к поясу, нести ее было бы легче.

И вдруг Ньюкомб запел:

От нечего делать пошел я гулять,

Пошел погулять на лужок,
Мечтая о долларе, так его мать,
Чтобы отдать должок.

В моих волосах застряла зола,
А глотка суха как наждак.
Я начал молиться, и в небо текла
Молитва, ну мать ее так…

Он одолел пологий склон и увидел рухнувшую вышку линии электропередачи. Высоковольтные провода лежали поперек дороги. В стальную башню ударила молния… и не одна: самый верх вышки оказался перекручен.

Давно ли она упала? И почему работники «Эдисона» до сих пор не устранили аварию? Он пожал плечами и увидел, что телефонные столбы тоже повалены. Значит, когда Гарри доберется до какой-нибудь фермы, он не сможет никуда позвонить.

Возле пруда простирался луг,
Мать его так пополам,
И тут я увидел сокола вдруг,
Шедшего по волнам.

«Ужасное чудо! – я громко вскричал. –

Как ты в воде не намок?!»
Хоть сокол мне, мать его, не отвечал,
Я спел ему пару строк —

Из древнего псалма (его я учил
В те дни, когда был щенком).
А сокол, ах, мать его, в небо взмыл
И обдал меня дерьмом.

Я тогда на колени пал,
В небеса не смея смотреть.
И тихо, мать его так, прошептал:
«Свою я приветствую смерть.

Смерть – вот то, что надобно мне,
Сто раз заслужил ее я».
А сокол, ну мать его, сгинул в огне —
Но снова обгадил меня.

Вот и ворота фермы Миллеров. Никого не видать. И никаких свежих следов колес на подъездной дорожке.

Неужели хозяева удрали отсюда еще прошлой ночью? А если нет, то сегодня они наверняка сидят дома. Утопая в глубокой грязи, Гарри прошлепал прямо к крыльцу. По телефону от Миллеров не

позвонишь, но, пожалуй, он разживется чашкой кофе. Может, его даже отвезут в город.

Горящая птица в небе плыла
Как солнце. Как блик на волне.
Мать ее трижды. Вот это дела…
Хотелось зажмуриться мне.

Крепко зажмуриться, так вашу мать,
Только ведь я опоздал:
Много ли проку глаза закрывать,
Коль он всю башку расписал?

К священнику, мать его, кинулся я,
Пожаловаться на это.
Священник, подлец, стрельнул у меня
Последнюю сигарету.

О чуде священнику я рассказал, —
(Священник лежал среди роз.)
Дерьмо в своих волосах показал —
Ублюдок зажал себе нос!

Пришлось к епископу мне бежать,
Поведать, что было со мной.
Сказал епископ, так его мать:

Ступай-ка, дружок, домой.

А дома сразу в постель ложись,
Мать твою этак и так,
Проспись, болван, проспись, проспись —
И голову вымой, дурак!»

Гарри постучал в дверь, но никто не отозвался.

«А ведь дверь чуть приоткрыта», — понял Ньюкомб. Он громко позвал, и опять не получил ответа. И тут он уловил запах кофе.

Мгновение он стоял в нерешительности, затем вытащил из сумки пару писем и «Мистери Мэгэзин Эллери Куин» и, держа их как верительные грамоты, распахнул дверь настежь. И громко пропел:

Проспавшись, помчался к приятелю я,
Ах, мать его три-четыре!
Он – настоящая свинья
По имени Джок О'Лири.

Плача, в свинарник к нему я влетел
И прильнул к его пятачку.
Джок, так его мать, на окорок сел
И поднял свою башку.

А Джока супруге под пятьдесят,
Эй, мать вашу, слышите вы?
Она родила на днях поросят —
И все как один мертвы!

Я терся щекой о его пятачок,
Рыдая, мать-перемать.
И вот улыбнулся, очухался Джок
И что-то стал понимать.

Но его голова со стуком глухим
Напрочь слетела с плеч.
Супруга Джока ударом лихим
Сумела ее отсечь.

Потом она отшвырнула тесак,
Не замечая меня.
«Господи, – крикнула (мать ее так!), —
Дождалась я этого дня!»

Гарри оставил почту на столе в гостиной, там, куда всегда сваливал ее в День Хлама, и отправился в кухню, на запах кофе. Он продолжал громко петь, чтобы его не приняли за грабителя. А то ведь могли и пристрелить.

Я брел сквозь город «Страна раба»
Меж придурков и подлецов.
И все, с кем сводила меня судьба,
Мне харкали гноем в лицо.

Милость Господня и благодать
Иногда нас приводят в смятенье.
И мы застываем, так вашу мать,
Раскрывши рот в удивленье.

Господних замыслов смертная плоть
Не в силах понять, конечно,
Но если кого возлюбил Господь,
То это уже навечно.

Как же ему повезло! Горел газ, на конфорке стоял большой кофейник, а на столе — три чашки. Ньюкомб налил себе полную чашку и торжественно пропел:

Я это знаю, мне свыше дан знак.
Ни от кого не скрою,
Что происходит, мать его так,
Когда я голову мою.

Я не шучу, говорю всерьез:

Там было совсем не дерьмо,
Вода, стекая с моих волос,
Обращается вдруг в вино!

Бесплатно я это вино раздаю
(Пусть до отвала пьют!)
Людям, за жизнь познавшим свою
Одно лишь: тяжелый труд.

Ведь если почаще вино хлестать,
Поверишь, что все же есть
В подлунном мире, так его мать,
Любовь, доброта и честь.

И пусть упиваются, мать их так,
Те, кто нуждой поражен,
И не пинают встречных собак,
И не мордуют жен.

А еще он обнаружил вазу с апельсинами. Целых десять секунд он боролся с искушением, потом взял один. Идя через кухню к задней двери, Ньюкомб очистил его от кожуры.

Во дворе росла целая апельсиновая роща. Миллеры были коренными уроженцами здешних мест. И наверняка знали, что стряслось. Они

должны находиться где-то поблизости.

Чудо есть дар, посылаемый нам,
Добрый подарок небес,
И кто-то шествует по волнам,
И мир этот полон чудес.

Душа у людей далеко не чиста —
В дерьме с головы до пят.
Люди распяли когда-то Христа,
Но я-то еще не распят!

Не надо смерти бояться и ждать,
Прозрев, я вам говорю.
И ежедневно, так вашу мать,
Я голову мою свою!

— Эй, Гарри! — крикнул кто-то. Откуда-то справа.

Он побрел на голос — между апельсиновыми деревьями, проваливаясь в вязкую жижу.

Джек Миллер, его сын Рой и невестка Сесилия в панике собирали овощи. Расстелив на земле огромный кусок брезента, они кидали на него помидоры — подряд, не разбирая, где спелые, где наполовину зеленые.

— Если их оставить на земле, — пропыхтел

Рой, — они сгниют. Надо занести их в дом… Быстрее. Помощь нам точно не помешает.

Ньюкомб уставился на свои заляпанные грязью ботинки, на почтовую сумку, на промокшую форму.

— Вам нельзя задерживать меня, — произнес он. — Это против официальных правил…

— Ладно, — сказал Рой и спросил: — Гарри, а что вообще случилось?

— А вы тоже не знаете? — Ему сделалось страшно.

— Откуда? Телефон не работает со вчерашнего дня. Электричества нет. Телевизор вырубился, эта чертова штука не… Извини, Сисси. Транзистор ловит только помехи. А в городе что?

— Я там не был, — сознался почтальон. — Фургон сдох — в паре миль отсюда к дому Джентри. Еще вчера. Я переночевал в кабине.

— Гм. — Рой на мгновение перестал лихорадочно срывать помидоры. — Сисси, ступай-ка на кухню и начинай их закручивать. Бери только спелые. Гарри, давайте заключим сделку. Завтрак, обед, и, кроме того, мы отвезем вас в город. И еще: я никому не скажу, какую песню вы тут распевали. За это вы остаток сегодняшнего дня будете помогать нам.

— Ну-ну…

— Я отвезу вас и замолвлю за вас словечко, — заявила Сисси.

Миллеры имели влияние в долине. Возможно, Вулф и не сожрет его за то, что он угробил грузовичок.

— Если я пойду в город пешком, все равно доберусь позже, чем, если вечером поеду на машине, — произнес Гарри. — Согласен. — И принялся за работу.

Они помалкивали, чтобы не запыхаться. Потом Сисси вынесла из дома сэндвичи. Они прервались ровно настолько, чтобы поесть.

И снова принялись рвать помидоры. Если и разговаривали, то о погоде. Джек, проживший в долине пятьдесят два года, никогда не видел ничего подобного.

— Комета, — заметила молодая женщина. — Это она постаралась.

— Чушь! — отозвался Рой. — Ты сама слышала, что говорили по ящику. Она прошла мимо Земли в нескольких тысячах миль.

— Мимо? Вот и отлично, — отозвался Гарри.

— Нет, ребята. Ученые заявили, что она *должна была* пройти мимо, — поправил всех Джек, сгорбившись над кустом.

Никогда в жизни Ньюкомб так тяжело не работал. Внезапно он понял, что день клонится к вечеру.

— Эй, мне нужно в город! — напомнил он.

— Ладно. Эй, Сисси! — позвал Джек. — Возьми пикап. Загляни в магазин, что продают корма, нам понадобятся запасы для наших коров и свиней. Ливень прибил почти все посевы. Лучше сразу закупить еду для скотины, пока остальных тоже не осенило. Через неделю цены взлетят.

— Если тогда вообще что-то можно будет купить, — откликнулась невестка.

— Что ты имеешь в виду? — спросил ее муж.

— Ничего.

И она направилась к гаражу. Тесно облегающие джинсы обрисовывали ее бедра, со шляпы лилась вода. Она вывела «додж» во двор. Гарри втискивал на сиденье почтовую сумку: чтобы защитить ее от дождя, он прижал ее груди. Во время сбора помидоров она лежала в сарае.

Автомобиль покатил по раскисшей подъездной аллее. Когда подъехали к воротам, Сисси вышла открыть их. Ньюкомб с его огромной сумкой просто не мог сдвинуться с места.

Вернувшись, женщина ему улыбнулась.

Они не преодолели и полмили, как путь пе-

регородил громадный разлом. Соседний склон холма разорвало пополам, а тонны жидкой грязи, сошедшей вниз, завалили дорогу по ту сторону разлома.

Гарри внимательно посмотрел вперед. Сесилия оглянулась, собираясь развернуться. Ньюкомб распахнул дверцу.

— Но вы же не собираетесь идти пешком, — удивилась Сесилия.

— Почта должна быть доставлена, — изрек он и рассмеялся: — Вчера я ее не развез…

— Не глупите! Сегодня пришлют ремонтников чинить дорогу. В крайнем случае, завтра. И, конечно, наверняка! Подождите! Вы ведь не доберетесь до города засветло. Дождь еще льет. Оставайтесь с нами.

Он обдумывал сказанное. Она говорила здравые вещи. Линии электропередачи разрушены, кто-нибудь да появится. Сумка превратилась в почти непосильную ношу.

— Почему бы и нет?

Разумеется, его снова «впрягли» в фермерскую лямку. Он и не ожидал иного. До наступления темноты ни хозяева, ни он не съели ни крошки, зато потом Сисси подала огромное количество еды — как раз под стать их разыгравшемуся ап-

петиту.

Осоловевший Гарри, не смог бороться со сном и рухнул на кушетку. Он даже не почувствовал, как Джек и Рой сняли с него куртку почтальона и накрыли одеялом.

Проснувшись, он обнаружил, что дом пуст. Верхняя одежда, вывешенная для просушки, была еще влажной.

Ливневые потоки безжалостно низвергались на землю. Ньюкомб оделся, нашел кофе. Пока он пил его, пришли Миллеры.

Сесилия приготовила завтрак: ветчина, оладьи и еще кофе. Высокая и крепкая женщина казалась утомленной. Рой поглядывал на нее с тревогой.

— Я в порядке, — заявила она. — Просто и мужскую работу делаю, и свою тоже, не привыкла.

— Зато теперь с помидорами покончено, — добавил Джек. — Никогда не видел такого дождя, — тихо вымолвил он с почти с суеверным страхом. — Гады из метеобюро никогда не могут заранее нас предупредить. Им не составить прогноз и на минуту вперед. На что им только годятся их хваленые погодные космические спутники?

— Возможно, их тоже повредила комета, — предположил Ньюкомб.

Мужчина сердито покосился на него.

— Чушь! Комета — просто штуковина в небе! Научитесь жить в двадцатом столетии, Гарри!

— Однажды я пробовал. Но мне по душе здешний уклад.

Сисси улыбнулась. Ему эта улыбка понравилась.

— Пойду-ка я, — произнес Ньюкомб.

— В такое ненастье? — недоверчиво буркнул Рой. — Да вы шутите.

Гарри пожал плечами.

— Мне нужно закончить доставку.

У Миллеров был виноватый вид.

— Полагаю, мы сумеем отвезти вас туда, где дорога разрушена, — сказал Джек. — Надеюсь, там уже вовсю кипит работа.

— Спасибо.

Никаких ремонтников там не было. За ночь со склона на дорогу сползло еще немало грязи.

— А то остались бы у нас? — спросил Джек. — Вы бы нам помогли.

— Мне пора. Я расскажу в городе, что у вас.

— Хорошо. И вам спасибо. До свидания.

— Ага.

Через разлом пришлось пробираться по оползню. Сумка оттягивала плечо. Она была кожаная, водонепроницаемая, сверху закрытая пленкой.

«Прямо по погоде», — подумал Гарри.

А бумага может впитать двадцать-тридцать фунтов воды. Тогда она сделалась бы еще тяжелее.

— И читать эту почту тоже было бы гораздо тяжелее, — громко произнес он вслух.

Он брел вперед, оскальзываясь и спотыкаясь, пока не нашел молодое деревце с торчащими из земли корнями. Тем не менее оно помогало ему не падать. Ветер продолжать выть, а дождь — хлестать по щекам.

— Чума! — крикнул Гарри и рассмеялся. — Хуже, чем на ферме.

Ньюкомб решил отдышаться. Он-то предполагал, что доберется до ворот «Шира» в начале двенадцатого. А сейчас почти два…

Теперь он опять очутился на равнине, вдали от холмов. Разломов здесь не было, но раскисшая дорога теперь смахивала на грязную реку. Ньюкомб тщетно пытался разглядеть хоть какой-то участок, выступающий из воды.

Ньюкомб вымок насквозь, но опять начал упрямо продвигаться вперед — наперекор всему. Он смутно осознавал, что под липнущей к телу курткой появились потертости, то и дело поглядывал на свои хлюпающие ботинки и размышлял о том,

что все относительно неплохо.

Он надеялся, что закончит доставку корреспонденции, воспользовавшись чьим-нибудь автомобилем. Но, похоже, такая возможность не представится ему и в «Шире».

Шагая вдоль длинного плетня, он не увидел ни души. На полях никого не было, никто не пытался спасти урожай. Выращивали ли тут вообще что-то? Он не имел ни малейшего понятия, но ведь он и не фермер.

Ворота выглядели основательно, висячий замок на них — новый, массивный и блестящий. Почтовый ящик покосился, будто его задела проезжающая тачка.

А еще он был полон воды.

Гарри почувствовал досаду. Он принес хозяевам восемь писем и толстенную бандероль. Закинув голову, он проорал:

— Эй, вы, там! Почта!

Ньюкомб уставился на темные окна. В «Шире» тоже вырубилось электричество? Или Хьюго Беку и его многочисленным чудаковатым гостям надоела сельская жизнь, и они убрались восвояси?

Здесь обосновалась коммуна. Это знали все в округе, и мало кому было известно больше. Местные обитатели не общались с жителями долины.

Гарри, находящемуся на особом положении благодаря роду его деятельности, познакомился с Хьюго и некоторыми из его «соратников».

Бек унаследовал ферму три года назад, после того как его дядя и тетка, уехавшие в отпуск в Мексику, погибли в автокатастрофе. В те времена она называлась несколько иначе: ранчо «Перевернутая вилка» (или что-то в этом роде) — вероятно, по форме тавра, каким клеймили скот. Хьюго явился на похороны: низенький, пухлый, восемнадцати лет, с черными прямыми волосами по плечи и бахромкой бороды, окаймляющей выбритый подбородок. Он изучил свои владения, распродал коров и практически всех лошадей, после чего исчез в неизвестном направлении. Месяцем позже вернулся в сопровождении пестрой компании хиппи (их число варьировалось в зависимости от того, кто именно рассказывал историю). У ребят оказалось достаточно денег, чтобы не умереть с голода и жить в относительном комфорте.

«Шир» наверняка не обеспечивал их доходом. Они ничего не продавали. Но — безусловно — им приходилось что-то сеять, собирать урожай и так далее: слишком уж мало еды они привозили из города.

Гарри снова крикнул. Дверь отворилась, и кто-то неспешно поплелся к воротам.

Тони! Дочерна загорелый, вечно скалящий в улыбке великолепные зубы, он был одет как обычно: джинсы, шерстяная жилетка (рубашек он не признавал), шляпа, как у землекопа, и сандалии. Он так и вылупился на Ньюкомба.

— Что случилось, чувак?

Дождь не производил на него ни малейшего впечатления.

— Пикник придется отложить. Именно это я и хотел сообщить.

Тони поглядел на Гарри озадаченно и расхохотался.

— Ничего шутка! Я передам. Наши все скопом прячутся в доме. Можно подумать, боятся растаять.

— Лично я уже наполовину растаял. Вот ваша почта. — Гарри протянул конверты и бандероль. — Ваш ящик поврежден.

— Наплевать. — Тони ухмыльнулся, будто услышал удачную остроту.

Ньюкомб не обратил на это внимания.

— Может кто-нибудь из вас отвезти меня в город? Мой фургон попал в аварию.

— Извините. Нам нужно беречь бензин на

крайняк.

Что еще за ерунда? Гарри постарался не выказывать раздражения.

— Ладно. Такова жизнь. Не угостите сэндвичем?

— Нет. Наступают голодные времена. Мы должны думать о себе.

— Не понял. — Ему вдруг разонравилась усмешка Тони.

— Молот ударил, — произнес парень. — Истеблишмент сдох. Призыву в армию капец. И налогам. И войнам. Теперь не будут сажать в тюрьму за то, что покуриваешь. И не надо ломать голову над тем, кто станет новым президентом — мошенник или идиот. — Под мокрой бесформенной шляпой Тони снова блеснула его улыбка. — Никакого Дня Хлама. Я подумал, что чокнулся, когда увидел у ворот почтальона!

«А он и впрямь чокнулся», — понял Гарри. И попытался направить разговор в другое русло.

— Можно позвать сюда Хьюго Бека?

— Пожалуй.

Ньюкомб смотрел, как Тони возвращается в дом. Есть там кто-нибудь живой? Парень никогда не казался почтальону опасным, но… если он снова выйдет, и в руках у него будет что-нибудь,

хоть отдаленно напоминающее винтовку, Гарри задаст стрекача, как заяц.

Через минуту на крыльцо высыпало полдюжины людей. Одна девушка куталась в дождевик. Остальные одеты так, что, похоже, собрались купаться. В общем-то, разумно. По такой погоде и нечего было надеяться, что не промокнешь. Гарри узнал Хью Бека и широкоплечую, широкобедрую девицу (она утверждала, что ее зовут Галадриэль), и еще молчаливого безымянного великана. Они спустились вниз, потопали к ограде и сгрудились у ворот. Все происходящее казалось им чрезвычайно забавным.

— Что случилось? — спросил Гарри.

За последние три года изрядная часть жировых отложений Хьюго трансформировалась в мышцы, однако он совершенно не напоминал фермера. Может, из-за старых плавок и дорогих сандалий. Или из-за того, что привалился к воротам точно так же, как писатель Джейсон Гиллкадди прислонился бы к барной стойке, непрерывно жестикулируя одной рукой.

— Падение Молота, — произнес Бек. — Вы, наверное, последний почтальон, какого мы видим. Сечете, о чем я? Нас уже не будут уговаривать купить вещи, которые нам не по карману. Пере-

станут приходить дружелюбные напоминания из налоговых ведомств. Можете выкинуть свою форменную куртку, Гарри. Истеблишмент мертв.

— Комета столкнулась с нами?

— Ага.

— Ясно. — Ньюкомб не знал, верить или нет.

Люди кое-что болтали. Но что такое комета? Пустота, ничто. Куча камней в вакууме, освещенная нефильтрованным солнечным светом. Очень мило, если наблюдать за ней с вершины холма, особенно когда рядом стоит хорошенькая девушка. Но все-таки… почему дождь?

— Значит, я вхожу в истеблишмент?

— Но ведь на вас форма, правда? — улыбнулся Бек, и все рассмеялись.

Почтальон опустил взгляд.

— Кто-нибудь должен был меня предупредить. Ладно. Вы не можете ни накормить меня, ни дать мне машину…

— Бензина нет — и не будет никогда. Ливень погубит большую часть урожая. Вы же можете это понять, Гарри.

— Не одолжите мне на пятнадцать минут топор?

— Тони, дай ему, что он просит.

Парень потрусил к дому.

— Зачем он вам? — поинтересовался Хьюго.

— Обрубить корни с моего посоха.

— А потом что?

Отвечать не пришлось — вернулся Тони с топором. Гарри принялся за работу. Обитатели «Шира» глазели на него. Наконец Хьюго снова спросил:

— И что вы теперь будете делать?

— Разнесу почту, — ответил Ньюкомб.

— Зачем?! — выкрикнула хрупкая хорошенькая блондинка. — Всему конец, чувак. Нет ни налоговых деклараций, ни писем своему конгрессмену, ни «Плейбоя»… Вы свободны! Снимайте форму и танцуйте!

— А мне холодно. И ноги болят.

— Неплохо сказано, — молчаливый великан протянул Гарри толстенную самокрутку, просунув ее между прутьев ограды.

Чтобы она не намокла, он прикрыл ее от дождя шляпой Тони. Ньюкомб увидел, что остальные недовольны, но, поскольку никто ничего не сказал, взял подарок. Прикуривая ее и затягиваясь, он тоже прикрывал самопальную сигарету от дождя шляпой — но своей.

«Вот что они выращивают!» — внезапно догадался Гарри, но не стал ничего уточнять.

— У вас скоро начнутся перебои с бумагой.

Обитатели «Шира» переглянулись. Это им не приходило в голову.

— Не выбрасывайте конверты. Они последние. Дня Хлама уже не будет. — Гарри передал топор Тони. — Спасибо. И за косяк — тоже. — Он взял обрубленный посох. Тот стал легче, лучше сбалансированным.

Ньюкомб поправил ремень сумки. «Ни дождь, ни снег, ни жар полудня, ни тьма ночная» — и так далее.

— Так или иначе, но это…

— А что там говорится про конец света? — спросил Хьюго.

— Полагаю, выбор за человеком. А я решил доставить письма адресатам.

Почтальон: 2

К числу недостатков, общих для почтовых систем Италии и США, можно отнести следующее: неэффективность и медленную доставку; устаревшую организационную структуру; низкую производительность и низкие оклады служащих; частые забастовки; очень высокий дефицит кадров.

Роберто Вакка. Ближайшее средневековое будущее

У Кэрри Роман, вдовы средних лет, было двое взрослых сыновей — и они, ровесники Ньюкомба, казались вдвое крупнее почтальона. Сама Кэрри была почти с них ростом и такого же сложения. Трое добродушных великанов, они всегда угощали Гарри кофе. Как-то раз они даже его отвезли в город — сообщить о поломке фургона.

Парень добрался до ворот фермы, исполненный самого бодрого оптимизма.

Створки, разумеется, были заперты на висячий замок, но Джек Роман провел в дом звонок.

Ньюкомб нажал на кнопку и стал ждать.

Дождь не прекращался. Если бы он лил от земли к небу, Гарри, наверное, этого бы и не заметил. Весь мир превратился в потоки воды.

Где же Романы? Ах да… у них же нет электричества!

Он снова надавил кнопку раз — на пробу.

И краем глаза кого-то увидел — низко пригибаясь, тот выскочил из-за дерева. Спустя мгновение его скрыли кусты. Но в руках человек держал что-то вроде лопаты — или винтовку? И это был точно не Роман: чересчур мал.

— Почта! — громко крикнул Гарри.

Здесь-то что творится?

Грянул выстрел, и в тот же миг что-то несильно дернуло сумку за край. Ньюкомб бросился наземь. Он пополз на поиски укрытия, сумка, возвышавшаяся над его спиной, опять дернулась — и вновь раздался выстрел.

«Двадцать второй калибр», — подумал Гарри.

Небольшой для винтовки. Во всяком случае, для жителей долины.

Парень спрятался за деревом. Собственное дыхание казалось ему очень громким и хриплым.

Кое-как он скинул сумку с плеча и положил рядом с собой. Присев на корточки, выбрал четыре конверта, скрепленных резинкой. Пригнулся.

Дальше все происходило почти одновременно: Гарри метнулся к почтовому ящику Романов, сунул туда пакет, помчался к укрытию — и прогрохотал очередной выстрел. Но Ньюкомб, задыхаясь, уже лежал возле сумки, пытаясь осмыслить происходящее.

Он не был полицейским, и не носил с собой пушку, и вдобавок ничем не мог помочь Романам. Вообще ничем!

А дорога для него исключалась. Открытое пространство.

А как насчет оврага? Его наверняка доверху залило водой, но ничего лучше Гарри не мог придумать. Перебежать дорогу, а затем поползти на четвереньках.

Но тогда придется оставить сумку.

«А почему бы и нет? Кого я обманываю? Молот опустился на наковальню, и почтальоны теперь никому не нужны. И кто я теперь?»

Ньюкомба это не особенно волновало.

— Кто? — провозгласил он. — Индюк, который получал хорошие оценки в школе, натирая мозоли на заду, а потом его выгнали из колледжа и увольняли с каждой работы, на какую он устраивался…

Кто, кто — почтальон, черт побери! Он поднял

тяжелую сумку и пригнулся. Тишина. Может, по нему стреляли, просто чтобы прогнать? Но зачем?

Он сделал глубокий вдох. «Сейчас, — сказал он себе, — ну! Пока ты не успел перепугаться и передумать».

Он стремглав пересек дорогу и кинулся к оврагу. Прогремел выстрел, но Гарри показалось, что пуля ушла далеко в сторону.

Он удирал вдоль оврага — то полз, то практически плыл. Сумку он взгромоздил себе на закорки, чтобы уберечь от воды.

Больше по нему не стреляли. Слава богу! От ранчо «Мучос Номбрес» его отделяли полмили. Вероятно, у них есть ружья, а может, и работает телефон… Впрочем, да есть ли где-нибудь телефонная связь? Обитатели «Шира», конечно, неофициальный источник информации, но они говорили с такой уверенностью…

— Никогда не найдешь копа, если он тебе нужен, — пробормотал Гарри.

Следует быть осторожным, когда доберешься до «Имен». Его владельцы тоже слегка нервничают. А если нет, то скоро будут на взводе!

До «Мучос Номбрес» он добрался уже в сумерках. Дождь усилился, падал наискось, низко

нависшее черное небо озаряли вспышки молний.

Ранчо занимало тридцать акров холмистых пастбищ, усеянных обычными в этих краях белыми валунами. Территория была в совместном пользовании. Ньюкомб никогда не знал, чья сейчас очередь. Каждая семья владела им одну неделю из четырех, и в основном тут отдыхали. Иногда временные хозяева вообще не появлялись здесь, иногда привозили гостей.

Сначала орава владельцев никак не могла договориться о названии ранчо, и наконец остановилась на «Мучос Номбрес» — «Многие имена». Но испанское название никого не могло ввести в заблуждение.

Сегодня Гарри забыл о застенчивости.

— Почта! — прокричал он и стал ждать, зная, что никто не ответит.

Спустя несколько минут он распахнул ворота и вошел во двор.

С величайшей опаской Ньюкомб поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

Она открылась.

— Почта, — повторил Гарри. — Здравствуйте, мистер Фрихафер. Извините за опоздание, но таковы обстоятельства.

Он заметил в руке мужчины автоматический пистолет. Фрихафер внимательно оглядел Гарри. За спиной нынешнего хозяина — в гостиной — плясали огоньки свечей.

В комнате были еще люди: и, надо сказать, весьма настороженные.

— Да ведь это Гарри! — вдруг воскликнула Дорис Лилли. — Не волнуйся, Билл. Мистер Ньюкомб — наш почтальон.

Фрихафер опустил пистолет:

— Прекрасно. Рад познакомиться. И что у вас за обстоятельства?

Гарри переступил порог, и рассмотрел третьего человека. Отложив в сторону дробовик, мужчина поднялся ему навстречу.

— Почта, — опять произнес Ньюкомб и вытащил два толстых журнала. — Возле дома Кэрри Роман в меня кто-то стрелял. Не представляю кто… По-моему, Романы попали в беду. Телефон у вас работает?

— Нет, — потряс головой Фрихафер. — Мы не можем к ним поехать.

— Ясно. Мой фургончик упал с холма, и все дороги раскисли. Вы не можете позволить мне ненадолго прилечь? На кровать или хотя бы на коврик? И что-нибудь поесть?

Ответили подчеркнуто не сразу.

— Боюсь, только коврик, Гарри, — проворчал Фрихафер. — И рассчитывай на суп с бутербродом. У нас тут… некоторые затруднения.

— Да я готов съесть ваши старые башмаки, — улыбнулся почтальон.

Ему дали консервированный томатный суп и поджаренный хлеб с сыром: на вкус еда была просто божественной. Жуя и глотая, он слушал то, что рассказывали. Фрихаферы хотели уехать отсюда во вторник и даже пустились в путь, но в небе творилось светопреставление, и в итоге они вернулись. Тут нагрянули Лилли (пришла их очередь) — с двумя детьми и гостями, Роденберри. Когда наступил настоящий конец света, последние еще спали.

И пока что те, кто оказался на ранчо, даже не пытались добраться до города и проверить, открыты ли магазины.

— Почему «конец света»? — спросил Гарри.

Ему объяснили и показали журналы, которые он же принес. Они промокли, но читать их еще было можно. Ньюкомб пролистал интервью с Саганом, Азимовым и Шарпсом. Долго смотрел на иллюстрации художников, посвященные столкновению кометы с Землей.

— Они считали, что она пройдет мимо, — вымолвил он.

— Не прошла, — ответил Норман Лилли.

Бывший футболист, теперь он работал в страховом агентстве. Широкоплечий человек-гора, он не бросал спорт.

— И что теперь? Мы привезли сюда на всякий случай кое-какие семена и сельскохозяйственное оборудование, но не взяли никаких пособий и справочников. А вы разбираетесь в фермерстве, Гарри?

— Нет. Ребята, у меня был тяжелый день…

— Верно. Нет смысла зря жечь свечи, — заявил Норман.

Все постели и одеяла были уже распределены. Ньюкомб провел ночь на толстом ковре, укрытый тремя громадными махровыми халатами мистера Лилли. Вместо подушки ему пришлось удовольствоваться валиком от кресла. Он устроился с комфортом, но постоянно просыпался, вздрагивая.

Молот Люцифера? Апокалипсис? Ползком по грязи, пока пули впиваются в сумку и рвут конверты… От всплывающего в памяти кошмара Гарри пробуждался, и всякий раз кошмар оказывался правдой.

Спустя некоторое время он начал считать сутки. Первую ночь он провел в машине. Вторую — у Миллеров. Значит, эта — третья.

Он не появлялся на работе трое суток.

Определенно настал конец света. Вулф бы давным-давно разыскал его и сожрал живьем. Но нет, ничего подобного. Линии электропередачи разрушены, телефон вырубился. Бригады ремонтников не появляются.

Следовательно, Молот ударил. Мир разрушен. Апокалипсис наступил.

— Проснись и пой! — веселье в голосе Дорис было наигранным. — Идите есть или мы выбросим вашу порцию.

Завтрак не был обильным. Обитатели ранчо поделились с Гарри — чрезвычайно щедро с их стороны. Дети Лилли, восьми и десяти лет, глазели на взрослых. Один из них пожаловался, что телевизор не включается. Никто не обратил на хныканье никакого внимания.

— Что дальше? — осведомился Фрихафер.

— Нам нужны продукты, — ответила Дорис. — Необходимо найти какую-нибудь еду.

— Где вы предлагаете ее искать? — спросил Билл без иронии.

Женщина пожала плечами.

— В городе? Может, дела обстоят не так плохо, как… Надо на это надеяться…

— Хочу смотреть телик! — заныл Фил Лилли.

— Он не работает, — рассеянно обронила мать. — Я считаю, нужно ехать в город и выяснить обстановку. Заодно мы подвезем Гарри…

— Хочу телик! — завизжал Фил.

— Заткнись, — буркнул его отец.

— Хочу! — заладил мальчишка.

Бац! Громадная ладонь Нормана врезалась в лицо сына.

— Норм! — закричала его жена.

Ребенок заплакал, но больше от удивления, чем от боли.

— Ты никогда раньше не бил детей…

— Фил, — холодно произнес Норман, — теперь жизнь изменилась. И тебе лучше понять это. Когда мы велим тебе вести себя тихо, не ори. Тебе и твоей сестре теперь придется многому научиться, причем быстро. А сейчас ступайте в другую комнату.

Дети на мгновение замешкались. Мужчина замахнулся. Они испуганно взглянули на отца и убежали.

— Крутовато, — проговорил Фрихафер.

— Угу, — рассеянно отозвался Норман. — Билл,

вам не кажется, что лучше было бы проведать наших соседей?

— Пусть полиция… — Билл оборвал начатое. — Ну, ведь копы еще есть, верно?

— Угу. И от кого они получают приказы? — спросил Лилли и посмотрел на Гарри.

Почтальон развел руками. Может, от местного мэра?

Шериф уехал в Сан-Хоакин, а в такой дождь Сан-Хоакин мог запросто уйти под воду…

— От сенатора? — выпалил Ньюкомб.

— А ведь за холмом живет Джеллисон! — подтвердил Фрихафер. — Тогда нам следует… Господи, не знаю, Норм. Что нам делать?

Лилли вздохнул:

— Во всяком случае, мы могли бы посмотреть. Гарри, вы знаете тех, кто там живет?

— Да…

— У нас есть две машины. Мы с мистером Ньюкомбом наведаемся к соседям. А вы, Билл, отвезете остальных в город. Ладно?

На лице Гарри отразилось сомнение:

— Я уже все им доставил…

— Иисусе, — пробормотал Билл.

Норман поднял огромную ручищу.

— А он прав. Но посмотрите на это вот как,

Гарри. Вы — почтальон.

— Да…

— Что может оказаться поистине бесценным. Только почты больше не будет. По крайней мере, писем и журналов. Но потребность в тех, кто передает сообщения, сохранится. Кто-то ведь должен поддерживать связь между людьми. Правильно?

— Вроде да, — согласился Ньюкомб.

— Хорошо. Вы будете нужны… как никогда. И вот первое «послекометное» сообщение, которое вы должны передать. Романам от нас. Мы хотим им помочь, если это в наших силах. Они — наши соседи. Но мы не знаем их, а они — нас. Если у них неприятности, они должны с подозрением относиться ко всем незнакомым. Кто-то должен нас представить. Это весточка стоит того, чтобы ее передали, правда?

Гарри задумался. Норман говорил разумные вещи.

— Вы подбросите в город после того, как…

— Конечно. Ну, поехали. — Лилли покинул комнату, но вскоре вернулся с охотничьим ружьем, с которым обычно ходят на оленей, и пистолетом. — Умеете стрелять, Гарри?

— Нет. И в руки не возьму. Чтоб не портить впечатления.

Мужчина кивнул и положил пистолет на стол. Билл хотел было что-то сказать, но Лилли взглядом остановил его.

— Пора, — произнес Норман.

И никак не отреагировал, когда Гарри отнес в машину свою почтовую сумку.

Они уселись в машины. Когда проехали уже полдороги, Ньюкомб вдруг легонько хлопнул по своей сумке и усмехнулся:

— Вы не стали смеяться надо мной.

— Разве можно смеяться над человеком, у которого есть цель в жизни?

Они подъехали к воротам. Вышли. Письма из почтового ящика исчезли. Но замок оставался на месте.

— Что теперь? — спросил Гарри.

— Хороший вопро…

Выстрел пришелся Норману прямо в грудь. Он дернулся, рухнул на землю и умер. На миг Гарри потрясенно замер, затем метнулся через дорогу к канаве. Головой вперед он нырнул прямо в грязную воду, забыв и о сумке, и о том, что промокнет до нитки, забыв обо всем. А затем побежал обратно к «Именам».

Неподалеку послышались чьи-то голоса — сразу за вон тем поворотом… А кто-то бежал за Гарри

следом. На сей раз ему не дадут уйти. В отчаянии Ньюкомб переполз через насыпь, подальше от дороги, и начал карабкаться по крутому склону холма. Сумка мешала. Ботинки увязали в грязи, скользили. Впиваясь ногтями в землю, он упрямо лез наверх.

Бах! Выстрел прозвучал громоподобно. Гораздо громче, чем вчера, когда палили из двадцать второго калибра. Может, дробовик? Гарри не останавливался. Взобрался на первый подъем и побежал.

Он не знал, преследуют ли его. Наплевать! Он не собирался туда возвращаться. Он не мог забыть удивление, появившееся на лице Нормана Лилли. Великан сложился пополам и умер раньше, чем его тело коснулось земли. Кто эти люди, стреляющие без предупреждения?

Склон холма снова сделался круче, но земля здесь оказалась более твердой: не столько грязь, сколько камень. Сумка стала почти неподъемной. Набрала воды? Вероятно. Ну и зачем тащить ее?

«Потому что это почта, глупый ты сукин сын», — сказал себе Гарри.

«Куриным ранчо» владела пожилая чета. В прошлом у них был свой бизнес в Лос-Анджелесе. На ферме, полностью автоматизированной,

кур держали в маленьких клетках, по размеру ненамного превышающих размеры птиц. Яйца выкатывались прямо на конвейерную ленту. Вторая лента доставляла корм. Вода постоянно пополнялась.

Не ферма, а фабрика.

Курам такая жизнь, по-видимому, казалась раем. Все их проблемы уже решены, не требовалось ни за что бороться. Эти птички не слишком умны, а тут они получали столько пищи, сколько могли съесть, им не угрожали койоты, у них были чистые клетки (еще одна автоматизированная система)…

Однако жить так — чудовищно скучно.

Ранчо находилось за следующим холмом. Но, еще не доходя до него, Ньюкомб обнаружил кур. Они озадаченно бродили под дождем по мокрой траве, долбили клювами землю, ветки кустов, ботинки Гарри и жалобно кудахтали, требуя от человека указаний.

Он замер. Странно. Синаньяны никогда бы не выпустили их из клеток.

Здесь тоже? Неужели выродки заявились и сюда? Гарри не понимал, что делать, а у его ног собралась целая птичья стая.

Надо узнать, что произошло. Это входит в его

обязанности. Он теперь и репортер, и почтальон, и городской глашатай, и вестник. Если нет, то он, Ньюкомб, вообще никто. Он стоял в окружении кур. Ему было страшно. Наконец он направился к ферме.

Корм оказался рассыпан по полу сарая. Его осталось немного. Дверцы клеток распахнуты настежь. Нет, это не случайность. В сопровождении пронзительно кудахчущих кур Гарри двинулся в глубину постройки. Ничего.

Он вышел и побрел по дорожке к дому.

Входная дверь тоже оказалась открыта.

— Эй! — прокричал Ньюкомб.

Ему никто не ответил. Он переступил порог.

Здесь царил полумрак: ставни прикрыты, занавески задернуты, свет не горит. Гарри вошел в комнату.

И увидел Синаньянов. Они сидели в креслах. Глаза их были открыты. Они не шелохнулись.

На виске у Амоса зияла дыра от пули. Глаза выкатились из орбит. В руке мужчина сжимал маленький пистолет.

На теле миссис Синаньян почтальон не заметил никаких ран. Сердечный приступ? От чего бы она ни умерла, уход ее был мирный. Лицо женщины не перекошено, одежда в полном по-

рядке. Она уставилась в пустой экран телевизора. Похоже, она мертва уже дня два, а то и больше. Зато кровь, вытекшая из головы Адамса, еще не совсем высохла. Он скончался самое позднее — нынешним утром.

Ни записки, объясняющей происшедшее, ни какого-нибудь намека. Но Амосу некому было объяснять свой поступок — он выпустил кур и застрелился.

Гарри погрузился в размышления. Затем решился и вынул пистолет из руки мужчины. Это оказалось не так трудно, как он думал. Спрятав оружие в карман, он принялся за поиски. Наконец нашел коробку с патронами: она тоже перекочевала в карман.

— Почта будет доставлена, — проговорил Ньюкомб.

В холодильнике он увидел тарелку с жареным мясом. «Все равно оно быстро испортится», — решил Гарри и, не откладывая, съел все подчистую.

Газовая плита работала.

Он не представлял, сколько пропана осталось в баллоне: впрочем, это не имело никакого значения. Синаньяны уже никогда не будут пользоваться плитой.

Он вытащил почту из сумки и осторожно сунул в духовку — подсушить. Рекламные листовки и каталоги различных магазинов — что с ними делать? От содержащейся в них информации пользы никакой, но, может, людям они пригодятся — для растопки или еще чего-нибудь? В итоге Гарри пошел на компромисс: выкинул лишь тонкие брошюрки и те, что напечатаны на плохой бумаге, плюс те, что совсем промокли.

Еще он обнаружил на кухне запас пластиковых пакетов и заботливо разложил по ним корреспонденцию.

«Последние пакеты на Земле», — сказал чей-то тихий голос.

«Верно, — ответил Гарри, не отрываясь от работы, — нужно их сохранить. Люди получат свои письма и журналы, но пакеты принадлежат Ведомству».

Покончив с этим, Ньюкомб задумался. Дом мог еще пригодиться. Отличное жилище, не из дерева, а из бетона и камня. Как и сарай, кстати. Земля не слишком хороша (так утверждал Амос), ну и что с того? «Даже я могу здесь обосноваться», — решил Гарри. Ему нужно какое-то пристанище в промежутке между обходами.

Отсюда вывод: нужно убрать трупы. Ньюкомба

не вдохновляла перспектива рыть две могилы. И уж точно он не собирался вытаскивать тела за ворота на поживу койотам и стервятникам. А запаса сушняка не хватит и на кремацию мыши.

Он вышел во двор. Заметил старый грузовичок-пикап. Ключи торчали в замке зажигания, двигатель завелся мгновенно. Мотор урчал ровно. В сарае была бочка с бензином. Гарри тщательно заполнил бак и две канистры, завалил бочку всяким хламом и спрятал.

Ньюкомб вернулся в дом и разыскал старые простыни, чтобы завернуть в них тела. Подогнал грузовичок к входной двери. Куры сновали вокруг его ног, пока он, напрягая силы, выносил трупы и укладывал их в пикап. Под конец Гарри нагнулся и быстро свернул шеи шести птицам — прежде чем остальные поняли, что происходит. И закинул тушки в кузов — к хозяевам. Обошел вокруг здания, проверяя все ставни. Закрыл двери. Положил взятые у Амоса ключи в свой карман и поехал.

Ему надо было развезти почту. И обязательно сделать еще кое-что — в том числе и похоронить тела Синаньянов.

Твердыня: 1

Безусловно, грядущая темная эра принесет свободному обществу тяжелые времена. Быстрый возврат к всеобщей нищете будет сопровождаться взрывом насилия и жестокости, да такой, о которой давно забыли. Сила закона окажется резко ограниченной или исчезнет вовсе. Это произойдет либо вследствие крушения (или исчезновения) государственной системы в целом, либо вследствие трудностей, которые возникнут в сфере коммуникаций и транспорта. Вероятно, возникнет необходимость передать управленческие функции местным властям, которые смогут поддерживать порядок исключительно с помощью насилия…

Роберто Вакка.
Ближайшее средневековое будущее

В утро Падения Молота сенатор Джеллисон пребывал в отвратительном настроении. Единственными, с кем ему удалось связаться в ЛРД,

были сотрудники отдела по связям с общественностью, но они не знали ничего, о чем бы уже не сообщалось по радио и телевидению. Никакой возможности связаться с Чарли Шарпсом не было. Ничего удивительного, но Артур не привык к тому, чтобы кто-то, ссылаясь на занятость, отказывался с ним говорить. Наконец он решил подключить телефон к сети радиопереговоров НАСА, чтобы слышать, о чем сообщают астронавты.

Особой пользы, впрочем, последнее не принесло — мешали атмосферные помехи. Прямая телетрансляция тоже сильно барахлила.

Столкнется ли проклятая комета с Землей или нет?

Если — да, значит, Джеллисону заранее следовало сделать многое, чего он пока не сделал, поскольку он не собирался выглядеть дураком в глазах избирателей. Нельзя позволить себе расслабиться даже здесь, в долине, где обычно он собирает восемьдесят процентов голосов.

С собой он привез членов семьи, двух помощников и столько всяческого оборудования и снаряжения, сколько сумел купить, не привлекая внимания. Он был начеку. Сейчас те, кто приехал с сенатором, собрались в доме — и теперь сидели

в гостиной.

Подключенный к телефонной сети динамик заговорил. Это был голос Бейкера, и Морин сразу неестественно напряглась. Джеллисон давно знал о ее взаимоотношениях с Джонни, но не думал, что дочери это известно.

Теперь парень развелся и получил назначение на «Молотлэб». Может, когда он вернется из полета… Да, неплохой расклад. Морин нужен мужчина.

И Шарлотте тоже, только она думает, что он у нее уже есть. Джеллисону не нравился Джек Тернер. Его смазливый зять слишком любил потрепаться о своих наградах, завоеванных в соревнованиях по теннису, и неохотно отдавал деньги, взятые в долг. «Займы» эти, и немалые, он выклянчивал всякий раз, когда у него не ладились дела — то есть почти постоянно.

Но, похоже, Шарлотта счастлива с ним, и дети у них растут хорошие, а Морин не молодеет…

Пожалуй, кроме отпрысков Шарлотты, других внуков у него не будет. Однако сенатор надеялся на то, что он ошибается.

— Ничего не разглядеть, — заявил Джек Тернер. — Паршивая картинка.

— Дедушка даст нам хорошие фотографии, —

сказала отцу девятилетняя Дженнифер.

Она уже знала, что у деда бывают снимки, плакаты и всякие прочие штуки, которые производят фурор в школе, а еще она прочла все, что только можно, о кометах.

— «Молотлэб», говорит Хьюстон. Мы не получили вашего сообщения, — раздалось из динамика.

— Дедушка…

— Помолчи, Дженни, — осадила девочку Морин.

Ее голос заставил всех притихнуть. Картинка на экране телевизора действительно расплывалась. Внезапно изображение вдруг сделалось четким, и сидящие в гостиной увидели множество окутанных туманом и паром каменных глыб, казалось, несущихся прямо на них.

— Господи, она приближается! — это Джонни…

— Похоже, ядро столкнется с Землей!

Изображение исчезло. Динамик, подключенный к линии связи, продолжал тараторить:

— Над нами шаровая молния! Хьюстон, на Мексиканский залив пришелся сильный удар!

— Господи!

— Заткнитесь, Джек, — спокойно произнес Джеллисон.

— …требуем выслать вертолет за нашими се-

мьями… Молот ударил!

— Папа, не надо говорить с Джеком в таком тоне!

Джеллисон проигнорировал Шарлотту.

— Эл! — позвал он.

— Слушаю, сэр, — откликнулся из соседней комнаты Харди и появился на пороге.

— Зовите сюда всех работников фермы. Живо. У кого есть грузовики, пусть пригонят сюда. И винтовки пусть привезут. Действуйте.

— Хорошо. — Харди как ветром сдуло.

Все в комнате были ошеломлены.

— Что случилось, дедушка? — жалобно спросила Дженнифер.

— Не знаю, — ответил он. — Не пойму, насколько все плохо. Проклятый телефон молчит. Морин, попробуй дозвониться до кого-нибудь в ЛРД. Давай, не спи.

— Сейчас.

Джеллисон посмотрел на зятя. Тернера в долине не знали. Никто не стал бы выполнять его распоряжения. Как же его использовать?

— Джек, выводите один из «Скаутов». Отвезешь меня в город. Мне нужно увидеться с начальником полиции. И с мэром.

Тернер хотел возразить, но, увидев выраже-

ние, которое появилось на лице Джеллисона, передумал.

— Не могу связаться с Лос-Анджелесом! — воскликнула Морин. — Телефон работает, но…

Ей помешало договорить землетрясение. Не очень сильное, поскольку главный калифорнийский разлом находился далеко отсюда. Однако особняк затрясся. Дети перепугались: мать отвела их в спальню.

— Я могу попробовать позвонить по местным номерам, — закончила Морин.

— Ладно. Свяжись с копами и передай им, что уже выезжаю, чтобы поговорить с их шефом и мэром лично. Скажи, что это крайне важно. Вставайте, Джек. Морин, когда Эл соберет работников, вы с Элом побеседуете с ними. Нам нужны не только они, но также их друзья, их тачки и все оружие, которое у них есть. Нам предстоит многое сделать. Половину ребят надо отправить в город, пусть разыщут меня. Остальные пусть останутся на ранчо — на случай ураганов, оползней и прочего. — Джеллисон на мгновение задумался. — И снегопадов. Если Чарли Шарпс не врет, то в течение недели пойдет снег.

— Чушь, — возразил Джек Тернер.

— Я поняла, — произнесла Морин. — Еще что-

нибудь, папа?

Здание мэрии служило одновременно библиотекой, тюрьмой и полицейским участком. Под командой начальника были двое штатных служащих и несколько не получающих жалованья помощников-добровольцев. Мэр держал лавку, где продавались корма для животных.

В целом органы управления Силвер-Вэлли оказались невелики и ни слишком загружены.

Дождь начался раньше, чем Джеллисон прибыл в пункт назначения. Над Высокой Сьеррой полыхали зарницы. Лило как из переполненной теплой ванны. Улицы тотчас затопило, вода бежала поверх невысоких мостов, перекинутых через ручьи. Мэр Гил Зейц выглядел озабоченным.

Сенатору он, похоже, очень обрадовался.

В главном зале библиотеки собрались еще с дюжину горожан. Шеф полиции Рэнди Хартман, отставной коп из «большого города» на Восточном побережье. Три советника. Двое владельцев магазинов. Джеллисон узнал мужчину с бычьим загривком, сидевшего почти с краю, и приветствовал его, помахав пятерней. Сенатору не слишком часто приходилось встречаться со своим соседом Джорджем Кристофером.

Артур представил своего зятя и пожал руки

присутствующим. Воцарилась тишина.

— Что происходит, сенатор? — спросил мэр. — Она… она столкнулась с нами?

— Да, — ответил тот.

— Я просматривал журнальные статьи на эту тему, — задумчиво пробормотал Зейц. — Ледники. Восточное побережье уничтожено. — Грянул гром, и Гил вздрогнул. — Я раньше не верил, что такое вообще случится. Но я ошибся. Сколько времени будет лить дождь?

— Не одну неделю, — заявил сенатор.

Его слова отрезвили аудиторию. Собравшиеся здесь в основном были фермерами или жили в общине, где сельское хозяйство (и, конечно же, погода) составляло наиболее важную часть бесед. Люди понимали, чем грозят недели непрерывного ливня.

— Животные не должны погибнуть от голода, — произнес Зейц. На его лице мелькнула мимолетная улыбка — ему подумалось, какие цены он сможет заломить за свой товар, — но он тут же насупился, поняв, что произошло. — Насколько велик будет ущерб? Уцелеют ли автомобили? Поезда? Доставка продовольствия и кормов?

Джеллисон помолчал.

— Ученые говорят, так лить будет по всей

стране, — сказал он медленно.

— Господи! — ахнул мэр. — Значит, никому не удастся собрать урожай. *Никому*. Останется только то, что хранится в элеваторах и амбарах.

— И мне не кажется, что кто-нибудь выделит нам приличную долю того, чем владеет, — заметил Джордж Кристофер. Все закивали. — Если дела настолько плохи… Они действительно настолько плохи?

— Не знаю, — проговорил сенатор. — Весьма вероятно, что даже хуже.

Зейц отвернулся и принялся изучать висевшую на стене контурную карту Туларе и соседних округов.

— Иисусе, что нам делать? Неужто затопит Сан-Хоакин? Вот ведь кошмар… Там живет столько народа!..

— А потом люди хлынут сюда в поисках убежищ, — добавил Кристофер. — Где мы их разместим? Чем накормим? Нам это не по силам.

Джеллисон присел на край библиотечного стола.

— Ребята, я всегда подозревал, что вы благоразумнее, чем хотите показать. Да, вы говорите о несомненной проблеме. Полмиллиона, а вероятно, и больше жителей Сан-Хоакина кинутся

сюда, чтобы укрыться в предгорьях. Добавьте к ним тех, кто сейчас в Сьерре — они ушли туда из страха перед кометой. Спускаясь с гор, они тоже направятся прямиком к нам. Как и уцелевшие жители Лос-Анджелеса. Куда мы их денем?

— Давайте будем откровенны, — произнес один из городских советников. — Произошла катастрофа и… — Он сглотнул, не в силах докончить начатую фразу. — И ни армии, ни президента, ни Сакраменто уже нет… Мы навсегда предоставлены сами себе? *Навсегда?*

— Может быть, — признался Джеллисон, — а может, нет.

— Послушайте, — встрял Кристофер. — Мы можем взять под свою опеку всех этих людей дней на семь. Максимум на четырнадцать. Не дольше. Иначе, местным будет грозить голодная смерть. Кому именно? Любому из нас, поскольку мы попытаемся сохранить жизнь чужакам… и то лишь на пару недель.

— Да, проблема, — согласился мэр.

— Я не буду кормить никого из них, — категорично сказал Джордж. — У меня есть о ком заботиться.

— Вы не можете просто так отказаться от ответственности, — подал голос Джек Тернер.

— Вряд ли я несу какую-то ответственность перед беженцами, — отрезал Кристофер. — Им все равно умирать.

— А некоторым пища даже не потребуется, — проворчал шериф Хартман и указал на карту. — Портервилл и Висейлия расположены в старых руслах рек. Их точно затопит во время наводнения. В такой ливень… сомневаюсь, что плотины вообще продержатся.

Присутствующие посмотрели на карту. Хартман прав. Над Портервиллом нависло озеро Саксесс — миллиарды галлонов воды, готовых обрушиться на город. Висейлия, расположенная дальше к северу, находилась не в лучшем положении.

— Не только дождь, — вымолвил Зейц. — Он теплый, а в горах еще лежит снег. Сейчас он начал таять. И наверняка уже к вечеру…

— Мы обязаны предупредить живущих там людей! — перебил его Тернер.

— Обязаны? — переспросил один из городских советников.

— Конечно, — согласился Хартман. — Но чем мы будем кормить их, когда они хлынут сюда? Запасами из магазинчика бабули Мейсон?

В зале загомонили.

— Сколько часов продержатся плотины? — спросил Джеллисон. — Сутки… Или меньше?

Никто не знал наверняка. Телефон не работал, и со специалистами связаться оказалось невозможно.

— Что вы задумали, сенатор? — осведомился Хартман.

— Мы успеем доехать туда? Обчистить тамошние супермаркеты, склады, хозяйственные магазины и так далее до того, как плотины рухнут?

Наступило долгое молчание. Затем самый говорливый советник встал:

— Полагаю, что сегодня у нас есть шанс. И если вода не станет прибывать чересчур быстро, мой автомобиль пройдет где угодно. У меня — здоровенная машина с десятью колесами. Поеду я.

— Не в одиночку, — предупредил Джеллисон. — И не безоружным.

— Я пошлю с ним моих констеблей, — сказал Хартман.

— Что будет с нашей добычей? — спросил Кристофер.

— Разделим, — ответил сенатор.

— Ага. И, значит, вы ждете, что я проявлю щедрость, — хмыкнул мужчина. — Не уверен, что

мне это нравится.

— Джордж, мы теперь должны держаться вместе, — произнес мэр.

— Неужели? Кто это «мы»?

— Все мы. Ваши соседи. Друзья, — ответил советник.

— Верно, — кивнул Кристофер. — Но я не стану убиваться ради толпы чужаков с равнины. Они-то ведь все равно погибнут, — похоже, великан с трудом подыскивал слова, чтобы объяснить свое решение. — А в моей душе не меньше христианского милосердия, чем у любого из вас. Но я не стану обрекать своих близких на голодную смерть, чтобы помочь посторонним.

И он направился к выходу.

— Куда вы, Джордж? — спросил шериф Хартман.

— Сенатор подал хорошую идею. Я заберу брата, и мы на моей машине поедем в долину. Там полно всякого добра, которое впоследствии нам пригодится. Нет смысла оставлять его наводнению, — и прежде чем кто-либо успел ему хоть что-то возразить, Кристофер покинул зал библиотеки.

— Вам с ним придется туго, — подытожил Зейц.

— Мне? — усмехнулся Джеллисон.

— Кому же еще? Я просто владелец магазина кормов, сенатор. Я могу называть себя мэром, но к такой катастрофе я не готов. Теперь вы здесь — ответственное лицо. Правильно?

Собравшиеся единодушно выразили согласие. Никто не удивился.

Джордж Кристофер вместе с братом Рэем катили по шоссе к Портервиллу. Озеро Саксесс раскинулось справа, как раз возле гребня горного кряжа, песчаные наносы громоздились слева. Не утихая лил дождь. Вода поднялась почти до уровня моста.

Дорогу перегораживали грязные оползни, спустившиеся со склонов. Огромный сельскохозяйственный грузовик мчался прямо по ним, не замедляя хода.

— Движение не слишком оживленное, — пробормотал Рэй.

— Пока нет. — Джордж вел машину мрачный, сжав губы, пригнув бычий загривок к рулю. — Но это ненадолго. Скоро народ, удирая в горы, так и хлынет сюда…

— Многие задержатся в Портервилле, — возразил брат. — Как-никак, он на пару сотен футов выше Сан-Хоакина.

— Был, — отозвался здоровяк. — С землетря-

сениями-то ничего нельзя поделать. Земля шевелится, ходит вверх-вниз. Когда рухнет плотина, Портервиллу по-любому конец. И там люди не останутся.

Рэй промолчал. Он никогда не спорил с братом. Джордж, единственный из их семьи, учился в колледже. Не закончил, однако кое-что усвоил.

— А что они едят… ну, эти люди? — внезапно спросил Джордж.

— Не знаю…

— Ты готов увидеть, как твои дети умирают с голода? — жестко заявил молодой мужчина.

— Этого не произойдет.

— Уверен? Здесь куча народа. В Сан-Хоакине — соленый дождь. Город заливает. Портервилл тоже смоет. Беженцы ринутся в предгорья — прямиком к нам. Они будут всюду, устроят лагеря на дорогах, набьются в школу, в сараи и амбары. Они будут везде. Голодные. Для первых прибывших пищи будет вволю. Некоторое время еды будет хватать каждому… но недолго. Эй, а ты способен, увидев плачущего ребенка, и не накормить его?

И опять Рэй ничего не ответил.

— Задумайся. Пока хватит жратвы, мы будем им помогать. А ты сумеешь прогнать людей от своего дома, пока у тебя еще будет скот? Готов

пустить своих псов на жаркое, чтобы накормить ораву портервиллских хиппи?

— В Портервилле нет никаких хиппи.

— Ты понимаешь, о чем я.

Рэй обдумал сказанное братом. Через Портервилл ломанутся громадные толпы. К северу и к югу от Портервилла лежат мегаполисы-десятимиллионники. И если выживет хотя бы один из десяти тысяч… он сумеет добраться до Портервилла, а затем повернет к востоку…

Теперь и Рэй сурово сжал губы. Как толстые веревки, вздулись на шее жилы. Они оба были крупными мужчинами. В юности они иногда нарочно заходили в бары, где собиралось хулиганье, — чтобы подраться. Однажды их отлупили: они вернулись с двумя младшими братьями. После этого случая им очень редко удавалось найти стоящего противника, готового помахать кулаками.

И думали они одинаково, только Рэй соображал чуть медленнее. Теперь он наконец понял: тысячи чужаков, как саранча, заполонят окрестности. Беженцы всех возрастов, габаритов и видов — университетские преподаватели, социологи, актеры телевидения, арбитры, писатели, нейрохирурги, архитекторы, модельеры и громадные

орды вечных безработных. Люди, не имеющие ни пристанища, ни профессии, ни знаний и навыков, ни фермерских орудий труда. Да, настоящая саранча, а с ней следует бороться. Но как насчет детей? Пришлых можно прогнать, но дети?

— Что будем делать? — спросил он.

— Если они не доберутся до наших мест, проблемы отпадают, — ответил Джордж и уставился на холмы, нависающие над дорогой. — Если примерно сто тонн грязи и камня перегородят трассу вон там, впереди, никто не сможет дойти до нашей долины. Во всяком случае, им будет очень нелегко.

— Может, нам помолиться, чтобы дождь полил сильнее? — поглядев на хлещущие с неба струи, предложил Рэй.

Великан еще крепче сжал руль. Он верил в силу молитвы, и ему не понравился насмешливый тон брата. Пусть даже тот ничего плохого не подразумевал. Рэй тоже иногда посещал церковь. В общем, не реже Джорджа. Но нельзя просить Всевышнего о таких вещах.

Чужаки. Им всем предстоит умереть, но заодно они утащат вместе с собой на тот свет и родных Джорджа. Он явственно увидел младшую сестренку — исхудалую, с торчащим животом, на

последней стадии истощения. Такую, какими были те вьетнамские ребятишки. Целая деревня, где были лишь дети, оказавшиеся в зоне военных действий: не осталось никого, кто бы заботился о них, и им некуда было идти.

И они медленно погибали, пока патруль, рыщущий в поисках вьетконговцев, не наткнулся на них. Внезапно Джордж понял, что не может больше видеть всплывшую в памяти картину. Не может он думать об этом.

— А сколько еще продержится плотина? — проговорил Рэй. — И… а зачем ты тормозишь?

— Я взял пару динамитных шашек, — ответил Джордж. — Вон подходящий участок, — он указал на крутой склон. — Через минуту здесь уже никто точно не проедет.

Рэй поразмыслил. Существовала еще одна дорога из Сан-Хоакина, но на картах с размещением бензоколонок ее не обозначали. И многие знать не знали о ней. Когда чужаки поймут, что по главному шоссе проехать нельзя, они наверняка направятся в другое место.

Грузовик остановился, и Джордж открыл дверцу.

— Пошли?

— Угу, — кивнул Рэй.

Он обычно соглашался с Джорджем. Так повелось с тех пор, как умер отец. Точно так же вели себя другие два брата, сестры, кузены и племянники.

Здоровяк успешно управлял фермой. Из сельскохозяйственного колледжа он вынес неплохие идеи и завел новое оборудование. Он всегда знал, что делает.

«Только вот это мне не по душе, — сказал себе Рэй, — да и Джорджу небось тоже… И что нам делать? Ждать, пока они не придут к нам, а потом взглянуть им в глаза и прогнать прочь?»

Они карабкались по крутому песчаному склону. Лил теплый дождь, он проникал под плащи, под поля шляп, струился по шеям. Он усиливался, и Рэй подумал об уже скошенном сене. Оно погибло. Чем он будет кормить скот зимой?

— Примерно вот тут, — произнес брат и поскреб ногтями подножие валуна средних размеров. — Обрушим его, и он увлечет за собой достаточно земли, чтобы перегородить трассу.

— А шеф Хартман? И Динк Летем… он уехал в Портервилл.

— Они просто обнаружат, возвращаясь, что проезда нет, — ответил Джордж. — Они знают другой маршрут. — Мужчина полез в карман и вытащил

объемистый пенопластовый контейнер.

В гнездах лежали детонаторы — ровно пять штук. Здоровяк вынул один из углубления, приладил бикфордов шнур, обжал зубами и перочинным ножом проковырял в динамитной шашке отверстие. Туда он и вставил детонатор.

— Не первый класс, конечно, — заметил он. — Придется взять две штуки. Тогда сработает.

Он выкопал под обломком скалы ямку, уложил в нее динамитные шашки, завалил их мокрой землей и утрамбовал. Теперь наружу высовывался лишь кончик запального шнура.

Рэй повернулся спиной к ветру и сунул в рот сигарету. Начал чиркать зажигалкой: наконец загорелся огонь.

Молодой мужчина прикурил и, прикрыв сигарету полями шляпы, осторожно поднес ее к шнуру. Тот заискрил, тихо шипя под каплями дождя.

— Готово.

Рэй слез со склона, Джордж не отставал.

Шнур должен был догореть не скоро, но теперь братья бежали — да так, будто за ними гнались фурии.

Они уже находились за поворотом, когда прогремел взрыв. Даже не особо громкий: шум ливня

заглушал остальные звуки. Джордж аккуратно сдал назад и ехал, пока они не увидели все своими глазами.

Дорогу на четыре фута в высоту завалило грязью и камнями. Пласт земли сошел за край трассы и сполз в долину реки.

— Тут можно перебраться, только если у твоей тачки полный привод, — сказал Джордж. — Иначе никак.

— Какого черта ты здесь рассиживаешься?! Погнали! — взбешенный рев Рэя прозвучал в кабине грузовика чересчур раскатисто, но он знал, что брат ничего на этот счет не скажет.

Они помчались в Портервилл. Улицы залило, но вода доходила только до осей машины. Плотина пока держалась.

В зале собраний мэрии пахло керосиновыми лампами и людским потом. Еще чувствовался слабый запах бумаги и клейстера. Фонд библиотеки оказался невелик, и книги помещались на стеллажах вдоль стен. Здесь всегда было много места, но не сейчас.

Артур Джеллисон взглянул на свои часы на батарейках и поморщился. В следующем году они еще будут работать, но они обязательно выбрасятся… И почему он не обзавелся часами старого

образца, которые надо заводить?

Итак, уже десять часов, тридцать восемь минут, тридцать пять секунд…

Они не соврут больше чем на секунду — пока не иссякнет заряд.

Зал набился почти под завязку. Библиотечные столы сдвинули, чтобы освободить место для складных стульев. Несколько женщин, мужчин гораздо больше. В основном в рабочей одежде и дождевиках, без оружия. От них-то и пахло потом, они промокли до нитки и очень устали. Три бутылки виски то и дело переходили из рук в руки, как, впрочем, и банки с пивом. Разговаривали мало: все ждали начала совещания.

Выделялись три отдельные группы. В первой главенствовал сенатор. Он сидел рядом с мэром Зейцем, шефом Хартманом и полицейскими. Сюда же входила Морин и близкие друзья Джеллисонов. Таким образом Джеллисону была обеспечена солидная поддержка.

Рядом расположилась самая многочисленная группировка — нейтралы. Они хотели, чтобы сенатор и мэр сказали им, что делать. Правда, сами они этого бы и не сформулировали, да и Артур не собирался упоминать о данном факте: ведь фермеры и торговцы, которым вдруг понадобилась

помощь, не привыкли просить совета.

Джеллисон знал каждого из них. Не слишком хорошо, но вполне достаточно, чтобы не сомневаться — он может рассчитывать на них… в определенных границах. Некоторые пришли вместе с женами.

Позади, в углу, расположился Джордж Кристофер — и его клан.

«Подходящее слово», — подумал Артур.

Дюжина человек. Только мужчины, все вооружены. С первого взгляда понятно, что это близкие родственники (хотя тут и затесалась пара зятьев). Но и они смахивали на Кристоферов — тяжеловесные, краснолицые… Такие здоровяки вполне могли бы в свободное время развлекаться, поднимая джипы. Нельзя сказать, что они расположились на отшибе, но они сидели тесной кучкой и общались исключительно друг с другом, лишь изредка обмениваясь репликами с соседями.

Вместе с двумя работниками фермы Джеллисона вошел Стив Кокс.

— Плотина еще держится! — крикнул он перекрывая раскаты грома и негромкие разговоры. — Не пойму, за счет чего, — добавил он. — Вода поднялась выше уровня водостоков и размывает

насыпи по обоим берегам.

— Она скоро рухнет, — заявил какой-то фермер. — Жителей Портервилла предупредили?

— Да, — ответил шеф Хартман. — Констебль Моси передал предупреждение полиции. Копы уже эвакуировали людей из зоны наводнения.

— Что еще за зона? — спросил Стив. — Проклятую долину зальет доверху. А шоссе разрушено, портервиллцы не смогут добраться сюда…

— Некоторые смогли, — заметил мэр. — Сотни три, плюс-минус. По проселочной дороге. Завтра, думаю, еще подтянутся.

— Многовато будет чужаков, — произнес Рэй Кристофер.

Люди заговорили вразнобой — кто-то соглашался, а кто-то возражал.

Зейц постучал по столу, призывая к порядку.

— Давайте проясним, с чем имеем дело. Сенатор, вам удалось раздобыть хоть какую-то информацию?

— Одну минуту. — Джеллисон встал и обошел вокруг библиотечного стола, затем уселся на край (подобная неофициальность всегда хорошо срабатывает).

— У меня приличный коротковолновый приемник. Мне известно, что радиолюбители пытаются

выходить на связь. Но я ничего не поймал, кроме атмосферных помех. Не только в любительских диапазонах, но и на коммерческих, даже на военных частотах. Это свидетельствует, что атмосфера не пропускает радиоволны. Электрические бури. О причине догадаться нетрудно, — усмехнулся он и выразительным жестом указал на окна, за которыми, как по сигналу, сверкнула молния.

Сейчас, правда, они сверкали реже, чем на протяжении всего дня, да и гром грохотал с перерывами.

Однако молний было столько, что люди перестали их замечать.

— И соленый дождь. И землетрясения, — произнес Джеллисон. — Последнее сообщение из ЛРД, какое я услышал, было: «Молот ударил». Мне бы хотелось поговорить с кем-нибудь, кто находился в горах в тот момент, но и я могу утверждать: Молот действительно ударил — и не слабо. В этом-то не сомневайтесь.

Присутствующие промолчали. Они уже были в курсе. Люди надеялись выяснить нечто иное, но не обманывались. Здешние фермеры и бизнесмены были тесно связаны с землей и погодой: ведь они жили в предгорьях Высокой Сьерры. Им и прежде приходилось сталкиваться с бедствиями,

и тогда они плакали и кляли все на свете, отсиживаясь в своих домах. Теперь их беспокоило, что делать дальше.

— Сегодня вывезли из Портервилла пять грузовиков с едой и хозинвентарем и два — с бакалеей, — проговорил Джеллисон. — Кроме того, у нас тоже имеются запасы — в местных магазинах. И то, что хранится в ваших амбарах. Не сомневаюсь, что остальное вы сможете сделать своими руками или вырастить.

Послышался гул голосов.

— И надолго это, сенатор? — спросил какой-то фермер.

— Может, и навсегда, — ответил Артур. — Думаю, на годы. Мы предоставлены самим себе.

Он умолк, чтобы люди прочувствовали его слова. Они в большинстве гордились тем, что ни от кого не зависят. Разумеется, несколько поколений назад такая ситуация изменилась, и собравшиеся были достаточно умны, чтобы все понимать. Однако им требовалось некоторое время, чтобы осознать, как сильно они зависят от цивилизации.

Удобрения. Племенной скот. Витамины. Бензин и пропан. Электричество. Вода. Ну, сначала особых проблем с ней не будет. Медикаменты,

лекарства, бритвенные лезвия, прогнозы погоды, семена, корма, одежда, боеприпасы. Перечень можно продолжать бесконечно. Даже иголки, булавки, нитки…

— В нынешнем году хорошего урожая не собрать, — заметил Стретч Толлифсен. — Мои посевы уже пропадают.

Джеллисон кивнул. Фермеру пришлось помогать своим соседям со сбором помидоров, и его жена сразу же постаралась засолить те, что достались им: не пропадать же добру. Сам Толлифсен выращивал ячмень, и вот этой-то культуре точно не пережить лета.

— Я хочу спросить: будем ли мы держаться вместе? — сказал Артур.

— Что значит «держаться вместе»? — уточнил Кристофер.

— Совместно владеть тем, чем мы располагаем, — ответил сенатор.

— Так вы про коммунизм, — враждебно буркнул Рэй.

— Нет, я о кооперации, сотрудничестве. О милосердии, если угодно. И об управлении тем немногим, что у нас есть, во избежание расточительства.

— Похоже на коммунизм…

— Заткнись, Рэй, — Джордж Кристофер встал. — Сенатор, я согласен с вами. Нет смысла тратить остатки имеющегося у нас бензина, сажая то, что все равно не вырастет. Или скармливать остатки соевых бобов скотине, которая скоро загнется. Вопрос в том, кто будет решать? Вы?

— Кто-то должен, — вымолвил Толлифсен.

— Не в одиночку, — добавил Джеллисон. — Мы изберем совет. Хочу подчеркнуть, что мое положение лучше, чем у кого бы то ни было из собравшихся, но я охотно поделюсь…

— Конечно, — проговорил Кристофер. — Но с кем конкретно, сенатор? Вот главный вопрос. Как далеко мы зайдем? Будем пытаться прокормить Лос-Анджелес?

— Чушь! — вырвалось у Тернера.

— Почему? Они заявятся сюда — по крайней мере, те, кто сможет добраться! — воскликнул Джордж. — Лос-Анджелес, Сан-Хоакин и то, что осталось от Сан-Франциско… Не все, кто там живет, но очень многие! Три сотни за прошлую ночь — а это только начало. Долго еще мы будем пускать чужаков на нашу территорию?

— И черномазых — тоже! — крикнул кто-то, сидевший на полу. Он тотчас виновато обернулся к двум темнокожим — взрослому мужчине и

мальчику-подростку, которые сидели неподалеку. — Ладно, простите… Нет. Я не извиняюсь. Люциус, вы владеете землей. И обрабатываете ее. Но городские черные, ноющие насчет равенства… они и вам не нужны!

Фермер, к которому обращались, ничего не ответил. Он съежился, отстранившись от остальных, и теперь он и его сын сидели не шевелясь.

— С Люциусом Картером — полный порядок, — произнес Джордж. — Но Фрэнк прав, говоря о прочих. Горожане. Туристы. Хиппи. Они сюда нагрянут. Надо их остановить.

«Проигрываю, — подумал Артур, — они чересчур напуганы, а Кристофер задел их за живое».

Джеллисон содрогнулся. В ближайшие месяцы многие просто погибнут. Как выбрать тех, кому жить — и кому умирать? Кто осмелится взять на себя ответственность? Кто станет убийцей?

«Господь свидетель, мне бы не хотелось им быть».

— Джордж, что вы предлагаете? — спросил сенатор вслух.

— Установить на проселочной дороге КПП. Нам не нужны чужаки, поэтому давайте-ка прогонять пришлых.

— Не всех, — встрял мэр Зейц. — Женщины и

дети…

— Всех! — гаркнул Кристофер. — У нас есть жены. И дети. Куча детей, есть о ком беспокоиться. Если мы начнем принимать к себе других, то чем это закончится? Тем, что зимой наши семьи умрут от голода!

— А кто добровольно будет дежурить на вашем КПП? — осведомился шеф Хартман. — Кому хватит жестокости, чтобы, увидев машину, набитую людьми, сказать, что мы отказываемся принять даже их детей? Вам — нет, Джордж. Никому из нас.

— Черта с два!

— А ведь среди пришлых могут оказаться ценные специалисты, — изрек Джеллисон. — Механики. Нам они понадобятся. Врачи, ветеринары. Пивовары. И кузнецы — если в современном мире они еще остались.

— Я работал в кузнице, — выпалил Рэй. — Ковал лошадей на окружной ярмарке.

— Прекрасно, — произнес сенатор. — Но есть ряд профессий, которыми вы не владеете, верно? А опытные люди нам впоследствии пригодятся.

— Ладно, — проворчал Джордж Кристофер. — Но мы не можем принимать к себе всех желающих.

— Но следует поступить именно так, — пророкотал кто-то.

Низкий голос профессионального оратора оказался не столь громким, чтобы перекрыть гомон присутствующих и раскаты грома, но люди услышали его и примолкли.

— «Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть… Был странником, и не приняли Меня»[7]. Вы хотите, чтобы Господь сказал вам это на Страшном суде?

В зале стало совсем тихо. Люди обернулись и посмотрели на преподобного Томаса Варли. Почти все они посещали церковь, где он служил, приглашали его в свои дома, когда умирал кто-либо из близких, чтобы он побыл с ними. С ним же дети фермеров отправлялись на пикники и в походы.

Священник был из местных: он родился в долине и прожил здесь всю жизнь, кроме нескольких, которые он провел в колледже в Сан-Франциско. Сейчас мужчина стоял, выпрямившись во весь рост, прямой (чуть похудевший с прошлого года, когда отметил свое шестидесятилетие), но еще сильный, чтобы помочь соседу вытащить из канавы угодившую туда корову.

---

[7] Примечания: 7
Евангелие от Матфея (25: 42–43).

Джордж дерзко уставился на него.

— Преподобный, мы действительно не можем так поступить! Некоторые из нас — из нас! — вероятно, не переживут эту зиму. На всех пищи просто не хватит.

— Тогда почему вы не прогоните лишних? — парировал Варли.

— Возможно, дойдет и до этого, — пробормотал Кристофер и твердо произнес: — Я уже видел подобное… Людей, которые голодали. У них даже не было сил жевать, когда им дали еду. Преподобный, вы хотите, чтобы мы ждали сложа руки — пока перед нами не встанет тот же вопрос, что и у партии Доннера? Я имею в виду каннибализм… Если мы прогоним чужаков, потом они наверняка найдут себе какое-нибудь убежище. А если мы примем их, то зимой все умрем.

— Правильно говоришь, Джордж! — крикнул кто-то из глубины комнаты.

Молодой мужчина обвел взглядом собравшихся. Он не заметил на их лицах неприязни: только стыд и еще — неприкрытый страх. Джордж подумал, что и окружающим его физиономия видится точно такой же.

И упрямо продолжил:

— Нужно что-то делать, и, не откладывая, иначе

черта с два я соглашусь на сотрудничество! Заберу все — в том числе и то, что привез сегодня из Портервилла и уеду домой! И обещаю, застрелить всякого, кто ступит на *мою* землю.

В зале загомонили. Священник хотел возразить, но теперь его голос заглушили возгласы.

— Правильно, дружище!

— Мы с тобой, Джордж!

Но Джеллисон не сдавался (хотя и не посмел взглянуть Варли в глаза).

— Я не говорил, что выступаю против блокпоста. Мы обсуждали практические трудности…

— На том и порешим, — подытожил Кристофер. — Рэй, ты будешь здесь. Расскажешь мне, что тут творилось. Карл, Джейк и остальные — со мной. К утру сюда может заявиться еще тысяча человек — если мы их вовремя не остановим.

«И тебе лучше действовать ночью, в темноте, когда не видно их лиц. А на рассвете, ты уже приноровишься», — подумал Артур, — и если ты привыкнешь обрекать людей на смерть, кто захочет с тобой знаться?»

Но самое худшее заключалось в том, что Джордж прав. Но от этого не становилось легче.

— Я пошлю кое-кого из своих ребят с вами, мистер Кристофер. А позже мы вам пришлем смену.

— Отлично. — Мужчина направился к двери. На мгновение замер, остановившись, и улыбнулся Морин. — Спокойной ночи, Мелисанда.

В гостиной особняка сенатора горела керосиновая лампа. Джеллисон, скинув туфли, развалился в мягком кресле, наполовину расстегнув рубашку.

— Списки дополним завтра.

— Хорошо, сэр. Чем еще могу быть полезен? — спросил Харди и посмотрел на часы.

Время летело. Было два часа ночи.

— Ничего не нужно. Морин справится, если что. Ты свободен.

Харди подчеркнуто кашлянул.

— Уже поздно. А утром вам нужно рано встать…

— Я скоро лягу. Ступай, — сказал Артур непререкаемым тоном, и Эл покинул комнату.

Джеллисон посмотрел ему вслед: от внимания сенатора не ускользнуло, какой взгляд кинул на него Эл напоследок. Мужчина вздохнул, похоже, его заключение оказалось верным. Значит, врач из военно-морского госпиталя в Бетесде рассказал Харди о том, что электрокардиограммы босса внушают ему опасения, и парень начал хлопотать над Артуром, как курица над цыпленком.

А проболтался ли он Морин?

Впрочем, неважно.

— Хочешь выпить, папа? — спросила дочь.

— Да. Воды. Бурбон теперь надо экономить, — ответил он. — Присядь, пожалуйста, — вежливо попросил он, однако чувствовалось — это не совсем просьба… хотя и не приказ.

Нет, то были слова измученного тревогой человека.

— Да? — произнесла Морин, устроившись на стуле, который стоял возле отцовского кресла.

— Что имел в виду Джордж? Что за «Мелисанда» или как он там выразился?

— Ну… долгая история…

— Выкладывай. Мне нужно иметь всю доступную информацию о Кристоферах, — заявил Джеллисон.

— Почему?

— Потому что они — хозяева долины. Мы должны с ними сотрудничать, а не бороться. Мне нужно понимать расстановку сил и знать слабые стороны союзника, — объяснил Джеллисон. — Итак, я тебя слушаю.

— Мы с Джорджем, в общем-то, росли вместе, — начала Морин. — Мы ровесники.

— Я в курсе.

— А до того, как ты перебрался в Вашингтон, когда тебя избрали сенатором, у нас завязался роман. Нам было всего по четырнадцать лет, но казалось, что это любовь. — «И с тех пор я никогда ни к кому не испытывала подобного чувства», — подумала Морин и продолжала вслух: — Джордж хотел, чтобы я осталась с ним. Я бы так и поступила, если бы у меня была такая возможность. Меня не тянуло в Вашингтон.

В желтом свете керосиновой лампы Джеллисон выглядел старше своих лет.

— Надо же! Я тогда был слишком поглощен делами…

— Все в порядке, — произнесла молодая женщина.

— Но сделанного-то не воротишь, — пробормотал Артур. — А теперь перейдем к Мелисанде.

— Помнишь пьесу «Продавец дождя»? Мошенник обхаживает старую деву, дочку фермера. Он велит ей перестать называть себя «Лиззи» и быть с ним: тогда она станет Мелисандой, и у них начнется чудесная жизнь. Мы с Джорджем в то лето посмотрели кино по этой пьесе, и в наших головах что-то одновременно щелкнуло. Вместо того чтобы уехать в Вашингтон, где меня ждало «перспективное будущее», мне бы, мол, следова-

ло остаться с ним. Но я забыла обо всем этом.

— Неужели? А сейчас вспомнила.

— Папа…

— И на что он намекал вечером? — осведомился Джеллисон.

— Я… — внезапно Морин запнулась и замолчала.

— М-да. Ясно, — проговорил сенатор. — Он тебе кое о чем напомнил, верно? Вы часто встречались после того, как мы перебрались в Вашингтон?

— Не слишком.

— Ты спала с ним?

— Не твое дело! — вспыхнула дочь.

— Мое! Как и все, что происходит в долине. Особенно если это касается Кристоферов. Спала?

— Нет.

— А он уговаривал?

— Не очень настойчиво, — ответила она. — По-моему, он чересчур религиозен. Кроме того, после моего переезда, у нас было мало… возможностей.

— И он не женился, — буркнул отец.

— Что за глупости! Он не мог шестнадцать лет по мне сохнуть!

— Полагаю, нет. Но то, что он сказал на собрании, имело вполне конкретный смысл. Ладно, пора спать.

— Папа…

— Что?

— Мы можем поговорить? Я боюсь. — Она придвинула свой стул вплотную к его креслу.

Сенатору подумалось, что Морин выглядит гораздо моложе своих лет, и вспомнил дочь маленькой девочкой. Тогда еще была жива ее мать.

— Плохо дело, да? — спросила она.

— Плохо, — подтвердил он, потянулся за бутылкой и налил себе на два пальца виски. — Ладно. Мы умеем гнать самогон. Будет зерно, найдется и спиртное. Если будет зерно.

— Что с нами произойдет дальше? — спросила Морин.

— Не знаю. Но могу предполагать. — Джеллисон уставился на камин. Огонь не горел, а дрова давно отсырели: через дымоход проникал дождь. — Падение Молота. По Земле прокатились цунами. Города на побережьях уничтожены. Вашингтон постигла та же участь. Надеюсь, Капитолий уцелел: мне нравится старинное нагромождение гранита. — Он задумался, вместе с Морин слушая мерный стук капель и раскаты грома.

— Не помню, кто это сказал, но смысл таков, — произнес он наконец. — В общем, если не хватает пищи, то нет страны, которой не грозила бы

революция. Слышишь, какая гроза? Дождь льет по всей стране. Низменности, железные дороги, шоссе — все они скоро будут затоплены. Как, разумеется, и долина Сан-Хоакин. Русла рек выйдут из берегов. Больше нет транспорта. Возможности связи резко ограничены. А значит, Соединенные Штаты прекратили свое существование. То же — и с подавляющим большинством других стран.

— Но… — Морин затрясло, хотя в комнате не было холодно. — Должны быть территории, не затронутые катастрофой. Города вдали от побережья. Горные районы, где нет разломов, грозящих землетрясениями. Там может сохраниться порядок…

— Должен? Как считаешь, много таких мест, где запасов пищи хватит, чтобы протянуть несколько недель?

— Я об этом не думала…

— Верно. А ведь речь не о неделях — о месяцах, — произнес Джеллисон. — Котенок, что люди будут есть? У Соединенных Штатов имеется постоянный запас продовольствия примерно на тридцать дней. Сюда входит все — склады, супермаркеты, элеваторы с зерном, корабли, стоящие в портах. Значительная часть провизии погибла. А другая часть — скоропортящиеся продукты.

И осенью хорошего урожая ждать нечего. Ты полагаешь, что человек, которому едва хватает пропитания, проявит щедрость и с кем-нибудь поделится?

— Ох…

— Хуже того. — В голосе сенатора прорезалась жестокость, как будто он хотел окончательно перепугать дочь. — Окрестности заполонили беженцы. Люди двинутся туда, где есть еда. Не вини их. Может, как раз сейчас к нам направляется миллионная толпа голодных! Вероятно, кое-где полиция и органы самоуправления попытаются поддерживать порядок. Но они будут бессильны, когда нагрянет эта саранча! Только это ведь не саранча, а люди.

— Но… что нам делать?! — вскрикнула Морин.

— Мы выживем. Сумеем пройти через испытания, уготованные нам. И построим новую цивилизацию. Кто-то должен уцелеть, — изрек сенатор. — Мы справимся. Но когда это произойдет? Все зависит от того, насколько далеко мы отброшены назад. Вернемся ли мы к дикарству? Луки, стрелы, каменные топоры? Будь я проклят, если мы не найдем лучшего выхода!

— Да, разумеется…

— Совсем не «разумеется», котенок. — Теперь

в голосе Артура появились интонации дряхлого старца, однако в нем были и решимость и воля. — Мы должны сохранить то, что у нас есть, причем именно здесь. Мы не представляем, что осталось на других территориях, но у нас — если мы не растранжирим запасы — неплохие перспективы. И, клянусь Богом, мы используем свой шанс.

— И ты этим займешься, — резюмировала Морин. — Ты не станешь сидеть сложа руки.

— Не стану. Кстати, разве у тебя на примете есть другой кандидат?

— Я не задавала вопроса, папа.

— Напомни мне о моей миссии, когда я буду вынужден делать что-то, что мне не по душе. — Сенатор сжал челюсти. — Мы выкрутимся, котенок. Обещаю тебе, жители долины спасутся. И не одичают. — Он рассмеялся. — Я слишком болтлив. Пора спать. Завтра предстоит много работы.

— Хорошо.

— Доброй ночи. Иди.

Морин поцеловала отца и удалилась. Джеллисон выпил виски и поставил стакан. Долго смотрел на бутылку. И опять уставился на давно потухший камин.

Он словно воочию видел, как цивилизация возрождается из руин, оставленных Молотом

Люцифера. Спасательные работы, к примеру, в тех же городах на побережье. Что-нибудь да останется. Вода не уничтожит все до основания. Как насчет того, чтобы пробурить новые нефтяные скважины и восстановить железные дороги? Дождь не будет лить бесконечно.

«Мы возродим цивилизацию, и на сей раз сделаем это правильно. Перестанем цепляться за проклятый маленький шарик, и постепенно человечество займет Солнечную систему. Наши потомки достигнут далеких звезд, и тогда ничто не сможет снова нанести нам столь страшный удар.

Наверняка мы устоим. Но как нам дожить до тех времен, когда можно будет заняться восстановлением? Первоочередное должно выполняться в первую очередь, а основная проблема сейчас — организовать жителей долины. Помощи ждать не от кого. Надо действовать самим. Закон и порядок будут те, какие мы сумеем установить, и лишь если мы будем держаться вместе, минует опасность для Морин, Шарлотты и Дженнифер.

Я был в ответе за жителей Соединенных Штатов, особенно за калифорнийцев. Теперь с прошлым покончено, и я хочу позаботиться исключительно о своей семье. Но как мне оградить

родных и близких от опасностей?

Данный вопрос сводится к следующему: как мне сохранить свое ранчо? Пожалуй, мне потребуется поддержка. Но чья? Хотя бы Джорджа Кристофера. У него много друзей. Мы с ним поладим».

Джеллисон устало поднялся и прикрыл керосиновую лампу. Во внезапно наступившей темноте ему показалось, что дробный стук дождя и раскаты грома зазвучали громче прежнего. Благодаря вспышкам молний сенатор мог разглядеть дорогу в спальню.

Из-под двери Эла Харди пробивался свет. Он погас, когда Харди услышал, что босс лег в постель.

Убежище

Мы любим землю, но сердца
У нас не беспредельны.
И каждому рукой Творца
Дан уголок отдельный.

***Редьярд Киплинг*[8]**

Рэндолла разбудили назойливые звуки. Кто-то вопил:

— Харви! На помощь!

Лоретта? Он резко сел и стукнулся обо что-то головой. Вспомнил: он спал в салоне внедорожника, а голос принадлежит вовсе не его жене.

На мгновение он перестал понимать, кошмар это или реальность.

— Харви! — не унимался кто-то.

Господи, Лоретта ведь мертва!

Шел дождь, но почему-то там, где стоял внедорожник было сухо. Рэндолл открыл дверцу и, моргая, всмотрелся в полумрак.

Наручные часы показывали ровно шесть. Утра или вечера?

---

[8] Примечания: 8
Перевод В. Потаповой.

Машина находилась под шатким навесом, в общем-то, просто под крышей на поддерживающих ее столбах. У багажника стояла миссис Вэнс. Джоанна целилась в нее из ружья. Марк кричал, Мари визжала — звали Харви на помощь.

Чушь какая-то. Сумрак, ливень, воющий ветер, вспышки молний и раскаты грома, вопящая женщина, орущий Ческу и Джоанна с пушкой — что за бред наяву?

Рэндолл заставил себя вылезти из автомобиля и поковылял к людям.

— Что стряслось, Марк?

Парень обернулся и уставился на подошедшего. Лицо его осветила улыбка. Но она сразу же растаяла — как и греза Рэндолла о том, что это всего лишь сон…

— Харви! Скажите ему! — воскликнула Мари.

Рэндолл попытался стряхнуть опутавшую его мозг незримую паутину. Та никак не стряхивалась.

— Марк? — выдавил он.

Вэнс дернулась, как марионетка. Журналист изумленно вытаращил глаза, потому что спустя секунду она дернулась снова. Казалось, она дерется с невидимым врагом. Внезапно она чуть-чуть расслабилась, и теперь голос женщины зазвучал

спокойно (или почти спокойно).

— Рэндолл, пора проснуться, — произнесла она. — Или вас не волнует судьба вашего сына? Вы похоронили Лоретту, так подумайте об Энди.

Он сглотнул:

— Что это вообще означает?

Мари и Ческу заговорили разом. Потребность понять, что случилось, больше чем любые иные другие чувства, заставили Харви рявкнуть:

— По очереди! Марк, пожалуйста, дай ей сказать.

— Он… хочет… бросить наших мальчиков, — выпалила Вэнс, указав на мотоциклиста.

— Ничего подобного. Я пытаюсь объяснить вам…

Женщина перебила Марка.

— Ребята в «Секвойе». Но он увозит нас на запад — совсем в другую сторону!

— Заткнитесь вы оба! — истерично выкрикнула Джоанна.

Ческу замолчал. Он никогда еще не слышал, чтобы его подруга повышала голос. Ничего подобного с ней раньше не случалось.

К тому же у нее было ружье.

— Куда мы едем, Марк? — осведомился Харви.

— В «Секвойю», — ответил тот. — Парк здоро-

венный, а она не знает, где…

— Зато я прекрасно знаю «Секвойю», — отрезал Рэндолл. — Где мы сейчас?

— В долине Сими. Так вы меня дослушаете или нет?

— Продолжай.

— Харви, он…

— Тише, Мари! — намеренно грубым тоном приказал журналист.

Женщина прикусила губу.

— Сейчас народ снялся с насиженных мест, — заметил Ческу. — Повсюду жуткие пробки. Поэтому я хочу свернуть на одну секретную трассу, где обычно гоняют байкеры. Мы проедем по ней через «Заповедник кондоров». Конечно, она немного отклоняется к западу, зато проклятые шоссе останутся в стороне! Вы только подумайте, сколько народу сейчас пытается выбраться из Лос-Анджелеса! А вот о том участке знают немногие. Кроме того, там только возвышенности… В принципе, это вообще не вполне дорога.

Марк посмотрел на Мари.

— Именно это я стараюсь вам объяснить. Мы переберемся через горы. Потом доедем до Сан-Хоакина и, оказавшись на равнине, свернем к «Секвойе».

— Покажите мне карту, — сказал Харви.

— Ее нет на карте, — возразил Ческу… — Если б она там была, люди бы…

— Я верю, что твой секретный путь действительно существует, но мне надо кое-что проверить, — произнес Рэндолл. — У меня где-то завалялся дорожный атлас. — Он хотел залезть в салон внедорожника, но Джоанна перегнала его: она уже шла к мотоциклу.

Девушка расстегнула молнию кофра.

— Фрэнк Стоунер заставил нас взять три копии. По одной на каждый байк, — объяснила она и вытащила из кофра лист бумаги, сложенный гармошкой. — Это аэрофотосъемка. А еще у меня есть карты автоклуба.

Было слишком темно, чтобы рассмотреть все как следует. Марк направился к внедорожнику и вернулся с карманным фонарем. Мари оцепенело стояла поодаль и молчала, но ее глаза по-прежнему обвиняюще блестели.

— Шоссе идет вдоль озер, — заявил Марк. — С плотинами. Фотографировали как раз над Сан-Андреасом. Вы и впрямь полагаете, что там можно проехать?

Харви пожал плечами. Какая разница? Если трасса не разрушена, там сейчас наверняка сотни

тысяч автомобилей. А если дорога пострадала…

— Значит, мы выезжаем через Фрейзер-парк?

— Правильно! Потом спускаемся в долину и оттуда мчимся прямо на север, — закивал Ческу. — Я думал о Мохаве, потому что Фрэнк говорил, это самое подходящее место… Но смысла нет. И по этой трассе до «Секвойи» нам не добраться. — Парень ткнул пальцем в карту. — Все дороги на восточной стороне идут мимо озера Изабелла. Вдоль реки Керн. Харв, с учетом дождя, сколько сохранилось мостов через Керн?

— Ни одного. Мари, он прав. Если мы поедем прямо, то никогда туда не доберемся.

Ческу выглядел довольным. Джоанна прислонила ствол ружья к мотоциклу и боком плюхнулась на сиденье.

— Если б вы объяснили раньше… — начала Вэнс.

— Господи, я пытался! — взвился Марк.

— Не вы…

«Она имеет в виду меня, — подумал Рэндолл, — и я не могу свернуться клубком и умереть, у меня остался мой мальчик. Он где-то в горах, и я обязан разыскать его, и слава богу, что есть Мари».

— Как у нас с горючим? — спросил он.

— Пока неплохо. Мы проехали около пятиде-

сяти миль…

— Не больше, — добавил Харви. Разумеется, так оно и было, и это подтверждала карта.

А сперва ему показалось, что они гнали как сумасшедшие. Выходит, он ошибся, и скорость они даже не превышали.

— Марк, вы уверены, что ваш секретный путь не подведет?

— Надеюсь на это, — ответил Ческу и молча указал на плотины над трассой номер пять. — А здесь риск меньше, что ли?

— Ладно, тогда лучше не тянуть, — произнес Рэндолл. — Внедорожник поведу я.

— А я поеду впереди — надо разведывать обстановку. Джоанна оставит ружье в вашей машине.

О Мари мотоциклист не упомянул. Ему не хотелось говорить ни с ней, ни о ней.

Харви порадовало, что нужно что-то делать. Что угодно. В голове чувствительно пульсировало, начиналась мигрень. Плечи и шея напряглись так, что он ощущал затвердевшие бугры мышц. Но это все равно лучше, чем скрючиться в ступоре на сиденье.

— Погнали, — сказал он.

Дорога петляла по горным кряжам, огибала холмы, пробиваясь на северо-запад, и нигде не

спускалась с возвышенностей. То и дело попадались скатившиеся сверху оползни, но на такой высоте слой грязи, перегородивший дорогу, был неглубок, а поскольку ездили здесь редко, края ее не осыпались.

Очертания гор изменились. Трасса могла оборваться где угодно. И хотя Ческу считал, что на нее нельзя положиться, на сей раз им повезло: машина и мотоциклы преодолевали любые препятствия. Наконец они выбрались на мощеную дорогу, и Харви смог увеличить скорость.

Ему нравилось быть за рулем. Он мчался вперед, поглощенный одной мыслью, вытеснившей все прочие. Вовремя увидеть преградивший путь обломок. Вписаться в поворот. Безостановочно преодолевать милю за милей, не оглядываясь и не думая о том, что осталось позади.

Теперь вниз, к Сан-Хоакину. Повсюду была вода. Это пугало. Харви притормозил и сверился с картой. Рядом находилось высохшее озеро.

Но сейчас оно, конечно, вышло из берегов.

Значит, надо пересечь реку Керн там, где вьется шоссе, после чего свернуть и двинуть к северо-востоку…

Хватит ли горючего? Пока его много. Рэндолл задумался и вспомнил про грабителей и убийц,

вломившихся в его дом. Где бы они ни прятались, когда-нибудь он выследит их. Но по этой дороге они не поехали. Он бы заметил. До сих пор они были здесь одни.

Рассвет застал их северо-восточнее Бейкерсфилда. Они успешно продвигались по трассе. Тридцать миль в час, и они снова очутились на возвышенности, беспрепятственно огибали Сан-Хоакин по восточному краю.

Река Тул оказалась чрезвычайно глубока. Дорога опасно вилась вдоль русла. Харви запоздало сообразил, что никто бы не осмелился воспользоваться этим маршрутом.

Он посмотрел на плотину: огибая ее край, поверх гребня потоками лилась вода. С трудом можно было определить, где водослив: вспухающее течение бурлило и пенилось. Рэндолл посигналил Ческу. Парень притормозил и обернулся. Стиснув кулак, Харви энергично махнул им вверх-вниз — так в армии давали команду «бегом марш». Он указал на плотину.

Марк понял, чего хочет напарник, и опять прибавил скорость. Журналист тоже утопил педаль акселератора. Автомобиль, взревев, помчался за мотоциклом. Они почти достигли плотины, но вдруг…

Через сотню футов дорога превратилась в грязевой поток. И в нем возились люди, человек десять: их машины увязли.

Харви включил полный привод и помчался дальше. Какой-то мужчина кинулся навстречу, раскинув руки, чтобы преградить путь. Он оказался достаточно близко, чтобы Рэндолл увидел его лицо — круглые глаза, оскаленные зубы, смесь решимости и ужаса… а потом незнакомец *увидел лицо Харви.*

Фара внедорожника чиркнула по его пятке, когда он отскочил.

Машину сносило в сторону. Рэндолл с трудом вырулил, мотор взревел — и началась безумная борьба между грязью, камнями и сцеплением колес. Внедорожник подпрыгивал на булыжниках, и к горлу Харви подкатывала тошнота. Затем мужчина ощутил, что автомобиль снова катит по твердому покрытию. И услышал, как Мари с облегчением вздохнула.

Наконец Рэндолл различил очертания моста, перекинутого через озерный залив… правда, на перила уже накатывала вода.

Невозможно было угадать, насколько там глубоко.

Он сбросил скорость.

Внезапно к шуму дождя, реву реки и раскатам грома примешались другие звуки. Крики. Джоанна обернулась.

— Господи! — выкрикнула она.

Харви остановился.

Плотина рушилась. Одно крыло рассыпалось, и в пролом хлынули водные массы. Рев потока заглушили истошные людские вопли.

— Успели, — проговорила Джоанна.

— А те люди… — пробормотал Харви.

Все беглецы, у которых были машины поменьше… Все фермеры, думавшие, что им удастся переждать бедствие… Те, кто просто вскарабкался на крыши и спрятался на чердаке — все они сейчас смотрят на катящийся на них водяной вал.

Когда рухнет вторая плотина, будет еще хуже. Долину затопит целиком.

Холмы скроются под водой. Никакая плотина не способна противостоять безжалостной стихии.

Харви глубоко втянул ноздрями воздух.

— Ладно. Мы еще живы. Трясущаяся Осина в тридцати милях отсюда. Горди отведет мальчишек туда.

Он вызвал в памяти дорогу к северу от Спрингвилла. Она пересекала не одну реку, и карта показывала, что на некоторых имелись небольшие

электростанции, а течение тоже перегорожено плотинами. Как раз над трассами.

Значит, они потерпели неудачу? Неужели им так не повезло? Было бы глупо и попросту безумно оказаться на этой дороге именно в тот момент, когда на нее обрушится водяная стена.

— Поехали, — сказала Мари.

Харви так и сделал. Вода уже сошла и сейчас катилась в долину Сан-Хоакин.

Рэндолл переехал через мост и с удивлением обнаружил мчавшийся навстречу грузовик.

Тот затормозил у дальнего конца моста. Из него выскочили двое здоровых мужчин. Они уставились на внедорожник. Один прокричал что-то вслед, затем пожал плечами.

Очередной мост, который должен был находиться дальше, снесло. Это решило все: Харви следовало сделать крюк, свернув к ранчо Джеллисона.

А где же точнее узнаешь, что происходит в горах? И кстати, куда им деваться после того, как они разыщут мальчиков? Планы Мари не простирались дальше той минуты, когда они найдут Берта и Энди. Впрочем, Харви тоже не заглядывал дальше, но теперь…

Но ведь лучше и быть не может. Отряду ска-

утов неизбежно придется пройти мимо ранчо сенатора.

И еще — там должна находиться Морин.

Харви захлестнуло презрение к себе — почему он вспомнил о ней! Перед его мысленным взором возникло лицо Лоретты. И тело, завернутое в одеяло.

Он замедлил ход и остановился.

— Почему мы… — Но Мари не успела закончить вопрос: позади раздался взрыв, затем другой.

— Проклятие!

Рэндолл снова тронул машину с места. Раскаяние уступило место страху. Взрывы? Они заехали в зону военных действий? Он вцепился в руль, а тем временем Джоанна с Мари вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что творится позади.

Марк круто развернул байк и помчался обратно. И помахал сидевшим во внедорожнике.

— Идиотское любопытство когда-нибудь погубит его, — произнесла Джоанна.

Харви пожал плечами. Ческу мог бы ничего не выяснять, но, в принципе, следовало быть в курсе событий.

А уже в паре миль, совсем недалеко, был поворот.

А за ним — безопасность, приют, отдых.

Он медленно поехал к дороге, ведущей к ранчо сенатора, в зеркале заднего обзора видел, что их догоняет Марк.

Харви сбавил скорость.

— Мост!.. — воскликнул Ческу.

— Ну?

— Тот, по которому мы проехали, — добавил парень. — Они… те два чувака взорвали его. Динамитом, наверное. С обоих концов. Опоздай на полчаса, мы бы точно там застряли.

— Еще и нам бы осталось только смотреть, как на нас рушатся миллионы тонн воды, — добавила Джоанна. — Мы… Харв, нам не может постоянно так везти.

— Да, нам крупно повезло, — подтвердил Рэндолл. — В любой борьбе фактор везения не менее важен, чем точный расчет. Но теперь мы перестанем нуждаться в постоянной удаче. По крайней мере, на какое-то время. Я еду туда. — Он махнул в сторону дороги, ведущей к ранчо сенатора.

— Зачем? — готовая к схватке, вскинулась Мари.

— Узнать, что творится в окрестностях, — ответил он и крутанул руль.

Только тут его осенило — прежде ему как-то не приходило в голову, ни на миг, — что в доме поли-

тика могут не обрадоваться появлению создателя документальных телевизионных фильмов.

Он вышел из машины, чтобы открыть ворота.

За оградой стояла чья-то машина. Из нее вылез молодой мужчина и устало направился к внедорожнику.

— По какому делу? — спросил он, оглядев Джоанну и ее ружье, и продемонстрировал пустые руки. — У меня нет пушки. Но мой товарищ следит за вами. У него винтовка с оптическим прицелом.

— Мы не причиним вам беспокойства, — заявил Рэндолл.

Мужчина заметил эмблему Эн-би-си на автомобиле, однако, похоже, она не произвела на него никакого впечатления.

— Вы можете кое-что передать хозяевам?

— Смотря что. Выкладывайте, что там у вас.

Журналист поразмыслил.

— Скажите Морин Джеллисон, что здесь мистер Рэндолл с тремя спутниками.

Незнакомец погрузился в раздумья.

— Ладно, имя вы назвали правильно. Она ждет вас?

Харви расхохотался. Вопрос показался ему безумно смешным. Привалившись к внедорож-

нику, он давился смехом. Вцепившись в руку мужчины, он с трудом справился с собой.

— Вы из Лос-Анджелеса? — проговорил он наконец и снова прыснул.

Мужчина отстранился. Его крупное красное лицо ничего не выражало. Некоторые вещи он не хотел знать. Но… сенатор упомянул на совещании, что ему бы хотелось побеседовать с очевидцами из Лос-Анджелеса. Вдобавок этот городской тип знал фамилию Артура и имя его дочери.

Столь же внезапно, как вопрос показался Харви смешным, он перестал его забавлять. Рэндолл стал серьезным.

— Морин, наверное, считает, что я мертв. Ей будет приятно узнать, что она ошибалась. — А будет ли? Та-там! — Уверен, что она захочет со мной поболтать. Передайте ей, что я хочу… впрочем, пустяки. — Он чуть не брякнул, что хочет потрепаться с ней о галактических империях, но, к счастью, воздержался.

Здоровяк внимательно поглядел на Харви и неторопливо кивнул.

— Хорошо. Но ждите тут. *Ясно вам?* И без фокусов с ружьем.

— Мы не собираемся ни в кого стрелять. Я про-

сто хочу увидеть Морин.

— Я скоро вернусь. Никуда не уходите. — Мужчина подошел к своей машине, запер ее и направился к особняку по подъездной аллее.

Ага, местные уже экономят бензин. Да, Джеллисон навел порядок в своих владениях. Харви повернулся к внедорожнику. Мари хотела что-то сказать, но он с привычной легкостью перебил ее:

— Разверните карту.

Она аккуратно расстелила карту. Рэндолл принялся водить по бумаге указательным пальцем.

— Скауты находятся в этом районе. Единственный путь оттуда ведет сюда. Им нет нужды тревожиться насчет плотин, поскольку им необязательно держаться рядом с трассой. А нам этого не избежать, иначе мы будем вынуждены идти пешком. Но у нас нет снаряжения для похода.

Мари прищурилась. Поглядела на свою обувь, пощупала ткань куртки. Она-то была готова к любым прогулкам, да и Харви — тоже, хотя его слова были не лишены смысла.

А несколько часов, возможно, ничего не поменяют.

— И что нам теперь делать? — подала голос Джоанна.

Марк просунул голову в окно.

— Значит, мы на ранчо Джеллисона! Харв, круто, что вы сообразили передать весточку о нас всех его дочери, а не самому сенатору.

— Надо ждать, — ответила Вэнс на вопрос девушки. — Но сколько?

— Откуда мне, черт побери, знать?! — взорвался Харви. — Столько, сколько нам позволят. У них тут строгая дисциплина, между прочим. И у них полно еды. Вы видели охранника? Он точно не голодный. Нам ведь надо будет покормить ребят. Не говоря уж о нас самих.

Женщина покорно склонила голову.

— Беда в том, — продолжал Рэндолл, — что непонятно, как убедить их впустить нас. Взорвав тот мост, они тонко намекнули, что в долине не желают видеть беженцев. Мы должны быть для них полезными, а значит, должны пообещать делать все, что от нас потребуется. И никаких возражений, Мари. Постарайтесь не мешать нам, иначе вы все испортите. Мы теперь просители.

Он сделал паузу и лишь потом обратился к Джоанне:

— И кое-что по поводу вашего ружья. Может, вы заметили странные жесты, которые делал громила? Левой рукой. По-моему, если б вы на-

ставили на него пушку, это была бы не самая удачная мысль.

— Верно, — согласилась Джоанна.

— Что ж. — Харви посмотрел на Ческу. — Переговоры, если никто не против, я беру на себя.

Тот надулся от обиды. Кто выволок бедолагу из спальни и заставил добраться в такую даль, через весь штат?

Но сейчас Марк стоял под дождем — вода потоками стекала с его куртки, лилась в ботинки — и помалкивал.

— Приближается целая компания, — пробормотал Ческу и показал на подъездную аллею.

К ним верхом на лошадях ехали трое в желтых дождевиках и непромокаемых шляпах. Один из них держался на лошади не слишком уверенно и угрюмо цеплялся за гриву. Харви узнал Эла Харди, помощника Джеллисона по административным делам и политического киллера из Вашингтона.

«Да, — подумал журналист, — это словечко сейчас передает всю суть».

Харди спешился и передал поводья ближайшему всаднику.

Подошел к внедорожнику и заглянул в окно машины.

— Здравствуйте, мистер Рэндолл, — произнес

он.

— Здравствуйте. — Харви, напрягшись, ждал продолжения.

— Кто эти люди? — Эл уставился на Мари, но ничего не сказал.

«Он видел Лоретту один-единственный раз, несколько месяцев назад, — размышлял Харви, — в любом случае очень давно. А Мари он не знает. Но он, разумеется, понимает, что Вэнс не моя жена. Работа политического советника, помощника сенатора, подразумевает, что у парня — отличная память на имена и лица…

— Соседка, — выпалил Рэндолл. — И двое моих сотрудников.

— Ага. И приехали вы из Лос-Анджелеса. Как там все обстоит?

— Мои ребята могут вам рассказать, — ответил Харви. — Они наблюдали за цунами… с высоты.

— Мы можем принять двоих из вас, — пробурчал Эл.

— То есть никого, — заключил Рэндолл и стиснул челюсти. — Спасибо. Нам пора…

— Подождите. — Харди окинул его задумчивым взором. — Ладно. Отдайте мне пушку. И на меня ствол не наставляйте. — Он забрал ружье и передал краснолицему здоровяку-охраннику.

Тот тоже успел слезть с лошади. — У вас есть еще какое-нибудь огнестрельное оружие?

— Вот это. — И журналист продемонстрировал спортивный пистолет.

— Как мило! Давайте сюда. Если вы не останетесь на ранчо, оружие вам вернут. — Эл сунул пистолет себе за пояс. — Теперь освободите для меня место на заднем сиденье.

Харди забрался в салон и подался вперед, чтобы все могли его слышать.

— А вы — на мотоцикле… вы будете вторым, — велел он Марку. — Держитесь за машиной, понятно? Я их впускаю, Гил. Без проблем. Пока.

— Вам виднее, — ответил здоровяк.

— За дело, — приказал Эл. — Осторожно и медленно.

Створки ворот распахнулись. Харви развернулся. Внедорожник заурчал и поехал к проему. Ческу следовал за Рэндоллом, соблюдая дистанцию, процессию замыкал третий всадник: он вел на поводу двух лошадей.

— Почему бы не оставить животное охраннику? — поинтересовался Харви.

— У нас и так полно автомобилей, — объяснил Харди. — Если какой-нибудь идиот попытается выкинуть фортель, лучше лишиться тачки, чем

лошади.

Журналист кивнул. А если понадобится срочно передать что-то тем, кто живет в особняке на вершине холма… что ж, на этот случай есть машины. Очевидно, его послание показалось не столь важным, чтобы из-за него тратить бензин.

Внедорожник разбрызгивал густую грязь в разные стороны, и Рэндолл гадал, далеко ли еще ехать. Они миновали дом управляющего и поползли к дому сенатора. Большой каменный особняк возвышался на холме. Апельсиновые рощи выглядели жалко, многие деревья повалил ураган, но плодов на земле не было. Харви воспринял это с одобрением.

Сняв обувь на крыльце, они вошли внутрь.

В гостиной Морин не оказалось. Зато там находился Артур Джеллисон. На обеденном столе были расстелены карты, а на столиках для игры в бридж лежало множество каких-то бумаг. Еще Харви увидел бутылку бурбона. Почти полную.

Сенатор встал. Он не подал руки визитерам.

— Я предложу вам выпить, если вы сразу признаете, что постоянно рассчитывать на мое гостеприимство вы не вправе, — сказал он. — Когда-то в давние времена, если человеку предлагали присоединиться к трапезе, это означало, что он

гость. Теперь — нет.

— Понимаю, — произнес Рэндолл. — Но я бы не отказался от бурбона.

— Прекрасно. Эл, проводите женщин на кухню к плите. Они оценят возможность просушить одежду. Извините за неучтивость, леди, но сейчас я занят.

Когда Мари и Джоанна покинули гостиную, Артур пригласил Харви сесть. Марк неуверенно топтался у двери.

— Вы тоже, — произнес Джеллисон. — Выпьете?

— Сами знаете, — ответил Ческу. Когда ему передали бутылку, он налил свой стакан до краев.

Харви поморщился и покосился на сенатора. Физиономия Джеллисона не изменилась.

— Как Морин? — спросил журналист.

— Она здесь, — кратко ответил Артур. — Где ваша жена?

Рэндолл почувствовал, как кровь приливает к лицу.

— Она мертва. Убита. Она была дома, когда какие-то мерзавцы решили нас ограбить. Если у вас есть сведения о голубом фургоне, сопровождаемом байкерами…

— Ничего подобного в моем списке приорите-

тов нет. Но примите мои соболезнования. Ну-с, что за люди приехали с вами?

— Высокая женщина — Мари Вэнс, моя соседка. Ее муж Гордон вместе с отрядом скаутов отправился к Трясущейся Осине. С ним — мой сын. Со мной — его жена.

— Угу. Элегантная дама. Она способна совершать пешие походы или эти ее ботинки… скажем так, для стиля?

— Может. Еще она умеет готовить. И она мне нужна.

— Повара у меня есть. А другие ваши спутники?..

— Они меня спасли. Я уже собирался лечь и помереть… после того как обнаружил Лоретту. — Виски согрело Харви, и он почувствовал, что интенсивность расспросов сенатора нарастает. Он был местным судьей и не собирался тянуть с приговором. — Марк и Джоанна нашли меня и опекали до тех пор, пока я снова не ощутил себя живым. Они помогли и Мари. Они — со мной.

— Конечно. А что вы умеете делать?

Харви пожал плечами.

— Неплохо справляюсь с внедорожником. Еще у меня большой опыт выживания. Я был военным корреспондентом, пилотом вертолета… ходил в

сложные походы.

— Вы находились в Лос-Анджелесе. Что там творится?

— Лучше спросите Марка и Джоанну. У нас есть информация — если она вам пригодится.

— Цена информации — обед и питье, — заметил сенатор. — Но я должен подумать…

— Мы внесем свой вклад, если вы нас накормите.

Джеллисон помолчал.

— За вас уже подан один голос. Я имею в виду Морин. Но решающий голос — мой.

— Я догадался. Похоже, вы не слишком привечаете беженцев. Мост и все остальное…

— Мост?

— Тот — через залив озера. Когда рухнула плотина…

— Что? — Джеллисон нахмурил брови. — Эл! — крикнул он.

— Да, сэр? — Помощник появился мгновенно.

Руку он держал в кармане плаща. Карман оттопыривался. Увидев, что все трое спокойно сидят в креслах и пьют виски, Харди расслабился.

— Он говорит, плотина рухнула, — заявил сенатор. — Вам уже сообщили?

— Пока нет.

— М-да. — Артур многозначительно кивнул, и от Харди это не укрылось.

— Теперь расскажите мне о мосте, — произнес Джеллисон.

— Двое мужчин взорвали его сразу после того, как рухнула плотина. Динамитом, с обоих концов.

— Да чтоб я сдох. Опишите мне тех парней. — Джеллисон внимательно выслушал рассказ Рэндолла. — Ну, конечно. Кристоферы. У нас, вероятно, будут с ними сложности. — Он повернулся к Марку. — Армия? — спросил он.

— Военно-морской флот, — ответил Ческу.

— Рядовой? Стрелять умеете?

— Да, сэр. — Марк начал рассказывать одну из своих баек о Вьетнаме.

Правдивую или нет, но Джеллисон не стал его слушать.

— Умеет? — спросил он — уже у Рэндолла.

— Да. Сам видел, — произнес Харви. Он чувствовал, что напряжение начинает спадать, бугры, вздувшиеся на его шее, разглаживаются. Похоже, дела шли на лад, и сенатор мог бы…

— Если вы останетесь на ранчо, то станете частью моей команды, — изрек Джеллисон. — Будете подчиняться мне и никому другому. Будете

верны лишь мне.

— Ясно, — сказал Харви.

— Что ж, попробуем.

Воды Средиземного моря отступали от утонувших городов — от Тель-Авива и Хайфы, высокогорья Судана и Эфиопии заливало дождем, там бушевала гроза. Гигантские волны покатились по Нилу и ударили в Асуанскую плотину, уже ослабленную землетрясениями, последовавшими за Падением Молота. Конструкция рухнула, добавив к водам, переполняющим реку, сто тридцать миллионов акрофутов воды.

Уничтожая все на своем пути, вода промчалась по дельте Нила через Каир и другие древние города. Основание Великой пирамиды подмыло, и легендарное сооружение снесло ревущим потоком.

Десять тысяч лет цивилизации были подхвачены и уничтожены в мгновение ока. От первого порога до Средиземного моря в дельте Нила — там уже не осталось никого живого.

Нищий

Услышь нас, когда мы взываем с тоской,
К Тебе, погибая в пучине морской.

Молитва моряков

Эйлин спала на разложенном сиденье, ослабив ремень безопасности. Она ворочалась в такт движению машины.

Потом Тим услышал, что девушка похрапывает. Начался длинный спуск, Хамнер потуже затянул ремень Эйлин и заглушил мотор.

Он вспомнил, что именно так поступил его шофер в Греции, где все съезжали с холмов именно таким образом. Даже по узкой и извилистой дороге из Дельф через Парнас к Фермопилам. Это было просто ужасно, но водитель настоял на своем. В Греции — самый дорогой в мире бензин.

Что творится сейчас в Фермопилах? Смыло ли наводнение могилу трехсот спартанцев? Волны вряд ли захлестнули Дельфы или поднялись до Акрополя.

Греции приходилось и прежде переживать

стихийные бедствия.

Серпантин петлял и кренился. Осторожно притормаживая, Хамнер легко вписал «Блейзер» в поворот. Впереди начинался прямой участок, после чего дорога снова шла под уклон. Мокрая, полуразрушенная, опасная. Оттого что в машине рядом с ним была Эйлин, Тим слишком остро чувствовал, какой он неважный водитель.

Очертания ландшафта изменились.

Дорога обрывалась. Хамнер ударил по тормозам и остановил машину. Он вылез наружу, под тихий дождь. Капли на вкус были пресными. Соленый ливень закончился.

Серпантин, крутой каменный откос — да и вся остальная гора — раскололись. Глубина провала составляла футов двадцать, а то и больше.

Однако внизу громоздились высокие грязные оползни, поэтому иногда дно разлома отделяло от дороги четыре или пять футов.

В телевизионных рекламных роликах тачки перелетали через расселины и пошире. В одном, например, демонстрировали автомобиль, перемахивающий через рвы и насыпи, а диктор заверял, что машину почти не модифицировали…

Способен ли «Блейзер» на такое?

А есть ли выбор? Провал, казалось, тянулся на целые мили. Тим вернулся в машину и задом отвел ее на пятьдесят ярдов. Он обдумывал, насколько все это возможно с точки зрения физики. Если «Блейзер» сорвется в пропасть, то приземлится на передний бампер, и они с Эйлин погибнут. Полет должен быть горизонтальным, а это означает скорость. Недостаточная скорость — смерть.

Он проверил тормоза и снова сходил к расселине. Разбудить Эйлин? Она в отключке. Позади тусклые из-за дождя вспыхнули фары, и Тим решился. Он не знал, кто едет, и не хотел знать.

Хамнер вернулся к автомобилю, мысленно составив уравнение. Предположим, длина «Блейзера» пятнадцать футов, при падении на него будет действовать ускорение, равное 1*g*. Тим завел мотор. Итак, если до того момента, как задние колеса оторвутся от дороги и тоже начнут падать, бампер «Блейзера» опустится не более чем на два фута, то сама машина должна оказаться на той стороне примерно за треть секунды. А если в цифрах, то пятнадцать футов она преодолеет за треть секунды и сорок пять — за секунду. Вывод: сорок пять футов за секунду — это тридцать миль в час, поэтому скорость должна равняться примерно

тридцати милям в час, а теперь — *поехали*!..

В конечном итоге «Блейзер» пролетел вниз около шести футов. Инстинкт повелевал Тиму нажать на тормоза, но он удержался.

Автомобиль жестко приземлился прямиком в грязь и по склону выкатился на дорогу.

Поразительно, но на этом все закончилось. «Блейзер» как ни в чем не бывало спокойно поехал вперед.

От удара Эйлин подбросило. Она испуганно дернулась, приподнялась и выглянула в окно. Мимо проплывал очередной грязевой холм. Девушка заморгала и, удовлетворенно вздохнув, снова уснула.

«Проспала мой самый настоящий водительский подвиг», — мысленно сказал Тим.

Он усмехнулся, глядя на дождь, выключил мотор, и машина своим ходом вновь покатилась под уклон.

Час спустя Эйлин и не думала просыпаться. Хамнер позавидовал ей.

Он слышал о людях, проводящих большую часть жизни во сне — после нервных потрясений или от разочарования в жизни наяву.

Тим их понимал. Какое искушение отключиться от всего и погрузиться в сон… Впрочем к Эйлин

это не относилось. Ей необходимо отдохнуть. Когда будет нужно, она проявит удвоенную бдительность.

Впереди дорожное покрытие оказалось расколото на отдельные плиты. Хамнер включил мотор и увеличил скорость. «Блейзер» помчался, перелетая с одного бетонного островка на другой. Тим вспомнил телевизионную программу об автогонках в Бахе. Один из гонщиков сказал, что плохая трасса требует быстрой езды: тогда машина не натыкается на выбоины, а перелетает через них.

Когда он смотрел эту передачу, высказанное спортсменом соображение не показалось ему особенно удачным, но теперь, похоже, ничего другого не оставалось. Плиты сдвигались под весом «Блейзера», стучали по днищу. Костяшки пальцев Хамнера побелели от напряжения. Зато Эйлин улыбалась, не открывая глаз, будто ее качали в колыбели.

Внезапно он ощутил острое одиночество.

Она не бросила его. Осталась с ним, рискуя жизнью. Но сейчас она спала, а он вел машину, и дождь беспрерывно барабанил по металлу в дюйме над головой, а дорога постоянно преподносила сюрпризы. Здесь она выгибалась изящной аркой,

как футуристический мост, под которым бежал очередной грязный ручей. Полоса бетона еще не обрушилась под собственной тяжестью, но лишних десяти фунтов она наверняка не выдержит. Тим свернул и поехал прямо по воде.

Колеса продолжали крутиться, и мотор не заглох, но, когда это стало возможно, Хамнер снова вырулил на «твердую почву».

Он потерял все, его бросили все, кроме Эйлин. Он понимал, что деньги и кредитные карточки утратили всякую ценность. Точно. Но пуля, пробившая лобовое стекло — это было уже нечто иное. Езда по полю для гольфа представлялась вандализмом! Обсерватория… вот о чем Тиму не хотелось думать. Его выкинули из собственных владений, и при воспоминании о недавнем происшествии у Тима горели уши. Трус. Да, именно так он себя чувствовал.

Дорога, извиваясь, сбежала вниз по склону, стала шире и превратилась в ровную прямую, уходящую вдаль. Куда? Компаса не было. Оставалось только гнать «Блейзер» вперед. А дождь снова яростно обрушился на них. Хамнер рискнул увеличить скорость до двадцати миль в час.

— Как дела? — рядом раздался голос Эйлин.

— Спустились с гор. Путь вроде бы прямой, и

без повреждений. Отдыхай.

— Ладно.

Когда Тим посмотрела на нее, девушка опять крепко спала.

Он заметил хайвей. На указателе значилось «Северное шоссе 99». Хамнер сжал руль обеими руками. Теперь можно разогнаться до сорока миль в час. «Блейзер» мчался мимо неподвижных, заливаемых дождем автомобилей — и на самой дороге, и на обочинах. И людей. Тим каждый раз пригибался пониже, когда видел что-либо похожее на ружье. Один раз то, чего он боялся, случилось: двое парней синхронно прицелились в «Блейзер» из ружей. Они показывали жестами: «Стой!»

Хамнер пригнулся к рулю, резко вдавил педаль акселератора и поехал прямо на одного из мужчин. Тот, не раздумывая, отпрыгнул в грязь, в темноту. Превратившись в комок нервов, Тим ждал грома выстрелов, но их не было.

Подождав, он выпрямился.

Ну, и как это понять? Боятся понапрасну тратить боеприпасы? Или пушки так отсырели, что не могли выстрелить?

— Если тебе не терпится узнать… — тихо пробормотал он.

Так, кажется, говорил Харви Рэндолл.

У них еще было горючее, и они продолжали ехать. Шоссе заливала вода: вероятно, потоп застопорил все автомобили поменьше «Блейзера». Тим ухмыльнулся.

Двести пятьдесят тысяч за тачку? Дорого, да мило.

Дождь вдруг выдал очередной яростный залп, сразу обрушив на землю целое море воды, и тут же резко прекратился.

На одно долгое мгновение Тиму открылось все пространство впереди. Возникло замечательное ощущение, что машина плывет, а потом она замерла.

Приехали.

Эйлин села. Поставила вертикально спинку сиденья, машинально разгладила юбку.

— Мы уперлись в океан, — заявил Хамнер.

Она протерла глаза:

— Где мы?

Он включил потолочное освещение. Расстелил на коленях карту.

— Я ехал на северо-восток и вниз, — начал он. — Пока мы не спустились… А гор вокруг было много. Через какое-то время я уже вообще не мог определить направление, поэтому просто гнал

вниз. Наконец я добрался до шоссе девяносто девять. — Тим говорил с гордостью: с его топографическим кретинизмом они запросто могли заблудиться. — Хайвей в полном порядке. Никак разломов. Ты проспала пару типов с ружьями и кучу машин, которые не могут сдвинуться с места, но это не страшно. Разумеется, дорогу залило, но…

Эйлин обшарила взглядом карту. Сощурилась, вглядываясь в мутную водяную завесу — туда, куда светили фары, — стараясь отделить реальное от подсознательных впечатлений и от фантазий. Но насколько они с Тимом могли видеть в сером сумраке, впереди было только пространство серебристо-серой воды в оспинах дождя. Нигде ни огонька. Ничего.

— Попробуй сдать назад, — попросила девушка.

Тим осторожно вывел «Блейзер» задним ходом и затормозил только тогда, когда вода оказалась на уровне осей.

— Дела у нас неважные, — сказала Эйлин. — Мы проехали Бейкерсфилд?

— Да. — Об этом свидетельствовали и дорожные знаки, и призрачные неосвещенные здания — горная гряда сплошь из прямых углов. — Не-

давно.

Она нахмурилась и вновь сощурила глаза, пытаясь разобрать мелкий шрифт.

— Согласно карте Бейкерсфилд находится на высоте четырехсот футов над уровнем моря.

Он вспомнил об обрушившихся вершинах.

— Я бы не доверял указателям высот. По-моему, во время какого-то землетрясения долина Сан-Фернандо опустилась на тридцать футов. А ведь оно было не особенно мощным.

— Ну, отсюда местность идет под уклон. Значит, сейчас мы находимся на низменности. Полагаю, это только начало… Мы будем спускаться все ниже и ниже… Тим, никакое цунами не могло добраться так далеко. Или могло?

— Нет. Но льет дождь.

— Боже, такой страшный ливень, и он не утихает! Но не могла ведь голова кометы содержать в себе столько воды? — Эйлин шикнула на Хамнера, когда он пустился в объяснения. — Давай соображай по новой. Куда мы хотим попасть?

«На какую-нибудь возвышенность», — подумал он.

— Ага, — сказал Тим вслух, — вот и очередная проблема. Мы хотим попасть в какую-нибудь загородную местность на возвышенности. К

примеру, на территорию Национального парка «Секвойя». Чего я не знаю, так это того, хочет ли кто-нибудь нас там видеть. — Он не посмел высказаться более определенно.

Эйлин ничего не ответила — ждала.

Он постарался унять разгулявшиеся нервы.

— У меня идея…

Она молчала.

Черт возьми, он только пытался рассказать ей, а мысль почти улетучилась! Точно так же, как рестораны и отели, поджидавшие их в Туджанге! Выскажи свою мечту, и она никогда не исполнится. Однако Тим продолжал говорить (с некоторым отчаянием):

— Ранчо сенатора Джеллисона. Я вложился в его предвыборную кампанию. И я гостил у него. Владения у него *великолепные*. Надеюсь, если он отсиживается у себя, он нас пустит. А он должен быть там. Он умный.

— И ты помогал ему! — Эйлин рассмеялась.

— Тогда деньги были настоящими деньгами. И, милая, это все, что я сумел придумать.

— Прекрасно. Кроме того, я не могу припомнить ни единого фермера, который был бы мне чем-то обязан. Ведь они сейчас хозяева положения, да? Вот о чем грезил Томас Джефферсон. Где

находится ранчо?

Хамнер постучал пальцем по карте между Спрингвиллом и озером Саксесс, чуть ниже гор — как раз в том месте, где располагался Национальный парк «Секвойя».

— Часть пути придется проделать под водой, потом мы вынырнем и опять начнем дышать.

— Вероятно, есть маршрут получше. Погляди налево. Видишь железнодорожную насыпь?

Он выключил потолочную лампу и фары. Еще немного, пусть глаза привыкнут, и…

— Не вижу.

— Ладно, она все равно там. — Эйлин взглянула на карту. — Южная Тихоокеанская железная дорога. Она идет в объезд, а дальше — прямо, туда нам и надо.

Хамнер принялся разворачивать «Блейзер».

— Что ты задумала? Прокатиться на паровозе?

— Не совсем.

Дождь не давал свету фар проникнуть далеко: не мог пробиться сквозь серую пелену. Куда ни посмотри, Тим и Эйлин видели только завесу дождя — и более ничего.

— Будем надеяться, что насыпь не разрушилась, — произнесла девушка. — Подвинься. Теперь поведу я.

Он не мог понять, что у нее на уме, однако спорить не стал.

Эйлин завела мотор и вырулила на юг, обратно на ту дорогу, по которой они приехали сюда.

— Там люди, — проговорил Хамнер. — С пушками. И, по-моему, у нас нет сифона, поэтому расходовать бензин следует экономно.

— Хорошие новости со всех сторон.

— Я просто предупредил, — отозвался он, отметив, что вода не доходит до осей.

Дальше к западу почва повышалась и выпирала черными горбами из мелкого «моря». Вон рощица миндальных деревьев, а рядом с ней — дом фермера.

Эйлин резко свернула направо, на бездорожье. Автомобиль съехал с трассы девяносто девять и с натугой покатил вперед, разбрызгивая грязь колесами.

Хамнер боялся заговорить и затаил дыхание.

Хэнкок пробивалась все дальше, пересекла один, а потом и второй черный горб земли, хотя эти кусочки относительно твердой поверхности не были сплошными. Они напоминали острова в океане, и теперь машина рассекала волны под бесконечным ливнем. Вцепившись обеими руками в приборную доску, Тим ждал, когда «Блейзер»

рухнет в какую-нибудь двухфутовую яму. Тогда они точно погибнут.

— Ага, — пробормотала девушка, — ясно…

Кажется, линия горизонта впереди чуть поднялась? В следующий миг Хамнер уверился: земля там и впрямь вздыбилась длинным горбом. Пятью минутами позже «Блейзер» подъехал к подножию железнодорожной насыпи.

Въехать на нее автомобиль не смог.

Тима выслали наружу за буксировочным тросом.

Хамнер пропустил его под рельсом и потянул на себя, налегая всем весом. Эйлин тем временем пыталась въехать на раскисший откос. «Блейзер» упорно скатывался назад. Мужчина захлестнул петлей троса второй рельс и стал выбирать слабину, дюйм за дюймом.

Автомобиль полз вверх и снова скатывался, после чего Тим опять выбирал слабину и тянул. Одно неверное движение стоило бы ему пальца. Он перестал думать. Так даже легче. Тебя окружают беда, сумрак и дождь, ты чувствуешь изнеможение, стараясь решить невыполнимую задачу. Все прежние победы забылись, казались бесполезными…

До него не сразу дошло, что «Блейзер» въехал

на насыпь и стоит почти горизонтально, а Эйлин сигналит. Он отвязал трос, свернул кольцами и с трудом залез в салон.

— Молодец, — произнесла девушка.

Он кивнул. И стал ждать.

Если энергия и решимость Тима иссякли, у Эйлин еще оставалось и то и другое.

— Сейчас покажу тебе полицейский трюк. Мне о нем рассказывал Эрик Ларсен. Правда, я ни разу не пробовала…

«Блейзер» въехал колесом на рельс, попятился, накренился к насыпи. Покачиваясь, пополз вперед, и внезапно обе пары колес очутились на рельсах.

— Разумеется, для этого подходит не всякий автомобиль, — заметила Хэнкок. Голос ее звучал менее напряженно и более уверенно, чем раньше. — Ну, погнали…

Балансируя на рельсах, машина покатила вперед. Колеса были разнесены как раз на нужную ширину. По обеим сторонам засеребрилось недавно появившееся море. «Блейрер» двигался медленно, качался и восстанавливал равновесие, балансируя, словно танцор на канате. Руль находился в движении, поворачиваясь на миллиметры. Эйлин была как натянутая струна.

— Если б ты сказала заранее, я бы не поверил, — выдавил Тим.

— Я не думала, что ты предпочитаешь сдаться без боя.

Он не ответил. Он не отводил завороженного взгляда от воды. «Сдаться без боя?» Наверное, сейчас лучше промолчать.

Они продолжали скользить по рельсам. Уже не один час Эйлин была за рулем. Чуть хмурясь, с округлившимися глазами, напряженно выпрямившись, она отгородилась от всего постороннего.

Хамнер не смел заговорить с ней.

Вокруг никого не было — ни тех, кто взывал бы о помощи, ни тех, кто наставил бы на них ружье. В свете фар и редких молний поблескивали ровные полоски стали. Местами рельсы действительно скрывались под водой, и тогда Эйлин сбрасывала скорость до черепашьей и вела машину буквально на ощупь. Однажды зарница высветила крышу большого особняка, а на ней — шесть человеческих силуэтов в дождевиках. Шесть пар глаз проводили автомобиль-призрак. Спустя некоторое время им попался еще один дом, но он плыл на боку. Людей там не оказалось.

Потом «Блейзер» долго полз мимо подстрижен-

ных кустарников, затопленных фруктовых садов — из воды торчали только кроны деревьев.

— Я боюсь остановиться, — прошептала девушка.

— Я догадался. Боюсь тебя отвлекать.

— Нет, говори со мной. Не давай мне уснуть. Сделай так, чтобы я поняла, что это происходит на самом деле. Мне страшно.

— И мне. Я отлично знаю, как выглядит поверхность Марса, но такого больше нет нигде во Вселенной. Видела, как те люди, смотрели на нас?

— Где?

Разумеется, она ни на миг не смела оторвать взгляда от рельсов.

Тим рассказал ей о шестерых, стоявших на крыше.

— Если они выживут, — добавил он, — они сочинят о нас легенду. Если кто-нибудь им поверит.

— Мне это нравится.

— Не знаю. Легенда о «Летучем голландце»? — получилось бестактно. — Хотя мы-то не будем торчать здесь вечно. Рельсы доведут нас до Портервилла, а там никто не попытается нас остановить.

— Думаешь, сенатор Джеллисон примет нас?

— Конечно.

Даже если надежда не оправдается, они с Эйлин будут в безопасном районе. Сейчас имело значение только волшебство, фокус — добраться до Портервилла по железнодорожным путям.

Его задача — не давать ей отвлекаться.

Следующий вопрос Эйлин поставил Хамнера в тупик.

— А меня он пустит?

— Ты сошла с ума? Ты представляешь гораздо большую ценность, чем я. Помнишь обсерваторию?

— Да. В конце концов, я отличный бухгалтер.

— Если люди, живущие в окрестностях Спрингвилла, навели такой же порядок, как в Туджанге, им понадобится человек, который сумеет вести учет распределяемого имущества. Вероятно, они уже используют систему меновой торговли. Вот где могут возникнуть трудности… деньги-то устарели.

— А теперь крыша едет у тебя, — заявила Эйлин. — Те, кто платит налоги, умеют вести счета. Все, кроме тебя, Тим. Страной правят бухгалтеры и юристы, и им захотелось, чтобы все походили на них, — и вот тут они и впрямь преуспели, черт

побери.

— Это в прошлом.

— А по-моему, нет. Бухгалтеры сейчас никому не нужны.

— Я там без тебя не останусь, — произнес Хамнер.

— Знаю. Вопрос в том, впустят нас или нет. Ты проголодался?

— Разумеется, дитя мое, — он потянулся к заднему сиденью. — Фриц дал нам томатный суп и цыпленка с рисом. И то и другое — консервы. Могу подогреть их перед печкой. Можешь вести машину одной рукой?

— Наверное, нет. По крайней мере, сейчас.

— Ладно, забудь. Кроме того, у нас нет консервного ножа.

Благодарение Господу за то, что на свете есть и маленькие чудеса. Их легче заметить. Одним из таких малых чудес оказалась дорога — она выдавалась из моря, пересекая железнодорожные пути. Рельсы вдруг утонули в асфальте. Хэнкок вдавила тормозную педаль столь резко, что Хамнер едва не вылетел через ветровое стекло.

Тим и Эйлин откинули спинки сидений горизонтально и, обнявшись, уснули.

Сперва девушка беспокойно ворочалась. Она

вскрикивала, дергалась, лягалась.

Он обнаружил, что, когда гладит ее ладонью по спине, она успокаивается и начинает дремать, и тогда он тоже может уснуть — до следующего вскрика.

Он очнулся в кромешной тьме, пронизанной воем ветра. Его разбудила Эйлин, панически впившаяся в его руку ногтями. Автомобиль опасно раскачивался. Глаза у Хэнкок были широко раскрыты, губы сжаты чересчур крепко.

— Ураганы, — сказал Хамнер. — Сильные удары, пришедшиеся по океану, породили торнадо. Радуйся, что мы успели найти безопасное место.

Она ничего не ответила.

— Не волнуйся, — произнес он. — Пока он бушует, можно спать.

Эйлин рассмеялась:

— Ну ты даешь! А что, если ураган застигнет нас, когда мы будем ехать по рельсам?

— Тогда лучше будь действительно таким хорошим водителем, каким себя считаешь.

— Господи, — выпалила она и — невероятно! — тотчас уснула.

Тим лежал рядом с ней. Выл ветер, «Блейзер» качало. Переворачивают ли ураганы автомобили? Еще как! Утомившись думать об этом, Хамнер

почувствовал, что жутко голоден. Может, удастся открыть банку с супом? После того как ветер стихнет.

Он задремал и пробудился в полной тишине. Даже дождь перестал.

Разыскав жестянку с супом, Тим вылез из машины. Он умудрился слегка погнуть бампер, зато открыл банку. Сделал пару глотков и посмотрел наверх.

И увидел россыпь звезд — ярких и ясных.

— Прекрасно! — сказал он.

И торопливо полез обратно в машину.

Эйлин уже зевала и протирала глаза. Тим вручил ей банку.

— Полагаю, мы угодили в око бури. Если хочешь увидеть звезды, поторопись и возвращайся.

— Нет, спасибо.

Суп был холодный и тягучий. После него сразу захотелось пить. Жестянку Хэнкок поставила на крышу машины, чтобы собрать дождевую воду. А потом они с Тимом снова легли — ждать утра.

Вернулся дождь — неистовый, яростный. Хамнер потянулся из окна за банкой и обнаружил, что она исчезла. Он разыскал на полу пустую — уже из-под пива, содрал с нее крышку и дважды наполнил дождевой водой.

Через несколько часов ливень унялся, превратился в морось. Был самый разгар дня, с неба сочился грязно-серый свет, едва позволявший видеть, что море загустело от плавучего мусора. Плыли трупы собак, кроликов и коров, но гораздо больше человеческих тел. И дерево, причем во всех видах: стволы, мебель, несущие стены домов.

Тим вылез из «Блейзера», выловил несколько обломков и сложил их перед печкой в машине.

— Если мы найдем себе какое-нибудь убежище, — сказал он, — у нас будут дрова, чтобы разогреть суп и согреться.

— Ясно, — пробормотала Эйлин.

Она сидела за рулем, очень прямо, а мотор урчал. Хамнер не торопил ее. Ему хватало ума не предлагаться на замену, и он знал, чего бы ей это стоило.

Девушка тронула машину с места.

— Погоди, — произнес Тим и положил руку ей на плечо.

Она кивнула и опять переключила передачу на нейтральную.

Длинным серебристо-серым валом к ним катилась волна. Невысокая. Когда она почти добралась до автомобиля, Хамнер понял, что она

едва ли достигает двух футов. Но за ночь уровень моря изрядно поднялся, и колеса уже погрузились в воду.

Волна мягко толкнулась в «Блейзер», подняла ее, понесла. И сразу же опустила — мотор не успел заглохнуть.

Хэнкок обессиленно вздохнула.

— Что еще? Снова землетрясение?

— По-моему, где-то обрушилась дамба.

— Всего-навсего. — Эйлин попыталась рассмеяться. — Дамба рухнула! Спасайся кто может.

— Чероки бегут из форта Мадж!

— Что?

— Ничего. Так… просто кое-что вспомнилось, — ответил он. — Наверное, не выдержала далеко не первая дамба. Вероятно, обрушились все плотины. Возможно, кое-где инженеры и механики успели вовремя открыть водосливы. Но это, конечно, не помогло.

«А значит, — подумал он, — электроэнергии нигде нет». Даже местные электростанции уничтожены.

А уцелели силовые станции и генераторы? Плотины-то можно выстроить заново.

Эйлин передвинула рычаг. «Блейзер» медленно потащился вперед.

Рельсы Южной Тихоокеанской железной дороги довели их до окрестностей Портервилла. Насыпь и лежащие на ней рельсы постепенно шли вверх, и наконец море отступило. Это была земля — такая, будто только что поднялась из пучин: Атлантида вернулась. Но Хэнкок продолжала вести автомобиль по рельсам, хотя ее плечи вздрагивали от напряжения.

— Ни людей, ни застрявших машин, — проговорила она. — Но мы же стараемся не встречаться с ними, правда?

Однако полностью уклониться от встречи с чужаками не удавалось; изредка вдоль железнодорожного полотна брели кучки беженцев, чаще всего семьи.

— Страшно жаль бросать их, — сказала девушка. — Но… кого из них нам следовало бы забрать? Первых, кого мы увидим? Или выбирать? Как бы мы ни поступили, если бы «Блейзер» оказался битком набит, а по пути бы постоянно попадались уцелевшие…

— Верно, — откликнулся Тим. — Да и ехать нам тоже некуда…

Но и он задумался, чувствуя настроение Эйлин. Вправе ли они рассчитывать, что кто-то поможет им? Ведь они и сами игнорируют жертв ката-

строфы.

К юго-востоку от Портервилла «Блейзер» скатился с мокрой насыпи на шоссе сто девяносто. Хамнер сел за руль, а Хэнкок улеглась на разложенном пассажирском сиденье, вымотанная, но не в состоянии уснуть.

Было видно, что недавно здесь прошло наводнение. Изучая покореженные здания, поваленные заборы и вырванные с корнем деревья, Тим уверился, что вода пришла сюда с той же стороны, откуда ехали они. Повсюду была грязь, и Хамнер получил повод гордиться верностью своих суждений.

Вряд ли бы другая машина так же хорошо справилась с задачей, как их «Блейзер».

— Озеро Саксесс, — констатировала Эйлин. — Огромное озеро стало еще больше. Местная плотина, должно быть, рухнула. Дорога проходит по краю…

— Да?

— Мне интересно, есть ли там хотя бы намек на нормальную трассу, — объяснила девушка.

В конце концов они добрались до перекрестка. Здесь шоссе сменял серпантин, ведущий прямо в горы.

Земля раскисла и превратилась в болото, всюду

виднелись увязшие машины, застрявшие во всевозможных положениях. В салонах автомобилей виднелись люди — все мертвые. Эйлин и Тим порадовались, что дождь усилился. Он мешал им заглянуть в кювет слева…

Постепенно серпантин сделался еще хуже, местами оказываясь размытым или полностью заваленным раскрошенными булыжниками. За руль снова села Эйлин: она чутьем угадывала, где должно быть дорожное полотно, надеясь, что оно пригодно для проезда.

«Блейзер» продолжал катить вперед, но медленнее, чем раньше…

Потом они различили свет костра. С полдюжины машин — некоторые не хуже «Блейзера». А еще — мужчин, женщин и детей. Вид у них был безрадостный. Каким-то образом им удалось разжечь огонь. Ветки и поленья лежали рядом, заботливо укрытые пластиком.

Люди мокли под дождем.

Хамнер взял деревянные обломки, выловленные им из воды, и отнес их к костру.

Никто не возражал. Дети безнадежно глазели на него.

Затем какой-то мужчина произнес:

— Вы дальше не проедете.

Тим, не отвечая, рассмотрел оползень. В грязи виднелись следы колес. Если там смогла пройти другая машина…

— Есть одна проблема, — прибавил мужчина. — Мост впереди разрушен.

— Можно пешком…

— Там вооруженные люди. Они не вступают в переговоры. Первая пуля просвистела между мной и моей женой. Я понял, что следующий выстрел нас прикончит. Но того, кто в нас целился, я не видел.

Вот оно. Конец пути. Хамнер сел возле огня и начал смеяться — сначала тихо, а потом громче и громче, в нарастающей истерике. Два дня. Неужели? Да. Сегодня пятница, Утопленная Грязная Пятница после Вторника Катастрофы, и дороги, ведущие в горы, исчезли, а добраться до поместья сенатора невозможно. Опять люди с пушками. Мир теперь принадлежит им. Вероятно, стрелял сенатор. Перед глазами всплыло неправдоподобное: Джеллисон во всей красе — полосатые брюки, легкий пиджак и винтовка: именно так и должен одеваться преуспевающий лидер…

— Работает, — прохрипел Тим. — Расскажите о своей мечте, и этим вы убьете ее. Работает! — повторил он и вновь расхохотался.

— Вот. — Здоровяк с мощными волосатыми руками с помощью носового платка вытащил из огня жестянку.

Вылил содержимое жестянки в картонный стаканчик, взглянул на Хамнера, словно раскаиваясь в том, что делает, и из кармана куртки вытащил плоскую пинтовую бутылку. Плеснул в стаканчик ром и передал ее Хамнеру.

— Выпейте, только не потеряйте стакан. И прекратите смеяться. Вы пугаете детей.

Ну и что? Он давно привык чувствовать себя виноватым. «Не устраивай сцен», — вечно твердили ему мать, и отец, и остальные — тоже…

Кофе с ромом оказался вкусным и согрел его. Хотя облегчения не принес. Эйлин принесла банку томатного супа и предложила присутствующим.

Они сидели молча, делясь тем, что у них было: супом, растворимым кофе и куском утонувшего кролика, поджаренным на пруте вместо вертела.

Разговаривали очень мало. После трапезы незнакомцы начали собираться.

— Двинем на север, — собирая свое семейство, пробормотал один мужчина (Тим мысленно прозвал его «предводителем»). — Кто-нибудь хочет с нами?

— Конечно, — остальные присоединились к

нему.

Тим приободрился. Они уедут, оставив его с Эйлин. Надо ли ему ехать с ними? Зачем? Этим ребятам тоже некуда податься.

Люди поднялись и направились к автомобилям — кроме великана, угостившего Хамнера кофе. Он не шевелился, как и его жена и двое детей.

— А вы, Брэд? — осведомился предводитель.

— Тачка сломалась. — Здоровяк махнул рукой в сторону «линкольна», стоящего возле грязевого оползня. — Похоже, ось полетела.

— А бензин? — спросил предводитель.

— На исходе.

— А мы попытаемся. Если вы не возражаете.

Великан пожал плечами. Из «линкольна» уезжающим удалось слить не более пинты топлива. Машины были набиты под завязку, свободного места уже не оставалось. Предводитель медлил. Он смотрел на сидящих у костра, как на мертвецов.

— А пластик ваш? И кофе? — полуспросил он с тоской, но ответа не получил, и побрел прочь.

Колонна машин двинулась вниз по склону, скрываясь за завесой дождя.

Теперь их было шестеро. Хамнер, Хэнкок и…

— Меня зовут Брэд Вагонер, — представился

мужчина. — А это Роза, Эрик и Консепсьон. Мальчика назвал я, в моей семье было такое имя, девочку — жена, Роза. Думал, что и дальше так буду делать, если у нас появятся еще дети. — Похоже, он радовался, что есть с кем поговорить.

— Я — Эйлин, а это — Тим. Мы… — Девушка запнулась. — Разумеется, на самом деле мы не слишком рады встрече с вами. Но, наверное, мне следует сказать именно так. И мы вам очень признательны за кофе.

Дети вели себя тихо. Роза, обняв, привлекла их к себе и что-то нашептывала им по-испански. Эрик и Консепсьон — совсем маленькие, лет пяти-шести, — так и льнули к матери. На них были желтые нейлоновые плащики и теннисные туфли.

— Вы на мели, — произнес Тим.

Вагонер кивнул. И ничего не ответил.

«Он справится с двумя такими, как я, — решил Хамнер, — и у него семья. Нам лучше убраться отсюда, пока он не свернул мне шею и не забрал «Блейзер».

Его охватил страх. И стыд, потому что Вагонеры не сделали ничего, что навело бы его на подобные подозрения. Однако само их присутствие…

— А ехать-то некуда, — пробурчал Брэд. — Мы

из Бейкерсфилда, а от него тоже почти ничего не осталось. Наверное, нам стоило сразу же уехать в горы, но мы думали, что надо разыскать в городе съестное и прочие припасы. Нас чуть-чуть не смыло, когда плотина обрушилась. — Он взглянул на возвышающийся над ним крутой склон холма. — Если дождь прекратится, мы, пожалуй, попытаемся разведать, куда можно дойти пешком. А у вас есть какие-нибудь планы? — вдруг спросил великан.

В его голосе послышалась мольба.

— В общем, нет. — Тим уставился в угасающий костер. — Но я знаю кое-кого там наверху. Политика, в которого вложил кучу денег. Сенатора Джеллисона. — Но, похоже, у нас ничего не выйдет.

— Джеллисон, — задумчиво пробормотал Вагонер. — Я голосовал за него. Думаете, это считается? Вы еще не раздумали ехать туда?

— Только об этом я и способен думать, — с безнадежностью признался Хамнер.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Эйлин.

Взгляд ее то и дело возвращался к детям.

Вагонер пожал плечами.

— Найду какое-нибудь место и начну все сна-

чала, наверное. — Он рассмеялся. — Я строил высотные дома. Зарабатывал много, но… такую хорошую машину, как у вас, все же не приобрел.

— Вы бы удивились, узнав, почем она мне обошлась, — заявил Тим.

Костер погас. Пора. Эйлин направилась к «Блейзеру», Тим следом. Брэд вместе с женой и детьми продолжал сидеть у потухшего огня.

— Я не могу этого вынести, — прошептал Хамнер.

— Я тоже. — Девушка взяла его за руку, сжала. — Мистер Вагонер! Брэд…

— Что?

— Идите к нам! — Она подождала, пока все семейство разместится в автомобиле — взрослые и дети кое-как втиснулись на заднее сиденье.

Хэнкок развернулась, и машина покатила вниз.

— Жаль, нет дорожного атласа.

— У меня кое-что есть, — сказал здоровяк. Он вытащил из внутреннего кармана мокрый лист бумаги. — Осторожнее, может, легко порваться.

Это была изданная автоклубом карта округа Туларе. Более подробная, чем шевроновская карта Тима и Эйлин.

Хэнкок сбросила скорость, затормозила. Развер-

нула карту и принялась ее изучать.

— Вот этот мост… он разрушен?

— Да.

— Погляди-ка, если мы вернемся назад и поедем вон туда, то окажемся на дороге, которая тоже ведет в горы…

— Тогда с Южной Тихоокеанской покончено.

— С Южной Тихоокенской? — переспросила Роза.

Хамнер не стал объяснять. Они двинулись в южном направлении и спустя некоторое время даже обнаружили на своем пути относительно сухой участок — некое подобие маленькой пещеры. Здесь они сделали привал, чтобы поспать.

Откидные сиденья Тим и Эйлин уступили Вагонерам. И, укрывшись куском пластика, ждали своей очереди.

— Возвышенность, — произнес Хамнер. — Она тянется на север. И на восток. А вон там… видишь, есть еще одна трасса… Хотя на карте-то ее нет. Неплохо, да?

Надо сказать, что эта гравиевая дорога находилась в относительно хорошем состоянии: по ней можно было проехать, да и шла она в нужном направлении.

У Эйлин теплилась последняя надежда, что у

«Блейзера» хватит горючего, и она села за руль.

Теперь автомобиль тащился вверх по холму.

Какое счастье, что дорогу не уничтожили ливень, грязевые оползни и ураганы. Но никакое везение не может вам помочь, если вы видите впереди заставу.

Тим нахмурился. Четверо громил, преградивших дорогу, смахивали на звезд бейсбола или на мафиози из телесериалов. Рост и ружья придавали им вид отнюдь не дружелюбный. И они не улыбались. За ними стоял большой грузовик.

Хамнер вылез из «Блейзера». Один из охранников направился ему навстречу. Его напарники топтались на месте, но к «баррикаде» — со стороны ранчо — шел какой-то молодой мужчина. Наверное, на подмогу. Он показался Тиму смутно знакомым. Может, он видел его где-то в городе? В гостях у сенатора? Ну и что с того?..

И Хамнер решительно объявил (отчетливо сознавая, что напоминает настоящего бродягу):

— Мы едем к сенатору Джеллисону. Хотим его навестить. — Властный голос стоил ему немалых усилий, на это ушли все остатки самообладания.

Его тон не произвел ни малейшего впечатления на громилу.

— Имя?

— Тим Хамнер.

Мужчина кивнул.

— Как пишется?

Он произнес по буквам, почему-то радуясь, что его имя незнакомо караульному.

Охранник крикнул стоявшим позади:

— Чак, проверь, значится ли в списке сенатора Хамнер. Х-а-м-н-е-р.

Человек, который минуту назад подошел к «пропускному пункту», принялся жестикулировать. Тим уверился, что где-то видел его прежде.

— У нас есть список людей, которых велено пропускать, — сказал громила. — И, дружище, он короткий. Есть еще один, перечень профессий. Вы врач?

— Нет…

— Кузнец? Слесарь? Механик? Станочник?

— А отставной плейбой вам не нужен? Или астроном? — Тим подумал про Брэда Вагонера. — Или строительный подрядчик? — Пока он говорил, ему на ум кое-что пришло, но его перебили.

Из-за припаркованного грузовика донесся голос:

— Хамнера нет.

— Извините, — буркнул охранник. — Мы не хо-

тим, чтобы вы перекрывали дорогу. Вы отгоните свою машину подальше, ладно? И не возвращайтесь.

Расскажите о своей мечте, и она никогда не исполнится. Тим готов был развернуться. Но…

Но нельзя уйти на смерть, не попытавшись хоть что-нибудь сделать. Он увидел Эйлин и Розу, сидящих в «Блейзере».

Их лица сказали ему все. Они уже знали.

Отыскать другой путь в поместье? Глупо. Бензина почти не осталось, а громилы наверняка прекрасно знают окрестности. Если есть хорошая дорога в горы, они ее, конечно же, перекрыли.

Идти пешком? На границе ранчо сенатора Джеллисона возвышалась белая скала величиной с небоскреб. Может, удастся добраться туда. И получить там пулю в лоб…

«Но если я хоть что-то и могу, так это уговаривать, — подумал Тим. — Хватит ползать по зарослям».

Он повернулся к баррикаде. Охранник взглянул на него с досадой, но ружье не вскидывал. Пока.

— Ваша машина на ходу, — произнес он. — И вы не ранены. Так что вам лучше…

— Ческу! — вдруг прокричал Тим. — Марк Ческу!

— Здесь Ческу, — отозвался молодой мужчина, который только что жестикулировал. — Здравствуйте, мистер Хамнер.

— Вы собираетесь дать мне уехать? Даже не поговорив со мной?

Марк пожал плечами:

— Не я здесь главный, в общем-то.

— Да уж точно не ты, — подтвердил громила.

— Но… мы ведь можем поговорить? — спросил Тим. — У меня есть идея…

Он лихорадочно размышлял. О чем-то таком упоминал Вагонер. Он строил дома. Но…

— Ладно, — согласился Марк. — Но особого смысла нет.

Он передал винтовку одному из своих товарищей и, обогнув баррикаду, подошел к Хамнеру: тот, в свою очередь, отвел Марка к «Блейзеру».

— Брэд, вы говорили, что строили здания. Вы подрядчик или архитектор?

— И то и другое.

— Так я и думал, — произнес Тим: он говорил быстро, торопливо. — Значит, вы знакомы с бетоном. Умеете вести строительные работы. Вы сможете возвести плотину!

Великан наморщил лоб.

— Я полагаю…

— Послушайте! — торжествующе воскликнул Хамнер и показал на карту, изданную автоклубом. — Все здешние плотины находятся вдоль дороги и тянутся до самой Сьерры. Они разрушены, но часть маленьких электростанций уцелела, а я достаточно разбираюсь в электричестве, чтобы запустить их, мне поможет профессионал. Перед вами укомплектованная бригада энергетиков. Работающая по контракту. Ценное приобретение, не так ли? — Он врал без оглядки, но почему-то был уверен в том, что не слишком образованные охранники сумеют его подловить.

Ведь он знает теорию и даже понимает аспекты практического применения многофазных генераторов переменного тока, правда, довольно смутно.

— Я вложил в Джеллисона пятьдесят тысяч долларов, когда это еще были настоящие деньги! Вы, по крайней мере, можете ему передать, что приехал Хамнер!

— Ага. Дайте подумать, — пробормотал Ческу.

А пришлый говорил разумные вещи. К тому же он являлся другом Рэндолла. Если бы Хамнер убрался отсюда восвояси, не узнав Марка, мотоциклист мог бы спокойно забыть о нем, но теперь ситуация изменилась. Харви, конечно же, услы-

шит о приезде непрошеных гостей и, возможно, не будет против того, чтобы они остались на ранчо… А еще пятьдесят штук. Ческу не общался с сенатором один на один, но Джеллисон явно был человек старых взглядов. Вероятно, он посчитает, что взнос в пятьдесят кусков — дело важное. Да еще трепотня об электростанциях и плотинах…

Да, следует пропустить приезжих. Только Марк не может. Не позволяют Кристоферы. Но пока они еще слушаются Артура…

Парень уставился на здоровяка, сидевшего в «Блейзере».

— Армия? — спросил Ческу.

— Морская пехота, — ответил Вагонер.

— Стрелять умеете?

— Все морпехи — первоклассные стрелки. Да.

— Отлично. Ладно, я попробую. — Марк вернулся к блокпосту. — Похоже, это приятель сенатора, — сказал он. — Я доложу о нем.

Высокий охранник медлил в нерешительности. Тим затаил дыхание.

— Пусть подождет, — наконец произнес мужчина и громко велел: — Ждите нас на обочине. Сидите в машине.

— Хорошо.

Хамнер залез в «Блейзер», и тот кое-как отъехал

в сторону, почти к кювету.

— Если явится кто-нибудь, настроенный воинственно, мы не хотим нарваться на шальную пулю, — заметил Тим.

Марк тем временем пнул стартер мотоцикла и умчался прочь.

— А что, могут стрелять? — спросила Роза.

— Не знаю, — ответил Тим и поежился. — Посмотрим.

Эйлин рассмеялась. Она представила своего друга, пытающегося вернуть к жизни огромный генератор.

— Держи кулаки, — посоветовала она.

— Вы его знаете, а я нет, — изрек сенатор. — Какая от него польза?

Рэндолл задумался.

— Если честно, то я и понятия не имею. Но он добрался сюда. Это можно поставить ему в заслугу. Он сумел выжить.

— Или ему просто повезло, — возразил Джеллисон. — Комета Хамнера — Брауна. Что ж, счастья нашему миру он не принес. Да, разумеется, открыть что-либо — не значит изобрести. Марк, вы говорите, что второй парень — бывший морской пехотинец?

— Так он сказал. И внешне, в принципе, по-

хож.

— Еще шестеро. Две женщины и двое детей. — Артур хмыкнул. — Харви, вы можете поручиться, что электростанции снова заработают?

— Мысль вроде бы плодотворная…

— Конечно. Но способен ли Хамнер воплотить ее в жизнь?

Журналист пожал плечами.

— Не могу сказать, сенатор. У него высшее образование. Должен же он был изучить что-то, кроме астрономии.

— И я ему обязан, — проворчал Джеллисон. — Вопрос в том, достаточно ли я ему обязан? Зимой в горах может начаться голод. — Взгляд сенатора стал задумчивым. — Человек, открывший комету. И это говорит мне, по крайней мере, одно. Он, вероятно, парень терпеливый. А нам чертовски необходим дозорный на вершине скалы. Кто-то, умеющий вести наблюдение. И Элис не будет торчать на одном месте, ей полезно прогуляться… Плюс — морпех, который как будто бы умеет строить плотины. А он — офицер или солдат срочной службы, Марк?

— Не знаю, сэр. По-моему, офицер…

— М-да. Что ж, мне всегда нравились морпехи. Марк, езжайте и скажите мистеру Хамнеру, что

сегодня у него счастливый день.

Все было написано на физиономии Ческу. Он еще только приближался к «Блейзеру», а Тим уже догадался о том, какую весть он им принес.

Они спасены. Несмотря ни на что. Иногда мечты сбываются, даже если о них расскажешь.

Твердыня: 2

Ценность информации прямо пропорциональна ее неправдоподобию.

Фундаментальная теорема теории информации

Элу Харди не нравилось заниматься охраной. Но эта нелюбовь была бессмысленной. Кто-то должен стоять на посту, а ранчеры на других местах приносили больше пользы, чем он. Кроме того, здесь Харди мог принимать некоторые решения, важные для сенатора.

Однако он не мог дождаться, когда можно будет с этим завязать. «Уже скоро, — думал он, — парни у ворот будут не нужны».

Сейчас застава останавливала посторонних, но полностью перекрыть поток беженцев она не сможет. Одни добирались пешком из затопленной долины Сан-Хоакин. Другие спускались с Высокой Сьерры, а многие проникли в долину еще до того, как Кристоферы «запечатали» дорогу. И хотя пришлых ждала высылка обратно, многие из них даже не сомневались, что сенатор разрешит им жить на ранчо.

Возможность поговорить с Джеллисоном означала очень много.

А старик действительно не любил никого прогонять. Именно поэтому Элу и следовало ограждать Артура от просителей. Это составляло часть его работы, впрочем, как и всегда: сенатор людям говорил «да», а Харди говорил «нет».

А что делать? Они хлынут потоком, будут приходить сюда каждый час, а Джеллисон не сможет им отказать. А если Эл не будет нести охрану, его сменят Морин и Шарлотта… ну и черт с ними. В Падении Молота имелся только один плюс: после него борьба женщин за равные права испарилась за несколько миллисекунд…

Ему требовалось проверить кое-какие бумаги. Он составлял списки необходимых вещей и перечень ремонтных и иных работ, а также дополнял планы, набросанные боссом. Сидя в автомобиле, он неустанно трудился, прерываясь лишь в том случае, если замечал чье-либо приближение.

Но сейчас дело не клеилось. Ничего просто-напросто не получалось.

Беженцы выглядели одинаково: голодные и промокшие до нитки. Но ситуация с каждым днем ухудшалась.

А сегодня, в субботу, некоторые из них прояв-

ляли чрезмерную настойчивость.

В бытность помощником сенатора, Эл Харди считал, что неплохо умеет разбираться в людях. Но теперь разбираться было не в чем. Одно слово — рутина.

К примеру, бродячие пугала, притопавшие сюда с двумя детьми и с третьим на руках… Супруги утверждали, что они — врачи, и знали медицинский жаргон. Специалисты… хотя женщина-психиатр прошла подготовку как врач общего профиля.

А как же иначе?..

А тот угрюмый здоровяк, занимавший высокий пост в Си-би-эс? Его надо было прогнать, а он ругался без передышки, пока напарник Харди не истратил патрон, прострелив боковое стекло машины великана.

А мужчина в отрепьях некогда дорогого костюма! Вежливый и изъяснялся на литературном английском. Оказался городским советником откуда-то из долины. Он вылез из тачки, подошел к Элу почти вплотную и продемонстрировал ему пистолет, спрятанный в кармане плаща.

— Руки вверх.

— Вы точно хотите этого? — спросил Харди.

— Да. Вы меня впустите.

— Хорошо, — ответил Эл.

А потом в черепе городского советника появилась дырка, ровная и аккуратная. Потому что Харди поднял правую руку, и это был условный сигнал. Жаль, что парень в свое время не прочел Киплинга:

...«Слишком долго, – он крикнул, – ты ехал за мной,

Слишком милостив был я к тебе.

Здесь на двадцать миль не сыскать скалы,

Ты здесь пня бы найти не сумел,

Где, припав на колено, тебя бы не ждал

Стрелок с ружьем на прицел.

Если б руку с поводьями поднял я,

если я опустил ее вдруг,

Быстроногих шакалов сегодня в ночь

пировал бы веселый круг.

Если б голову я захотел поднять

и ее наклонил чуть-чуть,

Этот коршун несытый наелся бы так,

что не мог бы крылом взмахнуть[9].

На подъездную аллею выехал автомобиль. Маленький грузовичок. А в нем — тощий волосатый парень с усами подковкой. «Наверняка местный, подумал Эл, — они все разъезжают на таких тачках».

С равным успехом фургон могли угнать, но зачем тогда вор явился со своей добычей к особняку сенатора?

Харди вылез из машины и по воде и грязи зашлепал к воротам.

Всем прибывшим он говорил одно и то же:

— Покажите ваши руки. Я не вооружен. Но за вами следит мой товарищ, у него винтовка с оптическим прицелом. Он сидит в укрытии.

Но тут последовал вопрос.

— А водить фургон он умеет?

Эл уставился на незнакомца.

— Что?

— Сначала главное. — Усатый полез в сумку, стоявшую на сиденье. — Почта. Только у меня заказное письмо. Сенатор должен за него расписаться. А там мертвый медведь…

— Что? — выработанный Элом привычный

---

[9] Примечания: 9

Р. Киплинг. Баллада о Востоке и Западе. (*Пер. Е. Полонской*).

порядок дал сбой. — Что?

— Мертвый медведь. Убил его сегодня рано утром. Выбора не было. Я спал в кабине, и вдруг громадная мохнатая черная лапа выбила стекло и полезла внутрь. Огромная зверюга… Я отодвинулся, но он продолжал ломиться в машину. Тогда я вытащил «беретту», которую нашел на «Курином ранчо», и выстрелил ему прямо в глаз. Он рухнул кучей мяса. Ну и вот…

— Кто вы? — спросил Эл.

— Почтальон, кто ж еще! Вы можете попробовать сосредоточиться хоть на чем-то? Там пятьсот, а то и тысяча фунтов медвежатины, не говоря уже о шкуре, и мясо ждет не дождется четверых здоровых мужчин с грузовиком. Оно начинает портиться! Я не могу вытащить его, но если вы пришлете своих ребят, то, возможно, спасете полдюжины человек от голодной смерти. А сейчас мне надо встретиться с сенатором, чтобы он расписался за письмо… ну а вам лучше послать кого-нибудь за тушей прямо сейчас, не откладывая.

Это было для Харди уже чересчур. Определенно чересчур. Единственное, что он осознал, — наличие у парня «беретты».

— Вы должны отдать мне свое оружие на

сохранение. А затем вы отвезете меня на холм, — произнес он.

— Чего-чего? Зачем я должен отдавать вам свою пушку? — удивился Ньюкомб. — А, ладно, если это вас порадует. Держите.

И он протянул Элу пистолет. Мужчина в высшей степени осторожно взял «беретту». И открыл ворота.

— Господи, сенатор, к нам приехал Гарри! — закричала миссис Кокс.

— Какой еще Гарри? — Артур встал из-за стола, заваленного картами, списками и диаграммами, и выглянул в окно.

Ну, конечно, Эл ехал с кем-то в фургоне. С кем-то очень усатым и волосатым, одетым в серое.

— Почта! — поднявшись на крыльцо, провозгласил Ньюкомб.

Женщина распахнула входную дверь.

— Гарри, мы не ожидали увидеть вас снова!

— Привет, — поздоровался он. — Заказное письмо для мистера Джеллисона.

Ясно. Политические секреты мира, который погиб и хоронит себя. Артур направился в холл.

На пороге стоял молодой парень. Он действительно был в куртке почтового ведомства, которая уже превратилась в лохмотья. Сам визи-

тер выглядел немного усталым.

— Входите же, — произнес Джеллисон.

Что тут сегодня творится?

— Сенатор, утром Гарри застрелил медведя. Я пошлю рабочих, пусть заберут тушу до того, как ее расклюют стервятники, — выпалил Эл.

— Вы не уйдете с моей «береттой»! — вознегодовал Ньюкомб.

— Ах да. — Харди вытащил пистолет из кармана, неуверенно взглянул на него. — Гарри отдал мне свое оружие, — доложил он и, вручив «беретту» своему вконец растерянному боссу, улетучился.

— По-моему, вы первый, кто сумел вывести моего помощника из равновесия, — произнес сенатор. — Пройдемте в мой кабинет. Итак, вы наведываетесь к уцелевшим фермерам?

— Ага, — подтвердил почтальон.

— И кто, как вы полагаете, будет платить вам теперь, когда?..

— Люди, которым я доставляю сообщения, — ответил Ньюкомб. — Мои клиенты.

«Что ж, намек понял», — подумал Артур и приоткрыл дверь комнаты.

— Миссис Кокс, посмотрите, что можно найти…

— Сейчас! — выкрикнула она из кухни.

Через минуту жена смотрителя вошла в кабинет. В руках она несла чашку с горячим кофе.

«Красивый фарфор, — пронеслось у Джеллисона в голове, — из моего лучшего сервиза. А в чашке плещется некоторое количество последнего кофе на свете. Похоже, миссис Кокс покровительствует Гарри».

Приветливое отношение женщины навело сенатора на мысль. Он протянул Ньюкомбу «беретту».

— Извините. Харди получил указание…

— Ладно. — Парень спрятал оружие в карман.

Он пил кофе мелкими глотками и вздыхал.

— Присаживайтесь, — произнес Артур. — А вы развозите почту по всей долине?

— Почти по всей.

— А как обстоят дела в…

— Я думал, вы меня так и не спросите.

Гарри побывал почти всюду. Он рассказал свою историю скупо, без прикрас. Он заранее решил, что будет поступать именно так. Только факты. Почтовый фургон перевернулся. Линии электропередачи оборваны, как и кабели телефонной связи. Дороги в целом размыты. Зато Миллеры в порядке. «Шир» уцелел. «Мучос Номбрес» поки-

нуто — он убедился в этом, когда позднее заехал туда на своем грузовичке, а тела… «ой, ляпнул раньше времени».

Ньюкомб поведал и об убийстве на ферме Романа.

Джеллисон нахмурился, и Ньюкомб, пройдя к столу, на котором была расстелена подробная карта округа, показал, где находится сама ферма.

— Никакого следа хозяев, но кто-то стрелял в вас и убил того, кто был с вами? — спросил Артур.

— Верно.

Сенатор кивнул. «С этим надо что-то делать, но сперва — рассказать Кристоферам. Пусть возьмут на себя свою долю риска в полицейской операции».

— А люди из «Мучос Номбрес» собирались разыскать вас, — добавил почтальон. — Вчера утром.

— Сюда они не добрались, — ответил Джеллисон. — Вероятно, они в городе. А на том ранчо плодородная почва? Что-нибудь посажено?

— В основном сорняки, — сказал Гарри. — Но у меня есть куры. У вас найдется птичий корм?

— Что?

Парень поистине был кладезем информации!

Ньюкомб рассказал сенатору о Синаньянах и о

«Курином ранчо».

— Думаю, они передохнут с голоду или станут добычей койотов, так что можете спокойно забрать их себе, — объяснил он. — Но нескольких мне хотелось бы оставить. И петуха. Надеюсь, он еще жив. А нет, так разыщу другого…

— Вы собираетесь заняться сельским хозяйством? — поинтересовался Джеллисон.

Гарри содрогнулся:

— Господи, нет! Но я решил, что неплохо было бы держать нескольких кур.

— Значит, вы намерены вернуться туда?

— Естественно, — кивнул Гарри. — И на обратном пути я буду наведываться в другие ранчо тоже.

— А потом? — осведомился Артур, хотя уже знал ответ.

— Буду развозить послания, разумеется. А что еще делать?

Резонно.

— Миссис Кокс, кого бы послать гонцом?

Женщина задержалась и слушала рассказ Гарри.

— Марка, — ответила она. В голосе ее звучало неодобрение. Она никак не могла преодолеть предубеждение против него.

— Пошлите его в город, пусть разведает насчет людей из «Мучос Номбрес». Они предположительно ищут меня.

— Хорошо, — проговорила жена смотрителя и покинула кабинет, что-то бормоча себе под нос.

«Только бы телефоны заработали снова. Прошлой ночью дочка толковала о телеграфе. В одной ее книжке нашлись чертежи, а телефонные кабели никуда не делись».

Отослав Марка, она приготовила ланч. Сейчас еды было много: то, что осталось от консервирования, и то, что насобирали по садам — падалицу. Впрочем, долго такое изобилие не продлится.

Ньюкомб успел побывать и за пределами долины. Он показал дорогу на карте.

— На моем маршруте и Дик Уилсон, — сказал парень. — Он организовал примерно то же, что и вы. Это примерно тридцать миль отсюда к юго-западу.

— Как вы вернулись? — спросил Джеллисон.

— По проселочной дороге…

— Она перекрыта.

— Ах да. Там побывал мистер Кристофер.

— И как вам удалось проехать мимо него? — воскликнул сенатор, хотя сейчас его уже ничто не могло удивить.

— Я помахал ему, а он мне, — пожал плечами почтальон. — А разве он не должен был пропустить меня?

— Должен.

«Вот не думал, что он такой умный».

— Вы и ему все рассказали?

— Пока нет, — ответил Ньюкомб. — Там какая-то компания пыталась переговорить с ним. А он не расставался со своей пушкой. Рядом с ним дежурили четверо громил. Мне показалось, момент не подходящий для дружеской болтовни.

Было и еще кое-что. Наводнение. Джеллисон погрузился в раздумья: долина Сан-Хоакин превратилась во внутреннее море. Кое-где глубина доходила до ста футов, волны разбивались о склоны холмов. Миндальные рощи в щепы разнесло ураганами. Повсюду — мертвые и умирающие. Наверняка, если не принять меры, вспыхнет эпидемия брюшного тифа. Но что можно предпринять?

Вошел Ческу.

— Да, сэр, вчера в городе появились ребята из «Мучос Номбрес». Пытались купить еду. Почти ничего не достали. Наверняка вернулись обратно.

— Где умрут с голоду, — констатировал Гарри.

— Пригласите их на общегородское собрание, — вымолвил Артур. — Они владеют землей…

— Но совершенно не разбираются в сельском хозяйстве, — добавил почтальон. — Я вроде бы упомянул об этом. Работать-то они хотят, но не понимают, что делать.

Джеллисон сделал в памяти очередную заметку. История Гарри, заполняла многие пробелы в имеющихся сведениях.

— Значит, Дик Уилсон восстановил порядок, — резюмировал сенатор. Тоже новость, причем из района за пределами долины. Джеллисон решил послать Харди повидаться с Уилсоном. С соседями лучше поддерживать добрые отношения. Эл и… да, Марк доберутся туда на мотоцикле.

Но существовал миллион дел, которыми требовалось заняться. Положа руку на сердце, сенатор должен был признать: он донельзя вымотан. Такого с ним не было даже в Вашингтоне.

«Не надо сильно переживать», — сказал он себе.

Кубические мили воды испарились, и дождевые тучи окутывают Землю. В районе цепи Гималаев формируются холодные погодные фронты. Чудовищные грозы проносятся над северо-восточной частью Индии, над севером Бирмы, и китайскими

провинциями Юньнань и Сычуань. Великие реки восточной Азии — Брахмапутра, Иравади, Меконг, Янцзы и Желтая река — все берут начало у подножия Гималаев.

Плодородные долины Азии заливают паводки, а в предгорьях до сих пор льют дожди. Плотины, не выдержав, рушатся, и волны мчатся вперед, а потом сталкиваются с взбаламученными штормами солеными водами, занесенными в глубь материка цунами и торнадо.

Пока дожди заливают Землю, из кипящих морей — там, куда ударили обломки Молота, вздымается пар. Он уносит с собой соль, грязь, ил, каменную крошку и прочие частицы земной коры.

Вулканы выбрасывают в атмосферу миллионы тонн дыма и пылающих частиц, а те, в свою очередь, достигают стратосферы.

Комета Хамнера — Брауна улетает прочь. Земля теперь издали смахивает на ярко светящуюся мерцающую жемчужину. Ее альбедо изменилось: от планеты отражается больше солнечного тепла и света, чем раньше. Хамнер — Браун прошла мимо, но последствия столкновения никуда не делись (взять хотя бы цунами — они еще проносятся по океанам и многие уже трижды обошли

вокруг планеты). Или ураганы и тайфуны, безжалостными бичами хлещущие по морям и по суше. Или льющие повсюду грозовые ливни.

Это временные последствия, а вот другие носят более постоянный характер.

Ту же Арктику засыпает снег, который не растает на протяжении столетий.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПОСЛЕ СУДНОГО ДНЯ

Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук,
и дан был ему венец; и вышел он как победоносный,
и чтобы победить…
И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано
взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга;
и дан ему большой меч.

Откровение святого Иоанна Богослова (6: 2–4)

Неделя Первая: Принцесса

Сомневаться во всем, верить всему – вот два решения, одинаково удобные: и то и другое избавляет нас от необходимости размышлять.

А. Пуанкаре

Морин стояла на вершине скалы. С неба продолжал моросить теплый дождь. В тучах вспыхивали молнии. Девушка шагнула ближе к глубокой расселине в гранитной глыбе. Поверхность оказалась скользкой. Дочь сенатора едва заметно улыбнулась, вспомнив, как даже прежде отец предупреждал — не ходи туда одна…

Закончить мысль было трудно. Морин не могла подобрать названия тому, что произошло. «Конец света» звучало банально, и еще не стало окончательной правдой. Пока. Здесь, на ранчо, которое они теперь называли «Твердыней», мир все же устоял. Она не могла разглядеть долину из-за пелены дождя, но этого и не требовалось.

Там, внизу, кипит суматошная деятельность. Происходит учет *всего*: бензина, патронов, иголок и булавок, пластиковых пакетов, пищевых

жиров, аспирина, огнестрельного оружия, бутылочек для детского питания, посуды, цемента — любых вещей, с помощью которых можно пережить грядущую зиму. Эта задача возложена на плечи Эла. Морин, Эйлин и Мари Вэнс присоединились к нему и вместе с ним обходили окрестные дома.

— Ищейки, вот мы кто! — крикнула Морин навстречу дождю и ветру и тихо добавила: — Все чертовски бесполезно.

Правда, то, что приходилось рыскать по чужим ранчо, ее совсем не обескураживало. Если что-то им крайне необходимо, если что-то может спасти их, почему бы не пополнить запасы? А Харди дотошен и кропотлив. Так что обшаривание чужих домов не являлось моральной дилеммой. Те же, кто пытался что-то прятать, были просто-напросто глупцами, и по их поводу Морин тоже не волновалась. Беспокоили ее другие, те, кто возлагал на нее надежды. Они верили. Они не сомневались, что сенатор Джеллисон спасет их, и трогательно радовались при виде его дочери. Их не тревожило, что она будет всюду совать свой нос и, вероятно, заберет их имущество. Они охотно предлагали ей то, чем владели, причем добровольно — в обмен на покровительство и за-

щиту, которых, в принципе, не было и в помине.

Некоторые фермеры и ранчеры проявляли гордость и независимость. Они понимали необходимость организованности, но не желали раболепствовать. Но были и другие. Жалкие беженцы, каким-то образом просочившиеся мимо застав. Горожане, в свое время купившие здесь дома, и удравшие сюда в страхе перед падением Молота, а сейчас — абсолютно беспомощные. И сельские жители, чей образ жизни целиком и полностью зависел от грузовиков, доставляющих продовольствие, от вагонов-рефрижераторов и от погоды в Калифорнии. В общем, для всех этих людей Джеллисон являлся олицетворением высшего органа власти, тем правительством, которое возьмет на себя всю ответственность и укажем им, что делать.

Морин такое бремя казалось невыносимым. Она лгала людям. Она сулила им спасение и отводила взгляд. В нынешнем году урожая нигде не будет. А надолго ли хватит припасов, добытых из полузатопленных магазинов и складов? Достаточно ли провизии и одежды? Сколько еще беженцев скитается по Сан-Хоакину?

И какое право имеет Морин жить, когда мир умирает?

Поблизости сверкнула молния. Молодая женщина не шелохнулась. Она стояла на голом граните у края пропасти. «Я хотела, чтобы у меня появилась цель. Вот она и появилась. Но это уже чересчур».

Ее жизнь никогда не вращалась вокруг вашингтонских вечеринок и приемов, на которых вечно сплетничали. Нельзя сказать, что выжить, когда настал конец света, — вещь банальная. Но ведь так и есть. Если жизнь — всего лишь существование, то в чем разница?

Но в Вашингтоне было уютнее. Там легче скрыть, что тебе плохо.

Вот единственное отличие.

Она услышала за спиной шаги. Кто-то к ней подкрадывается? Оружия у Морин не имелось, и она вздрогнула. Смешно. Она застыла на самом краю, на вершине скалы, вокруг полыхают молнии — и струсила. Но она испугалась чужих шагов впервые за все время, проведенное в долине. И поняв это, ужаснулась еще больше. Молот разрушил и уничтожил мир. Даже ее любимое место перестало быть убежищем.

Она обернулась, взглянула на мужчину с винтовкой, который приближался к ней, и чуть переместила вес своего тела. Это же так легко…

Он подошел ближе. На нем были пончо и широкополая шляп надвинутая на лоб.

— Морин? — окликнул он.

На нее нахлынуло облегчение. В ее голосе пробивался истерический смех, когда она произнесла:

— Харви? Что вы тут делаете?

Рэндолл замер в нерешительности. Морин вспомнила, что он боится высоты, и шагнула ему навстречу — подальше от расселины.

— Я здесь по обязанности, — ответил мужчина. — А с какой стати вы сюда забрались?

— Не знаю. — Она вздохнула. — Решила промокнуть… наверное. — Она поняла, что сказала правду.

Несмотря на дождевик, она вымокла с головы до пят. В коротких резиновых сапожках хлюпала вода, по спине стекали струи — уже не теплые, а прохладные.

— Почему по обязанности?

— Я дозорный. У меня рядом укрытие. Пойдемте, спрячемся там, Морин.

— Хорошо.

И она покорно зашагала следом за Харви по гребню. Он не оглядывался.

Через пятьдесят ярдов Морин обнаружила

скальные обломки, наклоненные друг к другу. Под ними находилось неуклюжее сооружение из деревянных досок и пластиковых мешков для мусора. Морин и Рэндолл забрались в убежище. Тусклый дневной свет пробивался внутрь, и Морин огляделась по сторонам. Всю обстановку составляли — надувной матрац, спальник да ящик, служивший табуретом или столом. В землю был вогнан столб, а в него вбиты колышки, на которых висели охотничий рожок и пара мешков — один с книгами в мягких обложках, другой — с едой.

— Добро пожаловать во дворец, — произнес Харви. — Снимайте верхнюю одежду и обсушитесь. — Он говорил будничным тоном, как будто нет ничего удивительного в том, что он нашел ее, стоящую в одиночестве на голой скале среди беспрестанно вспыхивающих молний.

Укрытие оказалось просторным, места вполне хватало, чтобы стоять. Рэндолл скинул шляпу и пончо и помог девушке снять дождевик. Одежду он аккуратно повесил на колышки возле входа.

— Что вы охраняете? — спросила Морин.

— Обходной путь к нам. — Мужчина пожал плечами. — Вряд ли в такую непогоду кто-нибудь объявится. А если и притащится сюда, вряд ли

я его или их замечу.... но тем не менее укрытие никогда не помешает, не так ли?

— А вы тут... живете?

— Нет. Мы несем вахту по очереди. Я, Тим Хамнер, Брэд Вагонер и Марк. Иногда Джоанна. Живем мы внизу. А вы не в курсе?

— Нет!

— Я не видел вас с тех пор, как мы приехали сюда, — продолжал он. — Я несколько раз пытался вас найти, но у меня создалось впечатление, что вы постоянно отсутствуете. По крайней мере, когда я появлялся на ранчо, так оно и было. И вообще, в особняке ко мне относятся настороженно. Но так или иначе, спасибо за голос, поданный за меня.

— Голос?

— Сенатор сказал, вы попросили, чтобы меня впустили.

— Что ж, пожалуйста.

«Решить тогда было легко. Но я не сплю с каждым встречным. Даже если ты сразу почувствовал себя виноватым и удрал в другую комнату, все равно, то, что между нами произошло, было прекрасно, и я ни о чем не жалею. Вот что я думаю, честно. Если ты мне настолько не безразличен, что я переспала с тобой, я должна была спасти

тебе жизнь, верно?»

— Располагайтесь. — Он кивнул на деревянный ящик. — Когда-нибудь я обзаведусь приличной мебелью. Делать здесь нечего, кроме как наводить уют.

— Не понимаю, какую пользу вы приносите, сидя в убежище, — произнесла Морин.

— Я тоже. Но попробуйте объяснить все Харди. Карты показывают, что это отличное место для наблюдательного пункта. Когда видимость станет больше пятидесяти ярдов, так и будет, но сейчас то, чем я занимаюсь, — напрасная трата времени, сил и людских ресурсов.

— У нас полно людских ресурсов, — возразила она.

Молодая женщина осторожно присела на ящик и прислонилась к обломку скалы.

Тонкий слой пластика между ее спиной и поверхностью камня был влажным от конденсата.

— Вам следует как-то защититься от влаги, — добавила Морин и провела пальцем по мокрому пластику.

— Всему свое время. — Рэндолл, чувствуя неловкость, постоял посреди убежища, затем подошел к надувному матрацу и плюхнулся на спальник.

— Вы считаете Эла дураком, — проговорила

она.

— Ничего подобного, — серьезно ответил он. — Наверное, именно тут я могу принести некоторую пользу. Если мимо меня проползет группа налетчиков, я окажусь вооруженным человеком в их тылу. Кроме того, я смогу предупредить людей внизу, — что тоже не пустяк. Нет, я не считаю Харди дураком. И вы заметили, что у нас есть людские ресурсы.

— Даже слишком, — сказала Морин. — Куча народа, и мало еды.

Куда делся тот беспечный улыбающийся парень, которого она как-то раз взяла с собой на прогулку по горам? И он не рассказывал о галактических империях, не спросил, зачем она пришла сюда. Не с этим мужчиной она спала.

Кто он такой? Он почти напомнил ей Джорджа. Выглядел он уверенным в себе. Винтовку он прислонил к столбу, чтобы была под рукой. Морин заметила, что на карманах его куртки нашиты петли для патронов.

«В целом мире есть два человека, с которыми я спала, и оба они чужие. И Джордж, если честно, не в счет. То, что делаешь в пятнадцать лет, всегда не в счет. Торопливое, яростное совокупление на склоне холма, недалеко отсюда, и оба мы были

так напуганы происшедшим, что никогда не говорили об этом. И вели себя так, словно ничего не случилось.

Джордж и этот мужчина. Два незнакомца. Остальные мертвы. Джонни Бейкер наверняка погиб. Мой бывший муж — тоже. И… Перечень не слишком велик».

Люди, которых она любила — год, неделю, даже одну-единственную ночь. Их оказалось немного, и в момент Падения Молота они находились в Вашингтоне. Теперь никого из них нет в живых.

«Кто-то во время испытаний проявляют силу и твердость. Таков Харви Рэндолл. Я тоже думала, что я такая. Теперь я поняла — нет».

— Я боюсь.

«Что я несу?»

Она ждала, что он начнет ее успокаивать. Утешать — как сделал бы Джордж. Эти слова были бы ложью, но…

Морин никак не ожидала истерического хохота.

Рэндолл хихикал, булькал, всхлипывал, заходился от смеха.

— Ну и ну! — еле выговорил он. — Господи, вы же не видели ничего такого, чего бы вам следовало бояться! — Теперь он кричал на нее. — Вы

знаете, что творится за пределами ваших владений?! Откуда?! Вы-то прятались в долине!

Он старался справиться с собой. Морин зачарованно наблюдала, как он постепенно берет себя в руки. Наконец смех затих. И о диво! — перед ней опять сидел суровый незнакомец.

— Извините, — просто произнес он, однако безо всякой небрежности.

Похоже, он искренне просил прощения.

Она в ужасе уставилась на него.

— Вы тоже? Все это лишь наигранное, да? Ваше хваленое мужское хладнокровие, я имею в виду?

— А чего вы хотите? — буркнул Харви. — Что мне еще остается? И я на самом деле прошу у вас прощения. Не хотел сорваться…

— Ничего страшного.

— Нет, — сказал он. — Единственный шанс, какой у нас есть, — действовать рационально. И когда один из нас ломается, остальным приходится взваливать на плечи дополнительную ношу. Вот за что я прошу извинить меня. Такое находит на меня редко, но увы! Пока я только привыкаю. Но не следовало позволять вам видеть мой срыв. Вам-то, конечно, легче не станет…

— Но ведь иногда необходимо… высказать кому-нибудь то, что у вас на душе, — перебила

его Морин.

Они замолчали, слушая шум дождя, и ветра, и раскаты грома в горах.

— А давайте махнемся, — добавила она. — Откровенность за откровенность.

— Умно ли так поступать? — возразил он. — Я не забыл, как мы встретились здесь, на гребне скалы, в прошлый раз.

— И я не забыла, — откликнулась она дрожащим голосом.

Ей показалось, что Рэндолл намеревается встать, и она затараторила:

— Не представляю, что мне делать. Правда.

Теперь он сидел неподвижно, и Морин засомневалась, хотел ли он вообще подниматься со спальника.

— Расскажите, — попросил он.

— Нет.

Она не могла толком его разглядеть. Мешал полумрак и щетина на подбородке и щеках. Иногда сверкнувшая молния заливала укрытие ярким светом жутковатого зеленого оттенка — из-за пластиковых мешков болотного цвета — да и только. Кроме того, вспышка на мгновение ослепляла Морин, и понять выражение лица Харви она никак не могла.

— Вот так и обстоят дела, — проговорила она.

— И?..

— А люди надеются, — продолжала она. — Они приходят к нам — или я навещаю их.... И они верят, что мы спасем их. Что я вытащу их... Некоторые свихнулись. В городке есть мальчик, младший сын мэра Зейца. Ему пятнадцать. Он голый бродит под дождем, пока мать не уводит его в дом. Есть пять женщин, чьи мужья не вернулись с охоты. И старики, и дети, и горожане — и все они ждут от нас чего-то... Харви, я не умею творить чудеса, но должна притворяться, что умею...

Она едва не рассказала ему и остальное: о сестре Шарлотте, которая одиноко сидит в комнате и сверлит стену пустым взглядом, но оживает и кричит, если некоторое время не видит своих детей. О Джине, негритянке с почты: она сломала ногу и лежала в канаве, пока кто-то не нашел ее, а потом умерла от гангрены, и никто не смог ей помочь. О троих ребятишках, заболевших тифом и вскоре после этого скончавшихся. О других — сошедших с ума. Рассказ о них не должен звучать банально. Но звучал.

— Я устала внушать людям ложную надежду, — призналась она.

— Вы должны, — заметил он. — Это важней

всего на свете.

— Почему?

Харви недоуменно развел руками.

— Так ведь выбора нет. Нас осталось очень мало.

— Если жизнь не ценилась прежде, почему ее вдруг бы начали ценить именно сейчас?

— Потому что она важнее всего.

— Нет! Какая разница между бессмысленным выживанием в Вашингтоне и таким же выживанием здесь? И то и другое ничего не значит.

— Значит — для других. Для тех, кто ждет от вас чуда, — настаивал Рэндолл.

— Хватит! Почему зависимость от кого-либо становится такой… значимой? Почему моя жизнь от этого приобретает смысл?

— Иногда только это и важно, — серьезно ответил Харви. — А затем вы внезапно обнаруживаете, что существует нечто гораздо большее. Но сперва вы делаете свою работу, к которой у вас по-настоящему не лежит душа, — вы заботитесь об окружающих. А потом вы вдруг понимаете, как важно продолжать жить. — Он печально улыбнулся. — Хотите я вам исповедуюсь, Морин?

— Да.

— Вы действительно не прочь меня выслу-

шать?

— Не знаю. Да, хочу.

— Хорошо.

И он рассказал ей все. О лихорадочных приготовлениях к Падению Молота и о ссоре с Лореттой. О своих угрызениях совести и чувстве вины из-за их мимолетного романа — не столько потому, что он переспал с Морин, но, возможно, как раз потому, что впоследствии он часто думал о ней и сравнивал ее с женой.

И о том, как его отношение к Лоретте изменилось.

Харви говорил и говорил, и она внимательно слушала, хотя пока многое не понимала.

— И вот мы очутились здесь, — произнес он. — Мы в безопасности. Вас наверняка бы тоже испугало это ощущение: осознавать, что вы живы, а тот, кого вы любите, растерзан и изломан, как старая тряпичная кукла. Но я не хочу, чтобы вы когда-нибудь испытали то, что пришлось испытать мне на собственной шкуре. И я вам скажу напоследок, Морин… то, что ваш отец делает в долине — важнее всего на свете. И это по-настоящему бесценно. Вот что не дает нам всем загнуться. За такое, между прочим, не жаль заплатить любую цену. И у кого-то еще появилась

надежда. Чувство, что он спасен.

— Нет! Это и есть настоящий ужас! Ложные надежды! Конец света, Харви! Наш проклятый мир развалился, а мы обещаем то, чего нет и никогда не будет.

— Конечно, — согласился он. — Мы в курсе того, что случилось.

— Но зачем же вообще стремиться пережить зиму?

Он встал и подошел к ней. Морин не шевелилась. Он склонился над девушкой, не притрагиваясь к ней, и она затаила дыхание.

— Во-первых, все не безнадежно, — проговорил он. — Харди и ваш отец выработали отличный план. Чтобы реализовать его, нужно немалое везение, но шанс есть. Как по-вашему?

— Наверное. Но если мы исчерпали наш запас удачи?

— А теперь, перейдем ко второму пункту, — безжалостно продолжал Харви. — Предположим, что зимой мы умрем с голода. Даже если и так, то игра все равно стоит свеч. Если мы сможем хотя бы на паршивый час, избавить кого-нибудь от тех душевных мук, какие переживал я, корчась на заднем сиденье автомобиля… Морин, если знаешь, что избавил хоть одного человека от та-

кого ада, можно спокойно умереть. И вы в силах сделать это. Если вам нужно лгать — лгите. Но не сдавайтесь.

Он не шутил. Возможно, он тоже врал, притворялся, но ведь он действительно подразумевал именно это — в противном случае, зачем бы ему распинаться перед ней?

«Возможно, он прав. Господи! Сделай так, чтобы он и впрямь оказался прав. Только Тебя ведь нет, Тебя нет?

Насколько ты сам веришь себе, Харви Рэндолл? Насколько тверда твоя решимость? Пожалуйста, не растеряй ее, ведь она начинает передаваться мне. И она может стать и моей решимостью».

Она подняла глаза на Харви и прошептала:

— Хотите, чтобы я опять была вашей?

— Да. — Он не шелохнулся.

— Почему?

— Я месяцами думал о вас. И я больше не хочу чувствовать вину. Я хочу любить кого-нибудь и хочу, чтобы меня любили.

— Вы перечислили веские причины.

Морин поднялась и потянулась к нему. Ощутила его руки на своих плечах. Он обнял ее, слегка прижав к себе, любуясь ею. Влажный ворот свитера холодил шею.

Она едва не отпрянула: то, что могло сейчас произойти, было бы не случайным, не таким, как в прошлый раз. И это бы точно не стало очередным пустяком.

Его ладони на ее спине были теплыми, от него пахло потом и усталостью — честный запах, в отличие от ароматов аэрозолей. Когда он нагнулся, чтобы поцеловать ее, ее тело словно ударило током, и она вцепилась в Харви, прильнула, вжимаясь в него, надеясь забыться.

Постелив сверху спальник, они легли на надувной матрац. Теперь он нежно обнимал ее, и она знала, что будет хорошо — и по прошествии долгого времени стало хорошо.

Потом она лежала рядом с ним, наблюдала, как молнии рисуют странные узоры на болотном пластике, и думала о том, что натворила.

Делай свою работу.

Вот зачем дается жизнь — делать свое дело. Кажется, что-то такое имел в виду Альбер Камю в «Чуме», и именно подразумевал и Харви.

«Моя жизнь включает в себя массу всякой всячины, но я не уверена, что в нее должен войти и Рэндолл. Вот в чем парадокс. Он сказал мне, для чего я должна жить, и я прекрасно понимаю, что одной мне не справиться, но что бы сделал

Джордж, если бы знал, где я сейчас?»

Выгнал бы парня.

— Что случилось? — спросил он.

Его голос доносился словно бы издалека.

Обернувшись к нему, Морин попыталась улыбнуться.

— Ничего. Все. Просто я думала.

— Ты дрожишь. Замерзла?

— Нет. А твой сын?.. И мальчик Мари?

— Они где-то там, наверху. И я должен пойти искать их. Я давно пытаюсь убедить Харди отпустить меня, но он слишком занят, чтобы беседовать со мной. Если потребуется, я уйду без разрешения, но я сначала спрошу его снова. Завтра. Не получится. Нет. На завтра намечено кое-что другое.

— Ранчо Романов.

— Да.

— Ты примешь участие в этом?

— Похоже, жребий пал на нас с Марком. К нам присоединятся мистер Кристофер и его брат. Эл Харди. И еще несколько человек.

— Будет перестрелка? Ты понимаешь, что тебя могут убить?

— Ага. Они стреляли в Гарри. И кого-то они уже прикончили.

— Не боишься? — спросила она.

— А как же иначе? Но надо — значит, надо. А когда все будет позади, я попрошу Харди позволить мне отправиться в горы вместе с Марком.

Морин не стала спрашивать Харви, обязательно ли ему уходить. Она не потеряла остатки разума.

— Вернешься?

— Да. А ты хочешь?

— Да. Но… но я не люблю тебя.

— Ну и ладно, — проворчал он и усмехнулся. — Мы ведь едва знакомы. Когда-нибудь ты влюбишься в меня?

— Не знаю. — «Не смею себе такое даже позволить». — Вряд ли я когда-нибудь кого-нибудь любила. У любви нет будущего. Впрочем, будущего вообще нет.

— Полюбишь, — возразил Харви.

— Давай не будем о грустном.

В Сахаре льет дождь. Озеро Чад выходит из берегов и затапливает город Нгигми.

Нигер и Вольта под водой — в паводке тонут миллионы тех, кого пощадило цунами. В восточной Нигерии племя Ибо поднимает восстание против местного правительства.

Далее к востоку палестинцы и израильтяне внезапно осознают, что уже нет великих держав,

способных вмешаться в драку: на сей раз война будет вестись до победного конца. Войска Израиля, Иордании, Сирии и Саудовской Аравии выступают в поход. Реактивных самолетов тоже нет, а для танков не хватает горючего. Восполнять расход боеприпасов нечем, но сражение не закончится, пока у людей есть ножи.

Неделя Вторая: В Горах

Время, как вечно текущий поток,
Уносит детей своих,
И они исчезают в назначенный срок,
И никто не вспомнит о них.

Исаак Уоттс
Псалом 90 (1719)

С неба низвергались потоки воды. Рэндолл едва замечал ливень. Он смотрел на раскисшую дорогу, обходил самые глубокие выбоины и осторожно перешагивал через грязные скользкие камни.

Ему было хорошо идти, одолевать широким шагом крутую извилистую тропу, ведущую к Высокой Сьерре. Ни автомобилей, ни людей — только дорога. Он взял с собой еду, нож и спортивный пистолет. Не слишком много припасов и патронов, но Харви радовался, у него вообще что-то есть.

— Эй, как насчет того, чтобы передохнуть? — крикнул Марк, который брел позади.

Рэндолл никак не прореагировал. Ческу пожал

плечами, пробормотал что-то себе под нос и перекинул дробовик с правого плеча на левое. Ружье он нес дулом вниз, спрятав под пончо. Оружие оставалось сухим, зато Марку казалось, что он сам вымок до нитки. Вдобавок он вспотел, так что, наверное, пончо ему сейчас ни к чему. Словно ему устроили баню с парилкой.

Харви перебрался через ручеек. До сих пор, как бы плоха ни была тропа, он не видел ни единого места, где бы не прошел внедорожник. Рэндолл молча проклинал сенатора и его прагматичного помощника. Если б он высказал это вслух, Марк бы обязательно с ним согласился, а у парня и так хватало неприятностей с Элом Харди. Рано или поздно Ческу либо непременно нарвется на пулю или его выкинут из «Твердыни», а Харви придется принимать решение на данный счет.

А пока что, напрягая все силы, он продолжал идти наверх. Шаг. Остановка на крошечную долю секунды. Колено согнуто. Перенести вес на переднюю ногу, качнуться — сделать очередной шаг. Снова мгновение отдыха… Рэндолл рассеянно полез в висящую на ремне сумку и извлек оттуда полоску сушеного мяса. Медвежатина. Никогда прежде ему не приходилось есть такое. Теперь он задумался, суждено ли ему когда-нибудь полако-

миться «нормальной» пищей. Что ж, к вечеру они отойдут от «Твердыни» на добрых девять миль, и любая дичь, какую им удастся подстрелить, будет по праву принадлежать им. А еще у них будет право сожрать ее. Один из законов, введенных сенатором, гласил: никакой охоты в радиусе пяти миль от ранчо.

И правильно. Дичь понадобится позже, и глупо загодя распугивать ее. Впрочем, все волеизъявления Джеллисона оказались разумны: это были законы, которые принимались без обсуждения, приказы, исходившие из «Большого дома». Никто не мог их оспаривать, за исключением Кристоферов, — а те никогда не возражали. Во всяком случае, пока.

Именно Джордж и разрешил Харви и Ческу отправиться на поиски мальчиков. Эл рисковать не захотел. Не то чтобы его заботила судьба Рэндолла, но оружие и пища, которые мог захватить с собой мужчина, представляли немалую ценность. Однако Морин переговорила с Харди, а затем на крыльцо особняка вышел Кристофер и вручил отцу Энди оружие. И рассказал о маршруте.

Харви не сомневался, что это не совпадение. У Джорджа не было никаких причин ему помогать,

однако он подключился к происходящему в тот самый день, когда Морин побеседовала с отцом и Элом и, кстати, открыто выказала свою приязнь к Рэндоллу.

И в этом имелась некая логика.

Кроме того, Кристофер давно заглядывался на Морин. А как она относилась к нему? И, если уж на то пошло, что она думала про Харви?

Он присвистнул. «Неужто я влюбился? Только вот… Я уже не знаю, что это такое. Абсолютная верность — ладно, почти абсолютная верность жене на протяжении восемнадцати лет — не слишком хорошая подготовка к интригам».

А может, и нет. Он всегда считал, что мужчина и женщина, настроенные рискнуть, способны на многое. Правда, сейчас он недоумевал. Что такое любовь? Он жизнь бы положил за Лоретту — но не пожелал остаться дома из-за того, что ей было страшно. Теперь он мог смотреть данному факту в лицо, но не очень понимал, что это вообще означает?

Наконец день начал клониться к вечеру, пришла пора устроить привал. Харви изучил окрестности, чувствуя себя одиноким и беззащитным. Раньше даже здесь можно было встретить людей. Но это — до Падения Молота. Накануне вон с

тех гор спустились потенциальные грабители, и они — или им подобные — могли подстерегать неподалеку случайного прохожего, а засаду они способны устроить где угодно. Хотя никто на пути им еще не попался, и от этой мысли Харви сделалось спокойнее.

Тропа шла через сосновый лес, по крутым склонам. «Сколько же воды! — удивился Рэндолл. — В такой дождь нелегко найти местечко для привала».

Жаль, поблизости не было укрытия из обломков скалы, вроде того, в котором отсиживался Харви, неся дозор.

«А ведь надо быть начеку. Вся живность разыскивает себе относительно сухой участок. Медведи, змеи и так далее», — подумал он.

Вскоре они наткнулись на скунса. Рэндолл с большим сожалением прошел мимо. Вот где они могли бы отдохнуть: два огромных валуна, привалились друг к другу и образовали подобие пещеры. Но бусины глаз и запах, который ни с чем не спутаешь… нет, с таким врагом им не справиться. И вообще, скунс мог оказаться бешеным. В теперешних условиях укус сыграл бы роковую роль.

Некуда бежать, чтобы сделать прививку от

бешенства. И долго еще будет некуда…

В следующей «пещере» спряталась лиса или одичавшая собака. Харви и Марк выгнали ее. Под валунами было мокро и тесно, однако мужчины стащили пончо и, раскинув их на срубленных ветках, устроили из них подобие навеса, так что хотя бы на голову не лило.

Теперь — костер. Пока не стемнело, Рэндолл отправился собирать дрова. Сухостоя оказалось достаточно, правда, мокрого. Тем не менее, расщепив его, Харви обнаружил сухую сердцевину.

Дров набралось от силы на час горения. Хотя, может, огонь будет гореть и дольше, если экономить.

Когда стемнело, Харви развел костер, истратив часть драгоценного топлива.

— Вот если бы у нас была железнодорожная сигнальная ракета, — посетовал он, бережно выливая жидкость на кучку щепок, — мы бы даже в буран грелись у костра…

— Сука Харди, не дал вам ракету, — буркнул Марк.

— Вы с ним поосторожнее. — Рэндолл чиркнул спичкой.

Бензин вспыхнул, и на мгновение пламя ослепило мужчин. Щепки загорелись, и ощутить даже

ту крошечную частицу тепла, которую давало пламя, было очень приятно.

— Он вас не любит.

— Сомневаюсь, что он вообще кого-нибудь любит, — заявил Ческу.

Он начал подкладывать к костерку полешки побольше, чтобы подсохли.

— Всегда улыбается, но неискренне.

Харви кивнул. Эл ни капельки не изменился. Он продолжал быть помощником политического деятеля — то есть человеком, который дружелюбно держится с каждым. Но теперь его улыбка не означала приветливости, в ней таилась угроза.

— Господи! — вырвалось у мотоциклиста.

— А?..

— Просто вспомнил тех бедолаг, — откликнулся Марк. — Харв, я, кажется, скоро свихнусь.

— Не думайте об этом.

— Мне пришлось затянуть петлю. Не могу забыть!

— М-да. — На ферме Романов их оказалось четверо. Перепуганные подростки. Два парня и две девочки, никого старше двадцати. Когда Харди и Кристофер повязали их, выяснилось, что кое-кто из ребят получил в схватке ранения. Затем между Элом и Джорджем разгорелся яростный спор.

Кристофер хотел пристрелить всех четверых на месте. Харди доказывал, что их надо отправить в город. Харви и Марк приняли сторону Эла, и Джордж уступил.

Только когда «пленных» доставили в город, сенатор и мэр в тот же день устроили суд. Вечером ребят повесили перед зданием мэрии. Способ убийства, на котором настаивал Кристофер, был милосерднее.

— Они прикончили Романов и парня из «Мучос Номбрес», — вымолвил Рэндолл. — Как еще мы могли поступить с ними?

— Они получили по заслугам, — согласился Ческу. — Просто так быстро… страшно. И больно. А девочки так кричали и плакали. — Он подбросил несколько поленьев в огонь.

«Казнь потрясла местных», — подумал Харви, но вслух ничего не сказал.

Романы были их друзьями. Кроме того, протестовать опасно. Эл мило улыбался и вел себя абсолютно непринужденно, но за всем этим скрывалось нечто жуткое.

Дорога. Да, для тех, кто не хотел объединяться, для возмутителей спокойствия всегда оставалась дорога.

На третий день пришло время сделать привал.

Они почти поднялись на вершину, к самой верхней точке тропы. Ливень не прекращался, и чем выше они взбирались, тем холоднее становилось. Сегодня ночью без костра не обойтись, а значит, им предстояло по очереди подбрасывать в него щепы.

Харви аккуратно выкладывал на землю прутья и не успел достать из кармана флягу с бензином, когда учуял запах.

— Дым, — произнес Марк. — Костер.

— Да. Хорошо скрытый, — отозвался Рэндолл.

— Где-то поблизости. Иначе в такой дождь мы бы его никогда не унюхали.

И не увидели бы.

Харви замер и знаком велел своему спутнику соблюдать тишину. С вершины дул сильный ветер, вероятно, он и донес запах дыма. Ливень превратился в мокрую завесу, в мерцающем свете он позволял видеть лишь на несколько ярдов вперед.

— Нужно проверить, — прошептал Ческу.

— Да. Пончо оставим здесь. Промокнуть больше, чем мы промокли, невозможно.

Они тихо двинулись вверх по склону, вглядываясь в сумрак.

— Там, — проговорил Марк. — Я что-то услы-

шал. Голос.

Рэндолл кивнул.

Они с Марком двинулись в ту сторону, откуда донесся голос. Уже не имело смысла стараться соблюдать тишину. Ветер и дождь заглушали почти все звуки, а мокрые листья и раскисший слой лесной подстилки чавкали под ногами.

— Погодите-ка.

Марк и Харви застыли как вкопанные.

Голос был женский и принадлежал юной девушке. Она находилась совсем близко, наверное, где-то в зарослях кустарника.

— Энди! — крикнула она. — У нас гости!

— Иду.

Мгновение Харви не мог пошевелиться. Неужели?..

— Энди! — закричал он. — Энди, ты здесь?

— Да, сэр, — по тропе спускался его сын.

Рэндолл кинулся к нему.

— Слава богу, ты в порядке…

— Да, сэр. А мама?..

Харви вновь очутился в тисках воспоминаний, рубцом рассекающих душу. Вызывающий пронзительную жалость сверток ее электроодеяла…

— Налетчики, — ответил он. — Твою мать убили мародеры.

— Ох! — Мальчик отпрянул от отца.

Из зарослей вышла девушка с ружьем. Энди подошел к ней, и они встали рядом. Вместе.

«За две недели парень повзрослел», — подумал Рэндолл.

Он видел, *как* стоит его сын рядом с девчонкой. Как защитник, и держится совершенно естественно. В голове пронеслись слова брачного обряда: «Единая плоть». Так они и стояли — две половины единого целого, но очень юные. Подбородок Энди покрывали редкие клочки волос. Еще не настоящая борода, просто щетина, которую Лоретта всегда заставляла его сбривать, потому что она некрасивая, хотя в те дни было трудно разглядеть…

— Мистер Вэнс тут? — спросил Харви.

— Конечно, — ответил Энди.

Он повернулся, а девушка молча скрылась в зарослях. Кто она?

Женщина… его сына. А он даже не знает, как ее зовут. Мальчик не сказал. Все это было как-то неправильно, но Рэндолл не представлял, что вообще можно сделать.

Вэнс обрадовался при виде соседа. А Харви в тот момент был счастлив.

Гордон выстроил укрытие немалых размеров

— бревна и защищающая от дождя соломенная крыша. Здесь имелся запас сухих дров, а под потолком висели птичьи тушки и рыба…

На огне булькал котелок: тушилось мясо.

— Харв! Я знал, что вы доберетесь к нам. Я ждал, — произнес Вэнс.

Тот заморгал.

— Как вы могли рассчитывать, что я разыщу вас?

— Да ведь это наша стартовая точка, где мы всегда оставляли машины.

Света было маловато, чтобы что-то утверждать с уверенностью, но место ничем не отличалось от любой другой поляны поблизости от тропы, и Харви понимал, что никогда не опознал бы его.

— Я бы проскочил мимо…

— Вам бы пришлось повернуть обратно, когда вы бы добрались до сторожки, — ответил Горди. — Точнее, до останков сторожки.

В убежище набилась дюжина человек — в основном они дремали парами в спальниках.

Мальчики и девочки. Друг с другом. Бойскауты и…

— Герлскауты? — осведомился Рэндолл.

Вэнс кивнул:

— Я расскажу вам, но позже. На прошлой неде-

ле у нас возникли кое-какие проблемы. Но сейчас все отлично. Вы ведь видели Джейни?

— Девушку, которая сопровождала Энди? — Рэндолл принялся озираться по сторонам.

Мальчик уже ушел. Он провел Харви и Марка к убежищу и тотчас исчез.

— Да. Джейни Сомерс. Она и ваш сын… — Горди пожал плечами.

— Ясно, — проговорил Харви, хотя в действительности он ничего не понимал.

Энди ведь еще ребенок…

Римский юноша в четырнадцать лет получал меч и щит и вступал в легион. Закон мог признать его главой семьи и хозяином дома.

Но то Рим, а тут…

…мир, порожденный Падением Молота. У Энди есть семья, и он взрослый.

И остальные скауты повзрослели. Некоторые внимательно наблюдали за Харви. Дети так на взрослых не смотрят. С подозрением, наверное. Но ни злости, ни уважения, ни…

Да, с прошлым покончено.

В спальнике Горди тоже лежала какая-то девушка. Вряд ли ей исполнилось больше шестнадцати.

В укрытии было тепло и хорошо… Одежда

Харви висела возле огня, а сам он устроился в спальнике, обернутый восхитительно сухим мешком, ноги у него были сухими впервые за много дней.

Чай оказался не настоящим, из древесной коры, но вкусным, как и поданное гостям тушеное мясо. У костра посапывал Марк, по лицу парня блуждала улыбка. Остальные тоже расслабились или притворились спящими. Энди и Джейни, крепко обнявшись, спали в своем мешке. Сын Горди, Берт, лежал рядом со своей подругой. Стейси, девушка Гордона, прикорнула, положив голову Вэнсу на колени.

Стародавние времена, когда люди жили в чащобах.

— Сперва пришлось туго, — объяснял Горди. — Когда мы поняли, что Молот ударил, я повел ребят обратно к содовым источникам. Мы переждали ливни и торнадо. На четвертые сутки мы двинулись от Сода-Спрингс сюда. Мы были в пути четыре дня. Когда мы добрались сюда, наткнулись на байкеров. Они обнаружили туристический лагерь девочек и захватили его.

— Что? Вы имеете в виду…

— Господи, вы же все понимаете… Одну из девочек они насиловали, и она умерла. Женщину,

которая повела герлскаутов в турпоход, убили: она пыталась защитить своих подопечных.

— Горди, у вас же не было никакого оружия.

— Пистолет двадцать второго калибра, — возразил Вэнс. — Прихватил на всякий случай. Но в том, что потом приключилось.... В общем, он особой роли не играл.

Перед Харви был новый Гордон. Рэндолл недоумевал. Вроде бы Вэнс говорил так же, как и раньше, и отпускал те же шутки, что и раньше, однако не был прежним Горди. Начать с того, что его невозможно было представить в роли банкира. Он как будто всегда жил в этом убежище — обросший двухнедельной бородой, тощий, но не голодный. В уюте, сухости, с бременем огромной ответственности на плечах, которое его не тяготит...

— Они сглупили, — продолжал Вэнс. — Не захотели мокнуть под дождем. Поставили палатки рядом со своим фургоном... Их снаряжение еще у нас, кое-что мы использовали, когда возводили укрытие. — Он обвел рукой конструкцию из камней и дерева: навес, стены, яма для костра. — Они забрались внутрь, даже те, кто собирался дежурить. Мы били каждого по голове.

— Били по голове? — переспросил Харви.

— Ага, — подтвердил Гордон. — А затем перерезали им глотки. Энди расправился с двоими.

Он замолчал, чтобы дать Рэндоллу осознать сказанное.

Харви сидел, замерев. Потом медленно посмотрел поверх костра — туда, где спал со своей… со своей женщиной его сын. С подругой, которую он завоевал в бою, спас…

— А потом девочки просто взяли и прыгнули в ваши постели? — спросил он.

— Спросите у них, — ответил Горди. — Мы-то никого не насиловали.

— Только формально, — выпалил Харви и тут же пожалел о своих словах.

Вэнс не рассердился. Он рассмеялся:

— Изнасилование лица, не достигшего совершеннолетия. Кто теперь будет следить за соблюдением закона? Кому какое дело?

— Не знаю. Возможно, сенатору не все равно. Со мной приехала Мари. Она на ранчо Джеллисона.

— Я думал, она мертва, — произнес Горди. — Разумеется, она искала Берта. Моя судьба ее не беспокоит.

«Что ж, справедливое замечание», — подумал Рэндолл.

— Но и о Берте она не беспокоилась, — добавил

Вэнс.

— Чушь! Она как тигрица. Нам едва удалось оставить ее на ранчо, когда мы с Марком отправились на поиски.

— Да? Может быть. Узнав, что он цел и невредим, она перестанет тревожиться. — Мужчина уставился в огонь. — Что теперь?

— Мы заберем вас с собой…

— Чтобы сенатор подозрительно посмотрел на меня и попробовал учинить самосуд? И чтобы он разлучил Энди с его девушкой?

— Этого не будет.

— Поспите, Харв. А я пойду сменю часового. Моя очередь.

— Я тоже…

— Нет.

— Но…

— Не заставляйте меня высказываться напрямую. Отдохните.

Рэндолл кивнул и, не вылезая из спального мешка, улегся.

«Не заставляйте его высказываться напрямую. Не заставляйте его говорить мне, что я — не один из них, что они не доверят мне нести дозор».

На завтрак были жареная рыба и незнакомые Харви овощи. Еда оказалась вкусной.

Рэндолл как раз дожевывал последний кусок, когда в укрытие вошел Горди и сел рядом.

— Мы кое-что обсудили. Мы не пойдем с вами.

— Никто?

— Совершенно верно. Мы остаемся.

— Горди, вы спятили! Скоро сильно похолодает. Через пару недель повалит снег…

— Справимся, — ответил Вэнс.

— Энди! — позвал Харви.

— Да, сэр?

— Пойдешь со мной.

— Нет, сэр. — Мальчик не спорил. Не отстаивал свою позицию. Он констатировал факт.

Он встал и вышел в дождь. К нему присоединилась Джейни. До сих пор она не перемолвилась с Харви ни единым словом.

— Вы могли бы остаться с нами, — заметил Горди.

— Мне бы хотелось. Но еще больше хотелось бы, чтобы меня попросил мой сын.

— А чего вы ждете? — усмехнулся Вэнс. — Послушайте, вы сделали свой выбор. Остались в городе. У вас была работа, а Энди вы услали в горы…

— Где он был в относительной безопасности…

— Без отца.

— Он не был один, — упрямился Харви, — он…

– *Мне-то* не рассказывайте, — произнес Гордон. — Докажите Энди. Послушайте, сегодня утром мы проголосовали. Никто не возражал. Живите вместе с нами.

— Как глупо! Что у вас тут есть?

— А что есть там, внизу?

— Теперь — безопасность.

Горди пожал плечами.

— Ну и что дальше?

Вэнс, в общем-то, не оправдывался — ему не за что было оправдываться. Однако он старался объяснить Рэндоллу ситуацию, хотя и знал, что тот никогда не поймет его до конца. Впрочем, последнее Горди мало заботило, просто Харви был старый приятель.

— Если Энди уйдет с вами, он снова станет ребенком. А здесь он — второй по старшинству.

— Где?

— В нашей группе — называйте ее как хотите. В горах он мужчина. А внизу перестанет им быть. Я заметил, как вы смотрели на него и Джейни. Для вас они еще не выросли. И вы намереваетесь превратить их в детей. Вашими стараниями они, конечно, сразу же почувствуют себя несмышлеными малышами. Зато здесь Энди знает, что

он полезен. Мы полагаемся на него. И он делает важные вещи, он не просто винтик в машине выживания.

«Точно сказано, — подумал Харви, — вот что у нас там, в «Твердыне» сенатора: машина выживания. Чертовски хорошо отлаженная, кстати».

— По крайней мере, сейчас на ранчо — более-менее нормальные условия…

— Конечно, — кивнул Горди. — Но посудите сами, Харви. Конец света. Падение Молота. Разве порядок вещей не должен измениться?

— Господи, каких еще перемен вы хотите? Недавно мы поймали четырех подростков и повесили их перед зданием мэрии. Мы из кожи вон лезем, чтобы подготовиться к грядущей зиме, и надеемся, что нам повезем…

— Что же нам делать внизу? — спросил Вэнс.

Рэндолл умолк. Как ему ответить Горди? И пропустит ли Харди на ранчо столько народу. Отряд бойскаутов — да. Но воинов? Может, им и впрямь лучше оставаться здесь, они сроднились с этими местами.

Новая порода горцев.

— Энди — мой сын, и он пойдет со мной.

— Нет. Он теперь вам никто. Он сам себе хозяин, и вы не сумеете даже принудить его… Мы не

намерены возвращаться. Никто. Но вы можете остаться с нами.

— И кем стать?

— Кем пожелаете.

Предложение не казалось заманчивым. Что он будет тут делать?

Рэндолл встал и подхватил с пола рюкзак.

— Нет. Марк?

— Что, босс?

— Вы со мной или нет?

Ческу вел себя неестественно тихо.

— Пойду с вами. Там Джоанна. Вряд ли бы ей понравилось в горах. Это может надоесть — целую жизнь просидеть в туристическом лагере. А вы?..

— Пошли, — пробормотал мужчина и печально огляделся.

Здесь у Харви Рэндолла не было никого и ничего.

Цунами сделали свое дело. На берегах Атлантического океана не осталось ни единого следа человеческой цивилизации. Да сам ландшафт трансформировался. Мексиканский залив стал втрое больше, Флорида превратилась в цепь островов. Чесапикский залив чрезвычайно вырос.

Западное побережье Африки покрылось зазубринами глубоко врезавшихся в сушу бухт.

Кратеры на суше уже не светились, но продолжали влиять на погоду. Вулканы извергали лаву и дым. Ураганы бичами хлестали воду морей.

Повсюду лили дожди.

Молот не закончил свою разрушительную деятельность

Неделя Четвертая: Странники

Одно обстоятельство послужит заметным утешением многим выживающим: невеселые задачи, с которыми они сталкиваются, по крайней мере полностью отличаются от тех, которые годами мучили их ранее. Проблемы передового цивилизованного общества сменяют проблемы, присущие примитивным цивилизациям, и, вероятно, большинство выживших окажется людьми, готовыми к быстрому переходу от сложного и утонченного образа жизни к иному – простому типу существования.

Роберто Вакка.
Ближайшее средневековое будущее

Лес был прекрасен, дремучий и темный, вот только сверху постоянно капало. Дэн Форрестер вздыхал, вспоминая об утраченном мире, где было тепло и сухо, но не сбавлял шага. Вода сочилась изо всех пяти слоев надетой на нем одежды — в такт его движениям. Да и под деревьями оказалось не суше, зато сюда не могли пробиться

редкие хлопья снега.

Дэн посмотрел в просветы между деревьями. Интересно, доведется ли ему вновь увидеть солнце?

На ходу он жевал кусок не вполне протухшей рыбы. В одной из его книг рассказывалось, как удить в глубоких омутах. К удивлению ученого, описанный способ оказался действенным. Кроме того, он неустанно расставлял силки на кроликов. Он ни разу не ел досыта с тех пор, как ушел из Туджанги. Но и от голода не умирал, что, как он понимал, выгодно отличало его от остальных.

С момента Падения Молота минуло четыре недели. Почти месяц неуклонного продвижения на север. Автомобиля Форрестер лишился через считаные часы после того, как выехал из дома. Двое мужчин (с женами и детьми) просто отобрали машину у ее законного владельца. Но рюкзак и значительную часть припасов не тронули — после катастрофы люди еще не осознали, насколько плохо все будет. А может, Дэн столкнулся с порядочными обывателями, которым тачка была нужнее, чем ему. Во всяком случае, именно так ему сказали. Что, в общем-то, уже не столь важно.

Теперь похудевший Форрестер продолжал идти

вперед. Кстати, он чувствовал себя здоровее, чем когда-либо в прошлом. Правда, незаживающие волдыри на стопах причиняли дискомфорт (диабет мешал нормальному кровообращению) — но то были в принципе незначительные мелочи.

Он, астроном, не имеющий возможности наблюдать за звездами, человек, посвятивший себя науке и потерявший все в мгновение ока, брел по лесной чаще — ничего другого ему не оставалось.

Ветер дул не столь свирепо, чем прежде, да и ураганы случались значительно реже. Дождь лил без конца, но иногда лишь моросил, а изредка — благодарение Богу! — и вовсе ненадолго прекращался. Но он сделался холодным, и порой вместо капель падали снежинки. Снег в июле на высоте четыре тысячи футов над уровнем моря. Похолодание началось гораздо раньше, чем ожидал Дэн. Облачный покров, окутавший Землю, отражал большое количество солнечного света, и планета остывала. Ученый понимал, что на севере началось образование ледников. Сейчас они представляли собой лишь тонкий слой снега на склонах гор и в долинах.

Так или иначе, но сколько бы ни прожил Форрестер, при его жизни новый снежный покров

не растает.

Наконец он решил отдохнуть. Присев на корточки, он прислонился к дереву, уперев рюкзак в грубую кору. Дэн разгружал ноги, давал им передышку, и это было легче, чем сперва снимать рюкзак, а потом опять взваливать его на спину.

Четыре недели — и уже пошел снег. Зима будет весьма суровой.

— Не двигайтесь.

— Хорошо, — откликнулся Форрестер.

Откуда донесся голос? Дэн затаил дыхание. Он всегда считал себя безобидным, но теперь он похудел и мог похвастаться густой клочковатой бородой, а в нынешнем царстве страха никто не казался безобидным. Из-за дерева вышел человек в солдатской форме. Винтовку он нацелил на Форрестера: черное дуло показалось ученому огромным и неумолимым, как смерть.

Незнакомец повел глазами влево-вправо.

— Один? Вооружен? Есть еда?

— Да. Нет. Не очень много.

— Не борзей. Выкладывай, что там у тебя в рюкзаке. — Молодой мужчина был бледнокожим и слишком нервным: он то и дело подозрительно оглядывался и озирался. Как ни странно, он почти не оброс бородой — только щетиной. И он

вроде бы не так давно брился.

«Зачем?» — удивился Дэн.

Ученый расстегнул поясной ремень и стащил с плеч рюкзак. Поставил на землю. Солдат наблюдал, как Форрестер расстегивает молнии на карманах.

— Инсулин, — произнес Дэн, откладывая в сторону коробку. — Я диабетик. У меня две упаковки. — Он вытащил вторую упаковку, положил ее возле первой.

Затем пришла очередь завернутой книги.

— Разверни, — тут же приказал парень.

Дэн подчинился.

— Где еда?

Астроном раскрыл пластиковый пакет. Запах ужасал. Он отдал рыбу солдату.

— Консерванта не нашлось, — объяснил Дэн. — Извините. Но полагаю, она еще съедобна… особенно если проголодаешься.

Незнакомец сожрал вонючую сырую рыбу так, будто неделю не ел.

— Что еще есть? — спросил он.

— Шоколадка, — безропотно ответил Форрестер.

Это был последний на Земле шоколад, и он берег его для какого-нибудь радостного события.

Ученый смотрел, как парень в форме ест шоколад — не торжествуя, не смакуя, просто жует и глотает.

— Открой, — теперь он показал на кастрюли.

Дэн снял крышку с самой большой, внутри находилась другая, поменьше, а в ней — походная плитка.

— Для плитки нет горючего, — пояснил Форрестер. — Не знаю, почему я ее не выбросил. А от кастрюль, если в них нечего варить, пользы немного.

Он старался не смотреть на отрезки медной проволоки, вывалившиеся из рюкзака. Она была необходима для силков. Без нее Дэн, вероятно, умрет с голоду.

— Я заберу себе одну, — заявил солдат.

— Конечно. Вам какую?

— Большую.

— Пожалуйста.

— Спасибо. — Он, похоже, отчасти успокоился, хотя по-прежнему рыскал глазами и вздрагивал при любом, даже самом слабом, шуме.

— Где вы были, когда это… началось? — Солдат неопределенно махнул рукой.

— В Лаборатории реактивного движения. В Пасадине. Я все видел. Шла прямая трансляция

со спутника «Молотлэб».

— Ну и как вам?

— Множество столкновений. В основном по территориям к востоку отсюда, по Европе, по Атлантическому океану, а некоторые — произошли неподалеку, южнее. Пока я не лишился машины, я ехал на север. Не знаете, атомная станция Сан-Хоакин еще работает?

— Нет. На месте долины Сан-Хоакин теперь океан.

— А что в Сакраменто?

— Без понятия. — Мужчина, казалось, не решил, что делать, но его винтовка по-прежнему была нацелена в голову Дэну.

Одно-единственное движение пальца — и Форрестера не станет. Он удивился, осознав, как сильно его волнует, убьет его солдат или нет. Как же ему хочется жить, пусть даже он понимал, что никаких реальных шансов у него почти нет: может, он и дотянет до заморозков, но зимой точно умрет. Он подсчитал, что больше половины тех, кто доживет до января, наверняка не увидят весны.

— Мы были на учениях, — выпалил парень. — Когда грузовики накрылись, наши пристрелили офицера и занялись своими делами. Послушать

Гиллингса, так это было самое правильное. Я пошел с ними. Потому что ведь все уже накрылось, да? — Солдат захлебывался словами. Ему необходимо было найти оправдание перед тем, как он убьет Дэна. — Но мы вообще не могли найти никакой еды и… — внезапно он замолчал. Темная тень ненависти скользнула по его лицу. — Жаль, у тебя мало жратвы, — наконец проговорил он. — Куртку давай.

— Вот так просто?

— Снимай. Нам не выдают дождевиков.

— Она вам будет мала и не налезет, — произнес Форрестер.

— Ничего. Как-нибудь натяну. — Мародера трясло.

Разумеется, он промок так же, как и Дэн. А жира, который мог бы предохранить от холода, у него не было.

— Это обычная ветровка. Она промокает.

— Прекрасно. Могу тебе помочь, сечешь?

Конечно, и тогда он проделает в ней дыру. А может, и нет. Выстрел в голову не оставляет дыр в верхней одежде, верно? Ученый снял куртку и уже хотел бросить ее парню, но кое о чем вспомнил.

— Смотрите, — сказал он.

Спрятал капюшон в узкий карман на вороте и застегнул его на молнию. Затем вывернул внутренний карман и запихнул в него всю куртку. Получился маленький сверток. Дэн вжикнул молнией, застегивая его, и кинул сверток мародеру.

— Ух ты! — воскликнул тот.

— Знаете, что вы украли? — Горечь потери оказалась сильнее той горечи, к которой Форрестер уже привык. — Такой материал никто никогда больше не сделает. И никто не создаст технику, с помощью которой изготовлена эта куртка. Такую одежду производила одна компания в Нью-Джерси, в пяти размерах, и продавала так дешево, что можно было забросить шмотку в багажник и забыть на десять лет. Ее даже не надо было искать. Фирма присылала по почте толстые пачки рекламы. Сколько придется ждать, пока кто-то сумеет сшить нечто подобное?

Солдат кивнул и начал пятиться, но вдруг остановился.

— Не ходи на запад, — буркнул он. — Мы убили мужчину и женщину и съели их. Мы. Я не хотел, чтобы кто-нибудь еще знал, что у меня на душе. При первой же возможности я сбежал. И не лейте слезы по куртке, а радуйтесь, что вокруг лес. — Он расхохотался странным мучительным смехом и

скрылся из виду.

Форрестер покачал головой. Каннибализм — так скоро?

У Дэна еще были майка-сетка, футболка, фланелевая рубашка с длинными рукавами и свитер. Ему повезло, и он хорошо это понимал. Он начал запихивать свое имущество в рюкзак. Проволока для силков — вещь гораздо более ценная, чем ветровка. Несколько футов тонкого прочного материала, можно сказать, моток — это сама жизнь, пусть даже и ненадолго.

Он взвалил рюкзак на плечи.

«Не ходи на запад».

Но там расположена атомная станция… а Сан-Хоакин залит водой.

Станция не могла уцелеть, а кроме того, она даже не достроена. Значит, Сакраменто? Дэн представил себе карту Калифорнии. Форрестер находился в предгорьях, образующих восточный край залитой наводнением центральной долины. Следовало спуститься ближе к низменности: там будет не так трудно. Но она располагалась на западе. От обширного озера, образовавшегося в долине Сан-Хоакин, ее отделяло новоявленное племя людоедов. Лучше, не спускаясь с гор, идти к северу.

Дэн не думал, что сумеет выжить, но ему совершенно не хотелось помогать каннибалам.

Томас Хукер шагал, глядя в небо.

Ветер вел себя как стая котят, одурелых от валерьянки. Он игриво забирался под каску, дергал за рукава и штаны, на мгновение утихал, чтобы засыпать пылью глаза, дул чуть ли не сразу со всех сторон. Черные брюхатые тучи грузно плыли по небу, суля недоброе. Уже много часов не было дождя. Даже по меркам Эпохи После-Падения-Молота погода могла выкинуть что угодно.

Врач шел в угрюмом молчании, заставляя себя не упасть. Сил на то, чтобы сбежать, не осталось. По крайней мере, Хукер на его счет не беспокоится. Зато его тревожило ворчание, доносящееся позади. Слов различить было нельзя, только тон — недовольный, гневный.

«Конечно, мы не станем есть друг друга, — думал Хукер, — есть ведь какие-то границы. Мы ведь не едим своих умерших. Пока. Может, стоило на них надавить? Они жаловались. Наверное, придется пристрелить Гиллингса».

Вероятно, следовало застрелить его сразу же: ведь когда Хукер вернулся, то обнаружил, что капитан Ора мертв, а командование захватил Роджер Гиллингс. Но тогда у него не было патро-

нов, а капрал сказал, мол, теперь они сами за себя. Молот прикончил цивилизацию, и они все станут, мать их так, королями.

Смешно. Но Томас не смеялся.

Во внезапном приступе ярости он обернулся к врачу.

— Если нам еще раз придется остановиться, они сожрут *тебя*.

В животе у Хукера урчало.

— Знаю. Я объяснил вам, почему вы болеете, — ответил медик.

Он был низенький, с виду безобидный и смахивал на бурундука. Сходство усиливала щеточка усов под торчащим носом. Он старался держаться поближе к Хукеру. Разумное решение.

— Вы питаетесь непрожаренным мясом, — добавил он. — От крупного рогатого скота человек может подцепить не так уж много болезней. А вот свинина всегда требует хорошей прожарки. Понимаете, паразиты и так далее. — Он замолчал на мгновение, ожидая, что Хукер даст ему оплеуху, чтобы он заткнулся, но тот не отреагировал. — Однако от человека вы можете заразиться чем угодно, за исключением, пожалуй, серповидной анемии. С тех пор как вы стали людоедами, вы потеряли пятнадцать солдат…

— Восьмерых застрелили. Ты сам видел.

— Они были слишком больны, чтобы бежать.

— Черт возьми. Новобранцы не знали, что они делают!

Врач вновь замолчал. Они продолжили свой трудный путь вверх по крутому отсыревшему склону, тяжело пыхтя. Восемь застрелили, четверо из них — новобранцы. Но умерло еще семеро солдат, и вовсе не от пуль.

— Мы все давно больны, — вдруг произнес врач.

И в его голове мелькнула такая мысль, что его чуть не вырвало.

— Господи, зачем только я…

— Ты хотел жрать, как и все прочие. А если б ты ослабел и не смог бы идти?

Хукер удивился — с какой стати его волнует судьба медика? Переживания доктора для него ничего не значили. Он мстительно лелеял свою тайну: когда они найдут подходящее для поселения место, они перебьют пленному ноги. Как пещерные люди калечили своих кузнецов, чтобы те не сбежали. Но пока этой необходимости не возникало.

Где-нибудь должно отыскаться укрытие, небольшое, чтобы его можно было с легкостью

оборонять, и просторное, чтобы там разместился и прокормился отряд Хукера. К примеру, сельская община, где будет довольно народу, чтобы возделывать поля, и достаточно земли, чтобы прокормить всех. Отряд сможет там обосноваться. Хорошие вояки чего-нибудь да стоят. Чертов Гиллингс! Он утверждал, что надо просто явиться куда-нибудь и нагнуть местных. Но так не получалось.

Слишком голодные. И чересчур долгий путь они прошли, спускаясь с гор, магазины и склады ограбили еще до них, а люди разбежались либо так забаррикадировались, что, наверное, даже из базуки или безоткатного орудия не прошибешь…

Хукеру хотелось думать о чем-нибудь другом. Если бы они затеяли драку раньше, все бы у них, конечно, получилось…. но нет, он позволил себя отговорить. И его убедили, что надо идти дальше, поискать местечко получше, но к тому времени, как оно нашлось…

— Если вам приходится есть человечину… — врач не мог закрыть тему.

Ему требовалось высказаться. Он кривился и морщился, сдерживая тошноту.

Хукер надеялся, что все это выдумки докторишки.

— Если вам приходится есть человечину, — повторил медик, — надо выбирать самых здоровых. Тех, кто быстрее бегает и лучше всех отстреливается. Те, кого можно поймать, больны. Съев их, вы тоже заболеваете. Лучше жарить скот, который подхватил какую-нибудь хворь, чем больных людей…

— Заткнись, гинеколух. Ты знаешь, почему они умерли. Они сдохли потому, что ты вообще не настоящий врач, а бабий доктор.

— Разумеется. Как только вы изловите настоящего врача, я попаду в котел.

— Держись поближе ко мне, если хочешь еще немного пожить.

До Падения Молота Каулс был гинекологом. Он покинул съемный охотничий домик, поехал под непрекращающимся ливнем вниз по склону и остановился у края моря, образовавшегося в долине Сан-Хоакин. Там его и обнаружила банда Хукера — мужчина сидел на крыле автомобиля под проливным дождем, приоткрыв рот и не понимая, что делать. Если бы у Каулса не хватило здравого смысла назвать свою профессию, он бы уже тогда угодил в котел. Он протестовал против внезапного призыва на военную службу, пока Томас не объяснил ему истинное положение дел.

Теперь он стал достаточно послушным. Не балабонил насчет гражданских прав. Хукер не сомневался, что докторишка делал все возможное, чтобы спасти жизнь заболевшим. И шел наравне с самыми хилыми солдатами. А следом за ним несли котел. Его тащили трое пока здоровых. Одним из них был Гиллингс. Это обеспечивало Хукеру дополнительную безопасность: прежде чем выстрелить в спину противнику, капралу требовалось выпустить из рук утварь.

Сам Томас не хотел ни в кого стрелять. Они потеряли слишком много людей — одни заболели, другие дезертировали, третьи нарвались на пули местных… Кто бы мог подумать, что фермеры способны дать такой отпор военным, вооруженных крутыми пушками?

Однако отряд был не особенно хорош, и патронов не хватало, и действовали они вразнобой. Нет времени на обучение новобранцев. Отсутствует настоящая дисциплина. Все раздражены и боятся — что, если на их розыски выслали настоящую армейскую патрульную команду или копов?

Но обратной дороги уже нет. Теперь нет. Но слухи распространяются быстрее, чем идет отряд. Что необходимо, так это побольше новобранцев. Но нельзя их набирать слишком много, пока

нет достаточных запасов еды. Экономика — вот очередной их враг. Убить человека, чтобы съесть, добыть горючее и воду, чтобы сварить его, — для этого надо приложить определенные усилия. Если же отряд уменьшится, мясо протухнет раньше, чем его успеют сожрать.

Зряшная трата сил, зряшные убийства.

Неудивительно, что Хукеру казалось, будто все против них. Со Дня Падения Молота дела шли наперекосяк — уже несколько недель. Томас потерял счет времени, но двое солдат независимо друг от друга кое-что делали — зачеркивали дни в своих карманных календарях. Если ему понадобится узнать точную дату, он легко это выяснит.

Он научился делегировать и другие полномочия. А как же иначе? Раньше он занимался лишь мелочовкой. Теперь же он, сержант, исполнял обязанности офицера и взвалил на себя груз ответственности. Он не задумывался о том, хороший ли он командир. Больше некому было.

Левой. Правой. Прочь из долины, снова на юг — туда, где найдется подходящее место для привала, для вербовки новобранцев, с другой едой, кроме…

Он смотрел на тучи и гадал, действительно ли они закручиваются вихрем против часовой

стрелки, или это ему только кажется. Единственным укрытием в поле зрения оказался коттедж на склоне холма. Надо послать туда разведчиков. Без укрытия им не обойтись. Хукер надеялся, что дом пустует. А если там отыщутся какие-нибудь консервы? Хотя вряд ли, чтоб его.

— Баском! Флэш! Пошарьте в том доме! Посмотрите, нет ли там кого. Если есть, не стреляйте, а вступите в переговоры.

— Так точно. — Двое солдат из числа здоровых покинули строй и направились к склону холма.

— Переговоры до смерти? — спросил врач.

— Мне нужны новобранцы, гинеколух. И у нас еще осталось тушеное мясо, на завтра хватит… — рассеянно ответил Хукер.

Он понаблюдал за парнями и опять уставился вверх. Его очень беспокоила погода. Едва минул полдень, но тучи крутились, как вертится вода в ванной, если вынуть пробку из стока.

Внезапно он увидел нечто яркое. Не солнце, пробившееся сквозь тучи. Это была красноватая точка, перемещавшаяся очень быстро, почти параллельно грозовым облакам. Она то ныряла в их черное подбрюшье, то вновь выныривала.

— Не-е-ет! — заорал Хукер.

Заподозрив, что Томас сошел с ума, доктор Ка-

улс отскочил.

— Нет, — тихо заладил мужчина. — Нет, нет, нет. Мы не переживем. Хватит, стой, стой, как ты не понимаешь?! Пусть перестанет! — объяснил Хукер, не отводя глаз от летящей к земле ярко сверкающей точки.

Он не выдержит, если Молот ударит снова.

Как ни странно, его молитву услышали: над метеоритом раскрылся купол парашюта.

Томас недоуменно уставился на него.

— Космический аппарат, — сказал Каулс. — Будь я проклят, но это он! Должно быть, с «Молот-лэба». Хукер, вы в порядке?

— Заткнись, — огрызнулся тот.

— Эй, сержант, а каков на вкус астронавт? — взревел позади Гиллингс. — Как индюшатина?

— Этого нам никогда не узнать, — ответил Томас.

Хорошо, что он умеет владеть голосом и его лицо видит только Каулс. Доктор не проболтается.

— Они спускаются в долину. Туда, где фермеры вчера задали нам жару.

Падение на восток, вслепую. Облака под падающим метеоритом «Союза» ослепительно сверкали. Облачный покров оказался испещрен спиралями вихрей и ураганов. К северу от их

траектории виднелся громадный облачный столб — инкубатор торнадо, от которого «отматывались» небольшие еще вихри — они зависали над горячей водой, которая бурлила в Тихом океане — в том участке, где ударил Молот. «Союз» трясло, иллюминатор «прыгал», и зрение Джонни Бейкера никак не могло сфокусироваться.

«Союз» спускался, нырял в слои облаков, выходил из них и опять погружался в тучи. Все вокруг из светло-серого постепенно становилось темно-серым.

— Там может оказаться что угодно, — сообщил Джонни коллегам.

Теперь они падали более отвесно. Корабль выскочил из туч, но внизу царила темнота. Что там: суша, море, болото? Не имело значения. Они обречены. На «Союзе» нет ни энергии, ни горючего. Маневрировать корабль не мог. Люди оставались на орбите так долго, как только могли — до тех пор, пока не подошли к концу запасы пищи, пока не остались считаные фунты кислорода, пока жара в «Молотлэбе» не сделалась непереносимой: электроэнергии, необходимой для охлаждения, не хватало — солнечные батареи уже разрушились. На орбите нельзя было оставаться, и выход имелся только один: вернуться на исковеркан-

ную взрывами планету.

А ведь они так старались! Это же был последний космический полет. Возможно, они принесли хоть какую-то пользу. Им удалось точно зафиксировать места падения обломков Молота и сообщить результаты своих наблюдений. Они видели, как запускались и устремлялись в небо ракеты, смотрели на атомные взрывы… Сейчас все было позади. Русско-китайская война продолжалась и могла длиться вечно, но атомное оружие в боях теперь не применялось. Астронавты передавали на Землю все, что сумели увидеть во время полета. Кое-кому удавалось их услышать. Были получены подтверждения из Претории и Новой Зеландии, состоялся почти пятиминутный разговор с командованием воздушно-космической обороны США. Не слишком много для прошедших со дня Падения Молота четырех недель на орбите — но они бы остались там, даже если бы ничего не происходило.

Последняя космическая экспедиция…

— Парашют раскрылся, — произнес Петр за спиной Бейкера.

Безобидная фраза, но в голосе космонавта прозвучали такие нотки, что Джонни сразу напрягся. Оно и к лучшему.

— Нелегкий спуск, — сказал за другим его плечом Рик. — Возможно, потому что аппарат перегружен.

— Нет, это всегда так, — возразила Леонилла. — В вашем «Аполлоне» было бы лучше?

— Я никогда не спускался в «Аполлоне», — признался Деланти. — Но, наверное, нервничал бы меньше. Мы надеваем скафандры.

— Здесь негде, — проговорил Яков. — Ведь после той трагедии… ну, после того как погибли три космонавта, конструкцию изменили. Сейчас утечек у нас действительно не имеется, верно?

«Верно» он сказал по-русски.

– *Не имеется.*

Видимость улучшалась, быстро приближалась земля.

— По-моему, мы слишком уклонились к югу, — пробормотал Петр. — Тут настоящий ураган.

— Пока мы еще спускаемся, — вымолвил Джонни и посмотрел на блестящую внизу поверхность океана. — Все умеют плавать?

— Лучше спросить: все ли здесь умеют ходить по воде? — рассмеялась Малик. — Не похоже, что там глубоко. Но…

Она замолчала и приникла к иллюминатору. Остальные терпеливо ждали. Леонилла сидела

рядом с Джонни. Позади, держась за поручни, кое-как разместились Петр и Рик.

— Вообще-то, мы движемся в глубь материка. К востоку. Я вижу трех… нет, четырех человек, выскочивших из дома.

— Двести метров, — отчеканил Бейкер. — Приземляемся. Сто метров… пятьдесят… двадцать пять…

Бах! «Союз» был перегружен, и посадка оказалась жесткой. Но сел он вроде бы на суше. Джонни выдохнул и позволил мышцам обмякнуть. Исчезла вибрация, затих свист разрезаемого кораблем воздуха, пропал ужас мгновенной разгерметизации, страх утонуть.

Они сели.

Все вымокли от пота. Спуск дался нелегко.

— Вы в порядке? — спросил Джонни.

— Так точно.

— Да, спасибо.

— Пошли, к черту, отсюда, — заявил Рик.

Бейкер не видел причин торопиться, но Деланти и Петру, цеплявшимся за поручни за креслами, было адски тесно. Рик сам предложил так разместиться, но от этого удобнее не стало. Джонни завозился с незнакомыми замками люка. Они не поддавались — пока он не обругал их: лишь

после этого раздался спасительный щелчок.

— Оп-па!

— Что еще? — спросил Рик.

Леонилла вытянула шею, выглядывая из-за его спины.

— Третий звонок, — ответил Бейкер. Он стоял в отверстии люка и ослепительно улыбался толпе, ощетинившейся дробовиками и винтовками. Рядом сгрудилось более дюжины мужчин — и ни одной женщины. Джонни не считал, но разглядел шесть дробовиков, винтовки, револьверы и даже — Господи! — пару армейских автоматов.

Он поднял руки и неуклюже выбрался из капсулы. Что они так разнервничались?

Джонни вылез и повернулся, продемонстрировал незнакомцам эмблему с флагом США на его плече.

— Не стреляйте. Я… герой.

Расположить их к себе не удалось. Во время серьезных бедствий такие едва не потонувшие крысы в фермерских штанах и рубахах весьма опасны. А физиономии у них оказались не менее зловещими, чем стволы их пушек. У двоих или троих были на плечах окровавленные повязки. Джонни ощутил внезапное желание изъясняться с дикой оравой на *ломаном английском*: «Моя

великий астронавт, родился страна, который твой страна». Он подавил это желание.

Один из них внезапно заговорил. Седой, крепкий — но его полукомбинезон был ему велик: на всех здесь одежда болталась. Но Бейкер заметил, что руки у здоровяка — могучие, как у профессионального борца. Легкий автомат казался хрупким в таких ручищах.

— Эй, герой, что ты делаешь в коммунистическом самолете?

— Это не самолет, а космический аппарат. Мы прилетели с «Молотлэба». Слыхал про него? («Твой голова знать о такой большой ракета прыгать вверх-вверх на небо и не вернуться?») Проект «Молотлэб» предусматривал совместный полет «Союза» и «Аполлона». Для изучения кометы.

— Мы в курсе.

— Прекрасно. «Аполлон» получил пробоину в обшивке. Вероятно, наш корабль столкнулся с огромным снежным комом, летевшим ему навстречу. И советские космонавты помогли нам. Теперь мы дома. Это их аппарат. Я…

— Джонни Бейкер! Я его узнал! — выкрикнул мужчина — тощий, болезненного вида чернокожий, его тонкие пальцы крепко сжимали громадное ружье. — Привет!

— Рад встрече, — ответил астронавт и не солгал. — Можно я опущу руки?

— Давайте, — разрешил седой. Он явно был главным — отчасти потому, что так было заведено, отчасти благодаря своей бычьей силе. Пушка лишь подтверждала его право на лидерство.

Дуло все еще было нацелено в сторону Джонни, но не прямо на него.

— Кто еще на корабле?

— Мои коллеги. Двое русских и один американец. Там очень тесно. Им бы хотелось выйти наружу, если… если ваши люди не станут пороть горячку.

— А мы спокойные, — изрек предводитель. — Ведите своих друзей, я хочу задать им несколько вопросов. Например, почему коммунисты приземлились именно тут.

— А где еще мы могли сесть? У нас на четверых — один-единственный корабль. Леонилла!

Через секунду она показалась в люке — улыбающаяся, с невысоко поднятыми руками.

— Леонилла Малик. Первая женщина, побывавшая в космосе.

Полуправда, конечно, но прозвучало совсем неплохо.

Пристальные взгляды смягчились. Седой опу-

стил автомат.

— Я — Дик Уилсон, — представился он. — Выходите, мисс. Или лучше сказать «товарищ»?

— Как вам больше нравится, — ответила она.

Малик выкарабкалась из люка и теперь стояла, прищурив глаза, отвыкшие от естественного освещения.

— Мое первое посещение Америки. И первый выезд за границы Советского Союза. Раньше меня не выпускали.

— Выходят остальные — объявил Джонни. — Петр…

Генерал-майор Яков был суров. Руки он высоко поднял, спину выпрямил. На плече красовалась нашивка: эмблема с серпом и молотом и буквами «СССР».

Взгляды фермеров снова стали подозрительными.

— Генерал Петр Яков, — представил его Джонни, произнеся имя очень по-русски в надежде, что тогда ни у кого не возникнет искушения подшучивать. — И наконец, Рик…

Пара мужчин понимающе закивали.

Появился последний член экспедиции, тоже улыбаясь, стараясь, чтобы был виден украшающий его плечо флаг США.

— Полковник Военно-воздушных сил США Рик Деланти, — произнес Бейкер.

Фермеры успокоились. Чуть-чуть.

— Первый чернокожий, побывавший в космосе, — выпалил Рик. — И на ближайшую тысячу лет — последний. — Он помолчал. — Мы все последние.

— На какое-то время, — пробормотал Дик Уилсон. — Может, ждать придется не так уж долго.

Он закинул автомат на плечо, дуло теперь смотрело в небо. Остальные невольно последовали его примеру. Сейчас это была просто толпа фермеров с оружием.

На лице какого-то мужчины вспыхнула озорная ухмылка:

— Значит, они подвезли вас?

— Другого автобуса не нашлось, — ответил Деланти.

Послышались смешки.

— Дерек, бери своих ребят и возвращайся на заставу, — распорядился Уилсон и обернулся к Бейкеру. — Мы сейчас и впрямь нервные. Вокруг шастают поднявшие мятеж солдаты. Там, дальше по дороге, убили армянина и съели! Я не вру. Один из его детей добежал до нас, предупредил. Устроили засаду на этих скотов… вот так-то. Но

их еще много осталось. Есть и другие — горожане и те, кто взбесился.

— Все настолько плохо? — спросила Леонилла. — Ведь прошло совсем мало времени?

— Кажется, нам не следовало приземляться, — буркнул Деланти.

— На корабле хранятся чрезвычайно важные записи наблюдений, — по-хозяйски погладив борт «Союза», произнес Петр Яков. — Их необходимо сохранить. Где-нибудь могут заняться их изучением? Есть поблизости ученые? Где у вас расположены университеты?

Фермеры засмеялись.

— Генерал Бейкер, оглянитесь вокруг. Хорошенько поглядите, — сказал Дик Уилсон.

Джонни уставился на опустошенную землю. На востоке — пропитавшиеся дождем холмы, некоторые зеленые, но в основном — голые. Низины скрылись под водой. Шоссе, ведущее на северо-восток, превратилось в цепь бетонных островков.

На западе простиралось внутреннее море, по которому ходили волны в фут высотой. Кое-где пологие бурые холмы тоже стали островами, кое-где правильными рядами торчали кроны деревьев. Значит, сады затопило не полностью…

Он заметил несколько лодок. Вода была грязная,

темная, опасная и пахла мертвечиной. Скот и…

На волнах мягко покачивались останки тряпичной куклы. Игрушка находилась ярдах в тридцати от берега. Рядом с ней плыла клетчатая тряпка, из-под которой выбивались светлые пряди волос. Невозможно было опознать что-то еще, хоть отдаленно напоминающее человеческое тело.

Уилсон увидел, куда смотрит Бейкер, и резко отвернулся. Поглядел на дом, стоящий на холме, над морем.

— Мы бессильны, — с горечью произнес он. — Мы могли бы все свое время тратить на то, чтобы хоронить их. Но мы бы не справились.

Лишь теперь до астронавта дошел весь ужас Падения Молота.

— Все не так просто, — выдавил он.

Дик нахмурился, не понимая.

— Не просто «бах»! — и всему конец. Цивилизация лежит в руинах, и мы обязаны восстановить ее. Последствия столкновения с кометой хуже самого столкновения…

— Ага, — согласился фермер. — Вам крупно повезло, мистер. Самое худшее вас не затронуло.

— Центральных властей уже не существует? — спросил Петр Яков.

— Они перед вами, — ответил Дик. — Билл Эпплби — заместитель шерифа, не бог весть что, конечно… Известия из Сакраменто перестали поступать с Падения Молота.

— Но кто-то наверняка пытается восстановить порядок, — сказала Леонилла.

— Да. Люди сенатора, — ответил мужчина.

— Сенатора? — Джонни постарался, чтобы на его лице не отразились никакие эмоции.

Он перевел взгляд с жуткого внутреннего моря на холмы на востоке.

— Да. Артура Джеллисона, — пояснил Уилсон.

— Вы говорите так, будто он вам не слишком нравится, — заметил Рик.

— Ну… Не могу порицать его, но любить не обязан.

— Что он сделал? — осведомился Бейкер.

— Установил порядок, — проговорил Дик. — Это его долина, — он показал на северо-восток, в сторону предгорий Высокой Сьерры. — Его люди выставили патрули, пограничную стражу, и никого не впускают без его разрешения. Если тебе нужна помощь, они окажут ее, но цена чертовски высока. Надо кормить его отряды и отсылать ему пищу, горючее, военное снаряжение, удобрения, короче все, что теперь нелегко добыть.

— Хорошо, что у вас имеется горючее, — сказал Деланти.

Уилсон пожал плечами.

— Да, и как нам продержаться здесь? Никаких границ. Здесь нет скал, которые можно сделать укреплениями. Некогда строить. Никакой возможности не давать беженцам грабить нас, забирать то, что мы еще не нашли. Кстати, вы не хотите запереть вашу штуковину? Лучше б тут не околачивалось столько народу… Много работы. Всегда есть работа.

— Да. Записи нужно сохранить. — Петр вскарабкался на «Союз» и задраил люк.

— Нет электричества, — задумчиво произнес Бейкер. — Как обстоят дела с атомными станциями? Кажется, поблизости от Сакраменто была такая?

Фермер хмыкнул.

— Сакто располагался примерно в двадцати пяти футах над уровнем моря. Но из-за землетрясений многое изменилось. Возможно, станция ушла под воду. А может, нет. Отсюда дотуда больше двухсот пятидесяти миль болот и озер, и почти всю долину затопило… Перекрыть заставами такой район? Ладно, идемте.

Они поднялись по склону холма к дому. Бей-

кер заметил брустверы из мешков с песком и стрелковые окопчики, вырытые вокруг здания. Женщины и дети добавляли к имеющимся укреплениям новые. Взгляд Уилсона затуманился.

— Генерал, для вас нужно бы придумать что-то получше, чем эти окопы, но я пока не пойму что.

Джонни промолчал. Его ошеломило увиденное и то, что он узнал. Цивилизация исчезла, остались только отчаявшиеся фермеры, пытающиеся отстоять несколько акров земли.

— Мы можем работать, — откликнулся Деланти.

— Вам придется, — поправил его Уилсон. — Послушайте, через пару недель придут вести от сенатора. Я передам ему, что вы здесь. Вдруг он захочет с вами встретиться, а потом решит, что он перед нами в долгу? Думаю, мне удастся это использовать.

Неделя Четвертая: Пророк

Из всех держав хуже всего та, где правители не обладают более полнотой власти, достаточной для всеобщего охотного им повиновения, но где их власть над частью подданных такова, что позволяет им приневоливать прочих.

Бертран де Жувенель. Власть

Тогда мир обезумел. Алим Нассор живо помнил те дни. Как только белые деятели вздумали уделить часть своих благ жителям гетто, надеясь остановить мятеж, он взял свое. Не просто деньгами, есть такая штука — власть, и вот уже его знают в мэрии, он готовится к большим делам.

Но затем мэром стал «дядя Том», черный. Поток баксов иссяк, а все остальное тоже улетучилось. Такое Алим уже не мог стерпеть. Без денег, без символов богатства и власти ты — ничто, ничтожнее сутенеров, торговцев наркотой и прочей шушеры, наживающейся на жителях гетто.

Нассор потерял былое влияние — и почти вернул его, но его взяли на ограблении магазина.

Единственной возможностью выпутаться было заплатить судье и полицейскому, белым.

Алима выпустили под залог, и тогда, чтобы дать взятку им, ему пришлось ограбить другую лавку. Шиза!

Потом сотни белых, побогаче, удрали в горы. С небес на людей обрушилась Судьба! Нассору и его братьям было суждено разбогатеть — навсегда! Они нахапали шикарного барахла, после чего…

Безумие, безумие. Он вспоминал — как наркотические глюки — мир, существовавший до Молота. Однако он, Алим, сделал все, от него зависящее. Он хотел защитить братьев, тех, что повиновались ему. Четыре бригады (из шести отрядов взломщиков) двинулись в путь вместе со своим лидером. Дождь, землетрясения и толпы беженцев — это было им нипочем. И они прорвались. Им удалось добраться до хибары возле Грейпвайна. Двигатель одного из грузовиков сдох. Они сняли с него все, что можно, слили бензин, а саму тачку бросили. Заодно выкинули и электрический хлам: телевизоры, магнитофоны, радиоприемники, компьютер. Бинокли и телескоп прихватили с собой.

Сперва жизнь вроде бы налаживалась. Неподалеку обнаружилась ферма с коровами и другой

жратвой, ее надолго хватило бы двум дюжинам братьев. Не пришлось даже драться за добро. Фермер был покойником: на него обрушилась крыша, перебила ему ногу, — он помер то ли от голода, то ли от потери крови. Но потом явилась ватага белых с пушками и отобрала ферму.

Восемнадцати черным на трех машинах пришлось уехать в никуда.

А еще все и впрямь пошло к черту. Нечего есть, некуда податься. Они оказались никому не нужны. И что им сейчас делать — дохнуть с голодухи?

Алим сидел под льющим на него дождем, скрестив ноги, и в полудреме о чем-то размышлял. Раньше на земле царил странный мир с законами, придуманными ополоумевшими идиотами. Зато там была совершенно неправдоподобная роскошь: горячий кофе, мясо на обед, сухие полотенца.

Сейчас Алим щеголял в шубе, великолепно сидевшей на нем. Она была женская и влажная, как губка. Но никто из братьев не осмелился проехаться на данный счет.

К Нассору вернулась власть.

В поле его зрения показались чужие ноги: украденные у кого-то ботинки, расползшиеся

по швам, стершиеся от беспрерывной ходьбы подошвы. Он поднял голову.

Свон был щуплым, невысоким, жилистым и имел обыкновение носить при себе всевозможные острые предметы. Когда Нассор пришел к нему с предложением совершить ограбление, парень продемонстрировал гибкость профессионального танцора. Да, он оказался хладнокровен и опасен, но теперь подыхал с голоду и растерял прежний кураж.

— Джеки снова полез к Касси. А она была против. Наверное, она все выложила Чику, — пожаловался он.

— Черт! — Алим поднялся.

— Нужно убить Чика, — добавил Свон.

— Брат, послушай меня.

Нассору стало страшновато: его голос звучал недостаточно внушительно. Но ведь он так устал. Он нагнулся к парню и тихо заговорил, придав своему лицу свирепое выражение:

— Без Чика нам не обойтись. Я раньше убью Джеки, чем Чика. И тебя тоже.

Свон попятился.

— Хорошо, Алим.

Нассор смаковал его ужас. Свону не хотелось, чтобы его пырнули ножом. Он продолжал пя-

титься.

Алим не потерял свою власть.

— Из всех наших братьев Чик самый большой и сильный, — объяснил Нассор. — Он — фермер. Сечешь? Ты хочешь заниматься *вот этим* до конца жизни? Парень, мы топаем пешкодралом уже десять дней! Тебе что, понравилось тут гулять, а? Где-то для нас должно отыскаться нормальное укрытие, но какая разница, отыщется оно или нет, если мы не умеем ни сажать, ни…

— Пусть кто другой впахивает, — пробурчал Свон.

— Хватит нести чушь! — рявкнул Алим. — Мы… — Он чуть не выдал охватившее его отчаяние. — Где Чик?

— У костра. Джеки там нет.

— А Касси?

— С Чиком.

— Ладно.

Нассор поплелся к огню. Приятно сознавать, что он может повернуться к Свону спиной и ничего не случится. Он *необходим* Свону. И остальным братьям и сестрам. Никто из них не сумел бы провести их настолько далеко, и они это отлично понимают.

Первые семь дней после Падения Молота

беспрерывно лило. Потом дождь поутих, превратился в морось, которой не было конца, и от нее уже трясло, а она никак не прекращалась.

Спустя четыре недели морось не прекратилась, и, по меньшей мере, раз в сутки начинался сильный ливень.

Сегодня дождь шел трижды. Как он их достал! От него гнили ноги, обутые в кроссовки. Все стало безнадежно мокрым, за сухой клочок земли могли убить. К полуночи покрапывание почти прекратилось. Сейчас братья сгрудились вокруг костерка под навесом из пленки. Завтра Алим, вероятно, пожалеет, что позволил потратить часть горючего на костер, но — черт! — шоссе исчезнет раньше, чем в грузовике, украденном в «Ойл-Сити», закончится бензин.

В основном дороги обрывались на низменности — скрывались под водой, и приходилось возвращаться на мили, чтобы разыскать объезд, в итоге продвинуться лишь на несколько дюжин ярдов. Шиза…

Там, где трассы сохранились, их зачастую перекрывали заставы: фермеры с ружьями.

Еще им требовался огонь. Горячий бензин высушивал дрова достаточно, чтобы те горели, но страшно дымил. Двадцать братьев и пять сестер

жались полумесяцем в наветренной, как они надеялись, стороне от костра, под вздувающейся волнами пластиковой пленкой, а дым клубился вокруг них. Иногда ветер нес дым прямо на сидящих.

Нассор услышал смех и обрадовался.

Женщины в такой банде — плохо. Но еще хуже, когда сестер нет.

Хотелось бы Алиму знать, не дал ли он маху, но сейчас поздно суетиться. Дерьмо. Крошечная ошибка могла повлечь за собой гибель всех — вот *чем,* если угодно, и являлась власть.

Когда они добрались до долины, их было восемнадцать. Братья и ни одной женщины. По пути им почти всегда попадались белые, умирающие от голода и в принципе неспособные дать бой. Ребята Алима грабили, в схватках добывая себе пищу и сухие пристанища, и если надо — убивали. Встретив негров, они вербовали их. Но здесь, на севере, их оказалось мало, а черные фермеры не хотели вступать в банду. Данное обстоятельство устраивало Нассора — зачем ему лишние рты — и не сулило ничего хорошего самим чернокожим. Там, где проходила шайка, чернокожие особой любовью уже не пользовались.

А они продолжали свой путь. Никак не уда-

валось найти приличное убежище, где можно отдохнуть, а не оборонять. Братьев не хватало, а позади и впереди были фермеры с пушками, копы и беженцы, которым, если они хотели жить, оставалось одно — убивать людей Алима Нассора…

Теперь банда насчитывала двадцать братьев и пять сестер. Четверо мужчин погибли в драках из-за женщин (из них трое мужей). Одна девка, овдовев, в тот же день покончила с собой.

Алим был благодарен ей за это. Самоубийство на время охладило страсти.

Но ненадолго. Мужика Мейбл во сне закололи ножом, и теперь она трахалась со всеми подряд, но вела себя странно. Где бы она ни появилась, возникали драки. Похоже, она мстила. Но что Алим мог поделать? Пришить ее? Но тогда следовало обставить все как несчастный случай. Нельзя убивать единственную шлюху, имеющуюся в распоряжении братьев. Разве что дождаться подходящего момента?

Вот если б случилась очередная серьезная схватка и все бы знали, что спровоцировала ее Мейбл…

Чик и Касси представляли проблему иного рода. Оба фермеры. Их земли поглотила пучина — море, которое затопило долину Сан-Хоакин.

А разговор у них был, словно у белой деревенщины, они не понимали языка городских. Касси — гибкая, сильная, прелестная, с чувством собственного достоинства. Чик — дюжий великан, способный приподнять автомобиль за бампер или схватить кого-нибудь из братьев вроде Свона за лодыжку и, раскрутив в воздухе, швырнуть на дюжину футов — что он однажды и сделал.

У Чика и Касси во время наводнения погибли двое детей.

Если б они спаслись… Алим покачал головой. В чем в чем, а уж в малых банда не нуждалась! Хотя… Если б Касси явилась сюда в качестве матери, то, пожалуй, братья больше бы думали о том, как защитить ее, и меньше, как ее попользовать.

Когда он подошел к сидящим, они вскинули на него глаза. Кое-кто улыбнулся. Да, костер помогает… Чик и Касси не разнимали рук и задумчиво глядели на огонь.

Алим присел на корточки и спросил:

— Нам ни о чем не надо поговорить?

Чик покачал огромной головой. Касси не шелохнулась.

— Точно?

— Держи свое ворье подальше от моей жены, — буркнул мужчина.

— Я стараюсь. Никто не виноват, так уж сложилось… Ты о ком-то конкретно?

— Джеки. Тебе известно, что сукин сын грозил ей ножом?

— Он просто показал его мне, — подала голос Касси, — но я испугалась.

— Пушек ты не боишься, — произнес Нассор.

У Касси был огромный револьвер и к нему с полдюжины разных обойм: от патронов для охоты на птиц до таких, что могли свалить медведя. Алиму и не снилось, что существуют стволы с таким широким диапазоном действия.

— А что такого в ножах?

Она молча покачала головой, а белый сердито зыркнул на Алима.

Нассор встал.

— Я попытаюсь все утрясти. Где он?

— Спрятался.

Алим кивнул и отошел от них.

Что теперь! Побыть где-нибудь неподалеку или попробовать разыскать Джеки? Лучше остаться здесь. Алим шел между сестер и братьев так, чтобы костер освещал его — и чтобы его узнавали. Завтра они вспомнят это.

Но время шло, и его ребята побрели к грузовику. Дождь одерживал победу над пламенем, а Джеки

не появился.

Но Нассор догадался, где он прячется.

Слева виднелся берег, вдоль которого они шли целую неделю.

Ему хотелось выяснить, сможет ли банда при необходимости удрать в горы… Но чего ради? Мир, созданный белыми, мертв, и требовалось начинать все заново. Клочок земли, где можно устроить ферму, и несколько человек вроде Чика и Касси, чтобы научить остальных премудростям сельской работы, — вот что им было нужно. Но окрестности затопило. Если б вода когда-нибудь схлынула… Но дождь продолжался, огонь почти погас, и пресный океан никуда не делся, слишком темный, чтобы его увидеть, но по-прежнему был там, и по нему плыл различный хлам, мусор и трупы утонувшей скотины и людей.

А позади высился одинокий холм, единственное место, откуда Джеки мог следить за костром. Алим начал взбираться на склон. Он двигался как слепой, нащупывая ветки и отводя их в сторону, шаркая по земле, чтобы не сломать лодыжку. Наконец он позвал:

— Джеки?..

— Я здесь! — прозвучало совсем близко.

Нассор опять полез вверх. На самой вершине

холма и впрямь был Джеки: мужчина среднего роста, в пальто на три размера больше, чем нужно.

Он стоял спиной к Алиму.

— Почему ты не можешь оставить Касси в покое?

— Я пытался.

— Ты меня угробить хочешь?

— Я пытался, — повторил он. — Я даже ходил к Мейбл. Она обычная шалава, но я подумал, что будет легче. Она отказала мне. Натравила на меня Свона. Мол, его очередь. За ночь она успевает переспать с тремя, с любым уродом, какой попросит, а мне дала от ворот поворот. Мне!

— Она решила, мать ее, задурить тебе голову. — Нассор начал понимать, как надо действовать. — Ей по вкусу драки! Она не знает, кто ткнул ножом Джеймса, поэтому собирается вынудить нас поубивать друг друга. Она трахается с Эллиотом и жалуется Робу, что Эллиот ее изнасиловал. Для тебя она ног не раздвигает, и ты полезешь драться с Чиком. Если я прав, значит, уже шестеро жаждут моей крови. Джеки, как мне быть?

— Пусть вместо того, чтобы беситься, пошевелит мозгами.

— Нам нужно, чтобы хоть что-нибудь отвлек-

ло наших братьев от телок, — произнес Алим и рассмеялся, будто высказанная им мысль была и веселой и грустной одновременно.

— Тогда придется потрудиться. Алим, куда мы идем? Что с нами творится?

— Трудно сказать. — Он мог говорить с Джеки, но не мог никому признаться, что оказался в тупике.

А этот парень из умников. Когда-то он был большой шишкой у «Пантер», политик вроде самого Алима. Они работали вместе: он будоражил гетто до тех пор, пока Нассор не получал от мэрии то, что нужно.

Тогда Джеки успокаивал черных, но всем казалось, что это его, Алима, заслуга.

Пусть сейчас он поразмыслит, но, главное, не говори ему, никому не говори, что Нассор боится, что он промок, несчастен, задолбался и вот-вот сорвется…

— Власть черных кончилась, — изрек Джеки. — Слишком нас мало. И власть мы почти потеряли.

— Да я догадался, — ответил Алим.

— Потому мы неспособны нигде закрепиться и осесть, — продолжал брат. — Чик твердит, что необходимо по два акра на человека. С сотней акров мы могли бы выжить, но у нас их нет… и

не будет. Никто из нас не знаком с фермерским трудом. Какие из нас работники на полях? А если бы у нас был кто-то еще, кроме Чика и Касси, им бы тоже потребовалось по два акра. Это огромный участок земли, а мы бы его точно не удержали.

— Мы и маленький не удержим, — поправил Нассор.

— Верно. Поэтому нам лучше с кем-то объединиться, с какой-нибудь группой белых, с которой мы сладим. Просто политика, кровь ни при чем. — Он не отрываясь глядел в темноту, говорил тихо, но Алим чувствовал, что парень размышлял над возникшей проблемой уже давно.

— Проклятая система рухнула, — добавил Джеки. — Мы мечтали о том, что система схлопнется. Никаких легавых, мэрии и богатых ублюдков… и толку нам тоже никакого, потому что нас слишком мало.

— Я сделал все, что мог, — сказал Алим. — Разве нет?

— Да… Ты сделал все, что мог, — эхом отозвался собеседник. — Не твоя вина, что твоих усилий оказалось недостаточно. Иди сюда и погляди вниз.

Нассор различил сквозь моросящий дождь пятно света. Наверняка это костер: кто-то разбил

лагерь на берегу, к северу.

— Кстати, ты, может, не заметил, но там не один костер, а целых два, — нарушил тишину Джеки. — Сколько же там людей, чтобы имело смысл тратить столько горючего?

— Много. А они видели наш костер?

— Не-а. Здесь никто не проходил. И им глубоко плевать, наблюдает ли за ними кто-нибудь или нет. Подумай-ка…

Ага. Группа, которой нет нужды скрываться, — мощная группа.

«Отряд копов? Погоня? Нет, к северу отсюда мы не появлялись. Там ни у кого нет причины преследовать нас».

— Похоже, это отвлечет Чика от мысли убить меня, — произнес Джеки.

— А меня ты как отвлечешь? Ты видел костры и не пришел сказать мне…

— Я в дозоре. Да и не было никого поблизости. Я не спал.

Он боялся Чика.

— Ладно, гляди в оба. Я пришлю Гэя с биноклем.

В тусклом сером свете утра Джеки спустился по южному склону холма. Алим поднял своих людей, все пожитки были уложены. Братья при-

тихли. В руках они неуклюже держали ружья.

Сначала Джеки подошел к Чику и Касси. Нассор не слышал, о чем они говорили, но у белого был ствол, и он не пустил его в ход.

Затем брат направился к Алиму.

— Они организованные, — доложил он. — Пятьдесят или шестьдесят человек. Может, гораздо больше, и они не все собираются в одном месте. С ними женщины и какой-то чудной белый, смахивает на кролика, одет в лохмотья, оставшиеся от делового костюма, на шее галстук. Другие — в армейской форме.

Джеки подождал, пока Алим переварит услышанное.

— Вояки? Ах, черт, — выругался Нассор.

— Странные чуваки, — продолжал Джеки. — Одеты как военные и винтовки у них есть, а ведут себя… в общем, не по-солдатски. И с ними есть другие — в штатском.

Алим нахмурился.

— У них не только винтовки. У них автоматы и такие штуки типа труб…

— Базуки, — подсказал Нассор.

— Ага. И еще что-то вроде здоровенной пушки, только ее несут двое. Наверное, они с ее помощью способны разнести на части целый дом. Я видел

однажды по ящику. И, по-моему, они направляются на север.

Алим сглотнул. Это означало, что группа пришла с востока, поскольку раньше она им не попадалась. И уж точно не с запада — там практически все затопило.

— Хорошо бы нам пойти за ними, — вдруг произнес Свон, который прислушивался к разговору. — Они — крутые ребята.

— Да, чтоб они все захапали раньше, чем мы, — оборвал его Алим.

Он не хотел разглагольствовать. Он пока не представлял, что делать: было бы правильнее, прежде чем он вообще что-нибудь скажет, выслушать остальных.

— Лучше я сейчас заберусь наверх и понаблюдаю.

Он оставил вместо себя Свона, дав ему инструкции, куда бежать, если солдаты двинутся сюда. И следом за Джеки начал взбираться на холм. А ему-то казалось, у него трудности!

Всю жизнь мечтал с дюжиной пистолетиков и несколькими ружьями выступить против вояк.

— Теперь мы знаем, — пробормотал он, и Джеки посмотрел на него. — Теперь мы понимаем, почему народ попрятался.

Нигде нет жратвы. Пару дней назад удалось на плоту добраться до полузатопленного супермаркета, и оказалось, что он уже обобран до нитки. Разыскать смогли только дурацкий хавчик вроде консервированной лососины и анчоусов — да и того этих банок было немного. Вероятно, магазин обчистили вояки.

Когда Алим добрался до вершины холма, стало светлее. Джеки подал знак, и Нассор лег на живот и по кустам пополз вперед. Наконец он наткнулся на Гэя.

Шуба Алима покрылась грязью, но делать было нечего: у солдат наверняка имелись бинокли и они, конечно, ими пользовались вовсю, иначе не протянули бы так долго.

Чужаки разбили лагерь в миле с лишним — на берегу. Окружили его траншеями и невысокими насыпями, чтобы удобнее его защищать. Ишь ты! Они явно организованны. И там действительно оказалось много народу, люди сидели вокруг костров, не прячась, не беспокоясь, что их могут увидеть. И у них была еда. Алим насчитал семь женщин.

— В основном тут работают телки, — сказал Гэй. — Они и тот кролик в синем костюме. Большинство у них — белые, но я насчитал десять

наших. И у одного из них — нашивки сержанта.

— Сержант, — повторил Алим. — И его слушаются?

— На задних лапках пляшут, стоит ему махнуть рукой.

— Офицеры?

— Не видел. Мне кажется, командует именно он.

— Они добились! — внезапно воскликнул Джеки. — Черт, ведь они действительно смогли!

Алим промолчал: брат сам все объяснит. Мгновением позже тот заговорил:

— То, о чем мы трепались прошлой ночью. — Голос его дрожал от возбуждения. — Не «власть черным», а просто власть. И ведь их очень много.

— Не так уж много.

— А если им нужны новобранцы? — предположил Джеки.

— Ты рехнулся? — Гэй фыркнул. — Вступить в ряды армии, чтоб ее?

— Заткнись. — Нассор уставился в бинокль.

У берега кипела упорядоченная деятельность. Мусор выносили за пределы лагеря и сваливали в ямы. Часовые и аванпосты. На огне — лохани с горячей водой, все моют свою посуду.

Этот лагерь в принципе походил на обычный военный, но не совсем… Чем-то он отличался, что-то здесь было иначе, чем следовало.

— Алим, у них есть то, что нужно нам, — зачастил Джеки. — Сила. И оружие, чтобы делать все, что заблагорассудится. Мы могли бы присоединиться к ним, а тогда удержать любое место, какое захотим. Могло бы получиться даже лучше. Столько людей — да мы могли бы захватить долину! Присвоить себе урожай. Набрать рекрутов. Завладеть штатом, наконец.

— Ты нюхнул, что ли? — спросил Гэй.

— Заткнись, — опять прошипел Алим, и оба его товарища сразу поняли — он не шутит.

Воцарилась тишина. Прекрасно. Но проблема состояла вот в чем: откуда у Нассора будут сила и власть, если его банда присоединится к солдатам?

— У них вообще нет тачек?

— Мотоцикл. Здоровая «хонда». Двое укатили на ней на север. На разведку. Один наш, другой белый.

— В форме?

— Белый был в комбезе, — ответил Гэй. Судя по тону, брат не понимал, что происходит, и не мог взять в толк, зачем Алиму знать такие по-

дробности.

— А у нас — грузовик, и мы можем раздобыть еще тачки, — произнес Нассор.

Фермерский коттедж, который они видели раньше у дороги. Три грузовика, которые охраняют десять или пятнадцать мужиков с винтовками. У Алима не было шансов наложить лапу на машины, но с таким отрядом… В поле зрения показался сержант, и Алим шикнул на Джеки и Гэя. Точно наш, огромный амбал, не совсем черный. Светло-коричневый, с бородой. В армии? Хотя нашивки сержантские, а на ремне сбоку — нехилый пистолет. Он всем приказывал, а остальные тут же вставали и выполняли распоряжения: принесли еще дров для костра, начали разбирать посуду…

Главный не кричал, ему не требовалось размахивать кулаками и орать. Да, у него была сила… и власть, которой он пользовался на всю катушку.

Алим пристальнее всмотрелся в бородатого. Затем оторвался от бинокля и оскалился в усмешке.

— Это же Хук.

— Что? — удивился Гэй.

Джеки ухмыльнулся.

— Хук. — Нассор с облегчением вздохнул. — Я

его знаю. Мы с ним поладим.

Но сперва потребуются приготовления. Он должен побеседовать с Хуком как равный с равным, как командир. Разговаривать они должны как двое людей, обладающих властью. Нельзя, чтоб парень догадался, насколько все плохо у Алима.

Нассор оставил Джеки на холме и спустился к братьям. Пора кричать и орать.

Надо заставить этих ублюдков потрудиться.

К полудню в банде навели порядок. Теперь их лагерь тоже выглядел неплохо, и создавалось впечатление, что в нем больше народу, чем в действительности.

Алим взял с собой Джеки и своего брата Гарольда и направился к воякам.

— Мне страшно, — признался Гарольд, когда они приблизились к берегу.

— Хука испугался?

— Он однажды сделал из меня отбивную, — объяснил тот. — В девятом классе.

— Ага, но ты сам нарвался, — заявил Нассор. — Ладно, нас увидели. Гарольд, пойдешь туда. Винтовку дай мне. Руки подними. Скажи сержанту Хукеру, что я хочу с ним поговорить. И веди себя так, чтобы он остался тобой доволен, ясно? Прояви уважение.

— Не сомневайся, проявлю, — буркнул парень.

Он выпрямился и пошел так, как ему велел Алим. На ходу он пытался насвистывать.

Нассор почувствовал какое-то движение справа. Хукер заслал своих людей ему во фланг. Он обернулся и закричал воображаемой охране:

— Стойте там, уроды! Это мирные переговоры, усекли? С первого, кто пальнет, я шкуру спущу! Вы знаете, что я не шучу!

«Я слишком треплюсь, — подумал Алим, — будто я боюсь, что они не выполнят мой приказ. Но армейские остолопы услышали меня. Стоят столбом. А Гарольд теперь в лагере и никто пока не выстрелил».

Он затаил дыхание. Вот-вот все решится…

«Сделано! — возликовал Нассор, — Он говорит с Хукером, да, клянусь богом! А Хук уже идет мне навстречу. Все отлично, мать-перемать!»

В первый раз со дня Падения Молота он почувствовал гордость и надежду.

Два тяжелых сельскохозяйственных грузовика тащились по раскисшей дороге, с трудом прокладывая путь к вновь образованному острову в море Сан-Хоакин. Они затормозили у супермаркета, по-прежнему наполовину затопленного, с витринами, оттертыми от грязи ценой немалых

трудов. Из кабины выпрыгнули вооруженные мужчины и заняли позиции неподалеку.

— Приступаем, — произнес Кэл Уайт.

В руках он сжимал автомат Дика Уилсона. Он первый вошел в залитое водой здание и сразу же оказался по пояс в мутной воде. Остальные последовали за ним.

Деланти закашлялся и попробовал дышать ртом. Невыносимо воняло смертью. Он поискал, с кем бы поговорить, с Петром или с Джонни, но те двигались в противоположном конце колонны. Хотя они уже второй день занимались магазином, никто из астронавтов еще не привык к здешним запахам.

— Если бы все зависело от меня, я подождал бы неделю, — заявил Кевин Мюррей, маленький, пузатый и длиннорукий.

Раньше он работал продавцом в магазине кормов, и ему повезло жениться на сестре фермера.

— Чтобы сволочи в форме и сюда добрались? — отозвался Кэл. — Секунду…

Уайт и еще один мужчина двинулись в глубь магазина. С собой Уайт взял их единственный исправный фонарь (он светил от мышечных усилий) и автомат Дика.

Оружие казалось Рику нелепым и непристой-

ным. Вокруг властвовала смерть. Но высказывать свои мысли вслух он не осмелился. Прошлой ночью Дик принял беженца с юга, который сообщил сведения, стоившие того, чтобы его накормили: южную долину терроризировала банда чернокожих, которая уже успела объединиться с солдатами-людоедами.

Похоже, повторного нападения на владения Уилсона долго ждать не придется.

«Бедняги», — подумал Деланти. Он мог им посочувствовать: черные ребята в сотрясенном до основания, рушащемся мире… Они — никто, им некуда деваться, и они никому не нужны. Тут и к людоедам подашься. Но, разумеется, местные снова стали как-то странно поглядывать на Рика…

— Все чисто. За работу! — крикнул из магазина Уайт.

Они пошли за Кэлом — двенадцать мужчин, трое астронавтов и девять местных жителей, уцелевших в катастрофе. Водитель развернул грузовик так, чтобы фары светили в зал полуразрушенного магазина.

Но Рику хотелось бы, чтобы освещения не было вовсе. В грязной воде покачивались трупы. Его охватил сильный приступ удушья, и он прижал к лицу тряпку, на которую Уайт заранее набрызгал

немного бензина. Сладковатый, вызывающий тошноту аромат оказался гораздо лучше, чем запах гниющей плоти.

Кевин Мюррей направился к полке с консервами. Взял банку кукурузы. Она проржавела насквозь.

— Не годится, — пробурчал он.

— Был бы у нас еще фонарь, — отозвался другой фермер.

«Да, он бы пригодился, — мысленно произнес Деланти, — но кое-что надо делать в кромешной темноте».

Он смахнул с полки какие-то жестянки. За ними стояли стеклянные банки. Пикули. Астронавт позвал напарников, и они принялись выносить тару к грузовикам.

— Что это, Рик? — спросил Мюррей, принеся банку с иным содержимым.

— Грибы.

Мужчина пожал плечами:

— Ладно. Спасибо. Жаль, очки пропали. Вас никогда не удивляло, почему я не беру с собой ружье? Не вижу целей.

Деланти попытался вспомнить, что знает об очках, но он понятия не имел, как шлифуют линзы. Он двигался по проходам, перенося про-

довольствие, найденное другими, разыскивая еще что-нибудь, отталкивая трупы. Неужели он привыкает?

Но говорить следовало о чем-то другом, а не о мертвецах.

— Консервные банки не протянули долго, а? — сказал он и уставился на проржавевшие банки с тушенкой.

— Зато с сардинами сохранились прекрасно. Бог знает почему. По-моему, тут уже побывали — здесь меньше припасов, чем в предыдущем супермаркете. Но, во всяком случае, большая часть того, что мы обнаружили вчера, теперь в нашем распоряжении. — Мюррей задумчиво глянул на покачивавшиеся вокруг трупы. — Может, они все съели, когда очутились в ловушке…

Рик промолчал. Под ногами было стекло.

Люди работали в открытых сандалиях, взятых в обувном магазине, расположенном неподалеку. Ходить таким вот образом «на промысел», конечно, страшно, можно было пораниться, но хорошую обувь берегли и жалели.

Сейчас пальцы Деланти касались холодной, гладкой изогнутой поверхности. Вот оно.

Рик сделал вдох и нырнул. Возле пола он нащупал ряды бутылок. Их было очень много, а форма

у них оказалась самая разнообразная. Вероятно, тут хранилась питьевая вода, и хотя вряд ли стоило загромождать такой добычей грузовик, Деланти все же взял бутылку и вынырнул.

— Яблочный сок, ишь ты! Эй, парни, нужна подмога!

Они брели к нему как зомби — Петр, Джонни и фермеры, — уставшие как собаки, грязные, мокрые. Кое у кого хватило сил улыбнуться. Ружей не было только у Рика и Кевина, поэтому нырять пришлось именно им. Они передавали «улов» своим товарищам.

Уайт, главный в группе, медленно направился к выходу.

— Вы молодец, Рик, — произнес он, вернувшись, и опять поплелся наружу с очередной бутылкой.

Деланти последовал за ним.

Вдруг раздался чей-то крик.

Астронавт поставил свой груз на пустую полку, чтобы ничто не мешало. Вопил, должно быть, часовой. Но ведь у Рика нет ружья!

Сол снова заорал:

— Никакой опасности нет! Повторяю: никакой опасности нет! Но, парни, вы должны это видеть!

Вернуться за бутылками? Нет уж.

Деланти протиснулся мимо чего-то разбухшего и тяжелого (плавучая масса весила примерно столько же, сколько труп невысокого мужчины или высокой женщины) и выбрался наружу.

Парковка оказалась почти наполовину заставлена машинами. Сорок или пятьдесят автомобилей, брошенных владельцами, когда хлынул ливень. Теплый дождь обрушился, должно быть, столь внезапно, что заглушил двигатели раньше, чем покупатели в супермаркете могли сорваться с места. Тачки остались тут — как и их владельцы.

Повсюду была вода — и внутри и снаружи автомобилей.

Сол по-прежнему дежурил на своем посту на крыше магазина. Ему не имело смысла спускаться поближе к тому, что так взволновало его: он страдал дальнозоркостью, а очки его, как и у Мюррея, разбились. Он показывал вниз на что-то, плывущее мимо автобуса «фольксваген».

— Эй, кто-нибудь объяснит мне, что это такое? Явно не корова!

Люди выстроились полукругом вокруг *этого,* напрягая мышцы ног, чтобы не снесло течением — там самым, которое прибило к автобусу странный труп.

Оно было чуть поменьше человека и расцвечено всеми красками гниения. Мощные изогнутые ноги уже почти отвалились. А это что еще? У *него* имелись руки! На краткий безумный миг Рик вообразил, что Падение Молота стало лишь первым шагом вторжения пришельцев со звезд или даже входило в программу туристической поездки жителей иных миров. Крошечные ручки, длинный, разинутый в смертном оскале рот, туловище, напоминающее бутылку из-под кьянти…

— Да будь я проклят, — сказал он. — Кенгуру!

— Ну, таких чудищ мне еще видеть не приходилось, — с легким оттенком презрения отозвался Уайт.

— Это кенгуру.

— Но…

Рик огрызнулся:

— А ваша газета публиковала снимки животных, которые две недели как сдохли? Мои газеты — нет. Кенгуру сыграл в ящик, потому и выглядит так странно.

Джейкоб Виндж подобрался поближе к трупу.

— Нет сумки, — пробормотал он. — А они сумчатые.

Ветер переменился, и полукруг мужчин частично распался.

— Возможно, он самец, — предположил Дик. — Хотя где яйца? У кенгуру есть… э… внешние половые признаки?.. А, глупости! Откуда он взялся? Ближайший зоопарк только в… где?

Бейкер кивнул:

— В Гриффит-парке. Землетрясение, наверное, разрушило вольеры. Нет смысла обсуждать, каким образом бедная зверюга сумела допрыгать до этих мест, прежде чем утонула. Смотрите внимательнее, джентльмены, вам никогда уже не суждено увидеть кенгуру.

Рик перестал слушать и попятился. Ему хотелось визжать.

Вчера они приехали сюда на рассвете. Трудились двое суток напролет. Скоро закат.

Никто из них не заговорил о том, что случилось в магазине: это было и так очевидно. Десятки покупателей очутились в западне, когда первый ливень затопил их машины. Укрывшись в супермаркете, они ждали, когда он закончится. Надеялись на спасателей. А вода все поднималась и поднималась. Затем автоматика дверей отказала. Многие, вероятно, выбрались через черный ход, но захлебнулись…

В зале были полупустые полки. В воде виднелись кукурузные кочерыжки, опорожненные

бутылки, апельсиновые корки, хлеб в упаковке. Люди умерли не от голода. И они все погибли. Трупы плавали по супермаркету и по автомобильной парковке. Множество тел. В основном женские, но были и мужские, и детские, а рядом покачивались машины.

— Вы что… — прошептал Рик. Наклонив голову, он прокашлялся и пронзительно закричал: — Вы что, рехнулись?!

Его товарищи испуганно обернулись.

— Если вам хочется смотреть на трупы, то… вот! — его рука коснулась раздутого женского тела в цветастом платье. — И вот, — он показал на детский трупик, проплывающий совсем рядом с Диком. — И еще. — Он ткнул в сторону мертвеца за ветровым стеклом «фольксвагена». — Здесь можно посмотреть хоть куда-нибудь и не увидеть труп? Почему вы столпились, как шакалы, возле разнесчастного кенгуру?

— Заткнись! — Кевин стиснул кулаки, костяшки пальцев побелели.

Но он не шагнул к Рику и вскоре отвел взгляд. Остальные тоже.

Все, кроме Джейкоба Винджа. Его голос дрожал:

— Мы привыкли к ним. Нам пришлось, будь

оно все проклято!

Течение чуть изменило направление. Туша кенгуру (если это действительно был он) скользнула вдоль борта автобуса и вскоре скрылась из виду.

Раньше «Вагонер» был ярко-оранжевым с белой отделкой. Роскошная тачка, по чистой случайности оказавшаяся полноприводной, с шинами для бездорожья. Сейчас машина пестрела коричневыми и зелеными камуфляжными пятнами. На переднем сиденье, держа между колен винтовки, устроились двое в солдатской форме.

Алим и сержант Хукер сидели сзади и помалкивали. Автомобиль ехал по раскисшим полям, покрытым илом, а слева и справа виднелись остатки миндальных рощ.

Когда вырулили к лагерю, часовые отдали честь, автомобиль затормозил. Водитель и охранники выскочили, чтобы открыть задние дверцы. Нассор благодарно кивнул шоферу. А Хукер вовсе не замечал тех, кто торопился ему услужить.

Они вылезли из машины и зашагали к палатке на краю лагеря. Она была новехонькая, из магазина спорттоваров: зеленый нейлон, растянутый на алюминиевых подпорках, никаких протечек. Внутри оказалось тепло и сухо — спасибо жа-

ровне-хибати, в которой горел древесный уголь. На огне булькал чайник. Белая девушка подождала, пока мужчины сядут в складные кресла, и налила им горячего чаю.

Затем Хукер кивком отпустил девчонку. Она ушла, а часовые встали у палатки на страже.

Сержант широко улыбнулся.

— Хорошая пошла жизнь, Арахис.

Услышав давнюю кличку, Нассор поджал губы.

— Ради бога, парень, не называй меня так!

Хукер ухмыльнулся снова.

— Ладно. Здесь нас никто не слышит.

— Да, но ты можешь забыться. — Алим поежился.

Его дразнили Арахисом в восьмом классе, когда они изучали биографию Джорджа Вашингтона Карвера.

Естественно, кличка сразу прилипла к Джорджу Вашингтону Карверу Дэвису. Но он вышиб ее из памяти своих товарищей при помощи кулаков и бритвенных лезвий, вложенных в куски мыла.

— Обнаружить удалось немного, — наслаждаясь теплом, Хукер мелкими глотками прихлебывал чай.

— Да.

Разведчики, вернувшись, не сообщили сержан-

ту и Алиму ничего неожиданного, кроме того, что, когда дождь стих, они увидели снег на вершинах гор Высокой Сьерры. Ничего себе, и это в августе!

Известие испугало Нассора, но сержант заявил, что и до Того Дня в горах Сьерры иногда выпадал снег.

Несмотря на чай и теплую сухую палатку (вот настоящая роскошь!), Алиму и Хукеру было неуютно. Им следовало потолковать, но никто не хотел начинать разговор первым. Оба знали, какой им вскоре предстоит сделать выбор. Их лагерь расположен совсем близко к руинам Бейкерсфилда. На городском пепелище среди развалин трепыхалась еще куча народа. Они могли нагрянуть в лагерь и покончить с вояками и братвой.

Правда, пока местные еще не объединились. Те, кому удалось выжить, сбивались в маленькие группы, враждебно и подозрительно относящиеся друг к другу. Они воевали за жалкие остатки пищи в супермаркетах и на складах. За то, что осталось после Хукера и Нассора.

В итоге расклад был таков: Алим и сержант командовали изрядным количеством людей. А еще у них были пушки. Значит, они могли дать один-единственный бой. Если они победят, у

них останутся силы для нового сражения. Если проиграют — с ними покончено. Окрестности уже обобраны ими подчистую. Нужно куда-то двигаться. Но куда?

— Чертов дождь, — пробормотал Хукер.

Нассор кивнул и приложился к кружке. Если б только дождь прекратился! Если бы Бейкерсфилд просох, все стало бы легче легкого. Подождать подходящего дня с сильным ветром — а тут нет недостатка в ураганах — и сжечь проклятый город дотла. Сотни поджогов, разнесенных на квартал один от другого — и готово. Огненная буря прокатилась бы через Бейкерсфилд, и он перестал бы представлять собой угрозу.

А дожди, между прочим, ослабевали. Позавчера целый час светило солнце. Сегодня оно почти пробилось сквозь тучи, а ведь еще и полудня нет.

И дождик еле накрапывает.

— У нас шесть дней, — заметил Хукер. — Потом мы начнем голодать. Конечно, если мы очень проголодаемся, то пищу найдем, но…

Он не договорил. Но это и не требовалось. Нассор содрогнулся. Томас увидел выражение его лица и злобно скривился.

— Ты тоже примешь участие, — произнес он.

— Знаю.

Алим снова содрогнулся. Он вспомнил фермера, застреленного Хукером, и запах тушившегося мяса, и раздачу порций человечины. Каждый в лагере получал миску, а Томас бдительно следил, чтобы ели все. Страшный ритуал, повязавший их круговой порукой. Когда один из братьев отказался, Алиму пришлось его пристрелить. Его и Мейбл. Наконец-то. Ритуальное пиршество дало Нассору долгожданную возможность прикончить девку. Избавиться от приносящей одни неприятности потаскушки. Она, видите ли, не захотела…

— Странно, что вы не начали делать это раньше, — сказал Хукер.

Нассор ничего не ответил. По правде говоря, ни ему, ни его товарищам не приходили в головы мысли о каннибализме. Никому из них.

И этим Алим тайно гордился. *Его* люди — не людоеды. Нет, конечно, людоеды — только на таком условии сержант брал их в свой отряд…

— Вам повезло, что у вас была вяленая говядина. — Томас уже не мог остановиться. — Вам не пришлось по-настоящему голодать. Так-то.

— Повезло?! — внезапный вопль Алима напугал Хукера. — Да пошло оно все!.. — заорал Нассор. — В фургоне были горы всякой еды… пря-

мо тонна, а нам из-за того ублюдка досталось от силы фунта два! — Он выглянул в проем палатки и отыскал взглядом стройного негра, стоящего на посту возле костра. — Вот из-за него. Из-за козла Ганнибала.

Хукер нахмурился.

— Ты поэтому постоянно заставляешь его вкалывать? Из-за той жратвы, да?

Алим обезумел от ярости и сознания утраты: все мгновенно всплыло в его памяти.

— Ага. Оно самое. Жратва. Бухло. Послушай, мы уже чуяли беду и с ума сходили. Ты видел ожоги у Гэя? Мы думали, он умрет. Мы пожглись, пытаясь…

— О чем ты, мать твою?

— Да ты ведь не знаешь.

Алим потянулся к шкафчику, достал бутылку. Дешевое виски из аптеки.

Слава богу, в Калифорнии аптеки торговали чем угодно.

— Мы скучковались, — начал объяснять Нассор. — Я, мои ребята и еще кое-кто. Еще тогда, когда не думали, что… — Он оборвал фразу. — До того. А белые…

Хукер хладнокровно перегнулся через стол и влепил Алиму пощечину.

Рука Алима скользнула к кобуре и замерла.

— Спасибо, — произнес он.

Томас кивнул.

— Рассказывай дальше.

— Примерно половина белых, богачи из Бел-Эйра, свалила. Оставили свои дома. Без присмотра. Мы взяли фургоны и прочесали район. — Алим примолк и широко улыбнулся. — Мы разбогатели. Те часы, что я отдал тебе. А какое кольцо… — Он залюбовался игрой «кошачьего глаза». — Телевизоры, хай-фай, персидские ковры — за такие барыги дают по двадцать штук. Столько барахла. Мы были богаты.

Хукер кивнул. Да, у него получилось хуже. От этой мысли ему до сих пор было не по себе. Он солдат. Его вполне могли послать в Бел-Эйр пристрелить паршивых мародеров. Безумный мир.

— А еще мы нашли наркоту, — продолжал Алим. — Кокс, гашиш, трава — наилучшего качества. Я все прибрал, прежде чем мои остолопы начали зажигать прямо там.

Сержант глотнул виски.

— Ты сам… тоже, да?

— Ой-ой, как остроумно! Нет. Даже не пытался. Хук, я просто хотел, чтоб они поняли: будут потреблять на деле — отберу. Ведь это ж было еще

тогда, всюду шастали патрули легавых…

— Ага.

— А потом все и случилось. Проклятый Молот. Мы свалили. Паршивые дороги… да что угодно — валим к Грейпвайну. И вдруг мотор начинает чихать. Мы ехали по проселку, старались не лезть на шоссе, сечешь? Ну и взобрались на холм, а там фургон, гнался за нами. Ярко-голубой, четыре байка, у всех ружья или винтовки. Чисто дилижанс с охраной — как в кино…

— Угу, — отозвался Томас и налил себе еще виски.

Минут через пять надо будет сменить тему, но пока так приятно, что ты сухой, пьешь спиртное и не надо думать о том, куда теперь податься отряду.

— Мы все провернули грамотно, — вещал Алим. — Отъехали подальше. Спилили дерево в узком месте. Фургон подъехал. Чувак, ты бы видел! Байки остановились, а мои орлы от них от силы в пяти футах. Вышли из-за деревьев и давай стрелять. Потратили много пуль, но, черт, с теми пистолетами, что у нас были… Короче, отлично справились. Посшибали уродов, а сами байки целехоньки. Фургон затормозил, водитель положил руки на руль, чтобы мы могли их видеть,

без шума и пыли, Хук, ни одна пуля в тачку не попала, на распрекрасной голубой краске нигде ни царапины.

И что, я хапнул тот кокс из Бел-Эйра? Нет. А Ганнибал все время к нему прикладывался, а отрава — первый класс, понимаешь, по-настоящему хорошая, не то дерьмо, к которому он привык, но он нюхал по две, а то и по три дорожки зараз. Чуваки из фургона открывают дверь и начали вылезать, как зайчики, и тут Ганнибал решает, что он — последний из мау-мау и с гиканьем скачет к фургону с коктейлем Молотова! И он зафугачил бензиновую бомбу прямо туда, внутрь!

— Да. — Сержант покачал головой, обдумывая услышанное. — И чего там было-то в фургоне? Что-то стоящее?

— Ха! Да ты не поверишь мне, Хук! Он, мать его так, вспыхнул, словно…

— Бензин.

— Да, похоже на то, — Алим хотел хохотнуть, но не смог. — Парни, сидевшие в кабине, начали с визгом выскакивать, а ведь у пары ублюдков имелись пушки. Нужно отдать им должное — одежда на них горит, а они палят по нам. Мы давай стрелять в ответ, и когда все закончилось, фургон полыхал — не подойдешь. В кузове нача-

ли взрываться бутылки. Ох, запахи шли такие, что недолго свихнуться! Мы значит, дохнем с голоду, жрать нечего, а тут несет жареным мясом, а еще скотчем, коньяком, фруктовой хренью… наверное, этим… дорогущим… лийкерром, вот! — шоколадом, изюмом, яблоками… Да фургон был под завязку набит жратвой и бухлом! Мясо — и не кого-то там в кузове, а говядина…

Нассор внезапно запнулся и покосился на Хукера. Тот промолчал.

— Да. Короче, там что-то взорвалось, вот наружу и выбросило упаковку вяленой говядины — в фольге и в пластике. Не горелая, не в бензине — пара фунтов мяса! Гэй кинулся в кузов и выскочил оттуда с двумя бутылками. Одну пришлось отдать ему, он ее выдул, чтоб заглушить боль. А когда ему *действительно* стало больно, было поздно: вторую-то мы уже выпили.

А двое из байкеров, которые не окочурились, рассказали нам, что было в фургоне. Пушки, еда, дорогущая выпивка — даже европейского производства. Ты представляешь, сколько бы она теперь стоила… Европа сейчас спокойно может находиться на Луне, мать ее так, — для нас без разницы! В кузове лежала тонна вяленой говядины, и такая жирная жратва, которая на вкус

еще хуже… только когда умираешь с голоду, тебе по фиг. И супы, и картошка, и обезвоженно-замороженная пища для горных походов… Короче, чуваки дождались Падения Молота и тогда обчистили все дома, где видели, что люди готовятся.

— Умнее вас, — отметил Хукер.

Алим пожал плечами.

— Наверное. Я не думал, что та дрянь хряпнет. А ты?

— Тоже нет.

«Если бы да, — подумал сержант. — Если б я догадался, ни за что не вылез бы тогда из машины, и у нас было бы побольше боеприпасов… Зачем я оставил капитана одного? Проклятие!»

— …и бутыли с бензином, — вещал Нассор. — Крупно повезло, да? Но нам достались только запахи: бензин взрывался, горела одежда и… А те ребята всерьез ждали оледенения. Ну а этот козел Ганнибал пойдет по ледникам с голым задом, потому что его одежду я напялю поверх своей! — завелся Алим.

— Что стало с байками? — спросил Хукер.

Судьба мотоциклистов его не волновала.

— Сгорели. Как и фургон. Там же было много бензина. Пламя разносило вокруг. Паршиво, да? Полыхало так, что загорелись деревья. В самый

ливень, когда лило как из ведра… из ведра с теплым дерьмом, а деревья все равно занялись! Хотя ружья мы спасли.

— Хорошо. Плохо, что не вытапщили из огня остальное.

— Да.

На некоторое время они оказались в безопасности, и даже рабам было тепло и почти хватало еды. Не хотелось думать о том, чтобы убраться отсюда восвояси. Да и куда им двигаться?

Хукер с Алимом уже не раз откладывали неприятный разговор. Отложили они его и теперь, хотя оба понимали, что скоро все может закончиться.

— Алим! Сержант!

Кричал Джеки. И еще кто-то. Мужчины выскочили из палатки.

— Что случилось?

— Разводящий, пост номер четыре! — проорал кто-то.

— Живо! — Сержант жестом разослал солдат на посты по периметру лагеря и зашагал к кричавшему часовому.

— Не бойтесь, братья мои! — провозгласил кто-то невидимый из-за завесы дождя. — Я несу вам мир и благословение.

— Да чтоб тебя, — выругался Хукер и всмотрел-

ся в серую дымку.

Привидение материализовалось. Мужчина с длинными седыми волосами и густой бородой. На нем был дождевик, смахивающий то ли на рясу, то ли на развевающийся балахон.

За его спиной в полумраке маячили чьи-то силуэты.

— Стойте — или мы стреляем! — заявил Томас.

— Мир вам, братья, — ответствовал пришелец и обернулся к тем, кто шел за ним. — Я собираюсь побеседовать с этими Божьими ангелами.

— Псих, — констатировал Хукер. — Целая толпа чокнутых.

Он насмотрелся на таких. Сержант снял автомат с предохранителя. Нечего подпускать старого болвана слишком близко.

Но старик спокойно шел прямо на него, без страха глядя на оружие, и в его глазах определенно не было и намека на угрозу.

— Не нужно бояться меня, — произнес он.

— Что вам надо? — спросил Томас.

— Поговорить с вами. Передать вам откровение Господа Саваофа, Бога нашего.

— Чего? — удивился сержант.

Его палец на спусковом крючке напрягся, но старик продолжал идти вперед.

Двое людей Хукера оказались фактически на линии огня, и ему не хотелось рисковать. Кроме того, проповедник выглядел вполне безобидным. Пожалуй, все это обещало потеху. Что страшного будет, если он даст старцу возможность подойти?

— Остальные пусть не двигаются! — проорал Томас. — Гиллингс, возьми взвод и пригляди за ними!

— Так точно, — отозвался капрал.

А седобородый уже шагал к костру так, будто тот являлся его собственностью. Он заглянул в котел и обвел взглядом сидящих людей.

— Возрадуйтесь! — объявил он. — Грехи ваши отпущены.

— Ладно — чего вам надо? — осведомился Хукер. — И хватит пороть чушь насчет ангелов и Бога. *Ангелы.* — Он фыркнул.

— Но вы можете стать ими, — ответил проповедник. — Вы спаслись после всеобщего уничтожения. Молот Божий обрушился на грешный мир, но вас он пощадил. Неужели вы не хотите узнать почему?

— Кто вы? — спросил Нассор.

— Преподобный Генри Армитедж, — произнес мужчина. — Пророк. Вероятно, я не очень похож

на пророка. Но так оно и есть.

Алиму подумалось, что старец с его бородой, седыми волосами, сверкающими глазами и в длинном развевающемся дождевике как раз очень похож на пророка.

— Мне известно о том, кто вы, братья мои, — вымолвил Армитедж. — Знаю, что вы сделали. На сердце у вас — тяжесть. Вы грешили так, как только может грешить человек. Вы ели запретное. Но Господь Саваоф простит вас, ибо он пощадил вас ради того, чтобы вы стали проводниками Его воли. Вам назначено стать его ангелами, и для вас не будет ничего запретного!

— Ты сумасшедший, — пробормотал Хукер.

— Я? — Генри захихикал. — Ну тогда послушайте мои речи для развлечения. Ведь свихнувшийся старик не причинит вам вреда, верно? Возможно, я скажу что-нибудь, что вас позабавит.

Сбоку к Алиму подобрался Джеки.

— А мужик-то молодец, — прошептал он. — Заметил, как его слушают сестры? Да и мы тоже.

Нассор пожал плечами. В голосе Армитеджа было нечто завораживающее. И он делал классные переходы от проповеднической байды к нормальному трепу. Как раз когда ты думал, что он ненормальный, он начинал говорить совсем

иначе.

— Какую задачу возложил на нас Бог? — громко спросил Джеки.

— Молот Божий обрушился, дабы уничтожить мир зла, — ответил старец. — Господь даровал нам землю и плоды ее, а мы наполнили ее порчей. Мы разделили человечество на нации, на бедных и богатых, черных и белых. И создавали гетто для своих братьев. «А кто имеет достаток в мире, но, видя брата своего в нужде, затворяет от него сердце свое, — как пребывает в том любовь Божия?[10]». Господь дал людям, живущим здесь, достаток, но смертные отринули благодать. Они громоздили кирпич на кирпич, строили себе затейливые дома и дворцы, они заполняли землю блевотиной и вонью своих заводов — до тех пор, пока сама планета не стала зловонием в ноздрях Господа!

— Аминь! — выкрикнул кто-то.

— И тогда явился Молот Его покарать грешных, — добавил Генри. — Он ударил, и грешники сгинули.

— Мы не сгинули, — возразил Нассор.

— Но вы были грешниками, — ответил Арми-

---

[10] Примечания: 10

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова (3: 17).

тедж. — Как и все мы — все до единого! Иегова держит нас в ладони своей. Он судил нас! Но мы живы. Почему? Ответьте, почему Он пощадил нас?

Алим молчал. Он хотел рассмеяться и не мог. Старый псих! Полная шиза, однако…

— Он пощадил нас, дабы мы выполнили волю Его, — изрек Армитедж. — И чтобы завершили дело Его. Я не понимал! В своей гордыне я уверовал, будто знаю, что День Страшного суда настал одновременно с ударом Молота. Так и было, но я ошибался. Священное Писание гласит, что человеку не дано знать день и час Страшного суда! Но ведь нас судили! Я долго размышлял над этой загадкой. Я думал, что увижу ангелов Его, нисходящих на землю, увижу Царя Небесного! Тщета! Пустые мысли! Но теперь я поведаю вам истину. Он пощадил меня и вас, чтобы исполнилась воля Его, и лишь когда дело Его будет доведено до конца, явится нам Он во славе Своей.

Присоединяйтесь ко мне! Станьте ангелами Господними и уверуйте! Ибо гордыня человеческая не ведает границ. Даже сейчас, братья мои, есть те, кто жаждет возродить зло, уничтоженное Господом. Есть те, кто вновь построит зловонные заводы, и те, кто восстановит Вавилон. Но так не

будет, ибо есть у Бога ангелы Его — и вы будете среди них. Уверуйте!

Алим плеснул виски в чашку Хукера.

— Ты веришь во что-нибудь из этого бреда? — спросил он.

Снаружи, за стенками палатки продолжал проповедовать Армитедж.

— Одно точно — голос у него есть, — ответил сержант. — Два часа кряду — и никак не устанет.

— Веришь? — допытывался Нассор.

Томас хмыкнул.

— Видишь ли, если б я был верующим — а это точно не про меня, — я бы сказал, что он говорит дело. Он хорошо знает свою Библию.

— М-да. — Алим отхлебнул виски.

Ангелы Господни! Он — точно не ангел. Но старый сукин сын расшевелил воспоминания. Об уличных городских церквях и молитвенных собраниях, о словах, которые Нассор слышал ребенком. И это рождало чувство беспокойства.

Почему, черт возьми, они до сих пор живы?

Он высунулся за клапан палатки.

— Джеки! — позвал он.

— Я здесь.

Мужчина вошел в палатку и сел.

Нормальный чувак. У него давно кончились

свары с Чиком. Он нашел себе белую девку, и он ей вроде бы очень нравился. В общем, у парня котелок варил ого-го как.

— Как тебе проповедник? — осведомился Алим.

Тот развел руками.

— В его речах больше здравого смысла, чем кажется.

— Чего-чего? — спросил Хукер.

— Ну, во многом он прав, — ответил Джеки. — Города. Богачи. То, как они обращались с нами. Он говорит примерно в том же духе, что и «Пантеры». А Молот… он ведь и впрямь покончил с тем дерьмом… Можно считать, нам на блюдечке поднесли революцию. И что мы делаем? Просиживаем штаны, движемся в никуда.

— Неужто ты позволишь этому бело… — Он осекся на полуслове раньше, чем сержант успел отреагировать, — этому белому подцепить тебя на крючок?

— Да, он белый, — произнес Джеки. — А я буду не один такой. Помнишь Джерри Оуэна?

Алим нахмурился.

— Ага.

— Он там. С теми, кого привел проповедник.

Хукер оживился:

— Ты имеешь в виду того парня из СЛА?

— Не из СЛА, — поправил Джеки. — Из другой контры.

— Освободительная армия Нового Братства, — сказал Нассор.

— Да, все правильно, — согласился Томас. — Парень именовал себя генералом.

Он презрительно усмехнулся. Ему не нравились те, кто присваивал себе, не имея на то права, военные звания. Сам он был, Господь свидетель, сержантом Хукером — настоящим сержантом настоящей армии.

— Где он скрывался? — поинтересовался Алим. — ФБР и копы искали его.

Джеки помолчал.

— Прятался неподалеку отсюда, в долине около Портервилла, — наконец произнес он. — В коммуне хиппи.

— А теперь он, значит, с проповедником? — спросил Томас. — И верит ему?

— Похоже, что да, — кивнул Джеки. — Конечно, он всегда выступал за охрану окружающей среды. Может, он решил, что примкнул к хорошему делу, ведь у преподобного куча последователей. А сам проповедник… он белый, но говорит, что кровь не имеет значения. Люди охотно идут за

ним. Вот над чем стоит хорошенько подумать, сержант. Не знаю, кто такой вообще этот Генри Армитедж, пророк или псих, но уверен: не слишком многие пожелают добровольно признать наше господство.

— Но Армитедж…

— Утверждает, что вы главный ангел Господень, — быстро добавил Джеки. — Считает, что ваши грехи прощены, впрочем, как и наши. А теперь мы, дескать, должны взяться за дело Божье, а вы поведете нас…

Хукер уставился на Алима и Джеки, гадая, уж не попали ли они под чары старого болтуна. А действительно ли Армитедж говорит то, что думает? Томас никогда не был суеверным, но понимал, что капитан Ора относился к капелланам серьезно. И многие другие офицеры тоже — те, кем Хукер восхищался.

«Не представляю, куда нам двигаться и что нам делать… мне хотелось бы понять, есть ли смысл хоть в чем-то, есть ли причина, по которой мы остались в живых», — пронеслось у него в голосе.

Он вспомнил об убитых или съеденных ими людях и подумал, что у этого должна быть хоть какая-то цель. Армитедж утверждал, что причи-

на была, что все идет так, как должно, и то, что они делали ради выживания, правильно.

Звучит заманчиво.

— И я, значит, главный ангел Господа? — произнес Хукер вслух.

— Да, сержант, — ответил Джеки. — А вы разве не слышали?

— Не вникал. — Томас встал. — Но теперь я собираюсь внимательно его послушать.

Неделя Шестая: Высшая справедливость

Никакое предположение, вероятно, не могло бы шокировать наших современников больше, чем следующее: невозможность установить справедливый социальный строй.

Бертран де Жувенель. Суверенность

Элвин Харди провел последнюю проверку. Все готово. Библиотеку — просторную заставленную книгами комнату, где сенатор вершил суд, привели в порядок, вещи расставили по местам.

Эл пошел доложить сенатору.

Джеллисона он нашел в гостиной. Выглядел Артур неважно. Харди не мог бы точно сказать, что не так, но босс явно устал. Будто переработал. Разумеется. Они все вкалывали «сверхурочно».

Но в Вашингтоне сенатор трудился без передышки, по многу часов подряд, и никогда не выглядел настолько плохо.

— Готово, — произнес Харди.

— Хорошо. Начинаем, — распорядился Джел-

лисон.

Эл вышел на крыльцо особняка. Дождя не было. Окрестности заливал яркий солнечный свет. Теперь иногда по два часа в день светило солнце. Воздух стал чистым, прозрачным, и Харди мог разглядеть снег на вершинах Высокой Сьерры. А ведь еще только август.

Вчера снежная граница вроде бы пролегала на высоте шесть тысяч футов над уровнем моря, сегодня, после ночного шторма, она спустилась ниже.

Снег неумолимо полз к Твердыне.

«Но мы приняли меры», — подумал Эл.

Он видел дюжину теплиц: деревянные каркасы, обтянутые пластиковой пленкой. Ее удалось разыскать в хозяйственном магазине. Каждую теплицу опутывала целая паутина нейлоновых веревок, чтобы тонкий пластик не рвало ветром.

«Они не продержатся больше сезона, — решил Харди, — но именно этот сезон нас и тревожит».

Двор напоминал улей — такую бурную здесь развили деятельность. Мужчины толкали перед собой тачки с навозом, который вываливали в ямы, вырытые в теплицах. Перегнивая вместе с сеном, он будет выделять тепло, что, в свою очередь, согреет конструкции изнутри (по крайней

мере, на это очень надеялись). Кроме того, здесь будут спать люди: тепло их тел тоже должно повысить общую температуру.

Они сделают все, чтобы всходы не погибли. Сегодня, в погожий августовский день, подобные приготовления казались нелепыми — однако в воздухе уже чувствовался холодок, принесенный горным ветерком.

К сожалению, большая часть прилагаемых усилий окажется напрасной. В долине не знают, что такое настоящие торнадо, и как бы люди ни старались найти для ростков безопасное хорошее укрытие, некоторые теплицы запросто снесет ураган.

— Мы стараемся, — пробормотал Харди.

Всегда требовалось сделать еще что-то, но позже обязательно выяснялось, что о чем-то не подумали… Но вдруг именно сейчас сделано уже достаточно? Опасность, конечно, нешуточная, но они собирались выжить.

— Вот это хорошая новость, — сказал себе Эл. — А теперь плохая.

У крыльца столпился народ в отрепьях. Фермеры с прошениями. Беженцы, ухитрившиеся проникнуть в Твердыню, желающие ходатайствовать о предоставлении им постоянного

права жить здесь и сумевшие уговорить Эла (или Морин, или Шарлотту) дать им разрешение на встречу с сенатором.

Поодаль стояла другая группа. Вооруженные работники с ранчо, охранявшие арестованных (сегодня последних было только двое).

Харди махнул рукой, дескать, поднимайтесь, первым вошел в дом и направился в библиотеку.

Люди последовали за ним.

Они расселись на стульях, стоявших на изрядном расстоянии от рабочего места Джеллисона. Свое оружие они оставили за порогом — все, кроме Эла и ранчеров — тех, на кого Харди мог полностью положиться.

«Надо бы, — полагал он, — обыскивать тех, кто пришел на прием».

Когда-нибудь он начнет так поступать, но сейчас досмотры породили бы слишком много затруднений. Поэтому — в соседней комнате двое вооруженных ребят — люди, которым Эл доверял безоговорочно, замерли, приникнув к прицелам. Книжные стеллажи скрывали снайперов от визитеров, зато мужчины могли неусыпно наблюдать за «гостями» с винтовками наготове.

«Напрасная трата человеческих сил и возможностей», — подумал Харди.

И чего ради? Кого заботит, что подумают о нем остальные? Любой человек в здравом уме должен понимать, как важно охранять сенатора.

Когда люди расселись, Эл вернулся в гостиную.

— Все в порядке, — произнес он и бросился в кухню.

Сегодня заправлял сам Джордж Кристофер. На судах всегда присутствовал кто-нибудь из его клана. Прочие Кристоферы сразу же занимали место, отведенное для представителей их семьи, причем вставали при виде сенатора. Все, но не Джордж. Он входил вместе с Джеллисоном. Не то чтобы как равный, но тем не менее…

Харди не сказал ему ни слова. В том не было необходимости. Уже установился определенный ритуал. Вслед за Элом мужчина зашагал к библиотеке, его бычья шея ярко алела… «ну, не совсем, — признал Харди, — но *должна* была бы».

Джордж приблизился к Артуру, и они вслед за Элом переступили порог библиотеки.

Присутствующие вскочили: Харди не потребовалось ничего говорить. Вот и хорошо. Ему нравилось, когда все шло как положено — точно, гладко (тогда казалось, что он, Эл, вообще не принимает во всем этом никакого участия).

Харди направился к своему личному столу, где

уже были разложены бумаги. Напротив стоял пустой стул. Он предназначался для мэра, но тот на суды уже не являлся.

«Наш фарс ему надоел», — подумал Эл. Но Харди не мог его порицать. Сперва разбирательства происходили в зале мэрии, и у людей создавалось впечатление, что Зейц и начальник полиции — важные птицы, но теперь сенатор решил не тратить время на поездки в город…

— Можно начинать, — разрешил Джеллисон.

Первое дело было легким и связанным с вознаграждением. Двое ребятишек Стретча Толлифсена придумали новую крысоловку, в которую попались три дюжины грызунов-грабителей и десяток сусликов.

Еженедельно лучшим крысоловам выдавали награду — леденцы. Последние сладости на свете.

Харди проглядел свои бумаги. Сморщился. Теперь будет посложнее.

— Питер Бонар. Утаивание, — объявил он.

Тот встал. Ему было около тридцати, может, чуть больше. Редкая светлая бородка. Взгляд тусклый. От голода, вероятно.

— Утаивание чего? — осведомился Артур.

— Самого разного, сэр. Четыреста фунтов кури-

ного корма. Двадцать бушелей посевного зерна. Электробатареи. Два ящика винтовочных патронов. Полагаю, есть еще что-то, но я не смог выяснить.

Джеллисон мрачно посмотрел на Бонара.

— Это правда? — спросил он.

Мужчина не ответил.

— Доказано? — обратился Джеллисон к Харди.

— Да, сэр.

— Есть смысл в разбирательстве? — Теперь сенатор уставился на Бонара. — Ну?

— Так ведь он без приглашения явился в мой дом и обыскал его! Он не имел никакого права!

Джеллисон рассмеялся.

— Понять не могу, как все узнают!

А это знал лишь Харди. У него повсюду были агенты. Он часто беседовал с людьми — труд невеликий. Поймал кого-нибудь на проступке — не выдавай его, а отправь его на разведку и очень скоро получишь новые сведения.

— Больше вас ничего не волнует? — произнес Артур.

— Это мой корм, — заявил обвиняемый. — И остальное — тоже. Мы все нашли — я и моя жена. А потом привезли на моем грузовике. И почему вы к нам цепляетесь, а? Мое имущество на моей

земле!

— У вас есть куры? — продолжал допрос Джеллисон.

— Да.

— Сколько? — Бонар не ответил, и Артур обвел взглядом присутствующих. — Итак?

— Пожалуй, несколько, сенатор, — выпалила одна из ждущих своей очереди, женщина сорока лет, выглядящая на шестьдесят. — Четыре или пять куриц и петух.

— Вам не нужны четыреста фунтов корма, — вывод Джеллисона оказался логичен.

— Корм — он мой, — уперся Бонар.

— И посевное зерно. Здесь люди будут умирать с голоду — ведь если мы хотим собрать урожай в будущем году, мы должны сохранить для посева достаточно зерна, а вы спрятали двадцать бушелей. Таким образом, вы совершили убийство, Бонар.

— Эй…

— Вам известны законы. Нашел что-то — сообщи. И мы же не забираем все подчистую! Мы не ставим препоны предприимчивости. Но вам следовало сказать о находке, чтобы мы могли все распланировать…

— Но вы бы хапнули половину. А то и больше.

— Естественно. Ладно, нет смысла разговаривать, — вымолвил Джеллисон. — Кто-нибудь хочет высказаться в его защиту? — ответом было молчание. — Эл?

Харди пожал плечами.

— У него двое детей, одиннадцати и тринадцати лет.

— Это осложняет дело, — пробормотал сенатор. — Повторяю, кто-нибудь хочет высказаться в их защиту?.. Нет? — Голос его чуть дрогнул.

— Эй, вы не можете… Какого черта, Бетти — она ни при чем!!

— Она знала об утаенном, — произнес Артур.

— Но дети…

— Да.

— Он второй раз совершает преступление, сенатор, — проговорил Эл. — Кстати, в прошлый раз это был бензин.

— Мое горючее на моей земле…

— Вы чересчур болтливы, Бонар, — оборвал его Джеллисон. — Утаивание, значит. Тогда вы еще легко отделались… Похоже, имеется только один действенный способ убеждения! Джордж, вам есть что сказать?

— Нет, — отчеканил тот.

— Изгнание, — произнес сенатор. — Сегодня

днем. Решать, что вам можно взять с собой, я предоставляю Харди. Питер Бонар, вы приговариваетесь к изгнанию.

— Господи, у вас нет права вышвыривать меня из моего дома! — закричал мужчина. — Оставьте меня в покое, и мы тоже не будем вам мешать! Нам ничего от вас не нужно…

— Черта с два! — крикнул Джордж. — Вы постоянно просили нас о помощи! Корм, теплицы, и, да, мы даже выдали вам бензин, а вы нас обкрадывали! Вы заправили грузовик, чтобы привезти к себе зерно!

— Думаю, брат Варли позаботится о детях, — добавила какая-то женщина. — И о миссис Бонар тоже, если ей разрешат остаться.

— Она поедет со мной! — заорал Питер. — И дети тоже! Не имеете права отбирать у меня родных!

Джеллисон вздохнул. Обвиняемый искал сочувствия, надеясь, что его вместе с семьей не станут отправлять в изгнание.

Конечно, Артур рисковал, но, поскольку нельзя же и впрямь отобрать у Бонара детей… Или можно? И тем самым создать в Твердыне гнойник. Язву.

Отпрыски Питера будут всех ненавидеть. Кро-

ме того, семью нельзя разрушать.

— Как вам угодно, — сказал сенатор. — Эл, пусть его близкие отправляются с ним.

— Господи помилуй! — завыл Бонар. — Пожалуйста! Умоляю…

— Проследите за ним, Эл, — устало проговорил Артур. — Позже мы обсудим, кого можно будет поселить на ферме.

— Хорошо, сэр.

«Босс терпеть этого не может. Но разве у него есть выбор? Мы не можем сажать людей в тюрьму. Мы не сумеем даже прокормить заключенных».

— Поганый ублюдок! — взвился Питер. — Жирный сукин сын, чтоб ты провалился!

— Выведите его, — приказал Харди.

Двое вооруженных работников вытолкнули Бонара вон. Пока фермера выводили из библиотеки, он продолжал браниться.

Когда он оказался в холле, Элу почудились звуки ударов.

Так или иначе, но ругань внезапно прекратилась.

— Я прослежу за исполнением приговора, сэр, — промолвил Харди.

— Спасибо. Что дальше?

— Миссис Дарден. Явился ее сын. Из Лос-Андже-

леса. Хочет остаться здесь.

Джеллисон заметил, что Джордж Кристофер плотно сжал губы. Сенатор очень прямо сидел в кресле с высокой спинкой и смотрел зорко. Однако он чувствовал себя усталым, потерпевшим поражение — но не имел права сдаваться.

«Надо дотянуть до следующей осени, — думал он. — Тогда я отдохну. Будет хороший урожай. Должен быть. Еще год. А больше я ничего не прошу. Пожалуйста, Господи».

К счастью, дело было простым. Старуха, за которой некому присматривать. Прибыл ее родственник. Ее сын — один из нас, тут Джорджу возразить нечего. Все по правилам.

«Хотел бы я знать, хватит ли на него еды? И что будет зимой?»

Сенатор взглянул на старую леди и понял: что бы ни случилось с ее сыном, она точно до весны не протянет. И Артур внезапно ощутил к ней сильнейшую неприязнь: прежде, чем умереть, старуха съест немало.

Неделя Девятая: Организатор

Нужно отметить, однако, следующее: многие из тех, кто сейчас сетует на угнетение, несправедливость и уродливость, присущую жизни в технически развитом перенаселенном обществе, впоследствии решат, что дела в ту пору обстояли лучше как раз тогда, когда было хуже. Они обнаружат, что без функций, присущих развитым обществам – например, без телефона, электрического освещения, автомобилей, писем, телеграмм, – можно очень неплохо прожить примерно неделю, но жить так всю жизнь – невесело.

Роберто Вакка.
Ближайшее средневековое будущее

Никогда в жизни Харви еще так не вкалывал. Поле усеивали валуны, которые следовало убрать. Кое-какие булыжники мог поднять и отнести в сторону один человек. Зато другие требовали усилий двоих, а некоторые и вообще дюжины.

Самые крупные приходилось раскалывать кузнечным молотом. Затем обломки уносили — из

них строились низкие ограды.

Ромбическая решетка таких вот каменных заборов, которую можно увидеть в Новой Англии или в Южной Европе, всегда казалась Рэндоллу прелестной. До настоящего времени он и не подозревал, сколько человеческих страданий означает каждая такая стена. Их-то возводили не ради красоты, и не для того, чтобы обозначить границы, и даже не для защиты посевов от крупного рогатого скота и свиней. Или их сооружали исключительно по той причине, что надо бы ведь их куда-то девать, в конце концов, верно?

Большая часть пастбищ будет распахана под посевы. Причем под любые: ячмень, лук, дикие зерновые культуры из тех, что растут по канавам вдоль дорог — все, что только удастся посеять. А семян очень мало.

Вдобавок надо было решить, сохранить ли их для последующих посевов или съесть сейчас?

— Как в тюрьме, — проворчал Марк.

Рэндолл взмахнул молотом. Звякнул под ударом стальной клин, и валун аккуратно раскололся. Харви стало приятно настолько, что он почти забыл о бурчащем пустом желудке. Тяжелая работа, а еды впритык: сколько еще удастся так протянуть? Люди сенатора разрабо-

тали режим питания — столько-то калорий на столько-то часов тяжелой физической работы (книги подтверждали, что расчет верный) — но желудок Рэндолла так, кончено, не думал.

— Крошим камешки, — пропыхтел Ческу. — Отличное занятие для помощника режиссера.

Он ухватился за один конец обломка, отколотый ими от валуна, а Харви поднял другой конец. Им хорошо работалось вместе, не требовалось объяснять друг другу, что делать. Мужчины отнесли камень к стене.

Рэндолл внимательно посмотрел на стену и ткнул пальцем: туда. Обломок точно улегся на выбранный участок.

Они пошли за следующим.

Несколько минут они стояли, отдыхая. Харви глазел на поле, где дюжина других молодцов дробила валуны и носила обломки к строящейся ограде. То же самое могло бы происходить сотни лет назад.

— Джон Адамс, — произнес он.

— А? — Марк ободряюще хмыкнул.

Под рассказы легче работалось.

— Второй президент Соединенных Штатов. — Харви с силой вогнал клин в крошечную трещину в валуне. — Он поступил в Гарвард. Чтобы за-

платить за учебу, его отец продал поле, которое они называли «каменистым». Адамс решил, что лучше быть юристом, чем очищать почву от камней.

— Умный парень, — резюмировал Ческу. Придерживая клин, он поглядывал, как напарник поднимает кувалду. — От Гарварда сейчас мало что осталось.

— Да… и Брэйнтри, штат Массачусетс, тоже, и США, и почти вся Англия… Будут ли дети теперь изучать историю?

«Наверное, им придется, — подумал Харви, — ведь мы выкарабкаемся из этого кошмара, и наступит момент, когда снова станет важно знать, будет ли у нас король или президент… Вот тогда мы должны будем все сделать правильно, чтобы потом убраться с проклятой планеты раньше, чем ударит новый Молот. Когда-нибудь мы позволим себе роскошь изучения истории. А до тех пор мы будем думать об Англии так, как прежде думали об Атлантиде».

— Эй! — окликнул его Марк. — Поглядите-ка!

Харви обернулся вовремя — и обнаружил, что дочка Доры Кокс на жеребце перемахивает через каменную изгородь. Затем Элис пригнулась и пришпорила коня: могло показаться, будто ви-

дишь перед собой кентавра.

Рэндоллу вспомнилось, как он впервые приехал на ранчо, давным-давно, целую вечность назад, когда еще мог стоять на вершине скалы, смахивающей на громадную улитку, и ночь напролет трепаться о звездных империях.

Но это происходило в ином мире. Хотя и новый был не слишком плох. Они расчищали поля и охраняли свои границы. Не было ни изнасилований, ни убийств, и пусть еды было не столько, сколько хотелось бы, но они не голодали. Раскалывать валуны и строить из обломков стены, разумеется, тяжело, но это честная работа. Никаких бесконечных совещаний по ничтожным вопросам. Никаких специально организованных стрессов, дорожных пробок и газет, заполненных криминальными сводками.

Новый, простой мир имел и хорошие стороны.

Элис подъехала к ним.

— Сенатор зовет вас к себе, мистер Рэндолл.

— Ясно.

Харви благодарно отнес кувалду к стене и оставил там — для других. Он прищурился на солнце, чтобы определить, когда стемнеет.

— Вы тоже можете возвращаться! — крикнул он Марку. — Отдохните в хижине.

— Ладно. — Ческу бодро помахал другу и направился в сторону холма.

Там, в маленьком домике, жили Харви, Хамнеры, Марк с Джоанной и семейство Вагонеров. Было тесно, пришлось пристраивать добавочные комнаты, но они не жаловались. Сухо, тепло, есть еда, разве что-то может быть лучше?

Сам же Рэндолл побрел вниз по склону, к особняку сенатора. Здесь тоже появились пристройки. В одной из них Джеллисон сделал арсенал Твердыни: запасные винтовки, патроны, две полевые пушки (но без снарядов). Раньше оружие принадлежало учебному центру Национальной гвардии — до того, как его затопило. Тут хранилось и все необходимое для того, чтобы повторно зарядить имеющееся оружие. Винтовочные и прочие патроны удалось раздобыть в специальной портервиллской мастерской. Матрицы долго пробыли под водой и заржавели, но были в рабочем состоянии. Порох и капсюли лежали в наглухо запечатанных жестянках. Их еще не окончательно разъела ржавчина, хотя ждать оставалось недолго.

В другой пристройке расположился зять сенатора. Джек Тернер отвечал за телеграфный аппарат и радио. Связь пока наладили лишь с

заставой на проселочной дороге, по радио нельзя было поймать практически никаких сообщений, но жители Твердыни надеялись впоследствии протянуть не одну телеграфную линию.

Именно поэтому у Джека и появилось занятие. Он разбирался в радиочастотах и хорошо знал азбуку Морзе.

«Вот пусть и дежурит на телефоне», — подумал Харви.

Единственная попытка Джека принять участие в руководстве ранчо стала подлинным бедствием для обитателей Твердыни. В конце концов люди пришли к сенатору и потребовали заменить Тернера на кого-то еще.

Когда Харви проходил мимо, Джек поздоровался с ним:

— Привет, Рэндолл!

— Здравствуйте. Что нового?

— У нас очередной президент. Некий Гектор Шори из Колорадо-Спрингс. Он что-то бубнит о военном положении.

Похоже, Тернеру это показалось забавным. Харви тоже.

— Опять? Все всегда объявляют военное положение.

— Кроме Литтмена.

— Да, мне понравился Временный Император Чарльз Эвери Литтмен. Даже если большую часть своих штучек он заимствовал из «Летающего цирка Монти Пайтона». Но другие ребята были настроены серьезно.

— Группировка Шори, например. Несмотря на помехи, я сделал приличную запись.

— Так держать, Джек, — похвалил Харви и пошел дальше.

«Теперь у нас четыре президента, — думал он. — Литтмен — просто полупомешанный радиолюбитель. Но Колорадо-Спрингс находится возле Денвера, в миле над уровнем моря. Намечается серьезная проблема».

В гостиной толпился народ. Это было не обычное совещание. У камина в кожаном кресле, похожем на трон, восседал сенатор.

«Что ж, вероятно, так и задумано, Артур должен выглядеть соответствующе».

Справа от Джеллисона сидела Морин, слева — Эл Харди.

Наследница и руководитель штаба.

Помимо прочих здесь присутствовали и мэр Зейц, и начальник полиции, и Стив Кокс (управляющий ранчо, который теперь отвечал за сельское хозяйство в долине), и еще с полдюжи-

ны местных жителей.

И, конечно, Джордж Кристофер: он в одиночестве сидел в углу. Формально он располагал одним голосом, но только формально. Если не считать Морин, он мог запросто надавить на Джеллисона.

Харви улыбнулся дочери сенатора. Та в ответ улыбнулась быстрой, никому конкретно не предназначенной улыбкой и рассеянно кивнула.

Он быстро отвел взгляд.

Ага! Она двулична — и он тоже. Несколько раз, когда Рэндолл нес дозор на вершине горы, Морин поднималась к нему в лачугу. Она встречалась с ним и в других местах — но всегда тайком, украдкой. И вечно происходило одно и то же. Они беседовали о будущем — но никогда о своем общем будущем: этого не хотела Морин. Они любили друг друга бережно и нежно, будто знали, что следующего раза может никогда не быть. И не давали никаких обещаний. Она, вероятно, черпала у него силу, как и он — у нее.

Но на людях они своих чувств не проявляли. Как если бы у Морин был ревнивый вооруженный невидимый супруг.

Вот и сейчас она едва взглянула на Харви.

Но ведь и с Джорджем она вела себя подобным

образом.

Дружелюбно, но с прохладцей. Кристофер не был тем самым невидимым мужем… или был? А что происходит, когда они остаются наедине?

Рэндолл терялся в догадках.

Эти мысли мелькали у него в голове, пока давний рефлекс не вытеснил их в подсознание. У него нет на них времени. Сейчас ему кое-что нужно, но здесь найдутся люди, которые могут ему отказать.

Привычная ситуация.

— Входите, Харви. — Улыбка сенатора оставалась прежней — той, что помогла ему одержать победу на выборах.

— Итак, мы начинаем. Благодарю всех за то, что вы пришли. Полагаю, было бы неплохо заслушать отчет о том, как обстоят у нас дела.

— Есть причина, чтобы сделать это именно сейчас? — буркнул Кристофер.

Джеллисон доброжелательно посмотрел на него.

— Да, Джордж. И их несколько. Мы получили по телеграфу сообщение, что в Твердыню направляется Дик Уилсон вместе со своими людьми. Он хочет с нами встретиться. В общем, у нас будут гости.

— А есть новости из внешнего мира? — спросил мэр Зейц.

— Да, — ответил Джеллисон. — Но сначала, вы, Эл. Прошу…

Харди вытащил из портфеля бумаги и начал зачитывать. Сколько акров очищено от камней, сколько можно будет засеять озимой пшеницей. Опись поголовья скота. Оружие. Оборудование. Когда он закончил, у большинства людей в комнате был скучающий вид.

— Вывод такой, — сказал Харди. — Зиму мы протянем. Если повезет.

Его реплика вызвала живейший интерес присутствующих.

— Мы еле продержимся, впритык, — предупредил Эл. — Еще до того как придет весна, нам станет чертовски голодно. Но шанс есть. Мы располагаем некоторым запасом медикаментов и медицинского оборудования… Создана и работает клиника доктора Вальдемара. — Он сделал секундную паузу. — Теперь плохие новости. Люди Рэндолла обследовали плотины и электростанции. Вывод: снова запустить их не удастся. Слишком много унесла вода. Из перечня различных деталей, которые запрашивают инженеры, у нас нет и четверти. Для того чтобы возродить тут

цивилизацию, понадобится немало времени.

— Да мы и так цивилизованные, — пробурчал начальник полиции Хартман. — Почти нет преступлений, достаточно еды, есть врач, больница, почти во всех домах — водопровод и канализация. Чего нам еще надо?

— Электричество не помешало бы, — откликнулся Харви.

— Конечно, но мы можем прожить и без него, — ответил шеф Хартман. — Мы точно дотянем до весны.

Внезапно Рэндолл разделил его радость. Дорога к Твердыне была тяжелой, конец света превратился в бесконечную агонию… и, черт побери! Послушать, как мы сейчас беседуем, — будто нам мало остаться в живых! Меня могли не впустить, прогнать…

— Пожалуй, нам стоит выразить свою благодарность более определенно, — вымолвил преподобный Варли. — Нам следовало бы пропеть осанну, — добавил священник и неожиданно помрачнел. — Увы, мы заплатили высокую цену. Но, так уж получилось…

Сенатор кашлянул, чтобы привлечь внимание. В библиотеке воцарилась тишина.

— Есть еще новость, — произнес Джеллисон. —

У нас новый претендент на пост президента. Гектор Шори.

— Кто такой этот Шори? — рявкнул Джордж Кристофер.

— Спикер палаты представителей. Недавно избран на партийном совещании. Правда, я что-то не припомню, чтобы в палате проводилось простое голосование. Однако его заявление — лучшее из всех, какие мы слышали. По крайней мере, правительство Колорадо-Спрингс говорит так, будто оно отвечает за положение в стране.

— Так бы и я мог, — буркнул Кристофер.

Артур рассмеялся:

— Нет, Джордж, не могли бы. Я бы — да.

— Какая разница? — Сегодня мужчина был настроен воинственно. — Помочь они нам не могут и посадить в тюрьму тоже не в состоянии. Им придется беспрерывно бороться с другими правительствами Соединенных Штатов. Если они победят, до нас они не доберутся. Зачем нам прислушиваться к тому, что они там у себя вещают?

— Напомню: Колорадо-Спрингс располагает самыми крупными уцелевшими военными силами на континенте, — объяснил Харди. — Кадеты из академии. Объединенная система ПВО Северо-Американского континента — под Шайенскими

горами. База военно-воздушных сил Энт. И не забывайте про полк горных стрелков.

— Нет, до нас они не доберутся, — настаивал Кристофер. — Поймите, я не против того, чтобы Штаты возродились. Но я хочу знать — потребуют ли от нас платить налоги?

— Хороший вопрос, — кивнул Джеллисон и оглядел присутствующих. — Что бы ни произошло, оно может подождать до весны. Тогда мы либо выстоим, либо будем мертвы. Эл утверждает, что второе менее вероятно.

Кивки и согласный ропот.

— И еще… я пригласил Харви присутствовать на совещании потому, что у него есть одно предложение, — продолжал Артур. — Он просит снарядить экспедицию, чтобы раздобыть дополнительное оборудование, которое понадобится нам в следующем году.

Сенатор продемонстрировал собравшимся лист бумаги, и Рэндолл узнал список, подготовленный им, Брэдом Вагонером и Тимом Хамнером.

— Однако то, что указано в перечне, до весны нам не понадобится, — резюмировал Артур.

— Но вещи быстро приходят в негодность, сэр, — возразил Харви. — Электрические приборы, запчасти, транзисторы, электромоторы…

Много чего полезного и пригодного, хотя оно и побывало под водой. Если мы промедлим, оно попросту сгниет.

— Во время прошлой вылазки во внешний мир мы потеряли четверых, — проворчал Джордж. — Там плохо.

— Мы послали мало людей, — парировал Харви. — Нужно, чтобы мы представляли собой силу. На большой отряд не нападут.

Он гордился тем, что держит себя в руках. Вряд ли по голосу кто-нибудь догадался, как его страшит то, что придется выйти за пределы долины. Он взглянул на Морин. Она знала, хотя и не смотрела на него.

— Понадобится много бензина, — произнес Харди. — И пострадает график работ. Да и в любом случае вы будете вынуждены сражаться.

— Ну, если взять достаточно людей, дело может выгореть, — сменил гнев на милость Джордж. — Но я на вылазку с парой грузовиков, конечно, не согласен. Харви прав. Если идти, так толпой. Десять машин, пятьдесят-сто человек.

— По-моему, идею надо еще раз хорошенько обдумать, — подал голос преподобный.

Он выглядел печальным.

— Да, сэр, — кивнул Кристофер. — Святой отец,

я хочу мира не меньше, чем вы, но не пойму, как этого добиться. Вы же помните про съеденных соседей Дика?

Варли передернуло.

— Помню, — подтвердил он.

Наступила пауза, Харви воспользовался шансом.

— Тим поработал с телефонным справочником и картами, — сказал он. — Мы определили, где магазин снаряжения для подводного плавания. Глубина, на которой он находится, не превышает десяти футов. Мы нырнем и достанем акваланги.

— А дышать чем? — встрял Стив Кокс.

— Можно собрать компрессор, — ответил Рэндолл. — Спроектировать его нетрудно.

— Спроектировать-то легко, а вот сделать без электричества — сложновато, — проговорил Джо Хендерсон.

Раньше он был владельцем городской бензоколонки, а теперь помогал Рэю Кристоферу устроить кузницу и механическую мастерскую.

— Разрешите мне перечислить, что нам еще необходимо, — выпалил Харви. — Станки. Токарные, сверлильные. Различные инструменты. Мы найдем их. Мы обнаружили их местонахождение — на карте. Так вот, в один прекрасный день они

нам понадобятся.

Хендерсон невесело усмехнулся.

— Мне бы пригодились инструменты, — сказал он.

— Обмотки генераторов, — продолжал Рэндолл. — Подшипники. Запчасти для наших транспортных средств. Электрические кабели.

— Стоп, — произнес Хендерсон. — Сдаюсь. Надо делать вылазку.

— Эл, мы можем выделить им пятьдесят человек на неделю? — уточнил Джеллисон.

Вид у Харди стал несчастный.

— Эйлин! — позвал он.

Она тут же показалась на пороге.

— Пожалуйста, принесите мне план распределения рабочей силы.

— Сейчас, — ответила Эйлин, одарив Харви одной из своих солнечных улыбок.

Миссис Хэнкок-Хамнер ошиблась в своих предположениях: потребность в опытных администраторах не исчезла и после Падения Молота.

Харди часто повторял, что Эйлин — самый полезный человек в Твердыне. Было не совсем трудно разыскать крепких рабочих, фермеров, метких стрелков, даже механиков и инженеров, но тот, кто умел координировать процесс, ценил-

ся буквально на вес золота.

Или черного перца. Эл нахмурился. Ему не нравилась затеваемая вылазка: ненужный риск. Если дать Рэндоллу волю… Возможно, парень до сих пор надеется разыскать голубой фургон и убийц своей жены? Или нет? Он хотя бы перестал говорить об этом…

— А теперь разрешите мне внести в обсуждение свою невеликую лепту, — сказал шеф Хартман. — Мы можем выделить пятьдесят человек на неделю при условии, что за время их отсутствия на нас никто не нападет. Итак, пятьдесят мужчин и стволов — значительная часть наших сил, сенатор. Мне бы хотелось иметь побольше уверенности в том, что никто пока не собирается на нас напасть. И убедиться в этом я хочу до того, как соглашусь отослать сразу столько людей.

— Правильно, — встрепенулся мэр Зейц. — И следует сперва — еще до нашей вылазки — выслать дозорных. Пусть пройдутся по Дороге Беды, изучат обстановку…

— Верно. Кстати, послезавтра должен вернуться Гарри, — произнес сенатор. — И Дик может к нам наведаться со дня на день. А прежде чем принять окончательное решение, нужно многое предусмотреть… Джордж, у вас есть что сказать?

Кристофер покачал головой.

— Ну… я считаю, что если народ там чуть-чуть притих и не собирается нападать на нас, то мы можем попробовать совершить вылазку.

Он замолчал, уставился в стену, и все сразу поняли, о чем он думает. Ему совершенно не хотелось знать, как обстоят дела во внешнем мире. И никому из присутствующих — тоже. В долине тебе ничего не угрожало, а в нескольких милях подальше властвовали хаос, смерть и голод…

Вернулась Эйлин с бумагами.

Харди быстро просмотрел их.

— Все зависит от того, что вы найдете, — сказал он. — Нам необходимы подготовленные поля. Мы расчистили недостаточно земли, чтобы посеять весь наш запас озимого зерна. Но если вы разыщете новое оборудование и хороший материал для строительства теплиц, нам не понадобится столько земли… К тому же нам необходимы удобрения и корм для скота. Далее, бензин…

Затраты горючего и человеко-часов — на одной чаше весов, и сама экспедиция — на другой. Вот они и гадали, обговаривали предположения, пока, наконец, сенатор не произнес:

— Харви, вы предлагаете нам рискнуть. Признаю, что мы можем выиграть, и теряем мы

в принципе немного, но опасность все-таки есть. А в данный момент, чтобы выжить, нам нельзя рисковать.

— Да, сэр, — кивнул Рэндолл. — Но дать стопроцентную гарантию я вам не смогу.

Он замолчал и оглядел комнату. Ему нравились эти люди. Даже Кристофер. Джордж — честный малый, и, если случится беда, на парня можно будет положиться.

— Послушайте, если б решал я, то из долины и носа не высунул. Вы не представляете, какое это счастье — оказаться здесь, чувствовать себя в безопасности после увиденного в Лос-Анджелесе. Будь моя воля, я бы никогда не уезжал отсюда, Но мы должны смотреть вперед. Харди говорит, мы переживем зиму, а он не ошибается. Однако потом наступит весна, а затем — осень и снова зима… и так — год за годом… поэтому, наверное, нам надо набраться храбрости именно сейчас, чтобы в будущем нам жилось легче.

— Ага, если это не встанет нам так дорого, что никакого будущего для нас уже не будет! — воскликнул мэр и рассмеялся. — Я тут беседовал с психиаторшей… с доктором Рут. Она утверждает, что это синдром выжившего. Тех, кто выкарабкался после Падения Молота. Катастрофа нас

изменила. Некоторые совершенно рехнулись, жизнь в грош не ставят и готовы на все, что угодно. Но в основном получается как с нами: люди боятся своей тени. Я и сам такой. И меня не тянет рисковать. Но Харви говорит разумные вещи. За пределами нашей долины много брошенных вещей. Возможно, мы даже разыщем то, о чем рассказывал мистер Рэндолл.

— Голубой фургон! — выкрикнули одновременно четверо.

Эл поморщился. Пожалуй, ребята скоро с цепи сорвутся… Черный перец, специи, вяленое мясо, пеммикан, супы в банках и консервированная ветчина, кофе, спиртное, ликеры и «куропатка на грушевом дереве»[11], — в общем, изобилие, о котором можно только мечтать, причем все это — целыми тоннами! Станки, ха! Если б Харди мог читать мысли пятидесяти мужчин, решившихся на дурацкую вылазку, он бы понял, что найдет: пятьдесят воображаемых голубых фургонов.

И сенатор закрыл совещание.

— Ясно, что мы не будем принимать окончательное решение, пока Дик не придет сюда и не расскажет нам об увиденном. Давайте подо-

[11] Примечания: 11

Последняя строка в каждом куплете рождественского гимна «Двенадцать дней Рождества».

ждем его.

После слов Джеллисона люди стали расходиться.

— Я спрошу, нет ли у миссис Кокс чая, — произнес Харди, обратившись к Рэндоллу. — Харви, не уделите мне минуту? Поможете?

— Конечно.

И он вместе с Элом направился на кухню.

— А миссис Кокс и сама знает, что ей надо делать. Я хотел поговорить с вами наедине. Вернемся в библиотеку, если вы не возражаете.

«Что теперь?» — недоумевал Харви.

Ясно, что парня не волнует намечающаяся вылазка, но не крылось ли за всем этим еще что-то? Когда Эл плотно прикрыл за собой дверь, Рэндолл ощутил знакомый страх.

Харди любил изящество и четкость.

Когда-то давным-давно, много лет тому назад, Харви брал интервью у некоего адмирала. Журналиста поразил его письменный стол. Все вещи располагались абсолютно симметрично: в центре — пресс-папье, по бокам две одинаковые коробки, для входящих и исходящих посланий, посередине — чернильница, справа и слева от нее — шариковые ручки… сам же интервьюируемый размахивал карандашом, используя его в

качестве указки.

Рэндолл нацелил камеру точно в середину стола, а свой собственный карандаш положил прямо перед адмиралом, на одной линии с узлом его галстука.

И вояке это понравилось!

— Садитесь, пожалуйста, — произнес Эл, выдвинул ящик массивного письменного стола и достал оттуда бутылку бурбона. — Выпьете?

— Спасибо. — Харви встревожился не на шутку.

Помощник Джеллисона обладал почти такой же властью, как и его босс, претворяя в жизнь распоряжения сенатора. И был таким же, как исполнительные продюсеры, которые приказывали Рэндоллу завязывать с ерундой типа «люди-с-улицы» и исследовать человеческие мотивации. Наверняка они считали, что им пришлось бы гораздо меньше работать, если бы обыватели рождались идентичными — так было бы легче.

Может, проблема в Марке? Но удастся ли спасти его снова? Ческу уже сделал все, чтобы его вышвырнули из Твердыни.

Харди не оценил его плакат, провозглашавший Твердыню «торговым поселением и временным правительством сенатора Джеллисона».

Не пришлось по вкусу это и Джорджу Кристоферу. Хотя истраченная на баннер краска их не обеспокоила.

Вероятно, дело не в Марке. Что, если Эл решил, что Харви мешает выполнению его чудесных замыслов? Твердыне не выжить без маниакальной страсти Харди все упорядочивать. Здесь никого не держали, и все постоянно помнили об этом.

Он нервно заерзал на жестком сиденье. Эл сидел напротив — он нарочно не сел в огромное кресло хозяина ранчо. Пока он может решать, никто, кроме сенатора, не воссядет на этот трон.

Харди махнул рукой в сторону стола, на котором громоздились бумаги. Карты с карандашной береговой линией моря Сан-Хоакин. Распоряжения об использовании рабочей силы. Инвентаризационные списки провизии и оборудования, которое у них имелось. И список того, что раздобыть пока не удалось. График посадок. Кое-какие уточнения.

Уйма бумаг, призванных сберечь жизни людей во внезапно ставшем враждебном мире. Людей, которых слишком много.

— Как, по-вашему, это имеет какую-нибудь ценность? — спросил Эл.

— Огромную, — ответил Харви. — Организо-

ванность. Вот что не дает нам погибнуть.

— Рад, что вы так думаете. — Харди поднял свой стакан. — За что будем пить?

Рэндолл показал на пустое кресло сенатора.

— За герцога Силвер-Вэлли.

— С радостью присоединюсь к вам. *Сколь*.

– *Прозит*.

— Вы правы, он герцог, — произнес Харди, — обладающий всей полнотой юридической власти.

Ком страха в желудке Харви увеличился.

— Скажите-ка, что станет с нами, если он завтра умрет? — осведомился Эл.

— Господи! — Рэндолла ошарашил вопрос. — Но вероятность невелика…

— Очень даже велика, — возразил Харди. — Я сейчас выдаю вам секрет. Если вы проболтаетесь, тем паче самому герцогу, у вас будут крупные неприятности.

— Тогда зачем просвещать меня? И что с ним не так?

— Сердце, — произнес Эл. — В Бетезде ему велели беречь сердце. После этого срока он собирался уйти в отставку. Вот так-то.

— Он настолько плох?

— К сожалению. Сможет протянуть еще пару лет, если не умрет через… час. Вероятнее, через

год. Увы!

— А зачем вы рассказали это мне?

Харди уклонился от прямого ответа.

— Вы сами сказали, что организованность — залог выживания. Без Артура никакого порядка не будет. Вы можете назвать кого-нибудь, кто сумеет управлять долиной в случае кончины Джеллисона?

— Нет. Сейчас нет…

— А как насчет Колорадо? — спросил Эл.

Рэндолл рассмеялся.

— Вы же в курсе. Колорадо не поможет нам выжить. Но я вроде бы догадываюсь, кто возьмет власть в свои руки.

— Кто?

— Вы.

Харди покачал головой.

— Не получится. По двум причинам. Во-первых, я не местный. Здешние жители повинуются моим приказам только потому, что это *его* приказы. Ладно, со временем я мог бы уладить проблему. Но есть иная — веская причина. Я просто не гожусь.

— Вы же справляетесь.

— Нет. Я намеревался занять его место в сенате, когда он уйдет на покой, и он даже кое с кем до-

говорился. Думаю, я был бы неплохим сенатором. Но не президентом. Харви, две недели тому назад мне пришлось поехать на ферму Бонара выселять его жену и двоих детей. Они кричали, плакали и говорили, что, по сути, я обрекаю их на смерть. Они правы. Но я выгнал их. Правильно ли я поступил? Не знаю… И в то же время чувствую, что правильно. Потому что приказал он, а он никогда не допускает ошибок.

— Странно, что…

— Изъян характера, — перебил Харди. — Я мог бы покопаться в своем детстве, проведенном в католическом приюте для сирот, но вряд ли вам захочется выслушивать мою исповедь. Поверьте на слово, я делаю свое дело лучше, если мне есть на кого опереться, когда кто-то другой — высшая власть. И старик это знает. Он ни за что на свете не назначит меня преемником.

— Но что вы будете делать, когда…

— Как бы сенатор в конечном итоге ни поступил, какое бы ни вынес решение, я останусь начальником штаба. Более того, я буду начальником штаба у человека, который сможет продолжить его дело. Долина — дело его жизни. Он спас всех нас. Без него здесь царила бы разруха, как и во внешнем мире.

— Пожалуй, так и есть.

«Мне хорошо в Твердыне, — подумал Рэндолл. — И я хочу оставаться в безопасности».

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Вы мешаете, — просто сказал Эл.

Рэндолл стиснул зубы.

— Если завтра он умрет, единственным достойным преемником будет Джордж Кристофер, — заявил Харди. — Нет, подождите задавать вопросы. Я не хотел бы стать начальником его штаба. Но стану им, поскольку никто иной не сможет удержать в руках долину. И я постараюсь, чтобы все знали — Кристофер достойный кандидат, избранный самим Джеллисоном. Свадьба состоится через день после похорон, — добавил он.

— Она не выйдет за Джорджа Кристофера!

— Неужто? Если это означает выбор между успехом и гибелью всего, что пытался создать сенатор, — то выйдет.

— По-вашему, любой, за кого бы Морин собралась замуж, стал бы во главе Твердыни?

— Отнюдь, — сказал Харди и потряс головой. — К вам, например, это не относится. Вы тоже не местный. Никто не захочет повиноваться вашим распоряжениям. Нет, некоторые стали бы, если бы вы оказались наследником сенатора. Но их

было бы немного. Вы слишком мало прожили в Силвер-Вэлли. — Секунду Эл молчал. — И такой расклад не устроил бы меня.

Харви уставился на своего собеседника в упор.

— Вы ее любите, — задумчиво произнес он.

Тот пожал плечами.

— Она достаточно занимает мои мысли, чтобы я не желал ей смерти. А женившись на ней, я бы ее убил. То, что нарушает порядок в долине, то, что раскалывает ее население на отдельные группы и фракции, убьет всех, кто здесь живет. Мы не сумеем выдержать натиск первого же отряда врагов, какой пожелает вторгнуться к нам… А во внешнем мире у нас полно недоброжелателей. И они — более серьезные противники, чем вы можете себе вообразить.

— Вам известно что-то, о чем не говорилось на совещании?

— Узнаете от Дика, — ответил Эл. Он потянулся к бутылке и налил в стаканы еще бурбона. — Оставьте ее в покое, Харви. Морин одиноко, и я знаю, какие чувства вы питаете к ней, но лучше отойдите в сторонку. У вас получится только убить ее и уничтожить все то, что создал ее отец.

— Черт побери, я…

— Кричать или злиться на меня бесполезно. —

Голос Харди стал холоден. Эл не допускал никаких возражений. — Послушайте, она должна выйти замуж за того, кто станет новым герцогом. Иначе попытается заявить о своих правах Джек Тернер, и мне придется его пристрелить. Или появятся фракции, и каждая из них попробует захватить власть, поскольку каждая будет убеждена, что у нее не меньше прав, чем у прочих. Единственная возможность мирного перехода власти — взывать к памяти покойного сенатора, призывая хранить верность его начинаниям. Такое по силам только Морин. Но она не может контролировать всех и каждого. Зато она и Джордж вместе — смогут.

Наконец ледяное спокойствие Харди дало трещину, еле заметную. Его рука задрожала.

— Вы думаете, от того, что вы делаете, ей хоть чуточку легче? Ей известно, как она обязана поступить. Почему, по-вашему, она тайно встречается с вами, но не собирается выходить за вас замуж? — Эл встал. — Мы здесь уже долго. Надо вернуться к остальным.

Рэндолл осушил свой стакан, но не поднялся с места.

— Я пытался говорить с вами дружески, — добавил Харди. — Сенатор о вас высокого мнения. Ему нравится ваша работа и ваши идеи. Если б он

мог сделать свободный выбор, он бы… впрочем, неважно. У него нет такой возможности, ну а я, в свою очередь, вам сказал то, что хотел.

И прежде чем Харви успел открыть рот, Эл покинул библиотеку.

Рэндолл уставился на пустой стакан. Наконец поднялся, швырнул стакан на ковер.

— Черт! — выругался он. — Да провались оно все!

Когда совещание закончилось, Морин вышла из дома.

Повсюду висел легкий туман, и она даже не обратила на него внимания. Дымка эта никому не мешала, никого не беспокоила. Видимость была хорошей на несколько миль, и Морин различала снег, покрывающий вершины Высокой Сьерры и ее склоны. Сугробы лежали на южной части Коровьей горы, а ведь ее высота не достигала и пяти тысяч футов.

Скоро снег выпадет и в долине.

Молодая женщина поежилась на холодном ветру, но не испытывала искушения вернуться в дом и надеть что-нибудь потеплее. Тогда бы она столкнулась с Харви и была бы вынуждена вновь отводить взгляд.

Ей не хотелось никого видеть, однако она при-

ветливо улыбнулась Элис Кокс — та до сих пор не слезла со своей лошади.

Потом Морин не столько услышала, сколько почувствовала, как кто-то подошел и встал у нее за спиной. Она напряглась и медленно обернулась.

— Холодно, — сказал преподобный Варли. — Вам бы следовало надеть куртку.

— Ничего страшного! — И она опять посмотрела на склоны Сьерры.

Где-то там сейчас живет сын Харви. Те, кто побывал у скаутов, рассказывали, что ребята неплохо устроились.

Она снова повернулась к Варли.

— Вам можно доверять, — произнесла Морин.

— Надеюсь, что так, — улыбнулся он. — Моя миссия — выслушивать людей, рассказывающих о своих бедах.

— А я думала, ваше главное дело — молиться, — цинично парировала она, не понимая, отчего ей хочется уязвить священника.

— Я продолжаю взывать к Господу, но молитву нельзя назвать делом.

— Нельзя.

Он прав. Том Варли справлялся со своими обязанностями. Он мог бы претендовать на гораздо большую долю, чем та, которую брал со своих

прихожан. Многие жители долины отдавали ему часть своих продуктовых пайков, и он распределял приношения, правда, никому не говорил — каким образом. Джордж подозревал, что он подкармливает чужаков. Кристофер побаивался преподобного. В примитивных обществах священники и колдуны внушают страх…

— Хотелось бы мне, чтобы тот День действительно стал днем Страшного суда, — не подумав, ляпнула Морин.

— Почему?

— Ну… тогда это хоть что-нибудь бы означало. А сейчас в этом нет смысла. И не говорите мне о воле Божьей и Его неисповедимых путях.

— Не буду вас утруждать своей болтовней. Но вы сами верите в то, что сказали?

— Да. Я пыталась. Не получается. Я не могу верить в Бога, который сотворил такое! Ни в чем нет никакой цели! — воскликнула Морин. — Скоро зима. И мы переживем ее — некоторые. А потом еще одну зиму. И еще. Зачем вообще о чем-то беспокоиться?

Она не могла смотреть на Варли, но заметила, что его выразительные — прямо-таки «собачьи» — глаза полны сочувствия и понимания. Наверное, она напрашивалась на жалость, хотя

в данный момент это оказалось просто невыносимо.

Она спустилась с крыльца и бросилась прочь.

Варли направился следом за ней.

— Морин!

Она продолжала идти к подъездной аллее. Он догнал ее и зашагал рядом.

— Прошу вас.

— Что? — огрызнулась она. — Что вы можете сказать? Все это правда.

— Большинство из нас жаждет выжить, — промолвил он.

— Да. Интересно, зачем?

— Вы знаете ответ. Вы тоже хотите жить.

— Но иначе.

— Все не так уж и плохо…

— Послушайте. Я думала, я нашла цель… Жизнь состоит из работы. Я даже могла поверить в такой вот постулат. Но теперь у меня ничего нет. Я совершенно бесполезна.

— Неправда.

— Правда. Но и раньше я тоже… существовала. Иногда мне удавалось почувствовать себя счастливой, быть частью чужой жизни. Порой я могла обманывать себя, хотя ничего хорошего мне это не приносило. Я плыла по течению, не видела ни

в чем особенного смысла, и мне было наплевать… Но появился Молот и отнял у меня эти жалкие крохи. Он все унес.

— Но вы нужны Твердыне, — возразил Варли. — От вас многие зависят, люди в вас нуждаются.

Она рассмеялась.

— Зачем? Эл Харди и Эйлин трудятся не покладая рук. Папа принимает решения. А Морин? — Она фыркнула — Она делает окружающих несчастными, у нее бывают приступы черной меланхолии, которую она распространяет как заразу. Она ужом вьется, чтобы повидаться с любовником, после чего уничтожает бедного сукина сына, отказываясь разговаривать с ним на людях. А почему? Она боится этим погубить его, но ей не хватает духу перестать с ним трахаться. Ну? Это ведь хуже, чем быть просто бесполезной?

Осуждающей реакции на ее гневную речь не последовало. Морин стало стыдно — за себя и за то, что она пыталась… Что пыталась? Неважно.

— Значит, вам кто-то дорог, — произнес преподобный. — Ваш любовник. Он — тот, с кем вы хотели бы жить вместе.

Она горько улыбнулась.

— Вы что, не понимаете? Я теряюсь в догадках! И боюсь узнать. Я хочу любить и быть любимой,

но не думаю, что я это умею. Я боюсь, что все уже позади. А выяснить ничего я не могу, ведь я — наследница престола! Вероятно, мне надо выйти замуж за Джорджа и смириться.

На сей раз реакция последовала. Варли удивился:

— Ваш любовник — мистер Кристофер?

— Господи, нет! Джордж первый убил бы его.

— Сомневаюсь. Он очень приличный человек.

— Не уверена. Кстати, вот тогда я бы смогла во всем разобраться. Понять, способна ли я вообще испытывать чувства. Как бы узнать, не забрал ли Молот и это тоже? Извините. Зря я с вами разоткровенничалась. Вы ничем не можете помочь.

— Я могу слушать. И сказать вам, что вижу цель в жизни. Нашу огромную Вселенную создали совсем не случайно, Морин.

— А Молот — случайно?

— Нет.

— Тогда зачем?

Варли покачал головой.

— Возможно, для того чтобы встряхнуть некую вашингтонскую светскую львицу — чтобы она проанализировала собственную жизнь. Быть может, только ради этого. Из-за вас.

— Что за безумие, преподобный!

— Я верю, что Молот появился неспроста, но причина каждому из нас видится по-своему.

— Давайте-ка вернемся обратно. Я замерзла.

Морин повернулась и быстро пошла к особняку.

«Сегодня ночью я буду с Харви, — подумала она. — И я скажу ему все. Я должна. Мне больше не выдержать».

Конец путешествия

В годы грядущего Средневековья люди будут страдать от лишений, и в основном им придется тяжко трудиться ради удовлетворения основных потребностей. Некоторые (очень немногие) окажутся в привилегированном положении. Они не будут возделывать почву или строить укрепления, а станут заниматься интригами и заговорами – более грязными и жестокими, чем все те, что нам известны сегодня, – а целью их станет сохранение их личных привилегий…

Роберто Вакка.
Ближайшее средневековое будущее

Динь!

Сработал кухонный таймер. Хамнер отложил книгу и схватил бинокль. В лачуге, предназначенной для отдыха часовых, их было два: мощный обычный бинокль — тот, который он использовал сейчас, и прибор ночного видения, громадный, не дающий большого увеличения, но с высоким просветлением. Последний пригодился бы

астроному-любителю, вот только небо всегда закрывали тучи, и Тим редко видел звезды.

В лачуге произошли изменения. Стены укрепили деревом, щели и дыры законопатили. Ее даже отапливали. В комнате были книжные полки, стол, стул, кровать и специальная стойка для ружей у двери. Прежде чем выйти, Хамнер повесил на плечо «винчестер 30/06», и на миг изумился: он, плейбой и открыватель кометы, вооруженный до зубов, отправился на поиски нечисти!

Мужчина вскарабкался на валун. Рядом росло дерево. Издали невозможно было заметить Тима сквозь листву. Хамнер прильнул к стволу и начал тщательно изучать окрестности.

Дорога Беды на картах не значилась. Это название Харви Рэндолл дал седловине в горах вокруг Твердыни. Она стала наиболее вероятным направлением, откуда можно было ждать пешего вторжения, поэтому Хамнер внимательно оглядел ее в первую очередь. Не более пятнадцати минут минуло с тех пор, как он проверял ее в прошлый раз. Таймер устанавливался именно на такие интервалы по тем теоретическим соображениям, что никто пешком или верхом не может выйти на Дорогу Беды и скрыться из вида менее чем за четверть часа.

Никого. Теперь тут никогда никого не было. В первые недели многие пытались пробраться в долину, и тогда Тим трубил тревогу (у него имелся горн). Фермеры на лошадях выезжали навстречу пришельцам и гнали их прочь.

Теперь дорога всегда пустовала. Но наблюдать за ней следовало.

Мужчина заметил двух оленей, койота, пять кроликов и множество птиц. Хорошо бы разрешили охоту. Людей не было. Тим приложил бинокль к глазам — горизонт, голые склоны холмов. Почти то же самое, что выискивать кометы: запоминаешь, на что похожи объекты, и ищешь все отличное от заложенного в памяти. Ему уже знаком каждый камень на склонах холмов. Один смахивал на миниатюрную статую Свободы, другой на «кадиллак». На склонах не видно ничего странного.

Он обернулся, посмотрел на раскинувшуюся долину и улыбнулся. Вспомнил, как ему повезло: лучше быть здесь, на вершине горы, часовым, чем внизу раскалывать камни.

— Наверное, стражники в Сан-Квентине думали точно так же, — громко произнес Тим.

С некоторых пор у него появилась привычка разговаривать сам с собой.

Твердыня выглядела отлично. Безопасная, надежная, с теплицами, пастбищами и стадами. Еды будет достаточно.

— Я счастливчик, — пробормотал Хамнер.

Тиму снова подумалось, что ему несказанно повезло. У него есть Эйлин, друзья и крыша над головой. Он не голодает. И он работает, хотя его первоначальный план — восстановить плотину близ Твердыни — не удался. Но не по его вине. Они с Бредом Вагонером нашли новые способы вырабатывать электроэнергию — если они выберутся во Внешний мир и разыщут провода, подшипники, а также инструменты и оборудование, то их замысел станет реальностью.

И книги. У Тима набрался целый список произведений, которые он бы с удовольствием прочитал. Когда-то, давным-давно, в те времена, которые ему помнились уже очень смутно, у него были почти все эти книжки.

В те дни, когда ему хотелось что-нибудь получить, от него требовалось лишь озвучить свое желание и вытащить бумажник с кредитками.

А когда он размышлял о книгах и о том, как легко было бы их достать, его мысли текли дальше, и он вдруг вспоминал о теплых полотенцах, о сауне, о плавательном бассейне, о джине «Тан-

керей» и кофе по-ирландски, о чистой одежде, которую можно было получить в любой момент. Хамнер вздыхал. Но все это было до Эйлин, а она сама оказалась бесценна… Если конец света случился для того, чтобы соединить их, возможно, оно того стоило.

Тима огорчали только мысли о том, как живут во внешнем мире. Иногда в памяти возникали картины недавнего прошлого. Мертвый младенец, полицейские и медики, работающие в Бербанкской больнице, как он проехал мимо нуждающихся в помощи людей… Воспоминания преследовали его, и он тогда не переставал удивляться, почему он каким-то чудом спасся и выжил. Ведь он обрел даже счастье, на которое не смел и надеяться.

Он заметил какое-то движение. По дороге катил грузовик. В кузов набилась куча народа. Хамнер едва не спрыгнул на землю, чтобы кинуться в хижину и объявить тревогу. Ни туч, ни молний не было, лишь над Высокой Сьеррой беспрерывно вспыхивало: коротковолновый передатчик будет работать, но его велено использовать по необходимости. Чертовски трудно таскать батареи вверх-вниз по склону холма, а чтобы перезарядить их, надо тратить драгоценный бензин. Тим

подавил порыв. Пусть едет дальше, еще есть время рассмотреть его в бинокль.

Возможно, машина принадлежит Дику Уилсону. А если так, то грузовик мог представлять собой реальную угрозу — для чужаков, разумеется.

Одна-единственная ошибка может привести к катастрофе. Что, если по какой-то причине начнется перестрелка? Дюжины жизней оборвутся, а бедолагу-часового отправят в изгнание — без яиц.

Тачка и впрямь походила на грузовик Уилсона, но народу в ней было больше, чем обычно, в кузове стояли люди. Странно как-то… И вдруг Хамнер заметил женщину.

А вон те четверо — почему взгляд задерживается на них? Женщина, негр и двое белых. Но они держались особняком даже в тесноте, будто брезговали простыми смертными. Он вроде бы где-то их видел…

Тим заелозил локтями по камню, внимательно изучая в бинокль свою цель.

Машина приближалась. Хамнер помчался к лачуге, схватился за микрофон — и его осенило.

— Да?

— Здесь Дик Уилсон, в трех минутах езды, — выпалил он. — Везет астронавтов с «Молотлэба»!

Всех! Вы не поверите своим глазам. Они словно боги. Будто конец света их вообще не затронул.

Обитатели Твердыни уставились на грузовик. Все говорили одновременно, и до Рика долетали только обрывки.

— Русские…

— Астронавты, это правда они!

Когда он спрыгнул на землю, окружавшая их толпа чуть подалась назад, чтобы не смять людей, вернувшихся из космоса, глазея на них, улыбаясь.

Мужчины и женщины — и они вовсе не умирали с голода. В их глазах не было той затравленности, к которой Деланти привык во владениях Уилсона. Похоже, ад их не затронул.

В основном собравшиеся были людьми средних лет. Судя по одежде, они занимались тяжелым физическим трудом. Мужчины — рослые, женщины — некрасивые… или ему так просто показалось?

Деланти пригляделся. На ферме Уилсона женщины одевались в рабочие комбинезоны и вкалывали за двоих. Но тут было как-то иначе.

В долине женщины не походили на своих мужей, братьев и отцов. Здесь кое-что, хотя и далеко не все, было как и до Падения Молота.

Но это не бросалось в глаза. Рик, который успел

провести несколько недель у Дика, задумался. Да, после Молота жизнь коренным образом изменилась.... А Твердыня отличалась от укрепленных владений Уилсонов, как...

У Рика не было времени на дальнейшие размышления. Начались взаимные приветствия, и гостей повели к каменному особняку с просторной верандой. Даже если бы Деланти не узнал Джеллисона, он бы понял, кто здесь хозяин: сенатор был не таким крупным, как здоровенные мужики вокруг, но ему уступали дорогу, ждали, когда он заговорит, и от его улыбки всем сразу стало легче — даже Петру и Леонилле, которые изрядно нервничали.

Подходили все новые люди — одни спускались по склонам с полей, другие шагали по подъездной аллее. Новость разлетелась быстро. Рик поискал взглядом Бейкера и увидел его. Но тот вообще никого не замечал. Он стоял перед стройной рыжеволосой девушкой во фланелевой рубахе и джинсах. Джонни держал ее за руки, и они пожирали друг друга глазами.

— Я думал, ты погибла, — говорил астронавт. — Я просто... я даже ни разу не спросил у Дика. Боялся. Рад, что ты жива.

— Я тоже рада, что ты уцелел, — ответила де-

вушка.

«Ничего себе, — пронеслось в голове у Деланти, — лица у них такие печальные, словно они только что вернулись с похорон».

Тем не менее Рику и всем остальным стало ясно: это встретились любящие.

И некоторым мужчинам данное открытие весьма не понравилось! Быть беде… Но Рик отвлекся: вокруг столпились взбудораженные местные, которые что-то говорили. Один из здоровяков отвернулся от Джонни и обратился к Деланти.

— Мы воюем с русскими?

— Нет, — ответил Рик. — Остатки России и Соединенных Штатов теперь стали союзниками. И мы против Китая. Хотя, по-моему, война уже закончилась. Молот, советские ракеты и наши боеголовки превратили Китай в лоскуты. Там нет ничего, чтобы сражаться.

— Неужто? — недоумевал великан. — Ладно. Верю.

Рик усмехнулся.

— Штука в том, что если мы когда-нибудь доберемся до России, то найдем там только ледники. А если отправимся в Китай, то наткнемся на русских, и они вспомнят, что мы были союзниками. Сечете?

Великан нахмурился и ушел, будто астронавт над ним глумился.

Деланти окунулся в прежнюю рутину. Он часто выступал на встречах, всегда использовал простые ясные выражения и никогда не говорил, глядя на аудиторию свысока. И ему задали много вопросов. Люди хотели знать, на что это похоже — летать в космосе. Что чувствуешь в невесомости? Рик удивился тому, столько народу смотрело трансляции с «Молотлэба». И ведь они не забыли импровизированный танец, исполненный им при нулевой гравитации!

Как астронавты перемещались? Ели? Пили? Заделывали оставленные метеоритом пробоины? Может ли не ослабленный атмосферой солнечный свет выжечь глаза? Носили ли астронавты темные очки?

Деланти уже выучил некоторые имена. Девочку звали Элис Кокс. Женщина, которая внесла поднос с кофе (с настоящим кофе!), приходилась ей матерью. Мужики, державшиеся с вызовом, — Кристоферы, оба. Между прочим, Кристофером был и тот, который спрашивал, не воюет ли Америка с русскими: он, Дик и Джонни скрылись в глубине особняка, предоставив принимать гостей миссис Кокс.

Одного из мужчин представили как «мэра», другого называли «шефом», но тут имелась некая тонкость, которую Рик не понимал: Кристоферы, не имеющие никаких титулов, похоже, занимали более высокое положение.

Мужчины были крупными, рослыми. И все вооружены. Или он так привык к отощавшей команде Уилсона?

— Сенатор говорит, что сегодня мы побалуем себя искусственным освещением, — объявила миссис Кокс, появившись на пороге. — Вы сможете побеседовать с астронавтами — когда наступят сумерки и темно для работы. Вероятно, мы устроим вечер отдыха.

Собравшиеся загомонили, выражая согласие и прощаясь. Толпа рассосалась. Женщина провела бывших членов экспедиции в гостиную и принесла еще кофе. Идеальная хозяйка — и Рик вдруг понял, что по-настоящему расслабляется в первый раз после приземления.

У Дика тоже, бывало, угощали кофе, но всегда понемногу, и напиток торопливо глотали фермеры, собиравшиеся в дозор. Никто не разваливался в креслах, и, конечно, о фарфоровых чашечках не могло идти и речи.

— Извините, что никто, кроме меня, не может

составить вам компанию, — посетовала миссис Кокс. — Все заняты. Зато вечером своей болтовней они совершенно заморочат вам голову.

— Неважно, — улыбнулся Петр. — Благодарю вас за гостеприимство. — Он и Малик сидели рядом, поодаль от Рика. — Надеюсь, мы не отвлекаем вас от дел.

— Не беспокойтесь. Что ж, мне пора готовить обед, — вымолвила женщина. — Если что-нибудь понадобится, зовите.

И подчеркнуто поставив кофейник на стол, она вышла. Уже в дверях она обернулась и добавила:

— Лучше выпейте сразу, пока он горячий. Вряд ли в ближайшее время у нас снова будет кофе.

— Спасибо, — проговорила Леонилла. — Вы очень к нам добры…

— Вы это заслужили, я уверена, — ответила миссис Кокс и покинула гостиную.

— Мы обнаружили правительство, — констатировал Петр. — Где генерал Бейкер?

Деланти развел руками.

— Где-то в особняке вместе с Уилсоном, сенатором и другими важными персонами. Совещаются?

— А нас не пригласили, — пробурчал Яков. — Разумеется, мы с Леониллой там не нужны, но

почему не позвали вас?

— Я думал об этом, — ответил Рик. — Но вы ведь и сами знаете, что им скажет Дик. А кому-то следовало остаться и беседовать с местными ребятами. Такой вот знак особого доверия.

— Надеюсь, вы правы, — сказал русский.

Малик кивнула в знак согласия.

— Впервые с тех пор, как мы приземлились, я чувствую себя в безопасности. И, по-моему, мы им понравились. Их же не беспокоит, что вы, Рик… чернокожий?

— Обычно я сразу чувствую неприязнь, — ответил он. — Но и тут есть нечто странное. Вы заметили? Когда я просветил их насчет войны, люди тут же переключились на космос. Никто вообще не спросил, что сейчас творится на Земле.

— Да. Но мы должны быть готовыми к тому, что вскоре нас засыплют новыми вопросами, — проговорил Петр.

— Жаль, лучше бы обойтись без этого, — заметила Малик и вздохнула.

Воцарилась тишина. Рик поднялся и разлил по чашкам оставшийся кофе. Из кухни доносилось звяканье утвари и тарелок, а за окном виднелись люди, перетаскивавшие валуны и пахавшие землю. Тяжкий труд, и было ясно, что так будет

продолжаться очень долго. Пожалуй, даже Леонилла будет вынуждена впрячься в ярмо…

Но что тут плохого? Внезапно Рик осознал, что беззвучно молится — вот бы нашлась работа, все равно какая, лишь бы опять почувствовать себя полезным и забыть о Хьюстоне, Эль-Лаго и цунами…

Но в данный момент он превратился в радушно принимаемого героя, и Леонилла с Петром — тоже. Теперь они в безопасности, среди вооруженных парней, не испытывавших ни малейшего желания их убивать.

Он услышал приглушенные голоса. Кажется, там дискутируют сенатор, Джонни, Уилсон и самые доверенные люди Джеллисона. Они придумывают план… чего?

«Наших жизней», — сказал себе Рик.

А дочь Артура — она тоже на совещании? Деланти вспомнилось, как она и Бейкер смотрели друг на друга. Голоса их были неслышны, лица почти соприкасались, они полностью забыли об окружающих.

Интересно, это повлияет на решение сенатора?

Но Джеллисону такой расклад может быть совсем не по душе. Хотя кто его знает?..

Джонни — генерал ВВС. А если в Колорадо-

Спрингс и впрямь предъявят какой-то козырь, с Бейкером тоже должны будут считаться…

— Сколько людей в Твердыне? — нарушил паузу Петр.

Вопрос спугнул грезы Рика.

— По моей оценке, несколько сотен человек, — продолжал русский. — И у них много оружия. Как вы считаете, патронов хватит?

Деланти неопределенно хмыкнул. Мысленно он уже унесся в далекое будущее, на недели и месяцы вперед, и ухитрился забыть, зачем они приехали во владения Джеллисона.

— Наверное, — ответил он и ощутил нервозность, исходящую от Якова и Малик.

Пока что ему в голову не приходило, что сил сенатора может не хватить. Он был настолько убежден в том, что где-то живут цивилизованные мужчины и женщины, существует цивилизация и порядок, что забылся.

А может, никакой цивилизации давно нет и в помине. Деланти поежился, но удержал на лице улыбку. Трое астронавтов сидели в обшитой панелями комнате, ждали, надеялись.

— Они провозгласили себя армией Нового Братства, — произнес Дик.

Он огляделся — Рэндолл, Эл Харди, генерал

Бейкер, Джордж Кристофер, одиноко сидящий у стены, и сенатор на своем «судейском» кресле — и взгляд у него стал совсем затравленным.

Уилсон пригубил виски, подождал минуту, пока алкоголь окажет свое магическое действие, и добавил уже более твердым тоном:

— И они объявили себя законным правительством Калифорнии.

— И кто наделил их властью? — рявкнул Эл.

— Заявление подписал вице-губернатор, «Исполняющий обязанности губернатора», как-то так он себя называет.

Харди нахмурился.

— Достопочтенный Джеймс Уэйд Монтросс?

— Он самый, — подтвердил Дик. — Можно мне еще виски?

Эл покосился на сенатора, тот кивнул, и Харди плеснул виски в стакан Уилсона.

— Монтросс, — задумчиво пробормотал помощник Джеллисона. — Выходит, Сумасброд спасся. — Он посмотрел на остальных и выпалил: — Шутка для внутреннего употребления. Политики обычно дают друг друга прозвища. «Растеряха». «Усмехайся и терпи». У Монтросса кличка Сумасброд.

— В общем, он дал мне неделю на то, чтобы при-

знать его правительство, — продолжал Дик. — В противном случае армия Нового Братства займет мои владения.

Фермер расстегнул полевую куртку, купленную в магазине армейских товаров, и извлек из внутреннего кармана лист бумаги. Это была одна из копий, сделанных с помощью мимеографа, но сам текст писали от руки изящным каллиграфическим почерком.

Дик отдал лист Элу, тот мельком просмотрел его и передал Артуру.

— Внизу действительно расписался Монтросс, — проговорил Харди. — Я уверен.

Джеллисон склонил голову.

— Можно считать подпись подлинной. — Он обвел взглядом присутствующих, приглашая их к обсуждению. — Вице-губернатор объявляет осадное положение и утверждает, что является высшей властью в Калифорнии.

Джордж Кристофер зарычал, резко, сипло:

— Над нами тоже?

— Над всеми, — ответил Джеллисон. — Кроме того, он ссылается на Колорадо-Спрингс. Генерал Бейкер, вам что-нибудь известно?

Джонни кивнул. Он сидел возле Харви, но не казался частью группы, собравшейся в комнате.

«В мир вернулись древние боги, — подумал Рэндолл, — во всяком случае, на какое-то время. Но долго ли им оставаться богами?»

Харви видел встречу Бейкера с Морин, и она разбудила в нем отнюдь не добрые чувства.

— Мы слышали радиосообщение из Колорадо-Спрингс, — начал Бейкер. — От имени председателя палаты представителей…

— Старого маразматика, — добавил Харди.

— …исполняющего обязанности президента, — продолжал астронавт. — Руководитель его штаба, кажется, — досрочно произведенный в генерал-полковники Фокс. Полагаю, это Байрон Фокс. Что ж, я с ним знаком. Один из преподавателей Академии. Неплохой парень.

Кристофер молча бесился. Теперь он заговорил — тихо и гневно:

— Монтросс. Сукин сын. Он болтался здесь пару лет назад, пытаясь организовать профсоюз сборщиков урожая. Явился прямо на мою землю! Я не мог даже вышвырнуть его — ублюдка, нарушившего чужое право владения! С ним приперлись пятьдесят копов.

— Я бы сказал, что сейчас Джимми Монтросс наслаждается законной властью, — произнес Джеллисон. — Он теперь самый высокопоставленный

чиновник в Калифорнии. Если предположить, что губернатор мертв, а так, вероятно, и есть.

— А Сакраменто уже нет? — спросил Джонни.

— Вероятно, его полностью затопило, — ответил Эл. — Несколько недель назад Харви ездил на северо-запад и встретил кого-то, кто разговаривал с людьми, которые пытались добраться в Сакраменто… Они обнаружили только море Сан-Хоакин.

— Черт побери! — выругался Бейкер. — Наверняка атомная электростанция погибла.

— Прошу прощения, но — да, — сказал Харди.

— Дик, надеюсь, вы не собираетесь прогнуться под проклятого Монтросса? — осведомился Джордж.

— Я приехал сюда просить о помощи, — ответил Уилсон. — Нас могут уничтожить. А у него — настоящая армия. И не маленькая.

— Что значит «не маленькая»? — встрял Харди.

— Большая.

— Меня удивляет другое, — произнес сенатор. — Дик, вы уверены, что банда людоедов, с которой вы сражались, составляет часть войска Монтросса? Что он объединился с ними?

— Я ведь вам говорил! Так и есть!

— Ну-ну, не сердитесь, — знаменитое обаяние сенатора внезапно проявилось во всей красе. — Я просто удивился. Монтросс был сумасбродом, но не сумасшедшим. И дураком не являлся, кстати. Он защищал обездоленных…

Кристофер рыкнул.

— …по крайней мере, он так говорил, — как ни в чем не бывало продолжал Джеллисон. — Но я бы никогда не подумал, что он способен якшаться с *каннибалами.*

— Возможно, он их пленник, — предположил Харди.

Артур задумался.

— Именно. В таком случае он не представляет собой законную власть.

— А мне-то что делать? — возопил Уилсон. — Я с ним драться не смогу! Ваши люди помогут мне? Я не хочу сдаваться…

— Хвалю, — сказал Кристофер.

— Это не просто людоеды, — добавил Дик. — Они могут отказаться от своей… привычки, если получат другую пищу. Но их гонцы!

— Они к вам направили целую группу? — осведомился Харди.

— Неподалеку от нас разбили лагерь человек двести, — ответил фермер. — К нам заявилось

около дюжины. Они вооружены. Генерал Бейкер видел их. Один из них капитан полиции…

— Правда? — воскликнул Кристофер. — Копы объединились с людоедами?

— Ну, он был в форме, — сказал Уилсон. — И с ними — тип, который раньше был чиновником в Лос-Анджелесе. Чернокожий. И другие. В основном они выглядели нормально, но двое… черт, они очень странные! — Он взглянул на Бейкера, и Джонни кивнул, подтверждая.

— Точно-точно, — затараторил Дик. — Вели себя как на наркотике. У них зрачки такие, знаете, огромные, и они ни на кого не смотрели прямо. А твердили об ангелах Божьих. «Дескать они прислали нас, чтобы передать вам послание».

— Как остальные реагировали на них? — спросил Рэндолл.

— Будто ничего особенного не происходит. А разве это нормально — вещать о пославших их ангелах? А когда я спросил, что они несут, они развернулись и пошли прочь. «Вы получили послание». Вот все, что они сказали.

— Да… — пробормотал Эл. — Насколько близко они разбили лагерь? Где?

— Неподалеку. Южнее по дороге, — ответил Дик. — А что?

— Там должен проехать Гарри, — заметил Харди. — Он не то чтобы запаздывает, у него нет никакого точного расписания, но мы его давно ждем.

— На моей ферме он не появлялся, — сказал Уилсон.

— Вы думаете, что они могли его… обидеть? — спросил Джеллисон.

Дик пожал плечами.

— Сенатор, я не знаю, чего от них можно ждать. Они объявили, что у них гораздо больше вооруженных людей, чем они нам показали, и я им верю. Мы с некоторых пор не видим ни торговцев, ни беженцев. Такое впечатление, что не осталось никого, кроме нас и Нового Братства.

— Ангелы, — отчеканил Эл. — Чушь какая-то.

«Нет ни ясности, ни логики, — подумал Рэндолл, — вот что тревожит Харди».

— Я встречался с Монтроссом, — произнес он вслух. — Он не показался мне сумасшедшим. Хотя пунктик у него имелся. Охрана окружающей среды. Аэрозольные баллончики уничтожают озоновый слой и так далее. Вероятно, из-за Молота он окончательно рехнулся.

— Может, он сумасшедший, а может, и пленник, — подытожил Дик. — Но у дороги стоят

лагерем двести чокнутых. Ручаюсь, что у них есть еще не меньше пяти сотен, и я не представляю, что мне делать.

— Ситуация непростая, — вымолвил сенатор.

Он умолк, погрузившись в размышления, и никто ему не мешал. Наконец Джеллисон заговорил.

— Ладно. Еще шесть дней. Дик, я хочу сделать вам предложение. Привезите в Твердыню женщин, детей и больных. Мы примем их, а за это вы передадите нам некоторую часть вещей, которые вам удалось спасти. Инструменты, электронику и прочее… и, разумеется, снаряжение для подводного плавания, чтобы нырять за…

— Откуда у нас появится время, чтобы сражаться с армией Нового Братства, сэр?

— Ниоткуда, конечно, — признался Артур. — И не думаю, что губернатор Монтросс — или тот, кто за ним стоит, заинтересован в том, чтобы разделить ваше имущество с нами. Похоже, он намерен завладеть штатом.

— В том числе и нашей долиной, — выпалил Кристофер.

— Естественно, — согласился Джеллисон. — итак, на сегодняшний день нам известны два правительства. Колорадо-Спрингс и армия Ново-

го Братства. Плюс некие ангелы.

— И что делать? — опять спросил Дик.

— Проявить терпение. Мы пока мало знаем, — ответил сенатор. — Давайте собирать информацию. Генерал Бейкер, вы можете рассказать нам о том, как обстоят дела на территории США? И, раз мы затронули данный вопрос, в остальном мире?

Джонни откинулся на спинку стула, собираясь с мыслями.

— Наладить приемлемую связь нам так и не удалось, — произнес он. — Связь с Хьюстоном пропала сразу после Падения Молота. В Хьюстоне погибла семья полковника Деланти. Я бы осторожнее расспрашивал его о Техасе.

Бейкер с удовольствием увидел, что присутствующие еще не очерствели и явно сочувствуют Рику. Судя по тому, что он уже успел здесь увидеть, у подавляющего большинства не осталось слез, дабы лить их из-за нескольких конкретных человек.

Слишком много смертей было вокруг.

— Родственники моих русских друзей тоже погибли, — добавил Джонни. — Война началась менее чем через час после столкновения с Молотом. Китай нанес удар по Союзу, а тот мо-

ментально ответил. Наши базы также дали залп по Китаю.

— Господи! — вырвалось у Эла. — Харви, у вас есть какие-нибудь приборы вроде дозиметра?

— Нет.

Все встревожились.

— Мы как раз в зоне радиоактивного заражения, — сказал Рэндолл. — Как же нам быть?

— Мы можем хоть что-нибудь? — спросил Эл.

— Полагаю, сейчас опасности нет, — сказал Джонни Бейкер. — Радиоактивные осадки смыло дождем. А ливни у нас редко прекращаются. Вся планета теперь смахивает на гигантский ватный шар. После Падения Молота нам, в сущности, ни разу не удалось разглядеть поверхность.

— Вы упомянули о связи, — напомнил Джеллисон.

— Да. Извините. У нас состоялся короткий разговор с Колорадо-Спрингс, в принципе мы успели только обменяться позывными. Однажды нам удалось наладить связь с базой стратегического авиационного командования. В Монтане. У них связи не было ни с кем. По Соединенным Штатам — все.

Джонни замолчал, давая присутствующим время осознать услышанное.

— Что касается остальной планеты, Южная Африка и Австралия, вероятно, пострадали мало. По поводу Латинской Америки — глухо. Никто из нас не владеет испанским или португальским в достаточной степени, а когда нам удавалось наладить связь с кем-нибудь из жителей, контакт продолжался недолго. Мы поймали пару-тройку коммерческих радиостанций. И, насколько смогли разобрать, после Падения Молота в Венесуэле каждую неделю происходила революция, да и на остальном континенте возникли политические проблемы.

— Неудивительно, — произнес сенатор. — Кроме того, все их самые значительные города расположены на побережьях. Вам, наверное, неизвестно, какой высоты были волны в Южном полушарии?

— Нет, сэр, но, полагаю, большой, — ответил Бейкер. — То цунами, что обрушилось на Северную Африку, достигало пятьсот метров в высоту. Мы видели его — перед тем, как тучи окутали Землю. Пятисотметровая стена воды прокатилась по Марокко… — Он содрогнулся. — Европа погибла. Полностью. Ах да, еще ожили вулканы в Южной и Центральной Америке. Дым пробивался сквозь тучи. Извержения начались по всему огненному

кольцу. У нас теперь вулканы к востоку отсюда, где-то в Неваде, и на севере… я думаю: Лассен-Пик, Маунт-Худ и, пожалуй, Рейнир. И много в Северной Калифорнии, Орегоне и Вашингтоне.

Он продолжал объяснять — и только теперь присутствующие осознали, насколько они одиноки. Долина Империал в Калифорнии уничтожена — обломок Молота ударил в море Кортеса, образовались — не могли не образоваться! — гигантские волны. Они смыли в горах к западу от Лос-Анджелеса все — вплоть до Национального парка Джошуа-Три. Вычеркните из памяти Палм-Спрингс, Палм-Дезерт, Индио, Твентинайн-Палмс, забудьте о долине реки Колорадо.

— А что-то ударило и в озеро Гурон, — продолжал Бейкер. — Перед тем как видимость полностью исчезла, мы наблюдали типичный для таких случаев рисунок: туча спиралевидной формы с отверстием в самом центре.

— От страны за пределами Колорадо что-нибудь осталось? — спросил Харди.

— Точно сказать не могу, — вздохнул Джонни. — Ну… с учетом ливней, полагаю, что Средний Запад утонул — ни посевов, ни транспорта, люди умирают от голода…

— И убивают друг друга, чтобы завладеть

остатками имущества, — добавил помощник сенатора.

Он поочередно посмотрел на каждого, и они кивнули: Твердыне повезло. Да еще как! Ведь у них был Джеллисон, и здесь царил порядок. Крошечный островок безопасности в мире, который едва не погиб.

«Почему именно нам?» — подумал Рэндолл. Сообщение Джонни не удивило его. Он давно размышлял на эту тему. Радиосвязь действительно отсутствовала: мешали постоянные помехи. В такой ситуации сложно надеяться на то, что словишь чужой сигнал, но должно же быть что-то — хотя бы время от времени.

Эфир заполнял «белый шум»: никто не выходил в эфир, ни у кого не имелось ни мощностей, ни возможностей.

Но *знать*, что они — всего лишь один из немногих клочков, где есть возможность по-настоящему выжить, — совсем другое дело.

Что творилось на Земле? Еженедельные революции в Латинской Америке. Может, волнения происходили повсюду. Что не доделали Молот и Русско-китайская война, старательно довершали те, кто сумел уцелеть.

Эл подал голос.

— Вряд ли из-за гор прискачет кавалерия США, чтобы спасти нас.

Дик горько рассмеялся.

— Армия превратилась в орду людоедов. Их-то мы видели своими глазами.

— Мы будем сражаться, — сказал Кристофер. — Проклятый Монтросс…

— Джордж, у вас не может быть уверенности, что во главе стоит именно он, — перебил его Харди.

— Какая разница? Если не он, еще хуже — значит, верховодят долбаные людоеды. Рано или поздно, а нам придется драться. Так будет лучше… пока люди Дика еще на нашей стороне.

— Я — «за», — произнес Уилсон. — Если только…

— Что? — спросил Кристофер с внезапной подозрительностью.

Дик развел руками. Харви не мог не заметить: Уилсон, крупный мужчина, вдруг как-то уменьшился в размерах и съежился. Он испугался.

— Если только вы впустите нас, — продолжал Уилсон. — Тогда мы удержим банду на дистанции. У вас — холмы и горы, их удобно оборонять. На моей земле никаких холмов нет. Все, что у меня есть, — это то, что я могу построить… никаких

естественных границ, ничего. Но в вашей Твердыне мы сможем отбиваться от ублюдков, пока они не передохнут с голода. Может, нам удастся этому поспособствовать. Пошлем диверсионную группу, пусть спалит их припасы.

— Мерзость, — проворчал Харви.

— Разве мало людей умирает голодной смертью?! Зачем жечь посевы и траву? По всей планете одно и то же: что не довершил Молот, мы доделываем собственными руками! Это обязательно должно произойти здесь?

— Дик, зимой мы ваших людей не прокормим, — встрял Эл. — Простите… Наши запасы скудны. Так что я с вами не согласен.

— А если с Новым Братством возможно договориться? — предположил сенатор.

— Ерунда, — отрезал Кристофер.

— Нет, — возразил Рэндолл. — Я знал Монтросса. Он не сумасшедший, не людоед и не злодей — даже если он заявился на вашу ферму, пытаясь помочь работникам организовать профсоюз…

— Хватит! — оборвал его Джеллисон и сурово произнес: — Джордж, я предлагаю подождать Гарри. Нам необходимо побольше узнать о том, какая складывается обстановка. Полагаю, Дик рассказал нам все. Харви, вы располагаете свобод-

ным временем и можете нам помочь… или у вас есть неотложные дела? — Тон Артура недвусмысленно давал понять, что присутствие Рэндолла не является обязательным.

— Если вы отпускаете меня, то мне и правда надо кое-что проверить, — Харви встал и направился к выходу.

И едва не расхохотался, услышав поступь Кристофера.

— Посмотрю карты, когда они будут готовы, — проговорил тот. — Меня тоже ждут дела. Рад был познакомиться, генерал Бейкер.

Он выскользнул в коридор и окликнул Харви:

— Подождите минутку!

Тот обернулся, гадая, что сейчас произойдет. Сенатору явно не понравилась вспышка, которую себе позволил Рэндолл.

«Он здорово разозлился и пытался разделить нас, но не сумел».

— Что нам делать? — спросил Кристофер.

Харви пожал плечами.

— Сведений маловато. Зато у нас в запасе — несколько дней. Вероятно, решившись на совместную вылазку вместе с ребятами Дика, мы сумеем добыть достаточное количество удобрений и материал для теплиц… Тогда люди Уилсона

смогут переехать к нам и перезимовать…

— Я о другом, — отмахнулся мужчина. — Мы собираемся воевать с проклятыми людоедами, и лучше сделать это, пока они не стали еще сильнее. Соберем своих парней, способных держать ружье, потренируемся и зададим им жару. Я не намерен сидеть сложа руки и дергаться. Когда кто-то пугает тебя, можно сделать только одно: сбить врага с ног и топтать, пока не убедишься, что он не может причинить тебе вреда.

«Или удирать сломя голову. Или завести долгие переговоры», — подумал Харви.

— Мне не по душе то, что происходит между вами и Морин, — добавил Джордж.

— Мне Морин тоже нравится, — признался Рэндолл.

Он остановился возле закрытой двери в кухню и посмотрел на своего собеседника в упор.

— Если вы собьете меня с ног и будете долго топтать, это вызовет у вас немалые затруднения. Ну — ваш ход.

— Пока — не буду. Когда вы вконец разозлите меня, вас выгонят отсюда. А сейчас у нас общая проблема.

— Да. Я в курсе, — усмехнулся Харви. — Вы намерены выгнать *его?*

— Не мелите чепуху. Он — герой. Выйдем во двор.

Кристофер распахнул дверь и зашагал к черному входу.

Смеркалось. Снаружи никого не было.

— Похоже, я вам несимпатичен.

— Полагаю, это взаимно.

Джордж прищурился.

— Я ничего против вас не имею. Вряд ли вы выстрелите мне в спину или огреете по затылку, стоит мне отвернуться…

— Благодарю.

— А пока вы этого не сделаете, одержать надо мной верх вам не удастся. Вопрос вот в чем: предположим, она решит выйти замуж за генерала Бейкера. Что вы будете делать?

— Горько плакать.

— Эй, я пытаюсь быть вежливым, — произнес Кристофер.

— А что, по-вашему, я должен ответить? — спросил Харви. — Если она захочет стать женой Бейкера, значит, так тому и быть.

— И вы оставите ее в покое? Не будете тайно встречаться с ней?

— А зачем? — изумился Рэндолл.

— Вы что, решили, что я этакий деревенский

дурак? — осведомился Джордж. — Наверное, с вашей точки зрения, так и есть. Я жил в Стилвер-Вэлли, когда еще ничто не вынуждало меня жить здесь. Посещал церковь. Занимался сельским хозяйством. Ни танцевальных вечеринок, ни подружек в каждом городе, с которыми я виделся бы в счет представительских расходов…

Рэндолл рассмеялся.

— У меня тоже не было ничего такого! Вы слишком часто читали «Плейбой».

— Неужели? Ну… я допускаю, что я деревенщина, но иногда мне в голову приходило, что, если у человека есть семья, он должен заниматься своим домом. Я никогда не был женат. Однажды обручился, но без толку… а потом узнал, что Морин развелась. Я не то чтобы ждал ее — мне хватило ума сообразить, что она не захочет опять поселиться в долине… да и я не прижился бы в Вашингтоне. Ну а затем ударил Молот. Мы, можно сказать, застряли в Твердыне. Иногда, я думаю, что Морин смогла бы жить со мной. Ведь давным-давно мы хотели пожениться, но в итоге у нас ничего не получилось — мы были очень молоды…

— Зачем вы мне исповедуетесь?

— Потому что мне нужно кое-что сказать. Рэн-

долл, если бы я был чьим-то мужем, я бы и вел себя соответственно. И, уж конечно, не изменял бы! Пожалуй, Бейкер будет послушным. А вы, черт побери, нет!

— Что?..

— Я понимаю, что делается в долине. И раньше знал, до того как комета столкнулась с Землей. В общем, оставьте Морин в покое. Вы — не тот человек, что ей нужен…

— Почему? И кто уполномочил вас встать на страже общественной нравственности?

— Я. А вы недостаточно хороши для нее. Трахаетесь со всеми подряд. Ладно, переспали и с ней. Я это не одобряю, но и на нее я… не претендую. Ну… тогда — не претендовал. Но вы были женатым человеком. Кем для вас была Морин? Очередная галочка в вашем списке? А это начинает меня здорово злить. Поэтому отойдите в сторонку. Говорю вам: оставьте ее.

Кристофер повернулся пошел прочь — Харви не успел даже слово сказать.

Потрясенный Рэндолл оцепенел.

Он с трудом удерживался от того, чтобы не броситься вдогонку за великаном-фермером.

«Я, должно быть, рехнулся. Я должен ненавидеть ублюдка».

Но ненависти он не чувствовал. Только дикое желание догнать Кристофера и объяснить, что дело обстоит совсем не так.

Он, Харви рассуждал о браке так же, как и Джордж, и они с Морин…

«А она — ей-то что? — подумал он. — И ведь Кристофер по-своему прав. Лоретта пребывала в неведении, ей не пришлось горевать, и Морин тоже, но это — нагромождение отговорок, поскольку ты отлично знал, что ты творишь».

И вместо того, чтобы побежать за фермером, Рэндоллл вернулся в особняк, чтобы побеседовать с астронавтами.

Рассказ изгнанника

Когда солнце будет скручено,
когда падут звезды,
Когда дикие звери будут собраны…
Когда свитки будут развернуты,
Когда Ад будет разожжен,
Когда Рай будет приближен,
Тогда познает душа, что она принесла,
Клянусь ночью наступающей!
Клянусь рассветом брезжащим!
Куда вы направитесь?

Коран, сура 81

— Горячая вода, чтобы парить ноги, — произнес Гарри. — Еда, приготовленная на плите. Сменная одежда. И, друг, вы *нужны* им, и они это *поймут*.

— Я выдержу, — ответил, отдуваясь, Дэн Форрестер. — Без рюкзака я чувствую себя легким… как перышко. Значит, у них есть овцы?

В последние несколько дней он боялся и взглянуть на свои нижние конечности. Ничего, вскоре он перестанет зависеть от них. Они славно ему послужили. Что касается инсулина, что ж, ему приходилось увеличивать дозы. Должно быть, лекарство потихонечку портилось.

— И работающий холодильник?

— Нет. Овцы есть. Потерпите немного. Осталось недолго, вон впереди застава.

Их спутник, идущий широким шагом по безлюдной дороге, внезапно замер и оглянулся. На спине он без натуги нес рюкзак астрофизика.

— Вы со мной, — проговорил Гарри. — Не волнуйтесь.

Хьюго Бек боязливо кивнул, но подождал, пока почтальон и Дэн догонят его.

За пятьдесят ярдов от сооруженной из бревен баррикады был установлен плакат. Он гласил:

ОПАСНАЯ ЗОНА!
ВЫ ВСТУПАЕТЕ НА ОХРАНЯЕМУЮ ТЕРРИТОРИЮ. НИ ШАГУ ДАЛЬШЕ. ЕСЛИ ВЫ ПРИШЛИ ПО ДЕЛУ, МЕДЛЕННО ПОДОЙДИТЕ К БАРРИКАДЕ, ОСТАНОВИТЕСЬ И ЖДИТЕ. СТРЕЛЯЕМ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ. РУКИ ДЕРЖИТЕ НА ВИДУ.

Под баннером оказался второй плакат, на ис-

панском, а под вторым — изображение черепа и рядом с ним — общепринятый дорожный знак «Проезд воспрещен».

— Странно тут встречают гостей, — выдохнул Форрестер.

Работы сменялись по кругу. Ческу наслаждался: настал его черед нести дозор, и пусть сегодня кто-нибудь еще дробит валуны в мелкое каменное крошево. Хотя и быть охранником — не всегда хорошо. Приезжала сюда недавно семья на мотоциклах. Им удалось прорваться через Сан-Хоакин. Они рассказывали байки о людоедах и о всяком похуже. Марк завернул их скрепя сердце. Он показал им дорогу на север. Там находился лагерь рыболовов, которые с трудом выживали.

Четыре человека. Твердыня способна прокормить еще четырех — но кого конкретно? Если, к примеру, вот их, то почему не тех?

Сенатор принял правильное решение — никого не впускать, если на то нет особых причин, правда, от этого смотреть в глаза человеку и гнать его прочь было не легче.

Сейчас Марк спрятался в укрытии за «ширмой» из бревен и кустов и наблюдал за окрестностями.

А его напарники не спускали глаз с Ческу. Од-

нажды Барт Кристофер промедлил секунду, что стоило жизни часовому у ворот.

А к заставе шли трое. Парень разглядел лохмотья серой формы. Почтовая служба США, не иначе!

Он вышел из укрытия и радостно приветствовал Гарри, но улыбка увяла, когда он обнаружил, что все трое поплелись к баррикаде.

Ческу покосился на Хьюго Бека.

— Поздравляю с Днем Хлама, Гарри!

— Его привел сюда я, — с вызовом объявил почтальон. — Вы знаете правила, он под моей защитой. А это ученый Дэн Форрестер…

— Привет, док, — сказал Марк. — Вы и ваша проклятая порция мороженого…

Астрофизик ухитрился изобразить призрачную тень улыбки.

— У него есть книга, — продолжал Ньюкомб. — У него их целая куча, но эту он принес с собой. Покажите, Дэн.

Моросил мелкий дождик. Форрестер не стал распечатывать пакет. Через четыре слоя пластиковой пленки Марк прочитал: «Работа машин, том 2».

— Первый хранится в безопасном месте, — произнес док. — Вместе с четырьмя тысячами других

экземпляров, в которых рассказывается, как возродить цивилизацию.

Ческу пожал плечами. Он не сомневался, что в Твердыне ученого встретят с энтузиазмом. Однако не помешало бы узнать, какие еще дары может принести Форрестер.

— Что за книжки?

— «Британика», издание тысяча девятьсот одиннадцатого года, — ответил Дэн. — Справочник тысяча восемьсот девяносто четвертого — с различными рецептами, например как варить мыло. Одна глава посвящена производству ячменного пива, причем рассматриваются все стадии процесса, начиная с выращивания зерновой культуры. «Учебник пчеловодства», ветеринарные справочники. Руководства по проведению лабораторных работ — от основ неорганической химии и до полного курса органического синтеза. А еще — брошюры: и по оборудованию тридцатых годов, и по самой современной технике. «Справочник радиолюбителя». «Сельскохозяйственный альманах». Руководство «Все о резине». «Дом своими руками» Петерса. Две книги о том, как делается портландцемент. «Полное руководство оружейного мастера» и комплект армейских инструкций, посвященных пехотному оружию.

Инструкции по эксплуатации различных легковых автомобилей и грузовиков. «Ремонтные работы» Уилера. Три справочника о гидропонике. Комплект…

— Ого! — воскликнул Марк. — Добро пожаловать, принц! С возвращением, Гарри. В Твердыне по вас соскучились. Руки на поручень, Хьюго. Расставьте ноги пошире. Пушка есть?

— Вы сами видели, как я разрядил пистолет, — ответил тот. — Он у меня за поясом. И кухонный нож. Он нужен для еды.

— Ваше оружие мы сложим в мешок, — проговорил Ческу. — Ладно. И я не прощаюсь, Хьюго. Мы еще увидимся.

— Как же, — буркнул Бек и выругался.

Марк никак не прореагировал.

— Что случилось с вашим грузовиком, Гарри?

— Отобрали.

— Кто? Вы им сказали, кто вы такой? — Ческу не мог поверить. — А это прямое объявление войны. Тут гадали, не послать ли во внешний мир вооруженный отряд. Теперь, значит, придется…

— Наверное. — Почтальон выглядел не слишком довольным.

Форрестер откашлялся.

— Марк, Чарли Шарпс добрался сюда благо-

получно? С ним должно быть еще две дюжины людей.

— Он собирался сюда?

— Да. На ранчо сенатора Джеллисона.

— Он не появлялся в Силвер-Вэлли.

Марк был смущен. Как и Ньюкомб.

«Но они к этому уже привыкли, — печально подумал Дэн, — кто-то бесследно исчезает в дороге, и остается единственный вопрос: будет ли спасшийся горевать о пропавшем?»

Гарри нарушил неловкое молчание.

— Я доставил послание для сенатора, а доку трудно ходить. Может, вы подвезете нас?

Марк задумался.

— Лучше телеграфировать о вашей просьбе, — сказал он. — Ждите тут. Понаблюдайте за окрестностями вместо меня.

Ческу широко раскинул руки и помахал ими, словно разминал мышцы — небрежно, чтобы Хьюго не догадался, что это сигнал. Затем он скрылся в кустах.

Форрестер с интересом наблюдал за манипуляциями. Он-то читал Киплинга. Ему стало любопытно, читал ли английского автора Бек.

Солнце почти зашло, нижний край облачного слоя горел золотом и киноварью. После Падения

Молота восходы и закаты представляли собой впечатляющее зрелище. Дэн знал, что такие световые эффекты — надолго.

После извержения Тамборы в тысяча восемьсот пятнадцатом году из-за выброшенной в небо пыли закаты еще два года поражали воображение: а ведь это был один-единственный вулкан.

Ученый сидел в кабине грузовика рядом с молчаливым водителем. Гарри и Хьюго разместились в брезентовом кузове. Других машин не было, и Форрестер по достоинству оценил оказанное ему внимание. Или почести оказывали Ньюкомбу? Вероятно, бензин стоило расходовать ради них обоих. Явись они сюда поодиночке, им бы пришлось добираться своим ходом. Машина ехала сквозь легкую морось, работала печка, и Дэн ощущал приятное тепло.

Трупов он не заметил. Странно: нигде не видно следов смерти. Дома выглядели как обычно, и в каждом кто-то жил. Кое-где громоздились мешки с песком на случай обороны, но в основном укрепления отсутствовали. Просто невероятным казалось, что еще существует место, где люди чувствуют себя в такой безопасности, что на стеклянных окнах их домов нет ставней.

Дэн увидел две отары овец, коров и лошадей.

Всюду бурлила организованная деятельность. Некоторые расчищенные поля были вспаханы (тракторов ученый не обнаружил), и кое-где еще продолжалась расчистка: мужчины перетаскивали валуны и выкладывали из них низкие каменные стены. У многих людей на поясе висели пистолеты, но не все были вооружены.

Когда грузовик выехал на широкую и длинную подъездную аллею, ведущую к большому каменному дому, астрофизик наконец-то осознал: в ближайшие несколько минут (а возможно, и дольше, он будет в безопасности). Теперь он мог рассчитывать, что дотянет до утра.

Удивительное чувство.

Их ждали на веранде. Дэну знаками велели пройти в дом. Джордж Кристофер ткнул пальцем в сторону Гарри:

— Вы тоже, — сказал он.

— Минуту.

Ньюкомб помог Беку выбраться из грузовика, после чего вытащил из кузова рюкзак Форрестера. Когда почтальон обернулся, Джордж целился из ружья в живот Хьюго.

— Я привел его, он — со мной, — сказал Гарри. — Вам должны были сообщить по телеграфу.

— Мы получили послание о доке, а вот об этой

мрази — нет. Парень, тебя выгнали. Я собственноручно выставил тебя отсюда. Разве я забыл сказать: «Не возвращайся?» Вряд ли.

— Он со мной, — повторил Ньюкомб.

— Гарри, вы спятили? Подонок и мелкий воришка не стоит того, чтобы…

— Джордж, если я начну обходить вашу ферму стороной, сенатор безусловно будет рассказывать вам обо всех новостях, какие, по его мнению, вам нужно знать.

— Не надо давить на меня, — буркнул Джордж. Но дуло его ружья ушло в сторону и опустилось. — Зачем вы привели его?

— Можете снова, если хотите, прогнать его, — ответил Ньюкомб. — Но, по-моему, сперва его надо выслушать.

Кристофер погрузился в размышления. Затем пожал плечами.

— Ладно, идите в дом.

Хьюго стоял перед теми, кто вознамерился решать его судьбу.

— Я пришел с информацией, — тихо произнес он.

Судьи молчали. Дик Уилсон, Эл Харди, Джордж Кристофер пристально смотрели на него.

Но в комнате был кое-кто еще. Гарри (как и

прочих) поразило, до чего астронавты похожи на богов. Он узнал Бейкера: видел его фотографию на обложке «Таймс». Нетрудно понять, кто есть кто. К примеру, та красивая женщина — советский космонавт. Ньюкомб сразу загорелся желанием с ней поболтать. Но пока следовало заниматься другими делами.

— Что вы вообще творите? — спросил Харди. В его голосе звучал неподдельный интерес, как будто он сомневался в здравом уме почтальона. — Вы — служба доставки. Вы — наш информатор, а не Бек.

— Верно, — проговорил парень. — Но я решил, что вам все нужно услышать из первых уст. Как-то трудновато в это будет поверить…

— Я уже верю, — оборвал его Джордж.

— Можно мне присесть? — спросил Ньюкомб.

Харди указал ему на стул.

«Хоть бы Хьюго выказал побольше твердости», — подумал Гарри.

Его поведение рикошетом било и по почтальону. Принимали его сейчас не так, как обычно: ни кофе в фарфоровых чашках, ни порции виски.

Правильный баланс сил являлся для Твердыни вопросом жизни и смерти. Играй хорошо — или проваливай.

Ньюкомб как раз пытался оставаться в стороне, радоваться собственной необходимости, не влезая в хитросплетения местной политики. Но сейчас надо сыграть. Серьезно ли он обидел Кристофера? И не плевать ли ему? Странно, как после Падения Молота в Гарри взыграли инстинкты мачо.

— Мы изгнали его, — заявил Джордж. — По моему приказу. Его и еще Джерри Оуэна. Да их выкинули даже из «Шира», и тогда подонки попытались прожить, обкрадывая нас. А Оуэн пытался просвещать насчет *коммунизма моих* работников! Он вернется сюда только через мой труп. Бек, начинай забег!

Кто-то рассмеялся — то ли Леонилла Малик, то ли Петр Яков. Но, кроме них, никто не обратил на шутку внимания. Ничего смешного в происходящем не было.

Ньюкомбу подумалось, не перегнул ли он палку.

— Пока вы занимаетесь Хьюго, док тут просто загибается, — сказал он. — Вы можете что-нибудь для него сделать или это зависит от вашего отношения к Беку?

Эл глянул в центр комнаты, а Кристофер продолжал сверлить Хьюго злобным взглядом.

— Эйлин! — позвал он. — Отведите мистера Форрестера на кухню и позаботьтесь о нем.

— Хорошо.

Эйлин, наверное, все время стояла в коридоре. Она увела ученого. Астрофизик побрел за ней, волоча ноги. Он мог потерять сознание в любую минуту.

Хьюго облизнул толстые губы.

— Я б поел, — выдавил он, потея. — Ч-черт, мне бы хоть черствый крекер. Я хотел узнать, здесь ли вы еще.

Его заявление вызвало недоуменные взгляды.

— А мы никуда не уезжали, — отрезал Эл. — У вас есть информация или нет? Я пока не будил сенатора, а он захочет побеседовать с Гарри.

Хьюго сглотнул слюну:

— Я был с бандитами. С армией Нового Братства.

— Сукин сын, — пробормотал Уилсон.

— Долго? — насторожился Харди. — Вам удалось что-нибудь выяснить?

— Или ты сбежал при первом удобном случае? — добавил Кристофер.

— Я узнал достаточно, чтобы мечтать, как все это навсегда исчезнет из моей памяти, — ответил Хьюго.

Гарри с жаром кивнул: дескать, парень говорит чистейшую правду.

— Ладно, — произнес Эл и обернулся. — Элис, принеси стакан воды!

«Он их заинтриговал, — пронеслось у Ньюкомба в голове, — а теперь перестань мямлить. Говори как мужчина!»

— Их тысяча, — начал Хьюго. И заметил, как вздрогнул Дик. — Женщин, наверное, процентов десять… Неважно. И очень многие вооружены. Не могу сказать, кто стоит у них во главе. Вроде какой-то комитет. И они… они прилично организованы, но, Господи, они реальные психи! Один из их лидеров — безумный проповедник.

— Проповедник? — перебил Уилсон. — Значит, они завязали с людоедством?

Бек сглотнул.

— Нет, Ангелы Господни с этим не покончили.

— Я лучше позову сенатора. — Харди поспешно покинул комнату.

Вошла со стаканом воды Элис Кокс и неуверенно огляделась.

— Поставьте на стол, — сказал Кристофер. — Хьюго, пока можешь подождать со своей историей.

— Я объяснил вам, почему сбежал из «Шира», —

произнес Бек. — С моей собственной земли. Меня нагружали… вздохнуть не давали. После Падения Молота они объявили: у них, мол, прав на участок не меньше, чем у кого угодно… Типа мы все равны, ведь именно это я сам утверждал. Хорошо, каждый из них, черт бы их побрал, должен был как-то это доказать, раз появился такой шанс.

Судьи молчали.

— Все, что мне требовалось, — нормальная работа и место, где спать, — вновь заговорил Хьюго и принялся озираться по сторонам.

А то, что он увидел, добра не сулило. Кристофер не скрывал презрения к человеку, не знающему, как справиться с собственными помощниками. Дик боялся слушать и боялся пропустить хоть слово. Эйлин застыла у двери, возле стула, где сидела женщина-космонавт. Обе ничем не выдавая своих эмоций. У Гарри была кислая физиономия. Он явно сомневался, стоило ли приводить сюда его, Бека. Мэр Зейц…

Тот внезапно встал и толкнул незанятый стул к Хьюго. Тот тяжело плюхнулся на сиденье.

— Спасибо, — прошептал он.

Зейц протянул ему стакан воды и вернулся на свое место.

Леонилла начала о чем-то переговариваться с

Петром. Люди невольно заслушались ее певучей речью.

— Совещание президиума, — произнесла Малик по-английски. — По крайней мере, так, по моим представлениям, должны проходить подобные совещания. Прошу прощения.

Джордж нахмурился. Они подождали еще немного, и наконец вошел Эл, сопровождающий сенатора.

Харди потоптался на пороге и обратился к Элис:

— Ты не съездишь за Рэндоллом? И, пожалуй, за мистером Хамнером. Возьми-ка с собой лошадей для них.

Сенатор был в халате, брюках, белой рубашке и ковровых шлепанцах. Седые волосы он успел небрежно причесать.

Артур кивнул присутствующим, после чего перевел взгляд на Ньюкомба.

— Рад, что вы вернулись, — вымолвил он. — Добро пожаловать. Мы уже начали беспокоиться. Эл, почему никто не предложил Гарри чая?

— Сейчас распоряжусь, — ответил помощник.

— Благодарю. — Сенатор прошествовал к своему креслу с высокой спинкой и сел. — Извините, что заставил ждать. Мне советуют днем дремать.

Мистер Бек, вам кто-нибудь что-нибудь обещал?

— Только Гарри. — То, что ему предложили стул, вернуло Хьюго некоторую долю самообладания. — Что я уйду отсюда живым.

— Прекрасно. Рассказывайте.

— Помните, вы выгнали меня и Оуэна? Джерри тогда обезумел, готов был всех поубивать. Он говорил… ну, о мести. О том, что взойдут семена бунта, которые он насадил в душах ваших людей, мистер Кристофер.

Джордж широко улыбнулся.

— Они избили его до полусмерти.

— Точно. Джерри не мог идти быстро, а мне не хотелось остаться одному. Там страшно. Однажды кто-то стрелял в нас, без предупреждения, просто «бах!», и мы удирали как зайцы. Мы направились к югу, потому что туда вела дорога, а у парня не было сил лазить по Сьерре. И у меня… Мы блуждали целый день и большую часть ночи, но не знаю, далеко ли мы забрались. Карта у нас была старая, изданная «Юнион Ойл», а после удара Молота местность изменилась. Оуэн нашел какие-то злаки, они росли вдоль дороги. Смахивали на сорняки, но он сказал, что их можно есть, а на другой день нам удалось разжечь огонь, и мы их сварили. Оказалось вкусно.

— Ладно, нам не нужны отчеты о вашей еде, — буркнул Кристофер.

— Конечно. Но дальше — важное. Джерри рассказывал мне странные вещи. Вы в курсе, что его разыскивало ФБР? И остальных тоже? Он был генералом… — Хьюго сделал паузу. — В Освободительной армии Нового Братства. — Бек опять сглотнул.

— Новое Братство, — задумчиво протянул Харди. — Многое сходится.

— Ага, — встрепенулся Хьюго. — Во всяком случае, в «Шире» он прятался. Он держал рот на замке, и до самого Падения Молота мы ничего не знали. Мы, вероятно, были на земле Дика Уилсона, и я начал подумывать, не бросить ли Джерри. То, что мы двигались с черепашьей скоростью, меня особо не беспокоило, но как бы мне удалось войти в число людей мистера Уилсона, если Оуэн решил начать народную революцию? Если б я не сомневался в своих силах, я бы мигом свалил — и дело с концом.

Но мы ничего такого не видели. Один раз мимо проехал грузовик, но он даже не затормозил. Еще видели забаррикадированные жилища фермеров. Если мы пытались приблизиться, на нас спускали собак. Поэтому мы плелись к югу. Мы

жутко хотели есть, а примерно на третий или четвертый день мы повстречали толпу тощих оборванцев. Они выглядели так, будто утратили последнюю надежду, но среди них оказалось примерно пятьдесят ребят, которые точно не умирали с голода.

Я хотел убежать, но Джерри направился прямо к ним. Он позвал меня, но они… ну вообще не походили на вменяемых… к ним бы мне действительно не хотелось присоединиться. Я подумал, что, возможно, это людоеды, о которых трепался Гарри, но они не показались мне опасными… они выглядели как люди, для которых все потеряно.

— Они в солдатской форме? — спросил Уилсон. — Какие у них ружья?

— Я не понял, какие у них пушки, но формы на них точно не было, — ответил Бек.

— Значит, это не армия Нового Братства.

— Эй, — вмешался Ньюкомб. — Он еще не закончил.

Вошла Эйлин с подносом.

— Вот ваш чай, Гарри. — Она налила чай в чашку и поставила ее на стол возле почтальона. — И ваш, сенатор.

Бек покосился на поднос и отпил маленький глоток из стакана с водой.

— Короче, Джерри присоединился к той компании, а я нет. Я подумал, что никогда его не увижу и вернусь на землю мистера Уилсона. Но вместо этого я наткнулся на старуху с дочерью. Они жили в маленьком домике посреди миндальной рощи… безоружные, но никто на них не нападал, ведь их жилье находилось далеко от дороги, а они оттуда и носу не показывали. Девушке было семнадцать, и она болела. Сильная лихорадка — вероятно, от плохой воды. Я стал заботиться о них, — с вызовом произнес Хьюго. — И свой кусок я честно отрабатывал.

— Чем вы питались? — полюбопытствовал мэр.

— В основном миндалем. Еще у старухи был запас консервов. И два бушеля картошки.

— Что потом с ними стало? — спросил Кристофер.

— Сейчас. — Бека передернуло. — Я жил у них три недели. Черил очень страдала… но я заставлял их кипятить воду и все такое, и постепенно она пошла на поправку. Ей стало гораздо лучше, когда… — Мужчина замолчал. Он старался справиться с собой, в его глазах заблестели слезы. — Я правда привязался к ней.

Все ждали.

— Мы не могли бросить миссис Хорн, мать Черил. Она уговаривала нас уйти, пока ничто не отыскал нас, но мы не могли. — Он пожал плечами. — И нас отыскали. Сперва мимо промчался джип. Он не остановился, но ребята в нем сидели крутые. Мы решили, что надо бежать, но не прошли и мили, когда к дому подъехал грузовик… Думаю, нас нашли по следам, потому что очень быстро нас схватили. Их оказалось человек десять, вооруженные. Они не сказали нам ни слова. Кинули нас с Черил в фургон и повезли. Наверняка остальные вломились в дом к миссис Хорн. Что случилось дальше, я знаю точно… Они не разрушали такие лачуги. А вот мать Черил они, вероятно, убили…

Нас везли несколько миль. Когда мы приехали, уже стемнело. Они разожгли костры. Три или четыре. Я спрашивал, что с нами будет, а они отвечали «заткнись». Потом один из них мне все объяснил с помощью кулаков, и дальше я помалкивал. Когда мы прибыли в лагерь, нас присоединили к другим пленникам, их было дюжины две. Нас окружили часовые со стволами.

Некоторые были ранены. Валялись в крови. Пулевые и ножевые ранения, переломы… — Хьюго снова содрогнулся. — Мы порадовались, что не

сопротивлялись. Пока мы ждали, двое умерли. Мы сидели за колючей проволокой, и нас караулили трое с автоматами, а поблизости ошивался еще кто-нибудь вооруженный.

— В форме? — осведомился Уилсон.

— Некоторые — да. Один из тех громил, что с автоматами. Чернокожий с нашивками капрала.

Теперь Бек говорил как будто с неохотой и с усилием произносил каждое слово.

Харди вопросительно посмотрел на сенатора. Тот утвердительно наклонил голову, и Эл повернулся к стоящей в дверях Эйлин.

Женщина понимающе кивнула и удались.

— Черил и я поговорили с другими пленниками, — продолжал Хьюго. — Была война, и они ее проиграли. Они, фермеры, объединились — похоже, так, как и у мистера Уилсона, — и пытались выжить без посторонней помощи.

— Где это было? — спросил Дик.

— Не знаю. Неважно. Их там теперь нет, — ответил Бек.

Вошла Эйлин с порцией виски и передала его Хьюго.

— Пожалуйста.

Тот пригубил, испуганно огляделся и отпил снова, сразу осушив половину содержимого стакана.

— Господи, спасибо!

Алкоголь развязал ему язык: голос зазвучал тверже, но взгляд оставался затравленным.

— К нам наведался проповедник, — начал Хьюго. — Он подошел к колючке и заговорил. Понимаете, мне было так страшно, что я не запомнил всего. Его звали Генри Армитедж, а захватили нас Ангелы Господни. Он вещал долго, иногда как обычные люди, а иногда этак нараспев, часто повторяя: «братия мои, слушайте и уверуйте». Мы спаслись не случайно, заявил он. Мы уцелели после конца света, и, значит, сейчас у нас есть цель. Мы обязаны довершить дело Божье. Обрушился Молот Господень, и у нас появилось священное дело. Но всерьез я начал его слушать, когда он сказал, что у нас есть выбор: либо присоединиться к ним, либо умереть. Если мы согласимся быть с ними, то будем обязаны убить тех, кто откажется и…

— Минутку. — Джордж смотрел на Бека с интересом и недоверием одновременно. — Армитедж часто выступал по радио. Он хороший и умный человек. А ты утверждаешь, что он свихнулся.

Хьюго было трудно глядеть Кристоферу в глаза, но его голос не дрогнул.

— Мистер Кристофер, он так съехал с кату-

шек, что их уже не видать. Вы ведь сами знаете, сколько народу повредилось в уме после Падения Молота. У Армитеджа причин рехнуться было больше, чем у всех нас, вместе взятых.

— Он всегда говорил разумно. Ладно, продолжим. Итак, зачем ему понадобилось беседовать с вами?

— Да ведь это было частью его проповеди! Он рассказал нам, как он понял, что Молот Божий означает конец света. Он предупреждал мир, как только мог — с помощью радио, телевидения, газет…

— Правильно, — пробормотал Джордж.

— А в последний день он вместе с пятьюдесятью своими самыми верными товарищами — не просто с паствой, но именно с *товарищами* — и со своей семьей отправился на вершину горы: наблюдать за светопреставлением. Они видели три удара — три столкновения обломков кометы с Землей. Они пережили страшный ливень, который начался как поток комков горячей грязи, а закончился наводнением, похожим на всемирный потоп, и Армитедж ждал ангелов.

В ту минуту никто из нас не рассмеялся. Кстати, его слушали не только пленники, но и многие из… Ангелов Господних. Они стояли рядом и

кричали: «Аминь!», и грозили нам ружьями. Мы и дышать боялись.

Армитедж ждал, когда ангелы предстанут перед его паствой. Но они не появились. И тогда он со своими товарищами в поисках безопасного места начал спускаться с горы.

Они шли вдоль берега моря Сан-Хоакин и повсюду видели трупы. Некоторые заболели, двоих застрелили, когда они пытались подойти к полузатопленной школе.

— Хватит, — сказал сенатор.

— Простите, сэр. А вот потом я немного запутался в его проповеди… Армитедж хотел разобраться, куда, черт побери, подевались все ангелы, так сказать. Где-то во время своих скитаний его осенило. А еще Оуэн нарисовался.

— Оуэн?

— Да. Это и была группа, к которой он присоединился. Если верить Джерри, именно он вдохнул новую жизнь в Армитеджа. Не пойму, сколько тут правды, да и есть ли она вообще. Но вскоре после того, как Оуэн пристал к ним, Армитедж вместе со своими людьми наткнулся на банду людоедов, и теперь она называется армией Нового Братства, а руководят ею Ангелы Господни.

— А Оуэн их главнокомандующий? — усмех-

нулся Кристофер.

Похоже, ему это показалось забавным.

— Нет, сэр. Я и ведать не ведаю, кто он сейчас. Он вроде вождь, но, по-моему, не самый главный. Пожалуйста, позвольте мне рассказать… — Хьюго взял стакан с виски и уставился на него. — Вот о чем говорил Армитедж… нам и людоедам.

Допивая виски, Бек дал себе время подумать.

«Молодец, — мысленно похвалил его Гарри, — не посрамит меня».

— Дело Молота еще не закончено, — добавил Хьюго. — Господь вовсе не собирался пресечь род человеческий. Он намеревался уничтожить цивилизацию, чтобы позже мы смогли жить согласно Его заповедям. В поте лица своего мы должны добывать свой хлеб. Не загрязнять сушу, моря и воздух отбросами техногенной цивилизации, уводящей нас дальше от предначертанного Богом пути. Нас, безусловно, пощадили, чтобы мы завершили то, что начал Молот Господень.

И те, кого пощадил ради этого, — Ангелы. Они никогда не ошибаются. Убийства и людоедство — дань обстоятельствам, и не пятнают чистоту их душ. Армитедж убеждал нас присоединиться к ним.

Собралось две сотни людей, они размахивали

автоматами, дробовиками, топорами и ножами. Какая-то девушка грозила нам вилами, клянусь, такими с двумя зубьями и деревянной рукояткой… то еще зрелище… Но лучше убеждал сам Армитедж. Мистер Кристофер, вы же слышали, да?

Джордж промолчал.

— Остальные вопили «Аллилуйя!» и «Аминь!», и, клянусь Богом, среди них был Джерри. Он махал топором и орал вместе с остальными! И ему там нравилось! Он уставился на меня так, будто увидел впервые, словно он и не жил в моем доме несколько месяцев.

Сенатор внимательно слушал Бека, восседая на своем кресле-троне и смежив веки.

— Минутку, Хьюго, — вымолвил он. — Вы не находите, что это похоже на цели, которые ставил перед собой «Шир»? Жизнь на природе, пища естественного происхождения, выращенная самостоятельно, никакой политики и никакого загрязнения окружающей среды. Разве вы добивались чего-то другого? Вот и Армитедж хочет того же.

Предположение Артура озадачило Бека.

— Нет, сэр. Я и до Падения Молота наелся досыта, а уж *после*… И мы просто не понимали,

сколько у нас современной техники. Да у нас было две микроволновки! А проклятые ветряки никогда не давали достаточно электричества, чтобы зарядить батареи, какое уж там обеспечить работу микроволновок… после кометы ураган их сразу и сдул! Мы пытались возделывать сад без искусственного орошения — только органические удобрения — без инсектицидов, и большую часть сожрали жуки, а не люди! Я предложил использовать опрыскиватели, но ребята меня проигнорировали, и каждый день кому-то приходилось ползать по земле и обирать насекомых с листьев салата! У нас были грузовик, культиватор и моторная косилка. Проигрыватель винила и набор записей Галадриэли, стробоскоп и электрогитары! Посудомоечная машина и сушилка для одежды, но мы, чтобы сберечь горючее, развешивали одежду и простыни во дворе. Да, конечно, иногда мы стирали вручную, но всегда находился особый повод, чтобы не утруждаться.

И аспирин, и иголки, булавки, швейная машинка, и здоровенная, Господи помилуй, чугунная кухонная плита, сделанная в Мэне…

— Значит, вы не были согласны с Армитеджем? — спросил Джеллисон.

— Нет. Но я держал рот на замке и наблюдал

за Джерри. Он казался важной персоной, и я смекнул, что, если он даже получил топор, то же самое по силам и мне. Мы с Черил переговорили — шепотом, — потому что нам запрещали перебивать Армитеджа. Мы решили присоединиться. У нас не было выбора… Кстати, в итоге остальные поступили точно так же. В тот раз. Двое потом передумали — под конец…

Казалось, язык не подчиняется Хьюго. Мужчина обвел комнату затравленным взглядом, ни в ком не нашел сочувствия и прокашлялся.

— Сперва нам приказали убить тех, кто не захотел стать Ангелами. Нам выдали ножи, — речь его стала совсем сбивчивой. — И мы должны были пустить убитых на рагу. Так мы и сделали, но ножи в ход не пустили, поскольку четыре пленника умерли от пулевых ранений. Типчик, смахивающий на кролика, сказал, мол, двоих потрошить не следует… потому что они вроде как чем-то болели. Только здоровых! Я позже поговорил с ним и… — Хьюго моргнул и продолжил.

— Ладно, проехали. У них два огромных котла. Нам велели разделать трупы. Черил тошнило. Я помогал ей. Мы разрезали тех мертвецов на куски, а доктор-кролик проверил каждый кусок, прежде чем положить в котел. Я видел, как одна

женщина взяла мясницкий тесак и все стояла, глядя на… на… на нижнюю половину покойника, а затем ее вырвало, и она кинулась на охранника, и ее застрелили, а док осмотрел ее, и тогда мы разделали и ее.

И пока… мясо… варилось, Армитедж проповедовал. Он мог так часами — без передышки. Ангелы твердили, дескать, это чудесное знамение, что человек его лет может говорить не уставая. Он кричал, что для Ангелов Господних нет ничего запретного, грехи нам отпущены… А когда мясо сварилось, какой-то парень… он взял свою порцию, но не сумел проглотить ни куска. Тогда нас заставили схватить его и перерезать ему глотку.

Хьюго тяжело дышал. В комнате воцарилась тишина.

— И вы тоже ели, — произнес Джеллисон.

— Да.

— Надеюсь, после этого ты не рассчитываешь всерьез, что сможешь остаться? — почти добродушно сказал Кристофер.

Гарри уставился на женщин. Эйлин казалась спокойной, но Ньюкомб заметил, что она отвела глаза от Хьюго. Зато Леонилла глядела на Бека с нескрываемым ужасом. Почтальон вспомнил, как однажды сестра захотела принять ванну и

обнаружила, что в нее заполз громадный паук. Она тогда смотрела так же.

Глаза Малик были широко раскрыты. Она принуждала себя не шевелиться: так ей хотелось выбежать из комнаты.

«Нужно отметить вот что. Типичный капиталист под давлением угрожающих обстоятельств проявляет определенные предсказуемые наклонности, среди которых — склонность к убийству и каннибализму…»

Гарри уповал, что никто на него не смотрит. Никто, кроме него, не боролся с желанием расхохотаться. И если б почтальон сидел у всех на виду, он бы не выдержал, и ему пришлось бы от стыда спрятаться под стол.

— Нет, — ответил Хьюго. — Остаться? Ни в Твердыни, ни где-нибудь еще. Вот в чем их сила. Если ты ел человечину, куда ж ты пойдешь? Ты стал одним из них, ты заодно с безумным проповедником, который внушает тебе, что все правильно. Ты — Ангел Господень. Ты не ошибаешься и не можешь творить зло — если только не сбежишь, а тогда ты вероотступник. — Голос Бека стал тихим и монотонным. — И это работает. Черил не ушла бы со мной. Она собиралась выдать меня. Правда. Поэтому я убил ее. Только так я мог удрать от них,

и я прикончил ее… но… но лучше бы я этого не делал, но что мне оставалось?

— Сколько времени вы пробыли с ними? — осведомился Харди.

— Около трех недель. Было еще сражение, и мы захватили пленных. И все опять повторилось… но я уже находился по ту сторону проволоки, с пистолетом и кричал: «Аллилуйя!». Мы двинулись на север, к землям мистера Уилсона, и когда я заметил Гарри, то не осмелился заговорить с ним. Но когда его отпустили…

— Вас отпустили? — удивился сенатор.

— Да, сэр. Но забрали мой грузовик, — ответил Ньюкомб. — У меня есть для вас послание от Ангелов Господних. Поэтому мне и позволили уйти. Когда меня поймали, я сказал им, что я ваш почтальон, и я — под вашей защитой, и показал им написанное вами письмо. Они засмеялись, но Джерри Оуэн…

— Оуэн, — повторил Кристофер. — Его следовало убить.

— Нет, сэр, — возразил Гарри. — Если б не он, меня бы здесь не было.

— Итак, Оуэн — один из их вождей, — уточнил Эл.

Ньюкомб кивнул.

— Его слушают. Но я не видел, чтобы он отдавал приказы… В общем, он заявил, что я подхожу для того, чтобы передать вам послание. Вот я и доставил его. Я прошел по дороге пару миль, и вдруг меня догнал Хьюго. После того как он рассказал, что там творится, я подумал, что лучше бы вам сначала выслушать его историю.

— Да. Вы правильно поступили, Гарри, — произнес Джеллисон. — Ну, Джордж? Бека изгнали по вашему приказу.

Кристофер был явно ошеломлен.

— Отсрочка на двадцать четыре часа? Разрешить ему переночевать, а потом дать в дорогу немного припасов?

— По-моему, до того как мы примем решение, нам надо прочитать письмо, — резюмировал Эл. — И мы еще многое не выяснили. Хьюго, каковы их силы? Тысяча человек, да? Вы уверены?

— Это утверждал Джерри — со слов сержанта Хукера. Наверное, так и есть. Но их будет больше. Они захватили Бейкерсфилд. В городе пока не установили их порядок, но они уже прочесывают город в поисках оружия и новобранцев.

— Значит, сейчас армия увеличилась?

— Ага, но, может, не все вооружены. И не все новобранцы прошли через… то самое. Но пройдут.

— Значит, после… э… церемонии посвящения их количество возрастет приблизительно вдвое, — пробормотал Харди. — Плохо. Вы упомянули о сержанте Хукере. Расскажите о нем.

Бек шумно вздохнул..

— Он напоминает настоящего вождя. Дюжий чернокожий парень в солдатской форме. У них есть генералы и другие чины, но сержант там самый главный. Я его редко видел. У него палатка, и куда бы он ни направился, он всегда едет на машине с шофером и множеством телохранителей. Армитедж всегда разговаривает с ним очень вежливо и обходительно.

— Чернокожий, — проворчал Джордж.

Он оглянулся на Рика, который не проронил ни слова, и сразу торопливо отвел взгляд.

— У них есть и другие темнокожие лидеры, — добавил Бек. — Они проводят много времени с Хукером. В лагере нельзя сказать ничего дурного о черных, чиканосах или еще о ком. В первую пару дней, если ляпнешь нечто этакое, тебя просто побьют, все равно, чернокожий ли ты или белый… в общем, слово «ниггер» под запретом. А если ты быстро не поймешь что к чему, они решат, что ты не до конца принял их веру…

— Обо мне не беспокойтесь, — выпалил Делан-

ти. — У меня было столько равных прав, сколько я хотел.

В комнату вошли Рэндолл и Хамнер. В руках у них были складные стулья из библиотеки. Эйлин направилась к Тиму и что-то торопливо зашептала ему на ухо: на лице мужчины отразился панический ужас, но присутствующие сделали вид, что ничего не заметили. Элис Кокс принесла зажженные керосиновые лампы, их теплое желтое сияние казалось неуместным.

— Я разожгу огонь, сенатор? — спросила Элис.

— Конечно. Хьюго, вы видели арсенал?

— Да, сэр. У них куча оружия. Автоматы, пушка, несколько мортир…

— Нужны подробности, — произнес Эл. — Ситуация становится опасной. Чтобы вытянуть из него всю возможную полезную для нас информацию, потребуется не один день. Мистер Кристофер, нельзя ли пересмотреть ваше решение?

Джордж помотал головой.

— Я не хочу видеть его в Твердыне.

Харди пожал плечами.

— Хьюго, что вам известно о вице-губернаторе Монтроссе?

— Ничего, кроме того, что он с ними, — ответил тот. — Он всегда среди тех, кто командует, и, куда

бы ни отправился, его сопровождают охранники. Как и сержанта. Губернатор никогда не общался с нами, но иногда мы получали послания от его имени.

— Но кто же стоит во главе группы? — спросил Харди.

— Не знаю! Думаю, что комитет. Мне никогда не приходилось иметь дело с главными начальниками… Мной командовала негритянка по имени Касси — высокая, злая, придирчивая. Она *верила!* Настоящие боссы — это Армитедж, Хукер. Пожалуй, и губернатор. Чернокожий горожанин по имени Алим Нассор…

— Ого! — воскликнул Харви. — Однажды мы брали у него интервью. Прирожденный лидер. Заправлял районом Уоттс.

Эйлин отошла от Тима и наклонилась к Рэндоллу. Гарри с интересом наблюдал, теперь она что-то шепчет Харви на ухо. Можно ли потрясти до глубины души телерепортера? Да. Безусловно. И, если Ньюкомб хоть сколько-нибудь разбирается в людях, — испугать до умопомрачения. И не только он и Хамнер напуганы до ужаса.

Уилсон выглядел совсем жалким. Неудивительно, ведь территория Дика неуклонно сокращалась. А теперь Новое Братство стояло у самых

границ исконных владений фермера.

Джордж глядел с отвращением. Наконец он сказал:

— Вот гляжу я на него, и меня сразу тянет блевать. Сенатор, сколько у вас еще виски? Если вы нальете мне, я отдам вам взамен пинту из моих запасов самогона.

— Не надо никакого «взамен», — произнес Джеллисон. — Эйлин, если вас не затруднит, принесите, пожалуйста, бутылку. Сейчас нам бы не помешал хороший алкоголь. И, как я понимаю, есть еще новости. Гарри, вы упомянули о письме.

— Да, сэр.

— Вероятно, я мог бы прочесть его.

Ньюкомб встал и подошел к креслу-трону. Вытащил послание из внутреннего кармана и отдал его Артуру. Мужчина осторожно распечатал конверт и извлек оттуда несколько листков бумаги, написанных от руки — широким пером, превосходным почерком.

Гарри стало очень любопытно, однако он вернулся на свое место.

Эйлин внесла полную бутылку «Олд Федкал» и налила всем присутствующим. Никто не отказался. Женщина наполнила стакан Бека, и Хьюго

тотчас жадно к нему приник.

«Он будет пить весь остаток жизни, если ему удастся находить алкоголь», — подумал Гарри.

— У них просто голодно или там умирают от недоедания? — спросил Кристофер.

— Нет, — ответил Хьюго. — Их врач — тот, похожий на кролика, — говорил, что они нашли много витаминов… и я питался хорошо… — Он вскинул глаза и закричал: — Я ел человечину только два раза! Когда принимал участие в ритуалах! А в основном нас кормили продуктами из супермаркетов и иногда дичью. Каннибализм для них вовсе не необходимость. Людей едят, лишь когда появляются новобранцы.

— И это чертовски действенно, — изрек Харви. Все обернулись к нему. — Поглядите на парня. На его душу легло клеймо, разве не так? И каждый видит его. Вы чувствуете свою печать, Хьюго?

Тот покорно потряс головой.

— А если я скажу вам, что клеймо разглядеть невозможно? — Бек недоуменно нахмурился. — Вот именно, — продолжал Харви. — Вы *знаете*, что оно никуда не денется.

— Некоторым из них нравится вкус человечины, — тихо проговорил Бек, но его услышали все.

— И я на очереди! — завопил Уилсон. — Через

четыре дня они заявятся ко мне!

— Мы попробуем их остановить. — Джеллисон оторвался от чтения. — У меня в руках занятный документ. В нем объявляется, что власть взял вице-губернатор Монтросс. Далее идет адресованное лично мне послание с приглашением обсудить условия, на которых руководимая мной община войдет в состав его организации. Тон вежливый, но не терпящий возражений. И хотя прямых угроз послание не содержит, в нем весьма наглядно описывается, какие несчастья произошли с теми людьми, которые отказались признать его власть и были сочтены мятежниками. — Сенатор помолчал. — Но никаких упоминаний о людоедах и Ангелах Господних в тексте нет, — добавил он.

— Вы ведь не хотите сказать… что не поверили мне, сэр? — в отчаянии простонал Хьюго.

— Я вам верю, — ответил Артур. — Мы все. — Он обвел взглядом собравшихся, и они согласно закивали. — Между прочим, нам дают две недели… Итак, в послании упоминается территория мистера Уилсона у Белой реки и наши земли. Может, для того, чтобы усыпить бдительность Дика. Однако это может означать, что нападение откладывается.

— Полагаю, они пока не собираются драться с вами, — заявил Бек. — Они только что узнали о… другом месте. Сперва они двинутся туда.

— Куда? — спросил Харди.

Хьюго — как заметили присутствующие — хотел начать торговаться, но вовремя одумался.

— К атомной станции Сан-Хоакин. Они прознали, что она уцелела. И буквально обезумели.

В первый раз за все время заговорил Джонни Бейкер:

— Оказывается, в долине Сан-Хоакин есть АЭС?

— Ее не ввели в строй, — откликнулся Рэндолл. — Построили ее недавно. А перед Падением Молота там проводили испытания. Ее особо не рекламировали — из-за поборников охраны окружающей среды.

Советские космонавты взволнованно затараторили по-русски. В их беседу тут же вмешались Джонни и Рик, но говорили они гораздо медленнее.

— Мы искали действующую атомную станцию, — произнес Бейкер, посмотрев на всех. — Думали, что Сакраменто уцелел. Где координаты АЭС? Мы обязаны спасти ее.

— Что? — Лицо Джорджа стало серым. — Нам бы самим уцелеть! Я ушам своим не верю! Почему

армия людоедов разрастается с такой скоростью?

— Мухаммед, — сказал Рэндолл.

— Что?

— Когда Мухаммед начинал, у него было пять последователей. Через четыре месяца он захватил власть над Аравией. А спустя год завладел половиной мира. Новое Братство увеличивается в числе примерно по тем же причинам.

Мэр Зейц подал голос:

— Сенатор… Не знаю. Справимся ли мы? Не лучше уйти в Высокую Сьерру?

Ответом было долгое молчание.

Волшебник

Всякий значительный технологический успех неотличим от волшебства.

Артур Кларк

Форрестер дремал перед кухонной плитой, в которой горели дрова. Ноги ученого были вымыты и забинтованы. Он сделал себе укол инсулина, надеясь, что лекарство не испортилось, боясь, что ошибается. Теперь ему было очень трудно не заснуть.

Над ним хлопотали Морин и миссис Кокс. Они принесли Дэну чистую одежду — сухую! Налили горячего чаю. Как приятно просто сидеть и чувствовать, что ты в безопасности.

Откуда-то доносились голоса. Он пытался понять, о чем разговаривают, но то и дело засыпал — и рывком просыпался.

Всю жизнь астрофизик изучал законы мироздания. Он никогда не пытался одушевлять Вселенную, но после планетарной катастрофы в душе Форрестера вспыхнула искра гнева.

Такую же ярость Дэн ощутил, когда в первый раз узнал, что значит быть диабетиком. Вселен-

ная не благоволит к таким больным.

Постепенно он смирился с этим фактом. А после Падения Молота твердо намеревался выжить.

Дни сменяли ночи. Измученный до полусмерти, прячась от людоедов, с каждым днем все более голодный, полностью сознавая, что происходит с инсулином и с его нижними конечностями, он продолжал идти. Горячий комок гнева не рассасывался, но сейчас что-то в душе Дэна отмякло. Физический комфорт и доброжелательность окружающих позволили ему вспомнить, что он устал и болен, а собственные ноги кажутся ему деревяшками. Но он гнал воспоминания прочь: из-за того, о чем говорили в соседней комнате.

Теперь он разбирал отдельные слова и обрывки фраз.

Людоеды. Армия Нового Братства. Послание сенатору. Тысяча человек… они заняли Бейкерсфилд, их армия возрастает.

Форрестер глубоко вздохнул и посмотрел на Морин.

— Похоже, скоро война. А нет поблизости магазина, где торговали краской?

Молодая женщина нахмурилась. Люди сходили с ума и после меньшего. Наверное, Дэн не выдержал.

— Магазин, где торговали краской? — повторила она.

— Да.

— На окраине Портервилла был «Стандард Брэндз». Сейчас его наверняка затопило.

Астрофизик попытался упорядочить мысли.

— Вероятно, хозяева хранили товар в пластиковых мешках. А как обстоят дела с удобрениями? Например, с аммиачными? Их можно использовать для…

— Я знаю, для чего используются удобрения, — сказала Морин. — И у нас имеется некоторый запас. Слишком мало для посевов.

Он снова вздохнул:

— Пожалуй, до посевной не дойдет. А может, мы используем удобрения по прямому назначению позднее? В окрестных домах было много бассейнов? А есть в долине магазинчик, продающий оборудование для бассейнов?

— Да, был. Сейчас он под водой…

— На какой глубине?

Морин внимательно взглянула на Дэна. Выглядел он ужасно, но в глазах не было безумия. Он знал, о чем спрашивал.

— Надо посмотреть карты Харди. Это важно?

— Очень. — Дэн внезапно умолк.

Он слушал. В соседней комнате заговорили об атомной электростанции. Форрестер встал. И был вынужден вцепиться в стул, чтобы не упасть.

— Пожалуйста, помогите мне, — произнес он виновато, но в его голосе звучало что-то исключающее возможность отказа. — Да… и еще. Бензоколонка. Мне понадобится растворитель для смазки.

Озадаченная Морин вывела Форрестера из кухни.

— У нас была бензоколонка, но маленькая. Разумеется, в Портервилле были и другие, но они находились возле плотины, и сейчас они на большой глубине. А что?

Ученый добрался до комнаты, где устроили совещание, и переступил порог, тяжело опираясь на руку Морин.

Бейкер умолк на полуслове и уставился на него. Остальные — тоже.

— Извините за вторжение, — пропыхтел Дэн и принялся беспомощно озираться по сторонам в поисках стула.

Мэр вскочил с кушетки. Форрестер плюхнулся на его место, а Зейц отправился в библиотеку за складным стулом.

Дэн часто заморгал, оглядывая присутствую-

щих.

— Извините, — сказал он снова. — Кто-то спрашивал, где атомная станция Сан-Хоакин?

— Да, — ответил Эл. — Я знаю, где она, но, проклятие, сейчас она тоже наверняка под водой. Она стояла точно посреди долины. Странно, если она до сих пор функционирует.

— Ее построили на холме Баттонвиллоу, — заметил ученый. — Я смотрел по карте — он возвышается над окружающей местностью примерно на сорок футов. Но я подумал, что холм затоплен, и, кроме того, я не мог добраться до моря Сан-Хоакин из-за людоедов.

Взгляд Харди затуманился.

Эйлин торопливо вышла, вернулась с картой и расстелила ее на полу перед сенатором. Джеллисон и Харди воззрились на нее.

Морин села на пол рядом с Джонни Бейкером. Их руки невольно искали одна другую — и нашли, сомкнулись.

— Район вокруг электростанции покрыт примерно пятидесятифутовым слоем воды, — сообщил Харди. — Хьюго, вы действительно уверены, что она работает?

— Ангелы считают, да. Говорю же, они прямо рехнулись на этой почве.

— Почему? — спросил Кристофер.

— Идет священная война, — ответил Бек. — И Ангелы должны уничтожать плоды запретных трудов человеческих. Остатков промышленности. Я видел, как они разрушили то, что осталось от угольной электростанции. Не пушками, не динамитом. Они накинулись на нее с топорами, палками, а кто и голыми руками. Понимаете, ее уже подтопило. Но, когда там прошлись Ангелы, от нее вообще ничего не осталось. Армитедж тогда вопил: «Да будет так!»

Он проповедует каждый вечер: уничтожайте дела рук человеческих! Три дня назад… по-моему, да… — мужчина подсчитал на пальцах. — Да. Именно тогда они узнали, что АЭС работает. Я думал, Армитеджа хватит удар! С тех пор он твердил одно: «Уничтожьте оплот сатаны!» Понимаете, *атомная* энергия! Это просто воплощение всего того, что ненавидят Ангелы. Даже Оуэн пришел в ярость. Он-то порой говорил, что кое-что можно бы сохранить. Гидроэлектростанции, например, — если удастся восстановить их так, чтобы они не причиняли вреда окружающей среде. Но атомные штуковины он ненавидел еще до Падения Молота.

— Они крушат любую технику, которую увидят

на своем пути? — осведомился Харди.

Бек покачал головой:

— Сержант Хукер и его люди не ломают того, что может оказаться для них полезным, и того, что пригодится в войне. Но все они уверены, что в долине не должно быть АЭС. Джерри утверждает, что знает, как ее уничтожить.

— Нельзя позволить им разрушить АЭС, — произнес Дэн. Он подался вперед, и голос его звучал решительно. Он уже не помнил о своем долгом и мучительном путешествии на север, наверное, забыл даже о Падении Молота. — Мы обязаны спасти атомную станцию. Если у нас будет электричество, мы сможем возродить цивилизацию.

— Он прав, — встрепенулся Деланти. — Это важно…

— Но и мы должны остаться в живых, — сказал сенатор. — Новое Братство насчитывает более тысячи бойцов, число которых постоянно возрастает. Мы можем выставить человек пятьсот — и многие из них будут вооружены плохо. Лишь некоторые получили хоть какую-то военную подготовку. Нам повезет, если мы сумеем отстоять долину.

— Папа, по-моему, у мистера Форрестера есть соображения на данный счет, — встряла Мо-

рин. — Он спрашивал меня о… Док, зачем вам понадобилось знать о растворителе для смазки? И об оборудовании для плавательных бассейнов? Что вы задумали?

Дэн снова вздохнул.

— Пожалуй, мне стоит отказаться от этой идеи. У меня есть одна мысль, но вам она не понравится.

— Ради бога! — выдохнул Харди. — Если вы придумали, как мы можем спастись — скажите! Что вы имеете в виду?

— Ну, это уже, вероятно, приходило вам в голову, — ответил Форрестер.

— Проклятие… — начал Кристофер.

Джеллисон поднял руку.

— Док, поверьте, вы нас никак не оскорбите. Прошу вас, объясните, что у вас на уме?

Астрофизик пожал плечами.

— Горчичный газ. Термитные бомбы. Напалм. Еще я полагаю, что мы сумеем изготовить нервно-паралитический газ, но не уверен.

Наступила долгая тишина. Затем сенатор сказал — очень-очень тихо, но все услышали его:

— Я буду по уши в дерьме.

Экспедиция

Погибнуть миру суждено
На будущей неделе,
Но мы скорбим лишь об одном:
О том, чем мы владели…

Старинная европейская баллада
(1000 год н. э.)

Пока Эйлин укладывала вещи в самодельный рюкзак, Тим обедал. Со склонов Сьерры дул пронизывающий ледяной ветер: он приносил с собой хлопья мокрого снега, но в хижине было тепло и сухо: хозяева законопатили все щели. Маленькая керосиновая лампа освещала комнату, и Хамнер расслабился. Он смотрел в открытую дверцу плиты, на крохотные свивающиеся и снова выпрямляющиеся язычки голубого пламени.

— Беда подобна тигру в логове, — пробормотал он.

— Что?

— Перефразировал эпиграф к научно-фантастической повести Гордона Диксона. Не знаю, на самом ли деле это цитата, или Диксон ее сам придумал. Звучит она так: «Лучше потревожить

тигра в его логове, чем мудреца, поглощенного своими книгами. Ибо для тебя царства и их армии — нечто могущественное и долговечное, а для него они всего лишь временные игрушки, которые можно отбросить легким движением пальца».

— Он и правда способен на такое? — спросила Эйлин.

— Форрестер? Он волшебник. Док способен сделать напалм, бомбы и горчичный газ. — Тим вздохнул. — Но, по-моему, лучше бы обошлось без взрывчатки и прочей дряни. Меня воспитали в убеждении, что отравляющий газ — это мерзость. С практической точки зрения он не слишком отличается от пули. Смерть есть смерть. — Он взял винтовку, достал из сумки промасленную тряпку и начал протирать ствол.

— Тебе обязательно нужно идти? — спросила молодая женщина.

— Мы договорились не поднимать тему, — ответил он.

— Послушай, я не хочу, чтобы ты пропал… Я…

— Я и сам не слишком радуюсь, — произнес Хамнер. — Но что нам еще делать? Док настаивает. Если мы пошлем на атомную электростанцию подкрепления, он останется здесь и создаст жут-

кое оружие для обороны Твердыни. — Тим восхищенно помотал головой. — Он единственный человек в мире, которому удалось шантажировать и сенатора, и Кристофера! Вечно извиняется, моргает и так далее — никогда не подумаешь, что ему хватит духу на такое. Но он явно не собирался хоть словом упомянуть об оружии, пока не получит твердого обещания.

— Но почему ты? — бросила Эйлин и уложила в рюкзак недавно связанную ею пару носков из собачьей шерсти.

— А на что я гожусь? — усмехнулся он. — Кому и знать, как не тебе. Ты помогала Харди составлять графики работ. Фермер из меня никудышный. Как инженер я хуже Бреда. На лошади я езжу плохо, поэтому для созданного Кристофером ревировского[12] отряда не гожусь… А для отряда смертников — в самый раз.

— Ради бога, не говори так. — Женщина прекратила паковать рюкзак и подошла к Тиму.

Он погладил ее по животу.

— Не беспокойся. Хоть вплавь, да вернусь. — Он рассмеялся. — Или снова исполню наш знаменитый номер «Летучий голландец» и понесусь по

---

[12] Примечания: 12

Пол Ревир (1735–1818) — один из знаменитых героев Американской революции.

водам на машине. Я намерен увидеть нашего сына. Или дочь. Или — двойню? Ты сейчас похожа на перевернутый вверх ногами вопросительный знак.

«Что он болтает? Страх так и рвется наружу».

— Тим…

— Не усугубляй, Эйлин.

— Хорошо… Все готово.

Хамнер нажал кнопку наручных часов.

— До выхода еще целый час, — констаторивал он, встал и прижал жену к себе. — Милая…

— Тим…

— Да-а-а?

Неизвестно, что намеревалась сказать Эйлин, но вдруг у нее вырвалось:

— Ты забронировал для нас номер в «Савое»?

— Свободных уже не осталось, все сданы. Но я найду для нас местечко поближе.

— Паинька ты мой.

Их собралась дюжина во главе с Джонни Бейкером. Трое фермеров из владений Дика Уилсона. Джек Росс, зять Кристофера. Хамнер не удивился, обнаружив среди добровольцев Марка Ческу и Хьюго Бека. Остальные собравшиеся также были ему знакомы: крепкие ребята из долины. Однако одного мужчину средних лет, в большой, не по

росту, одежде, Тим не знал, поэтому подошел к нему и представился.

— Джейсон Гиллкадди, — ответил тот. — А я видел вас по телевизору. Рад встрече.

— Я где-то слышал фамилию. Но где?

Джейсон ухмыльнулся.

— Наверное, читали мои книги? Но, думаю, что впервые услышали ее здесь. Я, как и Гарри, женат на Донне, в девичестве мисс Адамс. Ее мать закатила страшный скандал по этому поводу.

— О! — Тим проследил за взглядом Гиллкадди — тот показал глазами на почтальона и хрупкую блондинку, стоявшую неподалеку.

Девушке едва перевалило за девятнадцать. Тим забросил рюкзак в машину. Винтовка висела на ремне через плечо.

— Скоро? — спросил он.

— Чего-то ждут, — ответил Джейсон. — Хотя нет смысла здесь околачиваться. — И писатель направился к Гарри и Донне.

Та сразу обняла его, а Ньюкомб не шелохнулся, наблюдая.

«Интересно, что думает Харди?» — пронеслось в голове у Хамнера. — Он любит четкость. И кто теперь друг другу Гиллкадди и Гарри? Шурины? Зятья? Двоюродные мужья? Но то, как они

устроились, довольно разумно: ведь почтальон пропадает целыми неделями. А кому-то, пока он отсутствует, нужно вкладывать на «Курином ранчо».

Тим разыскал Эйлин: она разговаривала с Морин.

— Моя комета здорово повлияла на обычаи и нормы, — заявил он, кивая на Гарри, Джейсона и Донну.

Эйлин взяла его за руку и крепко сжала.

— Привет, Морин, — произнес Тим. — Где генерал Бейкер?

— Вот-вот придет.

Тим заметил, что у всех женщин одинаковое выражение лица. Он едва не расхохотался, но давил этот порыв. Они смахивали на героинь Джона Уэйна, когда те провожают отряд кавалеристов, готовящихся совершить вылазку за ворота крепости. То ли они видели старые фильмы, то ли режиссер прикоснулся к правде?

Подъехал грузовик, из него выскочило двое работников. Из кабины вылез Хартман. Он огляделся и побрел к Тиму.

— Где генерал? — тоже спросил он.

— В доме.

— Ладно. Особую секретность соблюдать

незачем. Мистер Хамнер, мы привезли радиооборудование. — Шеф показал на кузов, в который уже загружали багаж членов экспедиции. — Работает от автомобильных аккумуляторов. Вон там направленная антенна. Установите ее в самом высоком месте, какое только сможете отыскать, и ориентируете на нас. В районе атомной электростанции это составит двадцать градусов магнитного склонения. А если повезет, нам удастся вас услышать. Мы будем пытаться выйти на связь каждый час — с без пяти минут до пяти минут следующего часа. По тринадцатому каналу. И учтите, что Новое Братство способно перехватить передачу. Запомнили?

— Да. — И Тим повторил инструкцию.

На крыльце показался Бейкер. В руках у него была винтовка, на поясе — пистолет. Морин шагнула к Джонни и собственнически обняла его.

Сегодня у многих определенно были мрачные физиономии. Хамнер решил, что изображать беззаботность — напрасная трата сил. У Ческу вид был неприлично радостный, но — сойдет.

Тим услышал, как Марк в простоте спрашивает у Ньюкомба:

— Как мы назовем войну? «Заварушка из-за грузовичка Гарри»?

Марк не знал, из-за чего придется воевать. Но, похоже, ничего его пока не беспокоило.

Хьюго помалкивал. Что ж, у него имелись свои причины: если Ангелы поймают изменника… Хотя, может, дело было в другом: никто и близко не подходил к Беку.

Бедный ублюдок.

— Чего мы стоим? — вопросил Джек Росс.

Телосложением он не уступал Кристоферу, массивный здоровяк взрывного темперамента. На левой руке отсутствовали три пальца, локоть пересекал шрам: след недоразумения с уборочным комбайном. Тонкие светлые усы были почти невидимы и походили на тень.

— Ждем разведчиков, — ответил Бейкер. — Уже недолго.

— Ну, конечно.

Но и у Рика Деланти настроение было преотвратное. Игнорируя всех, он подошел прямо к Джонни.

— Я хочу пойти с тобой.

— Нет.

— Черт возьми…

— Я все объяснил, — произнес Бейкер и отвел Деланти в сторону.

Тим с трудом различал их голоса и затаил ды-

хание, стараясь понять, о чем они ведут разговор (какая сейчас разница, подслушиваешь ты или нет?).

— Нельзя рисковать последними астронавтами, — вещал генерал. — И мы не должны оставлять здесь одних кого-то из русских. Кроме того, от них вообще не будет пользы. Это дипломатическая миссия. А их, может быть, там встретят неприветливо.

— Прекрасно, пусть сидят в Твердыне, а меня возьми с собой.

— А кто будет присматривать за ними? Они — наши друзья, мы дали им определенные обещания. «Мы приглашаем вас к себе, — сказали мы. — Граждане нашей страны помогут вам». Но ты видел, как к ним отнеслись некоторые фермеры. Русские не пользуются особой популярностью.

— Чернокожие тоже.

— Только не ты. Ты — герой космоса! Рик, мы приземлились в *их* корабле!

— Хорошо. Вот и оставайся, а я буду вместо тебя. Джонни, атомная электростанция — важное дело, и я…

— Ты в курсе, куда мы едем, и отлично понимаешь, какая мысль возникнет у того, кто издали

увидит чернокожего. Ты не сможешь сыграть роль посла. Заткнитесь и выполняйте приказ, полковник Деланти.

Тот стиснул челюсти и наконец пробурчал:

— Есть, сэр. Я бы отпротестовал ваши слова, если бы знал, где сейчас генерал-инспектор.

Джонни похлопал товарища по плечу и вернулся к Тиму. Если он и догадался, что Хамнер их подслушивал, то ничего не сказал.

— Вас ждут в доме, — произнес он.

— Ясно.

По-прежнему крепко держа жену за руку, он пошел к особняку. Живот ее стал заметен только недавно, но она уже с трудом передвигалась, переваливалась и часто спотыкалась.

Эйлин вцепилась в Тима мертвой хваткой.

В гостиной находились Джеллисон, Харди и Дэн Форрестер. Док вручил Хамнеру листы бумаги в пластиковом пакете.

— Здесь изложены некоторые мои идеи. У генерала Бейкера тоже есть копии, но…

— Хорошо.

— Если будет возможность, разузнайте, как обстоят дела на западном побережье, — сказал Эл. — Нам бы хотелось знать, что там творится. И вот перечень того, что нам могло бы приго-

диться.

Тим поглядел на бумаги, перекочевавшие в его руки. Сквозь пластик он видел только верхний лист. Ага, список…

Окись железа (разыскать супермаркеты, где продавались краски, найти «красный пигмент», еще бывает на автомобильной свалке, еще можно наскрести с любой ржавой железки и тонко размолоть).

Порошковый алюминий (искать в магазинах красок — пигмент).

Гипс…

Перечень был длинным, перечисленное в нем в основном казалось бесполезным. Но Тим знал: на других листах описано, как превратить «бесполезные» материлы в смертоносное оружие. Он взглянул на Форрестера.

— Не хотел бы я вас разозлить.

Ученый смутился:

— Я помню все, что когда-либо прочитал. А читал я много.

— Вам приходилось нырять с аквалангом? — вклинился Эл.

Странный вопрос.

— Да.

— Я так и думал, — улыбнулся Харди. — Значит,

эта мысль осенила не только вас с Рэндоллом.

— Тем, кто поселился в рыболовном лагере у Портервилла, удалось раздобыть снаряжение. Они согласились продать его нам, вместе с лодками. — Харди покосился на Форрестера. — Экспедиция дорого нам обошлась. Мы заплатили за моторки, а им требуется бензин, которого и так мало. Да еще мешки с добром, которые вы забираете с собой. Первосортные удобрения…

— Извините, — вставил Дэн.

— Ладно, — произнес Эл. — Хамнер, там, в долине — города под водой. Мы надеемся, что вы или Бейкер добудете нужные вещи. У вас обоих есть опыт подводного плавания. Но единственный гидрокостюм, который мы смогли достать, — маленького размера. Не уверен, что его сумеет натянуть генерал, а это означает, что нырять придется вам. В бумагах, которые вам передал док, есть дополнительный список. Перечень того, в чем мы нуждаемся. Но список Форрестера — главнее.

— И еще нам необходима информация, — проговорил сенатор. Голос его звучал устало, и Тиму подумалось, что лицо у Артура — совершенно серое, но, вероятно, виноват был блеклый свет керосиновой лампы. — Мы установили непро-

должительный радиоконтакт с теми, кто живет на том берегу моря Сан-Хоакин, — продолжал он. — Там находилось множество нефтяных полей, и многие уцелели. В эфире жители были настроены вроде бы дружелюбно, но ничего нельзя знать наверняка. В любом случае будьте начеку. Хорошо бы вам пообщаться с бывшими работниками атомной электростанции: нам не помешают союзники. Бейкер обладает полномочиями заключать соглашения. Вы не облечены такой властью, но местная… скажем так, специфика вам известна лучше, чем Джонни. Ему понадобятся ваши советы.

Тим задумался.

— Многие говорят, что те, кто уцелел на АЭС, настроены к нам дружески, — сказал он. — А если нет? Я тоже думал, что моя обсерватория… в общем, вы меня понимаете…

— Бейкер уже получил инструкции, как надо действовать в экстренных обстоятельствах, — ответил Джеллисон. — Тем не менее надо предупредить их насчет людоедов, Если они не захотят с нами сотрудничать, то мы оставим их в покое.

— Ищите прочные материалы, технику и неиспорченное оборудование. И продукты. Пусть это перейдет в нашу собственность, — добавил

Харди. — Мы не можем понапрасну тратить человеческие ресурсы и столько горючего.

В дверь просунул голову какой-то фермер.

— Вернулись разведчики. Полный порядок! Лодки наши.

Эл кивнул.

— Хорошо. Хамнер, прощайтесь. А мне надо еще раз подсчитать, сколько всего мы потратили на экспедицию, — процедил мужчина и покинул гостиную.

Обрамленные черной бородой губы ученого плотно сжались. Дэн не часто показывал, что рассержен. Сейчас стало видно, как он зол, и прежде чем заговорить, он помолчал, подбирая слова.

— Оставить в их руках АЭС будет не лучшим решением.

— Мы спасем ее. А вы бдите на домашнем фронте. — И Тим вышел в холодную ночь.

Еще четыре часа до рассвета.

Когда грузовик отъехал, дочь сенатора сморгнула слезы. Она смотрела, как задние фары уменьшались и наконец исчезли на шоссе, ведущем к югу.

Морин стояла, не шелохнувшись, и не обращала внимания на порывистый ветер.

Это, безусловно, разумно. Если потребовалось

послать экспедицию, то логично, что главой ее назначили Джонни. Он герой-астронавт. Люди наверняка узнали бы его, или, по крайней мере, вспомнили о нем. Никто иной в Твердыне так не годился на данную роль. Джордж и остальные Кристоферы могли бы верхом поехать в восточную часть долины, занять позиции в холмах, организовать фермеров, призвать ребят, вооружить их и отразить нападение людоедов. Но никто за морем не будет повиноваться Кристоферам. Зато Бейкер — другое дело. И он справится.

Морин медлила. Зачем идти в дом? Наверняка там сейчас Харди и Рэндолл: вместе с доком Форрестером они планируют распорядок работ на завтра, определяют, где оборудование и химикаты, в которых нуждается ученый.

Вероятно, отец тоже рядом с ними. А ей совсем не хочется видеть ни его, ни Харви.

— Я — чертов приз в чертовом состязании в чертовой сказке, — громко произнесла она. — Почему никто никогда не рассказывал, что чувствует в такой ситуации принцесса?

Морин трудно было винить сенатора в том, что он поставил ее в положение наследной особы, хотя искушение появлялось. Однако все то, что он делал, всегда оказывалось целесообразным,

уместным и своевременным.

А Твердыня нуждалась в союзниках. Люди, которые могли присоединиться к ним в их войне с людоедами, населяли гористый район, где можно передвигаться лишь пешком или верхом. Местные бы им пригодились: к примеру, две дюжины парней могли бы под предводительством того же Джорджа — отличного наездника, между прочим, — совершить вылазку в горы.

Но АЭС надо спасти — благодаря вежливому шантажу Форрестера. Защитники электростанции, отрезанные от окружающего мира морем, вряд ли способны отличить друзей от врагов. А значит, нужно послать к ним человека, имеющего высокий воинский чин, того, кого каждый взрослый американец узнает и в безлунную ночь.

То есть генерала Бейкера.

Тогда Рэндолл остается свободным и может помогать доку в создании оружия для обороны Твердыни.

Итак, рыцари разъехались в трех различных направлениях, и тот, кто вернется обратно, завоевав награду — свою жизнь, — получит принцессу и полкоролевства в придачу. Может, вернутся трое.

Но когда у принцесс было право выбора?

— Привет.

Морин не обернулась.

— Его узнают…

— Ага, — ответил Харви.

Ему стало кое-что интересно, но он помалкивал об этом. Какие чувства у Ангелов — столь сильно ненавидящих АЭС — вызовет живой астронавт? Человек вроде Джерри Оуэна, конечно, моментально поймет, кто перед ним, причем так же быстро, как и оператор атомной станции.

— Поэтому он там, — добавил Рэндолл.

Морин не ответила, даже не обернулась.

Харви поднялся на крыльцо и ушел обратно в дом.

Четыре судна для двадцати человек. Два с каютами — предназначенные для плавания по озерам юркие фиберглассовые лодки с надставленными бортами. Простая двадцатифутовая рыбачья плоскодонка и, наконец, «Синди Лу».

Красавица. Тоже двадцатифутовая и настолько узкая, что в крошечном кокпите хватало места лишь двоим. Остальное свободное пространство занимал громадный, хромированный мотор.

Прежде борта были покрыты яркой, отливающей металлическим блеском оранжевой

краской. Теперь она почти вся осыпалась. И хром не засверкал, когда Джонни обвел «Синди Лу» лучом фонаря. Ее строили для морских гонок, но, загруженная припасами, с «баржей» из пустых железных бочек на буксире, она не сможет двигаться с большой скоростью.

— Ну и находка! — сказал Хорри Джексон. — Ее можно использовать для…

— Она великолепна! Какая разница для чего она?

Старший из рыболовного лагеря хмыкнул и рассмеялся.

— Хороша, да? Но сенатор просил судно, которое могло бы тащить груз. А поскольку с вами в экспедицию отправляюсь и я, мне бы хотелось иметь под рукой что-нибудь быстрое. На случай, если придется драпать.

— Мы ни от кого не собираемся драпать, — возразил Бейкер.

Джексон широко улыбнулся. У него не хватало одного зуба.

— Генерал, я отправляюсь с вами потому, что меня наняли. Некоторые из моих людей — потому, что человек Джеллисона пообещал приютить их жен в вашей долине на зиму. Я не понимаю, что здесь делает бывший астронавт.

— Неужели вам все равно? — парировал Бейкер. — Неужели не стоит ее спасти? Может, это последняя атомная электростанция на свете!

Джексон покачал головой.

— Генерал, после того что я пережил, я разучился загадывать дальше чем на день и сейчас понимаю только одно: вы намерены какое-то время кормить меня. Помню… — он наморщил лоб. — Кажется, это было давным-давно. Газеты визжали, что правительство намерено построить АЭС прямо у нас под боком, и если случится катастрофа… Дальше провал в памяти. Но перспектива спасения станции меня не радует.

— Как и что угодно другое, — проворчал Джейсон Гиллкадди. — Посттравматическое расстройство.

— Пора по лодкам, — холодно заметил Хорри Джексон.

Хамнер сделал выбор: в одном из суденышек имелся навес, защищающий от дождя. Он сел рядом с Беком. Хьюго уже наверняка достаточно наказан общим презрением. В ту же лодку сели Марк и Гиллкадди. Хорри занял место рулевого, огляделся в поисках Джонни и обнаружил, что тот взял на себя командование «Синди Лу».

— Я не считаю, что она окажется достаточно

быстроходной для астронавта! — крикнул Джексон. — Но под навесом вы бы вымокли меньше.

Джонни расхохотался.

— Что такое мелкий дождик для влюбленного?

Он врубил двигатель «Синди Лу». Мотор заработал со скрежещущим, бьющим по нервам, отупляющим ревом.

Маленькая флотилия осторожно отошла от берега и направилась в море. Вода таила множество опасностей: кроны деревьев, телефонные столбы, какие-то плавающие обломки…

Хорри медленно рулил. Верхушка силосной башни показывала местонахождение затопленного амбара. Мужчина обогнул башню, держась на приличном расстоянии. Он, похоже, точно знал, где повернуть, чтобы оказаться в проливе между островками и иными препятствиями.

Ночь была не совсем непроглядной. Тусклый свет луны пробивался сквозь облачный покров и завесу мороси.

Марк вытащил кукурузные лепешки и раздал товарищам. Участников экспедиции снабдили мешками с мукой, а также некоторым количеством припасов, чтобы они не голодали, пересекая море. Пока еды хватало.

Одну из лепешек Хьюго передал Хорри Джек-

сону.

— Ого! — воскликнул тот, откусил от выпечки, а потом запихнул ее в рот целиком. Жуя, он пытался говорить. — У меня под ногами — сушеная рыба. — Раздайте ее. Забирайте. Мне нужно столько лепешек, сколь вы можете мне дать, и я мигом их сожру.

Марка это ошеломило.

— Что такого хорошего вы в них нашли?

Хорри проглотил остатки.

— Это не рыба, вот что! Понимаете, по-моему, весь мир голодает — кроме нас. Мы-то не умираем. Первую пару месяцев нам приходилось туго, а затем тут расплодилась рыба. Правда, только двух сортов: сомы и золотые рыбки. Жаль, их трудно готовить. Мы…

— Подождите, — перебил Ческу. — Вы действительно сказали «золотые рыбки», да?

— Они на них похожи, только покрупнее. Как раз такую вы сейчас и едите. Гэри Фишер заявил, что они и впрямь способны вырастать до какого угодно размера. А сомы в наших реках водились всегда. Хотите, чтобы я замолчал? Передайте мне мешок с кукурузными лепешками…

Они так и поступили.

Тим жевал с энтузиазмом. Давненько ему не

приходилось лакомиться рыбой, а эта была очень вкусная, пусть и сушеная. «Странно, конечно, откуда она взялась, — дивился он, после чего сообразил, что у нее появилось вволю пищи. К примеру, плавающие в воде трупы…

Но эта мысль встревожила Тима лишь на мгновение.

— Но почему золотые рыбки? — не унимался Марк.

Гиллкадди расхохотался.

— Легко понять. Вот вновь появившееся пресное море, а тут — гостиная и в ней аквариум с золотыми рыбками. Вода поднимается, выдавливает окно, заливает комнату, и вдруг самого смирного из домашних питомцев выносит из тесного аквариума в большой мир! «Наконец-то я на воле!» — кричит он. — Писатель впился в рыбу зубами и добавил: — Разумеется, за свободу нужно платить.

Хорри, ни на что не отвлекаясь, молча расправлялся с кукурузными лепешками.

Марк порылся в карманах и вытащил крошечный бычок. Сунул его в рот и начал жевать.

— За пачку «Лаки Страйк» я бы убил, — проворчал он.

— Полагаю, вам представится такой случай, —

откликнулся Джейсон.

Парень ухмыльнулся, глядя во тьму.

— Надеюсь. Потому и вызвался добровольцем.

— Правда? — спросил Тим.

— Нет. Но все лучше, чем дробить валуны.

Гиллкадди улыбнулся, думая о чем-то своем.

— Ну-ка посмотрим, — произнес он. — За «Лаки Страйк» вы бы убили. А за «Тарейтон» — покалечили?

— Верно! — шумно одобрил Марк.

— А за «Карлтон» — обложить, — добавил Бек.

Все рассмеялись, но смех тотчас затих: общаясь с Хьюго, они еще чувствовали себя не в своей тарелке.

— Теперь вам известно, почему я здесь, — заявил Ческу. — Но почему — вы, Тим?

Хамнер покачал головой.

— Мне эта идея показалась удачной. Нет, не то… Я как будто что-то кому-то задолжал.

Люди, мимо которых он проезжал, не останавливаясь. Полицейские, копошащиеся в развалинах больницы, когда к ним неслось цунами.

— Да и Эйлин беременна.

Он не стал развивать свою мысль, и Хорри, не оборачиваясь, спросил:

— Ну и что?

— А то, что у меня будут дети. Неужели не понятно?

— А я здесь, потому что в Твердыне меня сторонятся, — проговорил Хьюго, хотя его никто не спрашивал.

— Рад, что вы с нами, — одобрил Тим. — Если кто-нибудь захочет сдаться, вы ему расскажете, что это означает.

Бек поразмышлял над сказанным Хамнером.

— Людям *не обязательно* знать, что со мной произошло, да?

Сидящие в лодке переглянулись.

— Нет, пока в том не возникнет необходимости, — торопливо выпалил Тим и обратился к Джейсону. — Вот насчет вас мне не очень-то и ясно. Вы — друг Гарри. Вас вряд ли могли назначить добровольцем.

Писатель хмыкнул.

— Нет, я настоящий доброволец, без мухлежа. Читали мои книги? — И он продолжил, прежде чем кто-либо успел ответить: — Сплошь описания чудес цивилизации и рассуждения о великой пользе науки. Как же я мог не вызваться участвовать в вашей безумной затее? — Гиллкадди посмотрел на черную воду. — Но есть места, где я бы сейчас предпочел оказаться.

— А то! — отозвался Тим. — В Лондоне, в отеле «Савой». Вместе с Эйлин. Вот чего я хочу.

— А Хьюго небось мечтает о «Шире», — произнес Марк.

— Нет, — твердо ответил Бек. — Нет, мне нужна цивилизация. — Никто его не перебил, и мужчина с жаром продолжал: — Хочу крутую тачку, только пусть копы перестанут выписывать мне штрафы. И хочу посмотреть по некоммерческому каналу «Унесенных ветром», без рекламы. И пообедать бы в «Мон Гренье»[13] с женщиной, которая не умеет правильно написать «экология», зато читала «Камасутру».

— И отметила кое-какие неточности, — добавил Марк.

— Вы знаете «Мон Гренье»? — изумился Гилл-кадди.

— Конечно. Я жил в Тарзане. Бывали там?

— Грибной салат, — сказал писатель.

— Буйабес. С охлажденным мозельским, — изрек Хамнер.

Да, теперь они перечисляли блюда, которых уже никогда не попробуют.

— А я упустил почти все свои возможности, —

---

[13] Примечания: 13
Мой амбар (*фр.*).

посетовал Хьюго. — Зато создал проклятую коммуну. Парни, скажу вам честно, ничего у нас не получилось.

— Кто бы мог подумать, — пробормотал Джейсон.

Бек замолчал, уловив иронию в его голосе, и Гиллкадди быстро добавил:

— Во всяком случае, мы везем с собой нечто чудесное, Так мне кажется, — он стукнул ногой по мешку, лежащему на дне лодки. — Интересно, эта штука нас не подведет?

— Док утверждает, что нет, — ответил Марк. — Особенно если пнуть ее как следует. Но у нас этого «товара» мало. У Харди много не выторгуешь.

Хорри, сидевший у штурвала, обернулся:

— Господи, конечно! Именно поэтому *я* — с вами.

Светало. Над горизонтом поднималось солнце, расположенное от них в девяноста трех миллионах миль к востоку, не затронутое величайшим бедствием в письменной истории человечества. Лодки плыли по бесконечному, усеянному следами катастрофы морю. Трупы людей и животных исчезли. Джексон увеличил скорость, хотя и не слишком. Повсюду виднелись бревна, обломки домов, надутые воздухом шины — жалкие остат-

ки цивилизации. Верхушки деревьев смахивали на пышные кусты, высаженные прямоугольниками, но попадались и одиночные экземпляры, с кронами, скрытыми под водой. Любое такое дерево могло пропороть днище лодки.

— Эй, Марк! — крикнул Хьюго. — Ты бы что отдал за одну «Сильва Тин»?

— Убери руку с моей коленки, тогда скажу.

Джексон вел лодку по компасу. Разгорался тусклый рассвет. На озере никого не было, только их маленькая флотилия. «Синди Лу» пыхтела в хвосте колонны — крошечная, с огромным мотором, она ревела от напряжения, таща на себе груз.

Хорри проорал, перекрывая рев двигателя:

— Я вернусь с полной лодкой рыбы, хватит на прокорм всех, кто окажется на АЭС! А взамен я хочу столько лепешек, чтобы я мог наполнить им мешок из-под рыбы. Он не очень-то и большой…

Хамнер вгляделся в завесу дождя. Что-то впереди? Сперва он различил остров с возвышающимся на нем прямоугольником. Ничего необычного… Но когда лодка подошла ближе, Тим заметил среди прямоугольников цилиндры, и стал высматривать людей.

Местные должны услышать рев «Синди Лу».

Нассор разыскал Хукера и Джерри Оуэна на

командном пункте. На столе были разостланы карты, и Томас передвигал по ним маленькие картонные прямоугольники. Сквозь матерчатую стенку палатки доносился голос, он гремел в ушах Алима.

— Ибо их гордость есть гордыня волхвов древности, которые вознамерились покорить природу. Наша же гордость есть гордость тех, кто верует. Мы нуждаемся не в волшебном оружии, но лишь в благоволении к нам Господа…

Вояка раздраженно уставился на стенку палатки.

— Псих ненормальный!

Алим пожал плечами.

Без Армитеджа им не обойтись. Несмотря на то что, когда его не было рядом, отзывались они о Пророке с издевкой, почти все они хоть немного да верили в истинность его проповедей.

— Я не против того, чтобы уничтожить треклятую АЭС, — заявил Томас. — Я понимаю, это необходимо. Но…

— Да! Нужно до хрена техники, чтоб что-нибудь такое работало! — Джерри заговорил, не сознавая, что перебил Хукера. — Если у нас будет такая станция, нам захочется использовать электричество. Сперва потому, что тогда у нас будут

определенные удобства… потом окажется, что она *необходима* — именно необходима нам, — и будет поздно! И повторяю, АЭС нужна техника. Индустриальное общество возродится, тут и крышка свободе и братству. И нам понадобится подневольный труд, чтобы…

— Я *же сказал*, что верю. Ради бога, прекратите болтать, мать вашу!

— Тогда в чем проблема? — спросил Оуэн.

— АЭС ведь никуда от нас не убежит, верно? Она подождет, пока мы будем готовы. Вопрос вот в чем: *когда?* — произнес Хукер. — Понимаете, когда мы начинали, мы мечтали об одном: о пристанище. Вроде того, какое заполучил чертов сенатор. Такое, чтоб мы могли обороняться от врагов — и которое бы всецело принадлежало нам. Но не вышло.

— Вы отказались от этого сразу — когда в первый раз съели человека.

— Думаешь, я сам не понимаю, козел?! — с яростью прорычал Томас. — Мы пошли вразнос, хотим мы того или не хотим. Мы не способны остановиться. Мы должны постоянно расширять свою территорию. Захватить штат, в конце концов. А может, и не только его. Ясно?

Он ткнул в карту.

— Вот долина Джеллисона. Мы не можем продвигаться на север, пока не захватим его землю. Да мы даже не удержим Белую реку и холмы… Кроме того, его люди будут совершать набеги на наши владения, когда им заблагорассудится. Вьетнам дал нам хороший урок: оставь врагу убежище, куда он мог бы отступить и заново перегруппировать силы, и ты никогда не сможешь разбить его. А знаешь, что делает сенатор? — Палец Хукера прочертил линию вдоль гребня, расположенного к востоку от моря Сан-Хоакин. — Он послал сюда пятьдесят всадников. Будет вербовать солдат. Прямо у нас во фланге. Я пока не представляю, сколько там живет народу, но если местные объединятся, нам точно зададут жару! Но мы не дадим им такой возможности. Мы ударим первыми, и сделаем это прямо сейчас, до того, как он успеет организовать их.

— Понимаю, — сказал Оуэн и пригладил ладонью свою светлую бороду. — Но Пророк требует, чтобы мы занялись АЭС…

— Да, — кивнул Томас. — Он хочет, чтобы мы двинули нашу армию на юг. Ты понимаешь, чем это для нас обернется? Но как мне объяснить психу, что до нападения на атомную электростанцию нужно покончить с сенатором? Как мне

втолковать ему это?

Джерри задумался.

— Может, и никак. Не думаю, что на АЭС сейчас больше пятидесяти или шестидесяти человек. Вдобавок они не бойцы. У них полно детей и женщин, но армия небольшая. АЭС находится на острове, значит, у них мало еды. И боеприпасов тоже не хватает. И у них нет настоящих оборонительных сооружений.

— Ты считаешь, их легко будет раздолбать? — осведомился Алим.

— А если легко, то насколько? — спросил Хукер. — Сколько понадобится наших?

Джерри пожал плечами.

— Дайте мне пару сотен человек. И артиллерию. Мортиры. Если пальнуть из них по турбинам, электричеству каюк. А без него управлять ядерным реактором нельзя. Оно необходимо для насосов. Залп — и кончилась АЭС…

— А она не взорвется? — предположил Алим: это мысль одновременно волновала его и пугала. — И появится такое громадное грибообразное облако? И как насчет радиоактивных осадков? Нам придется тогда спешно убираться отсюда, а?

Джерри поглядел на него с веселым изумлением.

— Не-а. Никакой выжигающей глаза вспышки. Никакого гриба. Извини.

— А я не буду извиняться, — рявкнул Хукер. — Когда мы захватим станцию, ты сможешь сделать мне несколько атомных бомб?

— Нет.

— Не сумеешь? — Вояка не скрывал разочарования.

Оуэн всегда разговаривал так, будто ему известно все на свете.

Джерри обиделся:

— Никто их сейчас не создаст. И вообще, из ядерного горючего нельзя сделать атомную бомбу. Не то сырье. Это горючее создавали для другой цели. И оно не взрывается. Эй, мы, пожалуй, не сможем снести АЭС. Те, кто работает на ней, наверняка приняли добавочные меры предосторожности.

— Раньше вы, ребята, говорили, что это фигня, — буркнул Алим.

— Да, разумеется. Но безопасность — понятие относительное. — Оуэн махнул рукой в северном направлении — в сторону разрушенной плотины и затопленного Бейкерсфилда, где из грязного моря вздымались кубистские острова. — Там была гидроэлектростанция. Можно ли считать ее безопасной? Люди, которые и близко не подошли

бы к АЭС, жили у самой плотины.

— Тогда почему тебя так бесит АЭС? — спросил Хукер. — Может… нам не следует ее трогать?

— Выслушай меня наконец, — сказал Джерри.

Нассор бросил взгляд на Хука: дескать, опять ты его завел.

— Это слишком, неужели ты не понимаешь? — продолжал Оуэн. — Атомная энергия побудила человечество думать, что любые проблемы решаются с помощью технологий… все более сложных, кстати говоря. Ну а сами люди… они начинают действовать и постепенно принимают все более непродуманные решения. Есть энергия, ее используют — и бац! — ты уже выдираешь из земли уголь, по десять миллиардов тонн в год! Загрязнение окружающей среды. Мегаполисы, прогнившие в сердцевине. Гетто. Неужели ты не врубаешься? Атомная энергия дает возможность жить в отрыве от природы и не тужить. До поры. А потом ты внезапно обнаруживаешь, что равновесие нарушено, и восстановить его нельзя. Молот дал нам шанс вернуться к естественной жизни, щадить Землю…

— Ладно, — пробормотал Хукер. — Бери двести людей, две мортиры и дуй шерстить электростанцию. Обязательно сообщи Пророку, куда и зачем

отправляешься. Надеюсь, тогда он заткнется и даст мне возможность заняться делами. — Он уставился на карту. — Давай, Оуэн. Двинемся на настоящего врага.

Томас подумал, что Джерри начнет сзывать добровольцев, и улыбнулся. Психи уйдут, и на некоторое время его, Хукера, оставят в покое.

Комната, куда Адольф (или попросту Дольф) Вейгли привел Хамнера, показалась Тиму прекрасной. В ней, разумеется, было тесно: сквозь стену, изгибаясь, проходил толстый пучок кабелей, они разветвлялись и опять перекрещивались, тянулись по металлическим каналам над головой. Но здесь горели лампы — электрические! Вдоль двух стен поблескивали аккуратно покрытые зеленой эмалью панели: циферблаты, шкалы, переключатели, сигнальные лампочки. Ни пылинки — чистота, как в операционной.

— Что это? — спросил Тим. — Главный щит управления?

Вейгли рассмеялся. Он был постоянно бодр, ни какой «посттравматический синдром» у него не проявлялся, и к технике он относился с подчеркнутой небрежностью. Из-за гладких, как у ребенка, щек он казался моложе своих лет. Обитатели Твердыни в основном носили бороды.

— Нет, просто камера для разводки кабеля, — ответил он. — И единственное помещение, которое мы можем предоставить вам для ночлега. Но нажимать на разные кнопки не стоит. — И он хитро улыбнулся.

Хамнер рассмеялся.

— Не буду.

Он с восторгом оглядывал огнетушители, мигающие лампочки и толстенные провода, расположенные точно там, где и положено. Кабели негромко гудели.

— Спальный мешок оставьте тут, — сказал Дольф. — Здесь будут спать и другие люди. Не мешайте им. Сюда приходится заходить дежурным операторам. Иногда им надо действовать быстро. — Улыбка увяла. — Некоторые кабели — высоковольтные. Не приближайтесь к ним.

— Конечно, — ответил Тим. — Скажите, что у вас вообще за работа? — Вейгли казался слишком юным для инженера, но и на строительного рабочего не походил: не то сложение.

— Я ученик и занимаюсь энергетическими системами, — ответил парень. — Короче говоря, я должен делать все. Разместились? Вот и отлично. Идите сюда. Мне велели устроить вам экскурсию и помочь настроить приемник.

— Но что значит «делать все»?

Вейгли пожал плечами.

— Во время дежурства я сижу в зале главного щита, пью кофе и играю в карты, до тех пор пока дежурный оператор не решит, что для меня есть очередное задание. Тогда я иду и делаю его. Считываю показания приборов. Тушу пожар. Переключаю тумблеры. Повертываю вентиль. Устраняю обрыв кабеля. Все, что угодно.

— Таким образом, вы являетесь кем-то вроде робота.

— Для кого?

— Для дежурных операторов.

— Никакие они не инженеры. Просто научились выполнять определенные задачи, делая то, что делаю теперь я. В один прекрасный день я тоже стану оператором — если ничего, конечно, не развалится. Хоби Летэм, к примеру, начинал с того, что на снегоступах ходил по Сьерре и замерял толщину снежного покрова, чтобы узнать, на сколько футов весной поднимется уровень воды… а сейчас он главный оператор.

Они вышли на грязный двор. Вокруг смутно вырисовывались высокие земляные дамбы, где трудились люди, укрепляющие гребни. Кто-то заливал бетон в кессоны — Сан-Хоакинская АЭС

продолжала существовать как раз благодаря дамбам и кессонам. Кто-то возился с грузоподъемниками. На первый взгляд тут царил хаос, но это была иллюзия: каждый знал то, что он делает.

У Хамнера возникло странное ощущение уязвимости: ведь снаружи плескалась вода. АЭС, обнесенная со всех сторон насыпными дамбами (спасибо бульдозерам), представляла собой не просто остров, а клочок суши, расположенный ниже уровня моря. Просачивавшуюся сквозь земляные плотины влагу откачивали насосы. Одна брешь, сутки без электроэнергии — и атомную станцию затопит.

В прошлом в таком положении находилась и Голландия. И то, чего всю жизнь опасались ее жители, случилось. Немыслимо, чтобы европейская страна уцелела после цунами, вызванного Падением Молота.

— По-моему, лучшее место для вашей радиоаппаратуры — одна из градирен, — сказал Дольф. — Но они сейчас фактически отрезаны от электростанции.

Он вскарабкался по деревянной лестнице на высокую земляную насыпь и вытянул руку. Тим проследил в указанном направлении и заметил градирни. Четыре сооружения окружала дамба

— только поменьше и нещадно протекающая. Основания конструкций уже частично скрылись под водой. Каждую башню увенчивал огромный белый султан пара — он уходил в небо, истончаясь по мере подъема, и наконец исчезал без следа.

— АЭС они разыщут без особого труда, — констатировал Тим.

— Да.

— Эй, я думал, что АЭС не загрязняют окружающую среду.

Дольф ухмыльнулся.

— Это не загрязнения, а водяной пар. Откуда взяться ядовитому дыму? Мы ничего не сжигаем, — он посмотрел на узкие, сколоченные из досок мостки, соединяющие дамбу с ближайшей башней. — Пока у нас нет лодки — это единственный путь. Но я по-прежнему считаю, что башня — прекрасное место для радио.

— Согласен, но тут нам антенну не пронести.

— Ничего подобного! Готовы? Тогда приступим.

Тим с опаской взбирался по наклонной лестнице, зигзагом ведущей наверх, на вершину громадной башни. И снова поразился тому, насколько четко организована работа в Сан-

Хоакине. Вейгли ушел — и вернулся с людьми (Хамнер знал, что они понесут радиоаппаратуру, антенну и батареи), и те протопали по дощатым мосткам с тяжелым грузом, перетащив его за один раз! Ни вопросов, ни споров, ни возражений. Вероятно, Падение Молота изменило не только брачные обычаи. Тим вспомнил, как газеты сообщали о многочисленных забастовках на АЭС, о скандалах из-за того, какому профсоюзу кого представлять, из-за оплаты сверхурочных и улучшения жилищных условий… Волнения мешали строительству не меньше, чем деятельность защитников окружающей среды, а уж те делали все, чтобы прикончить станцию.

Спустя некоторое время Хамнер залез на вершину пятидесятипятифутовой башни. Сейчас он находился примерно в тридцати футах над уровнем моря. Основание конструкции было окружено дамбой, которая пропускала воду, и насосы работали непрерывно.

Башня оказалась примерно двести футов в поперечнике. Тим стоял на обширной металлической площадке, испещренной бесчисленными отверстиями. Насосы гнали воду вверх, к площадке, где она пенилась и оттуда струйками уходила в глубь башни, исчезая в темноте. Над головой

Хамнера торчало множество двадцатифутовых цилиндрических колонн меньшего размера. Из каждой валил пар. Гудели насосы, площадка вибрировала, дул сильный ветер.

— Неплохой участок для установки радиоаппаратуры, — пробормотал мужчина, и он с сомнением окинул взглядом море Сан-Хоакин. — Но слишком открытое.

Вейгли пожал плечами.

— Поднимем сюда мешки с песком. Построим укрытие. Еще можно протянуть телефонный кабель. Вопрос в другом: вас устраивает, чтобы аппаратура была здесь?

— Давайте выясним.

Ровно через шестьдесят минут направленная антенна была установлена и прикреплена к одной из малых колонн. Тим подсоединил батареи к радиопередатчику, после чего антенну начали осторожно поворачивать, пока не установили на двадцать градусов магнитного склонения.

Хамнер взглянул на часы:

— До связи еще пятнадцать минут. Может, сделаем перерыв? Расскажите, как у вас все вообще обстоит? Мы очень удивились, что вы продолжаете работу на АЭС.

– *Меня* это иногда тоже удивляет, — ответил

Дольф, присаживаясь на перила.

— Вы были на станции, когда…

— Да. Конечно, никто из нас не верил, что комета столкнется с Землей. Мистер Прайс считал тот день совершенно обычным. Прогулы приводили его в бешенство. Но многие сотрудники не явились. А после катаклизма дела у нас пошли скверно: не хватало людей. Тех, кому полагалось быть на своих местах.

— Но как же вам удалось справиться? — спросил Тим.

— Прайс — гений, — проговорил парень. — Насколько нам известно, он начал борьбу за выживание до начала землетрясений. Еще до ливней он погнал бульдозеры насыпать дамбы. Меня и еще некоторых он отослал в долину, к железной дороге — заполнять цистерны горючим. Мы брали все подряд — дизельное топливо, бензин. На запасном пути мы обнаружили товарный вагон, набитый мукой и бобами. И мистер Прайс заставил нас доставить сюда продовольствие. И мы рады. Еда у нас не слишком разнообразная, зато мы не умираем с голоду. Что вы смеетесь?

— У рыболовов такое же ощущение.

— А у кого другое? Вот вы можете поверить, что никогда не попробуете бананов? Кстати, нам не

помешал бы апельсиновый сок. А то как бы не началась цинга.

— Апельсиновые рощи Калифорнии погибли. Но сок в магазинах иногда еще попадается. — Чем дольше Тим смотрел на земляную стену, отделяющую его от моря Сан-Хоакин, тем более высокой она казалась. — Дольф, как вы успели ее построить за то время, пока долину заливало наводнение?

— Дурацкая история. Первоначально АЭС планировали возвести около Васко. А мистер Прайс хотел, чтобы она находилась в горах. Потому что здесь лучше отток конденсата из градирен, не пришлось бы рыть слишком глубокие колодцы. В министерстве идея не понравилась: АЭС оказывалась на виду.

— Прелестно! Совсем как на обложке «Удивительных историй» за тысяча девятьсот тридцатый год! Будущее!

— Именно так говорил и мистер Прайс. В общем, для станции отвели место на кряже.

Разумеется, то был не вполне кряж. Просто невысокие покатые холмы. АЭС возвышалась над уровнем долины едва ли на двадцать футов.

— А когда работу закончили, в министерстве перепугались, и были построены стены, — про-

должал Дольф. — Без всякой на то причины. Просто чтобы станцию не видели защитники окружающей среды, когда едут по трассе номер пять. — Губы Вейгли плотно сжались. — И тогда некоторые из сволочей, которые пытались покончить с АЭС, подняли дикий вой — на возведение стен, мол, пришлось потратить дополнительные средства! Но укрепления нам пригодились. Нам надо было только наскрести земли в промежутки между ними. Там, где прежде проходили автомобильные магистрали и железнодорожные пути. А вода после Падения Молота прибывала быстро.

— Точно. Я проехал на машине по этому морю, — сказал Хамнер.

— Но как?

Тим объяснил.

— Слыхали о «Летучем голландце»?

Вейгли покачал головой:

— С теми, кто снаружи, мы особо не контактируем. Мэр Аллен считает, что это ни к чему.

— Аллен? Я с ним виделся. Как он тут очутился?

— Явился сюда как раз перед тем, как море сделалось чересчур глубоким. Когда по Лос-Анджелесу прокатилось цунами, он был в здании мэрии. И ему было что рассказать! Во всяком

случае, на следующий день он приперся сюда — в сопровождении дюжины копов и кое-кого из городского совета. Ведь до Падения Молота владельцем атомной станции считался Лос-Анджелес.

— Итак, босс на острове — мэр Аллен собственной персоной?

— Нет уж! Всем командует мистер Прайс. Мэр — гость. Как и вы. Он не разбирается в атомных электростанциях.

Тим не стал указывать на то, что, по словам самого Вейгли, именно мэр препятствовал контактам сотрудников АЭС с внешним миром.

— Значит, вам удалось пережить апокалипсис, — подытожил он. — За счет того, что АЭС работала. Что вы намерены делать?

Парень задумался.

— Пусть решает мистер Прайс. Нелегкая задача — сохранять электростанцию функционирующей в нормальном режиме. *Все* должно было работать — *бесперебойно*. Сейчас мы можем выдавать тысячу мегаватт.

— Похоже, немало…

— Десять миллионов электрических лампочек. — Вейгли усмехнулся.

— И как долго вы сможете поддерживать такой

выход?

— Если выдавать максимальную мощность — приблизительно год. Но мы будем действовать осторожно. На то, чтобы управлять станцией, требуется примерно десять мегаватт. Насосы охлаждения, приборы управления и контроля, освещение… вы понимаете. Это составляет один процент полной мощности, поэтому работу АЭС можно будет поддерживать на протяжении столетия. А через сто лет — у нас есть «Вторая Очередь» с запасом топливных элементов.

Тим оглянулся. Два громадных бетонных купола с ядерными реакторами внутри. Возле каждого теснились прямоугольники зданий. В них размещались турбины и средства управления.

— Вторая еще не введена в эксплуатацию, — объяснил Дольф. — Ее запуск — первое, что мы сделаем, когда спадет вода. Тогда мы сможем давать двадцать мегаватт — любому потребителю, нуждающемуся в электроэнергии. На протяжении пятидесяти лет.

— Пятьдесят лет, — повторил Хамнер.

За такой срок Соединенные Штаты шагнули из эпохи лошадей и повозок в эру автомобильной цивилизации: построили небоскребы, развили промышленность, создали сложнейшую

электронику и компьютеры, полетели на Луну. Фантастика перекочевала из комиксов в реальность.

И одна работающая АЭС может выдавать больше электроэнергии, чем производилось в двадцатые годы по всей стране…

— Здорово! Господи, мы не зря явились сюда! Форрестер прав: если с электростанцией что-нибудь случится, это будет очередная катастрофа.

— А?.. — Вейгли бросил на Тима непонимающий взгляд.

Хамнер вздохнул.

— Так, ничего особенного. Пора попытаться наладить радиосвязь.

Войти в конференц-зал было все равно что вернуться в прошлое, попасть прямиком на совещание совета директоров. Тим обвел глазами помещение. Длинный стол, удобные стулья, блокноты, мелки, тряпки и даже деревянные указки…

Тим был потрясен. Он задумался над тем, что Харди отдал бы за такой вот оборудованный конференц-зал с досками, на которых можно вывешивать карты и схемы, со стеллажами для папок.

Совещание было в разгаре. Бейкер взмахом

руки пригласил Хамнера занять место слева от него. Тот шепотом торопливо сообщил: по радио слышны атмосферные помехи, но наладить связь в конце концов удалось. Состоялись переговоры с Твердыней. Новостей нет. Бейкер поблагодарил и снова стал слушать выступающих.

Присутствующие смахивали на оживших пугал. Они щеголяли в самой разнообразной одежде, вооруженные, бледные, как смерть, если не считать мэра Аллена и чернокожего детектива-следователя. Потрепанные рубахи и штаны, обувь рваная. Несколько месяцев назад их появление на АЭС показалось бы дикостью. А теперь странным выглядел сам конференц-зал.

И было кое-что еще: слишком уж собравшиеся были… чистыми.

Тим поежился. Провел ладонью по своей гладко выбритой щеке. Здесь была горячая вода и работающие электробритвы. С момента прибытия посланцев Твердыни барабаны стиральных машин крутились без остановки. Рубашка, трусы, носки Хамнера были сухими.

Хамнер опять поежился и попытался сосредоточиться. До него донеслось:

— Я не знал, что на нас будет охотиться армия людоедов!

Барри Прайс оказался не таким крупным, как спорящий с ним руководитель строительных работ, но не вызывало сомнений, кто из них главный.

Прайс был в военной полевой форме, поверх — туристская куртка. С пояса свисал карманный калькулятор. Карманы рубашки оттопыривались, набитые множеством авторучек. Рядом с ним торчал помощник, держа наготове папку с бумагами. Короткая стрижка и аккуратные, словно карандашом нарисованные, усы придавали Барри вид почти чудаковатый.

— И что изменилось? Мы никогда не пользовались популярностью.

— Но, черт побери — армия *людоедов*?! — В зале было жарко, но пот струйками стекал из-под каски руководителя строительства вовсе не по этой причине. — Нужно удирать отсюда!

— Некуда.

— Чушь! На западный берег моря. Куда угодно. Но тут оставаться нельзя! Мы не можем сражаться с целой армией.

— Но придется, — ответил Барри. — Разве мы имеем право бросить АЭС на погибель? Робин, вы работали столь же упорно, как каждый из нас! Теперь у нас есть союзники.

— Ага… дюжина человек.

Робин Лаумер перегнулся через стол к Прайсу.

Собравшиеся затаили дыхание. Никто не осмелился их перебивать.

— Послушайте. Либо работать должно все оборудование, либо ничто не работает. Правильно?

— Да.

— Они наносят удар по турбинам, по силовой, по аппаратной, по залу контроля и управления — и все! АЭС уходит под воду, и кончено!

— Знаю, — кивнул Барри. — Следовательно, мы не можем позволить им нанести ни одного удара.

— Ерунда! Я сваливаю. Прихвачу своих людей, тех, кто захочет, конечно. Мы возьмем ваши лодки, потом как-нибудь вернем…

— Нет, — отрезал Бейкер. Он сидел рядом с Прайсом, напротив мэра Аллена. — Я приплыл сюда не для того, чтобы помочь с эвакуацией станции.

Лаумер, похоже, хотел затеять спор, потом пожал плечами.

— Тогда я найду другие моторки. У нас тоже кое-что есть. Одна из них в любом случае моя, ее я оставлю себе.

Он широким шагом двинулся к выходу. Когда

он проходил мимо Хамнера, Тим произнес:

— Вы никогда больше не будете чистым.

Лаумер на миг запнулся, затем практически побежал к двери.

— Остановим его? — предложил Джонни.

— Как? — ответил Прайс.

Бейкер промолчал. Никто еще явно не готов использовать тот единственный способ, каким можно было задержать Лаумера.

— Сколько людей присоединится к нему?

— Пожалуй, два-три десятка рабочих. Или поменьше. Чтобы спасти станцию, мы вкалывали как каторжные. Не думаю, что с ним сбежит кто-нибудь из операторов.

— Значит, АЭС будет работать.

— Естественно, — подтвердил Барри.

Джонни повернулся к мэру.

— А ваши люди? Полицейские?

— Сомневаюсь, что хоть кто-нибудь из них уйдет, — ответил Бентли Аллен. — Мы с такими преградами столкнулись, пока сюда добирались…

— Хорошо, — сказал Бейкер и пристально посмотрел на мэра. — Что они не сбегут. И вы, разумеется, тоже остаетесь, Барри.

Его слова произвели на Прайса странное дей-

ствие. Он не притворился безразличным, не стал пыжиться. Он выглядел как человек, испытывающий сильнейшие муки.

— Я обязан, — ответил он. — Отступать некуда. Нет, вам не понять. Когда проклятый Молот ударил, у меня был выбор: либо отправиться за указаниями в Лос-Анджелес, либо просто спасти станцию. Вот я и остался. — Он стиснул зубы. — И что нам теперь делать?

— Я не могу отдавать вам приказы, — проговорил Джонни.

— По моему мнению, можете, — возразил Прайс.

Он посмотрел на мэра, тот кивнул.

— Насколько я понимаю, власть в штате представляет сенатор Джеллисон. Возможно, он — президент. У него на это больше прав, чем у остальных. Он делает много полезного выжившим.

— Вы тоже так считаете? — воскликнул Джонни. — Про скольких президентов вы уже слышали?

— Пять. Колорадо-Спрингс, Мус-Джо, Монтана, Каспер в штате Вайоминг и сам Вайоминг… Как бы то ни было, мне по душе сенатор. Отдавайте нам любые приказы, какие пожелаете.

— Вы не поняли меня, — осторожно вымолвил Бейкер. — Дело в том, что я не получил на это полномочий. Я могу только советовать.

Вид у Барри сделался сконфуженный и обеспокоенный. Его помощник и Аллен шепотом посовещались, потом мэр спросил:

— Не хотите брать на себя ответственность?

— Совершенно верно, — ответил Джонни. — Но я на вашей стороне. АЭС должна работать. А во главе Твердыни — не я.

— Вы, человек, обладающий, вероятно, самым высоким званием, можете… — начал Аллен.

— Попытаться что-либо приказать сенатору? Я? Чушь!

— Я просто высказал свое мнение, — произнес мэр. — Ладно, вассальная присяга будет двусторонней. По крайней мере, если король — Артур Джеллисон. Итак, он хочет ограничить свои обязательства по отношению к нам. И какие же, генерал Бейкер, у вас есть *советы?*

— Способы создания не совсем обычного оружия…

Прайс склонил голову набок.

— А мы работаем в данном направлении. Хотя вы подкинули нам идею… С первых дней мы занимались обороной — недостаточно, как мне

кажется, — но никто из нас не думал об отравляющих газах. О зажигательных снарядах и о пушках мы знали, но сделали мало в данном направлении. Пожалуй, сейчас нам надо удвоить усилия. Еще что?

— Делайте запасы. В воде недостатка нет, и у вас есть электроэнергия, чтобы кипятить ее. Мы привезли вам сушеной рыбы, но вы также сможете ловить ее самостоятельно. Готовьтесь к осаде. По нашим сведениям Новое Братство всерьез намерено захватить и уничтожить вашу станцию.

— Если с людоедами связался Алим Нассор, то все безусловно серьезно, — заявил мэр Аллен. — Блестящий ум — и вдобавок дьявольски решительный. Но я не понимаю, что им движет. И, конечно, он никогда не участвовал ни в одной антииндустриальной демонстрации. Совсем наоборот. Скорее это «Мы только начали игру, а вы говорите, что пора заканчивать».

— Вы забыли об Армитедже, — заметил Бейкер. — Вероятно, Нассор и сержант Хукер не могли бы одни удержать армию от развала. Зато проповедник может. Именно он жаждет уничтожить станцию.

Мэр поразмыслил:

— Район Лос-Анджелеса тем и знаменит, что

там как раз и возникали самые странные религиозные секты.

Тим в глубине души еще надеялся, что сотрудников электростанции не придется посвящать в историю Хьюго.

— В таком случае вам и ислам покажется странной религией, — быстро сказал он. — А секты… они используют один и тот же шаблон. «Примкни к нам — или съедим». Их лидеры собирают под свои знамена всех и каждого.

— Если станция перестанет функционировать, у них никогда не будет другой, — подал голос Прайс. — Они наверняка спятили.

О ком он говорил: о Новом Братстве или о Твердыне? Никто не спросил.

Бейкер внезапно поднялся.

— Ладно. У нас есть ружья и заметки доктора Форрестера. Тим, ступайте опробовать гидрокостюм. Возможно, удастся добыть то, что поможет нам в бою. И хотел бы я знать, сколько у нас осталось времени.

Полицейский взбирался по наклонной лестнице медленно, осторожно, держа на плече мешок с песком. У мужчины были русые волосы и квадратная челюсть, а форма изношена чуть ли не до дыр. Следом, тоже с мешком на плечах, лез

Ческу.

Балласт предназначался для укрепления баррикады, сооруженной на верхней площадке градирни. Радиоаппаратуру теперь защищала довольно прочная стена.

Полицейский обернулся и оказался лицом к лицу с Марком. Сложением он напоминал Ческу и был очень сердит.

— Мы не бросали свой город, — пробурчал он.

— Я вовсе не имел в виду ничего такого. — Парень с трудом подавил желание огрызнуться. — Я только сказал, что многие из нас…

— Я дежурил, — оборвал его коп. — Но по меньшей мере двое наших пялились в телевизор. Как и мэр. Я вот не смотрел. А узнал так — какая-то девушка кричала, что комета столкнулась с Землей. Я был на посту. Потом появился Аллен, загнал людей в лифты, мы спустились в подземный гараж. Там он разместил женщин и кое-кого из мужчин по многоместным легковушкам, нагруженным всяким барахлом. В сопровождении полицейских на мотоциклах мы двинулись в сторону Гриффин-парка.

— И вы не…

— Я ни о чем и понятия не имел, — ответил патрульный Уингейт. — Мы выехали в горы, и

мэр сказал нам, что комета вызвала некоторые разрушения, но здесь мы находимся в относительной безопасности, а затем мы вернемся в город и наведем порядок. Ох, приятель…

— Вы видели цунами?

— Господи… Ческу, какой там порядок? Туман да пена. А кое-какие здания почему-то не опрокинулись. Джонни Ким и Аллен орали друг на друга, а я стоял рядом, но не мог расслышать ни слова — гремел гром, сверкали молнии, все вокруг ревело. Джонни и мэр снова собрали нас, и мы погнали на север.

Мужчина умолк. Марк тоже уважительно хранил молчание. Они глядели, как прыгают на волнах четыре лодки — это удирал Лаумер вместе с рабочими, которые изъявили желание присоединиться к нему. Перед отбытием Робин пытался наложить лапы на некоторую часть имевшихся на АЭС припасов. Разразился жуткий скандал, но люди с ружьями — в том числе Ческу и полицейские мэра — отстояли свою точку зрения.

— Сан-Хоакин мы пересекли часа за четыре, — продолжил патрульный, — и, смею заверить, путь оказался нелегким. Мы включили сирены, но ехали по бездорожью столько же, сколько

по дороге. Одну машину пришлось бросить. Мы добрались сюда, когда вода поднялась выше осей, но дамба была крепкая. Мы разгрузили тачки и под дождем перетащили вещи за дамбу. Когда мы закончили, Прайс послал нас работать. Мы вкалывали как черти. Наутро вокруг нас разлился океан, ну а спустя, наверное, шесть часов, я наконец-то принял душ.

— Душ.

Патрульный дернулся.

— Что?

— Вы произнесли это так небрежно! Горячий душ. Да вы знаете, сколько… Ладно, забудем. Я имел в виду, что большинству из нас пришлось пуститься в бегство.

Коп наклонился к Ческу. Марк невольно уставился на его нос — узкий, с заметной горбинкой, классический римский нос.

— Нет! Мы просто собрались в нужном месте, чтобы, когда все кончится, можно было спокойно вернуться обратно… хотя… зачем? Ведь от Лос-Анджелеса ничего не осталось! Ничего, кроме атомной станции, но мэр говорит, что с формальной точки зрения она — часть Лос-Анджелеса. Никто не причинит АЭС никакого ущерба.

— Ну и славно.

Четыре лодки постепенно уменьшились. Несколько рабочих взобрались на дамбу посмотреть, как они уплывают — возможно, с завистью.

— Думаю, теперь они станут рыболовами, — заметил Марк.

— Наплевать, — ответил патрульный. — Пора за работу.

Хорри Джексон выключил мотор. Судно проплыло еще немного по инерции и остановилось.

— Насколько я понимаю, как раз сейчас под нами Васко, — сказал мужчина. — Если нет, ничего не могу поделать.

Тим взглянул на чернильно-черную воду и поежился. Гидрокостюм в общем-то был ему впору, но кое-где оказался широк, а в море наверняка чертовски холодно. Хамнер проверил дыхательную систему. Та работала. Баллоны были полные, что тоже производило впечатление. Если у механиков Сан-Хоакинской АЭС не оказывалось в наличии чего-либо, например клапана, они шли в мастерскую и изготавливали нужную деталь. Напоминание о другом мире, где ты вовсем не обязан обходиться тем, что случайно оказалось под рукой, где у тебя право кое-что решать.

— Я вот думаю… если на свободе оказались аквариумные золотые рыбки, то куда делись

пираньи? — пробормотал Тим.

— Для них здесь слишком низкая температура, — ответил Гиллкадди и рассмеялся.

— Ясно. Ладно, начинаем.

Хамнер вскарабкался на планширь, мгновение сидел там, балансируя, после чего спиной вперед скатился в воду.

Холод его ошеломил, однако вода оказалась не столь ледяной, как он ожидал. Тим помахал рукой оставшимся в лодке и нырнул для пробы. Он едва различал, что показывают укрепленные на запястье компас и глубиномер (еще одно из чудес, созданных людьми из штата АЭС, смастерили и откалибровали за пару часов).

Мужчина включил герметический фонарь. Луч обеспечил ему видимость не более десяти футов, скверную, словно вокруг разлито молоко.

А в Изумрудном заливе вода была прозрачная как стекло. Тогда он плыл сквозь заросли водорослей, похожие на джунгли, а мимо стремительно проносились разноцветные рыбки… Это было давнымдавно.

Он заработал ногами, чтобы спуститься в белесую тьму и достичь дна. До него оказалось шестьдесят футов. Тишину нарушали лишь бульканье регулятора и его собственное дыхание.

Впереди обрисовалось что-то неясное — чудовищное, горбатое. «Фольксваген», понял Хамнер в конце концов.

Заглядывать внутрь машины он не стал.

Теперь он находился как раз над дорогой. Миновал «Империал» — косяки рыб заплывали в разбитые окна и выплывали обратно. Зданий вокруг не было. Снова только автомобили…

Спустя минуту показалась бензоколонка, но до того, как ее затопило, она сгорела.

Хамнер задумался. Скоро придется выныривать.

Во мраке проступили прямоугольные силуэты — цивилизация. Видимость была отвратительная, чтобы выбирать. Тим ткнулся в одну дверь, в соседнюю — заперто. Заперто от моря…

Он поплыл дальше, и тут ему повезло: он наткнулся на разбитое окно. Внутри было пугающе темно, но Тим заставил себя проскользнуть в проем.

Он очутился в просторной комнате: так или иначе, но помещение *казалось* просторным. Белое облако сбоку от него оказалось полкой с книгами, бумага расползлась и превратилась в скопление разбухших частиц. Он поплыл прочь, и взвесь потянулась за ним.

Хамнер обнаружил прилавки и стеллажи, различные товары, сваленные на пол.

Тим присмотрелся. Повсюду валялись сокровища. Торшеры, камеры, радиоприемники, магнитофоны, трубки дневного света, телевизоры, капли для носа, аэрозольные баллончики с краской, игрушки, батарейки, аквариумы, мыло, мочалки, лампочки, соленый арахис в банках…

Изобилие *вещей*, но в основном безнадежно испорченных.

Дышать стало тяжело. Неужели запас кислорода на исходе? В панике Тим завертел головой в поисках товарища и запоздало сообразил, что, вопреки всем правилам, нырял в одиночку.

Его разобрал смех. Если хочешь заниматься дайвингом с напарником, одним комплектом снаряжения не обойдешься. Хамнер постарался успокоиться и потянулся за спину, к баллонам, кое-как вцепился в клапан регулятора и переключился на резерв. Теперь в его распоряжении имелось несколько секунд, и он использовал их для того, чтобы подхватить кое-что с пола, и запихнуть в мешок, прицепленный к поясу.

Он выплыл наружу и вынырнул на поверхность. Лодка находилась на изрядном расстоянии. Тим замахал рукой, привлекая внимание муж-

чин, и принялся ждать.

Через некоторое время его втащили на борт — сам он полностью выдохся.

— Нашли какие-нибудь продукты? — поинтересовался Джексон. — Кстати, мы вроде бы успели найти места с едой. Когда вернемся к Портервиллу, я вам их покажу. Вы за ней нырнете, и мы поделимся.

Хамнер почувствовал бесконечную печаль.

— Я был в супермаркете, — тихо сказал он.

— Сможете снова разыскать его?

— Наверное. Он сейчас прямо под нами.

Да, сегодня он отлично потрудился, но, по правде говоря, Тим не ощущал никакого прилива радости. Он донельзя вымотался, им владело ужасающее сознание утраты. Он обернулся к Джейсону. Пожалуй, лишь писатель мог понять его и разделить его чувства.

— Любой человек мог прийти туда и приобрести то, что ему было нужно, — произнес Тим. — Бритвы, носовые платки, калькуляторы. Книги. Думаю, если мы будем долго и упорно работать, возможно, некоторые из нас опять смогут покупать все это.

— Что вы доставили на поверхность? — встрепенулся Хорри.

— Супермаркет, значит, — проговорил Вейгли. — Вам удалось раздобыть что-нибудь из списка дока? Растворитель? Аммиак? Нечто подобное?

— Нет.

Хамнер протянул им мешок. Открыв его, внутри обнаружили бутылку с жидким мылом и игрушку. На ныряльщика посмотрели странно — все, кроме Гиллкадди, положившего руку Тиму на плечо.

— На сегодня хватит, — заметил он.

— Дайте мне полчаса, и снова нырну, — ответил Тим.

Джексон снова полез в мешок. Рыболовные крючки и леска. Запечатанная банка табака. Арахис: Хорри открыл банку и пустил ее по кругу. Хамнер взял горсть. Орехи… их вкус напоминал о вечеринке с коктейлями.

— Иногда после погружения с головой творится что-то несуразное, — вымолвил Тим и тотчас понял, что это не объяснение.

Ведь утерянный им мир лежал под водой и превращался в помои.

— Угощайтесь, — улыбнулся Гиллкадди. — Вам поможет.

Он вручил Хамнеру бутылку виски. Тот даже

не помнил, как ее подобрал. Один глоток — небо обожгло, вспыхнула ностальгия — и бутылка полетела далеко за борт. Там, у восточного горизонта, Хамнер вдруг увидел зловещие пятнышки: флотилия Нового Братства.

— Заводите мотор, Хорри, и поскорее, — встревожился Тим.

Двигатель заработал, и Хамнер балансируя, подался вперед и прищурил глаза. Он различил множество лодчонок и одну гораздо большего размера… баржу, на которой было что-то установлено.

— По-моему, у них орудийная платформа.

Расходный материал

Не их вина, что никто не объяснил им, что подлинное назначение армии – сражаться, а удел солдата (избежать которого удается лишь немногим) – страдать, а если понадобится, то и умирать.

Т. Р. Ференбах. Этот вид войны

Вид у Форрестера был умученный. Дэн сидел в инвалидном кресле, которое мэр Зейц раздобыл в местном санатории, и боролся со сном. Спасаясь от холода, ученый укутался: шерстяное одеяло, куртка с капюшоном, фланелевая рубашка и два свитера (один — на три размера больше, чем нужно, и его астрофизик надел задом наперед). Пожалуй, пуля крупного калибра застряла бы в стольких слоях одежды.

Сыроварня не отапливалась. Снаружи выл порывистый ветер, дующий со скоростью двадцать пять миль в час. На землю падал мокрый снег. Керосиновая лампа раскачивалась и отбрасывала яркий круг света, выхватывающий из полумрака

бетонную стену и фигуры людей.

Трое мужчин и две женщины по очереди вручную крутили бетономешалку. Остальные тоже трудились, что-то в нее насыпая. Две лопаты красного порошка, одна — алюминиевого. Строительная машина вращалась. Воду не добавляли. Когда порошки хорошенько перемешивались, готовое содержимое выгребали и рассортировывали по жестяным и стеклянным банкам (последние облепляли гипсом).

Вошла дочь сенатора. Стряхивая снег с волос, она, застыв на пороге, несколько секунд наблюдала, потом направилась к Форрестеру. Он не заметил ее, и Морин потрясла его за плечо:

— Дэн. Док…

Он поднял на нее остекленевший взгляд.

— Что?

— Вы хотите что-нибудь? Кофе? Чай?

Он поразмышлял над ее словами.

— Нет. Я такого не пью. Что-нибудь, содержащее сахар? Кока-колу? Или просто подслащенную воду. Горячую.

— Вы уверены?

— Да, пожалуйста.

«Мне необходим свежий инсулин, — подумал он, — а здесь не умеют его делать. Если мне дадут

свободное время, я сделаю его сам, но сперва…

— Но сперва нужно вернуть Твердыне блага цивилизации.

— Что?

— Я должен был знать, что вляпаюсь в войну, — добавил Дэн. — Я искал имущих. Неимущие по определению были где-то в других местах.

— Давайте я принесу вам сладкий чай, — сказала Морин и подошла к мужчине, который стоял возле бетономешалки: — Харви, папа ждет вас в особняке.

— Хорошо, — ответил Рэндолл. — Брэд, останься с доком. Постарайтесь…

— Знаю, — тотчас отозвался Вагонер. — По-моему, мистеру Форрестеру следовало бы поспать.

— Не могу. — Дэн находился достаточно далеко от них, чтобы они думали, что он их не слышит. Во всяком случае, выглядел он так, будто вот-вот умрет. А мертвые не слышат. — Мне нужно в соседний амбар. — И он привстал.

— Сидите! — закричал Вагонер. — Я отвезу вас.

Харви покинул сыроварню и поплелся следом за Морин. Ветер усилился, и он застегнул куртку. Некоторое время они шли молча.

— Думаю, говорить не о чем, — наконец произнес он.

Она покачала головой.

— Ты действительно любишь его?

Морин обернулась. Выражение ее лица было странным.

— Не пойму. А отец… он был бы не против. Какая гадость! Спаривание в политических целях! Папе нужен чин Джонни. И он уже склонен признать законность Колорадо-Спрингс.

— Странно ты формулируешь. Ну что ж, удобный выход из положения.

— Точно. Харв, я спала с Джонни задолго до того, как мы с тобой встретились, и вовсе не потому, что мне приказали.

— Да? — Он внезапно улыбнулся.

Увидев его улыбку, Морин удивилась, но Рэндолл не собирался упоминать о тираде Джорджа Кристофера. Нет.

— У меня есть шанс?

— Не спрашивай меня сейчас. Подождем возращения Джонни, ладно? Может, тогда все закончится.

И когда это произойдет? Харви выкинул пугающую мысль из головы. Слишком легко впасть в отчаяние. Сперва Падение Молота и гибель Лоретты. Кошмарная поездка, когда он, Рэндолл, мертвым грузом лежал на пассажирском сиденье,

свернувшись клубком и баюкал свое израненное эго. Тяжкая подготовка к зиме. Когда-то ледники уже побывали в Силвер-Вэлли, и каждый чертов камень здесь — напоминание о них.

Он едва не завыл, задрав голову к небу: разве всего этого мало? Зачем им новые напасти: людоеды и отравляющий газ для борьбы с ними? Может, хватит?

— Ты не сказала «нет», — произнес он вслух. — Буду надеяться.

Морин не ответила, что ободрило Харви.

— Я знаю, каково тебе сейчас, — добавил он.

— Неужто? — едко проговорила она. — Я — приз в соревновании. Мне всегда казалось, что это забавно — «бедная богатая девочка». Но вообще-то тут нет ничего смешного.

Они поднялись на крыльцо, вошли в особняк и направились в гостиную.

На полу комнаты сенатор и его помощник разостлали карты. Рядом стояла Эйлин с бумагами в руках — и с вечным списком Харди.

— У вас озябший вид, — промолвил Джеллисон. — В термосе что-то горячее. Я бы не назвал это пойло чаем.

— Спасибо. — Харви налил себе чашку.

У напитка был запах рутбира, а по вкусу он

напоминал самогон, зато, пригубив его, Рэндолл сразу согрелся.

— Есть прогресс? — спросил Эл.

— Некоторый. Термитные бомбы уже изготавливаются, но взрыватели — дело будущего. В амбаре Хэла готовится дьявольское варево, из которого, как утверждает док, получится горчичный газ. Но сколько продлится реакция, Форрестер сказать не может. Чтобы исключить несчастные случаи, он ведет процесс медленно.

— У нас времени в обрез, — заметил Артур.

Харви посмотрел на сенатора.

— Сэр?

— Час назад мы получили радиосообщение от Дика, — ответил тот. — Разобрать практически ничего не удалось. Элис взяла еще один трансивер, чтобы доставить его на вершину Черепаховой горы.

— Элис? — недоверчиво переспросил Рэндолл.

— Она на прямой между нами и Диком, — заявил Харди. — А радиосвязь в последнее время улучшилась. Должно получиться.

— Но — Элис? Ей же только двенадцать!

Эл холодно глянул на Харви:

— А кто еще, кроме нее, сумеет верхом на лошади добраться ночью к заснеженной вершине

горы?

Рэндолл хотел сказать, что такие люди ему известны, но, разумеется, промолчал. Если туда в темноте способен заехать опытный всадник, то именно на Элис и можно положиться. Однако нельзя посылать на гору маленькую девочку. Разве цивилизация существует не для того, чтобы обеспечить защиту таким, как Кокс?

— А пока, — продолжал Харди, — мы объявили тревогу. На всякий случай. Сейчас загружают боеприпасами ваш внедорожник.

— Но… что хотел сообщить Дик? — осведомился Харви.

— Трудно сказать, — устало ответил Джеллисон. Он выглядел таким же измученным, как и Форрестер, его лицо посерело, а голос звучал мрачно. — Вы же в курсе, что сегодня днем Новое Братство совершило нападение на атомную станцию?

— Нет! — Рэндолл с облегчением вздохнул.

АЭС располагалась в пятидесяти с лишним милях от Твердыни. Значит, людоеды отирались там, а не здесь. Биться с ними выпало Бейкеру. Харви захлестнуло чувство вины, и он стряхнул его — терзаться угрызениями в данный момент совершенно неуместно.

— Что у них случилось?

— Они приплыли к АЭС в лодках, — объяснил Эл. — Потребовали капитуляции, а когда мэр послал их к черту…

— Что? Погодите! Аллен?

Харди не стал скрывать раздражения, вызванного тем, что его перебили.

— Именно. Бентли Аллен стоит во главе Сан-Хоакинской АЭС. У нас есть информация, что Новое Братство отрядило для нападения около двухсот человек. Не слишком много для атаки, успеха они не добились, и других попыток не предпринимали.

Харви оглянулся на Морин. Она укладывала в рюкзак банку с медом, пакет с тростниковым сахаром и термос. Она уже знала о сражении на АЭС, но, судя по ее виду, никого из ее близких в схватке не убили.

— Потери? — спросил Рэндолл.

— Один человек из числа полицейских мэра. Трое ранены, не могу сказать, насколько тяжело. Из тех, кого мы послали туда на выручку, не пострадал никто.

— Гм… Хорошая новость. Я общался с Бентли, — произнес Харви. — Во время Падения Молота он дежурил в мэрии Лос-Анджелеса. Он способен вы-

путаться из любой заварушки и остаться целым и невредимым. А вот мы всегда считаем тех, кого нет в Твердыне, погибшими.

Эл, Морин и сенатор глядели на Рэндолла задумчиво и серьезно.

— Да… — продолжал он. — Итак, двести членов Нового Братства нападают на атомную станцию. И это означает… — Он погрузился в размышления, и вывод, к которому он пришел, ему не понравился. — Они решили, что захватить АЭС будет легко. И свои главные силы направили в какое-то другое место. Сюда? Конечно. Ударить прежде, чем мы успеем подготовиться.

Харди кивнул и сжал губы — это была не усмешка, а отвращение к себе.

— Мы сделали все, что было в наших силах.

— Руководил я, — произнес Джеллисон.

— Да, сэр. Но мне следовало сообразить. Мы были чрезмерно заняты, пытаясь подготовиться к зиме. И забыли про оборону.

— Но мы построили укрепления, — возразил Рэндолл. — Да и кто ожидал, что армия людоедов объявится в долине?

— Почему мне это не пришло в голову раньше?! — воскликнул Эл. — А теперь получается, что я сидел сложа руки, и все будут расплачи-

ваться за мои ошибки.

— Послушайте, — перебил его Харви. — Если б вы не заставили нас вкалывать ради хлеба насущного, здесь бы попросту нечего было защищать. Не нужно…

Приемник ожил. Из него донесся голос Элис Кокс — чистый, звонкий, юный и испуганный, но можно было без труда разобрать каждое слово.

— Сенатор, это Элис.

— Продолжай, — произнесла в микрофон Эйлин.

— Мистер Уилсон сообщает, что на них наседают. Нападающих много. Сотни. Мистер Уилсон говорит, что ему их не сдержать. Он сообщает, что начал отступление и просит указаний.

— Твою мать! — выругался Харви.

— Инструкции поступят через пять минут, — вымолвил сенатор.

Эйлин кивнула.

— Элис, они могут подождать пять минут?

— Наверное. Я передам мистеру Уилсону.

— А вы вроде бы даже не удивлены, — заметил Харви.

Эл отвернулся. Джеллисон ответил продуманно и осторожно:

— Я просто надеялся, что Новое Братство подо-

ждет, пока истечет срок их ультиматума… однако меня вовсе не озадачивает тот факт, что у них не хватило терпения.

— И что нам делать? — спросил Рэндолл.

Харди склонился над картой.

— Минуту… Итак, я отправил кое-кого из наших рыть окопы и траншеи вот в этих горах. — Эл показал на карандашные линии, виднеющиеся на листе бумаги. — Шеф Хартман и его ребята трудятся здесь — уже вторые сутки напролет. Джордж Кристофер вернется не раньше чем через три дня. Он приведет подкрепление, но рассчитывать на это не стоит. Люди Хартмана очень устали, поэтому вряд ли они успеют справиться с задачей вовремя. А работа над созданием супероружия пока продвигается медленно.

— Вы правы. Он считает, что мы увидим результат через неделю, — подтвердил Харви.

— Которой у нас нет, — произнес Джеллисон.

Эл посмотрел на Рэндолла.

— Послушайте, вам не пришлось, как людям Хартмана, рыть землю. Кто-то должен попытаться выиграть для нас время.

Харви ожидал этого.

— Вы имеете в виду меня.

Морин застыла с рюкзаком в руках. Она при-

открыла дверь, но не вышла и просто стояла на пороге.

— Мне надо платить по счетам, — пробормотал Рэндолл.

— Примерно так, — ответил сенатор и покосился на свою дочь. — То, что происходит здесь, важно?

Она кивнула.

— Поговори с ним. У него еще есть около часа, — сказал Джеллисон.

— Спасибо. — Морин распахнула дверь. — Будь осторожен, Харви. Пожалуйста.

И она покинула гостиную.

— У вас будет команда, — деловито произнес Харди. Похоже, он вновь обрел душевное равновесие.

Рэндоллу подумалось, что встревоженный Эл нравится ему куда больше.

— Хотя люди, которые пойдут с вами… далеко не самые выносливые из тех, кто имеется в нашем распоряжении. Это дети.

— Расходный материал, — проворчал Харви, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Если на то будет необходимость, — ответил помощник сенатора.

«Хуже всего, что такой подход разумен, — про-

неслось у Рэндолла в голове, — нет смысла ради выигрыша времени посылать на смерть лучших людей. Пусть хорошие солдаты окапываются, а выслать вперед необходимо тех, кем можно пожертвовать. И мной в том числе».

— Мы не ожидаем от вас чудес, но ответственность на вас — большая, — изрек Джеллисон.

— Угу, — промычал Харви.

— Возьмите внедорожник, — проговорил Эл. — Радио в него уже погрузили. Берите снаряжение: столько, сколько поместится, и отправляйтесь в путь. Сделайте так, чтобы у нас было если не два-три дня, то хотя бы несколько часов. Как сказал сенатор, мы не ожидаем от вас чудес. Люди Дика будут отступать с боем. Они готовы взрывать мосты и сжигать все, что удастся. Езжайте им навстречу. Прихватите бензопилы, лебедку, динамит. Сделайте дорогу непроезжей.

— Пусть они смогут передвигаться только пешком, — добавил Джеллисон. — Разрушайте! Одним этим вы уже выиграете для нас сутки, а то и больше.

— Сколько времени надо продержаться? — уточнил Харви.

Дыхание перехватывало, но он старался это скрывать. «На то, чтобы собраться с духом, тоже

требуется время, — думал он, зато в панику можно впасть уже сейчас».

Артур рассмеялся:

— Я не могу приказать вам держаться до тех пор, пока вас не убьют. Я бы отдал такую команду, если бы считал, что вы… Впрочем, неважно. Дайте ребятам Дика пройти и возвращайтесь сюда, но не спешите. У вас есть идея получше?

Рэндолл отрицательно помотал головой. Он устал придумывать что-нибудь «получше».

— Вы это сделаете? — резко спросил Эл, будто пытаясь уличить Харви во лжи.

Подобный тон дьявольски раздражал, и Рэндолл огрызнулся:

— Да.

— Молодец, — подытожил Харди. — Эйлин, радиосообщение для Дика: операция «Выжженная земля» начинается.

В группу Рэндолла входили: дюжина мальчиков (самому старшему — семнадцать), две девушки-подростка. И Мари Вэнс.

— А вы что тут делаете? — рявкнул он.

Женщина пожала плечами.

— Сейчас повариха Твердыне не нужна.

Она была одета по-походному: ботинки, шапка с наушниками, несколько слоев одежды под курт-

кой, состоящей, казалось, сплошь из карманов. В руках Мари держала винтовку с телескопическим прицелом.

— Я охотилась на лис. И я неплохо вожу машину.

Харви оглядел остальных, назначенных в его отряд, и постарался скрыть разочарование. Он знал лишь некоторых. Томми Толлифсену, семнадцатилетнему парнишке, предстояло быть его заместителем.

А какое положение в группе займет Мари, Рэндолл и вообразить себе не мог.

— Томми, будешь за рулем.

— Есть, сэр. Со мной — Барбара Энн. Если не возражаете. — И парень показал на девчушку лет пятнадцати.

— Не возражаю, — ответил Харви. — Ладно, по местам, — он поднялся по ступеням на веранду. — Господи, Эл, они же дети!

Во взгляде Харди смешивались легкое разочарование и неудовольствие. «Ты мешаешь выполнению моих планов». Или «не гони волну».

— Они — все, чем мы располагаем. Поймите, это дети фермеров. Они умеют стрелять, и многие имели дело с динамитом. Они не заблудятся в

окрестностях. Не надо их недооценивать.

Харви вздохнул.

— И, наконец, — продолжал Харди, — если победит Новое Братство, они точно так же погибнут. То же касается и Мари. И вас. И меня. И вас не в сражение посылают!

— С четырьмя ружьями — нет.

— Больше мы выдать не можем. Отправляйтесь-ка и делайте что поручено. Не теряйте ни минуты.

Рэндолл кивнул и спустился во двор.

Может, дети фермеров — какие-то особые. Хорошо бы в это поверить… поскольку во Вьетнаме он видел кучу городских ребят, чуть-чуть постарше этих. Их выпустили из тренировочных лагерей. Они не умели сражаться и жутко боялись. Харви снял о них сериал, но высшие армейские чины наложили на него запрет.

«Значит, нас не в сражение посылают. И, вероятно, все обойдется. Надо на это надеяться».

В городе сделали остановку. Заполнили грузовик и багажник внедорожника припасами. Динамит. Пилы. Бензин. Кирки и лопаты. Пятьдесят галлонов отработанного машинного масла — еле втащили. Когда все было погружено, Харви приказал Мари сесть за руль. Сам он устроился на

заднем сиденье: на переднем разместился один из местных ребят с картой. Машины покатили по шоссе, ведущему из долины.

Рэндолл попытался разговорить ребят, ему хотелось узнать их получше, но подростки помалкивали. Они вежливо отвечали на вопросы и сидели, погруженные в собственные думы. Спустя некоторые время Харви откинулся на спинку сиденья и попытался расслабиться. Но это вызвало мрачное воспоминание о том, как Вэнс управляла внедорожником в прошлый раз, и он сразу же выпрямился.

Автомобили выехали из долины. Харви почувствовал себя голым, беззащитным. Чтобы добраться сюда, им с Марком, Джоанной и Мари пришлось запастись терпением.

Он гадал, о чем думают ребята. И девочка, Мэри Лу (Харви забыл ее фамилию). Ее отец был городским аптекарем, но фармацевтика ее явно не интересовала. Она таращилась на мальчика, с которым сидела рядом. Рэндолл вспомнил его имя. Билл.

Итак, Билл и Мэри Лу ухитрились получить государственную стипендию в университете Санта-Крус. Остальные ребята считали их странными: зачем им приспичило учиться в

колледже.

Мари выехала на кряж, уходящий из долины. Харви никогда не бывал здесь прежде. На гребне мигали огоньки: люди шефа Хартмана окапывались, несмотря на поздний час и порывистый холодный ветер. Заставу по ту сторону гребня охранял один-единственный человек, съежившийся в крохотном укрытии.

Через несколько минут они миновали заставу.

Рэндолл задумался. Теперь они здесь — на территории, где царил вселенский хаос, порожденный Падением Молота. Мужчине стало страшно. Харви сидел тихо, стараясь не закричать на Мари, чтобы она вернулась в безопасную Твердыню. Ему хотелось знать, ощущают ли остальные то же самое. Лучше не спрашивать. «Пусть каждый из нас считает, что другой не боится, тогда никто не обратится в бегство».

Они продолжали ехать вперед.

Местами путь сильно размыло, но машина объезжала разрушенные участки. Харви отмечал в памяти те места, где дорогу будет легко перекрыть, и указывал на них остальным. Шел снег с дождем, за окнами чернела густая тьма, и Рэндолл мало что видел. Наверное, они уже добрались до соседней долины. К югу лежали

горы, гораздо более низкие, чем те, что окружали Твердыню.

Вот оно, будущее поле битвы. Харви различил внизу рукав реки Тул — главную линию обороны Твердыни. За ним раскинулись дикие земли, которые Рэндолл не стал бы даже пытаться удержать. Через пару дней (а может, и часов) тут разразится сражение.

Харви попытался представить себе схватку. Оглушительный грохот мортир, треск автоматных очередей и винтовочных выстрелов, взрывы динамита, вопли и стоны умирающих. Тут не будет спасательных вертолетов и полевых госпиталей. Во Вьетнаме раненым оказывали первую медицинскую помощь быстрее, чем гражданским, оставшимся дома.

Здесь они обречены на риск.

«*Они?* Не они, — подумал Харви, — А *я*. Кто там сказал: «Разумная армия обращается в бегство?» Кто-то. Но куда бежать?»

В Сьерру. К Горди и Энди.

«Разыщи сына. Долг мужчины — быть со своими детьми… Прекрати! Веди себя как подобает мужчине», — приказал себе Харви.

«Вести себя как подобает мужчине — это спокойно ехать в машине на верную смерть? Да.

Иногда. Сейчас. Думай о чем-нибудь другом. Морин. Есть ли у меня шансы?»

Размышления на данную тему особой радости не принесли. Он не понимал, почему его так волнует Морин. Он ее едва знал. Казалось, целую вечность назад они провели в горах полдня, а затем любили друг друга. С тех пор им еще трижды выпадало заниматься любовью — украдкой. Не так уж и много, чтобы не мыслить без нее свою дальнейшую жизнь. Может, он тянется к ней потому, что она — обещание безопасности, силы, власти? Вряд ли… он знал, что дело не только в этом, но, если рассуждать объективно, других причин не находил. Верность? Кому? Женщине, чьим любовником он оказался?

А сродни ли такая верность той верности, которую он прежде хранил по отношению к Лоретте?

Харви не мог сказать.

Во мраке горели редкие огни: светились окна домов, еще не покинутых обитателями и расположенных на будущем поле битвы. За местных жителей Рэндолл не отвечал. Предполагалось, что они в курсе. В молчании группа выехала к южному рукаву Тул и пересекла его. Пути назад не было. Они очутились за линиями обороны Твердыни. И помощи ждать неоткуда. Харви ощу-

тил напряжение, охватившее его товарищей, и почему-то приободрился. Каждый из них боялся, но никто не говорил о своем страхе вслух.

Машина повернула к югу и перевалила через кряж к следующей долине. Земля слева и справа оказалась ровной и гладкой. Харви приказал притормозить и установить самодельные мины: банки с динамитом со взрывателями, а поверх него — гвозди и битое стекло, а еще — ружейные патроны, а над каждым — присыпанная землей доска с торчащим из нее гвоздем.

Мари недоумевала.

— Как вы заставите их пройти здесь? — спросила она.

— Поэтому-то мы и привезли машинное масло. — Рэндолл с ребятами откатили бочку на обочину. — Когда будем проезжать мимо, выстрелами пробьем в ней дыры. Тут будет кое-что похуже ледяного катка.

Затем маршрут стал однообразным. Долина. Гребень. Долина. Дорога петляла, пересекая седловины. Теперь почва была неровная и волнистая. В десяти милях от Твердыни они обнаружили грузовик с людьми Дика Уилсона. Он оказался забит женщинами, детьми, ранеными и домашним скарбом. К верху и к бортам автомобиля

были привязаны корзины с прочим «добром»: кастрюлями, сковородками, бесполезной мебелью, драгоценной едой, бесценными удобрениями и боеприпасами. Кузов был покрыт брезентом, под которым теснились люди.

Рэндолл взглянул на вещи. Простыни и шерстяные одеяла. Птичья клетка без птицы. Жалкие пожитки — но ничего, кроме этого, у беглецов уже не было.

Через пару миль им повстречалось еще несколько грузовиков, потом две легковушки. Водитель последней понятия не имел, есть ли где-нибудь еще другие машины.

Внедорожник пересек широкую реку. Харви опять велел остановиться и установить динамитные заряды. Местонахождение взрывателей отмечали крупными камнями, поэтому любой из группы мог без труда разыскать мины и взорвать мост.

Когда небо на востоке приобрело красно-серый оттенок, машина выехала на последний гребень, за которым начинались низкие пологие холмы — владения Уилсона. Внедорожник продвигался вперед с осторожностью: все понимали, что разведчики Нового Братства могли затаиться поблизости…

Однако никто не встал на пути внедорожника.

Томми затормозил. Они прислушались. Вдали стрекотали редкие выстрелы.

— Ладно, — сказал Харви. — За работу.

Они валили деревья и сооружали лабиринт из бревен. Машина могла бы преодолеть препятствие, но медленно, часто останавливаясь, чтобы сдать назад и развернуться. Группа подготовила динамитные бомбы и разместила их в подходящих точках, чтобы швырять сверху на дорогу. Потом Рэндолл послал половину своего отряда на фланги, а остальных отправил вниз по холму. Подростки подпиливали стволы, чтобы впоследствии, когда нужно, их было бы легко свалить. Ушедшие на фланги и Харви слышали визг пил, а иногда и резкое «бах!» взорванной половины динамитной шашки.

Небо над Высокой Сьеррой стало ярко-красным. Вернулись те, кто валил деревья.

— Спилить еще несколько да взорвать заряды — и перекроем вообще все, — доложил Билл.

— Думаю, лучше сделать это сейчас, — добавил кто-то.

Билл оглянулся и произнес:

— Надо дождаться машины мистера Уилсона.

— Верно, — согласилась Мари. — Будет ужасно,

если мы перегородим дорогу своим.

— Разумеется, — проговорил Рэндолл. — Если Братство появится раньше Дика, лабиринт их остановит. Давайте передохнем.

— Стрельба стала ближе, — заметил один из мальчиков.

Харви кивнул.

— Похоже на то. Но наверняка сказать трудно.

— По мусульманскому определению уже рассвело, — добавила Мари. — Рассвет — это когда можешь отличить белую нитку от черной. Так говорится в Коране. — Женщина помолчала. — Кто-то едет. Грузовики.

Харви достал свисток, приложил его к губам. Воздух огласил резкий сигнал.

Потом Рэндолл крикнул находившимся поблизости ребятам, чтобы те рассредоточились. На дороге никого не осталось. Они ждали, а шум мотора усиливался. Машина выехала из-за поворота. Завизжали тормоза, и она остановилась почти вплотную к первому поваленному дереву. Грузовик оказался большущим. В сером сумраке утра он выделялся неясным силуэтом.

— Кто вы? — крикнул Харви.

— А вы кто?

— Вылезайте. Покажитесь.

Кто-то выпрыгнул и встал на дороге.

— Мы — люди Уилсона! А вы?

— Мы из Твердыни!

Рэндолл направился к грузовику. Какой-то паренек обогнал его, подошел к кабине и заглянул. И попятился.

— Это не…

Закончить он не успел. Затрещали пистолетные выстрелы, и мальчик упал. Что-то тяжело ударило Харви в левое плечо, и мужчина упал на спину. Загремели новые выстрелы. Из кузова выпрыгивали люди.

Вэнс выстрелила первой. Тогда открыли огонь с обочин и со скал, нависающих над дорогой. Харви пытался разыскать винтовку. Он выронил ее, и теперь, царапая землю ногтями, никак не мог ее нащупать.

— Ложись! — завопил кто-то.

Нечто шипящее, плюющееся искрами, шлепнулось прямо перед грузовиком и закатилось под него. Целую вечность ничего не происходило, лишь гремели выстрелы. Наконец динамит прорвало. Машину тряхнуло, запахло гарью. Внезапно грузовик взорвался, скрывшись в столбе пламени.

Бензин расплескался, и огонь заплясал совсем

рядом с лицом Харви. Он увидел в пламени людей — мужчины и женщины метались и кричали.

Выстрелы продолжались.

— Прекратите стрелять! Вы попусту тратите патроны! — к пылающей машине бежала Мари. — Стойте!

Выстрелы смолкли. Не было слышно ничего — лишь треск огня.

Харви отыскал свою винтовку. В левом плече пульсировала боль, Рэндолл пересилил себя и взглянул, ожидая увидеть кровавую дыру. Но даже намека на рану не обнаружил. Он ощупал мышцы — больно. Мужчина расстегнул куртку, рубашку и уставился на крупный синяк. «Рикошет, — догадался он, — пуля не сумела пробить толстую ткань».

Харви встал и поплелся по дороге.

Девочка, Мэри Лу, пыталась подойти ближе к огню, а двое ребят не пускали ее. Она ничего не говорила, просто молча вырывалась, неотрывно глядя на горящий грузовик и трупы возле него.

— Он упал на землю уже мертвый! — выкрикнул один из парней. — Ты ничего не сможешь сделать!

Подростки, казалось, мало что понимали, насмотревшись на пламя и мертвых.

— Кто? — спросил Рэндолл и показал на мертвого мальчика, лежавшего ничком неподалеку от грузовика.

Его спина обуглилась.

— Билл Даммери, — ответил Томми Толлифсен. — Разве не надо… Что теперь, сэр?

— Вы знаете, где Билл установил свои заряды?

— Да.

— Пора их взрывать. — Они взобрались на склон.

Уже почти рассвело. Сто ярдов, двести. Они отыскали нужную скалу. Томми ткнул куда-то пальцем. Харви нагнулся, собираясь поджечь запальный шнур, но парень схватил его за плечо.

— Еще одна машина, — произнес он.

— Ах, черт! — Рэндолл склонился над запалом.

Томми стиснул челюсти.

Харви выпрямился.

— Солнце взойдет раньше, чем они подъедут. Вернись и предупреди ребят. А горящая тачка любого остановит. Только не приближайтесь к очередной машине до тех пор, пока *точно* не выясните, кто в ней.

— Хорошо.

Харви ждал, проклиная себя, а в придачу — Дика Уилсона, Новое Братство, Билла Даммери с его

стипендией и девочку по имени Мэри Лу.

«Моя вина, моя вина», — повторял он.

На холм въехал грузовик, набитый людьми. Никакого домашнего скарба. В багажнике на крыше кабины, кутаясь от ветра в объемистые дождевики, сидели двое детей. Автомобиль приближался, и Харви узнал мужика, стоявшего в кузове. То был один из фермеров, приходивших с Уилсоном в Твердыню. Звали его вроде бы Виндж.

В грузовике находились женщины, дети и мужчины в окровавленных повязках. Некоторые неподвижно лежали. Перегруженная машина с натужным ревом ползла вверх по склону. Рэндолл подождал, пока она пройдет мимо, поджег бикфордов шнур. И пошел за грузовиком. Тот прибавил скорость. За спиной взорвался динамит, но валун на дорогу не скатился.

Перед лабиринтом из бревен автомобиль затормозил. Сомнений ни у кого не возникло: ребята вылезли из укрытий. Виндж соскочил на землю. Вид у него был измученный, но ни ран, ни повязок Харви не заметил.

— Зачем вы все заблокировали! — заорал Виндж.

— Заткнись, мать твою! — в ярости завизжал Рэндолл.

Он отчаянно старался взять себя в руки. Ведь грузовик набит ранеными, женщинами и детьми, и все они еле живы от изнеможения. Харви затряс головой. Его захлестывали обида, негодование и жалость.

— Гоните сюда внедорожник! — крикнул он Мари. — Чтобы расчистить им путь, нужна лебедка.

Чтобы машина могла проехать, пришлось распилить два бревна и выкатить их на обочину. Ребята потратили на это полчаса. Тем временем Харви послал Томми Толлифсена вниз, попытаться снова обрушить скалу. При таком расходе динамита его запасы иссякнут очень скоро, а надо еще перекрыть много миль дороги. На сей раз скала обрушилась. Появилось грозное препятствие, объехать которое будет нелегко.

Подростки, орудуя пилами, дополнительно заваливали дорогу деревьями.

— Очистили! — отрапортовал один из мальчиков. — Готово!

Виндж побрел к грузовику. В кабине теснились четверо. За рулем сидел подросток лет четырнадцати. Он с трудом дотягивался до педалей.

— Позаботься о матери! — крикнул фермер.

— Ладно! — ответил паренек.

— Давай, — проговорил мужчина. — И… — Он

покачал головой. — Просто поезжай.

— До свидания, папа!

Машина поползла прочь.

Фермер вернулся к Рэндоллу.

— Джейкоб Виндж, — представился он. — Я помогу. Оттуда никто из наших уже не приедет.

Звуки сражения усилились. Харви глядел на холмы, тянущиеся к морю Сан-Хоакин. Столбы дыма отмечали горящие дома местных жителей. Непрерывно трещали выстрелы — словно жарилась кукуруза. Странно было осознавать, что неподалеку от них гибнут люди — и не видеть поле битвы.

— Кто-то бежит! — завопил один из мальчиков.

Они хлынули из-за вершины холма в полумиле от Харви. Они двигались неуклюже и хаотично и лишь у немногих в руках было оружие.

«Спасаются, объятые ужасом», — подумал он.

Это не отступление, а натуральное бегство! Люди ринулись с холма в долину, к холму, который удерживали люди Рэндолла.

На соседний кряж выехал грузовик-пикап. Затормозил, из него стали выскакивать люди. Харви ошалело озирался по сторонам.

Еще люди, пешие! Они подобрались так неза-

метно и осторожно, что Рэндолл их не заметил. Они объясняли что-то знаками тем, кто оставался в грузовике, и мужчина в кузове встал и оперся на кабину. Затем поднес к глазам бинокль. Окуляры были направлены прямо на беглецов, мчавшихся по склону холма к Харви: на мгновение задержались на них, а затем нацелились на дорогу. Наблюдатель тщательно осмотрел каждое из сооруженных препятствий.

Враг обрел лицо. И увидел Рэндолла. Пусть так.

Меньше чем за пять минут долину и кряж заполонили вооруженные люди. Они продвигались вперед. Рассредоточившись на полмили в каждую сторону, они приближались.

Беглецы, спотыкаясь, продолжали карабкаться вверх по склону, к Харви, к грузовикам и мимо них. Дышали они так, будто у всех внезапно началась пневмония. Они были безоружны и явно давно впали в панику.

— Стойте! — взревел Рэндолл. — Сражайтесь! Помогайте нам!

Они ничего не слышали. Один из ребят Харви встал, поглядел на неумолимо приближающуюся цепь врага и кинулся следом за спасавшимися.

Рэндолл громогласно потребовал от него остановиться, но мальчик даже не оглянулся.

— Я бы тоже с удовольствием задал стрекача, — признался Виндж.

— И я.

План рушился на глазах. Новое Братство не собиралось, перевалив через гребень, заняться очисткой дороги. Вместо этого вражеские бойцы развернулись цепью, а у Харви не хватало людей, чтобы удерживать кряж. Он надеялся задержать противника подольше, но шансов уже не было. Если сейчас быстро не отступить, его отряд попадет в окружение.

— Что мы и сделаем. — Харви приложил свисток к губам и побежал к машинам.

Подросткам и Мари можно было ничего не объяснять.

Рэндолл махнул рукой, показывая своим ребятам на грузовик и внедорожник. Джейкоб занял место Билла.

Неожиданно для себя Рэндолл заколебался.

— Надо бы попытаться. Хоть несколько выстрелов…

— Ничего хорошего не выйдет, — перебила Вэнс. — Слишком много прикрытий, а они не особо высовываются. Мы окажемся в ловушке, не причинив им вреда.

— Почему вы настолько хорошо разбираетесь

в военном деле? — спросил Харви, залезая во внедорожник.

— Смотрела фильмы. Пора убираться отсюда!

— Ладно. — Харви развернул машину и покатил вниз с холма, в соседнюю долину.

Тем временем грузовик затормозил, давая возможность беглецам забраться в кузов.

— Бедняги! — вырвалось у Мари.

— Мы дрались с ними целый день, — сказал Виндж, — но остановить не смогли. Они разворачиваются цепью, заходят с флангов и в тыл — и ты погиб. В общем, приходится удирать. Беспрерывно. Через некоторое время это входит в привычку.

— Ясно.

«Привычка или не привычка, — подумал Харви, — но вы бежали как кролики, а не как мужчины».

Дорога вела к реке, вздувшейся от дождей, вызванных Падением Молота. Низменности покрывал глубокий слой грязи. Харви пересек мост, остановился и вылез, чтобы поджечь шнуры заранее установленных динамитных зарядов.

— Вот они! — завопил один из мальчиков.

Рэндолл посмотрел на гребень холма. С сотню, а то и больше вооруженных врагов перемахнули

через вершину и теперь мчались вниз по склону. Звучало стаккато выстрелов, рядом с Харви зашуршала трава.

— Быстрее! — закричал Джейкоб. — Они стреляют в нас!

От гребня их отделяла почти миля, но звуки были знакомы Рэндоллу по Вьетнаму: тяжелый пулемет. Вскоре внедорожник окажется на дистанции огня, и тогда конец.

Мужчина чиркнул зажигалкой и в душе возблагодарил ее, когда огонек зажегся с первой попытки, хотя внутри плескалась не специальная жидкость, а обычный бензин. Запальный шнур занялся, затрещал, и Харви побежал к внедорожнику. Мари скользнула на водительское сиденье и вцепилась в руль.

Рэндолл догнал машину, несколько рук подхватили его и втащили внутрь.

Снова затрещали выстрелы: тра-та-та! Что-то просвистело возле самого уха Харви.

— Проклятие! — воскликнул он.

— Стреляют они здорово, — буркнул Виндж.

Динамит взорвался, и мост превратился в руины. Но — не совсем. Осталась часть пролета, полоса по всей длине, достаточно широкая, чтобы перебраться через реку. На ремонт ушло бы не

слишком много времени, но Харви не собирался возвращаться обратно.

Внедорожник подъехал к вершине следующего холма, и они вылезли, чтобы высмотреть деревья, которые можно спилить, скалы, под которые можно подложить динамит, — что угодно.

Армия Нового Братства занимала долину, в большинстве своем — пешие, некоторые на мотоциклах. Они подступили к разрушенному мосту: кое-кто пустился вплавь или вброд. Остальные рассыпались вдоль берега и даже нашли переправы. Спустя пять минут через реку перебралась сотня солдат.

Противник неумолимо преследовал отряд Харви.

— Господи, это все равно что смотреть на прилив! — проговорил Рэндолл.

Виндж ничего не ответил. Он продолжал копать под скалой, чтобы заложить динамитный заряд. Прямо над ними на дорогу с треском обрушился ствол. Ребята, спилившие его, занялись соседним деревом.

Впереди, в долине, раздался рев моторов. Два байка виртуозно ехали по уцелевшему участку моста. За ними показались еще мотоциклы — все они неслись к позициям Харви.

Вэнс скинула винтовку с плеча и обмотала ремень вокруг своей левой руки.

— Продолжайте копать! — заорала она.

Мари присела, положила винтовку на валун и прищурилась, глядя в оптический прицел. Выждав, пока мотоциклы не оказались в четверти мили от нее, она выстрелила. Ничего не произошло. Женщина передернула затвор и снова прицелилась.

Только после третьего выстрела передний мотоцикл завилял и съехал в придорожную канаву. Другой тут же съехал на обочину: его владелец слез с байка и бросился наутек. Другие мотоциклисты последовали примеру напарника и тоже разбежались в разные стороны в поисках укрытия.

Тем временем наступающие пешие неуклонно приближалась, Мари продолжала стрелять, пытаясь остановить продвижение врага.

Наступление цепи замедлилось. Атакующие рассредоточивались веером достаточно далеко от тех точек, какие Харви мог оборонять.

— Заканчивайте! — закричал Рэндолл. — Пора убираться отсюда!

Спорить никто не стал. Виндж заложил две динамитные шашки в вырытое под скалой углуб-

ление и присыпал их землей.

— Смотрите! — в ужасе закричала напарница Томми — Барбара Энн.

Она показывала на холм на противоположном берегу, туда, где утром, в рассветные часы, перекрыли дорогу завалом.

На вершине холма появился грузовик. Он перевалил через гребень и помчался вниз. За ним — еще один. И еще. Машины подъехали к разрушенному мосту. Из кузовов, скатывая балки и стальные листы, выскакивали люди.

А с холма катили все новые грузовики.

Харви взглянул на часы. Отряду удалось замедлить продвижение армии противника ровно на тридцать восемь минут.

Долина смерти

Боженька, что ж Ты не хочешь
услышать меня,
А полковник кричит: «Вставай»,
И давит нас ураган огня
И я встаю, свою жизнь кляня,
И дальше иду… в рай…

«Отход-буги» (запрещенная армейская песня, США)

Получалось без конца одно и то же. Какие бы препятствия ни создавала группа Харви, Новое Братство быстро их преодолевало. На это уходило никак не больше времени, чем на действия группы Рэндолла. Если бы его отряд мог активно оборонять баррикады, продвижение врага удалось бы существенно замедлить, но такой возможности у людей попросту не было.

Армия на грузовиках перебрасывала своих солдат как можно дальше в глубь занимаемой территории. Затем стрелки рассредоточивались цепью и заходили с флангов, угрожая окружить

отряд Харви.

И снова и снова приходилось отступать.

Кроме того, враг использовал новый тактический прием: на одном из грузовиков установили тяжелые пулеметы. Машина выезжала вперед, и стрелки, оставаясь вне досягаемости винтовочных выстрелов, обстреливали ребят Рэндолла, поэтому работы по разрушению дороги продвигались плохо.

Харви даже не мог отстреливаться. Противник превратился в сонм безликих духов, которым нельзя было причинить вреда. Пехота Братства продолжала наступать, обходя защитников Твердыни, постоянно стараясь прорваться во фланги и тыл. Началась война на расстоянии, пока еще с небольшими потерями.

Новое Братство безостановочно продвигалось вперед. К полудню Твердыню будет отделять от врага лишь дюжина миль.

Делай, что успеешь, и удирай. Это превращалось в привычку.

Уже не раз Харви одолевало искушение бежать без остановки до самой Твердыни, и пропади пропадом все эти препятствия! Мозг Рэндолла выискивал множество вполне убедительных оправданий.

— Их ничем не остановишь! — крикнул Томми Толлифсен.

Отряд отступил к очередной гряде холмов. Солдаты Нового Братства убирали со своего пути поваленные деревья, засыпали ямы, ремонтировали дорогу — теперь даже быстрее, чем отряд Харви разрушал ее.

Согласно карте, долина называлась Ненасытной. Что ж, вполне подходящее название для представления.

— Нужно попытаться, — ответил Рэндолл.

Толлифсен с сомнением посмотрел на него. Харви знал, о чем тот думает. Они чудовищно устали и потеряли пятерых: одного настигла пуля, когда они пилили дерево, а четверо куда-то пропали. Никто не представлял, что с ними — сбежали, сдались в плен или лежат раненые где-то неподалеку.

В машинах их не оказалось, но искать было некогда — противник наступал.

Итак, бегство превращалось в привычку. Разве могут восемь изможденных людей остановить орду, катящуюся вперед, подобно приливной волне?

— Через пару часов стемнеет, — заметил Харви. — Тогда и отдохнем.

— Неужели? — фыркнул Толлифсен и принялся окапывать большой камень, лежащий над дорогой.

Ребята уже захлестывали валун тросом лебедки. Тратить динамит на каждый обломок скалы нельзя: взрывчатка теперь была на вес золота.

За час до заката отряд выдавили из Ненасытной долины. Они пересекли Оленью реку, задерживаясь только для того, чтобы поджечь запальные шнуры у установленных там динамитных зарядов.

Когда взобрались на холм, навстречу им высыпали люди.

Рэндолл не сразу понял, что они наткнулись на своих. Стив Кокс, а с ним почти сотня вооруженных фермеров, посланных Твердыней удержать цепь холмов. До сих пор защитники владений сенатора только и делали, что удирали. Пора бы уже дать бой.

Кокс расставил своих людей вдоль холмов, и они начали окапываться. Харви и остатки его отряд действительно могли отдохнуть. Их угостили ужином (холодным) и дали термос с горячим чаем.

— Мы валимся с ног, — признался Рэндолл. — Стив, помощи от нас не будет.

Кокс пожал плечами.

— Ну и ладно. Отсыпайтесь. Мы их задержим.

«Дурак, — едва не вырвалось у Харви, — их тысяча, а вас сотня. Они неотвратимы, как смерть. Они, как тропические хищные муравьи-кочевники, прут и прут вперед».

— У вас есть… Как дела у дока? Вы получили его супероружие?

— Термитные гранаты.

Кокс указал на ящик с чем-то вроде комьев сухой глины, из которых торчали отрезки бикфордова шнура.

Сами комья достигали примерно шести дюймов в диаметре, к каждому было привязано два фута нейлонового троса.

— Нужно поджечь шнур и, держа за веревку, раскрутить гранату, — пояснил Стив. — И бросить.

— Работает?

— А то! — Кокса переполнял энтузиазм. — Взрываются словно бомбы. Некоторые, правда, раскалываются, но даже тогда выбрасывают струю огня футов в десять-двенадцать. Нагонят страху на сволочных людоедов!

— А что с другими видами оружия? С горчичным газом?

Кокс задумался.

— Ну… Харди говорит, что дело не быстрое. Потому нас сюда и послали.

В долине передовые отряды Нового Братства уже достигли разрушенного моста. Оленья река была глубока и быстра, а мост уничтожен полностью. Несколько человек попытались перейти вброд, но потом отказались от своего намерения. Воинство остановилось, затем начало расходиться вдоль берега. Часть солдат пошла вверх по течению и вскоре исчезла из вида. Другие двинулись вниз, на запад — по направлению к морю, раскинувшемуся в нескольких милях отсюда.

— Они возьмут нас в кольцо, — занервничал Харви.

— Не-е. — Кокс ухмыльнулся и ткнул пальцем туда, где высилась Сьерра. — У нас есть союзники. Примерно пятьдесят индейцев — часть подкрепления Кристофера. Из племени, живущего возле реки Тул. Крутые парни. Отдыхайте, Рэндолл. Людоеды здесь не пройдут — ни сегодня ночью, ни завтра. У нас — хорошая позиция. Мы справимся.

— По-моему, Кокс рехнулся, — сказал Харви. — Я… мы видели, как сражается Новое Братство. А он — нет.

— Они получили наши радиосообщения, —

ответила Мари. Она лежала, вытянувшись, на заднем сиденье внедорожника. — Приятно отдыхать. Я могу проспать целую неделю.

— Я тоже, — откликнулся он.

Однако спать не стал. Внедорожник стоял на холме, на изрядном расстоянии от Оленьей реки. Ребят Рэндолл отослал: подростки ночевали в доме фермера, где были постели и одеяла.

Он понимал, что и ему следовало бы отправиться с ними — но его грызла тревога. Он научился уважительно относиться к тому, кто стоял во главе армии неприятеля, кто бы это ни был. Командующий Нового Братства берег своих людей, не гнал их безрассудно в бой.

Но людоеды менее чем за сутки продвинулись миль на восемнадцать, а то и больше.

А вот бензин и боеприпасы он тратил, не жалея. Развернулась полномасштабная война. Братство задействовало все, что сумело наскрести в своих владениях, делая ставку на то, что возьмет Твердыню и там пополнит запасы.

После заката поднялся пронизывающий ветер, но снег не пошел. Сквозь облака проглядывали редкие звезды, мерцающие светящиеся точки, слишком далекие одна от другой, чтобы можно было узнать созвездия. Харви вспомнил жаркую

сауну, а после — прохладный бассейн в знойный день… и поездку на внедорожнике на юг по залитому слепящим солнцем прекрасному безлюдью Нижней Калифорнии, чтобы в конце концов выкупаться в океане, теплом, как вода в ванне. Тогда он качался на самых больших, самых клевых волнах пляжа Эрмос-Бич, после чего плюхался на полотенце, расстеленное на таком горячем песке, что по нему больно ходить.

Снизу, из долины, занятой Братством, доносился шум: так передвигали что-то тяжелое, ревели грузовики, перекликались люди. Не было никакой возможности узнать, что затевает противник. Опасаясь лазутчиков, Кокс выслал патрули, но вражеский командующий никаких лазутчиков не засылал: правда, его солдаты время от времени открывали ружейный огонь, поднимали крик, бросали через реку гранаты и камни, и фермеры в ответ нередко бешено палили в темноту, понапрасну растрачивая патроны, теряя часы для сна.

Хотя Рэндолл сообразил, чего добивается Братство, проку от знания сейчас не было.

Харви спал урывками, часто вздрагивая и пробуждаясь. На заднем сиденье завозилась Мари.

— Вы меня слышите? — прошептала она.

— Да.

— Кто это был? В грузовике, с биноклем. Как вы думаете.

— Вероятно, сержант Хукер. А что?

— Когда что-то или кто-то получает имя, оно меньше пугает. Как, по-вашему, мы можем победить? Эл достаточно умен?

— Вроде того, — неопределенно ответил он.

— Они продолжают наступать. Как огромная, все перемалывающая машина.

Рэндолл сел. Где-то взорвалась граната, и Кокс заорал, чтобы не тратили понапрасну боеприпасы.

— Пугающее сравнение, — произнес Харви. — К счастью, не совсем верное. Это не… мясорубка. А один из тех кинетических объектов, к которым художник приглашает толпу журналистов, чтобы они стояли вокруг, выпивали и смотрели, как механизм сам себя раздирает на части.

Смех Мари звучал принужденно.

— Хороший образ.

— Черт возьми, до того как заняться раскалыванием валунов, я всю жизнь занимался созданием образов. Теперь моя работа — крошить камни. И разрушать дороги. Я-то считал, война напоминает шахматную партию. Но я ошибался. Она

похожа на эти самые скульптуры. Командующий создает громадное изваяние, понимая, что отдельные ее части размелют друг друга и что он не все их контролирует. По меньшей мере, половиной процесса управляет искусствовед, который ненавидит его, скульптора. И каждый из них добивается того, чтобы в конце осталось максимум частей, принадлежащих ему… но их всегда слишком мало, и борьба должна возобновляться снова и снова.

— И одна из этих частей — мы, — подытожила Мари. — Надеюсь, Эл нас не подведет.

Утром в лагере защитников Твердыни царило волнение. Ночью появился Стивен Толлмен, вице-президент Совета. Он сообщил, что его воины заняли оборону на востоке и что к ним движется подкрепление. Поползли слухи. Возвращается Кристофер, а с ним — сто, нет, двести, нет, тысяча вооруженных фермеров, набранных Джорджем в горах. На сомневающихся орали.

Итак, стало известно, что на востоке заняли оборону пятьдесят индейцев. Теперь фермеры сообщали друг другу, какие смелые и сильные эти ребята и как здорово, что они — союзники. Рассказывали и кое-что еще: ночью Братство пыталось форсировать Оленью реку в пяти милях

вверх по течению, но люди Толлмена отбили нападение, расправившись с десятками людоедов. И, мол, армия неприятеля бежит.

Однако, беседуя с мужчинами, Харви не нашел ни одного очевидца. Удалось обнаружить лишь несколько человек, утверждавших, будто они говорили с участниками битвы. У каждого имелся знакомый, который беседовал с Толлменом или со Стретчем Толлифсеном, посланным удерживать западный фланг обороны.

Так всегда и бывает. Союзники всегда сущие дьяволы. Они без труда превращают врагов в фарш. Что ж… Но вдруг это правда? Иногда оказывалось, что так и есть.

Может, на сей раз они сумеют одержать победу. Они остановят наступление Братства, и для этого даже не понадобится, чтобы Твердыня бросила в бой все, чем располагает.

На востоке облака разошлись. Солнце сияло ошеломляюще ярко. День был в разгаре, но пока ничего не происходило. Фермеры и передовая цепь Братства обменивались редкими выстрелами, без особого успеха. Потом…

На противоположном кряже показались грузовики. Не похожие на обычные машины. Выглядели они странно: к радиаторам крепи-

лись громоздкие деревянные конструкции. Они покатили вниз по склону, не слишком быстро, поскольку тяжелые штуковины явно мешали ехать и устойчивость автомобилей понизилась, тем не менее они приближались к вздувшейся реке.

Одновременно из-за скал выскочили сотни притаившихся там вражеских солдат. Они принялись стрелять во все, что движется. Грузовики с их странными башнями направились к краю воды. Некоторые пересекали луга, которые оказались бы слишком топкими, если бы накануне ночью Братство из досок и снятой с изгородей проволоки не соорудило нечто вроде гати для проезда.

Грузовики подкатили к берегу, и башни упали, образовав мосты через поток. Пешие ринулись в ту сторону и начали переправляться через реку. Но некоторые солдаты Братства сосредоточили огонь на всех защитниках Твердыни, какие осмеливались высунуться из укрытия.

Раздалось оглушительное «бах!» — памятное Харви по Вьетнаму. Мортиры. Снаряды ложились среди скал, где укрылись люди Кокса, с каждым выстрелом все точнее. Кто-то с того берега корректировал стрельбу, причем превосходно: где бы ребята Стива ни пытались помешать перепра-

ве, их обязательно настигал огонь мортир.

Итак, войска Братства наступали. Они развертывались цепью шириной почти в милю и шли вперед, сметая или уничтожая передовые позиции противника. Через полчаса береговая линия обороны перестала существовать: Кокс теперь удерживал только холмы. Но и там защитников Твердыни настигали выстрелы мортир и очереди пулеметов, причем атакующие оставались вне огневой дистанции винтовок. Огонь не давал обороняющимся подняться с земли, а тем временем солдаты Братства, укрываясь за скалами и валунами, приближались к холмам. Увертываясь от пуль, короткими перебежками…

— Муравьи! — завизжал Харви. — Хищные термиты! — теперь он знал наверняка.

Людоедов нельзя остановить. Люди… Они сваляли дурака, понадеявшись отбить нападение. После очередного натиска Кокс потеряет большую часть своих сил. Обороняющиеся уже целыми группами, дрогнув, пускались в бегство. Одни бросали оружие наземь, другие угрюмо отстреливались. Но система обороны рухнула, фермеры это понимали и начинали помышлять лишь о собственном спасении. Закрепиться было негде: любая позиция оставалась уязвимой. Те,

кто стал бы ее защищать, пожалуй, сражались бы плечом к плечу, но это не могло длиться вечно. У людей не было уверенности, что их товарищи не обратятся в бегство, оставив в цепи брешь, в которую прорвутся яростно орущие людоеды.

Дюжина мужчин кинулась к внедорожнику, набилась внутрь, уцепилась за крышу или повисла на крыльях. Харви тронулся с места. Оленью реку, у которой Кокс надеялся продержаться сутки, а может, даже разбить армию Нового Братства и навсегда остановить ее натиск, сдали менее чем за полтора часа.

Теперь утро превратилось в кошмар. Рэндолл не нашел своего грузовика, в его распоряжении было лишь то, что лежало во внедорожнике. Несколько фермеров Кокса выразили желание помочь.

Наконец прибыло подкрепление: двадцать мужчин и женщин, доставивших динамит, горючее и бензопилы. Но никак не удавалось оторваться от наступающих сил Братства на достаточное расстояние, чтобы успеть сделать что-либо полезное.

Тактика неприятеля изменилась. Теперь, вместо того чтобы развертываться веером, заходя обороняющимся во фланги, враг безостановоч-

но наступал, идя на максимальное сближение. Противник явно хотел, чтобы защитники Твердыни продолжали улепетывать наутек, и ради достижения данной цели командующий армией Братства перестал считаться с потерями.

Не будь рядом Мари, Харви тоже удирал бы сломя голову. Но она бы ему этого не позволила. Она настаивала, что надо и дальше выполнять полученное задание. По крайней мере, они могли поджигать запальные шнуры зарядов, заложенных двумя днями раньше, когда они еще двигались вперед, а не назад. Один раз они излишне промедлили. Раздался треск: заднее стекло разлетелось вдребезги, осыпав тех, кто сидел в машине, осколками. Ветровое стекло тоже разлетелось. Пуля пятидесятого калибра прошила автомобиль насквозь: она чудом не задела людей, просвистев в считаных дюймах от них.

Через некоторое время внедорожник затормозил. Фермеры вылезли из машины.

— Почему, черт побери, вы… — проговорил Рэндолл, обращаясь к Вэнс, но оборвал себя на полуслове. Он хотел сказать «такая бесстрашная», но это бы означало, что сам он не таков, и он вообще трус. — Настроены так решительно? — произнес он.

Она усердно копала. У них оставалась последняя динамитная шашка, и Мари не желала, чтобы заряд пропал даром. Она указала на Сьерру.

— Там мой мальчик. Если не мы, то кто же их остановит?.. Ладно, давайте динамит.

Он передал шашку Мари. Вэнс положила заряд в яму, присыпала его землей и щебнем.

— Хватит! — рявкнул Харви. — Валим отсюда!

Они находились на дальнем склоне пологого холма и не могли видеть наступающего врага. Но Рэндолл не сомневался, что Братство близко.

— Рано, — огрызнулась Мари. — Сперва я должна кое-что сделать, — и женщина зашагала к вершине.

— Вернитесь! Клянусь, я брошу вас! Эй!

Она не оглянулась. Харви выругался и пошел следом за ней. Обмотав ремень вокруг левой руки, Вэнс вскинула винтовку. Прислонилась к громадному валуну.

— Внизу мы оставили масло. И мины, — констатировала она.

— Ну да! А вы что хотели?

Что ни делай, все тщетно: на дороге появились мотоциклы. Через минуту они будут у подножия холма.

Мари тщательно прицелилась. Выстрелила.

— Хорошо, — пробормотала она и выстрелила снова. — Мы справимся, если вы мне поможете, — добавила она.

Рэндолл понимал, что не попадет в бочку с маслом, находящуюся в трехстах ярдах. Пристроив винтовку на камень, он прицелился в первого байкера, промазал… и продолжил стрелять. Он постоянно промахивался. Но мотоциклисты сбросили скорость, затем притормозили и укрылись в канаве, решив подождать пехоту.

Мари тоже стреляла — медленно, тщательно прицеливаясь.

— Хватит, — вдруг произнесла она. — Пошли. Впрочем, куда торопиться?

Она опять заняла позицию для стрельбы и стала ждать.

Харви стиснул кулаки и глубоко вдохнул. Она права. Пока им не грозила гибель. Дорога залита машинным маслом, и двое байкеров уже никуда не ехали.

Показался очередной мотоцикл. Заскользив, он влетел в канаву, и «наездник» истошно закричал.

Мари улыбнулась уголками губ.

— Вы это здорово придумали, с кольями.

Харви в ужасе взглянул на нее. Миссис Вэнс:

член правления дюжины благотворительных организаций, жена банкира, светская львица, клиент элитного загородного клуба… А сейчас искренне радовалась при мысли о том, что человек напоролся на кол, вымазанный человеческим калом, чтобы рана загноилась…

Появился грузовик, подъехал к масляному пятну и с визгом затормозил. Потом неторопливо двинулся дальше. Мари всадила пулю прямо в ветровое стекло. Автомобиль покатился вперед, после чего пошел юзом и забуксовал. Мотор выл, колеса вращались, но он не мог сдвинуться с места.

Показалась другая машина: она попыталась объехать первую. Раздался гохот: оглушительно взорвалась динамитная шашка. Машину охватило пламя. Харви почувствовал непреодолимое искушение закричать от восторга. Кое-что получилось! Нет, это не люди пытались на карачках отползти от горящего автомобиля, а хищные муравьи. И они горели. Сработало…

Вэнс и Рэндолл услышали, как впереди бабахнуло, затем негромкий свист. И взрыв в двадцати ярдах слева. Снова бабахнуло.

— В машину! Ну, черт побери! — закричал Харви.

— Да, уже пора! — согласилась женщина.

Новый снаряд мортиры разорвался где-то сзади. Рэндолл и Мари прыгнули во внедорожник и помчались прочь, крича и смеясь, как дети.

— Сукин я сын, получилось! — орал Харви.

Глаза напарницы — как и его — сверкали торжеством. «Мы — классная команда», — подумал он.

— Понеслась! — крикнул он.

Мари глянула на него непонимающе.

— «Монти Пайтон и Святой Грааль», — пояснил Рэндолл. — Не смотрели?

— Нет.

Они мчались, возбужденно хохоча. В глубине души он знал, что не такую уж великую они одержали победу, но в сравнении с тем, что творилось с утра, это была победа. Безусловно, теперь о том, чтобы останавливаться не было и речи — пока они не доедут до следующей линии обороны, до рукава реки Тул. Преодолеть данный участок атакующим будет трудно: мосты наверняка взорваны. Новое Братство застопорится. А как же иначе? А на другом берегу — гряда холмов, прикрывающих ближние подступы к Твердыне.

Тул — главная линия обороны.

Проехав поворот, они покатили в долину Тул…

Разумеется, моста не было.

Харви посмотрел на искореженные балки и уставился на вздувшуюся реку. Сто футов шириной, глубокую, с быстрым течением.

— Эй! — завопил он.

На том берегу из бревенчатого блиндажа выглянул один из полицейских Хартмана.

— Нам сообщили, что вы погибли! — крикнул он.

— И что теперь? — отозвался Харви.

— Все равно что, главное — быстро! — сказала Мари. — Мы ненамного их обогнали.

— Езжайте вверх по реке, — проорал коп. — У нас там отряд. Предупредите тех, кто в отряде, что это вы! Не забудьте!

— Ясно!

Рэндолл развернулся и помчался по проселку к резервации индейцев.

— Включите радиопередатчик, — обратился он к своей спутнице. — Скажите им, что слухи о нашей смерти сильно преувеличены.

В полутора милях вверх по течению дорога пересекала Тул. У основания моста возилась дюжина мужчин с лопатами. Харви подъехал к ним с опаской, но они приветственно помахали ему. Внедорожник пересек мост и затормозил.

Люди походили на фермеров, и хотя они были смуглокожие, нельзя было не заметить, что они на протяжении нескольких месяцев не видели солнечного света.

Харви стало любопытно, а повлиял ли вообще на них на всех недостаток витамина Д. Вероятно, еще как повлиял. Ведь днем и ночью холодно и сыро, а небо вечно закрыто тучами…

Какой-то парень оторвался от работы и направился к машине.

— Рэндолл?

— Да. Послушайте, буквально вслед за нами должно появиться Новое Братство.

— Мы знаем, где они. Элис наблюдает за ними, и у нас есть радио. Кстати, хорошо бы вам подняться на Черепаховую гору… Найдите место, откуда просматривается вся долина. Если кого-то увидите — сообщайте по радио Элис.

— Спасибо. Мы рады, что вы на нашей стороне.

Индеец ухмыльнулся.

— Я так понимаю, что это *вы — на нашей стороне*. Удачи!

Воодушевление Мари и Харви испарилось. Дорога становилась все хуже. Грязь, валуны, глубокие колеи. Рэндолл включил полный привод. По мере подъема открывался панорамный вид

на долину. На юго-востоке блестел южный рукав Тула, там же находились развилка дорог и мост, по которому еще совсем недавно катил внедорожник. Северный вел к низине, где раньше раскинулось озеро Саксесс.

Рукава разделял горный хребет, преграждавший доступ к Твердыне.

Теперь Рэндолл и Вэнс видели линию обороны, организованную отрядами шефа Хартмана: траншеи, окопы, бревенчатые блиндажи. Долину вдоль южного рукава реки Тул защитили хуже: не похоже было, чтобы ее удалось удержать. Хорошо защищенной выглядела только высокая цепь кряжей.

«Классический пример поверхностной обороны, — решил Харви, — если враг прорвется хоть где-нибудь, уже ничто не остановит армию Братства. Твердыня падет».

К сумеркам стало ясно, каков вражеский план. Солдат перебросили к реке на грузовиках. В непосредственной близости от оплота сенатора горели бивачные костры армии Нового Братства. Они свидетельствовали о спокойствии и уверенности неприятеля, и Харви понимал, что скоро противник разовьет лихорадочную деятельность по восстановлению мостов.

Наступила ночь. Воцарилась тишина.

— Что ж, больше ничего не разглядеть, — произнес Рэндолл. — И нам совершенно нечего делать.

Рядом беспокойно заерзала Мари. Он не видел ее: ощущалось только ее присутствие, но Харви остро осознавал, что его отделяют от Вэнс лишь дюймы и что до самого рассвета они отрезаны от мира.

Память повела себя по-свински. Перед внутренним взором возникла картина. Несколько недель до Падения Молота. Мари стоит на крыльце своего особняка и встречает гостей. В изумрудном ожерелье и вечернем платье в тон, с глубоким вырезом чуть ли не до пупка. Волосы уложены фантастическими завитками.

Любезно улыбаясь, она обнимает Харви и Лоретту и приглашает их пройти в дом.

И этот образ слился с силуэтом Мари, еле-еле вырисовывавшимся в темноте.

Молчание стало неловким.

— Я кое-что придумала, — прошептала она.

— Если вы не о сексе, то лучше объясните сейчас.

Она промолчала. Харви пододвинулся к ней и притянул к себе. Захрустело и затрещало то, чем были набиты многочисленные карманы куртки

Мари. Она рассмеялась и сняла с себя верхнюю одежду. Рэндолл тем временем освобождался от куртки с такими же оттопыренными карманами.

Затем кошмар прошедшего дня и будущее, наполненное опасностями, и мучительная агония окружающего мира, и гибель, грозящая Твердыне, — все было забыто, растворилось в их тяге друг к другу. На полу у их ног выросла горка одежды. Рэндолл запихнул свою рубашку за руль.

Переднее сиденье внедорожника плохо подходило для занятий любовью, но они оказались изобретательны. В этой позе они остались и после всего: он полулежал, опершись на сиденье, а она, склонившись к его лицу, стояла на коленях перед ним. Дыхание Харви щекотало щеку Мари, а ее дыхание — его щеку.

— Здорово, что ты «кое-что придумала», — произнес Рэндолл (он не мог сказать, что любит ее).

— Ты когда-нибудь трахался в тачке?

Он порылся в памяти.

— Конечно. В юности я был более гибким.

— А я — никогда.

— Ну, обычно для этого используют заднее сиденье, но…

— Оно засыпано битым стеклом, — закончила

она за него.

Оба непроизвольно напряглись, вспомнив пулю крупного калибра, и осыпавшие в салон осколки стекла, и как Мари, вычесывала крохотные иголки из волос Харви: пока он вел машину и не мог оторвать руки от руля.

Но существовал способ забыть обо всем: яростный и страстный.

«Это не влечение, — подумал Харви, — просто мы ищем друг в друге защиты от страха перед миром за стенами машины».

Они занимались любовью и напряженно прислушивались — не гремят ли выстрелы, но не останавливались. Даже когда плохо, все равно хорошо.

Еще не рассвело, когда Рэндолл проснулся. Он был укутан шерстяным одеялом, взятым с заднего сиденья, но не помнил, как им укрылся. Он лежал неподвижно, мысли его путались.

— Привет, — прошептала Мари.

— И тебе привет. Я думал, ты спишь.

— Нет. А ты отдохни еще.

Он попытался уснуть. Но мышцы болели и ныли, и вдобавок он мучился чувством вины: похоже, совести не сообщили, что он — вдовец, чья новая любовь пренебрегла им ради астронавта.

Ну и черт с ней.

Но расслабиться Харви не смог.

— Ладно, — сказал он, садясь. — Кажется, ночь удалось пережить.

— Не так уж я тебя утомила.

Смех его прозвучал несколько фальшиво, но… ведь она знала его давным-давно, что тут поделаешь?

— Ты ведь не беспокоишься насчет Горди? — спросила Мари. — У него другая женщина, и никакой судья не нужен, чтобы объявить брак расторгнутым. Да и раньше нам, по правде сказать, официальные бумаги не требовались.

Харви думал не о Гордоне.

— Что дальше? — спросил он. — Когда все закончится? Если закончится.

Она расхохоталась.

— В кухарках не останусь! Но спасибо, что привез меня в долину. Это гораздо лучше всего, чего я бы могла добиться самостоятельно, — она на мгновение умолкла, и они услышали крик совы, писк схваченного ею кролика. — Теперь мир принадлежит мужчинам, — добавила Мари. — Поэтому я, пожалуй, выйду за кого-нибудь… солидного. Я всегда была стервой, озабоченной собственным статусом. Зачем мне меняться?

Кроме того, причин быть именно такой теперь как никогда много. Мускулы в цене. Найду вождя и стану его благоверной.

— У тебя есть кто-нибудь на примете?

Она хихикнула.

— Со вчерашнего дня вождь — ты. Важная птица. — Она подвинулась к Харви и обняла его одной рукой. — Ты чего напрягся? Я тебя настолько пугаю?

— Конечно, — признался Рэндолл.

Она снова рассмеялась.

— Бедняга! Давай угадаю, о чем ты думаешь. Обязательства! Ты соблазнил девицу и должен жениться на ней. И ты прекрасно понимаешь, что не сможешь отказать, если я стану настаивать… Так? — Ее руки скользнули к укромным уголкам его тела.

Жизнь с Лореттой не подготовила его к схваткам подобного рода. Он крепко поцеловал Мари (ей не запугать Харви Рэндолла) и не отрывался от ее губ (ему было очень хорошо, и, черт побери, у Морин есть ее летун!), пока она не отстранилась.

— Ладно, — сказала она. — Не беспокойся, я на тебя не охочусь. Ничего у нас бы не получилось. Ты давным-давно меня знаешь. Неважно, что произошло между нами сейчас, — даже если

бы мы действительно полюбили друг друга, это всегда вызывало бы у тебя недоумение. Ты бы раздумывал, не сводится ли у нас все к половому акту, и постоянно был бы начеку… ждал бы, когда мне надоест. Мы бы ссорились, и каждый старался бы взять верх над другим.

— Угу.

— Вот и не морочь себе голову, — добавила Мари. — Мне это не нужно. Ты меня устраиваешь в качестве друга.

— Согласен. А кто твоя настоящая цель?

— Джордж Кристофер.

Рэндолл изумился.

— Что?! А он в курсе?

— Естественно, нет. Он мечтает заполучить Морин. Всякий раз, как выпадает случай поговорить со мной, он болтает только о ней. А я слушаю.

— Еще бы! Но почему ты думаешь, что он не получит Морин?

— Не мели ерунду. Когда у нее есть возможность выбирать между тобой и Джонни Бейкером? Она никогда не выйдет за Джорджа. Не будь он ее первым мужчиной, она бы вообще его не замечала.

— А меня?

— У тебя есть шанс. Но астронавт — на первом месте.

— М-да. Мне кажется, глупо спрашивать, любишь ли ты Джорджа? — произнес Харви.

Она пожала плечами.

— Он точно будет твердо верить в это, — ответила Мари. — Я гарантирую. А сегодняшняя ночь никогда не повторится. Произошло нечто… особенное. Нужный мужчина в нужное время. Я всегда… Скажи-ка, когда мы жили по соседству, тебе никогда не хотелось заглянуть ко мне, когда Лоретта отсутствовала, а Горди был на работе?

— Хотелось. Но я не поддался искушению.

— Спасибо! Ничего бы у тебя не вышло, но меня тревожило отсутствие попыток. Ладно. Давай поспим.

Она отвернулась и закуталась в одеяло.

«Бедолага Джордж, — подумал Харви. — Хотя нет. Везунчик. Если б я не знал ее так чертовски хорошо… Дьявольщина, а соблазн-то — вот он… Кристофер, тебя, пожалуй, можно будет назвать счастливчиком. Если ты до этого доживешь. Если доживет Мари!»

Рассвет. Красное пятно над Сьеррой. Порывистый ветер. Над морем Сан-Хоакин поднимается туман.

Когда солнце взошло высоко, стало видно: за ночь через реку переправилось около сотни сол-

дат Нового Братства. Они сосредоточили силы возле озера Саксесс и переместились в обратном направлении, к разрушенному мосту, сметая по пути защитников Твердыни.

Враг открыл огонь из мортир, принуждая обороняющихся прятаться за холмами.

Отступали в порядке, но безостановочно.

— К полудню нас вытеснят из долины, — заявил Харви. — Я думал… я *надеялся*, наши продержаться дольше. Но, по крайней мере, они не улепетывают, как зайцы.

Мари кивнула, продолжая сообщать по радио о передвижениях врага. Что еще она могла делать?

Когда Элис отзывалась, в ее голосе звучал ужас, однако девочка просила передавать сообщения.

«Бесполезно, — подумал Рэндолл. — Мы почти проиграли».

Он посмотрел на карту, выискивая путь к Сьерре, который бы помог им спастись.

— Они ремонтируют мост, — доложила Вэнс. — Доставили к нему бревна, теперь они их переносят и укладывают.

— Когда грузовики будут на другом берегу? — спросила Элис.

— Примерно через час.

— Оставайтесь на связи, мне нужно передать информацию мистеру Харди, — произнесла Элис.

Радио замолчало.

— Ничего не выйдет, — пробормотал Харви и криво улыбнулся. — Поэтому нам с тобой никуда не деться друг от друга. Вероятно, мы сумеем удрать в горы. Разыщем мальчиков. Вряд ли придется драться за тебя с Горди…

— Заткнись. Веди наблюдение, — оборвала его Мари.

Выглядела она испуганной, но Рэндолл не мог ее упрекнуть.

Мост действительно восстановили через час с небольшим, и по нему хлынул поток грузовиков: колонну возглавляли пикапы с пулеметами. Перебравшись через реку, машины помчались по дорогам во всех направлениях. Часть автомобилей привезла мортиры — для них уже рыли огневые позиции. Армия кишела в долине, устремляясь к холмам, откатываясь назад при ответном сопротивлении. Времени у них хватало, и ночь теперь играла им на руку. Солдаты смогут просочиться через скалы, за хребты, в Твердыню.

Припекало — но только не для Харви с Мари. Ветер, дующий с моря Сан-Хоакин, не приносил

облегчения. Противник наступал. К полудню бойцы Братства уже пересекли долину и лезли на холмы — к последним линиям обороны.

— Оставайтесь на связи, — повторяла Элис взволнованно.

Страха в ее голоске не чувствовалось.

— Зачем? — спросил Харви.

— Наблюдайте и сообщайте об увиденном, — ответила она. — Для того вы там и сидите. Мне не видно…

На дальнем холме что-то происходило. К вершине вручную подкатили нечто крупное, смахивающее на фургон. Его толкнули, он перевалил через гребень и, кувыркаясь, покатился вниз, чтобы замереть в ста ярдах от восстановленного моста.

«Фургон» с полминуты лежал спокойно, после чего внезапно взорвался. Гигантское облако вырвалось из него и понеслось прямиком к мосту. Оно проплыло через реку, накрыв автомобили, сгрудившиеся перед въездом на него.

По гряде холмов через вершины неуклюже перевалились точно такие же «фургоны», которые медленно скатывались вниз по склонам. Люди толкали перед собой тяжелые рамы, короба с длинными рычагами, мечущими крошечные

черные снаряды, которые летели по напоминающей дугу траектории.

— Катапульты! — догадался Рэндолл.

Он не ошибся. Харви задумался. Как же их приводят в действие? Наверное, с помощью нейлоновых шнуров. Карфагенские женщины жертвовали на канаты для катапульт свои волосы, быть может…

Дальность стрельбы оказалась невелика, но ее хватало. Катапульты выбрасывали стеклянные банки, которые при столкновении с землей взрывались, выбрасывая клубы желтого дыма. Ветер разносил его по долине, и он окутывал наступающего врага…

Солдаты Братства в панике завопили. Они бросали оружие, бежали, выли от боли, рвали на себе одежду, бросались в воду, и их уносил поток. Они пытались перебраться по мосту обратно. А с холмов гремели винтовочные выстрелы — стреляли по бегущим. Катапульты беспрерывно выбрасывали банки: те взрывались, не давая растаять смертоносному желтому облаку.

Харви закричал в микрофон:

— Они бегут! Они гибнут! Господи, их полегло, должно быть, полтысячи!

— Что делают те, кто остался на том берегу? —

голос принадлежал юной мисс Кокс, но, конечно, вопрос задал Харди.

— Садятся в грузовики!

— А как обстоят дела с их орудиями? Они их увозят?

Рэндолл уставился в бинокль.

— Да! Часть мортир они не успели переправить… вот едет их грузовик!

Харви передернуло. Пикап, забитый орущими в ужасе людьми, на скорости влетел на мост. Сбросил в реку десяток человек и не притормозил, чтобы подобрать тех, кого сбил.

— На тачке раньше было два пулемета, — сообщил Харви. — По-моему, их выкинули.

Облако газа покрыло не всю долину, поэтому часть солдат Братства уцелела. Многие бросили оружие, но были и другие. Они не паниковали, отходили осмотрительно и увозили с собой орудия. Две мортиры укатили раньше, чем катапульты отрезали этот путь к отступлению. Рэндолл мрачно сообщал об участках, не затронутых газовой атакой, и видел, как через считаные минуты там начинали взрываться емкости с газом.

— Что-то происходит выше по реке! — продолжал рассказывать мужчина. — Плохо видно!..

— Не беспокойтесь. На дороге, ведущей от ре-

зервации, нет газа? — спросила Элис.

— Подождите секунду… Да.

— Оставайтесь на связи.

Буквально через несколько минут именно на этой дороге и появились грузовики. В кузовах сидели индейцы Толлмена и фермеры. Харви показалось, что в одной из машин находится Джордж Кристофер. Машина с ревом преследовала неприятеля, но у вершины холма за развилкой была вынуждена сбавить скорость. Настала очередь защитников Твердыни развертываться цепью, нащупывать слабые места в обороне противника, сметая его со своего пути.

Долина превратилась в чужой враждебный мир. Воздух приобрел желтоватый оттенок, сделался пагубным для любого человека, не имеющего противогаза. На местную живность стало страшно смотреть, да и люди выглядели плачевно: солдаты еле-еле передвигались на четвереньках или ползли на животе. Кое-кто медленно продвигался к реке. Движения людей становились все более вялыми, затем многие замерли, словно впали в спячку. Правда, некоторые еще шевелились: теперь они ползли, как улитки, оставляя за собой красные полосы слизи.

Но в воде тоже не было спасения. Рыбы неверо-

ятно быстро метались и вдруг резко всплывали вверх брюхом, растопырив плавники, и их уносило течением.

Когда стемнело, над мертвой, опустошенной долиной воцарилась тишина.

ПоследствиЯ

С Дальнего Востока я вынес одно, одно-единственное, и сообщаю вам, чему научил меня Дальний Восток. Эта мысль записана красным на всех полях сражений от Австралии до Токио: «Победу ничем не заменишь».

Генерал армии Дуглас Макартур

Кромешная тьма. Холодный ветер со Сьерры. Харви обернулся к Мари.

— Победа!

— Да! Получилось! Боже мой, мы живы!

Он не видел ее лица, но знал: она глупо улыбается.

Рэндолл завел двигатель. Элис велела ему держаться подальше от шоссе. Им предстояло добираться до Твердыни по проселочной грунтовке. Выжав сцепление, он осторожно вырулил в сторону.

В свете фар дорога казалась гладкой, неезженой, но слева склон круто уходил вниз, и Харви понимал, что машина глубоко вязнет в грязи. И не заметишь, как скатишься в пропасть. Вот что

действительно пугало — погибнуть после того, как битва закончилась… однако это была просто плохая грунтовка, которых он немало перевидал на своем веку. Она не таила злобы.

Рэндолла охватило радостное возбуждение. Как же ему хотелось сейчас помчаться к Твердыне на максимальной скорости… но он вовремя поборол это искушение. У него еще будет такая возможность.

Никогда прежде он с такой полнотой не ощущал, что живет.

Автомобиль обогнул гору, проехал по холму, за которым начиналась прямая дорога к поместью сенатора, и уж тут Харви дал себе волю — погнал тачку по грязи, по колеям и рытвинам на опасной скорости.

Машина подпрыгивала, будто разделяла ликование людей.

Теперь Рэндолл мчался так, будто за ним гнались. Он знал это и понимал, что если позволит себе думать о том, что ему привелось увидеть, то его захлестнет безграничная печаль. Там, в долине, полегло множество людей всех возрастов — мужчины, женщины, девушки, юноши… Их легкие были сожжены газом, и они ползали по траве, оставляя за собой кровавые следы. Харви

видел все это в бинокль, пока милосердная тьма не окутала землю и не скрыла тех, кто умирал, пережив конец света.

— Нельзя думать о них, как о людях.

— Ты тоже?

— Да. Чуть-чуть. Но мы-то уцелели! Мы победили!

Внедорожник оказался на вершине бугра, прыгнул, и на миг все четыре колеса очутились в воздухе. Играть в гонщика было глупо, но Рэндолла это не волновало.

— Мы выиграли нашу последнюю битву! — закричал он. — Не буду больше воевать![14]»

Снова накатила эйфория: новый мир — вполне подходящее место для жизни. Предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

Он жив, а враг разбит.

— «Приветствуй с победой вернувшихся героев». Хотел бы я припомнить мелодию. Дурацкое словечко. Герой. Черт побери, вот ты — герой… героиня? Если б не ты, я бы задал стрекача. Но из-за тебя не мог. Сексизм — мужчина не может удрать, когда на него смотрит женщина! Чего я так разболтался? Почему ты молчишь?

---

[14] Примечания: 14

Строка из спиричуэлса «Down by the Riverside» («Вниз по реке»).

— Ты не даешь мне слова сказать! — засмеялась Мари. — Ты не удрал, и я — тоже, а это было так легко… — теперь ее смех звучал странновато. — А теперь пора нам получить традиционную награду настоящих героев. Сразу как приедем, отправляйся к Морин. Ты кое-что заслужил.

— Стыдно признаться, я думал об этом. Разумеется, Джордж вернется и…

— А вот его предоставь мне, — чопорно вымолвила Мари. — В конце концов, мне тоже полагается награда.

— Сдается мне, я ему слегка завидую.

— Жаль.

Их эйфория улетучилась, когда они подъехали к каменному особняку сенатора и вошли в дом.

В гостиной столпились люди. Харди скалился в улыбке, как дурачок, но пьян был не от спиртного. Его хлопали по плечу. Дэн Форрестер, вымотанный до предела и несчастный, ушел в себя, однако состояние ученого никого не интересовало. Его превозносили, его благодарили и не мешали ему пребывать в том настроении, в каком ему угодно. Хочет — пусть веселится или тоскует. Волшебники вольны вести себя так, как им нравится.

Многие отсутствовали. Может, погибли, а может, вели погоню… или сами спасались бегством,

даже не понимая, что никто их не преследует. Победители слишком устали, чтобы думать о них. Харви разыскал Морин и подошел к ней. Они не ощутили похоти — лишь бесконечную нежность, и взялись за руки, как дети.

Это не было празднество. Спустя считаные минуты разговоры прекратились. Люди падали в кресла и засыпали. Кто-то находил в себе силы уйти. Теперь Рэндолл ничего не чувствовал. Он мечтал об одном — отдохнуть, выспаться, забыть обо всем случившемся сегодня. Он уже видел нечто подобное — во Вьетнаме, у солдат, вернувшихся с патрулирования, но на своей шкуре испытал это впервые. Ни капли сил, полная эмоциональная опустошенность… не сказать что несчастный, — нет! — еще способный даже улыбнуться, однако выжатый как лимон.

Он проснулся и вспомнил: они выиграли. Подробности забылись. Ему снились яркие сны, где фантазии смешивались с воспоминаниями последних нескольких дней. Вместе со сновидениями таяли воспоминания.

Осталось лишь одно-единственное слово: победа!

Он лежал в гостиной на полу, на ковре, укрытый шерстяным одеялом, и понятия не имел, как

здесь очутился. Вероятно, он беседовал с Морин и рухнул как подкошенный.

Дом наполняли звуки: шаги, голоса. В ноздри ударил запах готовящейся еды. Харви смаковал все это — ощущение того, что он жив. Серые облака за окном были невообразимо сложными, он рассматривал их в деталях, они казались ему ослепительно-яркими, как солнечный свет. Бронзовые медали на полках представляли собой настоящее чудо, их хотелось разглядывать, изучать.

Каждое мгновение стало бесценным, как и то, что эти мгновения могли принести.

Но постепенно ощущение растаяло. Он почувствовал, что отчаянно голоден. Он встал и увидел, что ковер в гостиной напоминает поле битвы. Люди лежали там, где их свалила усталость. Некоторые продержались чуть дольше, успели расстелить одеяла… и отключились. Харви набросил свое одеяло на Стива Кокса, который свернулся калачиком, и покинул комнату. Он направлялся туда, откуда плыли запахи завтрака.

Комнату заливали солнечные лучи. Морин таращилась в потолок. Она боялась вставать с кровати. Вдруг все это — лишь сон? Тогда пусть он продолжается, пусть не обрывается…

Она с трудом убедила себя, что не спит.

А солнце действительно светило в окно — желтое, теплое, яркое. Судя по высоте над горизонтом, уже больше часа дня.

Морин откинула одеяло и протерла глаза.

Ужас, кровь и смертельная усталость, воспоминания о вчерашнем дне — образы мелькали перед внутренним взором, словно кто-то чересчур быстро прокручивал кинопленку.

Жуткое утро, когда защитникам Твердыни пришлось держаться, а потом отступать. Они пустили Братство в долину, но не в холмы. Такова была их оборонительная тактика: отступление. Они сбили противника с толку.

Но даже собственным солдатам нельзя было объяснять, в чем суть, ведь они могли попасть в плен.

А когда защитники Твердыни бежали, наступила всеобщая паника.

— Если кто-то побежит, за ним ринутся и остальные, — говорил Эл. — Из донесений Рэндолла картина складывается вполне ясная. Их командир воюет, как по учебнику. Мы тоже будем вести себя как от нас ожидают — до определенного момента.

Задача заключалась в том, чтобы удержать

возвышенности. Армия Братства должна была находиться в долине. А потому защитники отступали до тех пор, пока основной массив неприятеля не переправится по мосту.

Но как добиться того, чтобы фермеры сражались и не начали удирать без приказа?

Харди выбрал простейшее решение.

— Если вы будете там и если вы не побежите, кто-то обязательно с вами останется. Они мужчины, — заявил Харди.

Морин возмутилась, но времени не было читать Элу нотации. В конце концов, он прав.

Все, что требовалось от нее, это не падать духом, быть смелой. Для той, кто не знала, хочется ли ей жить, это казалось простой задачей. Сомнения появились, только когда она оказалась под огнем.

Что-то невидимое разорвало бок Рою Миллеру. Он попытался зажать рану рукой, предплечьем — тщетно! Наружу торчали переломанные ребра.

Завтрак Морин подкатил ей к горлу, а в последний миг Рой успел обернуться и увидел ее лицо.

Возле Уилсона и двух его людей разорвался выпущенный из мортиры снаряд. Другие покатились по земле. Они катились и катились и вдруг замерли, распростершись в позах, которые были бы чудовищно неудобными, не будь они мертвы.

Самого Дика бросило вперед и вверх: он яростно молотил по воздуху руками, как будто превратился в птенца-слетка, который падал прямо в желтый ядовитый туман.

Джоанна Макферсон обернулась, что-то крича Морин. Пуля прошелестела в ее волосах и прошила воздух там, где мгновением раньше была ее голова.

То, что хотела сообщить Джоанна, превратилось в яростный мат.

Джек Тернер раскручивал самопальную гранату, готовясь ее бросить, но осколок снаряда ударил в нее и разнес на куски. Товарищи бросились врассыпную, и его свояченица — тоже, а сам мужчина забился в желтом облаке и пропал в нем.

Пухлая Галадриэль из «Шира», вращая пращу, шагнула вперед и метнула бутыль, заполненную нервно-паралитическим газом. Но промедлила и застыла, оставшись как Ника Самофракийская — без головы.

Перед глазами Морин поплыли черные пятна. Она прислонилась к скале и ухитрилась удержаться на ногах.

Одно дело — стоять на вершине и не спеша размышлять, не спрыгнуть ли вниз (но хватило

бы ей духу? Или то было обычным притворством? Теперь уже не узнать).

И совсем другое — видеть, как на землю падает невзрачная бедняжка Галадриэль, а вместо шеи у нее обрубок, из которого брызжет кровь, а потом, не оглядываясь, чтобы узнать, смотрит ли на нее кто-нибудь, подобрать пращу убитой и, заложив в нее бутылку с нервно-паралитическим газом, раскручивать и раскручивать смертоносный снаряд. И, вспомнив в последний миг, что чертова бутыль полетит в сторону, а не туда, куда направлена праща, послать ее вниз, в лезущую к ним по склону орду людоедов. Внезапно Морин поняла, что на свете существует множество вещей, ради которых стоит жить. Серое небо, холодный ветер, короткие метели, предстоящий голод зимой — все это поблекло. Главным было осознание простого факта: если ты способна ощущать ужас, значит, ты хочешь жить.

Странно, что она не понимала этого раньше.

Солнце скрылось за облаками.

Правда, облачный слой вроде бы поредел, да и небосвод был светлым. Хотя, может, хорошая погода ей пригрезилась? Не имеет значения. Воздух теплый, дождя не предвидится.

Вода в ручье за домом высоко поднялась — ве-

село журчала. Должно быть, она сейчас ледяная, в самый раз для форели. Птицы ныряли в поток, громко кричали. Морин зашагала по подъездной аллее к шоссе.

Там было пусто. Прежде оно было запружено — раненых из Твердыни увозили в местный санаторий, служивший жителям долины больницей. Скоро здесь снова будет оживленно — в госпиталь начнут доставлять людей в фургонах, запряженных лошадьми. Морин уходила все дальше. Она жадно смотрела и слушала. Звон топора в окрестных холмах. Вспышка красного — черный дрозд слетел на куст. Крики мальчиков, гнавших свиней через чащу.

Дети быстро приспособились к новой жизни. Один взрослый, куча ребятишек, пара собак и стадо свиней — школа и работа. Иная школа с иными уроками. И чтение с арифметикой, и другие науки: гонять парнокопытных туда, где валяются экскременты (собаки, в свою очередь, поедали часть человеческих испражнений), всегда брать с собой ведра для сбора свиного навоза (его нужно принести вечером).

И кое-что еще: как, например, ловить крыс и белок. В этой экологической системе грызуны занимали важное место. От них следовало обере-

гать амбары (чем в основном занимались кошки), но сами по себе они были полезны: пропитание они находили самостоятельно, годились в пищу, из крысиных шкур делали одежду и обувь, а из тонких костей — иголки.

Самым удачливым детям-охотникам выдавались награды.

Неподалеку от города уже установлены очистные сооружения. Испражнения животных и людей, перемешанные с древесной корой и опилками, засыпали в котлы. Стерилизацию осуществляло тепло, выделявшееся при брожении. Горячие газы отводились по трубам к мэрии и больнице, обогревали здания, а затем конденсировались. Такова была система отопления. На полученном в результате метаноле — древесном спирте — ездили грузовики, собиравшие экскременты (разумеется, не все).

Очистную систему еще не закончили — требовались дополнительные котлы, трубы и конденсаторы и, конечно же, квалифицированные специалисты, да и сам процесс оказался весьма трудоемкой, Однако Харди мог заслуженно гордиться тем, что уже сделано. К весне в котлах накопится много отстоя, то есть изрядное количество удобрений с высоким содержанием

азота, стерильных и готовых к использованию, и, должно быть, достаточно метанола, чтобы смогли работать тракторы, без которых сложно обойтись в дни пахоты.

«Мы молодцы», — подумала Морин.

Хотя сделать предстоит гораздо больше: необходимо построить ветряки и водяные мельницы. Заняться севом. Устроить кузницу. Эл разыскал старую книгу о производстве бронзы и отливки из нее изделий в песке, но на это у людей не было времени. Зато теперь будет! Исчезла нависавшая над Твердыней угроза.

Когда Харви Рэндолл после битвы вошел в дом, он пел: «*Не буду больше воевать!*»

Легкой жизни ждать не приходилось. Молодая женщина подняла взгляд к облакам — те потемнели. Вот бы сквозь них пробились лучи!

Она жаждала снова увидеть солнце, и, кроме того, это было очень уместно: светило как символ их окончательной победы.

И хотя по небу теперь побежали тучи, Морин не позволила им опечалить себя. Она не собирается унывать. Слишком легко снова впасть в беспросветное отчаяние.

Рэндолл прав: можно поступиться практически чем угодно, чтобы избавить людей от чувства бес-

помощности и обреченности. Но прежде нужно победить это ощущение в собственной душе. Надо прямо смотреть на новый ужасный мир, зная, что он может сделать с собой — и бросить ему вызов. Вот *тогда* можно приниматься за дело.

Мысль о Харви натолкнула ее на воспоминания о Бейкере. Морин даже не знала, какова судьба тех, кто участвовал в экспедиции к АЭС.

Сейчас им ничто не угрожало. Новое Братство разгромлено, и с атомной станцией все будет нормально. Защитники АЭС отбили первую робкую атаку врага. Но…

Последнее сообщение Твердыня получила давно — три дня назад.

А если произошла вторая атака? Морин поежилась. Вдруг чертовы транзисторы сдохли, и передатчик вырубился? Или погибли люди — все до единого. Как знать… Джонни непременно должен был оказаться в гуще событий. Он — ведь знаменитость. «Пусть лучше сломаются транзисторы, — сказала себе Морин, — хватит ныть». Она спустилась с холма и направилась к госпиталю.

Алим Нассор разевал рот, пытаясь дышать, и не мог. Он полусидел в кузове грузовика; если бы он лежал, то гикнулся бы. Да и легкие как водой

заполнены. Долго он не протянет. Они потерпели поражение. Братство разбито, а он — покойник.

Свон мертв. И Джеки тоже. Большая часть банды погибла в долине реки Тул. Братьев и сестер убили удушливые облака желтого газа, обжигавшего как огонь. Алим ощутил, что руки Эрики обтирают ему лицо какой-то тканью, но не мог сфокусировать на ней взгляд. Она — хорошая женщина. Белая, но осталась с ним и вытащила его, когда остальные сбежали. Ему захотелось сказать ей об этом. Если б только он мог говорить…

Он почувствовал, что машина замедлила ход, и услышал, как дозорный окликнул подъехавших. Значит, добрались до лагеря, и кто-то расставил часовых. Хукер? Он-то наверняка уцелел. Он не переправлялся через реку, он направлял огонь мортир и должен был спастись, если только его не настигла погоня. Алим задумался, хочется ли ему, чтобы Хук выжил. В принципе ему было наплевать. Какая разница?

Молот убил самого Нассора.

Грузовик затормозил. Алим почувствовал, как его поднимают и вытаскивают наружу. Его уложили вроде бы у огня — приятно. Эрика, похоже, сидит рядом.

Кто-то принес ему тарелку горячего супа. Алиму

было трудно объяснить, что это напрасная трата хорошего варева: если он снова отключится, то уже не проснется. Собственная мокрота душила его. Он закашлялся, пытаясь прочистить легкие, чтобы хоть что-то сказать, но горло свело в таком спазме, что Алим перестал кашлять.

Потом до него донесся чей-то голос.

— И вы открыто неповиновались Господу Богу Саваофу! Ангелы Господни, вы уверовали в армию. Стратегия! Деяниям Ангелов нужна стратегия! Положитесь на Иегову! Делайте его дело! О, народ мой, выполни Его волю! Уничтожь Цитадель Сатаны, ибо такова воля Господня, и тем победишь!

Голос Пророка хлестал как бич.

— Не плачьте по павшим, ибо они пали, служа Господу! Велика их награда. О, вы, Ангелы, услышьте меня! Не время скорбеть! Время наступать во имя Господа!

— Нет, — прохрипел Нассор пересохшими губами.

— Это в наших силах, — ответил кто-то.

Алим не сразу понял, кто это. Но затем понял — Джерри Оуэн.

— У тех, кто засел на АЭС, нет отравляющего газа. А даже есть, неважно. Мы установим наши

мортиры и безоткатные орудия на барже и взорвем турбины. Тут станции и крышка.

— Бейте во имя Божие! — воскликнул Армитедж.

Его призыв нашел отклик.

— Аллилуйя! — выкрикнул кто-то.

— Аминь! — добавил какой-то мужчина.

И возгласы множились, теперь в них зазвучало явное воодушевление.

— Че-орт! — наверняка выругался сержант Хукер.

Нассору не хватало сил, чтобы взглянуть на него.

— Алим, ты меня слышишь?

Он едва заметно кивнул.

— Он слышит, — произнесла Эрика. — не трогайте его. Ему нужно отдохнуть. И поспать.

Нет! Сон точно убьет его. Он отчаянно боролся за жизнь: каждый вдох стоил усилия воли. Если он расслабится, в следующий миг будет мертвым.

— Что мне теперь делать? — рявкнул Хук. — Ты — единственный оставшийся брат, с кем я могу перетереть.

Губы Нассора зашевелились, беззвучно произнося слова. Эрика переводила.

— Он спрашивает, сколько братьев осталось.

— Десять, — ответил Хукер.

Ага. Десять, значит. Последние черные в этом мире? Вряд ли. Ведь есть еще и Африка. Да? А вот среди врагов черных, кажется, не было.

Пожалуй, негров в Калифорнии больше не осталось. Алим зашептал снова.

— Десять — мало, — объяснила Эрика.

— Да. — Хукер наклонился пониже и почти приник к уху Нассора (чтоб никто его не услышал). — Мне придется торчать возле Пророка, — выпалил он. — Алим, он псих? Или он прав? У меня башка не варит.

Нассор замотал головой. Его не тянуло развивать данную тему. Армитедж снова начал вещать — о рае, который ждет павших. Слова сплавлялись в мутные медленные мысли Алима. Рай. Может, псих-проповедник не ошибся. Да, лучше думать, что он не врет.

— Он знает правду, — выдохнул Алим.

Костер согревал. В голове сгущалась тьма, несмотря на проблеск солнечного света, который, как казалось Алиму, он увидел.

Фразы проповеди плыли сквозь тьму, тонули.

— Нанесите удар, Ангелы! Не медлите! В сей день, в сей час! Такова воля Божья!

— Аминь!

Вопль сержанта стал последним, что услышал Нассор.

Когда Морин добралась до госпиталя, ее перехватила Малик и отвела в приемную.

— Я хочу помочь, — заявила дочь сенатора. — И еще я бы хотела побеседовать с ранеными. Один из сыновей Толлифсена был в моей группе, и он…

— Он мертв, — холодно сообщила Леонилла. — А вот помощь бы нам не помешала. Вам приходилось пользоваться микроскопом?

— С уроков биологии в колледже — нет.

— Нельзя забыть, как обращаются с микроскопом, — заметила Малик. — Сперва мне нужно взять образец крови. Сядьте сюда, пожалуйста. — Она вытащила из скороварки иглу и шприц. — Мой автоклав, — похвасталась она. — Не слишком красивый, но свое назначение выполняет.

Морин стало интересно, на что употребили остальные скороварки из фермерского дома. Игла вонзилась в ее руку, и молодая женщина поморщилась. Острие было туповатым.

Леонилла потянула поршень и осторожно выцедила кровь в пробирку, которую отыскали в

детском наборе для химических опытов.

Пробирка отправилась в носок, к которому заранее был привязан нейлоновый шнур.

Малик принялась вращать носок над головой.

— Центрифугирую, — пояснила она. — Я просто показываю вам, как все это делается. Нам в лаборатории нужны помощники.

Она продолжала крутить пробирку и говорить.

— Мы отделили кровяные тельца от плазмы. Последнюю мы удаляем, вот так, видите? А сами тельца помещаем в соляной раствор. — Работала она очень быстро. — Здесь на полке у нас собраны образцы телец и плазмы тех, кому требуется переливание. Сейчас надо проверить ответную реакцию…

— А вы не хотите узнать, какая у меня группа крови? — спросила Морин.

— Чуть позже. Я в любом случае должна провести анализ. Пока мне даже неизвестно, к каким группам относится кровь раненых, и не могу это определить. Но ничего не поделаешь…

Комната, в которой находились женщины, раньше служила кабинетом. Стены недавно покрасили и оттерли до блеска. Стол, за которым работала Леонилла, был пластиковым — и стерильно чистым.

— Я помещаю ваши кровяные клетки крови в сыворотку крови раненого, а клетки пациента — в вашу сыворотку. Посмотрим в микроскоп…

Прибор тоже был из детского набора. Кто-то сжег местную школу раньше, чем Харди догадался послать туда людей за исследовательским оборудованием.

— Работать с ним трудно, — призналась Леонилла, — но я справилась. Надо аккуратно наводить на резкость. — Она помолчала. — Ага. Эритроциты слипаются в так называемые монетные столбики. В доноры для пациента вы не годитесь. Поглядите, сами все поймете.

Морин послушалась. Сперва она ничего не увидела, но потом настроила фокус, пальцы еще не забыли навык…

«Верно, — подумала она. — На самом деле это не забудешь».

Когда изображение обрело резкость, Морин разглядела кровяные тельца.

— Вы имели в виду крошечные столбики, которые смахивают на покерные фишки? — спросила она.

— Покерные фишки?

— Как блюдца…

— Да. Это и есть «монетные столбики» эрит-

роцитов. Выявляется слипание. Что касается группы крови, какая у вас?

— Первая.

— Хорошо. Нужно составить картотеку на всех. В вашей карточке я отмечу, что ваша кровь не годится для Джейкоба Винджа, и то же самое отмечу и в его бланке. Теперь проверим, как с остальными. — Леонилла проделала те же манипуляции снова, потом еще раз. — Ясно. Вы можете быть донором для Билла Дардена. Делаю соответствующие пометки. Вы познакомились с процедурой. Вот пробы крови с ярлычками. Каждую нужно проверить на совместимость с другими — с образцами доноров и пациентов. — Малик сделала паузу и продолжила: — Затем мы исследуем донорскую кровь на взаимную совместимость, хотя это сейчас менее важно. Тогда, если кому-нибудь из вас в будущем понадобится переливание, у нас уже будет необходимая информация…

— Разве вы не возьмете у меня кровь для Дардена? — Морин попыталась вспомнить, кто это такой.

Он появился в Твердыне позже остальных, но его приняли, поскольку здесь жила его мать. В сражении он участвовал — был в отряде шефа Хартмана.

— Я перелила ему пинту, — ответила Леонилла. — Спасибо Рику Деланти. У нас нет возможности хранить цельную кровь, вот в чем дело… Если Дардену опять понадобится переливание, я пошлю за вами. Но мне пора в отделение. Если вы действительно хотите помочь, продолжайте исследования на взаимную совместимость.

Первая самостоятельная проба у Морин не удалась, но затем она обнаружила, что если действовать скрупулезно, то это совсем не трудно, только скучно. Запахи, доносившиеся из очистных сооружений, работу не облегчали, но выбирать не приходилось.

Зданию требовалось тепло, выделявшееся в котлах, где происходило брожение. Прогоняя газ по трубам, проложенным через мэрию и госпиталь, они получали «отопление», не стоившее им ни гроша.

Но люди расплачивались за него по полной программе.

Через час зашла Леонилла и забрала какую-то пробу и карточку. Она ничего не объясняла, да в том и не было необходимости. Морин успела прочесть имя.

Раненой оказалась одна из дочерей Арамсона, шестнадцати лет (она бросала в противника ди-

намитную «бомбу»).

— Будь у нас пенициллин, она бы точно выкарабкалась, — произнесла Малик. — Но про него теперь можно забыть.

— Мы не сумеем его производить? Почему? — спросила Морин.

Леонилла покачала головой.

— Вакцины, может быть, сможем. Но антибиотики — нет. Требуется сложнейшее оборудование. Точная регуляция температуры. Высокоскоростные центрифуги. Нет, мы должны научиться жить без него. — Леонилла поморщилась. — Поэтому глубокий порез будет означать смертный приговор. Люди должны это понять. Мы не вправе игнорировать правила гигиены и первую медицинскую помощь. Любая ранка должна быть тщательно промыта и продезинфицирована. И скоро у нас кончатся запасы противостолбнячной сыворотки. Хотя, вероятно, нам удастся наладить ее изготовление. Будем на это надеяться.

Арбалет был громоздкий и взводился с помощью колеса. Харви с усилием провернул его и наложил на тетиву длинную стрелу. Он взглянул на Брэда Вагонера:

— У меня такое ощущение, что следовало надеть черную маску.

Мужчина скривился.

— Давай, — сказал он.

Рэндолл прицелился. Арбалет уже установили на треноге. Видимость была отличная. Они стояли на холме, возвышающемся над Долиной Битвы.

«Теперь ее будут называть именно так», — подумал Харви и опять нацелил арбалет — мишенью был человек, который находился внизу. Он лежал ничком на земле, связанный, но шевелился.

Рэндолл снова проверил прицел и шагнул в сторону.

— Годится, — произнес и потянул спусковой рычаг.

Стальная тетива прожужжала, замок спускового механизма щелкнул. Вылетела стрела — тонкий стальной прут более ярда длиной, с металлическим оперением.

Стрела пронеслась по пологой траектории и вонзилась в человека. Его руки судорожно дернулись и замерли. Харви и Вагонер не видели его лица. Он, по крайней мере, не кричал.

— Еще один — примерно на сорок ярдов левее, — проговорил Брэд. — Его я беру на себя.

— Спасибо.

Харви отошел в сторону. То, что они делали,

слишком задевало за живое. Винтовка была бы лучше. Или что-нибудь покруче. Стреляя из пулемета, не чувствуешь никакой причастности. Если убьешь человека гранатой, можно убедить себя, что убил не ты, а оружие. Но арбалет приходилось взводить самому. Лично.

Ничего иного не оставалось. Спуститься в долину означало обречь себя на верную гибель. Ночью похолодало, и горчичный газ сконденсировался; кое-где в воздухе еще плавали желтоватые струйки дыма. Никто не мог находиться в долине. Можно было просто оставить в ней раненых врагов — на медленную смерть или убить их. (Благодарение Господу, пострадавших защитников Твердыни удалось вовремя перевезти в тыл, но Харви знал, что Эл приказал бы начать атаку в любом случае.) Тратить винтовочные или пулеметные патроны на то, чтобы прикончить умирающих солдат Братства, они не могли. Арбалетные стрелы можно будет забрать: после первого же ливня или нескольких теплых дней газ рассеется.

Из трупов получится хорошее удобрение. Следующей весной Долина Битвы станет отличным местом для посева. А сейчас здесь завершается бойня.

«Мы победили. Победа».

Рэндолл постарался вызвать в памяти ту окрыляющую радость, которую ощутил накануне, испытанное поутру сознание того, что жив. Он знал, что способен на это. То, чем они сейчас занимались, было ужасной необходимостью. Нельзя оставлять раненых мучиться. Все равно они скоро бы умерли, но гуманнее — убить их, дать легкую смерть.

Но с этого момента с войной покончено. Они могут возродить цивилизацию. Братство выполнило за Твердыню определенную работу — окрестности почти обезлюдели. Значит, то, что уцелело после Падения Молота, теперь принадлежит им. Харви заставлял себя думать только об этом: возможно, через некоторое время они доставят сюда чудесные и полезные находки…

Услышав звон тетивы, он обернулся. Его очередь. Пусть Брэд минуту побудет наедине с самим собой.

Исследование крови было закончено, и Морин отправилась к пострадавшим. Смотреть на них оказалось тяжело — но не настолько, как она предполагала.

Она знала, почему так происходит, но гнала прочь эти мысли.

В госпитале было не слишком страшно: самые тяжелые пациенты уже умерли. А их, вообще, лечили?.. Леонилла, доктор Вальдемар и его жена-психиатр, Рут, понимали, насколько ограничены их возможности — а те, кто наглотался горчичного газа или получил ранение в брюшную полость, были обречены. В Твердыне не было ни антибиотиков, ни профессионального медицинского оборудования… Кроме того, большинство отравленных газом, даже если б их удалось выходить, неминуемо бы ослепли. Может, врачи решили, что смерть людей — наилучший вариант? Спрашивать Морин не хотелось. Она покинула госпиталь.

В мэрии готовились к торжеству, к празднованию победы.

«Мы это, черт дери, заслужили, — сказала себе Морин, — мы можем горевать о погибших, но должны жить дальше. Люди трудились, сражались и умирали ради этой минуты. Ради праздника, означающего завершение бойни. Худшее из того, что принес с собой Молот, позади. Теперь будем все восстанавливать».

Джоанна и Роза Вагонер ликовали: они сумели зажечь лампу.

— Получилось! — вопила Джоанна. — Привет,

Морин! Видите, она заправлена метанолом!

Лампа давала тусклый свет. Ну и что с того? Вдоль стен зала, где тянулись полки с книгами, поставили столы. Дети водружали на них пуншевые чаши. Тутовое вино, действительно превосходное (ну, скорее, не очень скверное), ящик добытой неизвестно кем кока-колы. И еда — в основном рагу. Незачем допытываться о том, какое мясо для него использовалось. Крысы и белки схожи на вкус, как и крольчатина с кошатиной. Овощи присутствовали, но в небольшом количестве. Картошка превратилась в дорогой и редкий деликатес. Зато овса оказалось вдоволь. В Твердыню притащились двое скаутов Гордона Вэнса и принесли тщательно отсортированные мешки с зерном. То, что похуже — для еды, отборные — для будущего посева.

Сьерра от края до края заросла диким овсом.

Национальная кухня шотландцев — сплошные злаки.

Сегодня вечером выяснится, каково на вкус другое шотландское блюдо — рубец с потрохами и приправами…

Морин успела полюбоваться и холлом. Женщины и дети развешивали яркие ткани вместо настенных ковров: украшали помещение всем,

чем угодно, лишь бы создать праздничную атмосферу.

Кабинет мэра находился за дверью — в противоположном конце холла.

Туда Морин и направилась. Там уже собрались ее отец, Харди, Зейц, Джордж и Эйлин Хамнер.

Разговор резко прекратился. Она поздоровалась с Кристофером, и он ответил, но вид у него сделался слегка испуганный, будто при ее появлении он ощутил вину. Или ей просто показалось? Но тишина, воцарившаяся в комнате, не являлась плодом ее воображения.

— Продолжайте, — произнесла Морин.

— Мы тут просто беседовали, — сказал Эл. — Я не уверен, что вам будет интересно нас слушать.

Она рассмеялась:

— Не беспокойтесь. Продолжайте, — повторила она.

«А если, черт побери, вы считаете меня принцессой, то я скоро выясню, что здесь происходит».

— Хорошо… Итак, предмет нашего обсуждения несколько неприятен, — вымолвил Харди.

— Неужели? — Морин села возле отца.

Выглядел он неважно. Она знала, что зиму он не переживет.

Врачи Бетесды говорили сенатору, что он дол-

жен перестать нервничать, но разве в такой ситуации это представлялось возможным?

Она положила ладонь ему на руку, улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

— Скажите Харди, что я буду паинькой, — прошептала Морин.

— Уверена, котенок?

— Да. Я за себя отвечаю.

— Эл, — проговорил Джеллисон.

— Хорошо, сэр. Речь о пленных. Что нам с ними делать?

— В госпитале раненых солдат Братства немного, — заметила Морин. — Я думала, их будет больше…

Харди кивнул.

— Остальные… они… ими занимаются. Тревожиться надо вот о чем: нам сдались сорок один мужчина и шесть женщин. Рассмотрим несколько вариантов, — он принялся загибать пальцы. — Первая позиция. Можно принять их в свою среду как равных…

— Никогда, — прорычал Кристофер.

— Вторая. Пусть будут нашими рабами. Третья. Отпускаем их. Четвертая. Убиваем их.

— Мы их не отпустим! — взвился Джордж. — Они ж опять присоединятся к своей секте! Куда

еще им деваться? А Братство по-прежнему многочисленнее нас. Не забывайте об этом. Отступив миль на десять-пятнадцать, они снова полезли в драку — и сражались очень неплохо. У них еще есть вожаки, грузовики и мортиры… Конечно, мы захватили значительную часть их вооружения, но сами они по-прежнему там. — Мужчина хищно оскалился. — Хотя, готов спорить, к нам они теперь носа не посмеют сунуть — никогда. — Взгляд его затуманился. — Кстати, а рабы нам не помешают…

— Да. — Харди кивнул, соглашаясь. — Судите сами… Приведение в действие насосов компрессора вручную — тогда у нас опять будут холодильники. Токарные станки на мускульной силе. Шлифовка линз. На пленных можно даже пахать. Существует много работ, выполнять которые никому не хочется…

— Но рабство? — запротестовала Морин. — Нет. Это ужасно.

— А что б вы сказали, если бы мы назвали это «приговорить к каторжным работам»? — осведомился Эл. — Намного ли хуже станет их жизнь по сравнению с той, которую они вели в Братстве? Или в тюрьмах до Молота?

— Нет, — заявила молодая женщина. — Я беспо-

коюсь не о *них*. А о *нас*. В кого мы превратимся?

— Тогда казним их и покончим с этим, — буркнул Джордж. — Потому что выпустить их на волю мы, черт побери, не можем! Значит, выхода нет? Ни выпустить их, ни принять к себе, так?

— Почему? — не унималась Морин. — Пусть уходят.

— И они сразу вернутся к людоедам, — сказал Джордж.

— Представляет ли теперь секта такую же опасность, как и раньше? — спросила дочь сенатора.

— Для нас — нет, — ответил Кристофер. — В Твердыню они точно не полезут.

— А к весне, я полагаю, от Братства мало что останется, — добавил Харди. — Они плохо подготовились к зиме. Во всяком случае, тем, кто попал к нам в плен, об этом ничего не известно.

Морин боролась с овладевшим ею чувством.

— Мне страшно, — наконец произнесла она.

— Как же нам поступить? — вопросил Джеллисон. Голос его звучал тихо: он берег силы. — Цивилизациям свойственны те нормы морали и этики, какие они могут себе позволить. Вы сами видите, что в настоящее время у нас и того, и другого совсем немного… Мы не сумеем обеспечить уход за своими ранеными, тем более за чужаками, по-

павшими в плен. Зато мы способны прекратить их страдания. Что мы вправе позволить себе по отношению к ним? Морин права, мы не должны превращаться в варваров, но наши благие стремления не соответствуют нашим возможностям.

Она погладила руку отца.

— Как раз над этим я размышляла еще на прошлой неделе. А если наши возможности ограничены, значит, нам надо делать то, что должно… Но чего мы не смеем делать — это *привыкать ко злу!* Мы обязаны ненавидеть зло, даже если у нас нет выбора.

— Но перед нами стоит конкретная проблема, — перебил Кристофер. — Я голосую за то, чтобы перебить их. Я это сделаю лично.

Морин знала, что он не пригнал в Твердыню ни одного пленного. И он не поймет — никогда. По-своему Джордж — хороший человек. Он поделился всем, что у него было. Он вкалывал в поте лица и не жаловался. И работал не только на себя.

— Нет, — проговорила Морин. — Итак, мы не можем отпустить их на волю. И принять их — в качестве полноправных сограждан. Поэтому, к сожалению, нам остается лишь одно… Пусть трудятся в Твердыне, чтобы мы могли позволить

себе чуточку больше… Но мы не должны называть их рабами, поскольку тогда у нас появится искушение, и мы вообразим себя их хозяевами… Мы вправе принудить их к той или иной работе, но называть их будем военнопленными. И относиться к ним станем соответственно.

Эл поглядел на нее сконфуженно. Он и не подозревал, что она может быть такой напористой. Он перевел взгляд на сенатора, но увидел лишь смертельно усталого человека.

— Ладно, — сказал Харди. — Эйлин, нам надо устроить лагерь для военнопленных.

Окончательное решение

Крестьянин есть существо вечное и независимое от каких бы то ни было культур. Вера настоящего крестьянина древнее христианства, его боги древнее любых богов более развитых религий.

Освальд Шпенглер. Закат Европы

Ко Дню Падения Молота фургон уже не был новым. Но за последние несколько месяцев он совсем состарился. Однако теперь он упрямо катил по бездорожью и вдоль берега недавно возникшего моря.

Он провонял рыбой. Техническое обслуживание стало невозможным, а от непрерывных дождей он насквозь проржавел. Сохранилась лишь одна фара, и полуослепший автомобиль, казалось, знал, что его время практически истекло. Он с ревом ковылял по дороге, а когда он подпрыгивал на сдыхающих рессорах, в бедро Тима вонзалась игла пронзительной боли.

Хуже всего было то, что машиной требовалось управлять. Правая нога не доставала до педа-

ли сцепления. Хамнер задействовал левую, и каждый раз казалось, будто в кость втыкается ледоруб. Но Тим продолжал быстро гнать фургон по изуродованной рытвинами «трассе», отыскивая равновесие между необходимостью ехать быстро и не увязнуть в трясине.

На посту у баррикады стоял Кэл Кристофер, вооруженный автоматом армейского образца. В другой руке он держал бутылку «Олд Федкал». Парень лучился от радости, едва не лопался от важности, и ему хотелось поговорить.

— Хамнер! Привет! — Он просунул бутылку в окно машины. — Выпейте-ка… Эй! Что у вас с лицом?

— Песок, — ответил Тим. — Послушайте, у меня в кузове трое раненых. Может кто-нибудь сменить меня за рулем?

— Да нас здесь только двое… Остальные празднуют. Вы, ребята, одержали победу, да? Мы знаем, что у вас там была драка, и вы расколошматили их…

— Раненые, — повторил Хамнер. — В госпитале кто-нибудь есть?

— Наверное. У нас тут тоже много пострадавших. Но мы победили! Они не ожидали, да, Тим? И это было здорово! Варево дока их попросту угро-

било. Они будут удирать без остановки, пока…

— Они остановились. И, Кэл, у меня нет ни минуты на разговоры.

— Да, верно. Все наши собрались в мэрии, а госпиталь совсем рядом, и вам помогут. Думаю, там нет трезвых, но…

— Баррикада, Кэл. Я не могу помочь вам разобрать ее. Я тоже ранен.

— Ах ты, жалость какая! — Кристофер отодвинул бревно, чтобы фургон проехал.

Стемнело, но ни в одном из домов не горел свет.

Тим не встретил ни души, зато ехать стало легче: рытвины уже засыпали.

Вскоре Хамнер вырулил к мэрии. В каждом окне здания теплилась свеча или керосиновая лампа. Этот свет не слишком впечатлял после ослепительного сияния АЭС, но служил несомненным признаком того, что здесь действительно устроили торжество. Похоже, все не поместились внутри, и потому, несмотря на мелкую снежную крупу, народ высыпал на улицу. Холодный ветер был им нипочем: люди стояли тесными группками и громко смеялись.

Тим затормозил возле бывшего городского санатория.

Он вылез из кабины, и навстречу ему бросились люди. Кто-то ковылял вперевалку. Эйлин. Солнечная улыбка, широкая и знакомая.

— Осторожнее! — закричал Тим, но опоздал.

Жена врезалась в него и крепко обняла, смеясь. А он старался не упасть. Мучительная боль заворочалась в кости.

— Господи! У меня в бедре кусок металла.

Она отскочила от него, как ошпаренная.

— Что случилось? — и увидела его лицо. Улыбка пропала. — *Что с тобой?*

— Снаряд из мортиры. Разорвался прямо перед нами. Мы с радиоаппаратурой находились на верхушке башни охлаждения. Осколки разнесли технику в куски… и полицейского… э… да, его фамилия… Уингейт… а я, Эйлин, стоял как раз между ними. Вот. Но мне повезло… только песок из мешка полетел в лицо и осколок застрял в бедре. У тебя все в порядке?

— Да, конечно. А ты, Тим?.. Ты можешь ходить. Ты жив. Слава богу! — Прежде, чем он сумел перебить, Эйлин продолжила: — Тим, мы выиграли! Мы перебили половину людоедов, а те, кто уцелел, удирают! Джордж гнался за ними пятьдесят миль!

— Они никогда не полезут к нам снова! — хваст-

ливо завопил кто-то.

Хамнера окружили люди. Впрочем, мужчина, выкрикнувший это, был ему незнаком. Судя по виду, индеец. Он сунул Тиму бутылку.

— Последнее ирландское виски на свете!

— Хорошо бы приберечь его для кофе по-ирландски, когда тот появится, — заявил кто-то и расхохотался.

Бутылка была почти пуста. Хамнер не стал пить.

— В кузове раненые! — громко проговорил он. — Нужны те, кто понесет носилки! — И повторил: — Кто понесет носилки. И носилки тоже нужны, кстати.

Кое-кто из празднующих направился к больнице. Славно.

Эйлин нахмурилась — не столько горестно, сколько изумленно. Она продолжала смотреть на мужа, чтобы увериться: он рядом с ней, он жив.

— Мы знаем, что АЭС атаковали, — произнесла она. — Но вы отбили нападение. Никто из наших не убит, не ранен…

— Это была первая атака, — сказал Хамнер. — Потом они напали снова. Сегодня днем.

— Сегодня днем? — недоверчиво переспросил индеец. — Но они бегут. Мы их преследовали.

— Уже не бегут, — возразил Тим.

Эйлин приблизила губы к его уху.

— Морин захочет узнать про Джонни Бейкера.

— Он погиб.

Она потрясенно уставилась на него.

Раненые лежали в кузове, завернутые в одеяла, словно в коконы. Здесь был и Джек Росс.

Подошли мужчины с носилками — да так и замерли, глядя на двух других: пострадавшие оказались чернокожими.

— Полицейские мэра Аллена, — объяснил Тим.

Он хотел помочь, но все, что ему кое-как удалось, — это самому не упасть. Да и то сперва пришлось взять палку, которую вместо костыля вручил ему один из рыболовов Хорри Джексона.

Прихрамывая, он вошел в больницу.

Леонилла распорядилась доставить раненых в жарко натопленную комнату.

В помещении был большой письменный стол, используемый в качестве хирургического. Носилки опустили на пол, и Малик быстро и внимательно осмотрела раненых. Сперва — Джека: она приставила стетоскоп к его груди, нахмурилась, передвинула прибор, подняла руку Росса и сильно надавила на ноготь большого пальца. Тот побелел и остался белым.

Леонилла молча натянула одеяло на лицо мужчины и склонилась над другими носилками.

Полицейский был в сознании.

— Вы слышите меня? — спросила Малик.

— Да. Вы — русская женщина-космонавт?

— Да. Сколько у вас ранений?

— Шесть. Шрапнель. Кишки огнем горят.

Пока Леонилла считала его пульс, Тим покинул комнату. Следом, цепляясь за его руку, шагала Эйлин.

— Ты ранен! Останься в госпитале! — взмолилась она.

— Кровотечения нет. Я могу вернуться. Кто-то должен сказать Джорджу о его зяте. И еще мне кое-что нужно сделать. Нам необходимы подкрепления. Быстро.

Поглядев в лицо жены, он все понял. Здесь не хотели слышать такие известия. Люди сражались, победили, и никому не хотелось узнать, что нужно снова воевать.

— Врача на электростанции нет, — добавил Тим. — Никто не пожелал выковыривать из меня железяку.

— Немедленно возвращайся в операционную, — приказала Эйлин.

— Хорошо, но сперва — полицейские. Им хуже,

чем мне. На АЭС была санитарка, она залила мою рану вакциной и наложила стерильную марлевую повязку. Я пока продержусь. Я хочу переговорить с Харди.

Было трудно заставить мысли не разбегаться: левое бедро горело, как в огне, от боли в голове все путалось. Хамнер позволил Эйлин поддерживать его, пока они переходили через узкую улицу к зданию мэрии.

Черт, их снова окружили.

— Что случилось? — спросил Стив Кокс, управляющий поместьем Джеллисона.

— Не приставайте к нему, он сам все расскажет, — взревел еще кто-то.

А кто-то третий спросил:

— Хамнер, будете пить?

Тим обнаружил, что в его руке до сих пор зажата полупустая бутылка. Он протянул ее спросившему.

— Эй! — крикнул Кокс. — Отдайте ему алкоголь! Ну же, дружище, скажите тост! Мы ведь победили!

— Не могу. Мне нужно увидеться с сенатором. И с Харди. Нам нужна помощь. — Он ощутил, что Эйлин словно одеревенела. Люди терпеть не могут плохие новости. — Новой атаки нам не

выдержать, — признался Тим. — Наши потери слишком велики.

— Нет. Война закончилась, — прошептала жена.

— Это ты решила, что она кончилась.

— Все так считают. — Лицо Эйлин исказилось от страдания.

Это должно было смягчить Хамнера, но должного результат не принесло.

— Никому не хочется идти в бой снова, — произнесла жена.

— Мы и не пойдем! — высоким чистым голосом выкрикнула Джоанна Макферсон. — Мы перебили этих сучьих детей, Тим! — Она пододвинулась и подставила ему плечо, чтобы он мог опереться. — Их осталось слишком мало! Они разбежались, те, кто спасся, никогда не сознаются, что хотя бы слышали о Братстве. И у них ничего не выйдет! Ясно? — Похоже, она уже распробовала вкус крови. — А Марк? Он в порядке? — вдруг спросила она.

— Ага, — лишь теперь Тим начал осознавать, какую гору пытается свернуть. Невыполнимая задача. Но ведь это нужно сделать, они должны понять. И он добавил: — Он здоровее, счастливее и чище, чем любой из вас. На АЭС есть душевые с

горячей водой и стиральные машины.

Может быть, хоть что-то подействует.

В одной из комнаток, примыкающих к конференц-залу мэрии, Деланти защищал свою честь, отбиваясь от Джинджер Доу, которая твердо вознамерилась увести Рика к себе. Ее вдобавок до неприличия забавляло происходящее.

— Знаете, вам вовсе не обязательно жениться на мне.

Он ничего не ответил, и она рассмеялась. Джинджер — крепкая матрона за тридцать. Ее темные волосы были приглажены и мягко блестели. Вероятно, она причесалась в первый раз со дня Падения Молота.

— А если вам понравится, можете ко мне переехать насовсем. А не захотите, так утром уйдете. Остальным плевать. Сами понимаете, здесь не Миссисипи. На тысячу миль в округе вы не отыщете чернокожей женщины, разве что у людоедов.

— Признаюсь, меня слегка пугает такая ситуация, — сказал Рик. — И в общем-то, у меня… траур.

Он бы нервничал меньше, если бы им с Джинджер не приходилось перекрикивать пение, доносившееся из зала. Мелодии у песни, похоже,

не имелось, зато исполняли ее громко.

Ни разу он не сбривал усов
Со своего лица.
И в пьяной драке всегда был готов
Насмерть стоять до конца.

Улыбка Джинджер увяла.

— Все мы горюем по кому-нибудь, Рик. Но мы не должны поддаваться. Гил, мой муж, поехал в Портервилл, на завтрак со своим адвокатом. И я его уже не видела. Бах! — и все. Думаю, оба они остались под рухнувшей плотиной.

Мой любимый идет, снег дробя плечом
Под очень опасным углом.
Но все преграды ему нипочем —
Он нервы связал узлом.

— Сейчас не время скорбеть, — добавила она. — Надо праздновать. — Она надула губы. — Мужчин у нас много. И побольше, чем женщин. И никто никогда не говорил мне, что я уродка.

— Вы не уродка, — согласился Деланти.

Чего она хотела — присоединить к своей коллекции скальп астронавта или скальп черно-кожего? Или это охота на будущего супруга? Он

вдруг понял, что польщен, но воспоминания о доме в Эль-Лаго были слишком свежи.

Рик распахнул дверь в зал.

Крепчает ветер, на землю валя,
Мороз нагоняет страха.
При ста градусах ниже нуля
Мой друг застегнул рубаху.

В здании мэрии размещались также городская библиотека, полицейский участок и тюрьма. Огромное помещение с книжными стеллажами украшали драпировки и картины. Они отчасти поглощали звук, но торжество получалось чертовски шумным.

Деланти нашел Брэда Вагонера в глубине зала.

Мужчина рассматривал что-то, стоящее на полке.

— Откуда здесь стубеновский хрусталь? — поинтересовался Рик. — Его кто-то коллекционирует.

Здоровяк пожал плечами.

— Не знаю. Шикарный кит, верно?

Лоб Вагонера оказался обмотан бинтом. Выглядела повязка внушительно, точь-в-точь из

«Алого знака доблести»[15]. О том, как она появилась, Брэд, впрочем, не распространялся. Швыряя термитную гранату, он переусердствовал, поскользнулся и, упав, покатился вниз по склону. Он уже думал, что попадет в газовое облако, но ему повезло. Сейчас, кстати, он изрядно «отравился», накачавшись бурбоном.

— По крайней мере, теперь нам ничего такого делать не придется, — пробормотал он.

Брэд повторял эту фразу не в первый раз.

Ликование людей, голосящих в зале, было заразительным. Рику захотелось примкнуть к празднующим. Если б только перестать тревожиться о проклятой атомной станции! Как там Джонни? И еще — забыть об Эль-Лаго.

В итоге он решил сходить в госпиталь и кому-нибудь помочь. Там он никому не испортит настроения. Он направился к двери, и одновременно в зале появился Тим, поддерживаемый с двух сторон Эйлин и Джоанной.

За ним следовала галдящая толпа местных.

Рик потолкался к Хамнеру. Уровень шума вырос вдвое. Тим между тем ковылял к дальнему концу конференц-зала, к кабинету мэра. Рик потащился

---

[15] Примечания: 15
Роман американского поэта и прозаика Стивена Крейна.

следом. Несколько голосов громко потребовали тишины, усиливая общий гомон.

Эйлин заметила Деланти, выскользнула из-под руки мужа.

— Я должна вам кое-что сообщить, Рик, — сказала она.

Он мгновенно все понял. Его обдало обморочным холодом.

— Как погиб Джонни? — спросил он.

— Тим сказал, что Бейкер спасал их шкуры. Больше мне ничего не известно.

Рик почувствовал, что у него подкашиваются ноги, но стоял он прямо, не сгибаясь.

— Почему он не согласился взять меня с собой, — произнес он в пустоту. Теперь в мире осталось три астронавта. — Морин в курсе?

— Еще нет. Где она?

— В последний раз я ее видел в кабинете мэра. Она разговаривала с отцом.

— Сенатор, похоже, тоже не обрадуется.

— Я с вами.

Деланти двинулся сквозь толпу, пробивая дорогу Эйлин и ее мужу.

Итак, пришел черед Джонни.

Теперь все, кого он любил, мертвы. Молот уничтожил их.

Рик ощутил безумное желание расхохотаться: рекорд Америки оставался не побитым — ни один американский астронавт не погиб в космосе.

— Почему он спасал их? — вопросил Деланти.

Но Эйлин уже перегнала его и даже не обернулась.

Кто-то передал Тиму бутылку. Шотландский виски. На сей раз он выпил. И ввалился в кабинет мэра. Руководство собралось именно здесь.

Сенатор сидел за письменным столом. Рядом возвышался Харди. Морин, шеф Хартман, Зейц. Счастливые, торжествующие. Хамнеру стало противно. Он понимал, что не прав, что они заслужили праздник, но его горе оказалось слишком велико. Он побрел к столу и с удовольствием увидел, как увяли их улыбки, когда они наконец заметили его хромоту и выражение его лица. Он почувствовал, что ему в спину дышат Эйлин и Деланти, потом дверь закрылась.

— На вас снова напали? — осведомился Эл.

— Да, — Тим покосился на Морин.

Она уже знала. Она все поняла по его лицу. Нет смысла деликатничать.

— Генерал Бейкер мертв. Мы отбили атаку, но еле-еле. У меня есть новости. Плохие… и не очень.

И Тим сосредоточился исключительно на сенаторе. Видеть Морин ему сейчас не хотелось.

— Вы не против, если мистер Хамнер поделиться со всеми остальными? — спросил Эл у Артура.

Джеллисон махнул рукой: дескать, нет, и Харди прошествовал к выходу.

— Начинаем, — произнес он, распахнув дверь настежь.

Он подозвал Стива Кокса и что-то сказал ему на ухо.

Тот сразу подошел к подиуму, который находился у стены, примыкающей к кабинету мэра, и застучал по нему, требуя тишины.

Харди направился к Тиму и повел его обратно в зал — к трибуне.

Множество рук помогло Хамнеру забраться на сцену. Кто-то придвинул кресло к самой двери, чтобы Джеллисон пересел туда и мог все слышать. Возле сенатора, подавшись вперед, вытянулись в струнку мэр и шеф Хартман.

Тим обернулся, но Морин не увидел.

Опершись о трибуну, он посмотрел на сотни обращенных к нему глаз и глотнул скотча. Виски согрело его. В зале сделалось почти тихо. Люди — кроме тех, кто только что вошли и толпились в дверях, — умолкли, а на говоривших шикали. До

Падения Молота Тиму никогда не приходилось выступать перед живой аудиторией. А слушатели были реальны, они находились слишком близко, и он ощущал запах их тел. Джордж Кристофер продирался сквозь толпу, точно ледокол, ни дать ни взять Беовульф, выставляющий напоказ лапу чудовища Гренделя.

Черт побери, у них у *всех* был такой вид. Торжествующий. Они ждали, что он скажет.

— Сперва хорошие новости, — сказал Тим. — Атомная станция до сих пор функционирует. На нас напали. Сегодня днем. Мы отбились, но с трудом. Есть погибшие и раненые. Многие вскоре умрут. Вам известно, что основная часть армии Братства была брошена не на АЭС…

Взрыв смеха и аплодисменты. Хамнер понимал, что иной реакции от людей, выигравших в схватке в Братством, не предвидится, но не смог сдержаться. Его затрясло. Они — дикари! Пьют, танцуют и хвастаются, а тем временем товарищи Тима, мужчины и женщины, ждут смерти.

Когда снова стало тихо, он заговорил со злостью в голосе.

— Генерала Бейкера нет в живых… в отличие от Нового Братства, — заявил он, наблюдая за зрителями.

Гневные и недоверчивые взгляды вперились в него.

– *Сюда* они не полезут! — завопил кто-то.

Послышались возгласы одобрения.

— Дайте ему досказать! Что случилось? — требовательно крикнул Джордж.

В зале воцарилась тишина.

— Они атаковали нас с лодок, — продолжал Тим. — Нападение мы легко отбили. И мы услышали по радио, что у вас началось сражение. Когда вы сообщили о своей победе, мы вообразили, что война закончилась. — Он вцепился в трибуну, вспомнив о радости, которая захлестнула людей на атомной станции «Сан-Хоакин» в те минуты. — Но каннибалы вернулись. На огромном плоту. По периметру — мешки с песком. Мортиры. Они оставались за пределами огневой дистанции всего имеющегося у нас оружия — и разносили нас в клочья. Какой-то снаряд попал в паропровод, по которому шел перегретый пар. Ребята Прайса отремонтировали его, но заплатили слишком дорогую цену. А другой снаряд прикончил Джека Росса.

Вот теперь с физиономии Джорджа Кристофера сползла горделивая улыбка.

— Джек еще жил, когда мы перенесли его из

лодки в фургон. Но, когда мы добрались сюда, он был уже мертв, — говорил Тим. — Один снаряд разорвался прямо передо мной. Он попал в мешки с песком, которые положили на вершине башни, где мы разместили радиоаппаратуру. Снаряд прикончил парня, стоявшего рядом со мной, и разнес технику в щепки. Шрапнельный осколок угодил мне в бедренную кость. Он и сейчас там.

Братство атаковало нас, оставаясь вне зоны досягаемости. Сотрудники Прайса соорудили что-то вроде пушек. Их сделали из обрезков трубы, они приводились в действие сжатым воздухом, но часто промазывали. Мы никак не могли попасть в баржу. А на нас все сыпались проклятые снаряды из мортир. Бейкер отобрал несколько человек, посадил в лодки. Но ничего не получилось. У солдат Братства имелись пулеметы, и наши суденышки не могли подойти достаточно близко к плоту… кроме того, он оказался защищен мешками с песком. Наконец, наш генерал отвел лодки обратно. И высадил ребят на берег.

Хамнер оглянулся и уголком глаза заметил Морин, появившуюся в дверях кабинета. Она стояла за спиной сенатора, положив руку отцу на плечо. Рядом была Эйлин.

— У нас была гоночная лодка, мы ее исполь-

зовали в качестве буксира. «Синди Лу». Джонни сказал Барри: «Я бывший летчик-истребитель. Нас всегда учили, что есть только один способ не промахнуться». Он взял с собой бензин и на полной скорости вывел «Синди Лу» к плоту — и протаранил его… Все загорелось… Но Братство… оно не унималось. Нас опять атаковали, но противник был вынужден войти в зону нашего огня. В результате мы причинили им некоторый ущерб… и они отступили.

— Удрали, — поправил Кристофер. — Они всегда поступают подобным образом.

— Нет, — возразил Тим. — Именно отступили. На одной из их лодок находился какой-то седой псих. Стоял, не скрываясь. Мы стреляли в него, но не попали. Он надрывался, призывая убить всех нас. К нему явно прислушивались. Они так просто не сдадутся.

Тим умолк, чтобы посмотреть, какое впечатление произвели его слова. Недостаточное. Он убил веселье, но увидел на лицах лишь негодование, гнев или печаль. И ничего более.

— Четырнадцать наших погибли — считая Джека. Ранили, наверное, втрое больше… Вряд ли они выкарабкаются. На АЭС есть медсестра и запасы медикаментов, но врача нет. Нам нужен

медик. И второй комплект радиоаппаратуры.

Аудитория не отводила от него глаз. Тим понял, что сейчас скажет. И упрямо продолжил:

— Но в первую очередь нам необходимо подкрепление. Следующей атаки нам не выдержать. Не думаю, что от газовых гранат будет много толка. Нам нужны винтовки. Пригодились бы пулеметы, которые вы захватили у Нового Братства. И, конечно, люди. Почти все работники АЭС заняты — они поддерживают работу станции. И они готовы к нападению. Люди Прайса… — Он искал подходящие слова. Черт, то, что он хотел сказать, прозвучало банально. — Они великолепны. Я видел парня, который вошел в облако *перегретого пара*. Понимаете?.. Он сделала это, чтобы перекрыть клапан… Когда я уезжал, он был еще жив, но везти его сюда не имело смысла.

Другой служащий АЭС сращивал кабели, которые находились под напряжением в *тысячи* вольт. Вокруг рвались снаряды, а он работал — и по кабелям снова пошел ток. Бейкер погиб. Но многие еще живы. Им нужна помощь. И нам — тоже. Я возвращаюсь на АЭС, — вымолвил Тим, не смея обернуться, чтобы взглянуть на жену.

Он почувствовал позади себя какое-то движение. На сцену влез Эл. Харди встал слева и поднял

руку, требуя тишины. Он заговорил, и его голос был голосом опытного оратора, заполнившим весь зал.

— Спасибо, Тим, — изрек он. — Очень убедительная речь. Разумеется, вам хочется вернуться. Но вопрос вот в чем: что мы выиграем? Сколько на атомной электростанции людей? У нас есть лодки, у нас достаточно пищи, мы можем принять к себе всех, кто сейчас на АЭС. Эвакуация не будет особенно трудной, и я уверен, что для такого дела найдутся добровольцы.

Харви успел как раз к началу речи Тима. Он вошел через черный вход, который был в кабинете мэра, и неожиданно для себя обнаружил, что стоит возле Морин. Когда Хамнер рассказал о Бейкере, рука Рэндолла осторожно легла на плечо дочери сенатора.

Молодая женщина не зарыдала, не упала в обморок. Может, она плакала, но беззвучно, но и за это он поручиться не мог. А Харви не хотелось навязывать ей свое присутствие.

Он подумал: сукин ты сын!

Морин держалась лучше, чем Деланти. Чернокожий астронавт, казалось, готов был рвать и метать. И убивать. Что ж, вполне понятно. Двух других коллег Бейкера в зале не оказалось.

Леонилла оперировала раненого в живот полицейского, а Товарищ ассистировал ей.

(В Твердыне русского называли именно так. Генерал Петр Яков стал последним коммунистом на планете и очень гордился данным фактом. Кроме того, прозвище позволяло избежать недоразумений, связанных с произношением его имени.)

Лицо сенатора сделалось пепельно-серым, лежащие на коленях руки сжались в кулаки.

«Ваш главный план рухнул, сэр», — пронеслось у Харви в голове.

И его осенило: один принц погиб, а второй околдован ведьмой.

Кристофер оказался не один. Рядом с ним находилась Мари, единственная женщина в зале, одетая в свитер, юбку, чулки и туфли на каблуках. Еще на ней были неброские украшения. Они с Джорджем стояли не порознь, а вместе, как чета. Если кто-нибудь подходил к Вэнс слишком близко или оглядывал ее маслянистым взором, физиономия Джорджа мрачнела.

Три принца. Одного убили людоеды. Второго опутали чары ведьмы. Третий… враг разбит, и сейчас возле победителя замаячила принцесса. Нужда в умеющих сражаться мужчинах еще не исчезла, но перестала быть критически острой.

Твердыне требовались люди, умеющие создавать, строить — и Рэндолл это умел.

«Я — кронпринц, — подумал он, — сукин сын».

А Тим призывал к новой битве!

Харви, который взводил арбалет накануне, мысленно взмолился: «Заткнись! Заткнись!» Когда Эл предложил эвакуировать работников АЭС в Твердыню, Рэндолл чуть не гикнул от восторга. Кстати, некоторые из присутствующих захлопали и зашумели. Но у Деланти по-прежнему был вид человека, готового убивать, а Тим…

— Мы будет воевать, — говорил он. — Лучше привезите нам на лодках людей, оружие и боеприпасы! И не помогайте нам бежать. Мы не уйдем с атомной станции.

— Будьте благоразумны, — увещевал его Харди раскатистым голосом.

Он говорил с теплотой, дружелюбием, пониманием, в общем, демонстрировал базовый навык политика. Да, парень, прошел хорошую школу. Тим не мог с ним равняться.

— Мы сумеем всех прокормить. Нам нужны инженеры и техники. В войне с Братством мы потеряли наших ребят, но сохранили запасы продовольствия. Мы даже захватили часть вражеских припасов. Еды хватит, чтобы хорошо

питаться в течение зимы! Повторяю, мы прокормим всех, в том числе и уцелевших людей Дика Уилсона — женщин, детей и горстку мужчин. Неприятель практически разбит. — Эл примолк, пережидая взрыв аплодисментов, и в ту самую минуту, когда они смолкли, продолжил: — Сейчас Братство ослаблено, и людоеды не осмелятся нас атаковать. К весне немногие выжившие из них умрут с голода…

— Или сожрут друг друга! — выкрикнул кто-то.

— Верно, — улыбнулся Харди. — И тогда мы завладеем их территорией. Тим, послушайте, у нас не только нет необходимости гнать прочь своих друзей — мы нуждаемся в работниках, способных обрабатывать землю, ту, что уже есть, и ту, которая позже станет нашей. Я не имел в виду, что ваши товарищи должны бежать. Твердыня примет их как гостей, как друзей, как новых сограждан. Все согласны?

Раздались громкие возгласы.

— Да, черт возьми! Точно!

Хамнер протянул к толпе руки ладонями вперед. Он шатался, на его глаза навертывались слезы.

— Как вы не понимаете! Атомная станция! Нельзя оставлять ее без присмотра! Если мы не

будем сражаться, Новое Братство ее уничтожит!

— Ого, — пробормотал Харви и почувствовал, как напряглась Морин. — Хватит с меня войн, — добавил он. — Эл прав.

Он взглянул на дочь сенатора в поисках одобрения, но та ответила ему пустым взглядом.

Кристофер расхохотался. Голос Джорджа, как и голос Харди, разнесся по залу:

— Они уже ни на кого не нападут! — проорал мужчина. — Сперва мы потрепали их. Потом — вы. Они будут драпать без остановки до самого Лос-Анджелеса! С какой стати нам беспокоиться из-за них? Мы гнали ублюдков добрых пятьдесят миль!

Толпа загудела. Морин отодвинулась от Рэндолла и выпрямилась во весь рост.

Когда она заговорила, ее голос не разносился по залу, как у профессионального оратора вроде Харди, но в нем звучали такие нотки, что в помещении воцарилась тишина. — У них по-прежнему есть оружие, — начала она. — И, Тим, вы упомянули, что их вожаки еще живы…

— По меньшей мере, один из них, — кивнул Хамнер. — Безумный проповедник.

— Значит, кто-то из них обязательно попытается уничтожить АЭС, — произнесла Морин. — Пока

он жив, он не уймется. — Она обернулась к Харди. — Эл, вы и сами это знаете. Вы слышали рассказ Хьюго Бека.

— Да, — подтвердил тот. — Но мы неспособны защитить станцию. И я снова приглашаю всех, кто захочет, переселиться сюда. К нам.

— Теперь Братство не представляет для нас никакой опасности, — заявил Джордж. — Они сюда не вернутся.

— Но они… — вымолвил Харди и осекся, когда Джеллисон взмахнул рукой. — Да, сэр. Хотите подняться сюда, сенатор?

— Нет, — Артур встал. — Давайте заканчивать дискуссию — проговорил он глухо — то ли от спиртного, то ли от смертельной усталости (все были в курсе, что с некоторых пор сенатор не пил). — Итак, мы нанесли Братству непоправимый урон, а значит, людоеды не будут нападать на нашу долину. Но их вожаки уцелели, и они могут снова собрать армию, чтобы разгромить АЭС. И дело не в том, что они сильны, а в том, что атомная электростанция уязвима.

Хамнер ухватился за аргумент сенатора. Он перебил Артура, но ему было на это наплевать. Он понимал, что надо говорить осторожно и взвешенно, но чересчур вымотался, а осознание

того, что АЭС требуется срочная помощь, только подливало масла в огонь.

— Да! Она уязвима. Как этот кит. — Он показал на полку. — Как последний в мире образец стубеновского хрусталя. Если станция остановится хоть на день…

— Мы вас поняли, — оборвал его Харди. — Сэр, вы хотите сказать еще что-нибудь? — спросил он у сенатора.

Джеллисон качнул массивной головой.

— Обдумайте все как следует. Тщательно. Это, возможно, будет самое важное решение, какое нам доводилось принимать… после того самого дня. — Он тяжело сел. — Продолжайте, пожалуйста.

Эл обеспокоенно поглядел на босса, после чего подозвал женщину, которая находилась поблизости. Склонился к ней и что-то тихо проговорил.

Она поспешно покинула зал, а Харди снова начал вещать:

— Да, АЭС, прекрасна и уязвима. Но вряд ли она будет полезная для крестьянской общины…

— Не очень полезна?! — взорвался Тим. — Энергия! Чистая одежда! Освещение…

— Излишние роскошества! — рявкнул Харди. — Стоят ли они наших жизней? Мы теперь

— сельская община. Все висит на волоске. Считаные недели назад мы гадали, удастся ли нам пережить зиму. Теперь мы можем сказать, что да. Несколько дней назад мы спрашивали себя, сумеем ли мы дать людоедам отпор. И вот мы победили! Сейчас мы вполне благополучны, нам предстоит много работать, и мы не собираемся снова приносить людские жизни в жертву ненужной войне! — Он взглянул на Кристофера. — Ваше мнение, Джордж? Никто из нас не бежал с поля боя. Но надо ли бежать на новую бойню?

— Я считаю, ни к чему, — ответил Кристофер. — Свою битву мы уже выиграли.

Послышались возгласы одобрения. Харви шагнул вперед с намерением поддержать Харди. Надоело. Больше никаких арбалетов…

Морин, стоявшая совсем близко, взяла его за руку и с мольбой посмотрела на Рэндолла.

— Не позволяй им сделать это, — прошептала она. — Заставь их понять. — Она отстранилась и нагнулась к отцу. — Папа! Скажи им. Мы обязаны… сражаться. Спасти АЭС.

— Зачем? — удивился Джеллисон. — Разве мы мало воевали? Впрочем, неважно. Я не могу приказать им. Они не пойдут.

— Если ты велишь, пойдут.

Артур не ответил. Морин повернулась к Харви, но он пожал плечами.

— Слушай Эла.

— Просто послать подкрепление недостаточно, Тим, — гнул свое Харди. — Мы с шефом Хартманом, сенатором и мэром уже обсуждали эту проблему. Мы не забыли о вас! Цена чрезмерно высока. Вы же сказали, что АЭС слишком уязвима. Мало поставить там гарнизон и пополнять его ряды. Нельзя допускать, чтобы хоть один снаряд из мортир Братства попал в нужную точку. Вот если б тот работник электростанции не перекрыл паровой клапан, разве это не означало бы уничтожения АЭС?

— Да, нам пришел бы конец. Поэтому двадцатилетний парнишка пожертвовал собой, и его обварило паром. И генерал Бейкер тоже сделал свой выбор.

— Как вы не понимаете? — воскликнул Эл. — Если мы пошлем подкрепление, никакого толка не будет. Допустим, найдутся добровольцы. Я дам им еду и боеприпасы…

Лицо Хамнера просветлело, но лишь на мгновение.

— …но они не спасут АЭС. Надо бросить туда все наши силы, всех до единого, чтобы не защищать

электростанцию, а атаковать Братство. Преследовать их, драться с ними, стереть их с лица земли. Захватить их оружие. А затем расставить патрули вдоль берега. Не позволять врагу подходить к АЭС ближе чем на милю. Судите сами, Тим, на что вы нас обрекаете.

— Но…

— Патрули. Шпионы. Оккупационная армия, — не унимался Харди. — И все для того, чтобы не дать свихнувшемуся фанатику нанести удар по какому-либо критически важному узлу АЭС и вывести ее из строя на сутки. Задача состоит именно в этом. Так?

— Да, — согласился Тим. — Но если мир и спокойствие продолжатся хотя бы несколько недель, Прайс успеет ввести в действие «Вторую очередь». И в таком случае, пока идет ремонт на одном блоке, другой будет функционировать.

Собравшиеся в зале протрезвели, поскольку последние бутылки спиртного закончились, как и запасы кофе. Люди шушукались, переговаривались между собой, спорили. Рэндолл понимал, что мнения как будто разделились, но многие не поддерживали Хамнера.

«А как же иначе, — подумал Харви, — хватит с нас войн».

Он посмотрел на дочь сенатора. Та плакала. Из-за Бейкера? Астронавт сделал свой выбор, но, будь воля Морин, она наверняка не дала бы ему погибнуть вот так…

Молодая женщина взглянула на Харви.

— Скажи им… Заставь их понять.

— Я и сам ничего не понимаю, — признался он.

— Цивилизации присущи те этические нормы, какие она может себе позволить, — объяснила Морин. — Наши возможности невелики. Мы не можем себе позволить проявлять к врагам милосердие… ты знаешь, о чем я.

Харви передернуло.

Вошла Малик, тоже с черного ход, через кабинет мэра.

— Мне сообщили, что я вам нужна, — обратилась она к сенатору.

— Кто вам это сказал? — осведомился Джеллисон.

— Мистер Харди.

— Я в порядке. Возвращайтесь в госпиталь.

— Сейчас на дежурстве доктор Вальдемар. У меня есть свободная минутка, — ответила Леонилла, внимательно наблюдая за Артуром профессиональным и озабоченным взором.

— Мы должны подсчитать, во что нам это

обойдется, — тем временем произнес Эл. — Вы просите, чтобы мы рискнули. Сейчас у нас есть гарантия того, что мы выживем. Мы спаслись. Последняя битва позади, мы сражались и победили. Электричество не стоит того, чтобы мы распрощались со всеми нашими достижениями.

От усталости и боли Тим пошатнулся.

— Мы не уйдем с АЭС, — твердил он. — Мы будем драться, — добавил он с безнадежностью.

— Сделай хоть что-нибудь, Харви, — прошипела Морин и снова вцепилась в руку Рэндолла.

— Скажи сама.

— Я не могу. Но ты теперь герой. Твоя группа сдерживала солдат Братства…

— У тебя здесь высокое положение, — возразил он.

— Давай скажем им вместе, — попросила она. — Поговорим с ними. Оба.

«Ну и предложеньице, — подумал Харви, — чего она завелась? Из-за станции? Из-за Джонни? Или ревнует Кристофера к Мари?» Но каковы бы ни были ее побуждения, она только что предложила ему, Рэндоллу, возглавить Твердыню — и во взгляде женщины ясно читалось, что второго шанса не будет.

— Мы выкурили их с занятой ими террито-

рии, — произнес Эл. — Дик этого сделать не смог…

— А мы смогли бы! — завопил Тим. — Вы их разбили! И мы сможем захватить и удержать за собой их землю!

Харди серьезно кивнул.

— Верно. Но сперва надо занять ее… и нечего надеяться на волшебное оружие. При атаке от газовых бомб и гранат особого проку нет. Мы потеряем наших людей. Во сколько жизней вы оцениваете ваше электричество?

— Если б у меня в операционной вчера ночью было нормальное освещение, я бы спасла на десять человек больше. — Голос Леониллы Малик услышали только те, кто находился поблизости.

Морин ринулась к подиуму.

Харви помедлил и тоже двинулся следом. И что он скажет?

«Нужно снова вставлять ленты в пулеметы! Вива ля республик! За короля и отечество! Долг, честь, Родина! Помни Аламо! Свобода, равенство, братство!»

Пожалуй, никто никогда не шел в бой с лозунгом: «Высокий жизненный уровень!» Или: «Горячий душ и электробритвы!»

«А как насчет меня? Обратного хода уже не бу-

дет. Если Новое Братство нападет на АЭС — у них будет новый плот с мортирами, — мне придется первым лезть в лодку, первым идти в атаку и стать первым, кого разнесет снарядом на куски. Что такое я мог бы прокричать, что заставило бы меня согласиться на это?»

Он вспомнил бой: грохот, одиночество, страх. Стыд, охватывающий тебя при бегстве. Ужас, если ты не удрал. В какие-то моменты — да, приходилось отступать и улепетывать, но затем опять возвращаться.

Рационально мыслящая армия *непременно* обратилась бы в бегство…

Харви взял Морин за руку, удерживая.

Она обернулась, и ее взгляд был полон… тревоги. И сочувствия. Она заговорила негромко и уверенно.

— Все мы должны делать свое дело. И это правильно. Разве ты не понимаешь?

Они опоздали. Эл уже закончил свою речь. Толпа начала рассасываться, до Харви донеслись обрывки разговоров.

— Черт возьми, не знаю. Но абсолютно уверен, что драться не хочу.

— Проклятие, из-за АЭС погиб Бейкер! Разве это ничего не значит?

— Я устал, Сью. Может, домой?

Прежде чем Харди успел спуститься с подиума, вперед протолкался Деланти.

— Сенатор говорил, нам предстоит принять важное решение, — вымолвил он. — Давайте обсудим его, не откладывая. Сейчас.

Харви с облегчением увидел, что Рик чуть-чуть успокоился. Но настроен он был весьма решительно.

— Давайте поговорим о том, каковы наши перспективы.

— Мне казалось, что все уже сказано, но я вас слушаю, — ответил Эл.

Улыбка Деланти была деланой, хитрой.

— Сегодня мы празднуем, но алкоголь закончился, и завтра нам опять надо таскать камни. Так что побеседуем без обиняков. По-вашему, мы переживем зиму?

— Да.

— Но без кофе..

Харди нахмурился.

— Да.

— А что у нас с одеждой? Ледники наступают. Разве нам помогут наши лохмотья? Сумеем мы добыть что-нибудь из затопленных магазинов?

— Пластик — вероятно. Но с этим можно

подождать, ведь Новое Братство уже нас не опередит. — Странно, но на сей раз никто не зааплодировал. — Почти всю одежду нам придется шить самим. Или настрелять. Будем носить шкуры, — Харди улыбнулся.

— Транспорт? Легковые автомобили и фургоны исчезают с лица земли. Буквально вымирают как бесплодные животные… Не придется ли нам съесть своих лошадей?

Эл взъерошил волосы.

— Нет. Мне кажется, некоторое время — нет… Нет. Лошади размножаются медленно, но грузовики прослужат нам долго…

— Что еще у нас закончилось? Пенициллин?

— Да…

— Аспирин? И спиртное. И никаких обезболивающих.

— Вот с самогоном проблем не будет!

— Итак. Переживем зиму, а потом следующую, а затем и ту, что за ней, — Рик сделал паузу, но прежде чем Харди успел раскрыть рот, загремел: — Превратимся в заправских фермеров из прошлого! У нас сегодня состоялась кое-какая церемония. Ребенку, поймавшему за неделю максимальное количество крыс, выдавали награду. Вот здорово, да! Наши дети вырастут крысоловами

и свинопасами. Почетная работа. Необходимая! Никто ею не брезгает. Но… разве нам не хочется надеяться на что-то лучшее?! А еще мы вводим рабство, — продолжал Деланти. — Не потому, что у нас возникло такое спонтанное желание. А потому что рабы необходимы. *Это нам-то, укротителям молний!*

Рэндоллу как будто дали пощечину. Слова Рика причинили ему почти физическую боль. Он увидел, что и остальных тряхнуло. Люди застыли, не в силах покинуть конференц-зал.

— Конечно, можно ютиться здесь! — выкрикнул Деланти. — Зачем вылезать из норы? Тут мы в безопасности, пусть наши детишки подрастают, гоняя свиней на выпас и собирая дерьмо. В Твердыне многим по праву можно гордиться: дела-то у нас действительно обстоят гораздо лучше, чем у остальных… но разве этого достаточно? Неужели мы удовлетворимся такой примитивной жизнью. А еще мы обрекаем других на погибель… Все рассказывают, как им жаль отказывать пришельцам, но все равно отсылают их обратно в большой мир. Что ж, сейчас у нас появилась возможность показать себя. Мы способны превратить проклятую долину Сан-Хоакин в такое же безопасное место, как наша Твердыня.

Или выбрать другой путь. Будем сидеть как суслики. Но если мы затаимся сейчас и не станем бороться, ситуация повторится опять. А через пятьдесят лет наши потомки, услышав гром, залезут под кровать! Так всегда прятались от великих богов грома. Крестьяне-то всегда верили в грозных карающих богов.

И комета. Мы-то знаем, что она собой представляет. Случись Падение Молота на десять лет позже, мы смогли бы столкнуть это скопище булыжников с нашей орбиты! Я бывший астронавт и смирился с тем, что уже никогда не полечу, но у ваших детей есть шанс снова выйти в космос! Дайте нам атомную электростанцию, и через некоторое время мы построим ракету! Мы пока еще ничего не забыли, нужна только энергия, а источник у нас под рукой, в каких-то пятидесяти милях отсюда — если нам хватит духу спасти его. Подумайте! У вас есть выбор. Можно стать славными суеверными ребятами, сельскими жителями, живущими без тревог. Или вновь завоевать Вселенную. И укротить молнии.

Рик сделал паузу — но не такую долгую, чтобы кто-нибудь успел высказаться.

— Я отправляюсь на АЭС, — произнес он. — Леонилла?

— Конечно. — Малик подошла к подиуму.

— Я тоже! — крикнул с дальнего конца зала Товарищ, генерал Яков. — Укрощать молнии!

— Ну! — Харви шлепнул Морин по заду и ринулся к возвышению.

Момент упускать нельзя. Решение было простым — теперь он знал, что скажет людям.

— Отряд Рэндолла?!

— Да! — заорал кто-то.

Рядом с Харви встала Морин, и к ним уже проталкивался какой-то ранчер, и Тим Хамнер, и мэр Зейц. Мари с Джорджем яростно спорили. Хорошо! Вэнс входила в отряд Рэндолла, а не в группу Кристофера. Значит, он тоже присоединится.

Эл замер, недоумевая. Ему хотелось возразить — но решимость, светившаяся в глазах Морин, заставляла его замолчать.

«Он еще может остановить их, — подумал Харви, — от него потребуется лишь чуть-чуть надавить. Раз все согласны, дать задний ход будет нелегко, однако в эту минуту такое еще возможно. А можно подтолкнуть наш фургон с оркестром вперед — да так, что он покатится на полной скорости. От Харди многое зависит».

Эл теперь смотрел мимо Морин, на сенатора. Старик привстал с кресла, задыхаясь, разевая рот,

и рухнул обратно. Леонилла кинулась к Джеллисону, но он жестом остановил ее и кивком подозвал своего помощника.

— Эл, — просипел он.

Малик принесла с собой медицинский саквояж. Она открыла его, выхватила шприц и, преодолев слабое сопротивление Артура, рывком расстегнула ему куртку и рубашку. Быстро протерла тампоном грудь пожилого мужчины и воткнула иглу прямо в грудь возле сердца. Харди бешено прорвался сквозь толпу, упал на колени возле задыхающегося сенатора. Джеллисон бился и корчился, пытаясь схватиться за грудь, но его держали за руки шеф Хартман и еще кто-то.

Глаза сенатора остановились на Харди.

— Эл…

— Слушаю, сэр, — отозвался тот придушенно, почти неслышно, и наклонился к боссу.

— Верните моим потомкам молнии, — четко проговорил Артур.

Его голос разнесся по всему залу, и на миг глаза Джеллисона ярко вспыхнули. Но он тотчас обмяк, и окружающие услышали лишь тихий, сразу же оборвавшийся шепот:

— Верните им молнии.

Эпилог

Земля – слишком маленькая и хрупкая корзина, чтобы человечество складывало в нее все яйца.

Роберт Э. Хайнлайн

На вершине пологого холма стоял Хамнер. Он переступил с ноги на ногу, и в его нагрудном кармане хрустнула бумага.

На длинном откосе внизу кипела деятельность. Лошади тащили бороны, взрывая твердую почву, а на соседних полях вели глубокую вспашку трактора, работающие на метаноле. На черные комья падали мириады белых снежинок.

Обогащенная горчичным газом и трупами солдат Нового Братства, эта земля даст обильный урожай.

По дороге с негромким жужжанием ехали три электромобиля. Такая же машина стояла перед Тимом — садись и поезжай. Пора было возвращаться обратно, однако Хамнер задержался еще на пару мгновений, наслаждаясь солнцем и ясным голубым весенним небом. День выдался великолепный.

Перед ним расстилалось море Сан-Хоакин. Правда, значительная его часть уже превратилась в обширное болото. Прямо «по курсу» виднелся островок с лагерем для военнопленных — для тех, кто не пожелал уйти в вечное изгнание и предпочел возделывать землю. Ведомство Якова. Его прозвали Товарищем… и он не отказался от идеи коммунизма. Но марксистская теория утверждала, что история в своем развитии должна проходить определенные стадии, от рабовладельческого строя к феодализму, а затем и к капитализму — долина к настоящему моменту едва ли миновала этап рабовладельческого общества. Еще долго здесь не будет никаких предпосылок для социализма. В общем, Товарищу покамест приходилось заниматься перевоспитанием подопечных.

Тим пожал плечами. Яков и Хукер поддерживали в лагере порядок, ребята выращивали собственный урожай, а если кто-нибудь из них сбегал, никого это не волновало.

Слева, далеко на юге над атомной станцией поднимались белые султаны пара. В бинокль можно было различить бригады рабочих, тянущих линию электропередачи. Еще две недели, и Твердыня получит электричество. Хамнер по-

пытался представить, на что будет похожа новая жизнь, но это давалось ему с трудом. Зима оказалась тяжелой. Малыш Эйлин и Тима чуть не умер и находился в больнице. Детская смертность превышала пятьдесят процентов, но сейчас ситуация наладилась. Записи дока стали бесценны. А когда будут найдены книги, оставленные астрофизиком в Туджанге, обитатели долины узнают, как получать пенициллин.

Записи Форрестера. Вот в чем заключалась задача Хамнера — расшифровать аудиозаписи дока, которые тот наговорил перед смертью в диктофон.

Может, люди бы успели изготовить инсулин, если бы их силы не ушли на защиту АЭС, и, разумеется, Дэн был в курсе. Зима стоила жизни и волшебнику, и многим другим.

А вот узнать, что твой друг остался в живых, всегда было приятно. Тим похлопал себя по карману.

Прошлое иногда дает тебе подзатыльник.

Бам! Половина кометы! Обсерватория Китт-Пик подтвердила его открытие.

Хамнер яростно тряхнул головой и посмеялся над собой. Подумаешь — сморщенный от дождя клочок бумаги, который вчера доставил ему поч-

тальон Ньюкомб: долговая расписка на двести пятьдесят тысяч долларов.

Гарри Стиммз уцелел! Что теперь предложить ему в обмен на расписку? Работенку на атомной станции? Парень наверняка отличный механик, а служащие АЭС — в долгу перед Тимом.

Но если устроить Стиммза туда не удастся… что тогда делать? Подарить ему тельную корову? Хорошая скотина может стоить как раз четвертак. Тим уставился в небо, очень довольный собой.

Небо пересекала тонкая белая линия. Кончик ее продвигался вперед. Хамнер ничего не понимал. Не может быть…

Закричать, поднять тревогу! Но как же эта штуковина называлась прежде?!

— Ин… инверсионный след! Реактивный самолет!

В Твердыню поступили кое-какие сообщения из Колорадо-Спрингс. Часть воздушного флота уцелела.

Когда Харви и Морин вернутся из поездки в Туджангу, им придется заключить соглашение с Колорадо-Спрингс. Но хотя они услышали по радио о самолетах, совсем другое дело — увидеть инверсионный след, пересекающий небосвод.

Тим и забыл, какое это прекрасное зрелище.

Он приветственно помахал самолету.

— Вы можете летать, — произнес он, и с каждым словом голос его становился увереннее. — Зато мы укротили молнии.

Астероид явился порождением крутившегося в космической пустоте чудовищного вихря. Железно-никелевая глыба неправильной формы с каменными вкраплениями, длина наибольшей оси — три мили. На Земле никто не увидел, как мастодонт, проходя мимо Юпитера, был выбит со своей траектории и выброшен в межзвездное пространство.

Это случилось во время второго его прохождения по длинной, почти эллиптической орбите. Железная поверхность астероида покрылась льдинами: он прошел верхнюю точку кривой и начал возвращение к Солнцу.

Путь ему преградила гигантская черная планета. Кольцо ее, состоящее из снеговых кометных глыбин, сияло в свете звезд, широкое и прекрасное. Инфракрасный свет пронизывал бурную поверхность кольца с ее полосами и завихрениями.

Черная планета оказалась единственной крупной, значительной массой, и астероид свернул. С растущей скоростью он полетел на сближение с ней.

Льды, покрывающие железную поверхность, начали таять в инфракрасном излучении. Планета росла, увеличиваясь в размерах.

Со скоростью двадцать миль в секунду астероид пропорол плоскость кольца. От соударений его поверхность покрылась мерцающими кратерами и вмятинами: теперь он уменьшался. Собственное, пусть и небольшое, гравитационное поле астероида притянуло к нему осколки ледяных масс кольца. Они, словно свита, летели как впереди него, так и следом за ним, выстроившись в определенном порядке, и походили на изогнутые «рукава» спиральной галактики.

Астероид в сопровождении десятка комет вырвался из поля тяготения черного гиганта и начал долгое падение в вихрь.